

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

Кайсса и Вотан

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

Каисса
и
Вотан

ИЕРУСАЛИМ-МОСКВА

2009

ББК 63.3 (0)

Д 10

Савелий Дудаков
Каисса и Вотан. 2009. – 420 с.
Savely Dudakov
Kaissa and Votan. 2009. – 420 p.

Редактор Евгений Минин

Evgarm

Верной спутнице и постоянному шахматному партнеру
Инне Иосифовне Дудаковой
посвящаю

ISBN 978-5-98575-356-1

Дизайн обложки
Vitali Minin - UnAtomic studios
www.unAtomic.com

©All rights reserved to Savely Dudakov
Jerusalem 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа, перед вами книга иерусалимского историка и шахматного мастера Савелия Дудакова, в которой автор решился изложить свой взгляд на шахматную историю в ракурсе влияния на нее евреев.

Именно, «решился», ибо тема эта практически необъятная. И все же, мне кажется, ему многое удалось. Более того, изобилие такого интересного и поистине познавательного материала о шахматах и шахматистах мне не доводилось встречать ни в одной из книг по исторической шахматной тематике.

Не требует особых доказательств тот факт, что вклад евреев в развитие шахмат значительно выше, нежели это сделано людьми других национальностей. Поэтому Дудаков отнюдь не выпячивает эту аксиому в качестве главной идеи своего труда. Он искренне симпатизирует шахматистам еврейского происхождения, но в то же время не подвергает сомнению шахматную гениальность неевреев Капабланки, Алехина, Чигорина. Впрочем, читателю предстоит познакомиться с четко обоснованными предположениями Дудакова о еврейских корнях в родословных основоположника российской отечественной шахматной школы Михаила Ивановича Чигорина и одного из главных организаторов зарождающегося советского шахматного движения Александра Федоровича Ильина-Женевского. Отправным пунктом к литературным портретам выдающихся шахматистов – евреев автор выбрал антисемитские статьи чемпиона мира Александра Алехина, опубликованные в 1941 году на страницах оккупационной немецкой газеты «*Pariser Zeitung*», выходившей в то время в Париже. Здесь у меня есть определенные расхождения с его мнением о стопроцентном авторстве Алехина. Мне кажется, что эти статьи все же были скорректированы фашистскими идеологами. Тем не менее, не могу не признать, что на фоне **якобы** (пусть это слово и спорно) алехинского бичевания еврейских шахматных колоссов их образы, нарисованные Дудаковым, обретают некое дополнительное обаяние и безусловную привлекательность. Статьи же Алехина ассоциируются по своей грязи и домыслам с «Протоколами сионских мудрецов».

Любовь к шахматной игре или серьезная заинтересованность ею всегда были свойственны личностям, достигшим вершин в других областях человеческой деятельности.

Это, например, – вице-канцлер России при Петре I П.П. Шафиров, создатель Советского государства В.И. Ленин, выдающийся русский писатель М.Ю. Левидов, банкирская семья Ротшильдов, доктор экономических наук, занимавший высокую должность (несвязанную с расправами над невинными людьми) в аппарате КГБ СССР Б.С. Вайнштейн. О каждом из них можно подробно прочесть на страницах этой книги и не только прочесть, но и узнать кое-что неожиданное для себя... Много внимания уделено автором знаменитому российскому журналисту начала XX века М.О. Меньшикову, к сожалению, яростному антисемиту, но, как ни странно, восхищавшемуся еврейскими шахматными умами. Его журналистское творчество, касающееся шахматного искусства, представлено Дудаковым ярко, интересно и, как мне кажется, с подтекстной связью с советскими временами, когда еврейское шахматное превосходство весьма беспокоило властные структуры.

Среди известных шахматистов было немало пагнувших за границы своего искусства и продемонстрировавших свою незаурядность вне шахмат. Трудно не заметить особого восхищения автора книги личностью С.Г. Тартаковера. Мало кому известно, что этот популярнейший в первой половине XX века французский гроссмейстер, помимо своих замечательных и на редкость остроумных шахматных произведений – нескольких книг и множества журналистских творений, был блистательным переводчиком на русский язык стихов европейских поэтов. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть только стихотворение немецкого поэта И. Ланга «Караван тоски» в переводе Тартаковера. И хотя эта грань таланта гроссмейстера не касается шахмат, Дудаков приводит в этой книге и «Караван тоски», и несколько стихов самого Тартаковера, что, на мой взгляд, придает книге дополнительный литературный аромат.

В книге читатель найдет убедительные доказательства внешахматных достижений Игнаца Колиша (одного из сильнейших шахматистов середины XIX века), Эмануила Ласкера, Якоба Мизеса, Ройбна Файна, Михаила Ботвинника и других известных шахматистов.

Казалось бы, шахматное искусство – далекая от антисемитизма область человеческой деятельности. На самом же деле буквально каждый великий шахматист еврейского происхождения в какой-то мере, а порой и в весьма значительной, ощущал на себе тяжесть

этого отвратительного явления. Бороться с антисемитизмом бесполезно, ибо хронические болезни, как известно, не лечатся. Дудаков таким «лечением» и не занимается. Он просто убедительно констатирует проявление антисемитских тенденций в шахматном мире, показывая на примерах их гнилую суть. Каждый разумный человек (в том числе и нееврей), прочтя эту книгу, сможет убедиться, что без евреев шахматное искусство в значительной степени потеряло бы свое очарование.

В книге встречается немало повторов, то есть возврат автора к теме или к образу, упоминавшихся ранее. Это специфика литературного стиля Дудакова, замеченная мною и в других его книгах, но отнюдь не снижающая интереса к затронутой теме. Повторы Дудакова – это расширенное повторение уже сказанного, благодаря чему такие гении шахмат, как Ласкер, Рубинштейн и уникальный Тартаковер, как бы, сопровождают читателя по многим страницам книги.

История шахмат и еврейского в ней участия, разумеется, продолжается. Почему же автор завершает свою книгу, ограничившись фактически 60-ми годами XX века? Такого вопроса Дудакову я не задавал. Потому изложу свою версию.

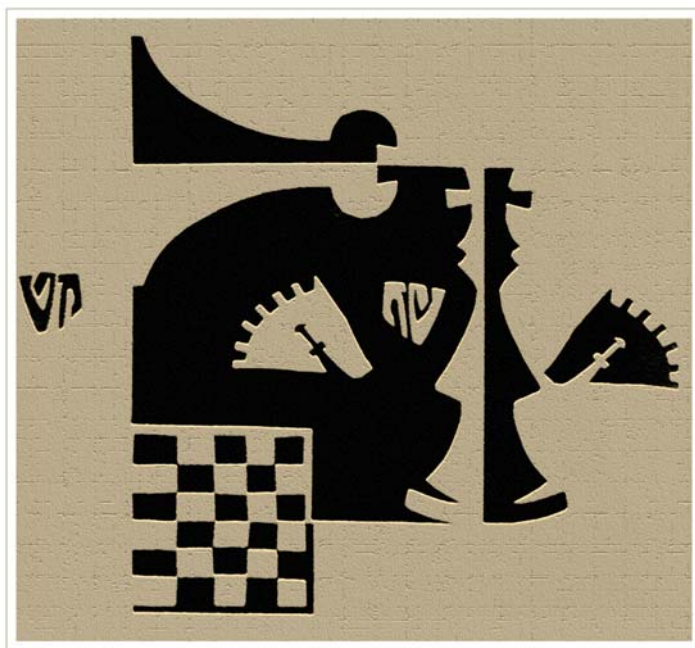
В 1972 году сплоченная советская шахматная империя была лишена самого главного символа своего могущества – мировой шахматной короны. Столь, казалось бы, невозможное действие совершил одиночка и ярко выраженный индивидуалист, американский еврей Роберт Джеймс Фишер. После этого события в шахматной истории начались новые времена, изобилующие большим количеством изменений, касающихся цикла розыгрыша первенства мира, контроля времени на обдумывание ходов, колоссального влияния электронной техники на качество подготовки к шахматным поединкам, девальвации гроссмейстерских званий и т. п. Иными словами, существенно изменившееся отношение современного общества к шахматному искусству, множество возникших в этой связи мнений и проблем – новая совершенно самостоятельная и необъятная тема...

И.А. Каган.

Мастер по шахматам и журналист

КАИССА – богиня – покровительница шахмат, иначе «шахматная муза». Имя Каисса – плод фантазии английского ориенталиста **У. Джонса/1746-1794/**, исследователя древнейшей формы шахмат – чатуранги.

ВОТАН – древнегерманское верховное божество, соответствующее скандинавскому **Одину**. Бог войны и мрака. **Нацисты** возобновили поклонение языческому культу силы в противовес прогнившей иудео-христианской гуманности.

Инверсия. Шахматы (черный квадрат)
Виталий Минин

КАИССА И ВОТАН

«Шахматный столик стоит в кабинете,
В партию Стейница впился отец...»

Григорий Шенгели

Шахматы – самая сложная интеллектуальная игра, которая в процессе своего развития настолько обогатилась элементами научного мышления и вместе с тем художественного творчества, что в настоящее время значительно переросла первоначальное значение игры.

Возникновение шахмат окутано легендами и сказочными преданиями. Считается доказанным, что родиной шахмат была Индия. Новейшие исследования полагают, что время изобретения игры было не ранее, чем в третьем веке новой эры. По-видимому, в VI веке шахматы проникли в Персию, которую в 638 году завоевали арабы. Историк шахмат Мориц Штейншнейдер (1816–1907) утверждал, что они попали в Персию позже, во времена первых Аббасидов (вторая половина VIII века).

Еврейские торговые фактории, расположенные на всем протяжении известного тогда мира, с Запада на Восток, от Атлантического океана до Индии, возможно до Китая, и с Севера на Юг, от Балтийского моря до Абиссинии и Южной Аравии – играли выдающуюся роль распространителей культуры, значение которых трудно переоценить. Нет сомнения в том, что и при участии факторий шахматы появились на Ближнем Востоке и в Европе. Между прочим, человечество обязано евреям заимствованием не только шахмат, но и десятичной системы счета. Так называемые «арабские цифры» появились в Европе благодаря еврею Якубу бен Тарику.¹ В связи с культурной ролью евреев, может быть, небезынтересно процитировать слова выдающегося немецкого экономиста, социолога и философа Вернера Зомбарта (1863–1941), писавшего: «Точно Солнце шествует Израиль по Европе: куда приходит Он, там пробуждается новая жизнь, откуда Он уходит, там засыхает все, что до сих пор цело».² На территорию Восточной Европы шахматы проникли через Хазарский каганат. Не надо иметь слишком большую фантазию, чтобы указать на различие двух сильнейших фигур шахмат: короля и ферзя, соответствующих положению кагана и бека в Хазарии. Каган имел сакральную власть, бек – реальную. Станный отголосок прошлого можно увидеть в следующих стихах, относящихся к последнему царю Николаю II и его супруге:

«Все, что видишь сейчас, – не к добру,
Это в шахматах часто бывает.

Королева ведет всю игру,
А король – просто мат получает».³

Первым известным еврейским шахматистом был перешедший в ислам Али сын рабби Саула из Табаристана, учитель врача ар-Рази, живший в IX веке. Удивительно – он рекомендовал шахматную игру в качестве целебного средства для развития интеллекта слабоумных.⁴ Между учеником и учителем состоялся матч. Победителем стал ар-Рази.

В самом начале X века, в царствование халифа Муктафи (902–908 г.г.) выдвинулся Абу Бакр Мухаммед бен Яхья ас-Сули (умер в Басре в 946 г.), возможно еврейского происхождения, считавшийся сильнейшим мастером своего времени. Еще долго после его смерти бытовала поговорка: «Он играет в шахматы, как ас-Сули».⁵ *(Имя Бен-Яхья встречается как у евреев, так и у арабов. Для примера сошлюсь на великого еврейского ученого Моше Маймонида (1135–1204), в арабской традиции Абу Амрам Муса бен Абдаллах.)*

Первым европейцем, упомянувшим в своем труде шахматы, был Раши (1040–1105) знаменитый французский раввин, величайший средневековый библейский экзегет и толкователь Талмуда. После Раши о шахматах упоминал Моше Сфаради (1062–1106), родившийся в Испании, крестившийся в возрасте 44 лет (в день смерти) и более известный под именем Петрус Альфонси. В своей книге «Disciplina clericalis», иначе именуемой «Руководство для духовенства», он включил шахматное искусство в семь рекомендуемых рыцарству наук. *(Петрус Альфонси оказал огромное влияние на развитие европейской новеллы. Его сказки неоднократно переводились на французский, итальянский и немецкий языки. Несмотря на название, некоторые сказки носят «несколько» фривольный характер. По профессии он был ученым медиком при дворе короля Альфонса Кастильского и, как сказано в одном исследовании, был первым министром королевства. Как всякий отступник, он был воинствующим идеологом. В двенадцати диалогах – диспутах между Моисеем и Петром, доказывается превосходство христианства над «старой верой». Придуманый им литературный прием не устарел: в конце выясняется, что оба героя – одно лицо! Интересный был человек... Прошло 800 лет и его имя всплыло у великого американского поэта Лонгфелло в «Рассказах придорожной гостиницы». Один из героев повествования «Еврей из Аликанте», высокообразованный патриарх, видевший в своей жизни Восток и Запад, человек изучавший мудрость иудейских книг: Талмуда, Торы, Каббалы, был осведомлен о нашем шахматисте: «Он наизусть прекрасно знал и то, что Пьер Альфонс писал».)*

Знаменитый еврейский философ Моисей Маймонид запрещал играть в шахматы на деньги, и это указывало на распространение игры среди евреев в то время.

К XIII веку шахматы были известны в большинстве европейских стран. В то время игра в шахматы довольно часто запрещалась церковными властями. Парижский Собор 1200 года запретил шахматы, а затем Людовик IX подтвердил это запрещение. Тем удивительнее, что в то же время книга «Сефер Хасидим» активно рекомендовала шахматы. Её автор – знаменитый мистик, моралист и литургист Иуда Благочестивый (умер в 1217).

Некоторые средневековые легенды повествуют о том, как римский папа играет в шахматы с рабби Симоном, который в ужасе узнает в римском первосвященнике своего пропавшего сына, благодаря одному ходу, которому он в свое время обучил его. Легенда имеет историческое основание: речь идёт о раввине из Майнца Симоне Хагадоле, жившем в начале XI века. *(Вероятно, в сказании допущен анахронизм: «еврейский папа» Анаклет II, занимал папский престол с 1130 по 1138 год и по рождению принадлежал к богатой еврейской семье Леоне, принявшей христианство и породнившейся с королевскими дворами Западной Европы).*

В XII веке было написано поэтическое произведение на еврейском языке, воспевающее шахматы. Оно приписывалось знаменитому поэту Ибн-Эзре Аврааму бен-Меиру (1092/1093–1167). Вот перевод начала стихотворения:

«Я хочу воспеть вам битву
Старины седой забытой,
Что вели два полководца,
Умудренные годами,
На поляне в восемь клеток...»

Ещё одно поэтическое произведение на эту тему написано в XV веке Ибн-Ехия. Каждый из них написал историю шахмат и включил в нее песню, в которой даются правила игры.⁵ Интересно и то, что в том же XV веке, некий Bonsenior, описывает шахматную игру в виде битвы. Необыкновенно интересны древнееврейские названия фигур: король – меллах, королева – шагал. Кони назывались сусим (лошади) или парашим (всадники). Слоны – пилим, туры – руким, пешки – геборим (герои)! В XVI веке Иегуда (Лео) из Модены (1571–1648) написал в стихотворной форме учебник шахматной игры на иврите, как пособие для обучения своих детей (Маадан Мелех). Правила игры, рекомендуемые в ней, близки к современным правилам: превращение пешки в любую фигуру, положение королевы в начале партии на клетке её цвета и т.д.

К XVIII веку рассказы о евреях-шахматистах проникли в фольклор других народов. Так, мы находим рассказ о том, как в Польше времен Станислава – Августа сильнейшим шахматистом, защитившим честь Польши, был некий варшавский еврей, который сумел одолеть непобедимого англичанина. Ставкой в игре были пуговицы камзола. Англичанин теряет пуговицу за пуговицей и с позором покидает дворец короля. Конечно, король и пан Трембицкий, герой сказания, щедро награждают спасителя «ойчизны».⁶

Страстным любителем игры был философ Моисей Мендельсон – Моше бен Менахем (1729–1786), неоднократно игравший со знаменитым писателем Эфраимом Лессингом. Лессингу приписывается выражение о том, что шахматы слишком серьёзны для игры и слишком игра, чтобы быть серьёзным делом. Высказывание, подобное этому, приписывалось и Мишелю Монтеню (1533–1592). Напомним, что и французский мыслитель был еврейского происхождения.

В начале XIX века сильнейшим шахматистом Берлина считался некий Давид Гилель. К сожалению, мы не знаем его биографию. О нем упоминает французский шахматист Александр-Луи Дешапель, посетивший Берлин в 1806 и в 1807 годах. В это время Давида не было в городе. (См.: *Н.И. Греков «История шахматных состязаний», М., 1937, с.8*)

Шахматы в Россию проникли при посредничестве, как указано выше, Хазарского каганата. Этой точки зрения придерживались историки Д.И. Саргин и И.Т. Савенков. Я.И. Нейштадт, комментируя обе книги, писал: «Как известно, местом встречи русских и арабских купцов был город Итиль. Вполне возможно, что здесь в столице хазар, славяне могли впервые увидеть игру в шахматы и заинтересоваться ею».⁷

Одним из первых известных евреев-шахматистов в России был вице-канцлер Петр Павлович Шафиров, неоднократно игравший с Петром I. Существует предание о золотой табакерке, подаренной царем Шафирову и проигранной им вице-канцлером графу Апраксину, за что Петр учинил нагоняй проигравшему. Зная придворную изворотливость Петра Павловича, мы не можем судить о его силе.⁸ Сильнейшим шахматистом России конца XVIII и начала XIX в.в. был генерал-майор, писатель и драматург А.Д. Копьев (1768–1846), дальний родственник Шафирова по линии жены, Анны Степановны (Самуиловны), урожденной еврейке Копьевой. Алексей Дмитриевич Копьев является героем шахматного рассказа советского писателя, который писал: «Копьев был не только драматургом, чьи пьесы пользовались большим успехом у столичного зрителя, но и

слыл первым шахматистом Петербурга».⁹ Звание сильнейшего в 1809 году у него отнял в матче совсем юный А.Д. Петров.

Описывается случай, где рассказывается о том, что к императору Павлу I привели «государственного преступника», которому государь предложил сыграть в шахматы. Тот с легкостью выиграл у императора три партии подряд. «Да ты прекрасно играешь, воскликнул император, даже меня обыграл. Кутайсов! Немедленно освободи его! Такой прекрасный шахматный игрок не может быть преступником!» Вероятнее всего этим «преступником» был Копьев, прославившийся своими многочисленными «проказами».¹⁰

Другим сильным шахматистом в России, судя по обширной переписке с И.В. Киреевским, был земской врач из Орла доктор Л. Гутцейт. Во время учебы в Дерптском университете Гутцейт играл, едва ли не ежедневно, с мастером Альфредом Кизерицким и писал по этому поводу: «... я, в самом деле, не совсем дурно играл, так что мы с Кизерицким были равных сил...».¹¹ К тому же Гутцейт чрезвычайно много занимался шахматными анализами и игрой по переписке.

В начале XIX века в ряды сильных шахматистов выдвинулся раввин Аарон Александр (1766–1850) – автор первой шахматной энциклопедии (1825). Более подробно о нем сказано в главе «Шахматисты-евреи». К этому можно добавить, что среди многочисленных дебютов, названных или по странам, где они возникли: Итальянская, Русская, Шотландская партии, Венгерская защита, и т.д., или по именам знаменитых шахматистов имеются несколько дебютов, названных именами евреев-шахматистов – например, дебют Рети, защита Нимцовича, т.д. Здесь уместно добавить, что на карте шахматных дебютов вообще много еврейских имен, например, защита Каро-Канн, исследованная в 1886 году двумя еврейскими мастерами Горацио Каро (1862–1920) и Маркусом Канном. Каро родился в Нью-Кастле на Тине (Newcastle-on-Tyne), проживал во Франкуфурте, а умер в Лондоне. Канн – венский шахматист второй половины XIX века. Но справедливо добавить, что впервые в международную практику эту защиту ввел Ш. Винавер еще 1883 году. Интересно: один из дебютов носит ивритское наименование. Это защита Бенони, введенная в теорию и практику Аароном Рейнгаумом (1825 г.). «Бенони» с древнееврейского языка переводится как «сын моей печали» (Ben-Oni – «Son of Sadness»).

Отметим книгу В. Шлезингера (W. Shlesinger), вышедшую в самом начале XIX века «Beitrag zum Unterricht im Schachspiel». (Pressburg, 1804)

В Петербурге в 1824-1833 годах евреем Бендиксом (Bendix) была издана книга «Recueil de Parties d'Echec...» в двух частях на французском языке. (*Сборник шахматных партий и окончаний с объяснительными примечаниями, раскрывающими секреты игры и искусство совершенной игры*).

Зильбершмидт, Гирш (H. Silberschmidt) – немецкий шахматист последней четверти XVIII века и первой половины XIX века. Он был осужден по политическому процессу, и просидел в брауншвейгской тюрьме 15 лет, в течение которых глубоко изучил теорию дебютов, а затем издал в 1826 в Брауншвейге книгу «Die neuentdeckten Geheimnisse im Geiete des Schachspiels», переизданную в 1829 под заглавием «Das Gambit, oder Angriff und Verteidigung gegen Gambitzuge», и, наконец, вышедшую в 1845 в совершенно переработанном виде под названием «Lehrbuch des Schachspiels». В Германии же вышло издание E. Öttinger M. «Bibliotheca Shahiludii», Лейпциг, 1844.

Одним из самых первых поэтических произведений в России на шахматную тему была поэма, написанная на иврите – «Гакраб» («Битва», 1840). Автор поэмы – Яков Моисеевич Эйхенбаум (1796–1861) – дедушка известного литературоведа Бориса Михайловича Эйхенбаума. Поэма была переведена на русский язык Осипом Рабиновичем в 1847 году и издана в Одессе с параллельным текстом на иврите, а позже была переведена и на английский, французский, немецкий и др. европейские языки. Успех поэмы был полный. Только на русском языке она выдержала пять изданий. В начале XX века в одном из шахматных журналов был помещен рассказ «Гакраб. Элегия в прозе», где были воспроизведены звучные стихи:

«В стране поэзии, цветов.
Где блещет солнце золотое,
Где неба щедрого даров
Повсюду море разлитое...
.....
Там в той стране, в вечерний час...
.....
Сошлись два доблестных врага:
Один Хебер, другой – Кара...»¹²

Древнееврейские слова: Гакраб (битва), Хебер (бледный), в данном случае – белые и Кара (*вероятно по-тюркски – черные*) приведены в тексте без сносок и нигде не объясняется их смысл.

Добавим, что возрождение языка иврит коснулось и шахмат: в Вильно в 1880 году вышло шахматное руководство на иврите Иосифа Лейба Зосница или Сосница (1837–1910). По этому пособию учился Акиба Рувишштейн.

Через более чем тысячелетнюю историю шахмат проходят вереницей еврейские имена. Количество евреев-шахматистов, оставивших неизгладимый след в истории шахмат, столь велико, что шахматы практически превратились в любимую еврейскую игру.

Здесь мы касаемся проблемы талантливости евреев. Известный ученый Вернер Зомбарт писал: «Говоря о “евреях”, я имею в виду лиц, принадлежащих к народу, исповедующему закон Моисея... Мне не нужно подчеркивать, что при таком определении данного понятия... евреем остается и тот, кто выходит из еврейской религиозной общины. Евреями остаются и потомки его, поскольку простирается действие исторического воспоминания».¹³ Я тоже придерживаюсь аналогичной точки зрения.

Во времена краткосрочного расцвета советской евгеники в двадцатые годы выходил сборник «Вопросы биологии и патологии евреев». В одном из номеров была опубликована статья Вениамина Исааковича Бинштока (1865 – год смерти неизвестен), врача и публициста, под вызывающим названием «К вопросу об одаренности евреев (некоторые статистические материалы)». Опирается он на высказывание литературного критика Д.Н. Овсяннико-Куликовского: «Факт существования национальных отличий не подлежит сомнению, как и то, что эти отличия принадлежат исключительно к области психической... Если есть в этом вопросе что-либо бесспорное, так это только то положение, что и в состав национальной психики, прежде всего и по преимуществу, входят черты умственного (*интеллектуального*) порядка. Это бросается в глаза, – и когда речь идет о национальном укладе того или другого народа, мы, прежде всего, обращаем внимание на психологию его *мышления и умственного творчества* и стараемся себе уяснить его особенности по произведениям мыслителей, ученых и поэтов».¹⁴

Иными словами, как пишет Биншток, «нет ничего английского в законах, открытых Ньютоном, как и нет ничего еврейского в законах Эйнштейна, но пути мышления, которые привели того и другого к сделанным обобщениям, были различны, но национальны».¹⁵

Первый шахматный учебник на иврите, изданный в России.

Таблица, приложенная к статье, равно как и некоторые вычисления и сравнения, позволили автору выявить пятьсот человек, евреев, более или менее выдающихся, на один миллион населения, что говорит о том, что «евреи поставляют выдающихся людей больше, чем англичане». Биншток утверждает, что как бесспорна творческая сила евреев в музыке, так она велика и в шахматах, где поражает не только количеством, но и качеством. В списке, приведенном Бинштоком, далеко неполном, насчитываются 20 имен.

Михаил Чигорин

Как ни далеки шахматы от реальной жизни, но и их коснулся антисемитизм. Антисемитизм в шахматах есть лишь частность антисемитизма в культуре и, в конечном счете, антисемитизма в обществе. Антисемитизм в шахматах, в том числе и в России, имеет давнюю историю.

Вильгельм Стейниц, подобно рабби Иегуде Лива, создал «Голема», имя которого – Михаил Чигорин. Стейниц боролся с «Големом» и победил его. Можно лишь догадываться по каким причинам был вызван на матч мало кому известный шахматист. По рекомендации варшавского еврея Шимона Винавера, познакомившегося с русским чемпионом в Петербурге, Чигорин участвовал в Берлинском международном турнире 1881 года, где разделил третье-четвертое места с Винавером.

Вильгельм Стейниц

Средний успех (он отстал от победителя на 3,5 очка), но это было для новичка достижением. На турнире в Вене в 1882 году, где состав участников был значительно сильнее, Чигорин потерпел фиаско: среди восемнадцати участников он разделил 12-13 места (победителями стали разделившие первые два места В. Стейниц и Ш. Винавер). В Лондонском международном турнире 1883 года Чигорин занял четвертое место, но, увы, результат был катастрофически ниже, чем у победителей.

От Цукерторта Чигорина отделяло шесть (!) очков, от Стейница – три (!).¹⁶ Еще хуже обстояли дела с матчами. Единственный международный матч Чигорин сыграл в Париже в 1883 году на обратном пути из Лондона против старого французского мас-

тера Арну де Ривьера, в свою очередь игравшего с Морфи, другом которого он был 25 лет тому назад. Чигорин с трудом выиграл: +5, – 4, =1. Причем в эти годы Арну де Ривьер уже давно потерял шахматную силу. К месту рассказать одну историю. Много лет тому назад В. Стейниц с трудом выиграл матч у английского мастера Генри Берда. Сдавая последнюю партию, Берд выразил уверенность, что Пол Морфи без труда одолел бы Стейница. Что сказал Чигорину де Ривьер – история умалчивает. Спустя 20 лет за свой проигрыш Чигорину престарелый председатель турнира в Монте-Карло «отомстил», изгнав его из участников, по настоянию князя Дадиана Мингрельского!¹⁷ Среди «личных врагов» Арну де Ривьера числились и два еврея: Исидор Гунсберг и Давид Яновский. В турнир вместо Чигорина был приглашен некий полковник Моро, добившийся своеобразного мирового рекорда в международных соревнованиях: 0 очков из 26 партий! Но при этом Ф. Маршалл получил первый приз за красоту, выиграв партию у самого «сильного игрока» – достопочтенного полковника (!?).

Современники Стейница и Чигорина должны были сравнивать силы шахматистов «эмпирически». Так в английском журнале «Вестминстер пейперс» 1-го марта 1876 года была помещена, возможно, первая шахматная карикатура. Её герой Вильгельм Стейниц. Публикация сопровождалась статьей, вот отрывок из нее:

«Достижения наших шахматных мастеров запечатлены сонмом писателей, имена этих мастеров обессмертены в летописях игры, но донныне никто не пытался привлечь на помощь искусство портретиста, чтобы познакомить шахматный мир с их чертами. Но, если шахматный мир когда-либо испытывал то, что называют «давно ощущаемым пробелом», отмечаемый нами пробел лежит на нашей совести и должен быть незамедлительно восполнен... Кто не скажет нам спасибо за выразительный портрет **великого чешского шахматиста**, сопровождающий наш нынешний номер».

В. Стейниц. *Карикатура*

«Шахматы являлись в прошлом и являются в настоящем профессией Стейница, и он отдался им настолько пылко, что пренебрег большей частью разделов классического образования, придающих, как принято считать, лоск светскому общению.

От того-то Стейниц находится на положении отверженного, кроме, как за шахматной доской, и в людной шахматной комнате его можно часто видеть стоящим одиноко в стороне «человека, преданного меланхолии». **Великий талант Стейница как шахматиста неоспорим**, но он слишком предается самоутверждению. Взобравшись на пьедестал, сооруженный собственным самомнением, Стейниц полагает, что единственной пешки в руке достаточно, чтобы снести все перед ним...» (*цит. по публикации И. Романова «Первая карикатура?» – БЦШК, М., 1970, №8, с.9*). К этому Исаак Залманович Романов добавляет: «Неизвестно, чья рука выводила эти строки. Но за ними встает человеческая пустыня, в которой приходилось жить и творить Стейницу, стена отчуждения, непонимания, недоброжелательства, отделявшая его от современников». Но ясно, что шахматная сила Стейница не подлежала сомнению. Еще в 1886 году в «The European Correspondent» была опубликована статья некоего Т. Тильтона под названием «Le Cafe de La Regence».

Статья произвела впечатление и была перепечатана многими органами шахматной печати. Рассказывая о знаменитом кафе, прославленного именами Филидора, Робеспьера, Наполеона и др., автор считал, что именно в этом шахматном Эльдорадо складывается общественное мнение: «В кафе «Режанс», как на бирже людей толпа, и убеждения их различны, но... там создаются ходячие мнения. **Так, все признают, что Стейниц самый сильный из всех живущих игроков. Все согласны, что он первый игрок не вследствие лишь одного того, что он завоевал себе этот титул победой, но потому, что он действительно сильнее всех**». Автор задает естественный вопрос о будущем. Долго ли удержит звание Стейниц? Он ведь уже не молод, лучшие годы позади. И самое интересное, и в противоречие тому, что я писал о Чигорине выше, общественное мнение преемником старого чемпиона называло молодого Михаила Чигорина.¹⁸ **Почти нет сомнений, что эта мысль высказывалась самим Стейницем, протежирующему русскому чемпиону.**

Современная система Эло, соотнесенная к поединкам шахматистов прошлого, показывает, что Чигорин не входил даже в первую десятку сильнейших шахматистов мира. Лишь после матча со Стейницем и дележа первого-второго места с Максом Вейсом (евреем) на Нью-Йоркском турнире 1889 года Чигорин переместился на третье-четвертое место в мировой иерархии. (*Первый – Стейниц, второй – Гунсберг*). Мы видим, что шахматный талант Чигорина вывел из небытия Стейниц. Почему он к этому стремился? На подобный вопрос чрезвы-

чайно трудно ответить. Повторимся – Стейниц, подобно своему земляку рабби Иехуде Лива бен Бецалелю из Праги, создал из небытия Голема. Создал и боролся с ним и победил. Невероятная аналогия, если бы она не подтверждалась фактами, вплоть до бунта «робота».

Смехотворно звучит утверждение советского мастера и известного шахматного автора В.Н. Панова, мягко говоря, не отличавшегося к евреям особыми симпатиями, что «Стейниц морально обязан был встретиться в матче на мировое первенство с Чигориным».¹⁹ Смехотворно потому, что Стейниц, приглашая русского маэстро играть матч, обошел, по крайней мере, десяток западных мастеров, причем с частью из них чемпион имел отрицательный счет. Например, Стейниц не стремился играть с бароном Игнацем Колишом (евреем), внезапно умершим в 1889 году. Или с тем же Винавером, обошедшим Стейница в Париже в 1867 году и разделившим с ним первое-второе места в Венском турнире 1882 года, а также блестяще сыгравшим вничью матч за первый приз, и к тому же взявшим первый приз в Нюрнберге в 1883 году.

Плохой счет у Стейница был с немецким мастером Густавом Рихардом Людвигом Нейманом (1838–1882). Тот обогнал Стейница в турнире в Данди в 1867 году. Тогда же в Париже Нейман взял 1,5 очка из двух у Стейница, а также в 1870 году победил первого призера Баден-Баденского турнира Андерсена в двух партиях, и вновь набрал 1,5 из 2-х против второго призера Стейница. Нейман выиграл короткий матч у Ш. Винавера +3, –0; выиграл матч у Ш. Розенталя +12, –2, =8. Нейман был сильным шахматистом, теоретиком и автором популярного учебника. Стейниц не стремился сравнить с ним счет. А объяснение, которое дал Стейниц своему поступку, ровно ничего не объясняет. Стейниц говорил о стиле молодого Чигорина, восхищался его комбинационным, ярким, энергичным стилем. Упомянул о своих встречах с ним и о своем отрицательном балансе +1, –3. Последнее обстоятельство тоже не может быть принято в расчет. Так у Ботвинника был катастрофический счет с Федором Богатырчуком – мастером иной весовой категории. Конечно, Стейниц не только создал себе соперника, но и дал возможность Чигорину пройти в матче самую хорошую школу мастерства. Мастер Панов, объясняя причины поражения Чигорина в первом матче со Стейницем, договаривается до того, что называет Михаила Ивановича «пожилым» человеком. Я не поверил своим глазам. Небольшой математический анализ показывает, что Чигорин находился в цветущем возрасте – ему было 39 лет, а Стейниц же был на 14 лет его старше. Кто здесь пожилой, а кто молодой – пусть решает читатель.²⁰

Объяснение проигрыша Чигорина Стейницу было одним современником объяснено проще. Так как это свидетельство редкое, приведем его полностью: «В ту же эпоху началось и увлечение шахматами. Современным светилам-шахматистам, представителям этой чудной игры, я позволю себе сказать, что я знал лично тогдашнего короля шахматистов Чигорина, видел его игру, видел, как он «в слепую», т.е. не глядя на доску, из соседней комнаты, из 20 партий выиграл 18 и две закончил вничью. Чигорина приглашали в московские дома, очень им увлекались и были огорчены, когда не менее гениальный американец Стейниц обыграл его в Америке. **Тогда в Новом Свете еще не действовал «трезвый закон». Чигорину он был ненужен.** Он был алкоголик, и потому победа Стейница была облегчена пороком нашего шахматиста».²¹

Надо добавить, что оба матча с Чигориным пришлось на тяжелое время в жизни Стейница. В 1888 году умерла его дочь Флора, а в 1892 после долгой и тяжелой болезни – жена Каролина. Но он сам неоднократно повторял, что «шахматный мастер имеет не больше права быть больным, чем генерал на поле битвы». В данном конкретном случае личные причины не должны браться в расчет. Есть еще одна сторона характера чемпиона мира, обычно обходимая молчанием: открытость Стейница и полное отсутствие лицемерия. Он не страшился играть с любым человеком, что его выгодно отличает от других чемпионов. **Более того, давая своим молодым соперникам возрастную фору – Блекберну и Цукерторту не столь большую – всего 4-5 лет, но Чигорину уже 14, Гунсбергу – 18, а Ласкеру целых 32 года!** Но и этого мало – он давал своим соперникам фору, играя подозрительные дебюты, и каждый из его противников этим пользовался. Стейниц был упрям в отстаивании своих взглядов, твердо веря в защищаемость стесненных позиций, не имеющих слабостей, он принимал жертвы пешек в сомнительных дебютах, надеясь отстоять свой принцип. Так, играя против Исидора Гунсберга, Стейниц осведомился у своего соперника, ожидает ли Гунсберг, что он будет играть свою защиту в гамбите Эванса. Гунсберг ответил утвердительно, указав, что общественное мнение ожидает этого.²²

И Стейниц сыграл четыре партии, две из них благополучно проиграв. Чигорин не был исключением. Даже с этой стороны аналогия с Големом поразительна. Если мы посмотрим на отношения Стейница с Чигориным, то увидим, что они всегда были не только дружеские, но более того – отеческие. На склоне своих лет, получив уведомление о победе Чигорина в Будапеште и играя матч-реванш с Ласкером в Москве, он счел своим долгом направить Чигорину послание:

«10 ноября 1896 г., Москва.

Мой дорогой друг и глубокоуважаемый коллега!

Примите мои сердечнейшие поздравления по поводу Вашей почетной победы в Будапеште. Ценители нашего благородного искусства будут искренне рады тому, что победил представитель России, которая сделала большой вклад в развитие шахмат, что является результатом Вашего гения и авторитета.

Разрешите заверить Вас, что из всех известных мне шахматных мастро я желаю в дальнейшем наибольших успехов Вам.

С дружеским приветом, Ваш В.Стейниц».²³

Шимон Авраамович Винавер в свое время убедил Стейница помочь Чигорину с тем, чтобы вырвать того из тенет нищеты. Винавер убедил организаторов турниров пригласить неведомого им шахматиста. Винавер познакомил Чигорина со Стейницем, и Чигорин очаровал чемпиона мира. Стейниц сделал все для того, чтобы Чигорин вошел в большой мир шахмат. Мы выскажем догадку, которую невозможно проверить, не находясь в России. Чигорин привлек внимание к себе необычностью своей судьбы. И, конечно, об этой неординарности знал Винавер, а через него узнал Стейниц. Отсылаем читателей к одной статье, где эта проблема подробно рассмотрена.²⁴

В дополнении к необычному поведению Стейница, укажем на следующие факты. Стейниц решительно отверг притязания Джеймса Мэзона играть матч на первенство мира под предлогом, что у американца недостаточные турнирные успехи и неблагоприятный счет с чемпионом мира. Если сравнить послужной список Мэзона и Чигорина, то они просто несопоставимы. Мэзон к 1889 году был несколько раз призером в международных соревнованиях (Вена, 1882 г. – третье место, позади Стейница и Винавера; Нюрнберг, 1883 г. – третье место, позади Винавера и Блекбэрна) и победы в матчах с Г. Бердом и Дж. Блекбэрном. Счет личных встреч со Стейницем плохой, но против Чигорина к 1889 году подавляющий: +4, –1. Вообще турнирные встречи можно не принимать в расчет. Так против Цукеторта в турнирах Стейниц набрал три очка из шести. Все предвещало жестокую борьбу, но по сути её не было: в двух матчах счет был такой, что не вызывал сомнений: Стейниц одержал 17 побед и потерпел 6 поражений. Получив формальный вызов на мировое первенство от молодого Эмануила Ласкера, **welt-мейстер** Стейниц высказал пожелание, чтобы претендент показал себя в международном турнире. И это несмотря на многочисленные матчи, выигранные Ласкером, например у Блекберна (+6, –0, =4), Берда (+7, –2, =3) и (+5, –0, =0!) и т.д.

Пришлось Ласкеру «показать» себя и в турнирах – на Нью-Йоркском международном в 1893 году он набрал 13 очков из 13 возможных! Аналогичных условий Стейниц не ставил перед Чигориным. Михаил Иванович задним числом рассчитался за аванс. *(Одновременно в Нью-Йоркском международном турнире, будущий чемпион принял участие в конкурсе по решению задач. Была предложена весьма сложная задача знаменитого проблемиста Самуила Ллойда. Решить задачу следовало по диаграмме, иначе говоря, не передвигая фигур, предоставив в письменном виде все варианты. Ласкер решил первым – за 35 минут, вторым был Г. Пильсбери – 40 минут, третьим У. Поллок – 45 минут).*

Еврея Стейница Чигорин уважал, но к евреям особой симпатии не испытывал. Благодарность Чигорина не имела границ: призванный из неизвестности, он отблагодарил евреев-шахматистов таким образом: в царской России 28 января 1891 года был принят устав нового «Санкт-Петербургского Шахматного собрания»,²⁵ зарегистрированный в министерстве внутренних дел, где в члены общества не допускались «лица нехристианского вероисповедания». Вероятно, имелись в виду многочисленные буддисты, мусульмане и язычники, населяющие столицу империи! Это было в духе Александра III. Реакционная пресса во главе с суворинским «Новым временем» восхваляла создание столь патриотического общества во главе с М.И. Чигориным. Зато журнал «Шахматное обозрение» (редактор и издатель Д.И. Саргин) выступил «резко против М. Чигорина именно в его походе (так в тексте. – С. Д.) против С.З. Алапина и Стейница, как евреев, находя, что в *Шахматах* (курсив Д.И. Саргина) все равны». Ряд других газет и журналов высказывались в либеральном духе: «шахматная игра должна быть выше политики». Другие издания прямо писали, что «новым уставом в общество сильно затруднен доступ евреям...» или иронизировали по поводу моментальной перемены шахматных декораций на Петербургской Мойке, подчеркивая, что одна из целей этого Tour de Force заключается в изгнании из шахматного общества евреев. «Шашечница» (журнал) скорбит об изгнании евреев...²⁶ «Шашечница» сделала перепечатку из киевского журнала «По морю и по суше» следующего содержания: «Шахматная игра должна быть выше политики, людских страстей и их предрассудков. Она должна давать своим адептам возможность отдохнуть от дрызг и мелочей житейских; в этом весь смысл, все значения ея. Шахматная игра, дающая высшее умственное наслаждение, должна быть доступна для всех без различия классов и вероисповеданий. Зачем же затруднять доступ в общество евреев, нации давшей особенно много талантливых

шахматистов? К чему это явное пристрастное отношение, могущее лишь затормозить развитие шахматной игры?» Резюме «Шашечницы»: любые меры по ограничению доступа евреев в шахматы не будут иметь значения. Что в принципе оправдалось.

Кстати историку Саргину принадлежит намек на происхождение М.И. Чигорина: «По матери он был, как говорят, цыган. Это обстоятельство почему-то старательно обходится молчанием всеми его биографами и почитателями».²⁷ К этому замечанию М.С. Коган добавляет: «Все эти разговоры мы относим к досужим домыслам праздной публики, порожденным атмосферой любопытства, окружавшей русского чемпиона. О происхождении Чигорина существовало множество легенд». К сожалению, он не расшифровывает эти легенды.²⁸ Совсем недавно, бывший чемпион мира Владимир Крамник обнаружил у себя примесь цыганской крови. По моему мнению, в обоих случаях – это эвфемизм. Но есть один безоговорочный факт: фамилия «Чигорин» отсутствует в книге Б.О. Унбегауна «Русские фамилии».²⁹ Вместе с тем, существуют некоторые еврейские фамилии сходные с искомой, например, фамилия моего старого ленинградского знакомого историка – Михаил Чигринский.

Иностранные шахматные журналы «Strategie» и «Deutsche Schachzeitung» осудили «Петербургское собрание». Стейниц во время встречи с Чигориным высказал озабоченность создавшимся положением, в связи с ограничительными мерами в отношении доступа евреев в шахматный клуб, и привел свой разговор с русским чемпионом в газете «New York Tribune» от 6 декабря 1891, получив фальшивое уверение Чигорина об отсутствии антисемитизма в русском обществе. М. Чигорин сознательно лгал чемпиону мира, утверждая, что раскол в Петербургском собрании носил личностный, а не антисемитский характер. Причина лжи очевидна: Чигорину грозил остракизм цивилизованного человечества – поддержка суворинского «Нового времени» было явно недостаточным.

Следует поставить точки над *i* и сказать несколько слов в адрес шахматных заработков М.И. Чигорина. Я говорю не о «внутреннем» российском рынке, а о международных турнирах и матчах, в которых он играл и получал призы. Приведу несколько примеров. В Лондонском турнире 1883 года Чигорин взял четвертое место с призом в 125 фунта – по тому времени сказочные деньги. В эквиваленте 2003 года – 5715 фунтов. И это не считая всех расходов по приезду и пребыванию в Лондоне. Матч из двух партий по телеграфу с Лондоном был на ставку в 40 фунтов – Чигорин их выиграл; матч со Стейницем в

1889 году принес Чигорину 130 долларов плюс компенсация за переезд в Гавану плюс 250 долларов на покрытие личных расходов русского чемпиона на Кубе. В том же году он разделил в Нью-Йорке первое-второе место с М. Вейссом: на долю Чигорина пришлось 875 долларов. В 1890 году матч с Гунсбергом окончился вничью – Чигорин получил 300 долларов плюс уже известная компенсация на проезд и пребывания на Кубе. Телеграфный матч со Стейницем, закончившийся в 1891 году, был выигран Чигориным, что принесло ему 750 долларов! (1200 рублей по тогдашнему курсу) – сумма нешуточная по тому времени. Матч со Стейницем в 1892 году был им проигран. Матч игрался на ставку в 2000 долларов, но Чигорин получил 600 долларов на проезд в Нью-Йорк и оплату на переезд первым классом из Нью-Йорка в Гавану. К тому же ему было компенсировано пребывание на Кубе и оплата за набранные очки – 210 долларов. В Гастингсе в 1895 году Михаил Иванович взял второе место, приз составил 115 фунтов (по курсу 2003 г. приблизительно 6410 фунтов). Кроме того, **еврей** Иосиф Кук подарил Чигорину **золотой перстень с изумрудом и бриллиантами**, а также старинное руководство по шахматной игре Алессандро Сальвио в трех томах! К сожалению, не указано издание какого года: было неаполитанское издание 1604 года и дополненное в 1634 году. В любом случае раритет. Участвуя в 1896 году, в турнире, посвященной 1000-летию Венгрии, Михаил Иванович получил за первое место приз, установленный императором Францем-Иосифом в размере 2500 крон. Очень весомые деньги! Все это говорит о том, что Чигорин ни в коем случае не мог в чем-то нуждаться. Другое дело, что это были не гонорары нашего времени, а посему Стейниц умирает в нищете, и Чигорин не стал миллионером.

Все эти настоящие и будущие призы были неизмеримо больше, чем жалованье в конторе «Нового времени». В 1888 году братья Суворины установили твердый оклад Чигорину в размере 50 рублей за ведение им шахматного отдела. Затем, после второго матча со Стейницем, жалованье было доведено до 75 рублей в месяц, а с 1896 года повысили аж до 150!³⁰ Напомним, что с Сувориным и его сыновьями Чигорина связывали личные отношения; он так же был в большой дружбе с шахматистом-антисемитом доктором Михаилом Александровичем Шабельским (1848–1909), братом «незабвенной» писательницы Шабельской-Борк, автора юдофобского романа «Сатанисты XX века». Именно Шабельский подстрекал Чигорина на юдофобские действия. В одном из некрологов, указывается, что Шабельский, начиная с 70-х годов прошлого

века, находился в ближайшем окружении Чигорина, и что Михаил Александрович являлся одним из самых крупных шахматных писателей (?) и что он, как аналитик помогал Чигорину, обрабатывая для него иностранные источники.³¹ «Чигоринский» шахматный клуб многолюдством похвастаться не мог, а молодежь просто его не любила, «несмотря на заметное желание Чигорина привлечь ее в «свой» клуб». Ее отпугивала чопорная чиновничья атмосфера. Заполнялся клуб только тогда, когда сам Чигорин давал сеансы. Об этом пишет непредвзятый и добροжелательный к Михаилу Ивановичу современник.³²

Лучшие петербургские шахматисты, выйдя из юдофобского клуба, образовали свой клуб, в ряды которого вошли сильнейшие петербургские шахматисты во главе с Алапиным, Шифферсом и др. «Шашечница» иронизировала по поводу того, что кроме Чигорина, в шахматном обществе не было сильных игроков. Для истории хотел бы перечислить тех, кто считались сильнейшими игроками России того времени и, к тому же сочувствовавшие изгнанным евреям. Вот небольшой список, кроме выше упомянутых Шифферса и Алапина: С.И. Полнер, А. Шишкин, Н.Е. Митропольский – редактор журнала «Шахматы», барон Э.Ю. Нольде – крупный чиновник, впоследствии управляющий делами Комитета министров, М. Зейбот, Г. Вайнштейн, М. Соловьев, Афанасьев, Васильев, Г. Гельбак. П. Лизель и др. Часть шахматистов – евреи, но они не составляли большинство.

Черносотенная пресса яростно накинулась на Ш.З. Алапина, якобы предавшего интересы России, опубликовав анализы защиты в гамбите Эванса, перед матчем Стейниц – Чигорин. Алапин подвергся шельмованию: «...Алапина заклеямили, считают изменою своему отечеству (если он таковое признает). В данном случае можно, в какой-то степени, его поступок можно сравнить с тем, что происходит на войне, когда за выдачу неприятелю планов кампании изменников казнят». Эти слова принадлежат М.И. Чигорину; их приводит анонимно некто «Петербуржец», в статье «Маленькая хроника» в газете «Новое время».³³ Досталось и либеральной газете «Новости» (*издатель и редактор О.К. Нотович, крещеный еврей*), за то, что она предоставила свой шахматный отдел Э.С. Шифферсу: «Попутно с трудами Алапина были посланы Стейницу и варианты Шифферса, редактора шахматного отдела в «Новостях». Воюя с «Новым временем» в Петербурге, «Новости» не прочь повоевать с ним и в далекой Гаване, подставив ножек (*так в тексте. Возможно, обыгрывается местечковый ломаный русский язык – предмет неумных насмешек черносотенной прессы.* – С.Д.) редактору нашей газеты, изгнавшему ев-

реев из Петербургского собрания. За это-то изгнанные евреи ему и мстят. В этом изгнании и кроется настоящая причина всей этой гаденькой, хотя и маленькой шахматно-жидовской интриги... Цель и *raison d'être* нового шахматного кружка заключалась в борьбе с русскими шахматистами и преимущественно с Чигориным, значение которого евреями всячески подрывается и, которому евреи противопоставляют шахматистов-евреев, вроде Гунсберга или Тарраша, или – петербургских игроков, как например, г. Алапина. Враждой евреев к Чигорину объясняются, между прочим, и вылазки против него в «Новостях»... «Новости» с их клиентами из шахматистов евреев могут недолюбливать г. Чигорина, но им все-таки не следовало интриговать против него за границей... **Не усматривая, конечно, в выходке г. Алапина прямой измены отечеству, мы все-таки признаем эту выходку в высшей степени непорядочной...** Хорошо еще, что Чигорин вовремя был уведомлен о жидовской интриге и успел защититься: не то плохо бы ему пришлось от Стейница, поддерживаемого петербургскими шахматными жидами».³⁴ (*Страшные слова: прямо донос 37 года. Текст выделен жирным шрифтом мной. – С.Д.*). «Новое время» было не одиноко. Юмористический журнал «Будильник» (2 февраля, №5, 1892, с.12) опубликовал карикатуру на Ш.З. Алапина в виде свиньи и назвав «доморощенный подвох». Дважды в советской прессе перепечатывалась эта карикатура с вымаранным листом в руках Чигорина. В книге Юдовича о Чигорине видна только надпись «Петербург-Гаванна». А в книге В. Панова вообще помещен белый лист с заглавием «Петербург-Гаванна». Кого смутила надпись: «Утрем нос иностранным шахматистам!!!» – непонятно, ибо советская система использовала аналогичные лозунги в борьбе с Западом.

Поступок Алапина можно интерпретировать по-разному. В его защиту скажем, что свои варианты в гамбите Эванса он открыто пропагандировал на публичных лекциях в Петербурге еще **задолго** до матча Чигорина и Стейница – так, что никаких «военных тайн» не существовало – они были известны. Не зря же профессор А.А. Смирнов, автор статьи о спортивной этике, с уважением писал: «Увы, не всякому дано сравняться

в высоком благородстве с покойниками Стейницем и Алапиным!».³⁵

Здесь следует сказать несколько слов о Шимоне (Семене) Зиновьевиче Алапине (1856–1923), имени почти забытому в наше время. Он был одним из сильнейших шахматистов России конца XIX – начала XX века. Окончил институт инженеров путей сообщений. Никогда не был профессиональным шахматистом, но был теоретиком мирового класса, и оказал серьезное влияние на А. Нимцовича. Существует дебют Алапина, а также система названная именем в испанской партии и сицилианской защите. Алапин внес улучшения во французскую партию и в гамбит Эванса. Он побеждал в матчах А. Берна, К. Барделебена и С.

Левитского; матч с Карлом Шлехтером свел вничью. В 1907 году занял второе место на первенство России, вслед за А. Рубинштейном, а в Мюнхене в 1911 году – был первым. Большую известность завоевал как журналист и пропагандист шахмат. Один из первых в мире читал публичные лекции на

Алапин и Чигорин на «турнире примирения» 1906 г.

шахматные темы, которые пользовались неизменным успехом. Как практик он все же уступал М. Чигорину, но, по свидетельству современников, Михаил Иванович его побаивался. Необходимо отметить, что отношения между ним и Алапиным были восстановлены. Имеются прямые свидетельства этого факта. Так один из близких друзей Михаила Ивановича констатировал «Диагноз этого умного, всестороннее образованного человека, дружески расположенного к Чигорину, был для нас чрезвычайно интересен».³⁶

Другой современник писал: «Мое последнее воспоминание о Чигорине относится к тому турниру, который Шахматное собрание устроило в честь возвращения С.З. Алапина на родину (1906 г.); это был матч-турнир... Чигорин с легкостью разбил ... молодых шахматистов, но первенство уступил Алапину. В связи с участием в этом турнире Чигорина и Алапина были, кстати сказать, ликвидированы старинные, имевшие пятнадцатилетнюю давность неприязненные отношения между ними, возникшие в начале 90-х годов, когда Алапин накануне

матч-реванша Чигорина со Стейницем послал чемпиону мира анализы одного особенно актуального в то время варианта гамбита Эванса... Я с удовольствием наблюдал, как за последние годы неприязненное отношение Чигорина к Алапину смягчалось. Их острая антипатия друг к другу, кажется, переходила в дружескую симпатию. Успех Алапина на этом турнире является одним из лучших во всей его шахматной карьере, и мне показалось, что своему многолетнему противнику Чигорин без горечи уступил в этом турнире первое место...».³⁷

Следствием дружеских отношений и явилось то, что архив Чигорина его вдова передала именно Алапину. К сожалению, в огне войн и революций архив исчез. Панов называет Алапина «злым гением» Чигорина, преследовавшим его и отравившим ему жизнь. И даже считает оскорблением надпись на венке (*по случаю переноса праха Чигорина в 1914 году в Петербург*), сделанную Алапиным. Оказывается, Михаил Иванович назван был талантом, в то время, когда его надлежало именовать гением. При этом Панов забывает, что перенос праха Чигорина был осуществлен на средства Алапина... Личность Алапина сложная: в отличие от громадного большинства евреев того времени – он был человеком правых, даже крайне правых взглядов.(!?).

И последнее. Довольно часто Михаил Иванович прибегал к помощи «сильных мира сего», для того чтобы добиться разрешения евреям шахматистам, прибывшим из-за границы, (Одессы или Западного края) получить право на жительство в столице империи на время соревнований.³⁸

К месту будет вспомнить тот пресловутый пункт из устава Санкт-Петербургского шахматного собрания о недопущении евреев в члены клуба. Можно предположить, что Чигорин был недоволен его формальным исполнением...

Прошло много десятилетий, а вопрос о «патриотизме» в шахматах не был снят. На XI шахматной олимпиаде в 1954 году капитану советской сборной А. Котову «показалось» перед матчем с Израилем, что Е. Геллер, а возможно и Д. Бронштейн «не сумеют сыграть в полную силу». Они были отстранены от игры. Сам Александр Александрович благополучно проиграл израильскому мастеру В. Алони. Это было в Израиле. Единственный матч, который сборная СССР не смогла выиграть. Месть Каиссы утончена...³⁹ В оправдание Александра Александровича можно сказать, что, может быть, он не хотел ставить своих товарищей-евреев в неловкое положение. Интересно отметить, что ранее, не отличавшийся большой любовью к евреям, он, после того, как вторым браком женился на еврейке, стал юдофилом!?

Конкретно, в тот приезд в Израиль он просил старого знакомого еще по венецианскому турниру 1950 года, чемпиона страны Моше Черняка, помочь приобрести для своего тестя талес (талит). Просьба с удовольствием была выполнена. Об этом мне рассказал сам Черняк.

*(Здесь к месту сказать, что в один из последних приездов в Израиль экс-чемпион мира Василий Васильевич Смыслов, кстати говоря, отрицающий свое еврейское происхождение, просил своего хорошего знакомого шахматиста приобрести для его московского дома... «мезузу». Для непосвященных – «Мезуза» – священный библейский текст, вложенный в пенал, который крепится на всех дверных косяках еврейских домов. Иногда появляются сведения о еврейском происхождении матери Смылова. Что же касается его отца, то Василий **Иосифович** был одним из сильнейших шахматных-любителей еще в дореволюционное время. В автобиографии, вышедшей в 1995 году, экс-чемпион мира дает иное отчество отцу – **Осипович**. Невелика разница, но она существенна, если желают скрыть следы прошлого. Не называл же себя «Гений всех времен и народов» – Осипом Виссарионовичем! А ведь так по-русски звучит! Отчество «**Иосифович**» я выудил в довоенном журнале: «В прошлогоднем чемпионате завода он из 13 партий сделал только три ничьи, остальные выиграл, не пощадив и Василия **Иосифовича** Смылова, своего отца и первого шахматного учителя, экономиста завода имени Сталина» – Вс. Лобода «На автомобильном гиганте» – «Шахматы в СССР», М., 1939, №3, с.105. На этой же странице общая фотография играющих автозаводцев и в их числе В.И. Смыслов, с резко выраженной «музыкальной» внешностью – насколько можно судить по старому фото...)*

И еще. Будет честно сказать, что Россия была не единственной страной, в которой задолго до прихода нацистов к власти, евреев не допускали в шахматные клубы. И не только в шахматные. И это было сказано в уставе не российским эвфемизмом – «люди нехристианского вероисповедания», а прямо – евреи. В качестве примера сошлемся на финляндский шахматный союз (Suomen Skakklitto), основанный в 1922 году, который не принимал в свои ряды рабочих и евреев. Вот имена лидеров этой организации: председатель К. Герман (Гельсингфорс) и И.В. Винтер (Або).⁴⁰

В XIX веке, не без непосредственного влияния композитора Рихарда Вагнера, возникло стремление тенденциозно характеризовать национальные особенности евреев, проявляющиеся в их творчестве. Для Рихарда Вагнера евреи лишены творческого начала, они – эклектики.

Напомним, что Вильгельм Стейниц наткнулся на антисемитизм общества значительно раньше. Так, претендент на мировое первенство Иоганн Цукерторт в негодовании бросил Стейницу:

«Вы не шахматист, а еврей!», на что незамедлительно получил ответ: «А вы, к сожалению, ни то и ни другое!», намекая то ли на якобы полуеврейское происхождение Цукерторта, а, возможно, зная, что тот по крови стопроцентный еврей, родился уже лютеранином.⁴¹

В конце жизни В. Стейниц опубликовал памфлет, направленный против антисемитизма: «Мой ответ антисемитам в Вене и где бы то ни было...»⁴², и работал над книгой «Еврейство в шахматах», целью которой, по словам самого Стейница – была борьба с антисемитизмом.⁴³ Над последней книгой он начал работать в Москве и можно думать, неслучайно. Как известно, матч-реванш между двумя евреями – Ласкером и Стейницем проходил в первопрестольной в 1896-1897 году. Он затянулся из-за болезни экс-чемпиона более, чем на два месяца.

MY ADVERTISEMENT
TO ANTISEMITES IN VIENNA AND ELSEWHERE
By "A SCHACHERJUDE" (Mercenary Jew)
OR
AN ESSAY
OR
Capital,
Labor, and
Charity
BY
W. STEINITZ
Former Chess Champion of the World for 28 years
PUBLISHED BY
W. STEINITZ
155 East 109th Street, New York
1900
SR,
'orid.
The Trade
by 15
PRICE, 15 CENTS

Как умудрились московские меценаты в вотчине всесильного антисемита великого князя Сергея Александровича (*дяди последнего царя*) обойти закон о праве на жительство – дело темное. Но зато Стейниц, помещенный в психиатрическую больницу, убеждая врачей освободить его, не без юмора предлагал им выслать его из Москвы как еврея, не имеющего право на жительство. Стейниц был верующим евреем и, конечно, ходил в Московскую хоральную синагогу, где его, безусловно, ознакомили с настоящим положением вещей. Впоследствии, в своей работе «Моя самореклама для антисемитов Вены и других мест или эссе, о Капитале, работе и Боготворительности» подписанная «Schacherjude» («корыстный еврей»)), он писал о России: «...в связи с известием о моей болезни и как свидетельство моего психического расстройства было ...объявлено, что до моей госпитализации я готовил к публикации памфлет в поддержку эмансипации евреев под названием «Das Judentum in Schach» («Еврейство в шахматах»), и открыто выразил намерение сформировать комитет с целью обратиться с прошением к императору России по этому вопросу. Нет сомнений, что такой

план должен был показаться весьма эксцентричным в стране, где антисемитизм был легализован до степени, позволявшей официально депортировать большую группу еврейского населения». ⁴⁴ Под «депортацией» (*какое страшное слово из другого времени!* – С. Д.) Стейниц разумел массовое изгнание евреев из Москвы в 1893 году.

В 1909 году правый критик М.О. Меньшиков, запятнавший себя погромными статьями и впоследствии судимый и расстрелянный большевиками (ныне общество «Память» желает превратить его дом в музей), был потрясён еврейским гением в шахматах. Михаил Осипович, будучи страстным любителем шахматной игры, даже Царствие Небесное не представлял себе без шахматной доски. Ему принадлежит одно из первых сравнений шахмат с искусством («...следить за чужой превосходной игрой – для меня истинное наслаждение – выше, пожалуй, оперы»). Есть у него и удивительные определения: «Шахматы – безмолвны, как небо, как математика, как душа. В шахматах жизнь духа – в её элементарной свежести, как бы в химической чистоте... Шахматы напоминают игру атомов. Космическая страсть здесь во всей необыкновенной прелести её изощрений и возможностей. В шахматной игре – поэзия отношений, красота зависимостей, глубина бесплотных сил, как в алгебре, поминутно исчезающих и возникающих. Несомненно, математика есть философия природы, но ведь шахматы – математический инструмент, вроде скрипки артиста... Шахматист-композитор...» ⁴⁵

В это время проходил в Петербурге международный турнир памяти М.И. Чигорина. Что поразило Меньшикова в Шахматном собрании? Сплошь еврейские имена: чемпион мира Эмануил Ласкер, ближайший претендент – «кронпринц» Акиба Рубинштейн из Лодзи, другой претендент, вскоре игравший матч с чемпионом мира – Карл Шлехтер из Вены. Затем Рудольф Шпильман, тоже венец, но почему-то представлявший Германию, Эрих Кон из Германии, Осип Бернштейн из Петербурга, Рихард Тейхман (Берлин), Якоб Мизес (Берлин), Савелий Тартаковер родом из Ростова-на-Дону, представлявший Австрию, Лео Форгач (настоящая фамилия которого Флейшман) из Будапешта, д-р Юлиус Перлис, уроженец Белостока, но представлявший тоже Австрию, Георгий Сальве (Лодзь), Аврахам Спейер (Голандия). Всего участников было 19; среди них евреев – 13 человек!

Из всех участников турнира для современного читателя менее всех известен Аврахам Спейер (1873–1956). По профессии он был преподавателем английского языка и очень редко участвовал в соревнованиях.

В 1909 году он сыграл серию из трех партий с чемпионом мира Эм. Ласкером: 2 проиграл и в одной сделал ничью. В 1911 году выиграл матч у Кольсте. Лучшие его выступления: в 1909 г. в Лейдене, первом мастерском турнире в Нидерландах, где он разделил первое-второе места и в 1923 году также разделил первое-второе места с М. Эйве в Шевенингене. В других турнирах он имел средний успех. Лео Форгач (Флейшман, 1882–1930) звание мастера получил в Ганновере в 1902 году. Занимал призовые места в международных турнирах. После мировой войны, отошел от практической игры, но активно участвовал в шахматной жизни Вен-

Лео Форгач

грии, в качестве литератора. По сообщению д-ра Л. Полгара, отца знаменитых шахматисток, Форгач написал статью о евреях в шахматах.

В петербургском турнире еврейские имена заполнили верх таблицы – «Молодцы – евреи, что касается шахмат!» – восклицал знаменитый публицист М.О. Меньшиков, друг присяжного юдофоба публициста и издателя А.С. Суворина. Один из русских игроков жаловался Меньшикову, что поразительный успех еврейских шахматистов объясняется не столько талантами евреев, сколько осторожной манерой их игры. В то время как «арийцы» (*вот когда, еще в 1909 году слово «арийцы» было применено к шахматам!*) чрезвычайно ценят красоту игры, артистический риск, евреи побеждают мелочным расчетом, не брезгая с сильнейшими делать ничьи, побеждая слабейших. (*Я полагаю, что этим «жалобищиком» был Ф.И. Дуз-Хотимирский*). Это может вызвать некоторые возражения. Но представителей России было всего семь человек: три еврея – Рубинштейн, Бернштейн, Сальве; из четырех остальных – Ненакоков выбыл из турнира после четвертого тура, и его результаты были аннулированы, Е.А. Зноско-Боровский был филосемитом и не скрывал этого, о чем мы расскажем ниже; остаются двое участников: Фрейман и Дуз-Хотимирский. Сергей Николаевич фон Фрейман, кроме того, что он, по-видимому, был не прибалтийским немцем, а обрусевшим потомком шведов, ни в каких грехах не был замечен. (*Б.С. Вайнштейн, хорошо знавший по Ташкенту Фреймана, где он проживал после революции, также считает его потомком шведов. С большой теплотой о Сергее Николаевиче написал воспоминания А.М. Константинопольский «Пять дуэлей с Фрейманом». Бюллетень Центрального шахматного клуба СССР, 1990, №9, с.4-7.*). Остается Федор Иванович Дуз-

Хотимирский, неоднократно сетовавший на сухую игру, скажем, Рубинштейна, неспортивное поведение Нимцовича и имевший крупный конфликт с Алапиным. Алапин оскорбил Дуз-Хотимирского на турнире в Лодзи в 1907 году и за это был исключен из членов Петербургского собрания. Суть конфликта сводилась к следующему: на V Всероссийском турнире, состоявшемся в Лодзи, за первое место конкурировали А. Рубинштейн и С. Алапин. Шансы Алапина казались предпочтительней – ему в оставшихся турах достались более слабые противники. Алапин играл очередную партию с Д. Данюшевским и попался на красивую комбинацию. Семен Зиновьевич обвинил Рубинштейна и Дуз-Хотимирского в том, что они подсказывали Данюшевскому, при этом Дуз был публично оскорблен. Участники потребовали исключения Алапина из соревнования, но турком (*турнирный комитет*) отказался санкционировать требование. Тогда большая часть шахматистов «забастовали», не явившись на очередной тур: Дуз-Хотимирский, Рубинштейн, фон-Фрейман, Ноткин и Розенблат получили, каждый по минусу. В принципе это Алапину не помогло: ибо «справедливый» Зноско-Боровский «принципиально» сдал Рубинштейну свою партию и в итоге Акиба обогнал Алапина на пол-очка. Резюме: человеческие натуры не меняются.⁴⁶

У Меньшикова хватило здравого смысла объяснить слова русского мастера обыкновенным чувством зависти: «Мне кажется, в жалобе Арийцев (*с большой буквы. – С.Д.*) есть изрядная доля зависти. Большинство еврейских знаменитостей достойно заслужили свою славу». Затем Михаил Осипович переходит от частных к общему, пытаясь понять успехи евреев не только в шахматах, но и в обыденной жизни. Его выводы удивительны и иногда прямо противоположны его юдофобским статьям, публикуемым в суворинской газете, хотя и здесь и там поражает змеиное шипенье. Да и не всегда бывший мичман был таким. Один из ревнивых еврейских мемуаристов отмечал, что в первой половине 80-х годов прошлого века, пребывая в Самаре, Меньшиков был поклонником Л.Н. Толстого, даже играл с ним в шахматы,⁴⁷ всегда корректно говорил о евреях и интересовался деятельностью евреев в городе, признавая их вклад в торгово-промышленной области. Увы, вскоре его взгляды необратимо поправились.⁴⁸ Сыграл ли роль в его жизни бытовой фактор: в первом браке, он был женат на еврейке, подобно «Иванову» Чехова? Современники считали, факт остается фактом, что Меньшиков был талантливым журналистом, может быть самым одаренным, в небогатом дарованиями стане пра-

вых.⁴⁹ Так в одной из своих статей Меньшиков пишет: «Евреи – народ из античной древности, как Японцы и Китайцы. Весьма возможно, что ум их устроен несколько иначе, чем у нас. Что касается расчета и комбинаций, в их породе больше было практики, и сумма опыта их по этой части настолько велика, что начинает переходить в инстинкт. Уцелевшие древнекультурные народы, современники Египта и Вавилона, во многих отношениях должны превосходить европейцев».

Больше всех игроков его интересовал чемпион мира Ласкер, во внешности которого, и это логично для Меньшикова, присутствует мало еврейского, точнее восточноевропейского – Ласкер ему напоминал француза или итальянца. Называя Ласкера гением, и подробно описывает манеру игры, анализируя партию Мизес – Ласкер, Меньшиков восхищается обоими партнерами: «Насколько я могу судить, партия... отличалась с обеих сторон классическим изяществом. Даже по внешнему виду легко отличить гениальную игру от бездарной. В первой ничего лишнего: общий секрет искусства. Фигуры связаны в организм и строго поддерживают друг друга, а не обременяют. Как в природе, на шахматной доске возникают и рушатся крайне разнообразные организации и по степени их красоты вы судите о скованной в них силе». Это замечательные мысли схожи с теми, которые высказал Василий Васильевич Смыслов о Гармонии в шахматах. Интересовал Меньшикова и претендент на мировое первенство – Акиба Кивелевич Рубинштейн: «О г. А. Рубинштейне много говорят. Это будущий король и может быть в своем роде такая же мировая знаменитость, как некогда Антон Рубинштейн в музыке. Дофин шахматной доски – юноша с мало интеллигентным лицом, почти необразованный, но небольшой лоб его на ничего не говорящей физиономии хранит гениальную память на шахматные комбинации. Говорят, он знает наизусть все великие партии. Откройте сборник их на любой странице, он в любом месте партии угадает, когда она играна и кем. Феномен, изумительный самородок, и откопал его один русский полковник, основатель лодзинского шахматного клуба».⁵⁰

Дополнением к статье «Игра царей» является небольшая заметка «Первые люди», где Меньшиков проводит мысль об аристократизме таланта, абсолютно независимом от социального происхождения. Посему современная аристократия – автор избегает употребления слова «дворянство» – замкнулась в крайне спорном определении благородства – в количестве записанных предков. «Посмотрите на этих небрежно одетых артистов шахматной игры. Видимо, люди очень небо-

гатые, несмотря на мировую славу, и родились Бог весть в каких формациях общества. Но они – таланты! Божией милостью они первые в своем крайне трудном искусстве! И вот здесь, около столиков с шахматами, вы чувствуете на себе великое влияние таланта. Наблюдая за гениальной игрой, вы ощущаете, до какой степени она чудесно поднимает нашу бездарность до себя: не до творчества своего, конечно, – но все же хоть до понимания этого творчества».⁵¹ Прекрасные слова. Можно предположить, по Меншикову, что если бы все евреи играли в шахматы, то и отношение к ним было бы иным. Но и это предположение оказалось неоправданным.

По поводу одного из сильнейших турниров начала века – Карлсбадского международного турнира 1911 года, где среди 26 участников 12 были евреями, то есть, почти половина (*первые четыре места заняли евреи – Рихард Тейхман, Карл Шлехтер, Акиба Рубинштейн и Гириш Ротлеви*). В шахматном отделе «Пестер Ллойд», появилась статья, принадлежащая, судя по всему, перу чемпиона мира Эмануила Ласкера, посвященная вопросу о причинах большого числа евреев среди шахматистов. Объяснение Ласкера носит социологический характер. Автор полагает, что вследствие тяжелых исторических условий у евреев получили сильное развитие фантазия и воля – компоненты, необходимые шахматисту. Кроме того, евреи бедны, многие профессии для них недоступны, а отсюда – тяга к неординарным занятиям, таким, как игра на сцене, писательство или, на худой конец, игра в шахматы. Последнее вряд ли можно отнести к профессиям, дающим определенный заработок, но шахматы дают возможность выделиться из толпы, а «бедность переносится легче, когда имеешь сознание того, что ты незаурядный человек». Так как это статья никогда не была напечатана по-русски, то мы приведем её полностью, тем паче, что она является, по нашему мнению, зачином многих работ на аналогичную тему, в том числе и антисемитских. Последнее утверждение требует пояснения: в полемике часто используются аргументы противоположной стороны, с обязательной перестановкой акцентов.

Итак: «В Карлсбадском турнире из 26 участников 12 было евреев. Это не единичное явление. Множество евреев являются любителями шахматной игры. Это явно заметно, если принять в расчет незначительное количество евреев по сравнению с общим числом населения земного шара.

Шахматами занимаются арийские, семитские и малайские народы во всех уголках известного нам мира. Эта самая распространенная игра.

Хочется задать вопрос: «Почему среди всех народов евреи более других интересуются этой игрой? Имеются ли у них к этому особые способности или дарования?»

Большинство, не задумываясь, ответят, что евреи, предрасположенны к умственным занятиям, среди которых числятся и шахматы, предназначены к этой игре.

К этому добавляется отношение, доброжелательное или скептическое пожатие плеч, в зависимости от степени симпатии к евреям, памятуя, что у евреев в этой области превосходство над христианами. И на этом для большинства вопрос будет исчерпан. Однако это утверждение совершенно ошибочно и противоречит фактам.

Еврей, разумеется, не более интеллигентен, чем христианин. Он и не может быть таковым. Интеллигентность – понятие равнозначное познавательным способностям, составная часть которых зиждется на двух элементах: памяти и воображении. В нашем уме собрано множество фактов, которые верно или неверно были восприняты. Если факты ясны и получены в правильном причинном порядке, то они (факты) служат достаточно хорошим материалом для правильных выводов. Но тот, кто не в достаточной степени или ошибочно усвоил явления, тот приходит к неверным результатам. У евреев в ошибочности виденья фактов большой опыт. Гетто не было идеальным местом для наблюдений, а, следовательно, для выводов. Поэтому у евреев весьма слабы способности к правильной оценке фактов. Равно как и ослаблены их способности к анализу. Эти недостатки будут существовать до тех пор, пока в среде евреев появится писатель, который непредвзятым взором увидит человека и сумеет создать характеры, или появится скульптор, который будет правильно видеть физическую сторону вещей. Или среди них появятся люди, которые будут руководствоваться не измышлениями и идеями, а главным образом, реалиями окружающего мира.

Второе свойство ума – воображение – чрезвычайно развито у евреев. Каждый угнетенный народ обладает большим воображением, чем угнетающий, потому что у первого больше причин для печали, чем у второго.

Движущая сила воображения – воля. Любая нужда стимулирует фантазию; сытость, исполняемость желаний – не возбуждает воображение.

Поэтому евреи, предки которых подолгу голодали, и стремления которых часто не сбывались, получили богатую фантазию, как компенсацию за свои лишения

Если ничто этому анализу не противоречит, то можно сделать вывод, что интеллигентность евреев в одном имеет превосходство, а в другом недостаточна. Но та форма интеллигентности, которая присуща евреям, используется ими наилучшим способом. Они вынуждены идти на это, потому что не могут получить достойной работы. Синекуры удерживаются за предржащими властью, а к таковым еврею не принадлежат. Поэтому евреи бросаются на те характерные профессии, которыми новое время так богато: театр, варьете, литература, т.е. та разновидность занятости, которое «витают в облаках» и которая, как непрактичная, избегается другими нациями. В эти непрактичные занятия внедряются потомки Иуды и добиваются кое-какого достатка. К таким шатким профессиям принадлежит игра в шахматных турнирах. Едва ли можно назвать её в полном смысле слова профессией, ибо она не приносит стабильного заработка для семьи. Но... она приносит известность. А бедность легче переносится, если чувствуешь свою незаурядность. Известность можно также использовать в деловых отношениях, она дает некий шанс для выбора других занятий, типа работы страхового агента или учителя, или дает возможность получить рекомендацию на получение желанной работы со сносным жалованьем.

Поэтому, мне кажется, экономическая нужда евреев может служить достаточным объяснением появления многочисленных еврейских мастеров по шахматам.

Следует добавить, что евреи, как нация, любят шахматную игру. Их сильная фантазия обнаруживается в легкой оживленной форме при создании комбинаций, во внезапных осложнениях, поражающих воображение – здесь знание мира не нужно, проявляется лишь идеальная способность к эксперименту в игрушечном мире. В этой комбинационной страсти еврейские шахматисты непревзойденны. Многие из них настолько сильны, что осмеливаются избрать профессиональный шахматный путь. Для этого многого не требуется. Просуществовать на заработки от игры в шахматы, в крайнем случае, можно было преподавая, достаточно на порядок превосходить уровень любителей шахмат. Но, несмотря на это, немногие становятся мастерами, и это именно те, кто испытывают непреодолимую тягу к этой игре.

Обыкновенно еврейские мастера терпят поражения вследствие недостатка объективности – «common sense», («здравому смыслу») согласно английскому выражению. Отягощенный наследственными иллюзиями – еврей только в исключительных случаях может превзойти христианина, предки которого тысячелетиями держались привычных

фактов. Это присуще и шахматной игре. Здесь рядом с элементом комбинации действует и элемент силы. Первый требует фантазии, второй – оценки. Если в ошеломляющей комбинации евреи могут быть учителями неевреев, то христиане гораздо больше наделены такими способностями, природная сила которых ломает сопротивление противника». ⁵² Выражение, написанное по-английски, кажется, более всего выдает авторство Эмануила Ласкера. Книга «Common sense in chess» («Здравый смысл в шахматной игре») была написана чемпионом мира по-английски и вышла в Лондоне в 1897 году. В социологическом плане правота Ласкера не требует больших доказательств, по крайней мере, для прошлого. В наш век шахматы являются чуть ли не заурядной профессией. А количество евреев отнюдь не уменьшалось вплоть до 90-х годов XX века. Хотя в свободном западном и не только западном мире перед ними открыты многочисленные пути. После падения советской власти евреи стали уходить в другие, более «денежные» профессии. Как ни жаль, но евреи уходят из шахмат...

Утверждение, что евреи обладают большими комбинационными способностями, весьма спорно. Достаточно сопоставить в этих отношениях двух современников – славянина Боголюбова и еврея Шпилемана, чтобы выяснить – оба они как бы слеплены из одного теста. А фундаментальность в одинаковой степени была присуща еврею Флору и славянину Карпову.

С.Г. Тартаковер в одной из своих статей писал о еврейском элементе русского Западного края, так много давшего талантов шахматному миру: Яновский, Рубинштейн, Сальве, Нимцович, Флор, Решевский, Пшеспюрка, Найдорф и другие. Объяснение этому факту близко к ласкеровскому: «Вероятная причина этого явления таится в невозможности – ввиду ограничений гражданских прав (*в царской России*) – влиться иным образом в русло общественной жизни». ⁵³

Ему вторит вдумчивый писатель и шахматный теоретик Е.А. Зноско-Боровский в статье «Евреи в шахматах»: «Условия жизни еврейства во многих странах, и особенно в Восточной Европе, которая и составляла за последнее время наибольшее количество шахматных мастеров, как известно, сложились так, что евреи стремились к наиболее либеральным, и даже не вполне ординарным профессиям, где не ставился бы вопрос о национальности, где он не служил бы препятствием на пути к совершенствованию и к успехам. Да и сама игра, по самому существу своему, не может не быть близка складу еврейского мышления». По его словам – евреи занимают выдающееся положение на

шахматном поприще: от чемпионов мира Стейница и Ласкера до претендентов – Цукерторга, Тарраша, Гунсберга, Яновского, Шлехтера, Рубинштейна, Нимцовича, Бернштейна, Шпильмана, Тартаковера, Рети и других. Далее он призывает с большой осторожностью выявлять специфические национальные черты. Для примера он берёт Эм. Ласкера и его антипода, австрийского еврея Карла Шлехтера. И вновь повторяет: как можно объединять такие разные творческие личности, как Ласкер, Рубинштейн, Шлехтер или Нимцович. Евгений Александрович предвидит будущее, предупреждая: *«Все сказанное убеждает нас, с какой осторожностью следует говорить о национальных особенностях в шахматном искусстве, не имеющим, как будто, никакой связи с грешной землей, с устоявшимся бытом и, в первую очередь, эта осторожность должна быть применена в отношении еврейства»*.⁵⁴ (курсив мой. – С.Д.)

Любопытно, что ещё до I Мировой войны на страницах «Нового времени» и журнала «Шахматный вестник» (январь 1914) возникла полемика между Е.А. Зноско-Боровским и А.А. Алехиным по поводу шахматного стиля П. Морфи. Удивительно то, что Евгений Александрович упрекал Алехина (чудовищно!) в солидарности со взглядами Стейница на творчество П. Морфи. Алехин отвечал: «В. Стейниц был, несомненно, очень крупной фигурой, и до того, что он дал нашей царственной игре, теоретической стороне её, в лучшую свою пору, – очень и очень далеко всем нашим доморощенным философам от шахмат...». В общем, А. Алехин придерживался взгляда Стейница на творчество американца, считая, что Морфи «играл всегда позиционно в широком смысле слова».⁵⁵

Петербургский турнир 1914 года вызвал невиданный ажиотаж, связанный с соперничеством чемпиона мира Эмануила Ласкера с восходящей звездой – Хозе Раулем Капабланкой. Интерес был естественным, как естественна смена поколений – кубинец был моложе Ласкера на целых 20 лет. Это была жестокая борьба, где гений чемпиона проявился с необыкновенным блеском. Отставая от Капабланки на полтора очка после первой половины турнира, чемпион мира в восьми финальных партиях набрал семь очков, и не только отыграл потерянное, но и сумел обойти честолюбивого конкурента на полочка, выиграв у него сенсационную партию. Удивительно и то, что после половины турнира, Ласкер в скрытой форме предугадал окончательный результат: «Мы с Таррашем отстоим от Капабланки на полтора очка. Наверстать это расстояние трудно, и нам придется мно-

го потратить энергии, чтобы выбиться на первое место... При таких условиях было бы совершенно бесплодно предсказывать результаты. Всякая, самая невероятная на первый взгляд комбинация может еще осуществиться. Если бы кто-нибудь хотел держать тысячу против одного за такой примерно порядок призеров: Маршалл, Алехин, Тарраш, Капабланка, Ласкер, то я, по крайней мере, без колебания принял бы это пари».⁵⁶ Взглянув на таблицу этого турнира, мы обнаруживаем, что игроки в действительности расположились в обратном порядке приведенного списка, с незначительной перестановкой мест Алехина и Тарраша. Видимо, этот результат чемпион мира считал наиболее справедливым. Но русское общество всецело болело за Капабланку. И вновь интересную статью опубликовал М. Меншиков, который внимательно следил за перипетиями борьбы, оставаясь на стороне кубинца, притом страстно болея за Алехина: «Что поделаешь, – объясняет Меншиков, – чувство русского патриотизма нынче властно звучит даже в сердцах бесстрастных шахматистов, подавляющее большинство которых «Евреи».

Они первенствуют в шахматном мире и количественно и качественно. За весьма редкими исключениями почти каждый шахматный маэстро – прямой потомок Авраама. Непобедимый Ласкер, Яновский, Рабинович, Рубинштейн, Нимцович – дети двенадцати колен Израилевых. Представители остальных наций допущены здесь самую судьбою не более чем в пятипроцентной норме. Израиль на шахматном поле получает компенсацию за тот ущерб, который он претерпевает на некоторых других поприщах. Некоторые объясняют обилие Евреев среди шахматистов тем, что куда же им деться, если их не пускают ни в военные доктора, ни в чиновники, ни в офицеры. Однако же и в тех странах, где никаких ограничений для «Евреев» не существует, шахматное поле остается за ними. И Ласкера, и Яновского загнала на их путь не черта оседлости, а внутреннее призвание. Очевидно, сама психология шахматной игры всего более соответствует национальным особенностям еврейского ума. Победа шахматиста всегда основана на точности расчета, – можно ли удивляться, что победителем чаще всего остается Еврей, привыкший за два тысячелетия своих скитаний и торговой профессии все считать, учитывать и рассчитывать? А среди нас, Русских, так мало хороших шахматистов не потому ли, что мы вообще и за пределами шахматного поля как-то не привыкли в чем бы то ни было руководствоваться строгим расчетом и не грешим излишней предусмотрительностью в жизни. Чигорин и Алехин – редкое исключение, только под-

тверждающее общее правило».⁵⁷ Любопытно следить не только за мыслью Михаила Осиповича, но и за его правописанием. Он нас отодвигает к половине XIX века, пользуясь орфографией того времени, когда, скажем, Ф. Булгарин слово «Жид» или «Еврей» всегда писал с прописной буквы. Собственно большая буква должна обозначать не одного еврея, а понятие «еврейство». Таковы слова – понятия Меньшикова «Ариец» или «Русский». Конечно, меняется коннотация. Обилие еврейских фамилий вызывает у ярого сторонника черты оседлости ассоциацию с пятипроцентной нормой. Действительно, в Петербургском турнире 1914 года – из одиннадцати участников – семь евреев и только один русский из четырех представителей России. Невелик процент. Но в отношении своих сородичей Меньшиков был неправ – русский гений дал несколько чемпионов мира и несколько претендентов на мировое первенство, и их вклад в развитие шахмат вполне ощутим. Единственный русский Чигорин к этому времени (1914) был официально первым претендентом на мировое первенство и сыграл два матча со Стейницем.

Есть еще одна идея у Меньшикова – его убежденность, что еврейшахматисты мало похожи на других своих соплеменников. Он до тошно внимателен: у Капабланки находит примесь негритянской крови. Капабланка, как известно, был креол. Михаил Осипович был достаточно образован, чтобы подумать о возможности маранского происхождения Капы. Тогда многое сходится. Вот его описание Ласкера: «Ласкер с пышною и густою шевелюрою, с острым профилем округленного лица, похож скорее на вдохновенного скрипача или виолончелиста, чем на шахматиста. В его фигуре так много вдохновения, что, вероятно, он умеет внести его даже в игру, основанную на расчете. Это поэт шахматного поля». Прекрасные слова.

Турнир окончен. И к огорчению публики, в том числе и Меньшикова, не так как предполагалось. Титан-«Еврей» победил! Украл победу у «Арийца», хоть и с примесью негритянской крови, но «Арийца». И в следующих своих статьях, уже не связанных с шахматами, Меньшиков гнет свою линию. В «Письмах к ближним» он объединил две статьи: «Жизнь под солнцем» и «Расовая борьба». Первая посвящена текущим событиям, вызывающим ассоциации с новейшим временем: Дума и бюджет. Денег в казне нет, и все живут старыми классическими рецептами: «заложить, продать, занять». Далее он пишет: «...чем глубже я вникаю в жизнь, тем для меня бесспорнее, что основным деятелем в каждой стране служит *гений расы* – главным образом гений правящего слоя. Если этот гений не глуп и трезв, то все в порядке: го-

сударственность делается деловитой, а с нею народ».⁵⁸ Затем – мало отрядный анализ правящего слоя. Как принято у правых, тяготеющих к Германии, ссылка не только на расовые теории, но и на Бисмарка, упрекавшего славянство за «женственность». И это накануне мировой катастрофы, до которой оставались недели, и где германские «мужчины» будут испытывать эту «женственность». Но что делать с бюджетом, названным Михаилом Осиповичем шляхетским, расточительным, нетрезвым. Надо поклониться «жиду» с маленькой буквы или идти к тому же «Еврею» на поклон, под благовидным предлогом «привлечения иностранного капитала». Так бывает с любым нерадивым хозяйством: или оно окончательно губится или приходит другой владелец. Не правда ли – грустно и современно.

Рядом с этим печальным анализом – маленькая статейка «Расовая теория». В «женственности» уже обвиняется не только славянство, но вся арийская раса. И как пример развенчивания арийцев выбран международный шахматный турнир. Его итоги вызвали зубовой скрежет. Что же произошло: «Деревянная корона в этой высокоинтеллектуальной области носится уже давно, чуть ли не полстолетия, представителями еврейского племени. «Еврея» Стейница напрасно покушался победить наш богатырь Чигорин. Нынешняя претензия молодого «Испанца» развенчать «Еврея» Ласкера тоже осталась тщетной. Это было прекрасное восстание арийской расы, имевшее в лице г. Капабланки все шансы на победу, но она окончилась самым странным, нелепым и плачевным поражением. Может быть потому, что у «Евреев» нет своего политического царства, – судьба предоставила им территорию шахматной доски, и здесь, пред «царем иудейским» г. Ласкером должны еще раз склониться все деревянные величества квадратных, разлинованных на клеточки королевств.

Что ж греха таить? Вместе со всем Петербургом, всей Россией, всем арийским шахматным миром я был душой и сердцем за Капабланку, и не только потому, что он ариец, а его противник семит, а потому еще, что г. Капабланка молод, изящен, гениален и необыкновенно симпатичен, а д-р Ласкер человек с сединой в волосах и со стальной машинкой вместо сердца».

Далее идет инсинуация против Ласкера, связанная с тяжелыми предварительными переговорами по поводу его матча с претендентом. Увы, «Еврей» Акиба Кивелевич Рубинштейн, кронпринц, был далеко не «жидом», т.е. не обладал соответствующей практической хваткой, которую навязывают еврейству «меньшиков». А вот «Ариец» Капабланка, тот уж действительно – прагматик и шел к цели напролом и, в

конце концов, сыграл желанный матч. Но это в будущем. И жаль, что победу Арийца над Евреем не увидел Михаил Осипович. Того и гляди – продлил бы ему Господь дни – он бы увидел победу Русского и прочитал бы строки своего идейного ученика, где черным по белому описана победа Арийцев над презренными Евреями, включая продавшегося оным Арийца с примесью негритянской крови... Но это в будущем, а сейчас выпад против Ласкера, который не так стговорчиво идет на заклятие: «Д-р Ласкер многих вооружил и возмутил против себя некорректною манерой вести компанию против своего соперника не только на шахматном, но и на газетном поле. Чувствовалась попытка раздражить г. Капабланку, довести его молодую, впечатлительную натуру до состояния, близкого к потере равновесия. Этот прием, если он был в действительности (*шахматный мир лучше об этом знает*), не заслуживает оправдания. Что это, в самом деле, за турнир, когда два главных героя, два кандидата на мировую шахматную корону, не могут даже раскланяться друг с другом и пожать взаимно руку? В области искусства, как и рыцарского состязания, это недопустимо».⁵⁸

Чью сторону держит Меншиков, ясно. Но, что касается манеры вести газетную войну, то асом себя показал Капабланка. Спустя семь лет он загнал шахматного короля в угол, и не последнюю роль в травле Ласкера сыграли Арийцы. Причины, по которым Ласкер капитулировал под газетным и иным давлением, он сам объяснил в книге «Мой матч с Капабланкой»⁵⁹: «В шахматной прессе 1912-1914 годов довольно часто высказывается утверждение, что я ни разу не решился подвергнуть свое звание чемпиона мира серьезному испытанию и лишь этим удерживаю его». Более полную картину воспроизводит А.Н. Кобленц, лично общавшийся с «д-ром Фаустом»: «Не последнюю роль в травле чемпиона мира приняли антисемитски настроенные шахматные круги».⁶⁰ Уместно привести конец цитаты, относящейся ко времени меншиковских упражнений: «...любопытная деталь: просматривая шахматные отделы немецкой газеты «Rigasche Rundschau» нашел заметку редактора, выразившего свое «возмущение» тем, что в прессе Ласкера, победителя Петербургского турнира гроссмейстеров 1914 года, называли немецким шахматистом: «Какой же он немец, Ласкер – еврей» (*автор заметки ставит точки над «i»*). Эти же круги воспротивились матч-реваншу Ласкера с Капабланкой, на который он имел моральные права, в силу установленной традиции (*сам Ласкер играл матч-реванш со Стейницем*), и фактические права после своей грандиозной победы в Нью-

Йорке в 1924 году. Капабланка этого шанса своему маститому сопернику не предоставил. За бесчестность шахматы мстят. «Усыпив бдительность» Капабланки, Алехин не только выиграл у него матч на первенство мира, но и не согласился играть с ним матч-реванш – нравоучительная история для современных шахматных королей. В наше время право на матч-реванш было «украдено» у Ботвинника.

В послевоенные годы Ласкер жил в стесненных обстоятельствах. И даже сделал другой своей профессией – карты. В воспоминаниях жены А.В. Луначарского актрисы Н.А. Розенель мы можем прочитать: «Несколько человек поднялись из-за своих столиков, и подошли к нам. Среди них прославленный шахматный экс-чемпион д-р Э. Ласкер. Оказалось, что он здесь ежевечерне играл в покер. В тот период он слыл крупнейшим арбитром по покеру, и покеристы всего мира считали его решение окончательным. Жилось ему в материальном отношении трудно, и этот «арбитраж» служил для него подспорьем».⁶¹ Увы, и здесь, на житейском попреще, Эмануил Ласкер не сумел приспособиться. Не было у него «жидовского» таланта наживать деньги.

Воспоминания Луначарской написаны в пятидесятые годы, а тогда в двадцатые, советские зубоскалы безжалостно топтали боровшегося с

безденежьем человека: «Мы знали Эмануила Ласкера, как выдающегося шахматиста, математика, философа и драматурга. Наше молодое поколение училось на его далеко не заурядных шахматных трудах. Тем обиднее видеть нам уже сошедшего с шахматной сцены старика в новом, но уже позорном амплуа. Предлагаемый вниманию читателя рисунок представляет собою обложку недавно вышедшей книги Эм. Ласкера о карточной игре. Итак, от философии и шахмат к ... картам. Какая жалкая метаморфоза, если подумать,

на какую аудиторию рассчитана новая книга Ласкера. Но в буржуазном обществе этика определяется одним словом: деньги. За деньги нас покупают, продают и изображают на обложке собственной книги не то шутом, не то «клубным арапом». И все же мы вправе были ожидать от Эм. Ласкера большей принципиальности: то обстоятельство, что он закончил свою карьеру столь бесславно, отшатнет от него многих советских шахматистов». А в сноске угроза советскому издательству – «Госиздату», заключившему с автором договор на издание «карточ-

ной» книги в 1927 году, купившему рукопись и за «подобную дребедень» даже расплатившемуся валютой: «Кое-кому следовало бы заинтересоваться этим вопросом». ⁶² Интересно кто это – «**кое-кому**»? Не всевидящие ли органы? Кстати вся заметка набрана жирным шрифтом.

Но это в будущем, а сейчас вернемся к М.О. Меншикову, который мечет громы и молнии: «Благодаря плохому характеру г. Ласкера, в шахматном клубе образовались как бы две грозные атмосферы: одна арийская, сочувствующая г. Капабланке, другая – еврейская, более благоприятная д-ру Ласкеру. Спор, наконец, окончен. Презренные полочка – подумайте! – всего пол-партии! – заставляют весь свет еще раз признать мировым величеством д-ра Ласкера. Честь ему за это и слава! Крайне неискренне и с болью в сердце, мы вынуждены ему аплодировать». Меншикову в буквальном смысле слова приходится утешаться забытой ссылкой «Русского» по поводу предыдущего турнира и победы в нем «Евреев», на их хитрость. Свое слово – «зависть» – Михаил Осипович забыл: «Единственным утешением служит то, что кроме бесцветных, хотя и сильных партий, обыкновенно «ничьих» с большими игроками, д-р Ласкер дал все-таки доказательство и действительно гениальной игры – какова его решительная партия с г. Капабланкой... ведь то удивительно, что д-р Ласкер играл в этот раз с сокрушающей, ничем не преодолимой силой. Бык очень сильное животное, но в объятиях удава у него начинают трещать кости, и, несмотря на отчаянные усилия, он постепенно превращается в мясной ком. Таково впечатление от этой ужасной партии». Сравнение грубое, жестокое. Но и то ведь – «Арийца»–Аписа побеждает Семитский мистический хитрый Змий, охватывающий Арийский мир. Это уже слышна труба Апокалипсиса.

Презренные полочка не означают для Меншикова полного превосходства Ласкера над Капабланкой или, как сказано, из этого не следует, что «Еврей» гениальнее «Арийца». Величие и красота таланта, по мнению Меншикова, на стороне кубинца. И именно это влечение Арийца к красоте в этот раз погубило юного претендента, как когда-то погубило Чигорина. Оставляя в стороне, кто гениальнее – это дело вкуса и предвзятости (*для Ботвинника – Капабланка высшее проявление гениальности*), бросим взгляд на таблицу Петербургского турнира. Единственное поражение Ласкер потерпел от «Еврея» Осипа Бернштейна, находился в критическом положении против «Еврея» Зигберта Тарраша, с трудом спас полочка, сделал ничью с «Евреем» Ароном Нимцовичем. Зато, какие изумительные две победы он одержал над Алехиным в финале – обе они вошли в золотой фонд шах-

матного искусства. Два поражения Капабланке нанесли два «Еврея» – Ласкер и Тарраш, а в последнем туре «Ариец» Алехин подарил очко своему тогдашнему другу Капабланке. На языке шахматистов это называется «сплавить» партию. А количество ничьих в игре «Арийца» Капабланки возрастет вплоть до признания им ничейной смерти шахмат. Но это впереди. А в прошлом Михаил Иванович Чигорин с гневом писал о шахматных халтурщиках, переезжающих с турнира на турнир и делающих многочисленные короткие ничьи. На языке Чигорина эти ремесленники вполне справедливо назывались «бременскими музыкантами». Но и Чигорин, вопрошавший Макса Вейса, сколько он сделал ничьих в очередном турнире, забыл, что его матч с тем же Вейсом окончился четырьмя ничьими. И он сам объяснял отсутствие риска в этих партиях, страхом потерять дележ первого приза. Оказывается, и «Арийцы» могут быть практичными и умеют считать.

Ну, а Михаил Осипович гнет свое: «Мне кажется, арийцы (*С маленькой буквы по забывчивости. – С. Д.*) в шахматах, как и в торговле, оттого уступают «Евреям», что кроме цели, много думают о средствах и слишком разборчивы». Ах, какие нравственные «Арийские» господа Разуваевы и Колупаевы! Оказывается, они брезгают подозрительными приемами приобретения богатств. Не то, что Евреи, без оглядки, вступающие на тропу войны. Отсюда у Меньшикова озабоченность за будущее, ибо опыт истории учит, что даже имперские колоссы – Македония, Рим рухнули. Слишком прозрачен намек.

И последнее: Михаил Осипович возвращается к любимой идее, что еврей-интеллектуалы внешне не похожи на «Евреев»: «Имея редкий случай наблюдать сразу полдюжины гениальных «Евреев», я всматривался в них особенно внимательно. И вот что меня поразило: *они вовсе непохожи на «Евреев».* Для «Евреев» они совершенно не типичны. Ни одного между ними нет, о котором вы в толпе сразу и уверенно сказали бы: это «Еврей». Чемпион мира д-р Ласкер гораздо больше похож на «Итальянца», нежели на «Еврея». У него что-то корсиканское, наполеоновское в лице, и никак не бердичевское или шкловское. (*Жаль, что не егупецкое или касриловское в духе Шолом-Алейхема. – С. Д.*) Д-р Бернштейн – типичный француз, д-р Тарраш смахивает на «Малоросса» или «Баварца». Г. Нимцович – совсем «Поляк», как и похожий немного на Надсона г. Яновский. Молодой г. Рубинштейн мог бы назваться «Англичанином» или любым «Арийцем». Это и в самом деле любопытная черта: как только «Еврей» оказывается талантом, например Антон Рубинштейн (композитор и пиан-

нист), он становится не «Евреем» – и по типу, и вероятно по крови. Невольно припоминается утверждение Чемберлена, что чистых семитов среди «Евреев» – 5%, чистых же «Арийцев» –10%, остальное – помеси. Если верно это утверждение (до обобщения тут конечно далеко) то, что же это значит? Это значит, что в великой борьбе рас мы растрачиваем не только пожитки, но и таланты, а «Евреи» вместе с чужою кровью приобретают их».⁶³

У М.О. Меньшикова идея-фикс «объевреиванья» европейского общества. Конечно, к началу XX века, интеллигентные круги Петербурга и, в чуть меньшей степени Москвы, были достаточно пронизаны еврейским элементом. Крещение и смешанные браки достигли весьма высокого процента. Напомним, что массовые крещения кантонистов, привели к заселению бывшими евреями крупных городов. Если **все** население обеих столиц России по переписи 1897 года составляло всего-навсего 2 миллиона 300 тысяч человек, то количество бывших евреев в интеллигентной среде составляло весомый процент.

(Судите сами: в 80-е годы XIX века в Москве проживало 800 тыс. человек, из коих 600 тысяч крестьян!) Произошла, как я называю, «австриизация» России. Суть её состоит в том, что: «Эти восходящие слои в немалой степени формировались из еврейских семей и евреев – пришельцев с окраин империи. Не в последнюю очередь именно еврейские круги следует благодарить за то, что привилась любовь к музыке, были оценены такие музыкальные гении, как Густав Малер, Арнольд Шёнберг, Альбан Берг, Антон фон Веберн, за расцвет изобразительного искусства – вспомните хотя бы культурную жизнь в доме Витгенштейнов. И все же в еврейской традиции господствовало слово. Сознательное развитие еврейского ребенка начиналось с Ветхого Завета и священных книг, об этом подробно пишет Манес Шпербер в «Божьем водоносе». Еврейская традиция сыграла важнейшую роль в том, что центр творческой активности переместился в литературу: очень быстро появились в изобилии не только выдающиеся таланты, но и многочисленные увлеченные почитатели книг, журналов, газет, театра. *Изгнание евреев из Австрии и их уничтожение сильнее всего потрясли культуру Австрии нашего века*».(64) **Обратим внимание на последний постулат: изгнание евреев наносит непоправимый удар по интеллектуальной силе нации.**

У Меньшикова все принимает гипертрофированные формы. Так в 1908 году он разразился статьей в «Русском знамени» – «Жид пришел», заимствовав название из знаменитой статьи «Нового времени»

от 23 марта старого стиля 1880 года. Причиной было чествование Ф.И. Шаляпина 24 ноября 1908 года в связи с Петербургскими гастрольями. Среди публики было много евреев и, наряду с русскими народными песнями, знаменитый актер Николай Николаевич Ходотов исполнил популярную до сих пор песню на иврите «Хава нагила». Меньшиков с пеной у рта доказывал, что настоящая фамилия певца Ходотзон!⁶⁵

А, ведь прав был шельма. Мать Ходотова носила подозрительную фамилию Шенкен – именно таково название одной из улиц Тель-Авива. Но мало этого: Ходотов признается, что был магистром ложи «Вольных каменщиков», собиравшейся на его квартире, по адресу: Невский проспект, д.60, кв.7. Ложа созданная в 1923 году просуществовала недолго – тайных обществ ни одна власть не любит. На бдениях ложи читалась, кстати, пьеса «День и ночь» С. Анского (Рапопорта).⁶⁶

Статья Меньшикова была замечена и кадетский «День» ответил статьей, написанной Д.И. Заславским, скрытым за псевдонимом «Notunculus» под названием «Равноправие на доске»: «Евреи в России так угнетены, так исстрадались, такие терпят унижения, что наверно нуждаются в утешении, и кто из них хочет отдохнуть, хочет пожить, хоть полчаса в атмосфере равноправия, пусть идет в шахматный клуб». Заславский иронизирует о наступившем времени мирового соглашения: волк улегся рядом с агнцем: «Склонившись над евреем Ласкером, восторженно дышат ему в затылок свирепый юдофоб из «Голоса Руси» и елейно-подколотый Меньшиков». Далее идет знакомая нам картина о праве на жительство евреев: «Что, если бы в разгаре игры явился в клуб пристав и занялся бы проверкой документов у присутствующих евреев? Да Меньшиков ему бы горло перегрыз, да Меньшиков у себя на квартире устроил бы талантливому еврей-шахматисту, притворяющегося, будто он фармацевт». По поводу процентной нормы в шахматах фельетонист иронизирует: «Нет эллина и нет иудея для Меньшикова на шахматной доске, и это единственный уголок, где так блестяще разрешен национальный вопрос. Это сладкая истина, но опасная. Как бы все евреи поголовно не записались в шахматисты, и как бы не возникла новая религия...». Далее Заславский описывает фантастическую партию, игранную Меньшиковым против Ласкера. Дебют её известен под именем «дебюта доктора Дубровина» – председателя Союза Русского народа. Конец партии известен: Меньшиков, который играет, конечно, черными – черносотенцами, жульничает при поддержке «союзников» и сметает с доски белые фигуры еврея Ласкера.⁶⁷ *(Кстати, устройство евреев-шахматистов в столице было делом непростым. Так Петру Александровичу Сабурову,*

члену Государственного совета, организатору шахматных конгрессов в Петербурге вменяется в заслугу то, что он с большим трудом добивался разрешения на приезд иностранных и русских шахматистов-евреев в столицу на время турниров. О, Русь!»⁶⁸

Прошло почти два десятилетия. В небытие ушла старая Россия. И на тему, интересующую Меньшикова, было наложено табу. Тем удивительнее, что идеи одной из теоретических статей Петра Арсеньевича Романовского 1937 года, поразительно совпадают с дореволюционными, и с теми, которые были популярны в тогдашней Германии – правители Рейха поощряли проведение турниров, объявив шахматы элементом арийской культуры. Йозеф Геббельс – стал почетным опекуном Германского шахматного союза, вроде нацистского аналога «Крыленки».

Статья П.А. Романовского «Некоторые творческие тенденции современности («Технический» уклон)»,⁶⁹ конечно же, не говорит о еврейских шахматах, заменяя это понятие эвфемизмом – «файно-флоровский стиль». Суть статьи сводилась к следующему:

1. У шахматистов этого стиля доминирующее значение придается дебютной теории.
2. Игра без создания в собственном лагере слабостей.
3. Отрицание жертвы, как элемента борьбы, и, наоборот, принятие её при невозможности ясно – технически учесть силу компенсации: «Я лично... предпочитаю жертвовать **чужие** пешки, а не свои». (С.Флор)
4. Придание исключительной значимости технической стороне борьбы и отсюда упорная тенденция к достижению результатов техническим путем.

В военные и в послевоенные годы борьбы с космополитизмом Романовский расширил эти пункты, в том числе за счет восхваления М.И. Чигорина и добавив выпад против Запада: «Культивируемые западными школами различные виды преимуществ и слабостей, безотносительно к динамике борьбы и к общей обстановке...».⁷⁰

Более того, начав с восхваления «советской» школы он переходит на восхваление «русской» школы: «Русская школа в шахматном искусстве является подлинно художественной; смелая фантазия и глубокое творческое начало служат её основами» и т.д.⁷¹

Это настолько упрощенный взгляд на современные шахматы, что он не выдерживает критики. Возьмем, например, «гения комбинаций» Алехина. Его знание дебютов давало ему неоспоримое превосходство над противниками: из дебюта он обычно выходил белыми с преимуществом и часто решающим, а черными получал, по крайней мере, равенство. Это может доказать статистика. Что же касается техники,

то, как бы выглядел Алехин в матче с Капабланкой без оной? А вот другому «Арийцу», Боголюбову, явно не хватало техники, и многие партии, доведенные им до выигрышного положения, например в первом матче с Алехиным, он не мог реализовать. Во втором матче в шести(!) по существу выигранных партиях (1, 4, 8, 12, 19, 21) Боголюбов набрал всего два очка! (См.: *Матч Алехин – Боголюбов – Шахматы в СССР, 1934, №7, с.138*). Да, Алехин умел атаковать, умел жертвовать, но, играя с лучшими шахматистами мира, он, бывало, попадал в стесненные позиции и вел жесткую оборону. Целая глава в книге А. Котова об Алехине посвящена искусству защиты чемпиона мира. Она носит название «Чувство опасности» – иными словами – чувство безопасности, налагаемое как бремя вины на «Евреев». (*Что сказал бы об этом Тигран Вартанович Петросян?*).⁷²

Вероятно, статья Романовского имела и скрытого адресата – она метила в М. Ботвинника, возможно, это было в ней главным. В своих воспоминаниях М. Ботвинник писал, что П.А. Романовский критиковал его за обилие ничьих в матче с С. Флором. Ботвинник напомнил мастеру Романовскому про его «творческие успехи» в матче с гроссмейстером Е. Боголюбовым (-5, +1, =6): «Петр Арсеньевич... Вы тогда, видимо, правильно играли с творческой точки зрения». ⁷³ Союзником П.А. Романовского оказался «догматик» Зигберт Тарраш, автор своей последней статьи о матче Флор – Ботвинник под названием «Шахматы как снотворное средство». ⁷⁴

Позже М. Ботвинник ответил П. Романовскому в книге «Одиннадцатое всесоюзное шахматное первенство». В предисловии, в главе «Очередная задача советских мастеров», где отставание советских мастеров от западных он как раз объясняет недостатком позиционной техники и, в качестве панацеи, предлагал издать сборник партий Саломона Флора. Ботвинник восхваляет технику не только Капабланки, Файна и особенно Флора, но и Алехина: «Техника позиционной игры заметно шагнула вперед; одно время последнее слово в этой области было сказано Капабланкой. Кое-что добавил Алехин, с большим искусством проводил некоторые позиционные партии Файн... Но мне кажется, что особенно много было сделано Флором. Флор наряду с Капабланкой, пожалуй, наиболее тонкий позиционный шахматист... мне думается, что если бы в СССР был издан сборник лучших партий Флора, это принесло бы... большую пользу...». ⁷⁵

Сам же Саломон Михайлович Флор ответил «уважаемому заслуженному мастеру П.А. Романовскому» в статье опубликованной в газете

«64» под названием «Еще о творческих тенденциях современности»,⁷⁶ где Флор сетует на то, что его попросту обругали, и он желает лишь защитить свои шахматные воззрения. Далее он касается так называемой комбинационной игры: «У Романовского есть в статье одно серьезное обвинение, характерное для мышления идейных представителей, так называемой, чистой комбинационной школы». Сравнение мастеров прошлого – Морфи и Андерсена с современными мастерами неправомерно, и считать их самыми крупными тактиками в истории шахмат трудно. Современные мастера выдвинули таланты не меньшей силы, чем Морфи. По словам Флора, ему легче рассчитать комбинацию в 10 ходов, чем найти единственный стратегический ход. Своим лучшим творческим достижением Флор считает шестую партию в матче против Ботвинника: изумительная борьба двух слонов против двух коней. *(Кстати, ее очень высоко ценил А. Алехин!)* И, конечно, современный мастер не так ограничен, как его представляет Романовский. Надо сказать, что слова Романовского не на шутку обидели Флора, ибо в комментариях к одной из своих партий, Саломон Михайлович иронизирует: «Мастер И. Рабинович очень предупредительный противник. К радости заслуженного мастера П. Романовского, он дает мне возможность закончить партию в «творческом стиле». Следует комбинация несложная, но доставившая удовольствие зрителям».⁷⁷ Последнее выражение – перифраз слов Капабланки, брошенных им С. Тартакову на Лондонском турнире 1922 года: «Доставим удовольствие галерке» ... *(Думаю, не случайно Саломон Флор избрал свою партию с Рабиновичем. В 30-е годы он мог найти и другие примеры, но... Илья Леонтьевич Рабинович (1891–1942), чемпион СССР 1934 года выиграл в свое время матч у Петра Арсеневича с очень неплохим счетом – +5, –1, =2... Это было неприятное напоминание. Кстати, Рабинович выиграл и партию у Макса Эйве в Ленинграде в 1934 году. Что же касается отношений Романовского и Флора, то видно они примирились. Следствием примирения были тренировочные партии, сыгранные по просьбе Петра Арсеневича в послевоенную эпоху. Нелишне отметить личную трагедию ленинградского мастера, у которого в блокадном городе умерли жена и дети: у него были свои счеты с нацизмом.)*

В статье Романовского есть и неблагоприятная футурология. Он считает, что Флору больше не достичь высот прошлых лет. Вероятно, этот же прогноз относился и к Р. Файну. Действительно, в 1938 году Флор потерпел сокрушительное фиаско в Амстердаме, но сумел в 1939 году блестяще реваншироваться в Кемери *(Первое место при 16-ти участниках. Боголюбов был в середине таблицы и в тренировочном турнире*

Ленинград – Москва 1939 года, где он занял чистое первое место выше С. Решевского, провалившегося Кереса и всех советских участников, кроме отсутствующего Ботвинника при 18-ти участниках). Для сравнения укажем, что Ботвинник в этом году стал чемпионом СССР, и состав советских участников в основном был тот же, что и в тренировочном турнире, за исключением западных мастеров. Таким образом, Флор одержал более весомую победу, чем Ботвинник. После Ноттингемского турнира 1936 года «Винер Шахцейтунг» привел таблицу результатов гроссмейстеров между собой, т.е. исключая четырех англичан. Флор в этом гроссмейстерском турнире разделил первое-второе место с Ботвинником. Он умудрился потерять против англичан два очка из четырех, насчет чего проиронизировал в турнирном сборнике Алехин, но хотя, что не совсем логично, сам сделал с англичанами две ничьи, которые вывели его из борьбы за первое место. Особенно интересно, что Алехин сделал ничью со **слепым** мастером сэром Теодором Генри Тейлором (1900–1968), адвокатом по профессии. Очень хотел выиграть бывший чемпион мира, но попал в цейтнот и растерял преимущество. К чести, Алехин не стал оправдываться и сам обругал себя. Он говорил о себе в третьем лице, как о мастере, попавшем по своей вине в цейтнот.

Ослабление игры С. Флора в первую очередь связано с тяжелым положением в Чехословакии накануне пресловутого Мюнхена – он потерял Родину. Что же касается Р. Файна, то прогноз П. Романовского в отношении его оказался ошибочным: в Амстердаме он разделил первое-второе места, а в двух советских турнирах в Москве и Ленинграде просто устроил экзекуцию соперникам, легко завоевав первое место. А «фигура умолчания» – Михаил Моисеевич Ботвинник стал чемпионом мира.

Начало полемики, связанной с Ботвинником, вероятно, лежит в предисловии Я. Рохлина к книге «Первенство Ленинграда 1932 года». Он пишет о противопоставлении идей старой, как он называет «черноземной», школы с творчеством Ботвинника: «Некоторым скептикам творчество Ботвинника не совсем импонирует, а кое-кому из ветеранов его успехи все кажутся следствием объективного турнирного счастья... Надо сказать, что у нас еще достаточно распространен дилетантский взгляд, что глубина шахматного творчества оценивается преимущественно числом жертвенных комбинаций... М.М. Ботвинник в шахматном отношении рос на наших глазах. Бесспорно, в его игре имеются ещё недостатки: например, заметна некоторая склонность к схематиче-

ской трактовке ряда положений, он явно недолюбливает и избегает чересчур запутанных позиций; однако использовать эти недостатки практически очень трудно». Далее идет важнейший вывод: «**Как тактик** (и мы считаем необходимым подчеркнуть), **Ботвинник не имеет себе равных в СССР**. Вопрос только в том, какова глубина тактических комбинаций Ботвинника, по сравнению с другими советскими мастерами. Могучая плеяда старшего поколения, продолжателей «черноземного» искусства М.И. Чигорина – Романовский, Левенфиш, Богатырчук, Верлинский – облекали свои тактические маневры в рамки «промежуточных комбинаций», так называемых Zwischenzug'ов, которые были в свое время бичом для молодого поколения. Это в особенности давало себя чувствовать в заключительной части миттельшпиля и в сложном эндшпили. Каждый из новой плеяды советских мастеров испытывал горечь неудач и разочарований, когда в получавшихся выигранных позициях против того или иного мастера старшего поколения совершалась неожиданная метаморфоза. Сколько было таких партий проиграно... М.М. Ботвинник, несмотря на свою молодость, счастливо избежал этих ошибок...»⁷⁸

Но и для Ботвинника не все было так просто. Отметим, что из четырех «черноземцев» чигоринской школы расы были представлены поровну. Все они были чемпионами СССР, а Левенфиш и Романовский даже дважды, и для Ботвинника победить их было сложнейшей задачей. Не говоря уже о катастрофе с Ф. Богатырчуком ($-3, =2$), очень чувствительным для самолюбия будущего чемпиона мира, был матч на звание чемпиона СССР с 49-тилетним Григорием Яковлевичем Левенфишем, окончившимся вничью ($+5, -5, =3$). Общий счет с вышеупомянутыми «чигоринцами» ($+14, -11, =20$) скорее говорит о трудностях роста Михаила Моисеевича, чем о его полном превосходстве. Романовский до конца своих дней был убежден в тактической слабости Ботвинника. На закате своих дней, говоря о молодом Мише, он заметил: «Играл Ботвинник уже тогда превосходно, не хватало ему разве, из-за отсутствия опыта, широкого тактического кругозора».⁷⁹ Надо сказать, что и другие представители «черноземной школы» обнаружили «ахиллесову пяту» Ботвинника. Так Илья Абрамович Кан рассказывает, что именно по совету двух «доминиканцев» («Доминиканцами» именовались *завсегдатаи известного шахматного кафе в Петербурге на Невском проспекте в дореволюционные годы.* – С.Д.) – Ф.И. Дуз-Хотимирского и С.Н. Фреймана он применил против Ботвинника на VI чемпионате страны гамбит Эванса: результат был налицо – разгром

будущего чемпиона мира в 19 ходов! Применив гамбитный вариант Венской партии на II Московском международном турнире в 1935

году, тот же самый Кан разбил Ботвинника также очень быстро. Остроумный Абрам Модель обыграл в стихах разгром Ботвинника следующим образом:

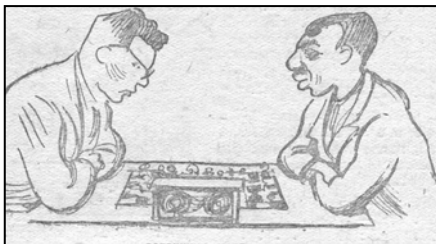
*«Дважды Кан играл гамбит,
Дважды Каном был я бит,
Если снова встречу с Каном,
Ограничусь Каро-Канном»*

(цит.: по статье М. Юдовича «Талисман дружбы» – БЦШК, М., 1979, № 5, с.10.).

Возможно, что этот совет пригодился Ботвиннику в матчах со Смысловым и Талем.

Здесь уместно сказать несколько слов об Абраме Яковлевиче Моделе (1895–1976),

сильном мастере 20-30-х годов. На него еще до революции обратил внимание А. Алехин и предсказал большое шахматное будущее. В V первенстве СССР Модель, разделив третье-четвертое места, получил звание мастера. Чемпион Ленинграда 1944 года. В 1930 году под псевдонимом «Икс» выиграл заочный матч против 10 сильнейших игроков Ленинграда со счетом +7, =3! Среди его противников был и Ботвинник. Именно ему М.М. обязан знакомством с «тайнами» Голландской защиты, которая принесла Ботвиннику немало побед. Модель – один из самых остроумных шахматистов.

М.Ботвинник и А. Модель.
Первенство Ленинграда 1932 г.
Рисунок Н.Э. Радлова.

И еще. Спустя столетия А. Котов не постеснялся написать следующие: «Когда-то, на первых порах своих выступлений, Ботвинник, уже добившийся больших спортивных результатов, явно страдал недостатком полета фантазии, но, к счастью для шахматного мира, устранил этот изъян титанической работой» (Александр Котов, М., 1984, с.273).

Ботвинник в своих воспоминаниях отметил и личный аспект – Романовский недолюбливал его, «молодого выскочку». И действительно: в чемпионате СССР 1927 года было сыграно много хороших партий,

в том числе и победителями Романовским и Богатырчуком, но единственная партия, вызвавшая восторг западной прессы была победа 16-летнего Миши над Ильей Леонтьевичем Рабиновичем именно в Голландской защите, накануне получившим «Тору» из рук Абрама Моделя, объяснившим ее смысл. Единственный случай в мировой практике комментирования, когда Рудольф Шпильман поставил шесть(!) восклицательных знаков подряд, из них три – имеют по два восклицательных знака. Уникум. Шпильман предсказывает будущность Ботвинника. (См.: *«Шахматы и шашки в рабочем клубе»*. (64), 1927, №19, с.2-3.). Напомним, что спустя несколько лет Ботвинник создал шедевр краткости в партии с Рудольфом Шпильманом, одним из сильнейших шахматистов того времени, выиграв партию за 11 ходов!

Будет уместно рассказать и о мало известном ответе Ботвинника на статью Романовского, который в свете будущего мог бы быть ответью на юдофобскую инсинуацию Алехина. В свою очередь, имя Романовского в ней не упоминается, но, безусловно, она имеет этот адресат. Речь идет о статье Ботвинника, приуроченной к 30-летию смерти М.И. Чигорина, и никогда впоследствии не переизданную по понятным причинам: «Почему Чигорин не был чемпионом мира?». ⁸⁰ Ботвинник отдает должное дарованию покойного чемпиона России, но считает, что благодаря узости своего взгляда на шахматы, Чигорин не сумел перестроиться и полностью впитать в себя новые веянья школы Стейница: «Стиль Чигорина ...претерпел некоторые изменения. Хоть на словах он горячо восставал против принципов Стейница и правил Тарраша, но на игре его самого все более заметным становится влияние «новой школы»... Но в основном Чигорин оставался верен себе и «старой школе». Очевидно, что в шахматы можно играть любым стилем, – всякий стиль хорош, если он ведет к победе. Но чем шахматист разностороннее, тем больше у него шансов на победу, тем глубже и лучше он может сыграть за доской... По характеру своего творчества Чигорин в большей мере остался приверженцем «старой школы» и, может быть, поэтому он не стал чемпионом мира». Далее идет пассаж, который можно связать лишь с историей Петербургского шахматного собрания и пресловутым «файно-флоровским» стилем. Ботвинник вспоминает сборник партий Чигорина, изданный Е.Д. Боголюбовым: «Однако именем М.И. Чигорина иногда пользуются для целей, шахматному искусству совершенно чуждых; так, в предисловии к своей книге «Избранные партии Чигорина» Боголюбов пишет: «Я сам слишком ясно чувствую неразрывную связь своей игры с игрой М.И. Чигорина; то же сходство в сти-

ле с М.И. Чигориним можно легко усмотреть и у А.А. Алехина; может быть, это сходство стилей должно быть объяснено общим нам славянским происхождением...» (! – знак М. Ботвинника. – С.Д.). Вывод Ботвинника почти неожиданен, если не принять во внимание привходящие обстоятельства: «Такое «объяснение» должно быть решительно отвергнуто. Видимо уже в 1926 г. (когда была выпущена эта книга) Боголюбов был равнодушен к расистским теориям фашизма, приютом которого он ныне пользуется». Конечно, Ефим Дмитриевич, здесь не при чем: он как раз был равнодушен к нацизму. Да и национальный характер играл и играет определенную роль в становлении личности, и вряд ли Михаил Моисеевич мог обижаться на «Гомера шахматной доски», как раз писавшего о различиях характера внутри одного народа: «...оба маэстро представляют собою два в корне различные характера своего народа: Алехин – аристократ... Боголюбов – сын крестьянина... Один – охваченный вечным мятежом духа, другой...– воплощающий русское «ничего!» Продолжая наши выводы из русской этнопсихологии, мы увидим, что Россия всегда и во всем черпала свои подвиги из этого двойного водоема и, например, в области литературы – если ограничиться всемирно знаменитыми именами – рядом с апполиническим лириком Пушкиным блещет трагический сатирик Гоголь, рядом с просветленным эпиком Толстым – демонический психолог Достоевский. Точно текут друг к другу навстречу два волшебных источника света и мрака, добра и зла!» и далее в духе евразийских теорий: «Пусть стратегия Алехина ослепляет как солнечный свет, молнии остроумия Боголюбова часто ярко блещут из мрака! Оба они передовые борцы сокрушающей шахматной силы Востока».⁸¹

(Интересная характеристика дана Боголюбову его другом-соперником. Отмечая его огромное дарование – все неуспехи и даже провалы Боголюбова, он объясняет... ленью, отсутствием спортивного интереса, самонадеянностью и прочим. Несложно предположить, что именно «обломовщину» имел в виду чемпион мира, сам обладающий выдающийся работоспособностью, большие напоминающую немецкое трудолюбие, чем русское «авось».)⁸² Алехин обладал выдающимся трудолюбием и силой воли. Заметив, что табак отражается на здоровье – он, заядлый курильщик, перед матчем с Капой бросил курить и бросил пить. Второй раз Алехин реанимировался после проигрыша матча Эйве в 1935 году. Нет слов – сильный человек).

Нет, не Боголюбова и даже не Чигорина имел в виду Ботвинник!

Спустя тридцать лет в своих воспоминаниях М.М. Ботвинник уже не пишет о «фашисте Боголюбове», а, наоборот, с большим уважением упоминает Боголюбова и о его высокоспортивном поведении на Ноттингемском турнире, когда, фактически сделав труднейшую ничью с Капабланкой, он позволил советскому чемпиону разделить первое место. «Все вы пижоны, я вам проигрываю случайно, – заявил однажды Боголюбов своим партнерам по картам Видмару и Тартакову и, увидев в этот момент меня, добавил: А вот ему – не случайно». Мы расстались с Ефимом Дмитриевичем дружески». ⁸³ В свое время чемпион СССР Боголюбов высоко котировался на советском престижном «рынке» и был, так сказать, первенцем советской пропаганды. Так Владимир Маяковский в полемическом выступлении упомянул его в следующей реплике: «У кого-то, значит, было желание, чтобы Боголюбов набил морду Капабланке. Я не скрою, что за этим скрывается некоторая доля советского патриотизма. И вот задача журналиста заключается в том, чтобы преподнести советский патриотизм под таким совершенно, казалось бы, для этого не приспособленным материалом». (Вл. Маяковский *«Выступление на диспуте "Больные вопросы советской печати"», 14 декабря 1925 года»*. Полное собр. соч., т. 12, М., 1959, с.293. *Это был разгар первого Московского международного турнира – триумф Боголюбова! В последующие годы журналисты «приспособляли» для пропаганды и не такие вещи, а шахматы, наряду с балетом – были ударной силой агитации*). Увы, в другие времена писалось совсем по-другому: «Эта встреча имеет не только шахматное, но и политическое значение. Бывший чемпион СССР 1924 и 1925 гг., затем ренегат и пресмыкающийся жалкий «расист», встречается через 11 лет на большом международном турнире с молодым шахматистом советской страны. Многочисленные корреспонденты фашистских и профашистских газет предвкушают победу Боголюбова, играющего белыми, и уже готовят хвалебные лирические статьи во славу «рыцарей» капиталистического мира. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Гроссмейстер-комсомолец преподавал фашисту, «германцу» Боголюбову, показательный урок шахматной стратегии». ⁸⁴ Мерзкий пассаж, правда, не принадлежащий Ботвиннику, но, как мы увидим, мало, чем отличающийся от довоенных статей Ботвинника. Тем удивительнее, что Саломон Флор во времена вполне вегетарианские писал благоглупости: «Вспоминаю, как Боголюбов накануне партии с Ботвинником самонадеянно заявил о том, что обязательно у него выиграет и это будет его “приветом советским шахматистам”». ⁸⁵ Любил хвастаться Ефим Дмитриевич, но, увы, не в эти годы, и никто не ожидал его победы над молодым гением: более

чем скромный результат в Ноттингеме у Боголюбова – дележ 10-11 мест, позади были лишь английские мастера...) Будем точны: во время Ноттингема у Боголюбова произошел инцидент с Решевским. Как известно, Решевский соблюдал субботний отдых, посему в партии пятого тура с Боголюбовым, он просил австрийского мастера Клейна, записывать вместо него партию. Боголюбов возмутился. «Это выпад против моей родины(!?). Я требую, чтобы Решевский сам записывал партию».⁸⁶ Здесь интересны два момента: до войны Решевский в общем не придерживался скрупулезно всех субботних ограничений. Он играл во многих международных турнирах, в том числе и в СССР – никогда никаких проблем не возникало. Но, как сказано в заметке в «64», именно играя с представителем «арийской Германии» решил вспомнить, что он еврей, а по религиозному обычаю в субботу не работают (запись считалась также работой). Так что возмущение Боголюбова понятно, кроме нелепой фразы о «родине». Как раз в это время в Германии происходил «Турнир наций». США, Англия и др. страны бойкотировали олимпиаду, именно из-за расовых ограничений нацистской Германии. После войны Решевский стал сугубо религиозным человеком, что создавало неудобства для организаторов и участников соревнований. И это вне зависимости от национальной принадлежности. Так Исаак Болеславский жаловался, что партию против Решевского надо было доигрывать в ночное время, что и отразилось на результате.⁸⁷

Один из крупных шахматных историков современников и соплеменников Ботвинника М.С. Коган также ничего плохого не видел в том, что идеи Чигорина возрождаются, в первую очередь, среди русских игроков: Алехина, Боголюбова, Романовского. Та же самая цитата из Боголюбова отнюдь не рассматривается как криминал. Более того, Романовский указывает, что существует органическая связь Чигорина с гипермодернизмом (т.е. с Нимцовичем, Рети, Тартаковым).⁸⁸ (О М.С. Когане см. ниже). Мысли Романовского Коган подтверждает и собственными выкладками.

Будем справедливы – Петр Арсеньевич резко пересмотрел свои взгляды и в прекрасной книге «Миттельшпиль» почти полностью становится на позиции «файно-флоровского» стиля. Думаю, что не последнюю роль в этом сыграла пресловутая статья Алехина, естественно, вызвавшая у него негодование. Одна из глав книги у Романовского озаглавлена: «Две победы Вильгельма Стейница, их творческая и техническая сущность». Он пишет: «Обе партии отличаются ясной, целеустремленной мыслью. Игра Стейница говорит в них сама за себя. Тем не менее, нам хочется еще раз напомнить в заключение этой

главы-увертюры, с каким искусством Стейниц оперировал пешками и как экономно расходовал энергию фигур.

«Минимум усилий, максимум достижений!» Повторяя этот творческий лозунг Стейница в плановой игре, призывающий к бережному отношению к времени, измеряемому в шахматах темпами, можно сказать, что и в наши дни он написан на творческом знамени шахматного искусства». ⁸⁹ И еще более резко критиковал себя и других за нападки на догматизм Стейница, признавая величие Стейница – первопроходца. Это было извинением за слабость духа, проявленного им и другими в сталинские времена: «Можно ли учение Стейница считать догматичным, а его самого догматиком...? Нам приходится затронуть этот вопрос, **так как в прошлом именно таким образом трактовали некоторые из нас роль Стейница в истории шахмат. Больше того, Стейница, называли схоластом, а его учение схоластическим, тормозящим развитие шахматного искусства. Нам кажется, что такая трактовка взглядов Стейница является совершенно неверной**». ⁹⁰

Интеллектуальная добыча нацистской Германии была невелика, но она была. Престарелого Кнута Гамсуна норвежцы судили. Не украсило биографию Рихарда Штрауса сотрудничество с наци. Положение Штрауса было совершенно нелепым. Его единственный сын был женат на еврейке и внуки, таким образом, попадали под параграфы антисемитских законов. Сам же композитор очищал авгиевы конюшни искусства от «еврейской заразы». Всю жизнь он прожил в кругу друзей-евреев или «лиц еврейского происхождения»: Стефана Цвейга, Макса Рейнгардта, Гуго фон Гофманстала, Густава Мейринга, Александра Моисси и множества других. Штраус любил играть в шахматы в компаниях, где сплошь было одно «жидовьё». Для истории приведу одну прелестную миниатюру музыканта, сыгранную в 1906 г. в Вене.

Р. Штраус – Цукербеккер

1.e4 e5 2.Kf3 Kf6 3.Kc3 Cb4 4.Kd5!? K:d5 5.ed d6 6.c3 Cb4 7.d4 ed 8.Cd3!? Фе7+ 9.Kpd2 dc+ 10.bc 0–0 11.Ле1 Фd7? 12.Kg5 h6 13. Фh5 Фg4? 14.Ф:f7+!! Л: f7 15.Ле8+ Лf8 16. Ch7+ Kph8 17. Л:f8x мат!

Красивая кофейная партия.

В фашистском рейхе жил «ветхий летами» Герхардт Гауптман, жаловавшийся впоследствии, что Геббельс ему вывернул руки. Можно найти еще несколько имен – и это, кажется, все. Что касается Алехина, то надо сказать, что он единственный, который выступил с декларацией, и нацистская пропаганда прекрасно ей воспользовалась. *(Из известных деятелей русской эмиграции отметим митрополита Берлинского*

Иоанна, в миру князя Дмитрия Алексеевича Шаховского. Ненавидя советскую власть, приветствовал немецкую оккупацию России. Но в своей берлинской церкви принимал рабочих, вывезенных из захваченных земель и тайно прятал евреев. Последнее обстоятельство помогло ему получить визу в США). Можно спорить о степени подневольности Алехина, но в нейтральной Испании, в сентябре 1941 года он дал два интервью, в которых настойчиво повторял, что первым попытался рассмотреть шахматы с расовой точки зрения. Подробно поведение Алехина разобрано в статье Эдуарда Уинтера «Александр Алехин».⁹¹

В 1941 году, используя некоторые положения довоенной работы Романовского, чемпион мира А.А. Алехин опубликовал статью под названием «Arisches und judisches Schach» («Арийские и еврейские шахматы»), помещенную в оккупационной немецкой газете в Париже «Pariser Zeitung», затем перепечатанную и другими нацистскими изданиями.⁹²

Советская пресса отметила этот бред спустя полтора года: «Не так давно Алехин кокетливо снимался в военной форме лейтенанта-переводчика французской армии. Теперь он сменил французскую кокарду на позорное клеймо геббельсовского наемника и выступил с черносотенными статейками об «арийских» и «еврейских» шахматах. Фашистская печать услужливо подхватила и раздула его откровения. Но мы хорошо знаем им цену, Когда громили говорят об «арийской» литературе – жди, что запыхают костры из книг на городских площадях. Если фашисты завели разговор об «арийской» музыке – знай, что под нудную барабанную дробь будут разгонять музыкальные общества и симфонические оркестры, а лучших музыкантов перестреляют или посадят в тюрьмы»). (А. Борисов «Фашисты – враги шахматного искусства» – Бюллетень Шахматного чемпионата, посвященного 25-летию Великой Октябрьской революции, М., от 15.XI.1942г., с.12)

В статье Алехин подверг шельмованию еврейских шахматистов – Вильгельма Штейница, Эмануила Ласкера, Давида Яновского, Карла Шлехтера, Акибу Рубинштейна, Арона Нимцовича, Рихарда Рети, Рудольфа Шпильмана, Ройбна Файна, Саломона Флора и др. Исключение составил Михаил Ботвинник, о котором А. Алехин высказывается весьма сдержанно, возможно, предвидя в будущем матч с ним.

Из упомянутых в этом перечне шахматистов, А.А. Алехин имел отрицательный счёт в личных встречах с Эм. Ласкером, К. Шлехтером, Р. Файном, М. Ботвинником, минимальный перевес против Д. Яновского, Р. Шпильмана и С. Решевского. Арийцы – Е. Боголюбов, Э. Элисказес, П. Керес, и вообще «мелкоскопический» Ф. Земиш, выставляемые в качестве эталона шахматной игры, имели при этом катастрофический личный счёт с чемпионом мира. у сильнейшего из перечисленных, Кереса было +1, –5, не считая ничьих. Алехин выступал в качестве оракула, предрекая, что Эм. Ласкер был последним евреем чемпионом мира. Правоту его футурологии легко проверить... Кстати с чемпионом Австрии, а в будущем чемпионом **Великогермании** Эрихом фон Элисказесом альтмейстер сыграл две партии в Москве 1936 года и набрал 1,5 из двух. Он был старше арийца на 45 лет!

Что собой представляет, по Алехину, еврейская шахматная мысль?:

1. Материальные приобретения любой ценой.

2. Оппортунизм, доведенный до крайности, который стремится устранить всякую тень потенциальной опасности и потому раскрывает идею (если вообще можно назвать её идеей) защиты, как таковой. Еврейские шахматы сами себе выкопали могилу.

Парадокс заключается в том, (и это явствует из статьи Алехина), что если из шахмат выкинуть всех евреев, то вообще не останется истории шахмат. Ведь говорил великий Стейниц: «Я не историк шахмат, я сам кусок шахматной истории, мимо которого никто не пройдёт».

Некоторые «защитники» Алехина, всегда ссылаются на подневольность чемпиона мира, находящегося на оккупированной нацистами территории. Да, но мы знаем примеры иного толка: Эйве, «ставленник мирового еврейства», не играл в нацистских турнирах. Исключение – матч с Е. Боголюбовым, проведенный в аннексированном у чехов Карлсбаде в 1941 году, закончившийся со счетом +5, –2, =3 в пользу экс-чемпиона. Эйве объяснил этот матч желанием рассчитаться за поражения в двух предыдущих поединках и ссылкой на невозможность в будущем играть на равных с пожилым экс-претендентом. Кстати, этот матч нацистская пропаганда использовала в своих целях. И Эйве, видимо, пожалел, что даже таким образом сыграл на руку Геббельсу. (*Саломон Флор писал об Эйве: «Эйве – человек, признающий только правду, справедливость. Во время войны он ни разу не играл в гитлеровской Германии, по мере своих сил помогал антифашистам в Голландии укрываться от преследований нацистов. См.: С. Флор. Предисловие к книге «Макс Эйве», М., 1979) А «Помогал антифашистам» – это подразумевается, что гроссмейстер помогал скрываться евреям...)*

Пауль Керес, хотя и играл в турнирах, но не занимался политическими декларациями и даже отказался от чести играть матч на первенство мира с Алехиным, справедливо считая такой матч, несвоевременным. Даже Боголюбов не писал ничего подобного, а его положение было намного хуже, чем положение чемпиона мира – он был германский подданный. О его тяжелой жизни при наци рассказал Ф. Богатырчук, подчеркнувший, что Ефим Дмитриевич ненавидел нацистов из-за преследования евреев, среди которых у него была масса друзей.

В одном довоенном издании можно прочитать о жизни шахматистов в нацистском раю. Шахматистам вменялось:

1. Ездить самым дешевым транспортом, а лучше всего идти пешком на соревнования(!?).

2. Участники турниров должны квартироваться в «общей казарме» (общежитии!), спать обязательно на соломенной подстилке и питаться наиболее грубой и простой пищей(!?).

3. Участники должны все свободное время проводить вместе и не имеют права уклоняться от собраний...

4. Цейтнот и просрочка времени квалифицируются как преступление, недостойное немецкого шахматиста.

Это цитируется не бред, а Геббельсовское внедрение арийского духа. Земишу, известному цейтнотчику, несмотря на стопроцентное арийское происхождение – грозило исключение из шахматной организации. Геббельс и Франк (будущий палач Польши и друг Алехина) посетили турнир лучших германских шахматистов в Бад Саррау и улицезрели свою работу. Приводится фотография «толстого» Боголюбова (*«сдвоенной пешики», как его прозвал С. Тартаковер, который вообще был мастер на прозвища – так гаванца он прозвал Капа Кубанович, намекая на его русскую жену*) на соломенной подстилке. Кстати победителем чемпионата Германии 1935 года, к огорчению нацистских властей, стал тот же Е.Д. Боголюбов с великолепным результатом 8,5 из 10, увы, не немец. Конечно, ни одного еврея в турнире не было.⁹³ Тоталитарные режимы похожи, как сиамские близнецы. Полагаю, что фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» не потерял актуальности до сегодняшнего дня. Что же касается советского шахматного движения 20-х годов, то отметим лишение звание мастера С.Б. Готгильфа, именно за то, что он отказался жить в двухместном номере гостиницы, а просил отдельную комнату. А П.А. Романовскому было сделано общественное порицание за столкновение в ленинградской шахматной организации... Но это были ягоды.

В сталинских лагерях погибли такие известные шахматисты, как гроссмейстер В.М. Петров, этюдисты Л.Б. Залкинд и С.М. Каминер, шахматный карикатурист Ю.Ю. (Юзепчук) и многие другие.

Напомним, что выдвигению немецких шахматистов на международную арену способствовало создание Всегерманского шахматного союза в 1879 году, основателем которого был выдающийся германский шахматный и общественный деятель, первый председатель «Deutschen Schachbundes» Герман Цванциг (1837–1894), еврей, имеющий прозвище по аналогии с Бисмарком – «железный шахматный канцлер». Генеральный секретарь Германского шахматного союза с самого его основания. Организатор семи турниров. *(О его еврейском происхождении см. книгу доктора Адольфа Когута «Знаменитые евреи мужчины и женщины в истории культуры человечества», Одесса, 1903, т. II, с. 232)*

Герман Цванциг

Приведу пример совершенно выдающегося гражданского мужества.

В 1942 году в Берлине вышел небольшой учебник шахматной игры под названием «Мат». Автор – немецкий мастер Курт Рихтер (1900–1969). Стоит напомнить читателю, что в этот год победа гитлеризма казалась неминуемой: немцы стояли у Нила и Сталинграда. Психологическое воздействие этого фактора было таково, что в далекой Бразилии отчаявшийся «Интеллигент», потерявший любимую отчизну – либеральную Европу начала века, покончил счеты с жизнью. Этим человеком, был Стефан Цвейг, автор «Шахматной новеллы».

Алехин же, уверовал в победу наци, но Курт Рихтер видел другой конец... Поместить партии евреев в своей книге он не мог, особенно известных мастеров. Посему в его книге появляются многочисленные N.N., а доктор Ласкер и доктор Тарраш под весьма бесхитростными сокращениями: dr. L. и dr. T-h. В последнем случае окончание «h» дано, чтобы не спутать с д-ром Тартаковым. Многочисленные Коганы и Коены расписаны невиданным правописанием, вроде Coggan. Уже тогда было известно письмо М. Эйве с просьбой спасти «друга» Оскама. И что вы думаете? Рихтер публикует победную партию Оскама и морализирует по поводу путешествия черного короля. К этому времени, возможно, был рас-

стрелян нацистами чешский мастер д-р Трейбал (дата смерти 15.4.1942 г.). Надо ли говорить, что Рихтер публикует победу Трейбала из пражского турнира 1937 года! Но мало того – немецкий шахматист предсказывает конец войны, публикуя задачу русского мастера А.Д. Петрова (1894–1867),

известную под названием «Партизанская война», где конница казаков Платова гонит неприятеля из Москвы и мают его в столице врага! Да, Рихтер был мужественным человеком! Чтобы немного завуалировать авторство задачи, Петрову дается другой инициал и окончание фамилии с двумя «FF» – Von R. Petroff. Год задачи тоже изменен, но это все второстепенно... Конечно, более известную задачу «Изгнание Наполеона из Москвы» (иначе

«Бегство Наполеона из Москвы в Париж»), опубликовать было немислимо, но и «конницы» достаточно. (Один из немецких генералов вспоминал, что зимой 41-42 года любимым чтивом германского генералитета были мемуары наполеоновского министра графа Коленкура об отступлении 1812 года). Стоит сказать, что книга Рихтера вышла в типографии Вермахта и посему я с удовольствием переписываю титульный лист этого несравненного издания: «Das Matt Eine Plauderei über den Mattangriff im Schach» von Kurt Richter Mit vielen Stellungsbildern. Sonderdruck für das Oberkommando der Wehrmacht Abteilung Inland, Berlin 1942. Walter de Gruyter & Co.vormals G.J.Göufchen'fche Verlagshandlung – J.Guttentag, Verlagsbuchhandlung – Georg Reimer – Karl J. Trübner – Velt & Comp.

В свете моего исследования не могу не заметить, что национализм – вещь повсеместная. Всегда выпячиваются достижения «своих» и умаляются достижения «чужих», особенно, если последние были недавними врагами-победителями. Таким проявлением «шовинизма», как раз может служить задача Петрова «Бегство Наполеона из Москвы в Париж». В 1846 году вышел сборник «французского» шахматиста рава Александра. Сборник включал самое обширное собрание проблем того времени – пятьсот. И именно задачи Петрова там нет. На это обратил внимание и, понятно, неслучайно, немецкий «Шахцейтунг» (1847 г., с.170), упрекнув французского составителя в националистическом предубеждении, и вновь опубликовал «говорящее» полотно Петрова!⁹⁴ Так вот, Курт Рихтер, поставил датой создания задачи 1847 год, отсылая своих вдумчивых читателей к старому номеру «Шахцейтунга», где говорилось о националистическом предубеждении. Bravo, Рихтер!

(Впрочем, грубом националистическом пренебрежении к славянству отличились немецкие издания еще в конце XIX века. Так на конкурсе шахматных задач газеты «Münchener Neuesten Nachrichten», немцы не постеснялись опубликовать задачу некоего проблемиста с грубо оскорбительным девизом «Kein Böhem, aber auch gartstig» – «Не чех, но тоже мерзость»). Д.И. Саргин «Древность игр в шашки и шахматы» М., 1915, с.V.)

Интересно отношение шахматистов к Алехину во время войны в оккупированных странах. Иногда говорят (со ссылкой на сына чемпиона мира) что последняя жена Алехина, госпожа Грейвс – была богатой американской еврейкой. А посему чемпиону мира, чтобы спасти ее, приходилось приспосабливаться к нацистскому режиму. Если бы это было так, то Алехин наверняка бы воспользовался этим фактом в свою защиту, но этого не произошло. Непоследовательно: в результате совета своего «друга» и «коллеги» – юриста Ганса Франка, Алехин еще в 1943 году бросил жену и уехал в Испанию, а затем в Португалию. Ничего плохого с американкой не произошло. Людвиг Пахман, чешский мастер, в своих воспоминаниях говорит, что в Пражском турнире в конце 1942 года в честь О. Дураса, Алехин был опустившимся человеком, много пьющим и необыкновенно раздражительным. Антифашист Пахман находился под бдительным надзором Гестапо, а его брат уже три года пребывал в концлагере. И, несмотря на то, что было уже известно о коллаборационизме Алехина – чешские патриоты вопреки логике «болели» за него. В этом турнире шла ожесточенная борьба между юным «гением» Клаусом Юнге, опережавшем чемпиона мира, девятнадцатилетнем симпатичном и благожелательным немцем, но... шла Сталинградская битва и победа Алехина в последнем туре над Юнге, была встречена овацией. В итоге Алехин догнал соперника и разделил с ним первое-второе места... Интересно о чем думал Алехин в критические декабрьские дни 1942 года?...⁹⁵

Говорить о слабости характера Алехина не приходится – дело не в этом. Один из эмигрантов, который был на «ты» с Александром Александровичем, отметил, что чемпион мира был человеком больших страстей, но с надрывом. Причины следует искать в крушении старого мира, к которому он принадлежал по рождению. Отсюда желание приспособиться – будь то кандидатский билет в члены ВКП(б), масонская ложа, антисоветские высказывания и, наоборот, приветствия советским шахматистам по поводу годовщины Октябрьской революции, наконец, сотрудничество с нацистами. «Алехин считал себя не только первым шахматистом, на что имел все права, но и вообще человеком громадного, всеобъемлющего ума, которому, естественно, подобает возвышаться

сы над прочими смертными. «Такой человек, как я», «при моих дан-ных» и т.д. часто вырывалось у него».⁹⁶ Алехин – человек своего времени, выросший на ницшеанской ниве начала века (*романы Станислава Пишбышевского, Кнута Гамсуна и доморощенного Михаила Арцыбашева*) вряд ли испытывал угрызения совести: палец о палец не ударил, чтобы спасти «бедного Ландау и моего друга Оскама». (*М. Эйве*)⁹⁷ Оскорбления, нанесенные им, например, Эйве, могли быть объяснены даже не личным письмом, а каким-нибудь иным путем – за все четыре года им не было предпринято ни одной попытки извиниться или объяснить – послевоенную отписку Алехина голландский чемпион не принял. Другой современник (*С. Тартаковер*) писал, что победа Алехина в 1927 году была воспринята русской прессой как национальный триумф, «но не следует забывать, что к чисто русским чертам своего характера Алехин приобщил то, что в противоположность «славянской душе», принято называть западноевропейским реализмом. Отмечу с прискорбием, что реализм Алехина стал переходить в наивный оппортунизм. Это сослужило ему роковую службу во время последней войны».⁹⁸ Интересная деталь. Задолго до пресловутого конфликта, тончайший шахматный аналитик Рихард Рети, давая характеристику Алехину, в то время лишь претенденту, обратил внимание не только на шахматную сторону таланта А. Алехина: «Его стиль – здоровое и при всей глубине логически ясное шахматное мышление, свободное от всякого мистицизма, лучше всего определяется термином, которым слишком часто злоупотребляли за последнее время: Д е л о в и т о с ь».⁹⁹ Напомним, что Рети – один из немногих коллег-шахматистов предсказал победу Алехина над Капабланкой. Тем более поражает употребление слова «деловитость», имеющая большее отношение к проектируемому матчу с Капой, чем к творческой характеристике: «Алехин, русский гроссмейстер, к цели своей шёл напролом, он мир пленил гренадерским маршем и стал у нас королем», немного переделывая слова Ильи Сельвинского в адрес еврея-маршала Бернадота, ставшего шведским королем. По-немецки, на языке Алехину почти родном, слово «деловитость» – «Sachlichkeit» звучит грубо и созвучно слову «шах». Куда деловитости Рубинштейна или Нимцовича!

Алехин, был гордостью русской эмиграции. Он входил в элиту, насчитывающую несколько десятков человек, имеющих мировое призвание: Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, Игорь Сикорский, Сергей Дягилев, Анна Павлова, Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Фёдор Шаляпин, великий химик Владимир Ипатьев и др. Среди них почетнейшее место принадлежит лауреату Нобелевской премии Ивану

Алексеевичу Бунину. Алахин прекрасно знал историю, приключившуюся с Буниным, при поездке через Германию в Швецию для получения премии. Мировую знаменитость, по внешности напоминающего еврея, бесчеловечным образом, раздев догола, обыскали, беспрерывно оскорбляя. Нацисты, увидев у Бунина портрет Льва Толстого, плевали на книги и топали ногами: «А, Толстой! Толстой!». Сия история была рассказана самим писателем на страницах парижских «Последних новостей». И к этим ублюдкам, ненавидящим и презирающим славянство, пошел на холуйскую службу чемпион России Алахин!¹⁰⁰

В свете этого легко проследить зигзаги Алахина по отношению, например, к Арону Нимцовичу. В книге, вышедшей в 1932 году, Алахин писал о почти стопроцентном результате Нимцовича в Дрезденском турнире 1926 года, где Алахин был вторым: «Я дал в Дрездене много ценного, но Нимцович дал еще больше, должно быть потому, что проявил еще больше воли к этому. Его великолепная победа заслуживает всеобщего признания и наряду с карлсбадской победой 1929 года является самым блестящим его достижением».¹⁰¹

Дрезден 4—14/IV 1926		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Итого
1	Нимцович . . .	—	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	8 1/2
2	Алахин	1/2	0	1	1	1 1/2	1 1/2	1	1 1/2	1	1	7
3	Рубинштейн . .	0	0	—	1/2	1	1	1	1	1	1	6 1/2
4	Тартаковер . . .	0	0	1/2	—	1/2	0	1 1/2	1/2	0	1	5
5	Хольцхаузен . .	0	1/2	0	1/2	—	1	1	1	1	1	4
6	Йонер П.	0	1/2	0	0	1	—	1	0	0	1	3 1/2
7	Земиш	0	0	0	1/2	0	0	—	1	1 1/2	1	3
8	Ятс	0	1/2	0	1/2	0	1	0	—	1	0	3
9	Блюмих	0	0	0	0	1	1	1 1/2	0	—	0	2 1/2
10	Штейнер Л. . . .	0	0	0	0	0	0	1	1	1	—	2

Или вспомнить серию из шести статей, посвященных Карлсбадскому турниру 1929 году и опубликованную в «еврейской столице мира» Нью-Йорке. Там Алахин делил шахматистов на категорию играющие на результат, не считающие шахматы искусством. К ним относятся: «...бывший чемпион мира Капабланка, инженеры Геза Мароци и Милан Видмар, математик Макс Эйве и известный шахматный теоретик Эрнст Грюнфельд» – в будущем все «Арийцы», правда Капабланка и Эйве «подмоченные» службой у Мирового Кагала. И творческие шахматисты – Брейер, Рети, Нимцович, Земиш, Колле – первые трое в будущем – «Евреи». Чего больше, если сам Алахин признал права Нимцовича на матч с ним. (См.: «Нью-Йорк таймс», от 1, 20, 21, 25, 28, 30 августа 1929 года). Вот это эссе Алахина:

«Первый приз Нимцовича является крупнейшим успехом в его шахматной карьере. Его победа представляла неожиданность со спортивной точки зрения, потому что широкие круги ожидали увидеть на первом месте Капабланку, хотя в последние годы бывший чемпион мира уже не раз обманывал эти ожидания. С точки зрения качественной о достижении Нимцовича не может быть другого мнения, как-то, что качество его игры было значительно выше, чем у всех других. Почти в самом начале турнира он обрадовал своих друзей партией большого стиля против такого опасного противника, как Боголюбов. ... за четыре тура до конца турнира его шансы на первый приз были еще весьма слабы. Он был на пол-очка сзади лидеров, и ему оставалось играть против четырех тяжеловесов: Видмара, Шпильмана, Мароци и Тартаковера. И заслуга его не только в том, что в этих 4 партиях он набрал 3,5 очка – гораздо важнее, что он добился этого результата в стиле, достойном **Первого призера** столь выдающегося турнира.

В нашей вводной статье мы характеризовали Нимцовича **как истинного представителя художественной школы в шахматах**. Поэтому его победа должна вызвать удовлетворение у всех тех, кого интересуют в шахматах не только зрелищные и спортивные моменты. Истинное представление о Нимцовиче, как о художнике и философе шахмат может получить только тот, кто знаком с его книгами. Его последняя книга особенно интересна. В ней он иллюстрирует многочисленными примерами свою стратегию, которую он разработал в целую систему. Огромные шахматные знания Нимцовича в немалой степени способствовали его победе в Карлсбаде. Но большую роль здесь сыграло его **понимание психики партнера**. **Умение использовать психологию противника** особенно ярко проявилось в его партиях против Шпильмана и Тартаковера. Зная, что Шпильман не удовлетворится в этой партии ничьей, Нимцович завлек его в длинный разменный вариант, получив в результате незначительное, но несомненное преимущество.

Он видел, что Тартаковер настолько устал, что неспособен не только проявить какую-нибудь блестящую идею, но и просто выдержать несколько часов напряженной игры. И вот Нимцович развивает упорную атаку на королевский фланг противника. Тартаковер вначале защищается великолепно, но затем, вследствие усталости, допускает ошибку.

Таким образом, Нимцович проявил себя еще и великолепным турнирным тактиком». ¹⁰²

И сравните эти, полными пиетета слова, с насмешками над «Арнольдом Нимцовичем», изготовившим визитные карточки с претензией: «Арнольд Нимцович, претендент на титул чемпиона мира». (*«Арийские и еврейские шахматы»*).

В качестве примеров своей героической борьбы против Нимцовича, Алехин приводит три турнира, где он опередил бывшего земляка: Земмеринг (1926), Кечкемет и Нью-Йорк (1927) – весьма неудачные примеры – в Земмеринге первенствовал Шпильман, а партию против Нимцовича Алехин проиграл; в Кечкемете победил Алехин, опередив Нимцовича на полочка, партия между ними окончилась вничью; в Нью-Йоркском же турнире с легкостью победил Капабланка, а матч между Нимцовичем и Алехиным окончился вничью: +1, –1, =2. Что же касается довоенных успехов Нимцовича, то они носили гроссмейстерский характер и, кстати, он трижды обгонял Алехина – в Гамбурге в 1910 году – Нимцович был третьим, а Алехин делил 7-8 места при 18 участниках; в Карлсбаде в 1911, среди 26 участников Нимцович разделил пятое-шестое места, а Алехин разделил 8-11 места; в Вильно в 1912 году нервы подвели Ницовича – он претендовал на первое место, но в итоге занял четвертое, а Алехин разделил шестое-седьмое места при 12-ти участниках.

И еще один страшный аспект. Известно, что личные отношения Алехина с Нимцовичем были испорчены с довоенных времен, главным образом из-за инцидента во время матча за первое место в турнире мастеров. Выяснить причины конфликта не удалось. По словам Ф.И. Дуз-Хотимирского, Нимцович вторую партию мини-матча провел в необычной обстановке. Он поставил ультимативное условие играть против Алехина, пользуясь лишь карманными шахматами, мотивируя свое требование нежеланием глядеть на антипатичную физиономию Алехина (!?).

Александр Алехин

Вообще Дуз-Хотимирский нарисовал малопривлекательный образ прибалтийского гроссмейстера. За неимением других свидетельств, приходится согласиться с ним. Нервозность Нимцовича, безусловно, носила болезненный характер.¹⁰³ Этот факт несколько иначе подтверждает А.А. Смирнов, рассказавший, что в одной партии с Алехиным. Нимцович все время шевелил **карандашом** свои фигуры. Понятно, руками касаться фигур нельзя. В другой – «потребовал для себя вторую доску, за которой играл, отвернувшись от своего противника, под тем предлогом, что тот якобы своим взглядом нарочно мешает ему думать!». Профессор А.А. Смирнов к этому добавляет случай, происшедший на Баден-Баденском турнире, когда Нимцович проиграв партию, с шумом

разбросал фигуры.¹⁰⁴ О неуравновешенности Нимцовича писали столь разные люди, как Эдуард Ласкер, Рудольф Шпильман, Савелий Тартаковер, Гедеон Штальберг и др. А один оскорбленный шахматист – Вальтер Ион (*кстати, еврей*) вызвал Нимцовича за неспортивное поведение даже на дуэль, к счастью несостоявшегося. Но все оставившие воспоминания о нем, видя болезненную нервозность и подозрительность Арона Исаевича – простили ему всё во имя его любви к шахматам и к тому вкладу, который он внес в современное шахматное понимание. Все же можно предположить, что Алехин, который тоже отличался не ангельским характером, вероятно, прежде оскорбил Нимцовича, ибо надо учесть, что турнирный комитет не мог позволить подобной игровой вольности без веской причины. Членами турнирного комитета были такие уважаемые лица как отец и сын Сабуровы: Петр Александрович член Государственного совета и Петр Петрович председатель Петербургского шахматного собрания, затем председатель Всероссийского шахматного общества; Малютин Борис Евгеньевич, учредитель и петербургского и всероссийских шахматных обществ – они не могли без весомых поводов допустить нарушение элементарных турнирных правил. Кстати, необычный матч окончился вничью. Второй мини-матч в Нью-Йорке в 1927 году, как мы упоминали выше, тоже окончился вничью. Один из современников, указывал, что Нимцович нарочно злил Алехина, произнося его фамилию через «ё». Между собой оба гроссмейстера всегда говорили по-русски, как свидетельствует С. Флор. (*Мастер Абрам Борисович Поляк (1902–?)*), *познакомился с Алехиным еще до революции и играл с ним в сеансах одновременной игры и в блицтурнирах. Маэстро высоко оценил дарование юноши и указал на него Н.Д. Григорьеву. Он пишет, что АлЕхин не позволял себя так называть и настаивал на фамилии АлЕхин и впоследствии за границей дал новую транскрипцию своей фамилии Alechin (раньше писали Aliochin). (А.Б. Поляк «Встречи с Алехиным» – «Шахматы в СССР», М., 1977, №10).*

И вот в своей парижской статье Алехин обвиняет Нимцовича в славянофобии! Упор сделан на слове Sklave – раб; и слова Slawe – славянин, которые де обыгрывал Нимцович в одном частном разговоре. Трудно в это поверить, ибо Нимцович всегда отзывался о Чигорине с пиететом, в печати – об Алехине с уважением, равно и о Ефиме Боголюбове. А сравнение славян с рабами всецело принадлежит германской культуре, и было обыграно нацистской пропагандой неоднократно. Этот эпизод в пронацистской статье Алехина выглядит очень странным. Но не менее странны и другие пассажи чемпиона мира.¹⁰⁵

Резюме Алехина о Нимцовиче ужасающее: «...все, что у него было хоть сколько-нибудь оригинальное, несло в себе отрицающий все творческое трупный смрад». История поставила все на места: по признанию чемпионов мира Петросяна и Спасского для них книги Нимцовича были настольными, не говоря уже о десятках миллионов любителей. Они переиздаются до сих пор, и суммарный тираж их давно перевалил миллион экземпляров. Но и сам Алехин, очень много подсмотрел и перенял у Нимцовича. Так он в зрелые годы играл защиту Нимцовича, а в молодые – по словам Нимцовича, заимствовал у него в Петербургском турнире 1914 года – новую систему защиты в ферзевом гамбите («Новоиндийская защита») и добился успеха, «что, естественно, могло меня только порадовать, так как правильность выдвинутых мною новых принципов бесконечно много значило для меня».¹⁰⁶

В довоенной книге, посвященной творчеству М.И. Чигорина, мы можем обнаружить одну из партий, прокомментированную мастером В.Н. Пановым. Время восхваления Алехина было впереди. Так вот, Панов утверждает, что именно Нимцович из всех современных гроссмейстеров по духу своей игры ближе всего стоит к Михаилу Ивановичу Чигорину. Именно, Нимцович! В этой же книге приводится редкая фотография участников Карлсбадского турнира 1907 года. За шахматным столиком визави сидят Чигорин и Рубинштейн. В центре расположился Марко, а сзади стоят – Нимцович, Генрих Вольф и Мизес. Кроме Чигорина и Марко (*который имеет странную национальность: «румынский шахматист» – родился в Черновцах, а жил в Вене*) – все евреи. Трех из них охаял Алехин, а четвертый был убит нацистами в годы войны.¹⁰⁷ Да и сам Нимцович говорил, что он шел по «стопам Чигорина», нисколько не оскорбляя имени покойного, а наоборот – возвеличивая русского чемпиона и не стесняясь говорить, кому он обязан своим новаторством.

Стоит вдуматься в алехинские строки: «...Ласкер был естественным преемником Стейница, величайшего шута, которого когда-либо знала шахматная история». Я думаю, что эта фраза буквально взбесила Романовского – его ответ на этот пасквиль приведен выше. А теперь слово самому крупному оппоненту Стейница – «арийцу Чигорину», отвечающему на вопрос своего друга, «нововременца» Шабельского: «Это (о Стейнице) несомненно, гениальный шахматист и, что я больше всего в нем уважаю, высоко оценивающий шахматы именно как искусство... Борьба с ним за шахматной доской заставляла меня переживать и минуты высокого наслаждения, и периоды упадка духа. Стейниц, не-

сомненно, один из величайших шахматистов, до сих пор появлявшихся...». Если бы на этом месте оборвать цитату, то, само собой разумеется, это опровергает ужасные слова Алехина. Но не все так просто. Далее Чигорину не нравится стейницевский преувеличенный догматизм, но и это не все: только, что назвавший своего противника **гением**, и подсчитавший минусовый баланс своих встреч с ним, а ведь в конце концов это самый весомый аргумент, «скромный» Чигорин – называет **себя Моцартом, отводя Стейницу роль Сальери!** Здесь уместно вспомнить, что сам «Первый ариец» Адольф Андерсен назвал Вильгельма Стейница – **австрийским Морфи!**¹⁰⁸

«Ласкер совершил плагиат по отношению к великому Морфи», – пишет Алехин. С логикой здесь непорядок. Словарь иностранных слов поясняет, что «Plagium» с латинского – литературная кража, присвоение чужого авторства, наконец, выдача чужого произведения за собственное. Но известно, что Пол Морфи не писал ни шахматных статей, ни учебников. Его мысли «расшифровал» Стейниц, так что при всём желании Ласкер не мог присвоить трудов Морфи. Вспомним самого Алехина, который неоднократно восхищался игрой Эмануила Ласкера. Вот два фрагмента. Первый относится к 1934 году, когда в Цюрихе, Ласкер был, наконец, обойден чемпионом мира, и, что важнее, выиграл единственную партию у 65-летнего старика. Алехин с восхищением пишет в турнирном сборнике (*эти слова он произнес и на заключительном банкете*): «Эмануил Ласкер был моим учителем. Без него я не был бы тем, кем я стал. Нельзя представить шахматное искусство без Эмануила Ласкера». После Ноттингема Александр Алехин писал: «Я считаю для себя почти невозможным критиковать Ласкера – так велико мое восхищение им как личностью, художником и шахматным писателем. Я могу только установить, что Ласкер в свои 67 лет, благодаря своей молодой энергии, воле к победе и невероятно глубокой трактовке вопросов шахматной борьбы, остается все тем же Ласкером, если не как практический игрок, то как шахматный мыслитель. Ласкер должен служить примером для всех шахматистов как нынешнего, так и будущих поколений».¹⁰⁹ Кстати, учитель-«Еврей» против ученика-«Арийца» имел вполне подходящий счет: +3, –1, =3! И в своих комментариях к партиям Ласкера Алехин не скупился на похвалы. Так анализируя эндшпиль Боголюбов-Ласкер из Нью-Йоркского турнира 1924 года, суммируя микроскопические преимущества черных, он пишет: «Перечисленных факторов должно было бы оказаться достаточно для **великого художника** эндшпиля, чтобы одержать победу».¹¹⁰

Воистину сказано: «Когда толпа Учителя распяла – где был лучший ученик?». Алехин был первый и недобросовестный распинатель! Ну, а как смотрится обвинение Ласкера в том, что тот избегал встреч с сильнейшими шахматистами и сопоставить с рыцарем без страха и упрека Алехиным. Есть один объективный факт. Ласкер, исключая период становления, **никогда** не играл в слабых турнирах, подобных тем, где брал первые призы Алехин. В книге Н.И. Грекова «История шахматных состязаний», (М.,1937), турниры, в которых принял участие Ласкер, 16 раз отмечены знаком-звездочкой турниров мирового класса (я добавил Ласкеру матч-турнир четырех в 1918 г), у Алехина – 15, у Капабланки – 12 (Алехину и Капабланке я добавил еще один турнир – Амстердам 1938 года). Так вот, Ласкер брал в таких турнирах первое место девять раз(!), Капабланка шесть раз и Алехин пять раз. Еще более разительны результаты матчей: на первенство мира Ласкер сыграл восемь матчей – шесть выиграл, один свел вничью, один проиграл. Капабланка всего сыграл два матча – выиграл и проиграл, Алехин сыграл пять матчей – четыре выиграл и один проиграл. С чемпионами мира прошлого и настоящего Ласкер сыграл так: против Стейница:+28, –8, +12; против Капабланки:+2, –6, =16; против Алехина:+3, –1, =3; против Эйве: +3; против Ботвинника: –1, +0, =3. При этом надо учесть, что кроме Стейница, другим чемпионам мира он давал большую возрастную фору: Капабланка был младше его на 20 лет, Алехин на 24 года, Эйве на 33 и Ботвинник на 43! И был у него неплохой счет с «Арийцем» Чигориным +8, –1, =4. И даже «принудительный» матч, иггранный гамбитом Райса, не намного улучшает результат. Заметим, однако, что М.И. Чигорин был в свою очередь на 18 лет старше Ласкера и их счет сложился в последний период жизни русского чемпиона, когда его успехи резко снизились, в том числе и из-за хронической болезни. Все эти мои выкладки были подтверждены в одной из статей последнего времени. В ней указано, что по продолжительности шахматной карьеры Ласкер занимает первое место – 47 лет (1890-1936). За ним следует М. Ботвинник – 39 лет. Десятку сильнейших шахматистов Ласкер возглавлял 15 раз, Алехин и Капабланка 10, Ботвинник 13 раз.¹¹¹

Легитимно задать вопрос: «А как Учитель относился к "первому" ученику»? В высшей степени благожелательно. Кроме похвал – ни единого плохого или критикующего слова! Не в правилах Ласкера было отзываться о ком-то плохо. Иногда есть сдержанность, и только. Но к Алехину – лишь восхищение. Возражая Капабланке на его статью о «ничейной смерти шахмат», в качестве аргумента экс-чемпион пишет:

«Я позволил бы себе высказать предположение, что современные молодые мастера, в первую очередь Алехин и Боголюбов, обладают таким даром исследования и изобретательности, которые гарантируют шахматной игре здоровую и интенсивную жизнь на протяжении целого поколения». Таков ответ Эмануила Ласкера Капабланке (*письмо в редакцию газеты «Manchester Guardian». Шахматный листок, Л, №2, 1929 г.*). И старый Ласкер не покинул Алехина в беде: после проигрыша им матча на первенство мира в 1935 году Макс Эйве, Ласкер был уверен, что реванш состоится. Высказал он это как всегда корректно (*по отношению к Эйве*): «...ему (*Алехину*) еще только 40 с небольшим лет, он умен и обладает сильной волей. Поэтому есть основания думать, что в предстоящем матч-реванше Эйве увидит перед собой готового для напряженной борьбы Алехина, для которого неудача послужила предупреждением и уроком». (*Эмануил Ласкер «Матч Алехин – Эйве», Шахматный ежегодник, М., 1937, с.274*). Слова Ласкера для Алехина было лишним психологическим козырем. Моральная поддержка столь сильной личности было для него благословением. О благодарности Алехина лучше не говорить...

Уместно указать, что из **четырёх чистых первых мест**, занятых Алехиным в супертурнирах, он лишь однажды обогнал Ласкера – в 1934 году. Капабланку же он обогнал тоже раз, в 1938 году, разделив в Авро-турнире четвертое-шестое место, Капа был на седьмом – слабое утешение. Вместе с тем, скажем, Боголюбов однажды обогнал и Ласкера и Капу (Москва, 1925 г.), и раз Капабланку (Киссинген, 1928 г.). «Неудачный претендент» Арнольд Нимцович опередил Капабланку в Карлсбаде в 1929 году. А затем Флор, Файн и Решевский также занимали первые места, опережая и Капабланку и Алехина (Гастингс 1933/34 гг., Гастингс 1934/35 гг., Маргит 1935 г., Маргит 1936 г., Подебрады 1936 г., Кемери 1937 г.) и т.д.

В Баден-Бадене (1925 г.), Сан-Ремо (1930 г.), Блесе (1931 г.) Алехин имел прекрасный результат, но, увы, ни Ласкер, ни Капа в них не участвовали. Пятый раз первое-третье места Алехин разделил в Карлсбаде (1923 г.) с Е. Боголюбовым и Г. Мароци, понятно, чемпионы мира в них тоже не играли. Он даже избежал встречи с Ласкером в Острове Моравской в 1923 году, в отличие от Боголюбова, рискнувшего и проигравшего альтмейстеру. Кстати, Ефим Дмитриевич в турнирах экстра класса брал первые призы четыре раза. В Пестьяне (1922 г.) он был в турнирной таблице выше Алехина, в Карлсбаде (1923 г.) наравне с Алехиным и Мароци, в Москве (1924 г.) обогнал и Ласкера и Капабланку, а в Киссингене (1928 г.), опередил Капу. Правда, даже в свои звездные часы он проигрывал кубинцу.

Нужно сказать, что обвинение Ласкера в том, что он избегает встреч с сильнейшими игроками, появилось еще до победы над Стейнницем, когда Тарраш высокомерно отказался от матча с ним, так как, де, молодой человек предпочел турниру Германского союза в Дрездене в 1892 году, игру во второстепенном турнире. Однако все вскоре стало на свои места. Редакция московского «Шахматного обозрения», отвечая критикам Стейнница и Ласкера по вышеприведённому поводу, писала: «Мнение о Э. Ласкере, подобное вашему, приходится слышать не впервые. Оно не может быть признано основательным. Вы считаете несправедливым то, что Ласкер носит титул «шахматного короля», не доказав своего преимущества над **всеми (?)** лучшими современными игроками в матчах с ними». Но титул «короля» Ласкер получил, победивши в матче предыдущего «короля» Стейнница. И подобный факт во всех областях спорта считается, и будет считаться достаточным для получения первенства... Вы очень ошибаетесь, утверждая, что Ласкер «старательно избегает» (??) серьезной борьбы, тогда как прежний король, Стейнниц «в продолжение своей жизни непрерывно сражался» с современными ему сильными игроками. Приведем небольшую справку. Перед вторым матчем Ласкера со Стейнницем в Москве (1896/97 гг.) оба маэстро уже имели сыгранных матчей: Стейнниц с 1862 г. по 1896г. *двадцать девять* матчей (+172, – 64, = 57); Ласкер с 1889г. по 1894 г. *тринадцать* матчей (+57, –10, =24); за эти же периоды результаты их игры в турнирах были: у Стейнница +132, –46, =41; у Ласкера – +52, –11, =15. Эти цифры говорят сами за себя... Относительно «Ласкеровского счастья» в турнирах также нельзя с вами согласиться. Счастье в турнирах, было, есть и будет и, конечно, не у одного Ласкера. При современной разработке теории и посредственный игрок часто продержится долго в игре с маэстро и даже может получить иногда и преимущество в начале; к концу же партии скажется уже *истинная* сила игроков. Последнее обстоятельство часто ошибочно называют счастьем.

Касаясь Эммануила Ласкера, стоит вспомнить и петербургский матч-турнир в 1895/1896 гг, победа в котором и при ваших взглядах должна быть особенно отмечена.¹¹² Ничего не скажешь – блестящая защита Ласкера от недоброжелателей...

За пять лет до прихода нацистов к власти, Ласкер предчувствуя приход коричневой чумы, предсказал это в книге «Die Kultur in Gefahr», Berlin, 1928 («*Культура в опасности*», Берлин, 1928 г.). Можно предположить, что, будучи в хороших отношениях с Алехиным, для которого немецкий язык был почти родным, экс-чемпион мира подарил ему свою книгу. И Александр Александрович мог про-

читать то, с чем он не был согласен никогда: «Наконец хочется сказать несколько слов о еврейской религии, ...в которой я родился».

В еврейской религии есть этика; в ней есть место для набожного воина. Авраам, хотя был очень миролюбив, но был силен в бою. Он последовал со своей дворней за королями-разбойниками и разбил их. Давид признавал преимущество настоящего над прошлым. Когда его сын болел, Давид оделся в рубище и посыпал голову пеплом, молился: но когда узнал о кончине ребенка, оделся по-праздничному.

Еврейская религия знает тщетность и ничтожность, но ценит устойчивую активную набожность Иова и уважает храбрость Макавеев. Она требует выступить против отсталости, как к примеру, против жрецов Ваала. А прилежность и успешную деятельность ставит выше занятий теологией.

Важнейшая еврейская молитва – это שמע ישראל (*шма Исроэль – слушай Израиль*. – С.Д.): её произносят над могилой каждого доброго еврея. Эта молитва, так как и десять заповедей, а особенно – субботняя – день отдыха и радости, могут с честью устоять перед всеми людьми.

И, может быть, в далеком будущем, когда человечество исчезнет (*на земле*), её наследник, на неизвестной звезде скажет: «Слушай, человечество, Всевышний, Твой Бог, Всевышний Единственный».¹¹³ Речь идет о «Старом Еврейском Боге» – «The Hebrew God», как говорил Игорь Стравинский. Чем мог ответить доктору философии доктор прав Сорбонского университета? Идеей «Русского Бога», которая постепенно деградировала от Бога, спасителя Европы в 1812 году до народной поговорки: «Русский Бог – авось, небось, да как-нибудь».¹¹⁴

Алехин выдвигает в своей статье «арийский» ряд выдающихся шахматистов: Филидор, Лабурдонне, Андерсен, Морфи, Чигорин, Пильсбери, Маршалл, Капабланка, Боголюбов, Эйве, Элисказес, Керес. (*Кажется последний, «чухонец», вряд ли имеет отношение к ариям*). «Еврейский урожай», как он выражается, за тот же исторический период весьма скуден. По его мнению, кроме Стейница и Ласкера, в период 1900 – 1921 гг. заслуживают упоминания три фигуры: Яновский, Шлехтер, Рубинштейн. Спорить по «арийскому» ряду не приходится – все они большие шахматисты, за исключением Э. Элисказеса, затесавшегося в эту компанию исключительно потому, что он чемпион **Великогермании**. Два раза играл Элисказес в супер-турнирах – оба неудачно. В Москве 1936 года – он благополучно разделил последние места, и в Земмеринге 1937 года, где он разделил предпоследнее место, проиграв «Евреям»: Решевскому – обе партии, и одну – Флору. И

вообще, если его исключить, то «германский сумеречный гений» представлен весьма скромно, в единственном числе (А. Андерсен). *(Интересная деталь. Как известно, И.С. Тургенев был страстным шахматистом и однажды в корреспонденции о франко-прусской войне использовал имя Адольфа Андерсена – «тоже пруссака», давшего пример Мольтке, который с истинной математической точностью довел дело до победы. Как раз в это время Андерсен занял первое место в турнире в Баден-Бадене – опередив Стейница, у которого выиграл обе партии. Тургенев был вице-президентом турнирного комитета).*¹¹⁵ «Еврейский ряд» малочисленнее, но и популяция евреев неизмеримо меньше: нечто, выраженное сотыми долями процента к населению земного шара.

Много нехороших слов сказано Алехиным в адрес Давида Яновского и много лестных слов в адрес «арийца» Фрэнка Маршалла. Но ведь любой мало-мальски образованный шахматист укажет на родство талантов обоих. Это родство прослеживается даже в их катастрофических результатах матчах с корифеями – Ласкером, Таррашем, Капабланкой. Михаил Иванович Чигорин очень любил творчество Яновского, и симпатизировал ему. Причем ничего личного в свое суждение о Яновском Чигорин не внес. Даже то, что он имел весьма посредственный счет с этим уроженцем гродненской губернии. Более того, Яновский лишил Чигорина вполне заслуженной победы в Гастингсе, но это не помешало Михаилу Ивановичу превозносить Яновского. Вот свидетельство поэта В.А. Пяста: «Чигорин говорил официальным и важным тоном, но все-таки как-то страстно...: «Яновский этот матч проиграл, но... сейчас же послал вызов Маршаллу на новый матч, причем предложил ему три партии вперед. И выиграл!» – закончил Чигорин. Из последнего обстоятельства я неопровержимо заключил о симпатии, которую питал Чигорин к действительно незаурядному таланту Яновского... Нелюбовь к турнирным «половинкам» – вот что было симпатично Чигорину у Яновского».¹¹⁶

Нардус
авторпортрет

Алехин в иные времена дружил и вспоминал Давида Маркеловича Яновского добрым словом. Кстати, Яновский имел две великолепные победы над Алехиным (*минимальный перевес Алехина 3,5:2,5 – вполне почетный для обеих сторон*). Отыгрывался Александр Александрович в то время, когда шли пос-

ледние годы больного старого льва. Тот умирал от туберкулеза. Состояние Яновского было столь ужасным, что Капабланка, проигрывая матч Алехину, писал: «Я стал похож на бедного Яновского в его последние годы. В моем распоряжении имеются великолепные комбинации, но я не могу реализовать их».¹¹⁷ Алехин в свое время не погнушался прокомментировать блестящую победу Яновского над эталонным арийцем Ф. Земишем в Мариенбадском турнире 1925 года, и выразить восхищение его игрой. А в Земмеринге в 1926 году, когда Алехину, чтобы догнать Шпильмана, нужна была победа, умирающий маэстро оказал решительное сопротивление и на 103 ходу(!) была зафиксирована ничья. *(Вначале ничью предложил Яновский – Алехин отказался, а когда Алехин предложил ничью, то в свою очередь отказался старый боец. Таков темперамент!)* После окончания Схевенингенского турнира в 1913 году оба победителя: Алехин и Яновский дали альтернативный сеанс одновременной игры. Никакого антагонизма между ними не было. Еще больше впечатляет один рассказ Алехина о Давиде Маркеловиче: «Я расскажу вам одну короткую и весьма занимательную историю... Как-то раз у французского богача Лео Нардуса сошлись Капабланка, Маршалл и Яновский. Они сели за бридж, и при этом каждый из них играл еще с хозяином по партии вслепую. Когда Нардус проиграл все три партии, Яновский неожиданно сказал Маршаллу: «Знаете, если бы ваш соперник взял бы не слонем, а ферзем, он мог бы выиграть». Гроссмейстеры бросили карты, и подошли к шахматной доске. Оказалось, что Яновский прав... Его богатая фантазия и способность к длительной концентрации внимания позволяли ему одновременно с бриджем играть не только свою партию, но и следить за двумя другими! Причем настолько хорошо, чтобы заметить ход, которого не видел ни один из его коллег».¹¹⁸ Добавим, что Алехин охаживает богача еврея Нардуса за протектирование Яновскому. Да, Яновский и Нардус были друзьями и, выражаясь современным языком, Нардус «спонсировал» матчи Яновского и Ласкера. Но... Если бы только «Еврей» помогал «Еврею». На самом же деле Нардус вполне бескорыстно помогал «Арийцу» Фрэнку Маршаллу, в чем каждый может убедиться, просмотрев воспоминания американского чемпиона.¹¹⁹ Еще в 1927 году Маршалл гостил у своего покровителя Нардуса в Африке.¹²⁰ Стоит добавить, что Нардус имеет три имени: Пьер – у Вайнштейна, Лео у Воронкова и Плисецкого и инициал М. (Макс?) у Голомбека – не многовато ли? У Голомбека запись латинским шрифтом: M. Nardus, но это кажется смахивает на Макса Нордау – писателя и сиониста.

Имя Карла Шлехтера, как еврея, в примечаниях к Алехинской публикации редакцией отнесено к недоразумению. Но в данном случае, Алехин не ошибся – Карл Шлехтер был евреем, возможно крещеным.¹²¹ Е.А. Зноско-Боровский, лично знакомый со Шлехтером – они играли в одних турнирах – тоже причислял его к евреям. Впрочем, в определении национальностей у Алехина есть другие ошибки... Что же касается Карла Шлехтера, то, по словам того же Алехина, в период с 1900 по 1910 годы он добивался наибольшего количества первых мест. Это так. Восемь раз завоевывал первые призы Шлехтер, в том числе одержал труднейшую победу в Остенде в 1907 году. В эти годы он был в зените. А личный счет Алехина против Шлехтера совсем плохой: они встретились дважды, и обе партии «Ариец» проиграл. Отнесем это не за счет «еврейской хитрости», а за счет молодости будущего чемпиона. (*Вот связь времен: со Стейницем у Шлехтера небольшой перевес +3, -2, =2; с Чигориным +8, -5 =11; с Ласкером +2, -5, =12 – он был достойный претендент.*) Из юношеского разговора Алехина с Романовским, явствует, что во время матча Ласкер – Шлехтер, будущий чемпион мира болел за венца: «Шлехтер мастер большого класса. В Гамбурге и Карлсбаде я это почувствовал в своих партиях с ним, я немного трусил и психологические шансы, таким образом, были тоже на его стороне, но это не умаляет убедительности его побед. Кроме того, если бы Шлехтер выиграл матч [у Ласкера], мы были бы сейчас свидетелями грандиозного состязания между ним и Капабланкой».¹²² О, tempora, o mores!

Пожалуй, больше всех достается в статье Алехина Акибе Рубинштейну. Одна из глав статьи носит совершенно крокодильское название «Воспитанный в ненависти к "гоям"». Якобы, получивший традиционно-еврейское образование Рубинштейн, чуть ли не с самых пеленок возненавидел иноверцев. Он «с начала своей карьеры был, одержим тем, чтобы истолковать свою склонность к шахматам как своего рода «миссию». Отсюда прилежание в изучении теории шахмат. Его рост, как шахматиста, утверждает Алехин, шел во времена декаданса, когда царствовала венская школа, основанная «евреем» Максом Вейсом». Пропагандистами этой школы было «еврейское трио»: Шлехтер – Кауфман – Фендрих. Последние две фигуры прилеплены Алехиным, вероятно, из почитания сакрального числа.¹²³

В становлении шахматиста Рубинштейна сыграл роль, как писал М.О. Меньшиков, некий русский полковник. Возможно, имеется в виду первый президент Лодзинского шахматного клуба полковник К.М. Манакин.¹²⁴ Как утверждает Ф.И. Дуз-Хотимирский, руководителем Рубин-

штейна был сильный местный шахматист инженер Г.Г. Барташевич.¹²⁵ Чувство неблагодарности не обязательно должно быть присуще каждому, как, скажем, Алехину. Правдой является то, что Рубинштейн научился играть в шахматы поздно, в четырнадцать лет, учась по учебнику на древнееврейском языке, изданному И-Л Сосницем в Вильно в 1880 году. Известие, что Рубинштейн учился по «древнееврейскому учебнику» потрясло современников, и они горячо обсуждали возможность игры в шахматы в библейские времена (!?).¹²⁶ В последнем номере автор статьи известный шахматный историк Иван Тимофеевич Савенков, перечисляет книги на древнееврейском языке по шахматной игре, в том числе издание в 1809 году в Лемберге (Львове) учебника «Limude ha ijuni weha maasi», принадлежащего перу известного библиографа Zebi Uri Rubinshtein. Как предполагает Савенков, что автором этой книги был не только однофамилец, но и прадед современного маэстро. Насмешки над образованием Рубинштейна неуместны. Он действительно не получил светского образования и, в отличие от других, не заканчивал училища правоведения. Но в своей области, области религиозной, его знания были обширны и вряд ли уступали знаниям священников, окончивших Петербургскую Духовную Академию. Да и по знаниям языков он вряд ли уступал чемпиону мира Алехину. Как-то польскому журналисту, посетившему его в 1961 году, он предложил говорить на любом из языков: польском, русском, немецком или французском. Добавим сюда идиш и иврит, и мы будем иметь представление о лингвистических познаниях Рубинштейна. Утверждается, что он никогда не писал на шахматные темы, за исключением нескольких прокомментированных. Но это не совсем так. Мной обнаружена небольшая статья Акибы Кивелевича в первом номере ивритского журнала по шахматам.¹²⁷ Статья объясняет начинающим принцип быстрого развития фигур и занятия центра. Но намного интереснее другая статья А. Рубинштейна о новейших течениях в шахматах, опубликованная в 1924 году в журнале издаваемым Б. Каганом («Kagans neueste schachnachrichten»). Статья приводится в приложении.

Что же касается личного счета между чемпионом России 1912 года и чемпионом мира, то он вполне укладывается в рамки возраста и усиливающегося психического заболевания Рубинштейна. Насмешки над болезнью никогда никого не украшали. В пяти довоенных шахматных турнирах у Рубинштейна было преимущество: четыре победы при одном поражении. Особенно впечатляет победа Рубинштейна в Вильно в 1912 году, когда в открытом варианте испанской партии – стихии Алехина, черным цветом молодой человек был сокрушен отнюдь не

шаблонным образом. После войны роли переменялись: Алехин одержал семь побед, при одном поражении и двух ничьих. Итого: +8, –5, =2. Счет весьма почетный для Рубинштейна, если учесть привходящие обстоятельства. Добавим, что из пятнадцати сыгранных между ними партий – тринадцать результативных – что тоже говорит о многом. Всё же поражает количество проигранных партий Рубинштейном. Предположение психологической несовместимости подтверждается качеством проигранных без борьбы партий, включая грубые зевки. При чем это происходило даже в турнирах, где Рубинштейн сравнительно хорошо играл. Так в Гастингском турнире 1922 года, грубо ошибаясь в ничейном положении, Рубинштейн проиграл. Дело было в первом туре. Далее Рубинштейн боролся с полной отдачей, выиграл обе партии у Боголюбова, и лишь красивая победа Алехина в последнем туре тоже над Боголюбовым позволило ему обогнать Акибу. Ещё более удивительный случай произошел в Сан-Ремо в 1930 году, когда в XIV туре, играя черными с Алехиным, он повторил свою грубую ошибку из партии с Максом Эйве из Киссингена 1928 года! В Сан-Ремо Рубинштейн был третьим: после Алехина и Нимцовича. Предположение о том, что Алехин ему был «неудобен» подтверждается совершенно нелепым случаем из Земмерингского турнира 1926 года. Алехин провел гениальную комбинацию. Позиция Рубинштейна была безнадежна. Но вместо сдачи, Рубинштейн ждал, когда упадет флажок, и заявил Алехину о своей просрочке. Зная деликатность Акибы Кивелевича трудно предположить преднамеренное раздумье гроссмейстера. Этот случай подан Алехиным весьма недоброжелательно и без комментариев в книге «На пути к высшим шахматным достижениям»... К этим проигранным партиям следует добавить довоенную встречу в Петербургском турнире 1914 года. Рубинштейн проиграл Ласкеру в четвертом туре: после этого он не спал всю ночь и на другой день на 35 минут опоздал на очередной пятый тур. Его противником был Алехин: грубый зевек и проигрывается партия. Ф.И. Витязев в статье «Психологические типы шахматистов (*психология поражения*)» относит А. Рубинштейна к самому нестойкому типу. Обычно в сборниках избранных партий Алехина, его победы над Рубинштейном в Петербурге, в Гастингсе и в Сан-Ремо не воспроизводятся. К этому можно добавить, что и против Ф.И. Дуз-Хотимирского Рубинштейн не мог добиться преимущества – Дуз был ему неудобен. Но самый большой парадокс заключался в том, что «могучий Акиба» три раза подряд проигрывал «старому вояке Клечинскому» – весьма слабому

шахматисту. В чемпионате Польши 1927 года первый призер Рубинштейн проиграл единственную партию Клечинскому, оказавшемуся на последнем месте! Р. Рети замечает, что из всех известных крупных ему шахматистов, Рубинштейн, чаще всех становился жертвой своих нервов, просматривая мат в один или два хода, что, понятно, отражалось на его турнирных успехах.

Что же касается творческого блеска, то он в достаточной степени был присущ Рубинштейну. Так в турнире в Теплиц-Шенау в 1922 году он получил четыре приза за красоту! Это достижение долго не было перекрыто. Добавим к этому, что Акиба Рубинштейн был непобедим в матчах, выиграв, в том числе, и у «Арийцев» Маршалла и Боголюбова. Мировой же рекорд Рубинштейн поставил в 1912 году, когда в четырех крупнейших турнирах получил три первых приза и один за разделенное первое-второе место! Вот эти турниры: Сан-Себастьян, Пестьян, Бреславль и Вильно. **Тогда, в 1912 году Алехин написал вполне объективную статью об итогах первенства в России.**

«Только, что окончившийся турнир русских мастеров разрешил (*если не de jure, то de facto*) весьма важный вопрос, вызывающий в последние годы много разногласий русских шахматистов – вопрос о первенстве в России. Хотя очень многие и до турнира считали, что блестящие успехи Рубинштейна дают ему право на звание чемпиона России, но все же нельзя было не считаться с возражением, что едва ли возможно на основании одних только международных состязаний разрешить вопрос о национальном первенстве. Виленским же турниром, результаты которого только подтвердили общее мнение, устранена, наконец, это формальная оговорка. Несмотря на неизбежное утомление, после напряжения предшествующих турниров этого года...

Рубинштейн все же вышел победителем... Тем более значительна его победа, если принять во внимание его результаты с призерами (*10 из 12, в то время как у Алехина и Левитского по шести, а у Бернштейна и Нимцовича по пять с половиной.*)

Надо надеяться, что шахматный мир скоро делается свидетелем матча Ласкер – Рубинштейн за звание чемпиона мира, переговоры о котором приняли, по-видимому, благоприятный оборот. Однажды, во время знаменитых матчей М.И. Чигорина со Стейнником, шахматное первенство чуть было не перешло к России: быть может удастся добиться этого теперь?». (А. Алехин «Турнир в Вильно» – публикация в БЦШК, М., 1987, № 30, с.10).

Как видим, все написано корректно, уважительно и с надеждой, что еврей Рубинштейн добудет королевский титул для России. **Может быть, Алехин пытался забыть свою собственную статью или корил себя за скороспелость?**

А теперь прислушаемся к голосу Алехина, встретившего в послевоенной Европе Рубинштейна: «...ставшего гроссмейстером только на

		Вена 12—30/XI 1922															Итого	Криз
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
1	Рубинштейн	—	1/2	1	1	1/2	1/2	1/2	1	1	1	1	1/2	1	1	1	11 1/2	} IV—VI VII VIII
2	Тартаковер	1/2	—	1	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1	1	1	1	10		
3	Вольф	0	0	—	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1	1	1	1	9 1/2		
4	Алехин	0	1	0	—	1/2	1	1/2	1/2	1	1/2	1	1	1	1	9		
5	Марони	1/2	1/2	1/2	1/2	0	—	1/2	0	1/2	1	1	1	1	1	9		
6	Тарраш	0	1/2	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9		
7	Грюнфельд	1/2	0	1/2	1	1	0	—	0	1	0	1	1	0	1	8		
8	Рети	0	1/2	1/2	1/2	0	1	—	0	1/2	1	0	1	1	1	7 1/2		
9	Боголюбов	0	0	0	1/2	0	0	0	1	—	1	1	1	1/2	1/2	6 1/2		
10	Шпильман	0	1/2	1/2	0	0	0	0	1/2	0	—	1/2	1	1	1	6		
11	Вукович	0	0	0	1/2	1/2	1	1	0	0	0	—	1	1	1	6		
12	Земисш	1/2	0	0	0	1/2	0	0	1	0	1/2	0	—	1	1	5 1/2		
13	Такач	0	0	0	0	0	1/2	1	0	1/2	0	1	0	—	1/2	4		
14	Кениг	0	0	0	0	0	1/2	0	0	1/2	0	0	0	1/2	—	2		
15	Кмох	0	1/2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	1/2	—	1 1/2		

половину и человеком только на одну четверть». Это ужасно и это ложь. В последние годы Рубинштейн боролся с полной отдачей, несмотря на свой недуг, победив Алехина в личной встрече и заняв первое место в Вене в 1922 году. Рубинштейн с полным основанием вызвал Капабланку на матч. Этого ему не мог простить Алехин. Напомним, что Рубинштейн упорно боролся с Алехиным за первое место и в Гастингсе (1922), где лишь победа в последнем туре над Боголюбовым вывела Алехина вперед, и в Баден-Бадене (1925) – в этих турнирах Рубинштейн был также вторым после Алехина. Всего же после войны Рубинштейн побеждал 6 раз в международных турнирах. В былые времена Алехин отмечал, что Акиба Рубинштейн **единственный**, кто имел положительный счет с Капой.¹²⁸ Отметим еще один факт, имеющий большое значение. Последний турнир «высшей категории» Рубинштейн выиграл в Вене в 1922 году в возрасте сорока лет. Свой последний турнир «высшей категории» Алехин выиграл в 1934 году – в Цюрихе – ему было немного больше – 42 года. После этого возраста **ни Рубинштейн, ни Алехин никогда не побеждали в супер-турнирах!** Но в отличие от Алехина, Акиба в супер-турнирах в Баден-Бадене был вторым, в Сан-Ремо – третьим, в Карлсбаде – четвертым! В Карлсбаде

было 22 участника, из них 11 гроссмейстеров во главе с экс-чемпионом мира Капабланкой. Алехин после 1934 года участвовал в двух турнирах мирового класса. Результаты были удручающие: в Ноттингеме: он был шестым среди десяти гроссмейстеров и четырех британских мастеров, а в Амстердаме делил четвертое-шестое места, при восьми участниках. Учтем при этом, что все же Акиба был психически больным человеком, в отличие от вполне здорового чемпиона мира.

В серии статей о Карлсбадском турнире и его участниках Алехин дал вполне лояльную и объективную характеристику чуть ли не старейшему участнику турнира (старше его были двое – Мароци и Маршалл): «Успех Рубинштейна свидетельствует, что польский гроссмейстер сумел проникнуться современными идеями шахматной игры. Поклонники его таланта должны порадоваться этому. Шахматная карьера Рубинштейна весьма своеобразна. С 1907 по 1912 гг. он был первым на четырех крупнейших турнирах того времени, а на Петербургском турнире 1909 году, где участвовал Ласкер, разделил с ним первое-второе место. Весь шахматный мир, в том числе и сам Ласкер, признал, что Рубинштейн является достойным приемником чемпиона мира. Его вклады в теорию дебютов, его мастерство в создании микроскопических преимуществ в эндшпиле – обеспечивали ему высшее место в шахматной иерархии.

Но разразилась мировая война, надолго прекратившая международные турниры. А в послевоенных турнирах Рубинштейн оказался совсем уже не тем Рубинштейном. Это был не прежний спокойный, методичный стратег, умеющий до конца использовать малейший, едва заметный промах противника. Его нервы были истрепаны годами войны, и он стал вносить в игру новый неприсущий ему до того темперамент, благодаря которому он завоевал огромное число призов за красоту игры (*в Теплиц-Шенау, например, он получил пять таких призов*), но его новая система не могла оказаться долговечной. 1924 и 1926 гг. принесли ему тяжелые неудачи, и он вынужден был вновь изменить систему. По счастью, ему это удалось. Он постиг современные идеи шахматной игры и сумел объединить их со специфическими чертами своего таланта. Это придало ему новую силу, которую ему удалось продемонстрировать на Карлсбадском турнире. Рубинштейн переживает сейчас «вторую шахматную молодость», которая в соединении с его талантом делает его **великим шахматистом**».¹²⁹ Вроде ничего предвзятого нет и каждое слово Алехина справедливо. Но...

В отношении к Рубинштейну, кроме обыкновенного антисемитизма, у Алехина примешивалось и социальное высокомерие. Скажем к другому «...штейну – Осипу Самойловичу Бернштейну, адвокату, закончившему Гейдельбергский университет, и светскому человеку – они встречались в одних салонах, куда советского «невозвращенца» ввел в Париже Осип Самойлович, Алехин относился вполне терпимо. Даже, будучи чемпионом мира, сыграл с ним небольшой матч, окончившийся не так успешно для вельтмейстера – +1, –1, = 2 (Париж, 1933). У молодого композитора Сергея Прокофьева, восхищающего победой Рубинштейна над Ласкером в 1909 году, дан облик русского чемпиона: «Рубинштейн – человек с красным галстуком и малокультурным лицом». Это социальное высокомерие проскальзывает и у другого современника и партнера – Алехина и Рубинштейна, Евгения Александровича Зноско-Боровского, который был одним из активных участников «Серебряного века», философ и друг Акибы Кивеливича, написав замечательную статью о Рубинштейне, счел возможным присовокупить: «Ум, лишенный культурных навыков и широко образовательного багажа, обзаванный своими успехами себе одному, своей настойчивости, работе, слишком скоро истощил себя».¹³⁰ И даже чеканный фразу Савелия Тартакова о том, что Акиба Рубинштейн «ладейный конец шахматной партии, за тысячи лет начатой богами», комментирует следующим образом: «Должен ли я ещё напомнить, что ладейные концы – самые грубые на шахматной доске?».¹³¹ От себя добавим, что «грубость» ладейных окончаний эстетикой шахмат недоказуема... И, возможно, эта фраза Зноско-Боровского, подсказала Рудольфу Шпильману один из своих трудов назвать «Волшебный мир ладейных окончаний». Стоит ли говорить, что почти половина примеров выбрана из творчества Рубинштейна!¹³² Перед борьбой за первенство мира с Капабланкой, Алехин должен был изучать творчество единственного человека, имеющего к этому времени положительный результат с Капой. Без изучения ладейных окончаний Алехину нечего было делать в матче. Пример гигантской работы над усовершенствованием техники ладейных окончаний, служит эндшпиль, выигранный Алехиным у Шпильмана в Нью-Йорке в 1927 году. Никаких сомнений: его учителем был Акиба!

Но существовала и другая точка зрения на творчество Рубинштейна. Автор предисловия к книге Г. Кмоха «Рубинштейн выигрывает!» – называет Акибу Кивелевича Спинозой! Другой автор также использует образ голландского философа в книге о В. Стейнице, целую главу посвящает Спинозе – Рубинштейну.¹³³

В довоенные годы (*до I Мировой*) Е.А. Зноско-Боровский написал восторженную статью о Рубинштейне, когда в 1912 году русский чемпион установил мировой рекорд – четыре первых места в выдающихся турнирах современности. История такого достижения не знала.

«... г. Рубинштейн стал первым: ни сильный состав, ни прекрасная игра его соперников, ни даже удивительное стечение неблагоприятных обстоятельств, не могли изменить того, что должно быть по праву, и, если г. Рубинштейну этот новый успех его ничего существенного не прибавляет, то именно в нем он может торжествовать полную победу над всякими случайностями, над самой судьбой».¹³⁴ Сильно сказано! Судьба уготовила Акибе Кивелевичу неизлечимую болезнь, а обстоятельства, находящиеся вне него – Мировую войну.

В восторге от побед русского оружия Зноско-Боровский предвосхищает далекое будущее: «Поистине, если бы русские маэстро поехали с вызовом в бой по всем странам шахматного мира, едва ли хоть одна из них сумела бы потешить себя победой. Эта мысль, которая давно уже в виде шутки ходит среди русских шахматистов, теперь, после виленского турнира, должна быть высказана громко и серьезно. **Но в будущем ей предстоит еще стать для всех очевидной аксиомой: это случится, когда А.К. Рубинштейн, насильно присвоит себе шахматную корону, отняв её у нынешнего обладателя её, скупого рыцаря Ласкера или у новейшего претендента на неё, гениального и дерзкого Капабланки.**

Это должно исполниться: шахматная история требует, чтобы чемпионом мира был родившийся в России...».¹³⁵

В справедливости этих слов можно убедиться, взглянув на участников первенства России 1912 года: 1. Рубинштейн, 2. Бернштейн, 3. Левитский, 4. Нимцович, 5. Флямберг, 6-7. Алехин и Левенфиш, 8. Фрейман, 9. Алапин, 10. Сальве, 11. Абрам Рабинович. Не во всяком международном турнире могли встретиться будущий чемпион мира – Алехин, три претендента – Рубинштейн, Бернштейн, Нимцович, будущий дважды чемпион Советского Союза, да к тому отстоявший свое звание в матче с будущим чемпионом мира – Левенфиш, крупнейший теоретик – Алапин, создатель шахматной школы – Сальве и т.д.

Справедливо закончить эссе о Рубинштейне словами Рихарда Рети: «Рубинштейн – борец, который, уединяясь и глубоко погружаясь в свою задачу, преодолевает трудности... Он никогда не удовлетворяется напрашивающимся ходом и заставляет свою мысль работать до тех пор, пока не найдет того единственного хода, который соответствует его пониманию позиции... **Он величайший художник среди шахма-**

тистов». Рети считал, что Рубинштейн создал совершеннейшие партии послестейницовского периода.¹³⁶

В нацистской статье Алехина несколько гнусных слов сказано в адрес Рихарда Рети – человека, «раздвинувшего шахматные возможности». О его творчестве на турнире в 1924 году в Нью-Йорке самим Алехиным было сказано, что Рети его превзошел. Вообще, в одном предложении Алехин все поставил на свои места: «У меня создалось впечатление, что не только Ласкер и Капабланка, но и Рети выиграли больше хороших партий, чем я».¹³⁷ Алехин не стеснялся заимствовать идеи Рети. Так во второй партии с Эм. Ласкером из Нью-Йоркского турнира, играя «Дебют Рети во второй руке», так сам Алехин назвал в своей книге «Староиндийскую защиту», он легко получил равенство, поставив батарею: С b7 и Ф a8 – зеркальное отражение партии Рети – Эм. Ласкер из того же соревнования. В другой раз Алехин выразился о Рети еще более хвалебно – по его словам, Рети – единственный шахматист, нередко ошеломляющий его своими неожиданными замыслами.¹³⁸ В статье «Нью-Йоркский турнир 1927 года, как пролог к борьбе в Буэнос-Айресе за мировое первенство» Алехин специально отметил Рихарда Рети, как единственного победителя Капабланки в Нью-Йорке в 1924 году, а так же и при других встречах, оказавшего кубинцу упорнейшее сопротивление, как, например, в Москве, в 1925 году. Много раз встречались за доской Рети и Алехин. Самая знаменитая Алехинская комбинация была создана в соавторстве с Рети в Баден-Бадене, в 1925 году. Общий счет почтен для Рети – 3, +1, =4. Каждая из этих четырех ничьих стоила многих побед.

Для дискредитации идей Рети Алехин в своей парижской статье прибегает к помощи старого мастера Рихарда Тейхмана, назвавшего дебют Рети «двойной дырой».

Небезынтересно и то, что «Еврей» Яновский, проиграв опять таки «Еврею» Тартакову в дебюте Рети партию, назвал сию ультрасовременную схему «овечьим дебютом».¹³⁹ Люди пожилого поколения плохо воспринимали новшества. Алехин называет Тейхмана «Арийцем», но это ошибка – Тейхман – еврей, к тому же сведший матч вничью с самим Алехиным в 1921 году: +2, –2, =2.¹⁴⁰ Между прочим, свое начало – дебют Алехина, был подсмотрен будущим чемпионом мира у московского еврея Михаила Герцовича Кляцкина (1897–1926), шахматиста, видного этюдиста, безвременно скончавшегося от туберкулеза. Крупнейший успех Кляцкина – дележ первого-второго мест в турнире любителей Олимпиады 1920 году. Дебют «Кляцкина» был введен в международную практику Алехиным под влиянием идей Рети. (*Фигурное влияние на центр*). Вся

грязь, вылитая на безвременно скончавшегося пражанина лишь подчеркивает черную неблагодарность чемпиона мира. А ведь Рихард Рети был его другом и одним из немногих, предсказавших победу русского чемпиона в Буэнос-Айресе. Как благородно писал Рети об Алехине: «... Алехин является ярким представителем утонченной европейской культуры. Одухотворенный художник, ...вечноищущий, он все время растет...».¹⁴¹ После слов Алехина о Рети, трудно поверить в утонченного представителя Старого Света...

Превознесение Рихарда Тейхмана в нацистской газете несколько противоречит тому, что писал о нем сам Алехин в некрологе, опубликованном во французском шахматном журнале «L'Echiquier» («Шахматная доска») в 1925 году. Действительно, смерть Тейхмана воспринималась как большая утрата для шахматного мира. Но Алехин безапелляционно относил Тейхмана к разряду школы «шахматистов – классиков», принципы которой установил Тарраш, который, упростив их, способствовал внедрению в шахматную среду **«гениальных, но иногда слишком темных идей великого первопроходца Стейница»**.¹⁴² Да, не согласуется гениальный великий пионер Стейниц с певцом оппортунизма в пронацистской статье. В том же некрологе Алехин перечисляет три принципа классиков: значение центральных пешек, использования слабых пунктов противника и идея свободного развития и противопоставляет им три принципа «гипермодернизма», мало чем разнящиеся от статей Рети и Тартаковера, т.е. он сам пропагандирует разрушительные «еврейские» идеи! Более того, по Алехину, неуспех Тейхмана в последние годы связывается с недооценкой Тейхманом именно новых веяний в шахматах.

Итак, по Алехину: «Все яснее становится единство разрушительной, чисто еврейской шахматной мысли (*Стейниц – Ласкер – Рубинштейн – Нимцович – Рети*)». По пути потерялась промежуточная инстанция – Карл Шлехтер.

Далее Алехин переходит к современникам – первый на очереди Саломон Флор, продукт «боязливой оборонительной идеи», почти по Романовскому. Флор преемник Стейница и Рубинштейна. Отличие от последнего – Флор физически и психически здоров. У Алехина удивительная способность забывать: его матч на звание чемпиона мира с «продуктом еврейской мысли» должен был состояться в 1938 году. Алехин считал Флора достойным претендентом. Может быть только два объяснения. Первое: Флор – удобный партнер для Алехина, и почему бы со слабейшим не сыграть беспроеигрышный матч, или второе: Алехин – лицемер. Первый пункт не должен обманывать никого, а чем-

пиона мира – тем паче: было известно, что у Капабланки до матча 1927 года он вообще не выиграл ни одной партии. Что же касается турнирных успехов Флора, то он не раз обгонял Алехина, первым нарушив гегемонию чемпиона мира. (Гастингс 1933-1934 г., Турнир наций Варшава 1935 г. на первой доске, набрал 13 очков из 17 – 76,5% против алехинских 12 из 17 – 70,6%), и в отличие от Алехина, неоднократно обогнал и Капабланку (Гастингс 1934/35г., Москва 1935 г., Маргит 1936 г.). В Ноттингеме в 1936 году единственное поражение Капе нанес Флор.

С другими евреями Алехину разобратся было намного труднее. Это два американца и советский гроссмейстер. Добиться с ними перевеса Алехину не удалось. Агрессивность Ройбна Файна и Михаила Ботвинника объясняется их коммунистической идеологией. С Ботвинником это ясно, но с Файном явная натяжка. Туманное рассуждение о стиле Файна приводит к едва прикрытой мысли: присущая евреям трусость толкает их на активность, чтобы скрыть врожденный страх. Поразительный троп. Жаль, что Александр Александрович не дожил до времен Михаила Таля. Что бы он сказал о нем? А было время (1933 год), когда он писал о молодом Файне: «...я беру на себя смелость предсказать девятнадцатилетнему ньюйоркцу Файну **совершенно исключительную** (текст выделен Алехиным. – С.Д.) шахматную будущность...».¹⁴³

«Самуил Решевский – дутая величина. Вундеркинд. Сколько уже было у евреев этих несостоявшихся юных гениев. Вот, появился и в шахматах. Бедная Америка», – восклицает Алехин. Но в статье 1933 года о Решевском сказано немного по-другому: «Мальчик этот... был на самом деле подлинным шахматным вундеркиндом; поражала не только сила его игры..., но, быть может, главным образом скорость и острота мышления». Затем вундеркинд исчез, предварительно неплохо заработав, (*«они» всегда умеют устраиваться!*) – он должен был получить образование, и решение родителей было мудрым. Все ждали с нетерпением, состоится ли бывший вундеркинд. Да состоялся, но не в шахматном плане: «Скажу прежде о «человеческом» впечатлении от общения с ним – оно было самое благоприятное. Ни тени заносчивости». Но стиль Решевского ему не нравится – оправдывая будущую оценку – он употребляет слово «бездарность».¹⁴⁴ Эта уничижительная оценка никогда не могла быть произнесена, а тем паче, написана Эм. Ласке-

Самуил Решевский

ром в любой адрес – иная мораль, иной такт. Хотя тот не учился в училище правоведения. Впрочем «бездарность» добилась в будущем неплохого результата с гением комбинаций. Общий счет их встреч +2, -1, =2 в пользу чемпиона мира. Да к тому же эта «бездарность» обгоняла Алехина в ряде соревнований – Ноттингем (1936 г.), Кемере (1937 г.), а в АВРО-турнире (1938 г.) они стали вровень.

С «историческим противником» Алехина – Капабланкой, бывший вундеркинд имел положительный результат: +1, =5. А вот интеллектуальный ответ Решевского, в духе Алехина: «Борьба, соперничество – вот что привлекает меня в шахматах. Шахматы – это искусство, наука и меньше всего игра».¹⁴⁵ Совсем другую характеристику Решевскому дал в свое время друг и идейный единомышленник Алехина П.А. Романовский. Комментируя партию Решевский – Капабланка из турнира в Маргите в 1935 году, он в заключение написал: «Партия Решевский – Капабланка является замечательным произведением шахматного искусства. Творчество Решевского в ней воплотило, кажется, в себе все лучшее, что выдвинула за последние годы шахматная современность. **Чуждая рутине свежесть и смелость, тонкая фантазия, глубокий расчет и четкая реалистичность мышления – вот комплекс данных, которыми можно охарактеризовать творчество Решевского.**

Таких поражений, которые потерпел Капабланка в этой партии, бывший чемпион мира, пожалуй, не имел со времени своей встречи с Алехиным. Капабланка сделал, по нашему мнению, все, на что он был способен в этой весьма принципиальной встрече с Решевским и все же был разбит.

Несомненно, в лице Решевского шахматный мир получает крупнейшего шахматного мыслителя, имеющего все шансы в будущем претендовать на завоевание мирового первенства».¹⁴⁶

О Ботвиннике в статье Алехина сказано особо. И совсем другим тоном, кроме одной фразы, торчащей в его тексте как «уши Мида-са». Ботвинник силен, очень силен. Неоднократный победитель чемпионатов СССР, где уровень очень высок.

(Следил Александр Александрович за шахматной жизнью в России. Обратил внимание на молодого Смыслова, указав на одну его ошибку в анализе. Кстати о Смыслове. Став самым молодым мастером СССР, в довоенной автобиографии он ссылается на своих учителей – Ласкера, Тартаковера, Тарраша и, особенно, Нимцовича. Не обошел он книг Алехина. Имени Чигорина там нет. Он появляется лишь в

послевоенных изданиях – явно дань идеологии. Смыслов был далек от творчества дореволюционного чемпиона России.¹⁴⁷ Впоследствии Василий Васильевич писал: «Сильное впечатление произвела на меня «Современная шахматная партия» Тарраша... Благодаря ему я понял и оценил по достоинству значение теории Стейница».¹⁴⁸ Далее прилепление имени Чигорина явно нелогично).

Ну, а где «уши Мидаса»? Пожалуйста. Смехотворное сравнение побед советского чемпиона с победами Эриха фон Элисказеса и тут же: «Тем не менее, большинство партий Ботвинника производит впечатление сухих и бездушных». На основании чего это сказано?

Опыт встреч с Ботвинником должен был показать, что до сухости очень далеко. Если проигранную Ботвиннику партию в Амстердаме, можно выдать за проведения плана «удавного кольца», то ничья в Ноттингеме, где Ботвинник пожертвовал две фигуры и вынудил сделать соперника ничью – этого никак не скажешь, красочно и романтично, в духе той далекой партии с Рети в Вене. А что сказал Алехин по поводу партии Ботвинника с Капабланкой? Выразился в том смысле, что он, конечно, проиграл Ботвиннику, но не так, как Капабланка. У Капабланки мнение было противоположное – победу над Алехиным Ботвинника он оценил выше, чем свое поражение: у каждого свой вкус, да и к тому же речь идет не столько о Ботвиннике, сколько о взаимных счетах. А ведь партия Ботвинника против Капабланки признана **«лучшей»** за всю историю шахмат!

И действительно, чудо: жертвуется вначале на ферзевом фланге слон a3, а потом на другом краю доски конь h5, а далее следует победный бросок пешки. Но не безропотно погибал Капа – оставалась надежда соорудить вечный шах. Король белых перемещался под шахами к демаркационной линии, но вечного шаха не оказалось. Ботвинник все предусмотрел. Захватывающая драма. *(Иногда для собственного удовольствия переигрываю эту партию: полотно не меркнет, как картины Рембрандта. Что же касается сравнения с военным искусством, то партия напоминает рисунок гениальной концепции Ганнибала под Каннами. Если бы фельдмаршал Мольтке был знаком с партией Ботвинник – Капабланка, он тоже пришел в восхищение. Седан, несомненно Седан!)*

Но все же алахинская характеристика Ботвинника отличается от других нелестных отзывов. Гадать о причинах сдержанности можно. Среди них отмечу два момента: Ботвинник – его соотечественник, внешне сухой, немногословный, подтянутый, интеллигентный, в высшей степени корректный, джентльмен (*вот случай с остановившимися часами Боголюбова: в Ноттингеме: Ефим Дмитриевич несильно нажал на кнопку часов, и его часы не шли. Ботвинник обратил внимание партнера на это обстоятельство.*). Намного младше Алахина. Никаких личных счетов между ними – молод. Не вписывается в образ карикатурного жидакоммуниста. Играет здорово и комбинационно. Яркие примеры: партии против Раузера и против Чеховера. Первый приз за красоту в партии против Тартаковера, приз за партию против Видмара. А победа над Боголюбовым с дивным ходом черной пешки на поле g5? Да и вот этот шедевр в Амстердаме. Приемлем.

Второй момент – политический: это время действия пакта Рибентроппа – Молотова. Негоже хулить союзника. А так, пожурить немного... Ведь писал Александр Александрович после победы над Капабланкой: **«Мастерство в нашей области есть просто пробный камень для несовершенства других».** (*Выделено Алахиным. – С.Д.*)

Почему-то в обойму критики попал престарелый Жак (Якоб) Мизес (1865–1954), яркий шахматист, любивший творчество Чигорина и ценимый самим Чигориным. Мастер без амбиций. Никогда не боролся за шахматную корону. Видимо, добавлен в обойму для счета. Вот что писал о нем Чигорин в 1907 году: «Мизес – один из немногих постоянных участников международных турниров, не стесняющихся выбирать дебюты, ведущие к более или менее оживленным партиям. Едва ли мы ошибемся, если отчасти этому обстоятельству припишем его успех в последнем турнире. Одни из его противников уже «отвыкли» от оживленной и обоюдоострой игры, а другие к ней ещё не привыкли... Право!».¹⁴⁹ Но и Мизес в свою очередь был самого высокого мнения об игре российского чемпиона: «Ни у кого шахматы не были более искусством и творчеством, чем у Чигорина».¹⁵⁰

Интересно то, что Якоб Мизес был плодовитым писателем. Самым популярным учебником шахматной игры на немецком языке была его переделка старой книги Дюффрена (1902) и выдержившая массу изданий. Когда наци пришли к власти, престарелый мастер бежал вначале во Францию, а затем в Англию, где и скончался в весьма почтенном возрасте под 90!. Его учебник в 1937 году в Германии «ариизировали» (ну и словечко!), т.е. снята фамилия престарелого маэстра и все примеры из

творчества евреев были удалены (Колиш, Цукерторт, Стейниц, Ласкер и др.). Милостиво было разрешено публиковать лишь проигранные ими партии. Прекрасная идея! Но произошла накладка – вольная или невольная. Фамилия соавтора Дюфрена (*Dufresne*) осталась на обложке, ибо тот скончался ещё в прошлом веке. Мало кто знал, что эта фамилия была анограммой еврея Жана Э.С. Фройнда (*Jean, E.S.Freund*) (1829–1893). Когда наци пали, престарелому Мизесу поручили «денационизировать»(!) своё же пособие, что и он с успехом выполнил в 82-летнем возрасте.

Но интересно и то, что на шахматных партиях Мизеса учились современники Алехина, возможно и сам он пребывал в обаянии комбинаций Мизеса, как скажем, его друг Петр Арсеньевич Романовский, посвятивший творчеству немецкого мастера немало страниц в своей книге «Пути шахматного творчества»: «Мне нравились..., остроумные выдумки Мизеса, и я разыгрывал одни лишь выигранные им партии».¹⁵¹ Может и молодой Александр Алехин разыгрывал эти партии. Пути шахматистов Алехина и Мизеса скрестились в двадцатые годы, когда шестидесятилетний мастер не мог оказать серьезного сопротивления рвущемуся в бой претенденту. Но вот со вторым «Диоскуром» Мизес играл иногда успешно. Так он выиграл у него партию в 15 ходов(!) в Гетеборге, и даже в звездный час Боголюбова в Киссингене в 1928 году, сделал великолепную, почти гениальную, ничью.

Мизес – Боголюбов

Гетеборг, 1920 г.

1.e2-e4	c7-c5
2.d2-d4	c5:d4
3.Фd1:d4	Kb8 –c6
4.Фd4-e3	g7-g6
5.Kb1-c3	Cf8-g7
6.Cf1-e2	d7-d6
7.Ce1-d2	Kg8-f6
8.Kc3-d5	Kf6:d5
9.e4:d5	Kc6-d4
10.Ce2-d1	Фd8-c7
11.c2-c3	Kd4-f5
12.Фe3-d3	0-0 ?
13.g2-g4 !	Kf6-h6
14.Фd3-h3	Фe7-c4
15.Cd2:h6	Черные сдались.

Конечную позицию прокомментировал С.Г. Тартаковер в книге «Ультра-современная шахматная партия» (Л-М, 1925, ч.3 с.76.): «Вполне понятный упадок духа. Более твердые натуры испробовали бы еще, правда, без успеха, вариант отчаяния: 15... Фe4+ 16.Kpf1 Ф:h1 17.Cf3 C:g4 18.Ф:g4! (18.C:g4 Ф:d5) 18... Ф:h2 19. Cf4 Фh5 и т.д.

Алехин негодует, что Мизес публикует свои так называемые «блестящие» партии, вроде партии из Барменского турнира 1905 с Куртом фон Барделебеном. Мизес считал её красивейшей в своей карьере. Партия получила первый приз за красоту. Но его младшие современники – А. Нимцович и С. Тартаковер считали лучшей партию с Д. Яновским из Парижского турнира 1900 года, за которую Мизес тоже получил первый приз за красоту. Эти партии публикуются до сих пор, хотя критерий красоты за сто лет резко изменился.¹⁵² Зигберт Тарраш в своем учебнике «Современная шахматная партия» из 214 опубликованных партий поместил 20 партий Мизеса: как выигранных, так и проигранных. В некоторых дебютах, таких, как Северный и Центральный гамбиты, почти все примеры взяты из творчества Мизеса. Нет, Якоб Мизес был не таким слабым шахматистом. Особенно впечатлительную победу Мизес одержал в Вене 1907 году, в т.н. «Требиц турнире» – он занял первое место с результатом 10 из 13, обогнав корифеев – Дураса, Шлехтера, Мароци и молодых – Видмара, Шпильмана, Тартаковера и других. Замечательный успех! И еще раз после I Мировой войны тоже занял первое место с чуть ли не стопроцентным результатом в Ливерпуле в 1923 году: 8 очков из 9, без поражений: 7 побед и 2 ничьи. Правда, состав был намного слабее, но все же играли Мароци, Ейтс, Томас – в аналогичных турнирах в это время играл Алехин. Например, в 1923 году, в Портсмуте, где вообще не было «имен», а также в Берне в 1924 году и т.д. Таких турниров у Алехина десятки. О победе Мизеса над Томасом в Ливерпуле красиво сказал С.Г. Тартаковер: «Атака лейпцигского маэстро Мизеса – это танковая атака в шахматах!».¹⁵³

Затем шельмуется Рудольф Шпильман (1884–1942), «поселившийся сейчас в Стокгольме». Видите ли, почему-то не захотел попасть в лапы нацистов и сгореть в Освенциме, как другие евреи – вот и поселился в нейтральной стране. Профессор Альберт Беккер (*видимо, немец*) сильный мастер и старый знакомый Шпильмана в воспоминаниях писал о своем приятеле: «Один из самых агрессивных мастеров нашего времени – Рудольф Шпильман был одним из приятных людей, которых я когда-либо знал. Он родился, как и я, в Вене, и оставался «венцем» с головы до ног. Для него и для его многочисленных друзей было большим не-

счастьем, что ему, еврею по национальности, в связи с аншлюсом пришлось покинуть Австрию. Вскоре, вдали от родины, он умер».

(А. Беккер «Страницы прошлого» – «Шахматы в СССР», М., 1972, №9, с.13).

Шпильман имел неплохой счет с чемпионом мира, играл в открытые шахматы, меньше всего заботясь о результате. Был теоретиком. Написал много теплых слов в адрес М.И. Чигорина, полных пиетета и уважения. Шельмует его Алехин за отсутствие анализа интуитивной жертвы в книге «Теория жертвы». Но и это присутствует в работе Шпильмана. Каждый может открыть учебник и убедиться. Ибо победитель Земмеринга сам любил интуитивные жертвы. В книге разобрана его партия с А. Рубинштейном из Сан-Себастьянского турнира 1912 года, где была пожертвована ладья, и расчет вариантов был бессмысленен: надо было полагаться на интуицию. С. Тартаковер, вообще считал эту партию в творчестве Шпильмана лучшей. А комбинационный талант венского гроссмейстера оценивал как гениальный и ставил его на второе место в шахматной истории. Первым – был Морфи, а не Андерсен или Алехин.¹⁵⁴ Черным по белому Шпильман пишет: «Её (комбинацию) нельзя было точно рассчитать, но я чисто интуитивно её оценил и всецело на неё положился».¹⁵⁵ А в одной из статей Шпильмана, есть и удивительное сравнение двух шахматистов: «Он (Тарраш) – метод, Алехин – интуиция».¹⁵⁶

Есть еще грехи за Шпильманом. Ну, например, он выиграл матч в 1932 году у Ефима Дмитриевича и мог бы сыграть матч на звание чемпиона мира, возможно, не хуже Боголюбова. Факты? Пожалуйста. В Киссингене в 1928 году и в Карлсбаде в 1929 году Шпильман нанес два рядовых поражения Капабланке. Такого же мнения были и современники. Комментатор победной партии Шпильмана против Капабланки в Карлсбаде Б.М. Блюменфельд писал: «Партия – характеризующая атакующий стиль Шпильмана. Она вполне может выдержать сравнение с лучшими партиями Алехина в матче его с Капабланкой».¹⁵⁷ После турнира в Карлсбаде в 1929 году Шпильмана причисляли к пяти сильнейшим шахматистам современности.¹⁵⁸ Или еще более разительный пример: он сыграл тренировочный матч с Максом Эйве, накануне завоевания последнего звания чемпиона мира у Алехина. И счет был: +6, –4, =4 в пользу Шпильмана.¹⁵⁹ Об этом «закрытом» матче Алехин знал, и упомянул об этом в статье «Макс Эйве», опубликованную в парижских «Последних Новостях» 2 августа 1935 года. Грех напоминать об этом. После того, как Алехин стал чемпионом мира, он не смог выиграть ни одной партии у Шпильмана – в Сан-Ремо, в Блэде, в Маргите: все пять партий окончились вничью. Тогда в 1932 году в «Wiener

Schachzeitung» Шпильман опубликовал открытое письмо направленное А. Алехину: «Я обвиняю!». (См. перевод в приложении 1).

В письме прямо высказана мысль, что чемпион мира воспротивился участию в соревнованиях ряда шахматистов, малоудобных для него. Например, не был приглашен Капабланка в те турниры, где играл Алехин (*Лондон и Блед, а до этого Сан-Ремо*). «Что до меня, бедного шахматиста, похоже, и я превратился в "нежелательного конкурента"». В этой статье имеются две аллюзии. Первая – бросающаяся в глаза связь со знаменитой статьей Эмиля Золя «Я обвиняю», в защиту Дрейфуса. Вторая, более прикрытая – использование статьи Алехина «*Нью-Йоркский турнир 1927 года как пролог к борьбе в Буэнос-Айресе за мировое первенство*», где экс-чемпиону мира предъявлены те же самые обвинения в подборе удобных участников. В турнир 1927 года не были приглашены: экс-чемпион мира Эмануил Ласкер, гроссмейстеры Ефим Боголюбов, Акиба Рубинштейн, Рихард Рети и др. Я же со своей стороны могу отметить, что неприглашение этих шахматистов было одинаково выгодным и Капабланке, и Алехину. (*Одно время планировался параллельный европейский турнир с участием Ласкера, Боголюбова, Рубинштейна, Тартаковера, Рети, Грюнфельда, Эйве. Жаль, что он не состоялся...*). С.Г. Тартаковер иронически замечает по поводу этих отсутствующих шахматистов: «вот доблестный список, доказывающий, что в спортивном отношении Нью-Йоркский турнир вообще ничего не доказывает».¹⁶⁰ Всего один раз после публикации этой статьи встретились за шахматной доской Алехин и Шпильман – в 1938 году на турнире в Маргите. Чемпион мира был первым, несостоявшийся претендент – вторым, партия между ними закончилась вничью. Шпильман старался как никогда: в этом турнире он не проиграл ни одной партии! И это-то при его стиле... Вместе с тем, к Алехину, как к великому шахматисту, Рудольф Шпильман относился с высшим почтением. «Всей душой предан шахматам и нынешний чемпион мира, Алехин. Все его помыслы и поступки диктуются мыслью об успехе... Это – вечное изучение, вечное перевооружение, вечное оттачивание умственного оружия: это – не страсть, а целеустремленная научная деятельность, подстрекаемая вечно пылающим честолюбием и льющейся через край силой», писал о нем венский мастер.¹⁶¹ А другой тонкий исследователь и первопроходец писал о Шпильмане, как о романтике – последнем барде, боготворившим Андерсена и Чигорина...¹⁶² Ну а в своей знаменитой статье о Карлсбадском турнире, чемпион мира писал о венском мастере совсем по-

другому: «Известно, что Шпильман является **впечатлительным художником, который способен на наивысшее достижение**, но который, когда он не в форме, может жестоко провалиться. Достаточно вспомнить его блестящую победу в Земмеринге в 1926 г. и его последнее место на предыдущем карлсбадском турнире (1923). В связи с этим привыкли думать, что успех или неуспех Шпильмана в значительной мере – дело случая, и это точка зрения вполне естественна. Но только тот, кто имел возможность проанализировать игру Шпильмана во всей длинной серии его турнирных выступлений, может найти правильное объяснение его новому неожиданному успеху.

Шпильману всегда были свойственны ошибки спортивного характера, поскольку эта сторона дела связана с шахматной игрой. **Будучи художником, он охвачен пылкой страстью к комбинациям; эта страсть принесла ему ряд призов за красоту игры**, но, с другой стороны, – часто лишала его важного очка в таблице...

В этом турнире Шпильман не взял первого приза, но это объясняется лишь тем, что в самый решительный момент нервы отказались служить ему, – в партии против Рубинштейна и в последнем туре в партии против Матисона, которую он мог без труда выиграть». ¹⁶³ Сказано с сочувствием и, пожалуй, с искренним сожалением, что родственная художественная душа сорвалась накануне полной победы.

К десяти арийцам Алехин приписал еще трех лиц: Мароци, Харузека и Видмара. Он ошибался: первые двое – евреи. И Мароци, и Видмар перекочевали из его нью-йоркской статьи, из разряда шахматистов играющих на результат в разряд творческих. Говорят, у Вас была идеальная память Александр Александрович? Как же Вы перепутали «бременных музыкантов» с настоящими творцами? Нам уже не получить ответа. Но может быть эта «справка» Алехина об арийском происхождении и спасла Гезу Мароци во время Мировой войны. Ведь за ним тянулся старый грех – участие в Венгерской революции 1919 года. Но Бог или случай спас. ¹⁶⁴ Есть еще одна «забывчивость» Алехина в отношении Мароци – последний был не только тренером Макса Эйве, но и секундантом в матче 1935 года; как сказано: «главным советчиком» голландца. ¹⁶⁵

Рудольф Харузек (1873–1900) родился в Праге, так много давшей австрийской культуре, умер совсем молодым от туберкулеза. Он считал себя учеником Чигорина и Михаил Иванович высоко чтит «пантеру Харузека». В романе Густава Мейринга «Голем» (1915 г.), действие которого происходит в Праге, выведен бедный и полусумасшедший студент по фамилии Харузек, говоривший шахматными

категориями: случайное совпадение исключается. Харузек, несомненно, еврей. О его национальности говорили разное. В книге Н.И. Грекова о Чигорине Харузека причисляют к чехам и даже называют «даровитым чехом» (с. 488 названного труда), а в «Шахматном словаре» (М., 1963), и в энциклопедическом словаре «Шахматы», (М., 1990) вообще зачислен в венгры. Некоторая схожесть с уроженцем Праги – Стейницем, бывшим и чехом, и австрийцем, и англичанином, и американцем... и не перестававшим быть евреем. Нечто подобное можно обнаружить и у композитора Людвиг Федоровича Минкуса, уроженца Вены, автора балета «Дон Кихот»: судя по советским энциклопедиям – у него целых четыре национальности: словак, словенец, чех, поляк ... О еврейском происхождении Харузека можно прочитать и в одной солидной энциклопедии.¹⁶⁶

Далее Алехин рассуждает о величии арийского духа, но... Морфи пришел слишком рано, Пильсбери родился слишком поздно. А ведь психическое заболевание Пола Морфи сродни болезни Акибы Рубинштейна. Но если у первого Алехин не замечает заболевания, то над вторым Алехин просто насмехается. Порядочно ли это?

Что же касается Пильсбери, то утверждение, что он мог выиграть матч у Стейница, не предсказуемо. Стейниц был стар, и, вероятно, его уже мог победить, кроме Ласкера, и Чигорин, и Тарраш. С Таррашем у него был очень плохой счет. Но случай с Пильсбери уникален. Дело не в счете +5, -4, +4 в пользу альтмейстера. (Кстати, в книге Е.А. Мансурова ошибка – там дан счет 5:5 при трех ничьих). Но это не так. (См.: М.Н. Волковыцкий «Гарри Нельсон Пильсбери» – «Шахматы в СССР», М., 1937, № 9). Волковыцкий приводит таблицы личных результатов Пильсбери с десятью гроссмейстерами. При этом в расчет принимались данные за десять лет – с 1895 по 1904. Если добавить проигранные партии Пильсбери Стейнницу и Ласкеру до Гастингса, то результат еще больше возрастет в пользу чемпионов мира). Исследователи объясняли неудачу Пильсбери в поединках со Стейницем психологической несовместимостью. Так, на матч-турнире 1896 года в Петербурге старик разбил молодого со счетом +4, -0, =2! Очки стали доставаться Пильсбери тогда, когда Стейниц был на пороге смерти. Тот же Мансуров подсчитал результаты Пильсбери против сильнейших маэстро. Оказывается, он не имел перевеса даже против пожилого Чигорина. Исключение – Д. Яновский, против него разница в два очка в пользу американца. По меткому замечанию Михаила Левидова, Пильсбери догонял себя времен Гастингского турнира 1895 года.

Другие шли вперед. Да к тому же он был неизлечимо болен. Сам же американский гроссмейстер, лишенный каких-либо расовых предрасудков, считал себя учеником Стейница и был очень дружен с ним.¹⁶⁷

Любопытна новелла Алехина об Андерсене. О его рыцарстве и признании в поражении от Морфи без скидок. Морфи – гений, он сильнее. Это известно. Но профессионал Алехин утверждает, что Андерсен в матче с американцем был в плохой форме. В иные времена – и счет был бы иным. К сожалению, история не знает сослагательного наклонения. Высказывание об Андерсене – совершенно профессиональное и может служить дополнительным доказательством статьи Алехина. Хотя я тоже думаю, что результаты Морфи были бы иными, не только с Андерсеном, но и с Луи Паульсеном, Левенталем или Колишем. Увы, это непроверяемо, как непроверяемы результаты матча Фишер – Карпов или Фишер – Каспаров. А жаль... Кстати о «еврее» Кизерицком. Возможно, он и не еврей, но его солидный труд, вероятно знакомый Алехину, утверждает еврейское происхождение.¹⁶⁸ Не исключена и аберрация памяти Алехина. На V Всероссийском первенстве в 1907 году в Лодзи играл некий Р.К. Кизерицкий; вероятно, он же играл и в Петрограде в 1922 году. Главное, что он был участником турнира с участием Алехина в Петербурге в 1912 году, заняв последнее место. Несомненно, он был евреем, но был ли он родственником или однофамильцем парижского шахматиста – нам неизвестно.¹⁶⁹ Но не это главное. Мы говорили выше о результатах Андерсена. Мало кто знает, что в легких партиях Альфред Кизерицкий разбил гения комбинаций и счет был +9, –5, =2 в его пользу. Среди них были и красиво выигранные, но... навеки останется «бессмертная партия», сыгранная в этой серии. Кто помнит личный счет Льва Полугаевского с Рашидом Нежметдиновым? – Никто! Все знают «чернополную симфонию» татарского гения! Так и в этом случае.

Но и Андерсен не оправдал и не защитил «Арийцев». Проиграв матч Стейницу, он на полвека определил победу «Еврейства». Все это, конечно, по Алехину. К счастью объективная история шахмат не сводится к борьбе евреев с гоями. И один из современников М.О. Меншикова и А.А. Алехина в прекрасной строфе подчеркнул космополитизм древней игры:

«Вам, шахматы, хвала, священная хвала!

Хвала премудрому сплетенью комбинаций.

Вы – царство чистоты, где нет добра и зла,

Торжественный язык, *единый сотням наций*;

Вы – бесконечный мир, где краскам нет числа,

Где самодержец Ум воздвиг чертог для граций...»

Вл. Пяст «Поэма в ногах» (1908)¹⁷⁰

По мнению Алехина, Михаил Иванович Чигорин тоже стал жертвой международной еврейской плутократии, которая держала русского чемпиона на положении крепостного. Именно крепостного, а не раба, который получал на жизнь ровно столько, чтобы просуществовать, подчеркивает Алехин. Кажется, претензии не по адресу – их следовало бы отнести на счет русского общества, государства или, наконец, даже на счет семьи Сувориных, слабо раскошелевавшихся на «русское дело». *(Заметим в скобках, что авторитет Чигорина в России был необыкновенно высок, свидетельством чего является тот факт, что в бюрократических кругах министра внутренних дел генерала П.Н. Дурного прозвали «Чигориным», понятно за высокий ум).*¹⁷¹ Журнал «Будильник» за 1893 год глупо зубоскалил, используя имя русского чемпиона в диалоге:

– Кто такой этот Чигорин?

– О, это такой «король», что ему даже и «мат» ни почем.

или:

– Какое блестящее явление среди наших шахматистов этот Чигорин!

– Скорее «матовое» явление.

– Почему?

– Вечно маты устраивает.

Не менее любопытно и то, что спустя много лет в лучшей статье о связи шахмат с музыкой (не чета тем убогим халтурам, вышедшим в последующие времена), проводится параллель между Стейницем и Бюловым с одной стороны и Антоном Рубинштейном и Чигориним с другой. «Соперничество Рубинштейн – Бюлов, стоявшее в ту пору в центре пианистической жизни, (разве) не напоминает ... соперничества Чигорина и Стейница? Разве не напрашивается параллель между комбинационным стилем Чигорина и романтической игрой Антона Рубинштейна, в которой гениальные замыслы и вдохновенные порывы сочетались с не всегда безупречным техническим выполнением (*знаменитые «пригорини» фальшивых нот*)? Разве не напрашивается параллель между шахматно-просветительской деятельностью Чигорина и музыкально-просветительской деятельностью Рубинштейна – организатора Русского музыкального общества и Петербургской консерватории (сравните с ролью Чигорина в истории Петербургского шахматного собрания), пионера русской профессиональной музыкальной культуры? С другой стороны, разве не чувствуется аналогия между аналитическим умом Стейница и немецким соперником Рубинштейна – Бюловым с детально обдуманной им и вместе с тем временами причудли-

вой игрой? Разве не чувствуется аналогия между стейницовскими комментариями к шахматным партиям в «Field» и комментариями к фортепианным произведениям классиков в кропотливых редакциях Бюлова, положивших начало целому учению о фортепианной фразировке?» И далее: «В годы шахматного первенства Ласкера самой выдающейся фигурой мирового пианистического искусства был Ферручио Бузони. Его биография имеет некоторое сходство с биографией Ласкера. Почти однолетки (*Бузони родился в 1866 г., Ласкер – в 1868 г.*), они одновременно достигли мировой славы: Ласкер со времени матча со Стейницем (*сыгранного в Америке в 1894 г.*), Бузони – со времени выхода в свет его обработки Баха, изданной в Америке в 1894 г. Затем центром деятельности обоих сделался Берлин. Эпоха первенства Ласкера завершилась в 1921 году проигрышем матча Капабланки, а через год с небольшим закончилась и концертная деятельность Бузони.

Сходство между Бузони и Ласкером можно проследить и во многом другом. Как и Ласкер, Бузони был весьма образованным и активно мыслящим человеком, автором философских работ, выработавшим оригинальные взгляды на свое искусство. Особенно любопытно было бы проанализировать педагогические принципы обоих. Сравните, например, мысль Бузони, что большинство фортепианных педагогов учит «осваивать отдельные пассажи и отдельные пьесы по одиночке», в то время как целесообразно запастись «связкой немногих крючков и отмычек», дающих ключ ко всему многообразию технических формул, – и аналогичную мысль Ласкера, что вместо запоминания по одиночке бесчисленных вариантов следует «искать правила, которые могли бы в сжатой форме дать итоги тысяч и десятков тысяч вариантов». «Перед призванным к творчеству стоит, прежде всего, ответственнейшая задача – освободиться от всего выученного, слышанного», – утверждает Бузони. «Из моих 56 лет я потратил по меньшей мере 30 на то, чтобы забыть заученное или прочитанное мною», – вторит ему Ласкер.

Г. Коган в заключение приводит одну глубокую мысль Р.Рети: «История учит нас, что плодотворные новые идеи в большинстве случаев находят одновременный доступ во всевозможные области культуры».¹⁷² Действительно, поступь мирового искусства идет синхронно: в живописи – от Делакруа до Клода Монэ, в музыке – от Шумана к Вагнеру, в шахматах – от Лабурдоне до Эм. Ласкера. И так, до бесконечности...

Я отсылаю читателя к еще одной интересной статье, написанной около 70 лет тому назад, на интересующую нас тему эстетики шахмат.¹⁷³

В парижской статье Алехина идет смехотворное утверждение, которое противоречит и практике самого чемпиона мира Алехина. А именно утверждение того, что Стейниц был самозванцем, провозгласившим себя чемпионом мира. *«Впрочем, еще одно доказательство невероятной еврейской наглости – впрямь самому выбирать себе матчевых противников».* (*Курсив Алехина.* – С.Д.). Ну и Стейниц выбрал неизвестного мастера в то время – Чигорина, находившегося в ту пору в депрессии: хорошо была поставлена еврейская разведка. Но и русская – неплохо: как сказано выше, Стейниц тоже находился в депрессии – болели и умерли его дочь и жена. В это же время Стейниц подвергся попытке убийства со стороны своего слуги, что по признанию самого Стейница отразилось на его душевном состоянии.¹⁷⁴ По обратной алехинской логике можно предположить, что слуга был агентом самого генерала П.И. Рачковского, начальника всепроникающей русской заграничной разведки?!

В главе о Пильсбери вспоминается Маршалл, которому тоже не повезло: Ласкер воспользовался его душевным спадом и, вероятно, только поэтому выиграл у претендента с неслыханным счетом для матчей на мировое первенство +8, =7, без единого поражения. Эти спады повторялись у Маршалла только тогда, когда он встречался с корифеями. Аналогичный счет был у него и с Таррашем и с Капабланкой. С другими было намного легче...

Себя же Алехин, видимо, считает Великим Борцом против Еврейства. Расправу он начинает с «паршивого торговца сигарами» Кагана, превратившегося в мецената и издателя. «Кто такой Каган и что плохого он сделал, в том числе и Алехину?» – вправе спросить современный читатель.

Бернгард Каган (1866–1932), кстати, соотечественник Алехина – родился в Гродно. Будучи шахматным мастером и теоретиком, а также богатым человеком, создал в Берлине шахматное издательство и журнал «Kagans neueste schachnachrichten» (1921–1932) и субсидировал многие турниры 20-х годов. (*По свидетельству Я.Г. Рохлина, труженику Кагану в работе помогли две дочери.*) В голодные годы I Мировой войны поддерживал русских «военнопленных» шахматистов, в том числе и «арийцев» – Е. Боголюбова, П. Романовского, А. Селезнёва и других, попавших в «трибергское сиденье». Летом 1914 года русские шахматисты, прибывшие на очередной шахматный конгресс в Мангейм после начала войны, как военнообязанные, были интернированы. Их поселили в маленьком немецком городке Триберг, где они провели все годы войны: фактически их единственным «кормильцем» был Каган.

После эмиграции Алехина из Советской России, чемпион РСФСР остановился в Берлине. Руку помощи другу протянул гроссмейстер О.С. Бернштейн, проживавший в то время в Германии, и Бернгард Каган, устроивший матчи Алехина с Тейхманом и Ф. Земишем. Это был первый гонорар Алехина на Западе. В деньгах же он, по понятным причинам, очень нуждался, о чем писал впоследствии Г.Я. Левенфишу. В том же 1921 году, Каган издал на немецком языке книгу Александра фон Алехина о шахматной жизни в России. Да так и написано: фон Алехин. Вероятно, таким образом, хотелось подчеркнуть свое дворянское происхождение. (Этот «фон» появился также в фамилии замечательного русского художника Алексея Явленского, в отличие, скажем от другого члена «Синего всадника» – Василия Кандинского...).

С.Г. Тартаковер писал: «Исключительной удачей известного берлинского издателя Б. Кагана следует считать то, что он смог привлечь гроссмейстера и *шахматного экс-диктатора Москвы* (*курсив мой. – С.Д.*) Александра Александровича Алехина для описания собственной полной приключений судьбы и дополнить книгу рядом ценных материалов при подготовке немецкого издания. За это ему будет благодарен весь шахматный мир». ¹⁷⁵ И так, «самое плохое», что мог сделать Каган для будущего чемпиона мира это – субсидировать матчи с Тейхманом и Ф. Земишем, именно для того, чтобы помочь вырвавшемуся из «Совдепии» человеку, и многократно издавать его книги. В честь мецената была издана книга, при участии многих гроссмейстеров: на первом месте стоит имя д-ра Алехина. ¹⁷⁶ Обращаем внимание, что книга вышла в самом начале прихода нацистов к власти, в 1933 году. Одну из партий покойного мастера, специально прокомментировал для сборника чемпион мира Александр Алехин.

И этого человека очернил Алехин в своей статье! Для него, видимо, не было понятия благодарности, и в послевоенной Европе, после победы Рейха, он – бывший шахматный диктатор Московии – **собирался стать шахматным диктатором мира!**

Обращает на себя внимание язык алехинской публикации. Автор предисловия к ней в постсоветской России указывает, что этот язык он позаимствовал у ежедневной нацистской пропаганды. Это так и не совсем так. Алехину было проще обратиться к своей феноменальной памяти. Ведь нравственное падение Алехина началось задолго до II Мировой войны. Алехин, продукт своего времени, человек, который читал литературу типа журнала «Прямой путь» и газеты «Земщина», в которой провозглашалось, скажем, следующее: «...сейчас не время и не место повторять обще-

известные доказательства еврейской бездарности, еврейского жестокосердия, узкого фанатизма и расовой ненависти семитов ко всем другим расам и нациям». И далее читаем: «Мы ненавидим их за то, что они вонзили свое чужеродное тело в наш арийский организм, мы отвечаем ненавистью на их ненависть, мы начинаем сознавать наше коренное несходство с семитами, мы начинаем сознавать, что не можем быть здоровыми, пока на нашем теле паразитирует еврейский народ». (*Автором этой цитаты был поэт А. Тиняков, подписавшийся псевдонимом Александр Куликовский. Статья «Грозовая заря», «Земщина», 4 октября 1913*). Или из письма А. Тинякова А. Ремизову: «Наступают роковые часы для Европы и для нас, Русских. Либо мы сохраним нашу Расовую Арийскую душу, наши церкви и нашу культуру, – либо мы потеряем все и подпадем под власть дьяволопоклонников – жидов и масонов. Да не будет второго». (*Публикация Вардвана Варжапетяна «Исповедь Антисемита»*).

Факты, наиболее компрометирующие Алехина, как антисемита, воспроизведены в воспоминаниях О. Грузенберга. И речь идет о до-революционном времени, когда Алехину не надо было прибегать к мимикрии. Автор мемуаров – известный юрист и общественный деятель Оскар Осипович Грузенберг, умерший в 1940 году, т.е. еще до пресловутой публикации Алехина в нацистской прессе. Грузенберг рассказывает о своей попытке выехать из Одессы при большевиках в 1919 году. Он обратился к соответствующим инстанциям:

– Устройте мне выезд за границу»...

– Это зависит от нашего товарища Алехина, ...фактически зависит от усмотрения Алехина.

– Алехин? – шахматист? Он бывал в Петербурге у моей дочери. **Он кичится своим черносотенством. Его переход к вам, да еще на начальственный пост, противоестественен. Тяжело идти на поклон к маскарадному интригану.**¹⁷⁷

Ответ комиссара убийственен: «Тем более чести Алехину, что он сумел разобраться в историческом явлении, к чему оказались не способными вы. Но каково бы ни было ваше мнение об А. (Алехине), без него, если хотите уехать, не обойтись». Пришедшему на комиссию Грузенбергу и, конечно, не подавшему руки Алехину, отказали в выезде...

Был один темный эпизод в биографии будущего чемпиона мира. Есть данные, что Алехин работал в денкинской контрразведке, в лапах которой погиб известный шахматист Эвенсон, знакомый и партнер Алехина. В книге, вышедшей в Берлине в издательстве Кагана, об этом сказано глухо и туманно. С.О. Вайнштейн, издавший в Советской России книгу

Алехина «На путях к высшим шахматным достижениям» написал: «Во время Гражданской войны он (Алехин) выплывает на горизонте в Одессе, где над ним тяготит угроза расстрела по обвинению в связи с белогвардейской контрразведкой».¹⁷⁸

Во время горбачевской перестройки появились статьи, рассказывающие о спасении русского чемпиона самим Л.Д. Троцким. Это обстоятельство вызвало вой антисемитов – Троцкий де не мог спасти Алехина. *(Несомненно одно, что Троцкий неплохо играл в шахматы. Есть воспоминания, что в Парижских кафе Лев Давидович неоднократно играл легкие партии с шахматистами в силу мастера: среди них был известный добрый знакомый и соперник Алехина мастер А. Ауэрбах, сыгравший небольшой матч с будущим чемпионом мира в 1923 год, сведя его вничью –1,5:1,5!)* Вместе с тем, историю о том, что Троцкий принял участие в спасении русского гроссмейстера, я слышал от ленинградского мастера М.Б. Ноаха, еще во второй половине 50-х годов. Все это было рассказано мне со ссылкой на П.А. Романовского. В спасении активно участвовал и одесский чекист, и шахматный мастер, и композитор Яков Семенович Вильнер (1899–1931). Вильнер – трехкратный чемпион Украины и чемпион СССР по шахматной композиции, призер международных конкурсов. Игровой практики почти не имел, но талант позволил ему нанести поражения в чемпионате СССР Боголюбову: вторую партию он свел вничью. Выиграл Вильнер в другом чемпионате страны и у самого юного участника – Михаила Ботвинника.

Эвенсон Александр Моисеевич (1892–1919) – русский шахматист.

Остановимся более подробно на биографии его отца – Моисея Самойловича, журналиста и литератора, родившемся в Ковно около 1866 года и умершем после 1944 года, чтобы внести ясность в трагическую судьбу сына. А.М. Эвенсон эмигрировал в Австро-Венгрию и работал репортером в Вене, параллельно занимаясь на философском факультете. К сожалению, курса не кончил и вернулся на родину. Он был сотрудником у известного библиографа и историка литературы С.А. Венгерова, кстати, крещеного еврея. Старший Эвенсон помогал в издании Энциклопедиче-

Играют (слева направо) Эвенсон – Боголюбов.
Наблюдают Греков и Богатырчук.

ского словаря Брокгауза и Ефрона. С 1892 выступал как журналист; написал несколько философских работ и статей по истории еврейства. Сотрудничал под псевдонимом Э-он. М. в журнале «Хозяин» (*о сельском хозяйстве и экономике*), издаваемым в Петербурге. В журнале сотрудничали А.О. Бонч-Осмоловский, В.Р. Вильямс, В.В. Докучаев, А.Ф. Фортунатов и другие видные ученые. Из Петербурга Эвенсона выселили, и он поселился в Киеве, где работал в газете «Жизнь и искусство», где некоторое время печатался А.И. Куприн. Не имея право на жительство, Эвенсон-отец переехал в Житомир, где фактически был единственным работником газеты «Вольный», там некоторое время сотрудничал украинский писатель М. Коцюбинский. После революция газету из либеральной превратившуюся в кадетский орган закрыли. Эвенсон переехал опять в Киев, по-прежнему не имея постоянного пристанища, и довольно часто проводил время в шахматном клубе, куда не заглядывала полиция. Началась Мировая война. У Эвенсона было трое сыновей: Илья, Александр и Семен. По свидетельству Богатырчука, Илья был сильным шахматистом. Младший Семен вступил добровольцем в армию, получил Георгиевский крест и погиб в 1915 году под Бучачами. После гибели сына Александра Моисей Самойлович переехал в Баку. До 1924 года служил в Наркомвнешторге, потом вышел на пенсию и поселился на маленьком полуостанке Минутка у курорта Кисловодск, где и женился на русской женщине, спасшей его во время немецкой оккупации. В шахматной литературе Эвенсон выступал еще в 1939 году, оставив воспоминания о М.И. Чигорине. (*Они помещены в книге Н.И. Грекова «М.И. Чигорин. Его жизнь и творчество», М., 1939, с.459-463, а также во втором издании под названием «М.И. Чигорин великий русский шахматист», М., 1949, с.529-533.*) Пережив немецкую оккупацию, Моисей Самойлович оставил страшные описания убийства евреев в Кисловодске. Они были обработаны писателем Виктором Шкловским и вошли в известную многим «Черную книгу», изданную впервые в Иерусалиме в 1980 году. Набор этой книги еще в 1948 году был уничтожен сталинскими опричниками. Большинство биографических сведений о старшем Эвенсоне и его семье мною почерпнуто из этой книги, к изданию которой я сам имел косвенное отношение, а также из статьи Юрия Авербаха, где гроссмейстер часть сведений в свою очередь почерпнул из разговоров с дочерью Александра Моисеевича, сына шахматиста (*См. Юрий Авербах «Трагическая судьба таланта» – Шахматы в России, №4-6, 1999, с.76-77*).

Небесполезно добавить, что в «Черной книге» есть рассказ о гибели, как можно предположить родственницы (сестры? жены?) старшего

Эвенсона – Сарры Максимовны(?) Эвенсон, бывшей в дореволюционное время организатором кружков, пропагандистом, редактором уже упоминавшейся нами газеты «Вольный», где так же работал старший Эвенсон. Ее перу принадлежит множество статей под псевдонимом «Максимова». Она же была первой переводчицей на русский язык произведений Лиона Фейхтвангера. Блестяще владела несколькими иностранными языками и находилась в переписке со многими деятелями культуры и искусства. Преклонный возраст и болезнь не позволили С.М. Эвенсон своевременно эвакуироваться из Киева. Эту женщину, у которой уже были правнуки, украинцы выбросили из окна третьего этажа на ул. Горького, дом №14...(См.: *Василий Гроссман, Илья Эренбург «Черная книга», Иерусалим, 1980, с. XXV, 21, 238-242*)

Средний сын – Александр, по окончании житомирской гимназии, в 1909 переехал в Киев и закончил юридический факультет университета. Во время I Мировой войны находился на фронте, где и стал Героиевским кавалером.

В 1917 году, находясь в действующей армии, участвует в съезде армейских делегатов Юго-западного фронта. К какой партии принадлежал до 1918 года, неясно. Во всяком случае, с оружием в руках защищал против деникинцев поезд, подвергнувшийся нападению по пути в Харьков. Работал в киевской ЧК следователем военно-революционного трибунала. Был расстрелян ворвавшимися белогвардейцами. Шахматы в его жизни занимали не главное место, но благодаря своему таланту он заслужил репутацию одного из самых многообещающих мастеров и в Киеве считался одним из сильнейших шахматистов. Сохранилась фотография, на которой запечатлен Эвенсон играющий с Боголюбовым, где за партией наблюдают Ф. Богатырчук и Н.И. Греков, а также помещены следующие стихи:

«Испанская, ферзя ли пешки,
Сицилианский ли дракон, –
Все не дебюты, а насмешки...
Я не боюсь их! – Э в е н с о н».¹⁷⁹

После победы во Всероссийском турнире любителей, где Эвенсон набрал 6,5 очков из семи, шахматный обозреватель писал: «Победа А.М. Эвенсона является блестящей не только по количеству очков, но и по качеству игры выделяющей настоящего маэстро; от его таланта можно еще многого ожидать».¹⁸⁰ Это же говорили виднейшие авторитеты того времени: Х.Р. Капабланка и А. Алехин. Постоянный партнер Эвенсона киевский мастер Ф. Богатырчук, писал, что стиль Ботвинника напомина-

ет ему игру покойного Эвенсона.¹⁸¹ Главнейшие успехи: первое место в турнире любителей (1913 г.); в международном турнире по молниеносной игре с участием сильнейших шахматистов мира занял второе место отстав от Х.Р. Капабланки, но опередив Эм. Ласкера, А. Алехина и др. В 1914 году в Киеве занял первое место, обойдя Е. Боголюбова. В 1916 году сыграл с Алехиным две (*а не три партии, как написано в Шахматной энциклопедии*) показательные партии, результат: +1, -1. Есть предположение, что Алехин палец о палец не ударил, чтобы спасти жизнь своему другу-сопернику. Отвечая на заданный или не заданный вопрос, Алехин в 1921 году писал: «В 1919 году дошла до Москвы весть о смерти молодого и многообещающего мастера Александра Моисеевича Эвенсона, расстрелянного денкинцами при их отступлении из Киева; дело в том, что с одной стороны, он был ответственным советским служащим (как юрист он был призван большевиками на службу в качестве следователя военно-революционного трибунала), с другой – имел несчастье быть евреем. Шахматные успехи Эвенсона восходят, как известно, к киевским соревнованиям, относящимся к 1912-1913 годам, а вершиной его достижений стал триумф в Петроградском турнире любителей, где он завоевал первый приз без единого поражения. Допущенный вслед за тем во Всероссийский турнир мастеров 1914 года, Эвенсон снова блестяще подтвердил свой мастерский класс, заняв восьмое (*на самом деле – девятое место – С.Д.*) и опередив таких матадоров, как Боголюбов (который тогда, правда, еще не был нынешней величиной, но уже был достаточно силен!), Сальве, Алапин, фон Фрейман, Левитский, Таубенгауз и др. Образцом оригинального и элегантного стиля Эвенсона служит его партия с Левитским из этого турнира, которая триумфально обошла всю русскую и иностранную шахматную прессу. Поскольку талант Эвенсона находился еще в стадии развития, не вызывает никакого сомнения, что в случае более счастливой судьбы ему было бы суждено занять одно из первых мест на русском шахматном Парнасе. Мир его праху!».¹⁸² Спустя 20 лет вряд ли Алехин нашел бы для Эвенсона единое доброе слово... О гибели Эвенсона слагались мифы. Один из них принадлежит Федору Богатырчуку, утверждавшему, что Эвенсон был среди добровольцев и убит своими же белогвардейцами, что не так, хотя подобные случаи происходили неоднократно. Об этом писали участники Белого движения. Но семейные традиции и собственные убеждения не могли заставить Эвенсона перейти на сторону монархистов. У Богатырчука рыльце в пушку: ибо он невразумительно рассказывает о судьбе Эвенсона, скрыв его под инициалом Э. Со слов Ботвинника ясно, что Эвенсон про-

сил убежища у своего шахматного друга Федора Богатырчука, но тот, либо струхнул (что наиболее вероятно), либо из-за принципа отказал другу. Через пару дней Эвенсон был схвачен и расстрелян. (И.Ю. Ботвинник «Не судите – да не судимы будете...» – «Шахматы в России», М., 1998, №1-2, с.56.). Для меня неясно лишь участие Алехина в судьбе Эвенсона. Повторюсь: почему он должен был оправдываться перед Западом в своей брошюре?

Алехин – русский интеллигент, со всеми её плюсами и минусами. Интеллигенция поступала на государственную службу, исполняла обязанности, налагаемые службой и, втайне, продолжала быть в прошлом или в будущем, в зависимости от обстоятельств. Это вело к двойному гражданству, а точнее даже, не гражданству, а к подданству, и это была школа Дегаевых, Тихомировых и Азёфов...

Вот два письма А.Алехина в советские инстанции:

«24.VII.11.1936г.

В редакцию «64»

Мне будет глубоко радостно посредством сотрудничества в Вашем журнале после стольких лет опять принять участие в шахматном строительстве СССР.

Пользуюсь случаем, чтоб от всего сердца послать привет новой, стальной России.

А. Алехин» (передано через С.Флора).

и второе:

«Лондон.1.1X.1936г.

в редакцию «64»

В связи с вопросом о возможности моего сотрудничества в Вашем журнале считаю своим долгом сделать следующее заявление:

1. Для меня было бы огромной радостью вновь принять посильное участие в шахматном строительстве СССР.

2. Надеюсь, что мои ошибки в прошлом, ныне вполне осознанные, не окажутся непреодолимым препятствием к названному участию.

Ошибки эти заключались:

а) в непростительном отношении к освещению моего политического лица международной протисоветской печатью, на протяжении многих лет, привешивавший мне выдуманный ею белогвардейский ярлык.

б) в неправильном и тенденциозном (главным образом за отсутствием прямых сведений) толковании фактов шахматного строительства и проявлений шахматной общественности в СССР в статьях и частью словесных выступлениях.

Я тем глубже жалею об этих ошибках, что за последние годы равнодушию. (так в тексте – С.Д.) отношение мое к гигантскому росту советских достижений, превратилось в восторженное.

Доказать это отношение на деле было бы, повторяю, мне величайшим удовлетворением. А.Алехин». ¹⁸³

А за месяц до отправки первого письма в советские инстанции, экс-

Алехин (справа) показывает турнирную партию рейхсминистру Франку. 1941 г.

чемпион мира не постеснялся сыграть в турнире, организованном в нацистской Германией. Это было с 6 по 16 июня в Дрездене. Алехин был первым. *(Почему-то в турнире участвовал и Мароци. Он в возрасте 66 лет нанес поражения Боголюбову и Штальбергу. Между прочим, пожилой Мароци победил молодую надежду Пауля Кереса в турнире в Зандворте в том же, 1936 году. Естественно, ни один «чистый еврей» не был приглашен на это ристалище).*

Играя матч-реванш с Е. Боголюбовым в 1934 году и колеся по

градам и весям уже гитлеровской Германии, чемпион мира не стеснялся восхвалять нацистский порядок и выражать желание, чтобы аналогичный строй был бы на его родине. Во время «турнира наций» в Варшаве в 1935 году на конгрессе ФИДЕ, ожесточенно обсуждался вопрос о приглашении Германии на Мюнхенскую олимпиаду. Дело в том, что Германия с приходом наци к власти покинула ряды ФИДЕ. Теперь в целях привлечения стран на очередные олимпийские игры – они готовы были даже принять на своей территории и евреев, членов олимпийских команд. Из 17 делегатов участвовавших в голосовании за бойкот Германии голосовали – Америка, Норвегия, Литва; воздержались: Англия, Чехословакия, Ирландия, Австрия. **Чемпион мира Алехин, представитель Франции, как и ожидалось, горячо защищал приглашение Германии!** ¹⁸⁴ В 1936 году Алехин сказал в интервью: «По пути в Земмеринг [где происходила шахматная Олимпиада, под эгидою нацистских властей] я остановился в Берлине и был принят министром д-ром Франком. Государственная власть в Германии уделяет шахматному движению большое внимание. Думаю, что и там желали бы моего сотрудничества».

Федора Богатырчука трудно заподозрить в симпатии к Советам и, вероятно, к евреям. В своих воспоминаниях, названных им «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», он вспоминает чемпиона мира.¹⁸⁵ В «Пражском манифесте», написанном в самом конце 1944 года, на краю гибели нацистов, повторяются антисемитские высказывания. Это напоминание тем, кто возлюбил генерала Власова и ему подобных. Богатырчук писал об Алексине с большим уважением, но и его он потряс дважды: в 1919 году, при демонстрации Алехиным партийного билета: «... по тогдашней молодости был потрясен этим зрелищем пролетарского перевоплощения

Алехина» и, во второй раз, в связи с публикацией статьи в нацистской прессе. Как и в первом случае, Богатырчук объясняет капитуляцию Алехина внешним давлением, но с оговорками: «Почему Алехин согласился уступить – никому неизвестно, и всякие догадки о мотивах были бы плодом досужей фантазии. Зная Алехина, я могу лишь высказать уверенность, что, будучи любящим свободу **космополитом**, он никак не мог разделять гитлеровских расистско-тоталитарных тенденций».

Прочитав вышеизложенное, можно с уверенностью подтвердить, что, увы, Алехин – **космополит**, и шахматист Божьей милостью, разделял расистские теории. Но заключительные слова Ф. Богатырчука справедливы: «Так или иначе, но его статья в нацистском журнале «Евреи и шахматы» лила воду на мельницу бредовых идей Гитлера».¹⁸⁶ Тут ни прибавить, ни убавить.

Статьи и интервью, полученные на Западе во время войны, вызвали шок у шахматистов свободного мира. Так в «British Chess Magazine» в мае 1942 года писали: «Если он пишет по своей доброй воле, следует вспомнить пословицу, которая гласит, что от гения до безумия – один шаг. Если же он делает это по настоянию своих временных хозяев, мы можем поражаться их глупости...».¹⁸⁷

Алехин со своей женой на встрече с рейхсминистром д-ром Гансом Франком. Август 1937 год.

Да нет! Писал Алехин по доброй воле, что явствует из его частной переписки того времени и, как остроумно пишет Валерий Мурахвери, «Алехин надеялся вернуться в Москву гораздо раньше 1946 года, и отнюдь не ради матча с М.М. Ботвинником»...¹⁸⁸

И все-таки надо добавить. По воспоминаниям очень многих шахматистов-евреев (Саломон Флор, Андрэ Лилиенталь и др.) Александра Александрович лично относился к ним отечески и помогал. Меня потряс один рассказ Арнольда Денкера (еврея) о судьбе чемпиона мира. Эйве, как писал Денкер, считал, что Алехин во время войны много пил и на него воздействовали с одной стороны посулами и обещаниями, а с другой – угрозами. Старая сказочка о прянике и кнуте, в жутком нацистском исполнении. Сам же Денкер разрывался на части, ибо не кто иной, как Алехин в тяжелейшие годы Великой депрессии, изо всех сил помогал никому неведомому мастеру, относясь к нему как к «кронпринцу», и даже избрал его своим спарринг-партнером. «Он стал моим героем, моей путеводной звездой в шахматах. И вот теперь я оказался среди толпы, бросающей в него камни, оплачивая горы его добра дешевой монетой недоказанного обвинения». И все-таки, нашелся человек, лейтенант армии де Голля – Картье, который публично выступил в защиту Алехина и затем один, против течения толпы, кричащей: «Распни его! Распни его!», собирал пожертвования для обреченного гения. У этого офицера в 1911 году в Ростове-на-Дону погромщики убили родителей. В гражданской жизни этого человека звали Савелий Григорьевич Тартаковер, гроссмейстер мирового класса, входящий в первую десятку сильнейших в конце 20-х начале 30-х годов, участник и победитель многочисленных состязаний, и, увы, немногочисленных побед над чемпионом мира, искатель новых путей и крупный теоретик.¹⁸⁹

Когда читаешь эти строки, то испытываешь невероятное чувство горечи, боли и гордости. Но последнее относится лишь к «Гомеру шахматной доски» – так называли Савелия Григорьевича за блестящее шахматное перо, воплотившего в жизнь высший принцип человеческого общежития – **Всепрощение**.

В сороковые-пятидесятые годы в СССР борьба с космополитизмом коснулась и шахмат. Во-первых, из истории шахмат исчезла Хазария, как транзитный пункт для ознакомления Восточной Европы с шахматной игрой. Вместо Хазарии стал употребляться эвфемизм: «Волжско-Каспийский путь» (*точная аналогия с исчезнувшей ересью «жидовствующих»* замененная *«московско-новгородской ересью»*).

В дискуссии о проникновении шахмат на Русь с начальственным окриком выступила главная газета страны «Правда», опубликовавшая в номере от 25 декабря 1951 года статью некоего П. Иванова (*знаковая фамилия!*) «Об одной ошибочной концепции». Черным по белому написано, что примитивные хазарские разбойничьи орды, «захватчики исконных русских земель», естественно, в силу своей низкой культуры не могли донести шахматы до Руси. Естественно, это указание подхватил журнал «Шахматы в СССР», где в № 5 за 1951 год помещено письмо З. Ходжаева и Ф. Дюммеля «Еще о древности и самобытности отечественных шахмат», где авторы каются в своих прошлых грехах, «ошибочно» приписывая проникновение шахмат из Хорезма в Хазарию, а затем на Русь. И в духе борьбы с космополитизмом авторы добавляют: «Советские историки разгромили космополитические... концепции, отрицающие самобытность культуры народов нашей страны...». Будет справедливо указать, на великую культуру Хазарского каганата словами крупнейшего тюрколога XIX века В.В. Григорьева: **«Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский, окруженный народами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в неё отовсюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы...»** (*«Древняя и новая Россия»*, СПб, 1876, №3, с.268).

Подвергся нападкам за догматизм В.Стейниц и, особенно, З. Тарраш, занявший то же самое место в шахматах, что в биологии занимали Вейсман и Морган. На недосыгаемую высоту был поднят «истинно творческий шахматист» М. Чигорин, несмотря на печальный результат его обоих матчей с В. Стейницем. Мастер Василий Панов, до войны утверждавший, что борьба М. Чигорина против В. Стейница – это борьба дикаря с луком, против человека, вооруженного винчестером, полностью отказался от своих слов и в многочисленных книгах превозносил М. Чигорина, унижая и В. Стейница, и З. Тарраша, и С. Алапина, публикуя в своих трудах юдофобские карикатуры. Только с изданием трудов крупнейшего шахматного историка Я.И. Нейштадта было достигнуто некоторое равновесие.¹⁹⁰

В.Н. Панов в одной из довоенных и добротных статей пишет буквально следующее: «Теория Стейница, направленная против узкокомбинационной школы прошлых веков, была создана на научных элементах шахмат. Понятие центра, позиционного преимущества, корректно-

сти атаки и защиты, слабых и сильных пешек и пунктов и т.п. – дали грозное оружие тогдашней шахматной молодежи против романтических стариков. Тарраш, Шлехтер, Мароци, Дурас, Рубинштейн, Тейхман уже вскоре стали обгонять в турнирах Чигорина, Цукерторта, Гунсберга, Блекберна, Берна и др. **Это была победа не только молодости над старостью, но и логики над интуицией, науки над фантазией, боксера над драчуном, пулемета над луком и стрелами.** Эта победа была для того времени глубоко прогрессивным явлением...» (см. В.Н. Панов «Сомнения мастера» – *Шахматы в СССР*, М., 1940, №9, с.282). Не могу не отметить вариации Панова, на известное предисловие Блока к «Возмездию». Усомниться в патриотизме поэта нет причин: «Никогда не забуду борьбу безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная сила которого представляла собой совершенный музыкальный инструмент редкой красоты...». Далее Панов говорит о шахматном застое, который преодолели гипердоминисты – Нимцович, Рети, Тартаковер, Капабланка, Алехин. Начинается ревизия теории Стейница с новых позиций, но, отнюдь не отменяя её. И, конечно, предлагал учиться у старых и новых мастеров, отнюдь не сбрасывая их в мусорный ящик и издать книги об Андерсене, Цукерторте, Яновском, Харузеке, Пильсбери, Шпильмане, Тейхмане и др. Разумное пожелание, лишь частично выполненная в России.¹⁹¹ Если сравнить с тем, что писал мастер Панов после войны, то приходиться к выводу, что он принадлежал к типу людей: «Чего Вам угодно-с?».

Будет справедливо указать, что в националистической вакханалии приняты активное участие и евреи, с пеной у рта доказывающие отечественный приоритет и в шахматах – каждый может ознакомиться с трудами И. Романова, М. Юдовича, И. Линдера и др.

Антисемитизм в шахматах не изжил себя, а, пожалуй, даже вышел за рамки узкой специализации. Во времена гласности была опубликована парижская статья А. Алехина, вызвавшая оживленную полемику, не только в бывшем СССР, но и в Израиле.¹⁹² Вероятно, последняя точка в дискуссии по моральной оценке вышеупомянутой статьи, была поставлена публикацией в 1994 году воспоминаний О. Грузенберга, где указано, что Алехин ещё в дореволюционные годы кичился своим черносотенством.

Существует еще один рассказ об антисемитизме Алехина. В турнире в Подебрадах в 1936 году, Алехин отставал от идущего впереди него Саломона Флора. Столкнувшись в туалете, месте, располагающем к откровенности, с латвийским мастером Владимиром Михайловичем Петровым, он дружески посоветовал тому: «Выиграй у этого жида!». Удивленный и огорченный Петров свой разговор с Алехиным передал

Флору. В Подебрадах Алехин и Флор конкурировали за первое место. Партия между ними окончилась вничью, партию против Петрова Флор выиграл и в итоге обогнал Алехина на пол-очка. Разговор с Алехиным, видимо, потряс такого порядочного человека, как Петров. В последнем туре он оказал героическое сопротивление нажиму Алехина, и, после десяти (!) часов игры, добился ничьей, позволив Флору занять чистое первое место. В свою очередь Флор, разговаривая со своим знакомым шахматистом, на прямо поставленный вопрос: «Был ли Алехин антисемитом?», получил, вместо ответа, этот рассказ.

К 100-летию со дня рождения Алехина были опубликованы множество статей и книг о творчестве чемпиона мира. Как ни странно, его антисемитские взгляды, ранее бывшие фигурой умолчания, например, в книгах В. Панова и А. Котова, в новое время приобрели апологетов. Среди них первенствуют Ю.Н. Шабуров,¹⁹³ а затем В.А. Чарушин.¹⁹⁴ Однако рекорд побил некий Валерий Дмитриевич Чашихин, который на двух языках – русском и английском, издал брошюру под названием «Алехин. Моя борьба».¹⁹⁵ В этом опусе, без зазрения совести, Чашихин пишет, что следует «очистить бриллианты мысли от грязи пропаганды».¹⁹⁶ Как мы видели выше, это сделать практически невозможно – вся статья пронизана ненавистью, и уже легче согласиться с мнением М. Ботвинника, считавшего, что Алехин специально состряпал подобную ахинею, чтобы выудить из моря грязи здоровые мысли.

Один из способов защиты Алехина было утверждение, что вообще статьи были писаны не им, а если и были, то они были подправлены нацистами. И это писалось в то время, когда была уже обнаружена собственноручная рукопись Алехина, идентичная напечатанной, и, не оставляющая никаких сомнений в авторстве.¹⁹⁷ Сохранилось немало письменных свидетельств, что после оккупации Франции, Алехин находился в дружеских отношениях с Третьим рейхом и в ту пору мечтал вернуться в Москву, но отнюдь не для матча с М. Ботвинником.¹⁹⁸

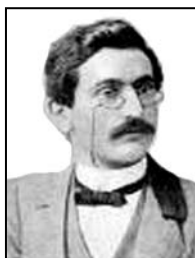
Совсем недавно и совершенно неожиданно, в юдофобском стиле высказались два экс-чемпиона мира Бобби Фишер и Борис Спасский. Речь шла не более и не менее, как о мировом заговоре сионистов. За Бобби Фишером, (*который стопроцентный еврей!*) числились и грешки похуже: он расклеивал антисемитские лозунги на бамперах автомобилей и был задержан полицией. Что же касается Бориса Васильевича Спасского, то в 1990 году он слово в слово повторил нацистские бредни Алехина.¹⁹⁹ Интернет переполнен материалами об антисемитизме, как Фишера, так и Спасского, так что иногда идеи Алехина получают поддержку с той стороны, откуда он и не мог предполагать. А шахматы, тем не менее, живут.

ЧЕМПИОНЫ МИРА – ЕВРЕИ

1. **Вильгельм Стейниц** (1836–1900), чемпион мира с 1886 по 1894 год.
2. **Эмануил Ласкер** (1868–1941), чемпион мира с 1894 по 1921 год.
3. **Михаил Ботвинник** (1911–1995), чемпион мира с 1948 по 1963 год с перерывом 1957 году и 1960 году.
4. **Василий Смыслов** (род.1921), чемпион мира 1957 года (*По указанию ряда энциклопедий и воспоминаний – мать Василия Васильевича – еврейка. Смыслов корректно это отрицает*).²⁰⁰
5. **Михаил Таль** (1936–1992) чемпион мира 1960 года.
6. **Борис Спасский** (род.1937) чемпион мира с 1969 по 1972 год. (*По указанию ряда энциклопедий, мать Спасского еврейка, что с негодованием отрицается бывшим чемпионом мира*).
7. **Роберт Фишер** (1943–2008) чемпион мира с 1972 по 1975 год.
8. **Гарри Каспаров** (род.1963), чемпион мира с 1985 по 2000 год. (*Отец Каспарова – еврей, по фамилии Вайнштейн, мать – армянка*).

Вильгельм Стейниц

Эмануил Ласкер

Михаил Ботвинник

Василий Смыслов

Михаил Таль

Борис Спасский

Роберт Фишер

Гарри Каспаров

ШАХМАТИСТЫ-ЕВРЕИ

XVIII век – начало XX века

Участники международных турниров двадцатых-тридцатых годов XX в.

1. А. Алехин, 2. Х.Р. Капабланка, 3. Эм. Ласкер, 4. М. Ботвинник, 5. М. Эйве,
6. А. Рубинштейн, 7. А. Нимцович, 8. П. Керес, 9. С. Решевский, 10. С. Флор,
12. М. Видмар, 13. З.Тарраш, 14. Ф. Маршалл, 15. Ж. Мизес, 16. Г. Мароци,
17. Р. Шпильман, 18. С. Тартаковер, 19. Р. Рети, 20. Е. Боголюбов, 21. Р. Тейхман,
22. Э. Грюнфельд, 23. Г. Штальберг, 24. Ф. Земиш, 25. Б. Костич, 26. Ф. Ейтс.

Монтаж заимствован из книги И. Майзелса «Шахматы», М., 1960 г.

Единственным известным нам шахматистом-евреем в восемнадцатом веке в силу мастера, кроме раввина Александра, был голландец Элиас Стейн (1748–1812), считавшийся одним из сильнейших в своё времени. Автор руководства «Nouvel essai sur le jeu echecs, avec les reflexions militaires relatives a ce jeu» (1789 г.), содержащего анализ дебютов, одиннадцать окончаний и семь задач. Впервые им исследована голландская защита, нередко в старых учебниках, называемая также дебютом Стейна. Второй труд Стейна назывался «Manuel de l'amateur du jeu des echecs». Обе книги вышли после смерти мастера на голландском языке в 1834, 1843 и 1851 гг. Он был учителем многих нидерландских шахматистов.²⁰¹

Создатель современной алгебраической шахматной нотации в конце XVIII века был немецкий еврей Мозес Гиршель. В практику она была введена в 1784 году. Мозес (*Моусей*) Гиршель (1754–18?), писатель, родился в Бреславле. В 1804 году принял христианство. Написал ряд работ по еврейскому вопросу. Отметим «Kampf der jud. Hierarchie» (1791 г.).

1. Алапин Семен (Шимон) Зиновьевич (1856–1923) – один из

Семен Алапин

сильнейших шахматистов России своего времени, один из первых русских мастеров, вышедших на международную арену. Родился 7 ноября 1856 года в Вильно. В возрасте десяти лет переехал в Петербург, где окончил гимназию. Затем обучался в институте инженеров путей сообщения, но из-за смерти отца вынужден был покинуть столицу и начать службу на Либаво-Роменской ж.д., сначала на линии, а потом в качестве заместителя члена правления, а также вел собственные лесные дела в качестве петербургского купца первой гильдии. В 1893 году

поступил на важную должность во всемирную экспортную фирму по продаже хлеба в Париже и переселился за границу. Никогда не был шахматным профессионалом, лишь изредка принимая участия в соревнованиях. Еще в гимназические годы встретился в Петербурге с Ш. Винавером и свел партию вничью. Одержал три безответных победы над стареющим мастером И.С. Шумовым. Крупнейший теоретик, оказавший влияние на Нимцовича. Существует дебют Алапина, система его имени в испанской партии и сицилианской защите. Внес улучшения во французскую защиту и в гамбит Эванса. В «Словаре шахматиста» (Л.1929) упоминался его огромный вклад в теорию. Не было ни одного дебюта, не обогатившегося оригинальными идеями Алапина. Большую известность получил как журналист и пропагандист шахмат. Один из первых в мире читал публичные лекции на шахматные темы.

Обычно его статьи иллюстрировались вымышленными дидактическими партиями, где белыми играл «Атакинский», а черными «Дефендаров», что можно перевести, как «защитник». Имея философское образование, Алапин и в области шахмат был тонким мыслителем и облекал свои глубокие идеи в парадоксальные или полушуточные формы, вроде требования отмены ограничения времени и возможности взятия обратно своего хода?! Профессор А.А. Смирнов сравнивает его «чудесные» статьи, опубликованные в Kagan's «Neueste Nachrichten» с юмористическими рассказами профессора и мастера Й. Крейчика, называя Семена Зиновьевича «тоже человеком широко просвещенным художественно и философски».

В заграничных поездках встречался в коротких матчах с И. Цукертортом (Вена, 1882 г.): одну партию свел вничью, другую проиграл.

Игра шла на высокую ставку. Там же в Вене он выиграл матч у Берда, и в Мариенбаде у Адольфа Шварца. В 1887 году С.З. Алапин, участвуя в мастер-турнире во Франкфурте, получил звание мастера. В Бреславском турнире 1889 года получил приз за лучший результат против призеров (*выиграл у Амоса Берна, Исидора Гунсберга, Луи Паульсена и свел вничью партию с Иоганном Бауэром*). В 1893 году разделил первое-второе места в Берлинском шахматном обществе, в таком же турнире в 1897 г. первенствовал единолично. Там же и тогда же выиграл матчи у Курта фон-Барделебена и Бертольда Ласкера (брата чемпиона мира), затем у С. Левитского в 1907 году (+5, -0, =1), а также свёл вничью матчи с Карлом Шлехтером и Адольфом Альбиным. В Марселе в 1903 сыграл две «легкие» и семь партий с часами против З. Тарраша и набрал 5 очков из 9. Публикация этого результата вызвала негодование Тарраша. Лучший результат в международном турнире в Монте-Карло в 1901 году – пятое место. Великолепный результат, ибо он обогнал Мизеса, Маршалла, Винавера, Блекберна, Гунсберга, Мэзона и др. В Петербургском турнире (турнире примирения с Чигориным) Алапин занял первое место, в том числе, выиграв и у Чигорина, который был вторым. В V Всероссийском турнире, состоявшемся в 1907 году в Лодзи, был вторым, позади А. Рубинштейна. Предпоследний раз на родине Алапин играл во Всероссийском турнире в Вильно в 1912 году. Кстати из двух партий с Алехиным в этом турнире он одну выиграл, другую проиграл. Последний турнир на родине – Всероссийский турнир 1914 года в Петербурге. Там он сыграл неудачно.

Интересные воспоминания и зарисовки об Алапине оставил Григорий Ге, драматург и актер, племянник знаменитого художника.

«Семен Зиновьевич Алапин, по происхождению еврей, по внешности – отживший русский барин, занимался в молодости лесными подрядами, но страсть к шахматам постепенно оторвала его от дела, и Алапин весь отдался шахматному спорту. Свой дебют в Европе Алапин начал с курьеза.

Странствуя по лесам нашего запада и, вычитав в газетах, что в Вене идет шахматный турнир и что там играет великий Стейниц, Алапин еще совсем молодой человек, не выдержал искушения, бросил дело, махнул через границу и прямо с венского вокзала полетел в клуб. Войдя в залу и увидев за столиками игроков, Алапин спросил: «Кто Стейниц?». Ему указали на почтенного старца. Не колеблясь ни секунды, Алапин кинулся к Стейницу и предложил ему партию в шахматы.

Великий старец в ужаснулся. Какой-то неизвестный в высоких сапогах, кожаной куртке, запыленный, грязный, *во время партии* кидается на него с предложением играть! Это, несомненно, сумасшедший! – и Стейниц воззвал на помощь... Алапина еле оттащили...

Алапин в России считался единственным, кроме Шифферса, серьезным противником Чигорина и, хотя он признавал первенство Чигорина и искренне уважал его, тем не менее, боролся с ним настойчиво и иногда успешно. Слегка побаиваясь Алапина, Чигорин его недолюбливал, и вечно спорил с ним... Он (Алапин) представлял редкое исключение среди шахматистов, отвлекаясь на всевозможные житейские проблемы. Беззаветно отдав свою жизнь шахматам, он, тем не менее, умел говорить, и говорил обо всем, особенно охотно отвлекаясь на политические события в России. Проведя последний десяток лет в Марселе, Алапин, ... вывез оттуда консервативные убеждения, чем резко выделялся из среды своих единоплеменников. Человек неглупый, просвещенный, Алапин любил доминировать в разговоре... Это и бесило Чигорина». (Гр. Ге. *«Русский шахматный король. Воспоминания о М.И. Чигорине»* – «Нива», Спб, 1908, №10, с.193).

2. **Александр Аарон** (1766–1850) Любопытно, что раввинская среда неоднократно выдвигала на поприще шахматной деятельности своих представителей. Одним из самых талантливых из них был раввин Аарон Александр, иногда называемый просто отцом Аароном. Родился он в Хоэнфельде (*Германия*), умер в Париже. Он был одним из сильнейших шахматистов своего времени, признанным авторитетом, автором капитальных трудов по шахматам и автором одного из первых и полных собраний шахматной композиции к середине XIX века. (*«Encyclopedie des echecs»*, Paris, 1837, *«Collection des plus beaux problemes d'echecs..»*, Paris, 1846; *последний труд включал 2120 задач.*) До сих пор его труды представляют ценный справочный материал. Предполагают, что он одно время управлял шахматным автоматом Кемпелена. Первый русский мастер А.Д. Петров упоминает энциклопедию Александра в своем рассказе «Странный случай с моим дедом». По словам Петрова он разобрал две тысячи игр из этой «Энциклопедии».

3. **Бернштейн Осип Самойлович** (1882–1962) – известный и талантливый шахматист. Родился в Житомире, умер во Франции. Образование получил в Берлине на юридическом факультете. Бернштейн никогда не был шахматным профессионалом. Ещё до I Мировой войны он добился больших успехов. В Стокгольме в 1906 году разделил первое-второе места с К. Шлехтером. На грандиозном турнире в Остенде в

том же 1906 году сыграл 27 партий и попал в супер-финал, где разделил четвертое-шестое места. Напомним, что в финале играли – Шлехтер, Мароци, Рубинштейн, Берн, Тейхман, Маршалл, Яновский, Перлис. В Остенде в 1907 году при 30 (!) участниках разделил с А. Рубинштейном первое-второе места, опередив Ж. Мизеса, А. Нимцовича, Р. Тейхмана, О. Дураса, Г. Сальве, С. Тартаковера, Р. Шпильмана, Дж. Блэкберна и др. На Петербургском турнире 1909 года Ласкер надеялся занять первое место и утверждал, что боится споткнуться о два камня – «два штейна» Рубинштейна и Бернштейна. Тогда Бернштейн сделал ничью и занял пятое место, но в Петербургском турнире 1914 года выиграл у чемпиона мира. Ласкер писал о нем: «Самобытный талант... обладает редким даром находить оригинальные идеи». Во Всероссийском турнире в Вильно (1912) он занял второе место после Рубинштейна, выиграв обе партии у Акибы, опередив в итоговой таблице Левитского, Нимцовича, Флямберга, Левенфиша, Алехина и др. Между победителями проектировался матч на первенство России, но он не состоялся. Получив в Гейдельберге степень доктора права, Бернштейн переехал в Москву, где занимался адвокатурой. После начала революции он с семьей: жена и двое маленьких детей, перебрался на юг, чуть не погибнув под Ростовом. Затем семья прибыла в Киев, а после погромов перебралась в Одессу. В Одессе Бернштейн был арестован как «буржуй». На самом деле, он только в качестве адвоката обслуживал банкиров, промышленников и состоятельных людей. Ему грозил расстрел, и он уже *(о, ужас)* стоял у стены, но к счастью, среди чекистов был шахматист *(возможно, Вильнер)*, который спас ему жизнь – вариант чудесного спасения Алехина. Легенда гласит о том, что доказательством того, что арестованный действительно гроссмейстер, разрешилось лишь после шахматной партии. Кстати, сей чекист, вероятно поддавшись настроению, отправил всех приговоренных к расстрелу обратно в тюрьму. Чудо что он уцелел! В 1920 году Бернштейн с семьей покинул родину и после мытарств, через Турцию, Болгарию и Сербию, прибыл в Берлин, где, по словам Ласкера, поселился с ним по соседству. Они встречались, чуть ли не ежедневно. Затем перебрался во Францию, где и поселился в Париже. После долгого перерыва принял участие в ряде соревнований, но без особого успеха.

Осип Бернштейн

В 1933 году сыграл небольшой матч с чемпионом мира Алехиным и добился ничьей: +1, -1, =2. Во время войны, спасаясь от рук нацистов, бежал в Испанию и через Португалию в США. После окончания Мировой войны, вернулся во Францию, и ещё раз после долгого перерыва, занял второе место в Лондоне в 1946 году. В 72-летнем возрасте возглавил команду Франции на 11-ой олимпиаде (1954 г.). В этом же году в Монтевидео в международном турнире среди 18 участников разделил второе-третье места с М. Найдорфом, нанеся тому сенсационное поражение! Всю партию Осип Самойлович вел с юношеским темпераментом в острокомбинационном стиле, пожертвовав ферзя! Набрал везеран 14 очков из 17(!) – третья молодость...

В одной антисемитской книге утверждается, что Бернштейн был личным врагом Алехина. Ложь чистой воды. Даже матч с чемпионом мира игрался на дому бывшего московского адвоката. Да и напомним, что оба были членами одной масонской ложи. Добавим, что Бернштейн Алехина, как шахматиста, не боялся – он играл множество легких партий с приятелем и иногда публично добивался успеха. Так было в 1929 году, когда они оба входили в турнирный комитет Парижского международного турнира. После окончания турнира состоялся блицтурнир, где Алехин выиграл все партии, кроме двух: одну он проиграл Осипу Самойловичу, вторую свел вничью с Л.И. Шварцманом. (*Шварцман – русский шахматист 1 категории, жил во Франции, успешно выступая в местных турнирах. В чемпионате Парижа, состоявшемся на границе 1926/1927 г.г. при 16 участниках занял первое место, с прекрасным результатом 13,5 очков из 15. В чемпионате Парижа 1928 года занял второе место.*)

К 30-летию шахматного дебюта гроссмейстера в 1930 году вышла монография Савелия Тартаковера, посвященная его творчеству, под названием «Moderne Schachstrategie». (*Breslau, 1930*)

Будучи членом масонской ложи «Астрейя», Бернштейн был опрошен на предмет политических взглядов. Выяснилось, что еврей Бернштейн является сторонником «Единой и Неделимой» России. Он был против сепаратизма Украины и других народностей, отрицал законность отторжения от России Прибалтики и русской Польши! (*Юрий Шабуров «Тайна ложи "Астрейя"» – «The Chess Herald», London, 1994, с.83*) Судьба гроссмейстера Бернштейна во время войны беспокоила шахматную общественность антинацистской коалиции. Так в Бюллетене Шахматного чемпионата, посвященного 25-летию Великой Октябрьской революции, от 15.XI.1942г., сказано, что прави-

тельство Виши заключило одного из сильнейших шахматистов в концентрационный лагерь. «Лакеи стараются не отставать от своих хозяев!» К счастью Бернштейн через Испанию эмигрировал в США. Есть описание его Одиссеи. Он вместе с женой ночами пробирались через Пиренеи. Во время пути с ним произошел инфаркт миокарда с потерей сознания. Испанские власти арестовали его вместе с женой, и только вмешательство его друзей-шахматистов, с которыми ему разрешили связаться, позволили извлечь супружескую пару из темницы. (См.: Эдуард Ласкер *«Последний из той плеяды»* – *«Шахматы в СССР»*, 1988, №8, с.28-31). После войны Бернштейны вернулись в разрушенный дом. Их ждала радость: сын остался жить, перенес мучки германского плена. Младший Бернштейн работал переводчиком у президента Эйзенхауэра при переговорах с Хрущевым и удостоился похвалы «самого» Молотова. Последние годы своей жизни Осип Самойлович провел в тихом местечке в Пиренеях. Умер праведником: во сне 30 ноября 1962 года.

Хочу добавить, что 12 февраля 1910 года Лев Николаевич Толстой получил странное письмо от гроссмейстера и московского адвоката Осипа Самойловича Бернштейна с просьбой приехать в Ясную Поляну и сыграть в шахматы с писателем. Запись Л.Н. Толстого: «Шахматы играть. Отказать. Благодарить».²⁰²

Ясно, московскому присяжному поверенному отнюдь не хотелось мериться силами с титаном мысли, но пообщаться очень... Сохранилась фотография, зафиксировавшая постоянного партнера Толстого – композитора С.И. Танеева, играющего с Бернштейном...

4. Блюменфельд Бениамин Маркович (1884–1947), родился в местечке Вильковишки, Сувалкской губернии, в религиозной семье. По образованию юрист. Юридическое образование получил в Москве. Кандидат педагогических наук. Познакомился с шахматами в детстве. Ему разрешалось играть в шахматы только по субботам. Первый успех в 17 лет – первое место на турнире сильнейших шахматистов города Либава. В 1904 году поступил в Берлинский университет, где одновременно успешно играл в клубных соревнованиях. В 1903-1904 гг. в местном турнире мастеров занял четвертое место.

Блюменфельд Бениамин

В четвертом первенстве России (1905-1906 гг.) разделил первое-второе места совместно с А. Рубинштейном. В 1907 году в Москве в матч-турнире с участие Г. Марко разделил второе-третье места. В турнире Московского шахматного клуба 1907-1908 гг. занял первое место с высоким результатом 13,5 из 14. В турнире участвовали юные братья Алехины – Алексей разделил четвертое-пятое места, а будущий чемпион мира – 11–13 места. Блюменфельд выиграл у братьев обе партии. Но на этом его успехи в игре против Алехина прекратились. Блюменфельд проиграл Алехину несколько партий и сделал пару ничьих. В 1908 году в первенстве Москвы занял второе место, а в 1911 году разделил в чемпионате Москвы первое-второе места. С 1911 по 1920 гг. отошел от шахмат. Принял участие в Олимпиаде в 1920 году, заняв восьмое место. В чемпионате Москвы 1925 года разделил с И. Верлинским второе-третье места. Игра Блюменфельда отличалась острокомбинационным стилем. Он являлся крупным теоретиком и методистом. Именем его названа атака Блюменфельда в Шотландской партии и гамбит, не потерявший актуальности до сего дня. Ибо в прямом родстве с ней находится Волжский гамбит. В свое время Александр Алехин, одержал этим гамбитом красивую победу над З. Таррашем (Пестьян, 1922 г.), не побрезговав заимствовать идею у «Еврея». Автор многочисленных статей, помещаемых в шахматной прессе. Является редактором и соавтором прекрасной книги «Матч Алехин-Боголюбов» (Л., 1931 г.), Автор брошюры «Роль эндшпиля в шахматной партии». Блюменфельд одним из первых стал изучать психологию шахматного творчества и защитил на эту тему диссертацию: «Проблемы наглядно-действенного метода мышления на базе шахматного материала» (1945 г.). П.А. Романовский опубликовал некролог памяти своего друга в журнале «Шахматы в СССР», в № 4 за 1947 год. Романовский проявил гражданское мужество, напомнив, что в юности Блюменфельд должен был покинуть Россию как еврей и продолжать обучение за рубежом.

Дьюла Брейер

5. **Брейер Дьюла** (1893–1921). Австро-венгерский шахматист. Родился в Будапеште, где окончил гимназию, затем политехнический институт. Получил диплом инженера. Несмотря на короткую жизнь, оставил заметный след в теории шахматной игры. Один из основателей течения «гипермодернизма». Оказал влияние на Рихарда Рети. Именем его названы гамбит и система в испанской партии. Крупнейший успех

в Берлинском международном турнире в 1920 году – первое место, обойдя Е. Боголюбова, С. Тартаковера, Р. Рети, Г. Мароци, Ж. Мизеса, З. Тарраша, Ф. Земиша, П. Леонгардта, Р. Шпильмана! Вплоть до смерти держал мировой рекорд по игре «в слепую» – сеанс он давал сильным любителям на 20-ти досках. «Новый Стейниц слишком рано вырван из нашего круга» (Р. Рети). Тартаковер, назвал его вторым Харузеком: «Брейер умер, но более чем когда-либо, жив его дух!... покойный Брейер, благородный и скромный характер которого оставил неизгладимую память у всех, кто его лично знал, сделался символической фигурой новой шахматной школы. Как и другие пылкие умы, он достоин высшей похвалы, ибо все они были и остаются: искателями истины!»²⁰³ «От нас ушла освещенная божеством сияющая личность». (С. Тартаковер)

Будучи жителем «лоскутной империи», он большую часть своей жизни прожил в Пресбурге (Братиславе), где и был похоронен. Работал Брейер инженером. В 1922 году был проведен международный турнир в Пестьяне, памяти Брейера. Призы за красоту были учреждены шахматным клубом города Братислава. 13 мая 1987 году «истина» была восстановлена – прах шахматиста был перенесен в Будапешт, где Дьюла Брейер нашел успокоение рядом с могилами Р. Харузека и Г. Мароци – немеркнувшая слава венгерских шахмат. На церемонии перезахоронения присутствовали: дочь Брейера, его внуки и правнуки. («Шахматный вестник», М., 1993, №3, с. 40)

6. Вейс (Вайс) Макс (по-венгерски – Микша) (1856–1927) – один из ярчайших представителей венской шахматной школы. Никогда не был шахматным профессионалом, занимался в юности физикой и математикой. Банковский служащий; под покровительством Альберта Ротшильда в его банковской империи достиг поста главного кассира. С 1896 года занимался литературной деятельностью. Крупнейший успех – двухкруговой Нью-Йорк-

М. Вейс и М. Чигорин на Нью-Йоркском турнире 1889 г. Наблюдают за игрой И. Гунсберг и С. Липшютц.

ский турнир при двадцати участниках. Поделил с М.И. Чигориным первое-второе места, опередив И. Гунсберга, Дж. Блэкберна, Г. Берда, Дж. Мэзона и др. Четыре партии матча с М. Чигориным за первое место окончились вничью. По словам Е. Боголюбова, приведшего все партии этого матча в своей книге о Чигорине, они были такого высокого качества, что не уступали современным лучшим партиям. Из других успехов отметим: дележ второго-четвертого мест в Гамбурге в 1885 году – уступив Гунсбергу, но рядом с Блэкберном и Мэзоном и выше Тарраша, Энглиша, Макензи и др. – из 18 участников. Третье место во

Нью-Йорк 25/III–18/V 1888	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Итого	
1 Вейс	—	1/2,0	1/2,1	1,0	1/2, 1/2	1/2,1	1,1/2	1,1	1,1	1,1	1,0	1/2,1/2	1/2,1	1,0	1,1	1,1	1/2,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,28
2 Чигорин	1/2,1	—	0,0	1/2,1	1,1	1,0	0,0	1,1	0,1	1/2,1	1,1	1,1	1/2,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,28
3 Гунсберг	1/2,0	1,1	—	0,1	1/2,0	1/2,0	1,1/2	1,0	1,1	1,1	1/2,1	1,1	0,1	1,1	0,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,28
4 Блэкберн	0,1	1/2,0	1,0	—	0,1	1,0	1,0	0,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,27
5 Берн	1/2,1/2	0,0	1/2,1	1,0	—	1,1/2	0,0	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	0,1	0,0	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,26
6 Липшольт	1/2,0	0,1	1/2,1	0,1	0,1	0,1/2	—	1/2,1	0,0	1,1	1/2,1	1,0	0,0	1/2,1	1,1	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,25
7 Мэзон	0,1/2	1,1	0,1/2	0,1	1,1	1/2,0	—	1/2,0	0,0	1,1	1/2,0	1,0	0,1	0,1	1/2,1	1,1/2	1/2,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,25
8 Дасдл	0,0	0,0	0,1	1,0	0,0	1,1	1/2,1	—	1,0	1,1	0,1	0,0	1,1	0,0	1/2,1	1,1/2	1/2,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,20
9 Дельмар	0,0	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,1	0,1	—	1/2,0	1,0	1,1	0,1	0,1/2	1,0	0,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,18
10 Шональтер	0,0	0,1	1/2,0	0,0	0,1	1/2,0	0,0	0,0	1/2,1	—	1/2,1	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	1/2,0	0,1	1/2,1	1,1	1,1	1,18
11 Пешал	0,1	0,0	1/2,0	0,0	0,0	0,1	1/2,1	1,0	0,1	1/2,0	—	0,1	1/2,1	0,1	1,1	0,1	1,1	0,0	0,0	1,1	1,1	1,17
12 Берд	0,0	0,0	1,0	0,0	0,0	1/2,1	0,1	1,1	0,0	0,1	1,0	—	1/2,0	1,1	1/2,1	1,1	0,0	1,0	1,0	1,0	1,1	1,17
13 Таубенгауз	1/2,0	1/2,0	1,0	0,0	1,0	1/2,0	1,0	0,0	1,1/2	0,1	1/2,0	1/2,1	—	0,1	0,0	0,1/2	1/2,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,17
14 Берд Д.(Д.Ф.)	0,1	0,0	0,0	0,0	1,1	0,0	1,0	0,1	0,1	1/2,0	0,0	1,0	—	0,1	0,0	0,1/2	1/2,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,17
15 Бердаль	0,0	0,1	1,0	0,0	0,0	0,0	1/2,0	1/2,0	1,0	0,0	1,0	1/2,0	1,1	0,1	—	1/2,1	1,1/2	0,0	1/2,1	1,1	1,1	1,16
16 Уэлам	0,0	0,0	0,0	0,1	1,0	0,0	0,1/2	1/2,1	0,0	1/2,1	1,1	0,0	0,0	1,1/2	1,1	1/2,0	—	1,0	0,1	1,1	1,1	1,16
17 Госсин	1/2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	1/2,0	0,1	0,1	1,0	1,1	1,1	1/2,0	1,0	0,1/2	0,1	—	0,0	1,1	1,1	1,1	1,16
18 Маринетт	0,0	0,0	0,0	1/2,0	0,0	0,0	1/2,0	0,0	0,0	1,1	0,1	0,1	0,1	0,0	1,1	1,0	1,1	1,1	—	0,1	0,1	1,14
19 Берд Д.(J.W.)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1/2,1	0,0	0,1	1/2,0	1,1/2	1,1/2	1,0	—	—	—	—	1,14
20 Ман-Лод	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1/2,0	0,0	0,0	1,1	1,0	0,1	—	—	0,1

Франкфурте на Майне в 1887 году – после Мекензи и Блэкберна, но выше Тарраша, Энглиша – из 21 участников. После Нью-йоркского турнира 1889 года планировался его матч с чемпионом мира В. Стейнцем. По неизвестным причинам он не состоялся, хотя б мог быть очень интересным с точки зрения борьбы схожих стилей. Тартаковер говорил о «чеканном искусстве Макса Вейса». Вскоре Вейс от практической игры отошёл. Интересно, что он даже стал героем одного из рассказов Й. Крейчика «Как я стал спиритом» (*Гротеск Макса Вейса*) из сборника «Примерные и шаловливые дети шахматной музыки...».

Прошли десятилетия. Профессор, доктор филологических наук Владислав Антонович Ковалев посетил П.А. Романовского. Старый мастер рассматривал какую-то позицию. Ковалеву она показалась знакомой и он спросил: «Смыслов?». «Вот именно, – отвечал мэтр, – но это не Смыслов. Это Вейс. Но Вейс – это Смыслов до Смылова. Взгляните в мою тетрадь – я только, что написал эти слова. Это был крупнейший гроссмейстер прошлого. Он разделил с вместе с Чигориным первые два места в Нью-Йоркском турнире 1889 года. А между тем о нем ничего нет даже в книге Н.И. Грекова «История шахматных

состязаний», его нет в списке зарубежных шахматистов. Это ужасно! Этак мы совсем забудем историю шахмат. Подумайте, никто не знает Вейса. Это же бедствие...» (В.А. Ковалев «Шахматы – это сама жизнь» – «64», М., 1972, №33, с.4). Часто беседа с другом-историком – я неоднократно слышал аналогичное сетование: кажется, никто не интересуется историей шахмат. Мы – последние могикиане...

7. Верлинский Борис (Бэрл) Маркович (1887–1950). Родился в г. Бахмуте. Детство и юность прошли в Одессе. Известно, что Одесса – город еврейских музыкальных вундеркиндов. Бэрл был не исключением и быстро преуспел в скрипичном мастерстве. Но, видимо, неизлечимая болезнь, вызвала у него расстройство речи, которое принимали за признак глухоноты. Так считал гроссмейстер Константинопольский. Другие считали, что Верлинский был от рождения глухонемым. Речь к нему вернулась уже в отроческие годы. Познакомился с шахматами довольно поздно – в 13-летнем возрасте, но, будучи шахматным вундеркиндом, преуспел в них. Шахматы помогли выжить. Дореволюционные годы и годы Гражданской войны Верлинский провел в Одессе, где с 1906 года с успехом выступал в местных соревнованиях.

Б. Верлинский

В 1909 году Верлинский играл в Петербурге в турнире любителей и занял в нем место сразу за призерами (*10-11 места наравне с П. Романовским*). В 1909–1910 году стал победителем Южнорусского турнира в Одессе, опередив Е. Боголюбова, одержав над честолюбивым поповичем победу. В турнире любителей в 1911 году разделил шестое-седьмое места. В 1913 году вышел в таком же турнире на третье место. Во время Гражданской войны сыграл множество партий с А. Алехиным, навсегда развив и сохранив тактическо-ловушечный стиль. Лучшие достижения Верлинского относятся к 20-м годам. В III первенстве СССР он получил звание мастера, а в IV первенстве СССР занял четвертое место, показав лучший результат среди призеров: 6 из 7, нанеся поражения Боголюбову (за эту партию получил первый приз за красоту), Левенфишу, И. Рабиновичу, П. Романовскому и сделав две ничьи с Ф. Дуз-Хотимирским и Готгильфом. Е.Д. Боголюбов отметил успех Верлинского, указав, что он сам набрал против призеров всего половину очков: +3, –3, =1, и добавил, что если скоро появится «забавное» сообщение, что Верлинский победил Капабланку, «то этого не следует считать совершенно невозможным». Вообще в этом турнире Верлин-

ский получил три приза: за лучший результат против призеров: +5,=2; за красивейшую партию турнира и третий – за лучший результат в последних турах. В 1925 году принял участие в первом Московском международном турнире, где разделил с Рубинштейном и Шпильманом 12-14 места. Но в этом турнире он нанес сенсационное поражение чемпиону мира Капабланке, как и предсказывал Боголюбов, а также выиграл у Рубинштейна, Шпильмана, Земиша и др. В чемпионате УССР 1926 года Верлинский поделил первое-второе места. В чемпионате Москвы 1928 года он был первым с результатом 13,5 из 18, причем опять против призеров набрал четыре из пяти. Наивысшего успеха Верлинский добился в VI первенстве СССР, проведенной по трех ступенчатой системе. Он занял первое место: в финале он набрал 3,5 из 4 возможных очков. Пленум Исполкома шахсекций совета Союзных республик присвоило чемпиону СССР т. Б.М. Верлинскому **«пожизненное звание гроссмейстера»**.²⁰⁴ Не прошло и двух лет, когда «пожизненное» звание первого советского гроссмейстера было отнято у большого человека. По воспоминаниям современников к этому приложил руку партийный активист и заурядный мастер Н.М. Зубарев. *(В 1934-1935 годах Всесоюзная шахсекция провела «проверку» мастерских кадров. Вопреки незыблемому принципу, согласно которому звание шахматного мастера является пожизненным: так установлено было авторитетом Германского шахматного союза еще в XIX веке, 15 обладателей почетного титула из 43 были «понижены» в ранге. Среди них оказался Абрам Модель – призер чемпионата страны 1927 года, выдающийся теоретик Вениамин Созин, бывший чемпион Москвы Александр Сергеев, мастер Петр Измайлов, чемпион Сибири и первый чемпион РСФСР, попавший в финал первенства страны в 1926 году и (не по своей вине) не принявший в нем участие: он был репрессирован. Александр Смородский, получил звание «маэстро», на турнире Германского Союза еще в 1914 году, а затем, будучи профессиональным военным, почти не играл в турнирах. Он послал ироническое письмо на имя Н.В. Крыленко, где показал полную абсурдность данного решения. Конечно, это не помогло.)* Последний крупный успех Верлинского был в VII первенстве СССР – он разделил третье-шестое места. Затем, в связи с болезненным состоянием, Верлинский редко принимал участие в соревнованиях. В 1950 году ему было присвоено звание международного мастера – посмертно... И ещё один вопрос: почему Ботвинник не заступился за первого советского гроссмейстера?

Сохраним для потомства шахматный анекдот о Верлинском... Обращаясь к мастеру Д.О. Ровнеру (1908–1986), он вопрошал: «Рувнер, Рувнер, мы с тобой земляки. Что происходит: когда я поднимаю свой мэч (меч. – С.Д.), чтобы пронзить врага, руки слабэют, мэч выпадает!?!». (Из рассказов мастера М.Б. Ноаха. Акцент Верлинского я пытался сохранить в тексте.)

Очень теплые воспоминания о Верлинском оставил Василий Панов. В 1934 году они вместе были на гастрольной поездке по Средней Азии и вместе играли вне конкурса в чемпионате Узбекистана. Панов пишет: «Мне приходилось вести все материально-бытовые дела для нас обоих и всячески заботиться о Верлинском, так как он был глухонемым, говорил (если так можно было сказать) грубым, хриплым шепотом, а понимал собеседника по движениям губ. Тем не менее, он был приятным, интересным компаньоном с богатой внутренней жизнью. Особенно меня поражало, что, несмотря на глухоту, Верлинский был страстным любителем музыки, и как в Москве, так и в Ташкенте всегда рвался на симфонические концерты и много, и горячо «болел» за музыкальных знаменитостей того времени». (В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.60)

8. Винавер Шимон Авраамович (1838–1919). Родился в Варшаве в семье винокура (водочного фабриканта). В семье было 10 детей, из которых шестеро играли в шахматы. В течение трех лет он изучал право, затем занялся бизнесом. Став коммерсантом, он по торговым делам приехал в Париж в 1867 году, где его родственник, мастер Самуэль (Шмуэль) Розенталь, уговорил участвовать в международном турнире. К удивлению организаторов, он занял второе место уступив Колишу, но опередив В. Стейница и др. Это было первое участие российского подданного в международном состязании. Крупнейшие успехи: Париж (1878 г.) первое-второе места, наравне с И. Цукертортом; Вена (1882 г.) – первое-второе места, наравне со В. Стейницем; Нюрнберг (1883 г.) – первое место, выше Дж. Блэкберна, Дж. Мэзона, М. Вейса и др. В теории известны гамбит Винавера и вариант, носящий его имя, во французской защите. По характеру своего творчества – изобретательный и предприимчивый тактик. Мастер яркого самобытного дарования. Изумительно виртуозно разыгрывал эндшпиль. Интересно, что Винавер, не будучи профессионалом, оказал влияние на творческий почерк шахматистов совершенно

Шимон Винавер

иною стили. Историк шахмат В.И. Ненароков утверждал, что тактическим мастерством ему обязан М. Чигорин. Винавер был предшественником Эм. Ласкера в разыгрывании разменного варианта в испанской партии, а, следовательно, предшественником и Роберта Фишера. Наконец, несомненно, его влияние на творчество А. Рубинштейна, в частности, на изумительное искусство играть с начала партии на какое-нибудь ничтожное преимущество, проявившееся в эндшпиле.

Винавер пригласил М. Чигорина в 1881 году на международный турнир в Берлин, дав организаторам состязания самую лестную рекомендацию. Надо отдать должное интуиции польского мастера, сумевшего разглядеть в Чигорине шахматный талант. В «благодарность» «ученику» разнес своего «учителя» в 17 ходов! Это было в Лондоне в 1883 году.

Впоследствии Винавер писал о своем протее: «Гениальный самородок. Он был первым русским, который стал работать над созданием общественной шахматной жизни в России».²⁰⁵ Сохранились интересные воспоминания о закате жизни Винавера, написанные Ф.И. Дуз-Хотимирским. В книге, вышедшей в Лондоне в 1984 году он назван отцом не только польских шахмат, но и русских и советских.²⁰⁶

Приведу притчу С.Г. Тартаковера, посвященную двум банкирам: «Одному подававшему в шахматах большие надежды юноше старик-Винавер сказал: «В ваши годы я мастером еще не был, но зато унаследовал от отца банкирскую контору. Теперь я маэстро, но банкирской конторы у меня больше нет». Как раз в противовес этому случаю, Колиш, после своей блестящей победы над всеми конкурентами в Париже на турнире 1878 года, одержал еще одну главную победу: над самим собой! – и стал банкиром».²⁰⁷

Родственные связи Винавера были весьма обширные, кроме вышеупомянутого С. Розенталя – он находился в близком родстве с Александром Митрофановичем Левиным (1879–1929); в девичестве имевшим иное отчество – Абрамович (*вероятно, окунулся в купель*), русским мастером, успешно игравшем в петербургских турнирах: в 1899/1900 гг. и 1902 г. делил первое-второе места с Чигориним, принимал участие в международном турнире в Ганновере в 1902 году, где получил звание мастера. Петербуржцы высоко ставили маэстро Левина, усаживая его за первую доску в матчах с Москвой: иногда он выигрывал и у Чигорина. В «Шахматной летописи Петербурга», (СПб, 2003, с.13) даны иные годы жизни и смерти Левина – (1871–1920); и указано, что молодость он провел в Киеве, работал в министерстве торговли и промышленности, а умер в Югославии.

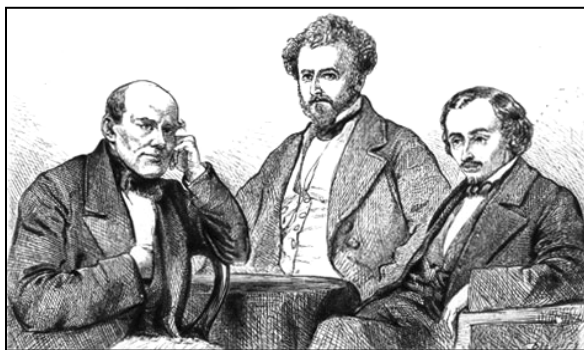
Другим родственником Винавера был международный мастер Яков (Жан) Вениаминович Таубенгауз (1850–1919), также уроженец русской Польши, живший постоянно в Париже. Он издал шахматное руководство на французском языке. Наивысший его успех – в Лондонском турнире 1886 г., где он разделил третье-четвертое место с Гунсбергом, уступив Блекбэрну, Берну, но опередив Мэзона, Цукерторга и др. Эмануил Ласкер рассказывал о богемной жизни Таубенгауза в Париже, которая так и называлась «а ля Таубенгауз». С горечью добавлял, что Яков Вениаминович умер в полной нищете. (См.: Эм. Ласкер «Как Виктор стал шахматным мастером», М., 1973, с.67)

Жан Таубенгауз
портрет Нардуса.

Еще одним родственником Винавера был международный мастер родом из Польши Паулино Фридман (Frydman.1905–1982). Участник семи олимпиад в составе команды Польши. Лучший результат на второй доске показал на VI олимпиаде в Варшаве в 1935г.: +7, –0, =9. На VII олимпиаде, состоявшейся в Стокгольме в 1937 году, играя на третьей доске, набрал 12,5 из 17. Победитель международных турниров в Сопоте (1930 г.), Будапеште (1934 г.) и Хельсинки (1936 г.), где занял места выше П. Кереса, Г. Штальберга и других. После VIII Олимпиады в Буэнос-Айресе (1939 г.), в связи с началом Мировой войны, остался в Аргентине. Семья Фридмана погибла во время оккупации. Про него, обзаведшегося такими родственниками, остроумный С.Г. Тартаковер говорил: «Parente oblidge» – Обязывающие родители!²⁰⁸

9. **Гарвиц, Даниэль (Давид)** (1823–1884) – выдающийся немецкий мастер, один из сильнейших шахматистов мира своего времени. По профессии – купец. Проживая в Англии, он в 1853-1854 годах издавал журнал «British chess review» Из матчевых успехов отметим победы в 1846 годах над Уокером (+5, –3), Горвицем (+6, –5, =1) и над

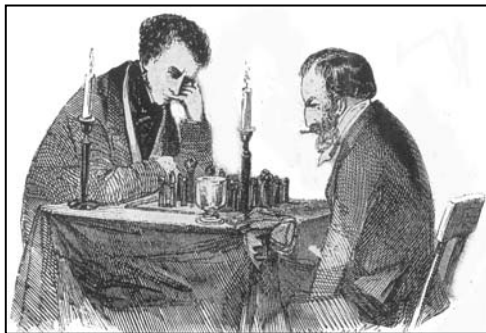
Адольф Андерсен, Пьер Сент-Аман, Даниэль Гарвиц

тем же Горвицем в 1849 году (+7, -6, =2); матч с А. Андерсеном окончил вничью (*Бреслау, 1848 г., 5:5*), победил И. Лёвенталя (*Лондон, 1853 г.*) +11, -10, =10). В 1858 году проиграл матч П. Морфи (*Париж, 1858 г.*) - +2, -5, = 1). Гарвиц был одним из первых шахматных профессионалов. Он числился младшим компаньоном книгоиздательской фирмы, но делами почти не занимался, отдавая все время шахматам. Перу Гарвица принадлежит популярное в свое время шахматное руководство. По оценке современников, «он, бесспорно, принадлежит к числу величайших шахматистов своего времени. Замечательная оригинальность, чрезвычайная тонкость соображений и быстрота – составляют отличительные черты его таланта». (*«Шахматный листок», 1858 г.*)

10. **Гиршфельд Филипп** (1840–1896) – немецкий шахматист, по профессии «негоциант», в международных турнирах не участвовал, но с почетным результатом в 1860 году сыграл матч с А. Андерсеном, находившимся в апогее славы, со счетом +10, -14, =5. А в 1864 году свел матч с И. Колишем вничью +4, -4. Впечатляющие результаты!²⁰⁹

Гиршфельду принадлежит честь, по словам Чигорина, первым назвать партию Андерсен – Кизерицкий «бессмертной».

11. **Горвиц Бернгард** (1808–1885) – принадлежал к знаменитому се-

Стаунтон и Б. Горвиц

миззвездию берлинских шахматистов, так называемой «Плеяде». По профессии художник. С 1839 года жил в Гамбурге, а в 1845 году переехал в Лондон, где сыграл несколько матчей, в том числе и со Стаунтоном, которому проиграл с почетным результатом. В первом международном турнире в Лондоне получил приз за седьмое

место. Выиграл матч у Г. Берда. Наибольшую известность приобрёл как исследователь эндшпиля и этюдист. Совместно с Иосифом Клингом (1811–1876) составил множество этюдов, являющихся ценным вкладом в теорию эндшпиля. Горвиц и Клинг считаются предтечами современного этюда, хотя практической хватки у обоих не было. Как писал историк шахмат Людвиг Бахман в книге «Шахматная игра в ее историческом развитии», Горвицу не хватало должной выдержки, но эндшпиль он проводил с ювелирной точностью.

12. **Гунсберг Исидор** (1854–1930) – выдающийся шахматист, один из первых претендентов на звание чемпиона мира. Родился в Пеште, семья переехала в Англию в 1863 году. Научился играть в шахматы в детском возрасте. Двенадцатилетнего Исидора отец отвез в Париж, демонстрируя вундеркинда в кафе «Режанс». Скупой на похвалы чемпион Франции Самуил Розенталь предсказал «наследнику Морфи» блестящее будущее и согласился быть его учителем. С 1878 года Гунсберг играл внутри шахматного аппарата «Мефисто», и в «качестве автомата» участвовал в гандикап-турнире, где занял первое место. В своей карьере играл восемь матчей, из которых пять выиграл, один свел вничью и два проиграл. Матчи с Дж. Блэкберном дали такой результат: один в 1881 г. проиграл: +4, –7, =3, а другой в 1887 г. выиграл: +5, –2, =6; у Г. Берда выиграл с легкостью первый матч в 1886 году +5, –1, =3, второй матч в 1889 году прошел в упорной борьбе: +3, –2. Победил сильных английских мастеров – Фрэнка Ли в 1888 г. со счетом +3, –0, =2 и Джемса Мортимера со счетом +4, –0, =1. Свел вничью матч с М. Чигориным в 1890 г. +9, –9, =5. Матч на первенство мира со Стейницем в том же 1890 проиграл с почетным счетом: +4, –6, =9. Последние два матча состоялись в Гаване. В международном турнире в Гамбурге (1885 г.) он занял первое место, обогнав в последнем туре Дж. Блэкберна, М. Вейса, Дж. Мэзона, З. Тарраша, Б. Энглиша! А в Нью-Йорском турнире 1889 года занял третье место, всего на пол-очка отстав от М. Вейса и М. Чигорина. Выиграл обе партии у М. Чигорина. По современной таблице Эло, составленной на то время после этого турнира, у него был второй рейтинг в мире, после чемпиона мира В. Стейница и выше Дж. Блэкберна и М. Чигорина. Всего участвовал в 28 турнирах с 1883 г. по 1914 г., из которых первенствовал в семи, а в девяти делил вторые-четвертые места. После матча с В. Стейницем З. Тарраш писал: «Гунсберг – первый из противников Стейница, который выступил против него с его же оружием в руках». Гунсберг с уважением относился к своему матчевому противнику – русскому чемпиону: «Такие комбинации, как Чигорин, мог создавать только великий мастер».

Исидор Гунсберг

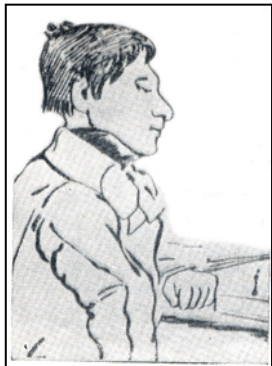
Умер Гунсберг в Лондоне в нужде, надолго пережив свою славу. Еще в 1929 году, в весьма почтенном возрасте, незадолго до смерти, он прибыл в Карлсбад в качестве журналиста от британской прессы.

Вот, что о нем писали в некрологе: «По происхождению венгерский еврей, в отроческом возрасте переселившийся в Англию, Гунсберг не пользовался популярностью в английских официальных шахматных кругах. И как еврея, и как шахматиста-профессионала, до последних дней существовавшего на скудные заработки от шахматных отделов, его обходили где только возможно, и все «почести» выпадали на долю чистокровных великобританцев Блекберна и Берна. Лишь после их смерти Британский шахматный союз несколько смягчил свое отношение к Гунсбергу, но это не могло спасти его от жестокой нужды, в которой он прожил последние годы своей жизни».²¹⁰

(«Шахматный листок», Л., 1930, №10, с.175)

13. **Делмар Юджин** (1841–1909) американский мастер, один из организаторов американского шахматного движения. Высший его успех – дележ третьего-пятого мест в международном турнире в Нью-Йорке (1893 г.), после Э. Ласкера, но опередив Г. Пильсбери, и в 1880 году в Нью-Йорке, на международном турнире, где занял четвертое место.

14. **Кизерицкий Леонид (Лионель Адальберт Багратион Феликс)**

Лионель Кизерицкий

(1806–1853), выдающийся шахматист, родился в России, в Дерпте. По профессии – математик. Из-за материальных затруднений переселился в Париж, где приобрел известность в шахматном кафе «Режанс» («Café de la Regence»). Он оспаривал первенство у Сент-Амана. Лабурдонне высоко ценил игру Кизерицкого: «...молодой русский – очень силен». В 1846 году прибыл в Лондон в надежде сыграть матч со Стаунтоном. Тот под разными предложениями отказался играть (*подобно игре в кошки-мышки как и с Морфи*). Пришлось сыграть матч с Горвицем. Победа осталась за Кизерицким (+7, – 4, =1). В 1850 году сыграл самый длинный в истории шахмат матч с американским мастером Дж. Шультемом и выиграл со счетом +107, –34, = 10. В 1849–1851 издавал шахматный журнал «Palamede». Кизерицкий является изобретателем модного в свое время гамбита, получившего его имя. Он был лучшим мастером своего времени в игре «вслепую». В 1851 году принял участие в первом международном турнире, однако проиграл в первом круге Андерсену. Между тем, в серии легких партий успешно играл против германского чемпиона, выиграв со счетом +9, –5, =2. Кизерицкий оказал большое влияние на шахматную жизнь того времени.²¹¹

15. **Колиш фон, Игнац** (1837–1889) один из сильнейших шахматистов мира девятнадцатого века. Барон Колиш родился в Пресбурге (*Братислава*), но большую часть своей жизни прожил в Вене. В одной из старых шахматных энциклопедий, указано, что он был дипломатом. Не был шахматным профессионалом. В 1860 году он свел серию легких партий с Андерсеном вничью 6:6. В 1860 году в Кембридже победил в турнире Британской шахматной ассоциации.

Колиш фон, Игнац

Выиграл матчи у Б. Горвица (3:1) и Т. Баранса (10:1). В 1861 году одержал победу в турнире в Бристоле и с минимальным счетом проиграл матч А. Андерсену (4:5) и Л. Паульсену (15:16). Последний матч был признан окончившимся вничью, из-за затянувшейся игры. Высшее шахматное достижение Колиша – первое место в Парижском турнире 1867 года, опередив Ш. Винавера и В. Стейница. Он был владельцем банкирского дома. Успех жизненной карьеры был предначертан дружбой и покровительством барона Альберта Ротшильда, который выхлопотал для друга титул барона Австрийской империи в 1881 году. Существует и другая версия: титул был получен из рук Саксонского герцога. История богатства Колиша такова. На следующий год после победы в Париже он приехал в Вену, где познакомился с Альбертом Ротшильдом, который, будучи в восхищении от игры Колиша и, стараясь помочь великому шахматисту, предложил сыграть матч на ставку в 1000 гульденов. Естественно, Альберт, игравший неизмеримо слабее, матч проиграл. Проигранная им сумма стала основой для создания банка Колишем. По другой версии он познакомился с Альбертом Ротшильдом еще в Париже. Затем он отошёл от активной игры, лишь организовывая турниры и учреждая призы. Крупнейшие из этих турниров: Баден-Баден, 1871 год и Вена, 1882 год. В 1862 году в качестве секретаря графа Г.А. Кушелева-Безбородко, шахматного любителя, Колиш приезжал в Петербург, где сыграл несколько матчей с русскими шахматистами. Это был первый приезд иностранного маэстро в Россию. Но, вероятно, Колиш занимался в России и бизнесом. Отметим также знакомство Колиша с писателем И.С. Тургеневым. В 1861 году он безуспешно пытался организовать матч с Полом Морфи. Обладал ярким комбинационным талантом. Исидор Гунсберг, заканчивающий свою жизнь в бедности, заметил: «В течение многих лет я видел только

одного шахматиста, который мог делать из шахмат деньги и сохранять их. Это был Колиш». (С. Воронков «Игнац Колиш», «64», М., №14, 1977, с.4). Из этой же статьи мы можем узнать, что венгерский шахматист обладал натурой игрока, гипнотической волей, цепкой реакцией, находчивостью. Он был удачливым игроком на бирже, в шахматах, покере или бильярде. Практичность в жизни и романтизм в шахматах уживались в его натуре. Колиш оставил большие средства на проведение международных турниров в Вене. После его смерти – 30 апреля 1889 года еще долго проходили турниры его памяти.

16. **Кон Вильгельм** (1859–1913) немецкий мастер. Крупнейший его успех на Кельнском международном турнире 1898 года – дележ второго-четвертого мест, вместе с М. Чигориным и Р. Харузеком, опередив В. Стейница, К. Шлехтера, Д. Яновского, но после А. Берна. В Барменском турнире мастеров 1905 года занял третье место среди участников, опередив Шпильмана, Нимцовича, Пшеспюрки и многих других.

17. **Кон, Эрих** (1884–1918) немецкий мастер, по профессии врач. Лучшие турнирные выступления: второе место на Стокгольмском турнире после А. Алехина, но опередив Р. Шпильмана; в международном гамбитном турнире в Аббации в том же году, разделил третье-четвертое места с Р. Рети. Успешно также выступал в четверных Берлинских турнирах: в 1909 году – дележ первого-второго места с Р. Тейхманом и в 1914 году – дележ первого-второго места с Р. Шпильманом. Погиб на войне. В память о погибшем мастере Б. Каганом была издана небольшая брошюра с партиями Кона. Несколько победных партий Кона из Петербургского турнира памяти Чигорина 1909 года помещены с примечаниями Эм. Ласкера, в том числе с О. Бернштейном и О. Дурасом. Приведена также выигранная Э. Коном партия против М. Чигорина в Нюрнберге в 1906 году.

18. **Костич Бора** (Борис Владимирович) (1887–1963), югославский

Борис Костич

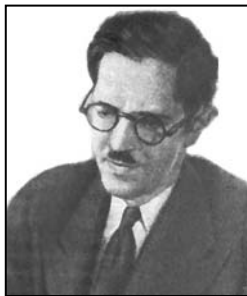
шахматист, международный гроссмейстер с момента учреждения звания. В России его называли по имени и отчеству. Начал выступать в международных турнирах с 1911 года в Карлсбаде. В том же году на турнире в Сан-Ремо поделил четвертое-пятое места. Годы до I Мировой войны и после нее провел в США, где успешно играл в турнирах. В Чикаго (1918 г.) был первым, а в Нью-Йорке (1918 г.) вторым после Капабланки. В Гастингсе в 1919 году он вновь был вторым после Капы. Все четыре турнирные партии между ними окончились вничью, но в матчах Капабланка

устроил настоящий разгром: в 1915 году в Буэнос-Айресе – +2, –12 и в Гаване в 1919 году – 5:0 в пользу Капы. В 1916 году Костич выиграл матч у Шовальтера: +7, –2, =5. Лучших результатов он добился после войны. В Гастингском турнире 1921-22 года был первым. В 1925-1926 годах совершил кругосветное путешествие, давая сеансы одновременной игры. Территорию Советского Союза проехал с востока на запад, от Владивостока до Ленинграда. Выступления Костича состоялись в Москве, Тбилиси, Баку, Батуми, Одессе, Киеве и других городах. Он гастролировал по Новой Зеландии и Австралии, где давал сеансы одновременной игры, проведя 1570 партий, из коих проиграл только 24 и свел вничью 320. Но и в Старом Свете, в Англии в 1921-22 годах, Костич достиг тоже выдающегося результата: из 1800 сеансовых партий проиграл всего сорок. В 1919 году в Нью-Йорке давал сеанс одновременной игры, не глядя на доску, и выиграл 19 партий при одной ничьей.

Костич – призер многих турниров, но лучшего результата он достиг в Тренчин-Теплиц. В 1928 году он был первым – опередив А. Штейнера, Земиша, Шпильмана, Грюнфельда, Рети и др. Ганс Кмох дал ему такую характеристику: «Успех Бориса Костича не должен никого удивить. Он очень способный мастер, находчивый, прекрасно и далеко рассчитывает, опытен и нагружен незаурядным теоретическим багажом. Обычно в турнирах он легкомысленно играл на остроту и расстрачивал зря драгоценные очки. На этот раз его игра отличалась здоровой оценкой позиции, и это оказалось достаточным, чтобы добиться лучшего результата в турнире +8 из 11».²¹² Участник I, IV, VI и VII Олимпиад в составе югославской команды. Лучший результат показал в Мюнхене в 1936 году, набрав 16 очков. Блестящий игрок в «блиц». В первом турнире наций в Лондоне в 1927 году было проведено пять блицтурниров и все выиграл Костич. В первом довоенном первенстве Югославии в 1935 году разделил первое-второе места с Пирцем. В Международном турнире в Любляне в 1938 году был первым, опередив Штейнера, Тартаковера и других. Как ему удалось во время II Мировой войны остаться в живых – неизвестно. После войны Костич безуспешно играл во многих турнирах. Так в Бевервейке в 1958 году разделил с Ф. Земишем третье-четвертое места, хотя ему шел 71 год! Югославская шахматная организация неоднократно проводила турниры памяти Костича. С 1969 года по 1987 год всего состоялось десять таких соревнований. Борис Владимирович Костич сотрудничал в советской шахматной прессе. В 1934 году им была опубликована очень интересная статья «Шахматы в Венгрии». (См.: *«Шахматы в СССР», М., 1934, № 4, с. 77-78*)

В югославских шахматах было немного евреев. Кроме Костица, среди югославских шахматистов-евреев нам известен лишь Владимир Вукович (1898–1975), организатор шахматного движения в Югославии, теоретик, редактор шахматных журналов. Около 20 лет был главным редактором журнала «Шаховски гласник». Написал несколько книг, в том числе и первую монографию по истории югославских шахмат (1928 г.). В двадцатые годы сравнительно успешно играл в международных турнирах. В международном турнире в Вене в 1922 году он одержал победы над Таррашем, Грюнфельдом, Земишем и сделал ничьи с Алехиным и Мароци. Занимал призовые места в международных турнирах в Дьере (1924 г.) и Дебрецене (1925 г.), играл за югославскую сборную на Олимпиаде в Лондоне в 1927 году.²¹³

19. Кэжден Исаак (1905 – 1985). Родился в Нью-Йорке, скончался

Исаак Кэжден

в Лос-Анжелосе. На Нью-Йорском международном турнире 1924 года был проведен конкурс решения задач – Кэжден занял первое место, чем обратил на себя внимание. Победитель открытых чемпионатов США – 1938 и 1947 годов. В 1942 году разделил первое-второе места с С. Решевским, но проиграл ему матч. Участник шести Олимпиад. Принял участие впервые на второй Олимпиаде (Гаага, 1928 г.), где, играя на первой доске, имел лучший результат 13 из 15 (+12, –1, =2) или 86,7%. На родине он еще не успел прославиться – олимпиада «открыла его». На третьей Олимпиаде (Гамбург, 1930 г.), играл на второй доске и набрал 14 очков из 17 (+12, –1, =4) – 82,4 %; на четвертой Олимпиаде (Прага, 1931 г.), играя на первой доске набрал 12 из 17 (+6, –1, =8); на пятой Олимпиаде (Фолкстон, 1933 г.), опять играя на первой доске, добился хорошего результата 10 из 14 (+7, –1, =6) и седьмой Олимпиаде (Стокгольм), играя на третьей доске добился лучшего результата 14 из 16 (+13, –1, =2) – 87,5%. На международной арене выступал успешно в первой половине 30-х годов: Франкфурт-на-Майне, 1930 г. – второе место, позади А. Нимцовича, без поражений; Стокгольм, 1930 г. – первое место, опередив Е. Боголюбова (у него он выиграл), Р. Шпильмана и всех шведских мастеров – Г. Штальберга, Г. Штольца, Э. Лундина и других, в Гиор (Венгрия) в 1930 г. – первое место (8,5 из 9) лучше всех венгерских мастеров и Л. Штейнера; в Гастингсе 1931/1932 – второе место гг., после С. Флора, но обойдя М. Эйве, у которого выиграл партию, М. Султан-хана, Г. Штольца, Ф. Ейтса, причем – без поражений. В Пассадене в 1932 году

был вторым, после Алехина, проиграв ему партию. Но в общем Кэжден успешно играл с чемпионом мира: в Блэде 1931 году с позиции силы сделал две ничьи (*одну партию довел до выигрышного положения, но не справился с нервами*), в Лондоне 1932 года вновь добился ничьей. В турнире в Мехико (1932 г.) разделил с чемпионом мира первое-второе места. Результат обоих 8,5 из 9. Они выиграли все встречи, а между собой сделали ничью. В этом же году Алехин сказал, что Кэжден возможный кандидат на звание чемпиона мира, но с появлением С. Решевского и Р. Файна, вынужден был уступить первенство США. К большому сожалению, личные жизненные обстоятельства лишили Кэждена возможности участвовать в международных соревнованиях, что специально оговаривается в одной из шахматных энциклопедий Голомбака. А экс-чемпион мира Эйве писал: «Кэжден был в дни своей молодости одним из серьезных претендентов на мировое первенство. Но затем перед ним стал выбор: женитьба или шахматы... Он изменил шахматному миру, но остался верен шахматам».²¹⁴ Женившись в 1933 году, Кэжден практически отказался участвовать в международных соревнованиях, кроме Олимпиад. С этого момента началось падение его шахматной силы. Он был редактором «Чесс ревью» и шахматным литератором, ему многим обязана шахматная жизнь в США на Западном побережье. Он автор ряда книг и множества статей, а также один из учредителей, так называемого кубка Пятигорского. В 1946 году Кэжден добился последнего международного успеха: в матче СССР – США, играя против А. Котова, единственный из американской команды добыл полтора очка из двух партий.

20. Левенфиш Григорий (Грегор) Яковлевич (1889–1961) – один из сильнейших шахматистов России и СССР, по образованию инженер-химик. Родился в русской Польше, но в каком городе – неизвестно. Детство прошло в Люблине, где в шестилетнем возрасте научился шахматной игре. Как известно, в Люблине жила семья Чигорина. Каждое появление русского чемпиона в городе вызывало волнение среди местных шахматистов. Чигорин давал сеансы одновременной игры, в которых участвовал дядя Левенфиша, который с восторгом рассказывал о корректности и внимательности русского чемпиона во время совместного анализа. Гимназию Григорий окончил в 1906 году, и летом 1907 года приехал в Петербург для поступления в высшее учебное заведение. Боясь, что из-за процентной нормы его никуда не

Григорий Левенфиш

примут, Левенфиш держал экзамены сразу в горный, путейский и технологический институты, и успешно выдержал испытания. (*Процентная норма – несомненный допинг!*) В итоге он выбрал химическое отделение технологического института. В Петербурге он вырос и, как шахматист.

В ранние годы неоднократно встречался с А. Алехиным, с которым был дружен. В четвертом Петербургском турнире 1913 года разделил с А. Алехиным первое место, обойдя О. Дураса и Е.А. Зноско-Боровского. Дважды был чемпионом СССР – в девятом первенстве совместно с И. Рабиновичем, в десятом первенстве единолично. Звание чемпиона СССР успешно защитил в матче с М. Ботвинником (1937 г.) – +5, –5, =3, выиграв изумительной красоты вторую партию матча. Этот успех принёс ему титул гроссмейстера. Из других выступлений отметим, что в двадцатилетие между войнами Левенфиш являлся одним из ведущих шахматистов страны. В 1920 году на первой советской Олимпиаде он был третьем, на втором первенстве СССР – вторым, на третьем – разделил третье-четвертое места, на четвертом – второе, и на седьмом – разделил третье-пятое места. Был дважды чемпионом Ленинграда, участником трех довоенных Московских международных турниров. В 1925 году одержал турнирную победу над Ласкером. В 1935 году разделил шестое-седьмое места при 20 участниках. В третьем Московском международном турнире против первых трех призеров добился преимущества: +1: все партии с Капабланкой и Ботвинником свел вничью, у Флора – одну выиграл, а другую свел вничью. В Ленинградском турнире 1937 года с участием Р. Файна занял второе место, а в тренировочном турнире 1939 года разделил третье-шестое места, отстав от Флора и Решевского.

Решевский спасается в партии с Левенфишем. Турнир 1939 г.

В 1938 два чемпиона мира и непримиримых врага – А. Алехин и Х.Р. Капабланка обратились в оргкомитет Авротурнира с одинаковой просьбой принять в число участников Левенфиша, что было вполне справедливо по его заслугам. Но оргкомитет категорически отказался менять регламент соревнования. Очень жаль, поскольку такое решение поставило точку на карьере Левенфиша. Тем более обидно, ибо еще в 1940 году он одержал блестящую победу в матче с честолюбивым Алаторцевым. Хотя тогда Левенфишу шел уже 52 год!

Годы войны подорвали его здоровье. Левенфиш начал работать на оборонном заводе, семья эвакуировалась на Урал. Он последним эшелонном вместе с заводом уехал туда же. Руководил цехом сырья, затем с приключениями, едва не умерев от холода, перебрался в Куйбышев, где сразу же был направлен в дом отдыха – состояние здоровья Левенфиша было ужасно. В Куйбышеве он наладил производство мыловарения, спичек, механизировал производство валенок и обуви на деревянной (!?) подошве. После прорыва блокады стал главным инженером стекольного завода, находившегося в 120 километров от Ленинграда. Все это кратко описано мемуарах. Ясно, что его шахматные успехи резко пошли на убыль, только иногда комбинационное дарование Левенфиша создавало шедевры, и он получал призы за красоту. Так, в XVII первенстве СССР партия против В. Смыслова была проведена с юношеским блеском. К этому надо добавить, что недоброжелательство Ботвинника (*справедливое или предвзятое – это вопрос*) привело к тому, что он единственный из гроссмейстеров не получал государственной стипендии.

По оценке экс-чемпионов мира Э. Ласкера и Х-Р. Капабланки, только М. Ботвиннику уступал по силе в довоенном СССР Левенфиш, который с горечью писал, что его последние успехи ни к чему не привели, а будущего тоже у него не было: ему шел 50 год.

Трудами Г.Я. Левенфиша создавалось то, что называлось «советская шахматная школа».

Левенфиш был признанным авторитетом теории шахматных дебютов. Издал несколько турнирных и матчевых сборников, дебютную энциклопедию (предшественницу «Информатора»), учебники шахматной игры, выдержавшие несколько изданий, руководство по ладейному эндшпилю и множество статей. Автор интересных воспоминаний о своей жизни, незаурядных для своего цензурного времени. Стиль Левенфиша был резко комбинационный, многие его партии получили отличия за красоту. Недаром он был другом А. Алехина. Интересно было бы узнать, к кому относил чемпион мира своего друга – к «арийцам» или к «евреям»? В 20-е годы он переписывался с Алехиным, который не сомневался, что участие Левенфишу в любом международном турнире обеспечено, как из-за личных его качеств, так и за высокую оценку русского шахматного ис-

куства. Гроссмейстер Г.Б. Сосонко написал восторженное эссе о Григории Яковлевиче Левенфише. Если же подвести итог жизни этого интересного человека и замечательного гроссмейстера, то хочется отметить, что жизнь его не баловала. Достаточно того факта, что первая жена Левенфиша скоропостижно скончалась еще в 1917 году, когда гроссмейстеру было 28 лет. Очень печальное событие в судьбе каждого человека, могущее выбить из колеи...

На мой взгляд, лучшую свою партию, вторую в матче, черным цветом, он сыграл в матче с Ботвинником. Вся партия была проведена Левенфишем с огромным подъемом, а конечная позиция длинной комбинации необыкновенно красочна.

«Необычайно сложной и запутанной» назвали эту партию шахматные комментаторы С. Белавенец и М. Юдович.

«Во второй партии Ботвинник вызвал необозримые осложнения смелым выступлением коня на «е5». Произошло грандиозное сражение в котором блестящие тактические данные Левенфиша выявились в полной мере. Борьба, наполненная красивыми комбинациями, закончилась художественной демонстрацией силы двойных ударов коня» так писал П. Романовский.

Ботвинник – Левенфиш Матч 1937 года.

Вторая партия матча.

Ферзевый гамбит.
 1. d2-d4 d7-d5
 2. c2-c4 c7-c6
 3. Kb1-c3 Kg8-f6
 4. e2-e3 g7-g6
 5. Kg1-f3 Cf8-g7
 6. Cf1-d3 0-0
 7. 0-0 e7-e6
 8. b2-b3 Kb8-d7
 9. Фd1-e2 Лf8-e8
 10. Cc1-b2 b7-b6
 11. Лa1-d1 Cc8-b7
 12. Kf3-e5 Kd7:e5
 13. d4:e5 Kf6-d7
 14. f2-f4 Фd8-e7
 15. c4:d5 e6:d5

16. e3-e4! d5-d4
 17. Kc3-b1 c6-c5
 18. Kb1-d2

18. ...g6-g5!
 19. g2-g3 g5:f4
 20. g3:f4 Kpg8-h8
 21. Kd2-c4 Лe8-g8
 22. Kpg1-h1 f7-f6!
 23. Kc4-d6

23. ... f6:e5!
 24. Kd6:b7 e5:f4!
 25. e4-e5! Cg7:e5
 26. b3-b4 Kd7-f6
 27. Фe2-f3 Kf6-g4
 28. Лd1-d2 Лa8-b8
 29. Cd3-e4 d4-d3!
 30. Фf3:d3? Лb8:b7
 31. Ce4:b7 Фe7:b7+
 32. Фd3-f3 Фb7:f3+
 33. Лf1:f3 Ce5:b2
 34. Лd2:b2 Kg4-e5!

35. Лf3-f1

35. ...Ke5-d3?

36. Лb2-g2? c5-c4
 37. Лg2-c2 b6-b5
 38. a2-a3 f4-f3

39. Лc2-d2 Лg8-g2!

40. Лd2:g2 f3:g2+
 41. Kph1:g2 c4-c3

42. Kpg2-f3 c3-c2

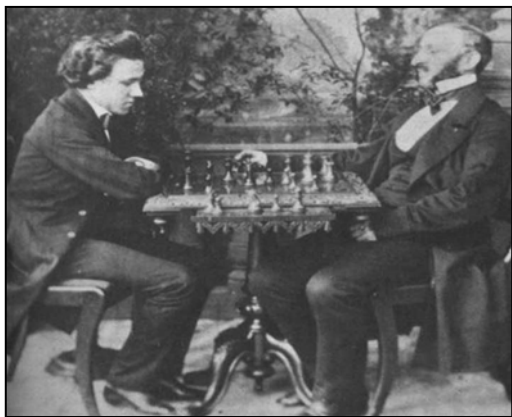
Белые сдались ввиду варианта:
 43. Kpe3 c1Ф+ 44. Л:c1 K:c1 45.
 Kpd2 Ka2 46. Kpc2 Kpg7 47. Kpb2
 K:b4 с легко выигранным пешеч-
 ным эндшпилом.

Примечание Г.Я. Левенфиша после 18 хода белых Kb1-d2: «Все продумано до тонкости. Подрыв 18... f6 все еще невозможен ввиду 19. e6 и 20. f5, а вторжение коня через поле c4 неминуемо. Я вновь пересмотрел сделанные черными ходы и не нашел среди них плохих. Отсюда напрашивался вывод, что у черных должны быть контршансы».

В 1947 году, впервые после Карлсбада 1911 года, т.е. спустя 36(!) лет, Левенфиш получил возможность побывать в Англии в качестве запасного игрока Советской сборной. Надо же быть тому обстоятельству, что в составе английской команды был П. Лист (о нем я писал выше), который еще в 1910 году свел матч с Левенфишем вничью в Вильно. В «естественном порыве души» Лист бросился Левенфишу навстречу. Двое стукачей среди советских шахматистов, как Левенфиш называл их «Аяксами», донесли «куда надо» о случившемся. И у Григория Яковлевича были «большие неприятности». (*Александр Константинопольский «Левенфиш: шахматист и человек. К столетию со дня рождения» – Шахматное обозрение «64», 1989, №8, с.12-13*) Интересно: кто были «Аяксы»? Вот состав сборной СССР 1947 года: Ботвинник, Керес, Смыслов, Болеславский, Флор, Котов, Бронштейн, Бондаревский, Лилиенталь, Рагозин. На мой взгляд их легко вычислить...

О своих воспоминаниях Левенфиш говорил: «Я должен рассказать о том, что кроме меня никто не знает». Предполагаю, что если сохранился архив Г.Я. Левенфиша, то он необыкновенно интересен.

21. Лёвенталь Иоахим-Якоб (1810–1876). Родился в Будапеште, в семье еврея-негоцианта. Поэтому, называемый иногда Иоганом, в Венгрии –

Матч П. Морфи – И. Лёвенталь, Лондон 1858 г.

он проходит как Януш-Якоб.

В 1848 г. участвовал в венгерской революции. Эмигрировал в США, где играл с тринадцатилетним вундеркиндом П. Морфи. Участвовал в первом Лондонском международном турнире в 1851 г., и также во втором – в 1862 году. Победитель первого турнира Британской шахматной ассоциации (Манчестер, 1867 г.), опередил А. Андерсена, выиграв у Гер-

манского чемпиона обе партии! А так же первенствовал на турнире в Бирмингеме (1858 г.), обогнав Э. Фалькбеера, Г. Стаунтона, П.Ш. Сент-Амана. Выиграл несколько матчей у английских шахматистов. Был одним из руководителей Британской шахматной ассоциации, редактором журнала «The Chess Player's Magazine» (1863-1867 гг.). В матче с П. Морфи

Г. Стаунтон, С. Боден и И. Лёвенталь.

(1858 г.) показал лучший среди европейских мастеров результат (+3, -9, +2). Среди изданных им книг есть монография о Морфи, вышедшая в Нью-Йорке в 1860 году. Отметим и благородство Пола Морфи: узнав о тяжелом материальном положении Лёвенталья, он меблировал квартиру своего недавнего противника. Пример достойный подражания, но, кажется, единичный... Разве только Эм. Ласкер пытался помочь Стейниццу.

22. Липшютц Сэмюэль (1863–1905), американский мастер. У него, как у «нормального» еврея имелось три имени: Самуил, Симон и Саломон. Родился в Венгрии в г. Унгваре (*ныне Ужгород*), в бедной еврейской семье он был пятым ребенком. Учился в типографии на наборщика. Эмигрировал в США в 1880 года, где стал работать страховым агентом. В 1883 году участвовал в Бруклинском шахматном турнире. К сожалению, ввиду своего плохого здоровья редко участвовал в соревнованиях. Его «исторический» коэффициент Эло составлял 2510 очков. Для сравнения укажем, что рейтинг Макензи был 2560, Блекбэрна 2570 и Цукерторта 2600. Самый крупный успех у Липшютца был в 1889 году на Нью-Йоркском международном турнире, где он завоевал шестой приз при 20 участниках, игравших в два круга, что являлось лучшим результатом среди американских участников. Удачно он сыграл в турнире с «гроссмейстерами» того времени: с Чигориным – 1:1, с Гунсбергом 1,5:0,5, с Блекберном 1:1, с Мэзоном 1,5:0,5. Всего же набрал 25,5 очков из 38. Победа над М. Чигориним в 32(!) туре была очень красива, в эндшпиле Липшютц пожертвовал коня и замато-

Сэмюэль Липшютц

вал претендента. Еще в 1886 году он играл в Лондонском международном турнире, где занял шестое место, набрав 6,5 очков из 12 очков. Он обогнал Макензи и Цукерторта, выиграв у них партии, а также у Берда, Берна, Шалоппа. Из других выступлений отметим победы в матче против Дельмара (1890 г., +7, -3, = 3) и Шовальтера (1892 г., +7, -1, +7), который считался матчем на первенство США. С одинаковым результатом 3:0 в 1898/1899 г.г. выиграл два матча у молодого Фрэнка Маршалла. Летом 1898 года в Нью-Йорке состоялся матч-турнир трех шахматистов: экс-чемпиона мира Стейница, Липшютца и 16-летнего В. Нэпира. Липшютц и Стейниц набрали по 2,5 очка и, согласно условиям соревнования, сыграли между собой микро-матч из трех партий. Первые две окончились вничью и по обоюдному согласию оба приза были поделены поровну. Липшютц в 1904 году получил приглашение играть в Кембридж-Спрингсе, в турнире с участием чемпиона мира Ласкера, Пильсбери, Маршалла, Чигорина и др., но врачи запретили, поскольку страдал болезнью легких. Фрэнк Маршалл был последним из крупных шахматистов, с кем Липшютц общался накануне смерти. Умер в Европе, в Гамбурге 30 ноября 1905 года.

23. Мароци Геза (1870–1951) – крупнейший венгерский шахматист,

Карлос Торре против Гэзы Мароци.
Последний турнир мексиканского гения.
Чикаго, 1926 г.

по профессии инженер. А. АLEXIN в антисемитской статье «Еврейские и арийские шахматы» называет Мароци арийцем. Это или иное обстоятельство спасло Г. Мароци от рук нацистов.²¹⁵

Активно поддерживал Венгерскую Советскую республику 1919 года. Во время войны эмигрировал, и в изгнании Г. Мароци жил в нужде и только в возрасте 50 лет вернулся к шахматам. В первое время после эмиграции

Мароци жил в городке Бад-Аусзее и постоянно ездил в Амстердам, где участвовал в турнирах. Он сыграл вничью матч с молодым Максом Эйве. В нидерландском шахматном журнале было помещено объявление, что Мароци можно приглашать для проведения сеансов одновременной игры «на весьма скромных условиях». (*С. Флор. Предисловие к книге «Макс Эйве», М., 1979, с. 19*). Затем он переехал в США.

Крупнейшие успехи Г. Мароци выпали в первое десятилетие XX века: Лондонский турнир 1899 года, дележ второго-четвертого места с Г. Пильсбери и Д. Яновским, позади Эм. Ласкера; турнир памяти И. Колиша – Вена (1899/1900 гг.) – первое место; Монте-Карло (1902 г.) – первое место впереди Г. Пильсбери, Д. Яновского, К. Шлехтера и других; Бармен (1905 г.) разделил первое-второе места, наравне с Д. Яновским, впереди Ф. Маршалла и др. В Карлсбаде в 1907 году он был вторым позади А. Рубинштейна среди 21 участника. В Вене в 1908 году разделил первое-третье места с О. Дурасом и К. Шлехтером среди двадцати участников, впереди А. Рубинштейна, Р. Тейхмана, Р. Шпильмана и других. В этот момент венгерская общественность готова была субсидировать матч Мароци с чемпионом мира. Мароци отказался: он считал, что в борьбе с Ласкером «сейчас ни у кого нет шансов». И действительно счет личных встреч между ними был +4, =2 в пользу Ласкера. Затем успехи венгра снижаются, и он практически отходит от шахмат. После поражения Венгерской революции и вынужденной эмиграции он вновь принимает участие в соревнованиях. Как писал Тибор Флориан, фашистские власти не могли ему простить симпатий к Венгерской Советской Республике. Он становится шахматным профессионалом и живет в Голландии, Англии, США. В 1923 году в Карлсбадском турнире суперкласса он делит первое-третье места с А. Алехиным и Е. Боголюбовым, выше Э. Грюнфельда, Р. Рети, А. Нимцовича Р. Тейхмана, А. Рубинштейна – всего 18 участников. Из них 11 гроссмейстеров. Это было его высшим достижением в послевоенные годы. В эти годы он не теряет связи с родиной и, благодаря ему, венгры первенствовали в Олимпиаде в 1927 года, где он набрал на первой доске +6, =6. На III Олимпиаде в Гамбурге (1930 г.) Мароци совершил «зевок» – в выигранной позиции подставил ферзя. Ответственность за команду была столь велика, что 60-летний гроссмейстер получил инфаркт. Венгрия заняла второе место. В Венгрию вернулся лишь в 30-е годы. *(Более точной даты автор статьи не сообщает. См.: Тибор Флориан «Первый гроссмейстер Венгрии» – «64. Шахматное обозрение», 1982, № 9 с.21-23).* Г. Мароци – известный теоретик, шахматные системы в испанской партии и в сицилианской защите носят его имя. Был тренером будущего чемпиона мира Макса Эйве и чемпионессы мира Веры Менчик. Американец Исаак Кэжден также считал себя учеником «мадьяра». Мароци исследовал ферзевые эндшпиля, в разыгрывании которых не имел равных. На русском языке в 1929 году вышла его книга о П. Морфи. Прожив долгую шахматную жизнь, Мароци неоднократно встречался с М.И. Чигориным и писал о нем следующее: «Нико-

гда не было мастера, который был бы более близок к великому Морфи, чем Чигорин». Судя по всему, у него были хорошие отношения с А. Алехиным, что не мешало Александру Александровичу выигрывать партию за партией у венгерского шахматиста. Реваншировался Мароци над «диоскуром» Боголюбовым: +7, -4, =4.

24. **Мизес Якоб** (1865–1954), прожил долгую и интересную жизнь.

Якоб Мизес

Родившись в Германии, переехал во Францию и оттуда, спасаясь от нацистов, бежал в Лондон. Как шахматист, отличался преданностью романтическим шахматам, а, следовательно, по классификации А. Алехина должен был относиться к «арийским» шахматистам. К нему с большой симпатией относился М. Чигорин. Сам же он так отзывался о русском мастере: «Ни у кого шахматы не были более искусством и творчеством, чем у Чигорина».

Успехи Мизеса были неравнозначны. Крупнейшим достижением следует считать делёж третьего-четвертого мест наравне с Нимцовичем в турнире-гиганте в Остенде (1907 г.). Среди его 30 (!) участников было 18 евреев. (*Победители О. Бернштейн и А. Рубинштейн*). В этом же году в Вене Мизес занял первое место, обогнав О. Дураса, М. Видмара, Г. Мароци, С. Тартаковера, К. Шлехтера, Р. Шпильмана – выдающееся достижение! После I Мировой войны удачно сыграл в турнире в Ливерпуле, заняв первое место без единого поражения и набрав восемь очков из девяти. Из десятков матчей следует отметить ничейный результат против Д. Яновского (1895 г.) +6, -6, =2 и победу над К. Шлехтером (1909 г.) + 2, =1. Ещё в 1942 году под немецкими бомбёжками в Лондоне 77-летний альт-мейстер провел матч с Верой Менчик, правда, неудачно.

Якоб Мизес был интересным шахматным литератором, журналистом, а также общественным деятелем. Издал несколько пособий по эндшпилю. Дебютные изыскания Якова Мизеса были посвящены любимым дебютам: северному гамбиту, скандинавской защите, а также ферзевому гамбиту и французской защите. Еще Мизес был издателем антологий лучших партий и задач и соавтором известного учебника Дюффрени, многократно переиздаваемого. Во времена нацизма его имя было стерто со страниц этой работы, равно как и примеры из партий шахматистов-евреев. Уже после окончания войны Мизесу было поручена «денацификация» своей же собственной книги.

Вена 1907	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Истор
1.Мизес		0	1/2	1/2	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	10
2.Дурас	1		1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	1/2	1	1	9
3.Марони	1/2	1/2		1/2	1/2	0	0	1	1	1/2	1	1	1	1	8 1/2
4.Тартаковер	1/2	1/2	1/2		1	1	1/2	0	1	1/2	0	1	1	1	8 1/2
5.Видмар	0	1/2	1/2	0		1/2	1	1	1	1	0	1	1	1	8 1/2
6.Шлехтер	0	1/2	1	0	1/2		0	1	1	1/2	1/2	1	1/2	1	7 1/2
7.Бергер	0	1/2	1	1/2	0	1		0	0	1/2	1/2	1/2	1	1	6 1/2
8.Перлис	0	1/2	0	1	0	0	1		0	1	0	1	1	1	6 1/2
9.Мартинович	0	1/2	0	0	0	0	1	1		0	1/2	1	1	1	6
10.Шпильман	1	0	1/2	1/2	0	1/2	1/2	0	1		1/2	1	0	1/2	6
11.Вольф	0	0	0	1	0	1/2	1/2	1	1/2	1/2		1/2	1	1/2	6
12.Альбин	0	1/2	0	0	1	0	1/2	0	0	0	1/2		1/2	0	3
13.Лёви	0	0	0	0	1/2	0	0	0	0	1	0	1/2		1	3
14.Прокош	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	1/2	1	0		2

Яков Мизес был остроумным и доброжелательным человеком. Чувство юмора его никогда не покидало. По словам С. Флора, Мизес в 85-летнем возрасте выиграл партию у голландского мастера по фамилии van Foreest, который был еще более пожилым человеком. Мизес резюмировал свою победу: «Молодость победила!».

25. **Нимцович Арон Исаевич** (1886–1935) – выдающийся гроссмейстер, один из претендентов на мировое первенство, крупнейший теоретик XX-го века. Родился в Риге в семье мебельного фабриканта. Отец, большой любитель шахмат, игравший в силу мастера, был его первым учителем. От природы Нимцович обладал выдающимся комбинационным дарованием, что странным образом он отметил в своей брошюре «Как я стал гроссмейстером». Он напрямую это связывает с изучением Талмуда: «... должен заметить, что уже до ознакомления с шахматами я сильно увлекался комбинацией как таковой, ибо все усилия моих воспитателей, а главным образом отца, были направлены именно к тому, чтобы развить во мне комбинационный дар и любовь к тому миру схоластических умозаключений и витиеватых хитросплетений, который так хорошо известен каждому, кто когда-либо занимался изучением Талмуда».²¹⁶

Арон Нимцович

Мастер Блюменфельд рассказывает, что Нимцович в возрасте 13 лет ушел из семьи, так как не желал «жить на средства буржуа». «Самостоятельная» жизнь продолжалась несколько месяцев. В школе он выделялся математическими способностями. Профессора Рижского Политехникума дали ему блестящую рекомендацию в германские высшие учебные заведения. Образование А. Нимцович получал в университетах Гейдельберга и Берлина. Ещё до I Мировой войны достиг гроссмейстерского класса.

Разделил первое-второе места с А. Алехином во Всероссийском турнире 1913 года. Матч за первое место окончился вничью.

Крупного успеха Нимцович достиг на турнире в Сан-Себастьяне в 1912 году: делёж второго-третьего мест с Р. Шпильманом, позади А. Рубинштейна, выше З. Тарраша, Ф. Маршалла, О. Дураса, Р. Тейхмана, К. Шлехтера и других. Вершины своей карьеры достиг в Карлсбаде в 1929 году, где при двадцати двух участниках, занял чистое первое место, обогнав Х-Р. Капабланку, Р. Шпильмана, А. Рубинштейна, М. Видмара, М. Эйве, Е. Боголюбова, Э. Грюнфельда, Г. Мароци. С. Тартаковера, Ф. Маршалла и других. Получил моральное право иг-

Карлсбад 30. VII— 27. VIII 1929		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	Итог	
1	Нимцович . . .	—	1/2	1	1/2	1/2	1	1	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1	0	1/2	1	1/2	1	1	15	
2	Капабланка . . .	1/2	—	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	14 1/2	
3	Шпильман . . .	0	1	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	14 1/2	
4	Рубинштейн . . .	1/2	1/2	1	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	13 1/2	
5	Беккер . . .	1/2	0	1/2	1/2	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12	
6	Видмар . . .	0	1/2	1/2	1/2	0	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12	
7	Эйве . . .	0	1/2	1/2	1/2	0	0	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	12
8	Боголюбов . . .	0	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	11 1/2
9	Грюнфельд . . .	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1	1	1/2	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	11 1/2
10	Каналь . . .	1/2	1/2	1	0	1	1	1	1	1	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11 1/2
11	Маттисон . . .	0	0	1/2	0	0	1/2	1/2	1/2	0	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11 1/2
12	Колле . . .	1/2	0	0	1/2	1/2	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11
13	Мароци . . .	1/2	0	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1	0	1	0	0	—	1/2	0	0	1	1	1	1	1	1	1	11
14	Тартаковер . . .	0	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	11
15	Трейбал . . .	1/2	0	0	1/2	1/2	1	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11
16	Земш . . .	0	1	0	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9 1/2
17	Ятс . . .	1	0	1/2	1/2	0	1	1	1	0	1	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9 1/2
18	Ионер . . .	0	0	0	0	1	0	1	1	1/2	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9
19	Маршалль . . .	1/2	0	0	1/2	0	1/2	1/2	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9
20	Гильг . . .	1/2	0	0	1	0	0	1/2	0	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	8
21	Томас . . .	1/2	1/2	0	1/2	1/2	0	0	0	0	1/2	0	0	0	1/2	1/2	0	0	0	0	1/2	0	—	6	
22	В. Менцинг . . .	0	0	0	1	0	0	0	0	1/2	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1/2	0	—	3	

рать матч с А. Алехиным. Матч не состоялся из-за денежных затруднений. В это же время чемпион мира А. Алехин в серии статей, опубликованных в «Citadelle мирового еврейства» – Нью-Йорке с восхищением писал о творчестве А. Нимцовича. Из других успехов отметим почти стопроцентный результат Нимцовича в 1926 г. в Дрездене где он опередил Алехина, Рубинштейна, Тартаковера и других, а в том же году в Ганновере обошел Рубинштейна. В 1925 году вместе с Тартаковером вышел победителем в Мариенбаде. С тем же Тартаковером делил первые места в 1927 году в Лондоне и в Ниендорфе. Победил в 1928 году в Берлине, опередив Боголюбова. Был вторым (наравне с Л. Штейнером), но после Алехина в 1927 году в Кечкемете, а

также вторым, опять после чемпиона мира в Сан-Ремо (1930 г.). В гроссмейстер-турнире в Берлине 1928 г. (*Капа, Нимцович, Шпильман, Рубинштейн, Тартаковер, Рети, Маршалл*) – занял второе место после Капы. Как видим, практические успехи Нимцовича были велики, но устроить свой матч с Алехиным он не сумел. Горечь непризнания отравила его последние годы.

После своей победы в Карлсбаде Нимцович писал: «Шахматный мир должен организовать матч между чемпионом мира и победителем турнира – это его моральная обязанность. И если он окажется глух к своей обязанности, это будет ничем не оправданным упущением, которое ляжет на шахматный мир тяжким укором». Бедный, наивный романтик – мир был, как всегда, глух и слеп. Пожалуй, что именно в 1929 году Нимцович мог оказаться действительно достойным соперником Алехина. Их счет к этому времени был вполне приемлемым: +5, –3, =9 в пользу Алехина. После Карлсбада счет резко возрос в пользу чемпиона мира – четыре безответных поражения. Видимо имело место психологическая несовместимость. С другой стороны, к этому времени Нимцович стал выигрывать партию за партией у Боголюбова – с 1929 по 1934 он взял у него четыре очка из пяти, с 1928 года сыграл с Капой четыре ничейные партии, где мог, по крайней мере, один раз размочить свой сухой счет – в Бад-Киссингене. Результат встреч с Эйве полтора очка из двух; с Флором – два с половиной из трех. А ведь через год Эйве победил Алехина, а Флор считался одним из кандидатов на первенство мира. Современники считали Нимцовича кандидатом более достойным, чем Боголюбов, хотя в матчах Нимцович был не особенно силен. Стоит привести чуть ли не анекдотичный счет матча Нимцовича с мастером Паулем Леонгардтом, занявшим последнее место в турнире в Сан-Себастьяне в 1911 году. В этом же году в Гамбурге матч между ними закончился со счетом +5, –0, =1 в пользу немецкого мастера!

Нимцович много сделал для прогресса шахматной мысли. В ряде статей, ещё до I Мировой войны, он выступил против «догматизма» З. Тарраша. Таким образом, мы видим, что критика «еврейских» шахмат исходила от еврейских же шахматистов. Свою теорию А. Нимцович изложил в ряде книг – «Блокада», «Моя система», «Моя система на практике». Эти его труды неоднократно переиздавались на многих языках мира, в том числе и на русском. «Моя система», по признанию чемпионов мира Т. Петросяна, Б. Спасского и А. Карпова была их настольной книгой.

Нимцович принял участие в дискуссии по поводу «ничейной смерти» в шахматах. Естественно, он в это не верил, а шахматистов, избе-

гавших обострений, с иронией прозвал в советской прессе «комиссарами безопасности», заменяя, по его мнению, довольно неудачное слово «ничейный игрок». (*Перепечатка из «Wiener Schachzeitung», №4, 1929 г. в «Шахматном листке», Л., 1929, с.66-67*) Как этот «фокус» прошел для сотрудников редакции – непонятно. (*В этом же году высылки Л.Д. Троицкого прошла дискуссия о качестве шахматных журналов и один аноним требовал, чтобы было поменьше политических статей, привязывающих нейтральные шахматы к идеологии. Девиз: «Поменьше «крыленки» и больше партий и анализов!»* Думаю, что наркомюст, не без иронии процитировал крамолу. *«Шахматы и шашки в массы» в 1932 году (с.186) писали по поводу юморески Евг. Бермонта, что он де «не понимает, что проповедовать аполитизм в шахматном движении, проповедовать, что сидя за шахматной доской, шахматисты должны раздумывать только о борьбе черных с белыми и забывать о шахматной борьбе, – это значит проповедовать типичный вид махрового оппортунизма, который одинаково вреден, где бы он не проявлялся, в том числе и на шахматном участке культурного фронта. Несколько запутанно, но это точная цитата.*)

Имя Нимцовича носят предложенные им дебюты и дебютные системы. Самая популярная защита нашего времени – «Защита Нимцовича». Имеется также «Дебют Нимцовича» и многие иные системы, названные его именем – во французской защите, защите Филидора, защите Каро-Канн и в ряде других дебютов.

Возвращаясь к личности Арона Исаевича, можно указать на то, что он был мизантропом. Е.А. Зноско-Боровский вспоминал, что Нимцович балансировал на грани безумия. Брат Нимцовича «поправил» Зноско, сказав, что врачи успокаивали родителей и говорили, что их сыну «ничего не грозит». Сам же Нимцович был уверен, в неизбежности сумасшествия. Ф. Палич – автор статьи в «Deutsche Schachzeitung» довольно откровенно говорит о его психической неустойчивости, не отрицая таланта: «Нимцович – не только талантливый шахматный маэстро. В лице Нимцовича мы, несомненно, имеем своеобразно одаренную натуру, полную противоречий. Он сам говорит про себя, что не может солидаризироваться с другими в своих чувствах и настроениях, а, наоборот, невольно становится в оппозицию к обыденному. Не сказывается ли в этом болезненное нервное расстройство, которое вызывает у Нимцовича чувство одиночества и часто заставляет его считать себя окруженным со всех сторон враждой и преследованиями? Отсюда его пессимистическое мирозерцание и

его общеизвестная нервная раздражительность во время турнирной игры». ²¹⁷ В этом же номере близкий знакомый Нимцовича Бенями́н Маркович Блюменфельд – шахматный мастер и автор работ по шахматной психологии с горечью подтверждает диагноз Палича и пророчески предрекает: «В сущности, он (Нимцович) принадлежит к породе неудачников, то есть людей, не осуществивших всех своих возможностей. А возможности эти у него были большие. ... Были? ... Или Нимцович еще не сказал своего “последнего слова?”» Увы, нет... Даже после Карлсбада 1929 года его мечты не осуществились. Не было у него «еврейской жилки» устраивать собственные дела. В итоге неудачи подорвали его здоровье.

Жизнь Нимцовича оборвалась безвременно на 49 году. Скончался он в Копенгагене. В 1937 году на родине Нимцовича в Латвии, в Кемери проходил сильный международный турнир: Алехин, Флор, Файн, Керес, Петров, Решевский, Тартаковер и др. Вышеупомянутый брат Нимцовича учредил приз за красоту в память гроссмейстера Нимцовича: большой серебряный кубок. Он достался Владимиру Петрову за его партию против Рельштаба. Партия действительно красива. И совсем неизвестно – спаслись ли от рук нацистов родственники великого новатора?

26. **Перлис Юлиус**, (1881–1913), уроженец Белостока, доктор медицины, получивший австрийское гражданство, слишком рано ушел из жизни в связи с трагической гибелью в Альпах при восхождении на горную вершину в условиях полного тумана. Он делил свою привязанность между шахматами и альпинизмом. «Когда поднимаешься на гору в туманное утро, – говорил он, – испытываешь чувство загадочной неизвестности, подобное тому, что иногда возникает в головоломной шахматной позиции». *(В дополнение к этому сравнению Перлиса, я хотел бы привести мысль А.И. Куприна – все-таки доктор Перлис был наш земляк. Ф.И. Дуз-Хотимирский в молодости увлекался астрономией. И даже вариант сицилианской защиты прозвал «вариантом «Дракона», по сходству с созвездием Дракона. Куприн на это заметил Дузу, что шахматная доска – это тот же небосвод, где взлетам мысли представлена бесконечность».* (Ф.И. Дуз-Хотимирский «Избранные партии», М., 1953, с.12.). Рассказ «Марабу» был написан позднее.

Юлиус Перлис

Звание мастера Перлис получил в Бармене в 1905 году. В грандиозном турнире в Остенде в 1907 году, при 36-ти участниках он

добрался до финала, заняв девятое место. Выше его в таблице были лишь претенденты на мировое первенство: Шлехтер, Мароци, Рубинштейн, Берн, Бернштейн, Тейхман, Маршал и Яновский. Перлис был также участником гроссмейстер-турнира в Сан-Себастьяне в 1912 году, где завоевал пятое место. В Петербурге, в 1909 году занял седьмое место.

27. Рабинович Абрам Исаакович (1878–1943). Родился в Вильно.

Журналист А. Рабинович

По профессии бухгалтер. Звание маэстро получил в 1909 году. В турнире мастеров в Вильно – разделил второе-третье места, наравне с фон-Фрейманом, позади А. Рубинштейна, но впереди Дуз-Хотимирского и Сальве. Участник двух международных турниров в Праге в 1908 и в Карлсбаде в 1911, где сыграл неудачно, но подтвердил звание мастера и выиграл у молодого Алехина. Эта партия приводится в одном из изданий «Учебника шахматной игры» Эм. Ласкера. В 1915 году Рабинович играл в турнире сильнейших московских шахматистов и разделил четвертое-пятое места.

Первым в этом турнире был Алехин, вторым – Ненароков. Участвуя во Всероссийской Олимпиаде 1920 года разделил 5-7 места с Н.Д. Григорьевым и А. И. Куббелем. Лучшие турнирные результаты были показаны в чемпионате Москвы, где он занял первое место в 1926 году и в турнире мастеров в 1930 – также первое место. Романовский писал, что у Абрама Рабиновича блеск и красота творчества сочетались с простотой и силой. Он организовал всероссийский турнир мастеров в Вильно в 1912 году. В 30-е годы редактировал шахматный отдел газеты «Вечерняя Москва». Как теоретик, известен открытием острейшего варианта испанской партии: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. 0–0 b5 6. Cb3 d6 7. Kg5 d5! Не вынеся тягот II Мировой войны, Рабинович скончался седьмого ноября 1943 года в Москве. По воспоминаниям Н.М. Зубарева, у Абрама Исааковича был брат – Григорий Рабинович, также сильный шахматист, убитый во время погрома в 1920 году при занятии Вильно поляками. Рабинович писал образцовые комментарии, но, увы, русский язык знал недостаточно хорошо. Для истории сохраним одну «бессмертную» фразу: «С полным изящества погромом». *(Сообщено одним шахматистом с довоенным стажем).*

28. **Рабинович Илья Леонтьевич** (1891–1942). Родился в Петербурге. По профессии преподаватель математики. Выдвинулся в турнирах Петербургского шахматного собрания. В 1911 году в побочном турнире памяти С.А. Зноско-Боровского разделил первое-второе места. В Виленском турнире любителей в 1912 г. получил четвертый приз. В 1914 году участвовал в Hauptturnir'e «А» в Мангейме и к моменту начала Мировой войны шел на первом месте, за что получил звание мастера. Интернированный в Триберге, он принимал участие в серии турниров русских военнопленных. В последнем шестом турнире – он финишировал первым впереди Боголюбова. В двух турнирах Рабинович был вторым, в одном – делил второе-третье места и в двух был третьим. Эти соревнования дали ему широкую и добротную школу. Вернувшись на родину, принял участие в чемпионате Петрограда 1920 г. и выиграл его. В 1925 году делил первое-четвертое места в первенстве Ленинграда, в 1928 году выиграл ленинградский чемпионат. Кроме того, он в чемпионатах Ленинграда 1922 и 1924 гг. был вторым, в – 1926 году делил второе-третье места. В чемпионате Северо-Западной области в 1926 году – первое место, в турнире ленинградских мастеров в 1934 г. – первое место. Успешно выступал в чемпионатах страны. В Олимпиаде 1920 г. занял четвертое место, в третьем первенстве СССР (1924 г.) – пятое место, в четвертом первенстве (1925 г.) – третье место, в седьмом первенстве (1933 г.) – третье-пятое места. В девятом (1934 г.) достиг вершины, разделив первое-второе места с Г.Я. Левенфишем и став чемпионом страны. В том же году в турнире с участием Эйве и Кмоха занял четвертое место, победив в личной встрече гроссмейстера Эйве. Рабинович, первым из советских мастеров принял участие в турнире за рубежом. В 1925 году в Баден-Бадене при 21 участнике, среди которых было 12 гроссмейстеров, занял седьмое место, впереди Нимцовича, Рети, Грюнфельда, Торре, Шпильмана, Тарраша, Мизеса и др. Тогда это считалось крупным успехом. И, действительно, впереди его были Алехин, Рубинштейн, Земиш, Боголюбов, Маршалл и Тартаковер – как видим, кроме Ф. Земиша – это единственный случайный успех в карьере Рабиновича, впереди были претенденты на мировое звание. Из других успехов отметим выигрыш матча у П. Романовского в 1920 г. с результатом +5, -1, =2.

Илья Рабинович

Рабинович – выдающийся теоретик. Ему принадлежат капитальные труды «Эндшпиль» и «Современный дебют». Относительно его личной биографии отметим, что в 1929 году он был лишен звания советского мастера из-за каких-то внутренних дрызг, правда, вскоре восстановлен. В осажденном Ленинграде Рабинович умирал от голода, но работал на радио, комментировал на немецком языке фронтовые известия, давал сеансы одновременной игры в госпиталях. Тяжело заболел дистрофией и был вывезен в город Киров, где и скончался. Памяти друга и соперника «заслуженный» мастер П. Романовский написал небольшую статью и дал подборку его партий.²¹⁸ *(По другим сведениям – он был вывезен из осажденного Ленинграда в город Молотов).*

29. Розенталь Самуил (Шмуэль) (1837 – 1902). Родился в пределах Российской империи в городе Сувалки.

Самуил Розенталь

Получил юридическое образование. Участвуя в польском восстании 1863, бежал во Францию, где стал заниматься журналистикой, преподаванием иностранных языков и стал профессиональным шахматистом.

Победами в турнирах кафе «Режанс» в 1865-1867 годах и в национальном турнире 1881 года завоевал репутацию сильнейшего шахматиста Франции. Участвовал в пяти международных турнирах. Лучший турнирный результат в Вене (1873 г.) – четвертое место позади титанов – В. Стейница, Дж. Блэкберна, А. Андерсена, но впереди Г. Берда, Л. Паульсена и других. В Лондонском международном турнире 1883 года получил специальный приз за красоту за победу над В. Стейнцем. Напомним, что он был родственником Ш. Винавера и который и пригласил его впервые участвовать в международном турнире, тем самым открыв его для мира шахмат. На протяжении десятков лет Розенталь был главным шахматным преподавателем Франции. Как с гордостью говорил, что его учениками были принц Жером Наполеон, знаменитый художник Мадразо, вероятно, из семейства Мадразо-Раймундо Мадразо-и-Гариета. С подачи своего ученика-испанца, был награжден орденом Карла III по ходатайству испанской колонии в Париже. Другими учениками Розенталья были миллионеры Перейра, Ротшильд и Лео Гольдшмит *(все миллионеры – евреи – выводы делайте самостоятельно!)*, но самым его любимым и талантливым учеником был глава кабинета министров Пьер-Эмануэль Тирар.²¹⁹ Были у Розенталья и русские ученики. Так, некий Балашов в

1885 году поступил в ученье к маэстро за 8000 франковых годовых. Розенталь и Балашов вместе путешествовали, а потом рассорились, и

Сеанс одновременной игры С. Розенталя. Рис. Louis Tinayre.

маэстро через суд требовал 25 тысяч франков компенсации. (*«Русские ведомости»* 25 ноября), (7 декабря 1885) – подборка Абрама Блоха – *«Шахматное обозрение»*, 1998, №11, с.51).

30. **Рети Рихард** (1889–1929) – выдающийся шахматный теоретик, один из создателей школы «гипермодернизма» (наряду с Г. Брейером и С. Тартаковым). Автор дебюта, носящего его имя. Как этюдист он «покрыл себя неувядаемой славой». ²²⁰ Глубокая идейность и художественный блеск составляли отличительную черту творчества этого шахматиста, безвременно скончавшегося в возрасте 40 лет. Родился Рети в местечке Печинок, неподалеку от Пресбурга (тогда Австро-Венгрия), а первым наставником был некто Иенё Смогрович. Национальная судьба Рети – сродни судьбе Р. Харузека. По словам С. Тартакова и ленинградского мастера Д. Ровнера, Рети числился – венгерским шахматистом, не знающим венгерского языка. По словам же Флора не знающим ни чешского, ни словацкого языков. Но это не помешало Рети вывезти из Москвы красавицу-жену – юную дочь поэта Сергея

Рихард Рети

Городецкого, а, следовательно, Рихард немного говорил по-русски. Изучал математику в Венском университете и, с этой точки зрения, он «сын» империи Франца-Йосифа. Все, писавшие о Рети, отмечали его высокую культуру, доброжелательность, и обаяние в общении и полное отсутствие снобизма. Василий Панов отмечал в воспоминаниях «... об обаятельном Рихарде Рети, напоминавшем мне коренастым сложением, густой черной растительностью и узкими сверкающими глазами добродушного, говорящего медведя из русских сказок. Это был автор прогремевшей в шахматном мире книжки «Новые идеи в шахматной игре», остроумных статей, комментариев и блестящих этюдов». (*В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.21*) По воспоминаниям Ф. Маршалла Рети хромал и, поэтому, склонный к полноте, он и в самом деле еще более походил на добродушного плюшевого медвежонка.

Современные шахматы немыслимы без идей Р. Рети. Он был блестящим шахматным журналистом, оставил учебник с нестареющими идеями шахматной игры, переиздаваемый до сих пор. Лучшие успехи Р. Рети: Кашау (1918 г.) – турнир, посвященной памяти Харузека (*В этом городе Харузек учился*) – первое место без поражений, впереди К. Шлехтера, М. Видмара, Я. Мизеса, Г. Брейера, Э. Грюнфельда и других, 10 очков из 11(!); в Гётеборге (1920 г.) – в первом послевоенном турнире занял первое место, опередив А. Рубинштейна, Е. Боголюбова, Я. Мизеса, З. Тарраша, С. Тартаковера, М. Эйве и других. С этого времени Рети – признанный гроссмейстер. Следующие выступления лишь подтверждают это. Теплиц-Шенау (1922 г.) – делёж первого-второго мест с Р. Шпильманом, впереди Э. Грюнфельда, С. Тартаковера, А. Рубинштейна и других; Острава-Моравская (1923 г.) – второе место, позади великого Э. Ласкера, но впереди семи гроссмейстеров и пяти мастеров; в Нью-Йорском гроссмейстер-турнире при одиннадцати участниках в два круга занял пятое место (*позади Э. Ласкера, Х-Р. Капабланки, А. Алехина, Ф. Маршалла*), выиграв сенсационную партию у «непобедимого» Капабланки. Незадолго до смерти в 1928 году четырёхжды побеждал в турнирах – в Вене, Стокгольме, Гиссене и Брно. В 1925 году установил мировой рекорд в сеансе одновременной игры вслепую. Преждевременная смерть прервала блестящую карьеру одного из самых интересных шахматистов в истории.

По признанию А. Алехина, Р. Рети был единственным гроссмейстером, который нередко ошеломлял его своими ходами, что не мешало Алехину забросать грязью своего покойного друга. Общий

счёт встреч Р. Рети и А. Алехина, не говорит о подавляющем превосходстве чемпиона мира: +1, -3, =4.

С.Г. Тартаковер – единомышленник Рети, однажды высказался критически в адрес друга, назвав его «Лже-пророком нового искусства»: «В чем разница между сильной и слабой игрой? – спросили его. «Там, где для слабого игрока все ясно, там для сильного – все тайна!», – глагол глубокомысленный ответ.

Но человек, видящий повсюду только таинственность и не признающий поэтому очевидного хода событий, стремится не к правде, а к правдоподобию, или, чтобы краткой формулой охарактеризовать его цели – он ищет не ложь прады, а правду лжи!!!

И как ни тонко, как не **гениально** найденное таким пророком, но это все-таки ложь». (С.Г. Тартаковер «Кто они?» – «Шахматный листок», 1925, №20, с.295). Это кажущееся противоречие: даже в одном лагере ведется борьба за лидерство. Впрочем, на личных отношениях острые подколки не поколебали дружбы. Конечно же, Тартаковер признавал гениальность своего бывшего ученика: «Но величайшей его победой надо... признать его книгу «Новые идеи в шахматах» (Вена, 1921 г.), революционизировавшую до основания весь шахматный мир и с тех пор пустившую глубокие корни в подсознании почти всех шахматно мыслящих кругов». (С.Г. Тартаковер «Ультра-современная шахматная партия», Л-М., 1925, ч.2, Л-М, с.59)

Современник писал о чрезвычайно общительном, серьезном, высококультурном человеке, свободно владеющим многими языками. Абсолютно лишенный снобизма, Рети располагал к себе людей. Даже минутный разговор с ним пленял собеседника. Что же касается литературного стиля, а писал Рети по-немецки, то ему может позавидовать любой мастер пера. Это неполный пересказ статьи Я.Рохлина «Рети как человек и литератор» («Шахматный листок», 1929, №12, с.179). Действительно Рихард Рети – истинное дитё Австро-Венгрии, недаром Рохлин называет его венгерским(!?) шахматистом, что несколько нелепо. Постоянной квартиры в Праге у Рети не было, он чаще всего останавливался в гостинице. Мать и брат жили в Вене.

Умер Рети от осложнений после скарлатины, которая редко поражает людей 40-летнего возраста. Его красавица-жена Рагнеда не отходила от постели любимого... И ещё. Безумно жаль ушедшего гения, но мне обидно и за «сущую мелочь»: как бы сыграли между собой, ушедший из жизни чемпион Чехословакии и только входящий в большие шахма-

ты Саломон Флор? Жаль, что нам этого не узнать. Не надо умирать преждевременно... Не надо... К 40-летию смерти Рети стараниями М. Эйве в Голландии (*г. Бладель*) был организован турнир памяти гроссмейстера, состоящий из лиц, знавших лично гения. Старейшим участником был 77-летний Карел Опоченский. Пригласили голландцы и вдову шахматиста – Рагнеду Городецкую. Хорошая традиция!

Добавлю что, если пытливого читателя интересует фамилия шахматиста – «Рети», то это еврейская фамилия. Так в Австро-Венгрии жил еврей – «венгерский математик» Мориц Рети (1846 –?), член венгерской Академии наук, автор многих теоретических работ.

Был еще один Рети Пал (*Rethy Pal*) (1905–1962), – венгерский шахматист, родом из Трансильвании. Участвовал в турнирах 30-х годов. И, как ни странно, принял участие в нацистском турнире в Мюнхене в 1941 году.

31. Ротлеви Герш А. (1889–1920) – один из талантливейших учеников Лодзинской школы. Во Всероссийском турнире любителей (1909 г.) занял второе место, уступив первое место Алехину. В Гамбурге (1910 г.) на XVII-м конгрессе Германского шахматного союза, в «главном» турнире взял первое место. Лучшее международное достижения – четвертое место на грандиозном турнире в Карлсбаде (1911 г.), отстав от Р. Тейхмана, А. Рубинштейна, К. Шлехтера, но опередив Ф. Маршалла, А. Нимцовича, М. Видмара, А.

Герш Ротлеви

Алехина и многих других. В том же году выиграл матч у Г. Сальве с результатом +3, –1, =6. В связи с психическим заболеванием отошёл от шахмат. Ф.И. Дуз-Хотимирский в своих мемуарах отметил талант лодзинского шахматиста и его почти неописуемую нищету...

Акиба Рубинштейн

32. Рубинштейн Акиба Кивелевич (1882–1961) – крупнейший шахматист России и Польши накануне начала I Мировой войны. Неспоримый претендент на звание чемпиона мира против Э. Ласкера и Х-Р. Капабланки. К сожалению, из-за денежных затруднений матчи не состоялись. «Творчество Рубинштейна осталось неизгладимый след в истории шахмат».²²¹

Акиба Рубинштейн родился в местечке Стависки Ломжинской губернии в русской Польше. С шахматами познакомился поздно – в 15 лет. Учился в ешиве и приобрел учебник на ив-

рите. Его заметил инженер Баргашевич, который протезировал начинающему шахматисту. В 1903 г. Рубинштейн переехал в Лодзь. Летом того же года «Лодзинское шахматное общество» организовало матч с его учителем Г.С. Сальве, который окончился вничью. Успехи следовали один за другим, и в течение нескольких лет Рубинштейн стал одним из сильнейших мастеров в мире. Он обогатил и развил учение В. Стейница, открыл новую страницу в теории эндшпиля, особенно ладейных окончаний, создал неуязвимые системы в защите Нимцовича, дебюте четырех коней, сицилианской и французской защитах, в меранской системе ферзевого гамбита, в защите Тарраша. Послужной список Рубинштейна впечатляющ: он выиграл все матчи против Г.С. Сальве (кроме первого, окончившегося вничью), Я. Мизеса, Ф. Маршалла, Р. Тейхмана, А. Флямберга, К. Шлехтера и Е. Боголюбова. Победил на протяжении своей карьеры в шестнадцати значительных турнирах. Наиболее важные победы он одержал в 1912 году – четыре победы в турнирах суперкласса: Сан-Себастьян – двухкруговой турнир при одиннадцати участниках – опередив А. Нимцовича, Р. Шпильмана, З. Тарраша, К. Шлехтера, Р. Тейхмана и других; Пестьян – четырнадцать очков из семнадцати; отрыв от второго призера Р. Шпильмана – 2,5 очка; Бреславль первое-второе места наравне с О. Дурасом, опередив Р. Тейхмана, Тарраша и других; и, наконец, во Всероссийском турнире в Вильно: обошел О. Бернштейна, С. Левитского, А. Нимцовича, А. Алехина, выиграв у последнего две поучительные партии. Ещё в 1909 году в Петербургском турнире А. Рубинштейн разделил с чемпионом мира Эм. Ласкером первое-второе места, выиграв личную встречу. Это давало формальный повод вызвать Эм. Ласкера на матч, но Акиба Рубинштейн был непрактичным человеком и такой возможностью он не сумел воспользоваться.

К 1911 году Рубинштейн был, несомненно, сильнейшим из претендентов. В феврале 1911 года в журнале «Deutsche Schachzeitung» № 2 опубликовали таблицу состояния шахматного рейтинга сильнейших шахматистов. Первое место занимал с отрывом Эм. Ласкер – 68,54% набранных очков. На втором месте Акиба Рубинштейн – 58, 14%, впереди Тарраша, имеющего 56,14%. Далее в нисходящем порядке – Мароци, Шлехтер, Дурас, Маршалл, Яновский. После четырех побед Рубинштейна в 1912 году его рейтинг взлетел еще выше и достиг отметки 65,2 %, резко приблизившись к рейтингу чемпиона мира, который за это время не сыграл ни одной партии.

Здоровье А. Рубинштейна резко ухудшилось после Первой Мировой войны. Возможно, зверства отступающих русских частей и принуди-

тельная эвакуация еврейского населения из прифронтовой полосы повлияли на него. Психическое состояние ухудшилось, и хотя в Вене (1922 г.) он первенствовал, опередив побежденного А. Алехина, а также Е. Боголюбова, С. Тартаковера и других, но не сумел организовать ни матча с Эм. Ласкером, ни с Х-Р. Капабланкой, которому в Сан-Себастьяне нанес жестокое поражение. Тартаковер писал о благородной личности Рубинштейна, так много давшего шахматному миру и так мало получившего от него!²²²

На Олимпиаде 1930 года в Гамбурге Рубинштейн на первой доске не пропустил ни одного матча и набрал 15 очков из 17 (+13, -0, =4). На шахматной Олимпиаде в 1931 году он выиграл у претендента Е. Боголюбова. Это была их последняя встреча. Последние 30 лет жизни Рубинштейн провёл в Брюсселе в специальной лечебнице. В годы оккупации бельгийцы спасли его от нацистов. Макс Эйве рассказывает несколько странную историю о польском чемпионе: «Очень мирный человек, который все-таки был не в своем уме. В начале 30-х годов он жил в Нидерландах... В конце концов, в Бельгии он попал в закрытое заведение для душевнобольных. Во время войны там многие спасались таким образом. Рассказывают, что нацисты не верили ему и спрашивали:

- Вы довольны вашим содержанием здесь?
- Собственно говоря, нет, - отвечал Рубинштейн.
- Не хотите ли вы поехать в Германию, чтобы послужить вермахту?
- С удовольствием, - был ответ.

«Явно помешан!», - гласило медицинское заключение. («Интервью с Эйве» - «Шахматы в СССР», М., 1981, №10, с.32.). В этом рассказе странно, что нацистов останавливала невменяемость кого бы то ни было, а уж евреев - тем паче. Под Ленинградом, в селе Никольском,

Карикатура на Рубинштейна из парижской статьи Алехина

немцы в 1941 г. расстреляли весь дом для умалишенных: и персонал, и больных...

В последний раз публично Рубинштейн выступал в сеансе одновременной игры в Льеже 24 марта 1946 года, показав неплохой результат: +24, -2, =4. В статье А. Алехина имеется карикатура, выполненная в антисемитском духе. Акиба Рубинштейн получил традиционное еврейское образование, блестяще знал «лошенкойдеш» (древнееврейский язык) и написал приветственную статью в первый ивритоязычный шахматный журнал (1923 г.), вышедший в Палестине.

Нелишне отметить, что М.И. Чигорин высоко ценил Рубинштейна и на заре его карьеры предсказал будущие успехи. Сам же Рубинштейн так отзывался о Михаиле Ивановиче: «Разрушая нездоровое, он в то же время внес в теорию дебютов так много нового, как никто другой».

В Израиле я познакомился с литовским мастером Исааком Ильичем Вистанецким (1910–2000). В 1931 году, после победы Польши в турнире наций, где Рубинштейн возглавлял команду и сыграл с прекрасным результатом, Вистанецкис решил взять интервью у героя олимпиады для литовских газет. В помощь он привлек С.Г. Тартаковера. По договоренности они прибыли в гостиницу, где их встретил молчаливый Акиба. Разговор шел на идиш. Впрочем, разговором эту встречу назвать нельзя. На вопросы Вистанецкиса он отвечал односложно: да-нет. А после вопроса, почему Ласкер играл матчи на первенство мира с Маршаллом и Яновским за тысячу долларов, а с Рубинштейна требовал пять тысяч – вообще замкнулся. Тогда Тартаковер высказал предположение: «Возможно, он тебя боялся?». Рубинштейн, после долгого молчания сказал на идиш: «Муст зайн» (*должно быть*)...

Популярность Акибы Кивелевича среди евреев была огромна. Шолом-Алейхем написал «шахматный» рассказ в духе Н. Лескова, где главный герой, «заядлый» шахматист носит фамилию Рубинштейна. «Фамилия Рубинштейн известна всему свету, и, наоборот, хотелось бы увидеть хоть одного Рубинштейна, который не был бы шахматистом». Кредо литературного шахматиста поразительно: «... настоящего шахматиста сама игра интересует куда больше, чем выигрыш или проигрыш. Для настоящего шахматиста не существует партнера, а существует только игра...».²²³

Заглянуть во внутренний мир Рубинштейна чрезвычайно тяжело. Но однажды, отвечая на анкету «Wiener Schachzeitung» под названием «Как я сделался маэстро» он неожиданно немного приоткрылся:

«Шахматную игру мне показали еще в хедере, когда мне было четырнадцать лет. Теорией я стал заниматься с шестнадцатити лет. Тогда мне случилось поехать в Лодзь, где жил известный маэстро Сальве. У него я усовершенствовался; я, так сказать, был у него в учении. Я почувствовал склонность к шахматам и талант. У меня необыкновенно хорошая память. Например, я и теперь помню все партии, которые я сыграл за 21 год, т.е. сыгранные с того времени, как я стал маэстро. Памяти на имена, на места у меня нет никакой; у меня только специально шахматная память.

Меня привлекает эстетическое наслаждение. Красивая комбинация доставляет мне эстетическое наслаждение, приводит меня, так сказать, в лихорадочное состояние.

Шахматы не только искусство, но и наука. Победа и все другое в шахматах основано на знании. Слабые стороны противника, обладание полями и т.д. – все это относится к научной стороне шахматной игры».²²⁴ Как видим, взгляды Рубинштейна на шахматы родственны всем «творческим шахматистам» и Алехин среди них не исключение... Из многочисленного наследия гениального шахматиста я выше всего ценю партию против Эм. Ласкера из турнира памяти Чигорина. По выражению Левенфиша – она жемчужина шахматного искусства.

33. Сальве Георгий Соломонович (Георг Хенрик) (1862–1920) –

Григорий Сальве
рис. Л. Киприановича.

один из сильнейших шахматистов России и Польши. Был крупным фабрикантом. Лишь в двадцатилетнем возрасте научился играть в шахматы и лишь в сорок (!) лет впервые играл в турнире. В четвертом Всероссийском турнире (1905/1906 гг.) был первым. В Лодзинских турнирах (1903 г., 1905 г.) делил первые места со своим учеником А. Рубинштейном. Лучшее международное достижение Г. Сальве – второе место в Дюссельдорфе (1908 г., 16 участников), ниже Ф. Маршалла, но выше Р. Шпильмана, Я. Мизеса и других. Г. Сальве – основатель Лодзинской шахматной школы, из рядов которой вышел А. Рубинштейн. Польское шахматное движение многим обязано Сальве. Он, заняв первое место в четвертом Всероссийском турнире и, считая, что это произошло из-за несправедливого отношения турнирного комитета к Чигорину, заставившего того покинуть соревнование, вызвал последнего на матч. Матч происходил в Лодзи и закончился со счетом +7, –5, =3 в пользу Михаила Ивановича. «Нет мастера, поражение в партии с которым было бы менее досадно, чем поражение при встрече с Чигориным» – заявил Сальве. Перед Петербургским турниром памяти Чигорина (1909) Эм. Ласкер в статье о предстоящем соревновании выделил самого старого участника турнира – Сальве, назвав его мастером защиты и создателем шахматной школы.²²⁵

Григорий Яковлевич Левенфиш вспоминал о своем знакомом: «Добродушный Сальве стал выступать только на 41-ом году жизни и вскоре добился крупных успехов.

Он был духовным руководителем лодзинского общества любителей шахматной игры. Замечательный практик, он совершенно не интересовался книжной теорией, что не помешало ему, однако, воспитать целую плеяду учеников – Рубинштейна, Ротлеви, Даношевского и других. В 1907 году он играл в турнире на курорте в Остенде. У входа в здание администрации на нижней ступеньке лестницы была высечена латинская надпись *Salve* (добро пожаловать). Тейхману не потребовалось особого труда убедить Сальве, что надпись сделана в его честь, и лодзинский мастер был весьма польщен вниманием к нему бельгийской администрации». (Г.Я. Левенфиш *Избранные партии и воспоминания*, М., 1967, с.10)

То, что Лодзинскую шахматную школу в основном представляло собой еврейство, подтверждается и тем, что Сальве был издателем первой и, кажется, единственной еврейской (на идиш) шахматной газеты: «Эрште идише шахцейтунг» (*Первая шахматная еврейская газета*). Выходила она раз в две недели, но, увы, вышло всего три номера в октябре-ноябре 1913 года. На страницах газеты были статьи о еврейских шахматистах – об Эм. Ласкере, о Рубинштейне, отдельные партии и композиции. До этого была попытка по-английски издавать в Чикаго в 1907 году недолговечный журнал «Jewish chess magazine».

34. Тарраш Зигберт (1862–1934) – один из крупнейших шахматистов конца XIX-го – начала XX века. Если переписать результаты германского чемпиона по современной таблице Эло, то рейтинг выводил Тарраша чуть ли не на протяжении двадцати лет до начала I Мировой войны на второе место, после Ласкера. Крупнейший популяризатор стейницевского учения. Постоянный объект советской шахматной критики 40-50-х годов, когда ему было уготовлено в истории шахмат место, аналогичное местам Вейсмана и Моргана в биологии. Даже «Шахматный словарь» 1964 года оперирует такими понятиями, как «усугубил догматизм Стейница», «Тарраш выступал врагом всего нового, прогрессивного, двигающего шахматную мысль вперед». Первая объек-

Зигберт Тарраш

тивная оценка творчества Тарраша дана в книге Я.И. Нейштадта «Зигберт Тарраш» (М, 1983 г.). Естественно по терминологии А. Алехина, Тарраш – представитель «еврейских шахмат».

Тарраш внес громадный вклад в дебютную теорию шахмат. Его «защита Тарраша», равно как упорная защита открытого варианта испанской партии, представляют собой самые, что ни на есть, «арийские шахматы», ибо они зиждутся на активной контригре. Тарраш – учитель германских шахматистов на протяжении его почти полувековой деятельности. Девять раз Тарраш выходил победителем в международных турнирах. Он свёл вничью матчи с М. Чигориным и К. Шлехтером, выиграл с разгромным счетом у Маршалла, победил в коротком матче за первый приз Пильсбери (Вена, 1898 г.). В матче на первенство мира с Эм. Ласкером дважды уступал (1908 г., 1916 г.), но это было, когда его лучшие годы были позади.

В строгом смысле слова, Тарраш никогда не был шахматным профессионалом – долгие годы он занимался врачебной практикой, специализировался на терапии и занимался гипнозом. Последнее обстоятельство опровергает теорию о гипнотическом влиянии на партнера, ибо в противном случае доктор Тарраш был бы непобедим. Он был известен в медицинских кругах статьями по школьной гигиене, ратовал за введения преподавания шахматной игры в школе, как обязательного предмета. По мнению Тарраша шахматы развивают ум, учат терпению, способствуют развитию соображения и фантазии. В конце концов, шахматы доставляют удовольствие, что отвечает требованиям «разумной» педагогики.²²⁶

Тарраш углубил учение Стейница, отказавшись от крайностей **Первопроходца**. В 1891 году Тарраш написал не вполне доброжелательный фельетон, где высмеял некоторые экстравагантности тогдашнего чемпиона мира. Упорство Стейница, игравшего подозрительные дебюты в телеграфном матче с Чигориным, позволило Таррашу издевательски отметить пристрастие того к ходам Kg1, Kg8 и Kh3. В февральском номере «Deutsche Schachzeitung» за 1891 г. он опубликовал фельетон под названием «Шахматы будущего». Действие якобы происходит в Магдебургском турнире 20 июля 1920 года. Белыми играет игрок под «№ 4», черными – «№ 13». Дебют имеет название «Правильный» с первым ходом Kf3, который в настоящее время называется началом Цукерторта. Черные отвечают Kf6. Затем белые и черные выводят коней соответственно на c3 и c6, а далее переводят их обратно на начальные поля, делаются также ходы Ka3 и Kh3 белыми, а черными Ка6 и Kh6.

В конце концов, противники достигают вновь начального положения и на 8 ходу, по предложению черных, партнеры соглашаются на ничью. Все это сопровождается комментариями типа: «Гениально!», «Противники оказались достойными друг друга, ни один не желает ходом пешки открыть у себя брешь», так как пешки назад не ходят. Все эти отступления коней на начальные и боковые поля сделаны «ранее великим игроком прошлого столетия, употребившем их в его знаменитом матче по телеграфу» и т.д.²²⁷

Футурология – вещь неблагоприятная: Тарраш дожил до времени, когда стараниями Рети «Дебют будущего» стал ординарным началом на международных турнирах. Но еще раньше, в 1904 году «студент» А. Нимцович играет против Метра экстравагантное начало, так что «германский учитель» «... скрестив руки на груди, внезапно изрек: «Н и к о г д а в жизни после 10 хода я не стоял в такой степени на в ы и г р ы ш, как в данном случае». (Цит. по книге Нимцовича «Как я стал гроссмейстером». Разрядка Нимцовича.) Между прочим, партия окончилась вничью. А в Вене в 1905 году, играя белыми против Адольфа Альбина, молодой Нимцович неожиданно получил дебютный урок следующего порядка: 1. e4 Kf6, 2. e5 Kg8. И это было задолго до Кляцкина и Алехина... Что же касается хода Kh3 в «Защите двух коней», то после Стейница его с успехом применял Роберт Фишер – классик шахмат.

Нацисты, придя к власти, закрыли шахматный журнал, издаваемый **Учителем германских шахматистов**, изгнали Зигберта Тарраша, потерявшего сына в первой Мировой войне при защите Фатерланда, из членов шахматного союза, и не допускали в шахматные клубы. Запретили заниматься врачебной практикой. Имеются сведения, что Тарраш не вынес мук нацистского режима и принял яд, добровольно уйдя из жизни. Травля Алехиным уже покойного мастера, по крайней мере, некорректна.

Отношение же Тарраша к русским шахматистам было безупречным. Он писал о Чигорине: «Нет никого, кому бы так мало благоприятствовало турнирное счастье, как Чигорину, но нет никого, кто так мало нуждался бы в турнирном счастье, как Чигорин». Об Алехине он отзывался самым высоким образом, считая его гением. К сожалению, не отмечено в советской прессе, что после грандиозной победы Алехина в Баден-Бадене альтмейстер считал шансы русского гроссмейстера в борьбе против Капабланки предпочтительней, чем у доктора Фауста. А это свидетельствует об объективности ста-

рого мастера. Основание для этого утверждения служит сравнение партий Алехина из турнира в Баден-Бадене с качеством партий чемпиона мира в Нью-Йорке, а затем и в Москве.

Следует добавить, и это вполне справедливо, что д-р Тарраш был сварливым человеком – словесно и письменно он расточал не только похвалы. Он находился в скверных отношениях с Нимцовичем. Так Тарраш нетактично протестовал против включения в Гамбургский турнир 1910 года таких «слабых игроков», как молодых Алехина и Ейтс (Yates.) Месть Каиссы, как известно, утонченна. Фред Ейтс, хотя и занял последнее место, но выиграл единственную партию именно у Тарраша, а Алехин, хотя и проиграл Таррашу (в первый и единственный раз в жизни) занял в таблице место выше «Германского учителя». Доставалась от него и иудеям. В том же Гамбурге должен был проводиться пятнадцатый шахматный конгресс Германского союза, а также состояться турнир семи корифеев. Вот их имена: Ласкер, Мароци, Шлехтер, Тарраш, Маршалл, Яновский и Рубинштейн. По разным обстоятельствам отказались трое – Яновский, Мароци и Ласкер. По совету Ласкера и Шлехтера организационный комитет пригласил О.С. Бернштейна. Тарраш заявил, что он отказывается участвовать, так как квалификация Бернштейна, мол, недостаточна для участия в турнире суперкласса. Тогда вместо турнира «Чемпионов» был проведен вышеупомянутый турнир, где Тарраш разделил девятое-десятое места с Форгачем при семнадцати участниках.

Также весьма любопытен один документ, исходящий от Санкт-Петербургского шахматного собрания от 12 февраля 1913 года следующего странного содержания: «Общее собрание членов 12 с. м. (сего месяца), ознакомившись с характеристикой покойного М.И. Чигорина и некоторых других маэстро, данной доктором Таррашем в его недавно вышедшей книге: «Die moderne Schachpartie» постановило:

1) Выразить свое глубокое сожаление по поводу того, что автор нашел возможным в недопустимом тоне коснуться некоторых интимных сторон жизни М.И. Чигорина, что представляется особенно прискорбным в таком серьезном, рассчитанном на большой круг читателей труде, каким является книга г. Тарраша.

2) Обратить внимание на то обстоятельство, что и отзывы доктора Тарраша о Стейнице, Пильсбери и Шифферсе содержат неуместные указания интимного свойства.

3) Довести о настоящем своем постановлении до сведения шахматного мира путем сообщения его в главнейшие шахматные органы»...²²⁸

Здесь для меня все неясно. «Указания интимного свойства» – были общеизвестны. Так, в 1908 году в «Ниве» была опубликована статья личного друга Чигорина актера и писателя Григория Ге, где вещи названы своими именами: Чигорин – алкоголик, а Стейниц, Пильсбери и Шифферс окончили свои дни в «сумасшедшем доме».

Вероятно, инцидент был исчерпан, ибо доктор Тарраш получил приглашения играть в знаменитом петербургском турнире 1914 года. Добавим, что по неизвестной причине Тарраш не играл в Петербурге в турнире памяти Чигорина в 1909 году. Возможно, это было связано с его поражением в матче за мировое первенство, как раз состоявшемся в конце 1908 года. Но интересно, что конкретно писал Тарраш о своих современниках. Спустя свыше 70-ти лет был сделан перевод нескольких статей германского чемпиона, которые были выпущены в 1926 году при издании его книги «Современная партия». Возможно, издатель Владимир Иванович Ненароков счел их несущественными. «Шахматное обозрение», № 9 за 1998 год опубликовала недостающую часть в переводе Абрама Фигнера. *(Какая славная фамилия в русской истории!)*

Надо сказать, что неприятное впечатление производит статья о мастере средней силы, но известном шахматном журналисте Леопольде Гоффере, о котором у нас отдельный рассказ. Еврей, родившийся в Будапеште и перехавший в Лондон во время франко-прусской войны из Парижа. Он организовал Парижский международный турнир 1867 года, а также устраивал всевозможные шахматные аттракции – сеансы одновременной игры, лекции и т.п. Он был редактором шахматных отделов во многих газетах и одним из лидеров Британского шахматного союза. Тарраш обвиняет Гоффера, что тот становится ярым джингоистом: «...он старался, чтобы его происхождение было забыто, и пытался стать большим англичанином, чем сами англичане». Писано это Таррашем уже после Великой войны и текст «попахивает» немецкой мольбой к Всевышнему: «Боже, покарай Англию!» Тарраш обвиняет Гоффера в интригах против Стейница, и своего же закадычного друга Цукерторта, явно что-то недоговаривая, и, понятно, против самого германского чемпиона. При этом Тарраш дает блестящие характеристики и Стейницу, и Цукерторту: «... Цукерторт, ... был наряду со Стейницем, без всякого сомнения, величайшим в мире мастером!». «Гениальный» Стейниц разрушает материальную основу своего существования, уйдя из спортивной газеты «The Field», «чтобы сохранить в себе ценности более высокого ранга». На место гения, вместо Цукерторта, попадает пигмей Гоффер. Все участники драмы давно лежат в могиле, Гоффер

умер прямо перед войной и защитить свое имя он не мог. Нам с высоты времени тяжело судить, что произошло тогда. Правда, резюме Тарраша о Гоффере несколько противоречит вышесказанному: «Как человек он был приятен, мил и очень услужлив для каждого, и в особенности, для каждого шахматиста. Несмотря на это, в Англии его не любили и даже не уважали. Талант, но не характер!» Далее о Стейнице Тарраш говорит только хвалебное. В 1896 году поступило ложное сообщение о смерти первого чемпиона мира Стейница, и, ничего не подозревавший Тарраш, опубликовал некролог, где воздал должное усопшему. Спустя два года, в 1898 году Стейниц принял участие в Венском международном турнире и Тарраш показал ему свою «работу». Некрологом Стейниц остался доволен, ибо были отмечены его величайшие исторические заслуги...

Что же касается М. Чигорина, то я немного читал таких восторженных слов в его адрес. Судите сами: «Сошел в могилу Михаил Иванович Чигорин, один из величайших шахматных мастеров нашего времени... Чигорин был могучей шахматной индивидуальностью, которой мало кто подобен... Нечто демоническое было в его игре, в которой огненные страсти перемешивались с упрямым самоутверждением. Это делало его страшным противником для всех, кроме одного, соединявшего в себе более холодный темперамент и умную расчетливость в прочном стальном черепе, – кроме Стейница. Два матча, которые были сыграны между ними в Гаване, принесли русскому мастеру заслуживающие уважения успехи, поскольку он выиграл почти столько же партий, что и его соперник... Однако, если Чигорин никогда не брал верх над индивидуальностью Стейница, превосходящей его, то для большинства остальных шахматистов, Чигорин был все же весьма опасен, в особенности

Матч Чигорин-Тарраш, 1893 год.

для таких шахматистов, подобно Пильсбери и Таррашу. Интересно, что единственная партия, которую Чигорин выиграл на гроссмейстерском турнире в Остенде (1907 г.), когда уже его шахматная сила упала практически до нуля, была партия против Тарраша...

Гениальные шахматные партии Чигорина и его блестящие комбинации доставили многим тысячам шахматистов такую радость, какую может дать лишь подлинный художник, и еще тысячи и тысячи получают эту радость в будущем... ..на 64 шахматных полях он был великим художником, русским мастером *par excellence*, который в течение десятков лет с блеском представлял свое отечество на международных соревнованиях. Его страна в трауре, и вместе с ней в трауре бесчисленные шахматные общины во всем мире, которые будут хранить о нем благодарную, исполненную уважения память, за то огромное духовное наслаждение, которое он принес шахматному миру». (З. Тарраш *«Пристрастные портреты» – «Шахматное Обозрение», №9, 1998, с.55-56. Перевод А. Фигнера.*)

В этой же статье, рассуждая о Пильсбери и его болезни, Тарраш вспомнил несколько шахматистов, страдавших душевными заболеваниями: лейпцигского мастера Ганса Минквица (1843–1901), многолетнего редактора *«Deutsche Schachezeitung»* и автора популярного учебника (*в русском переводе «Азбука шахматной игры», Л., 1925 г.*), и Шифферса. Тарраш воздает должное человеку и шахматисту Шифферсу: «Петербургец Шифферс, был всесторонне образованным человеком, с превосходным чувством юмора, с талантом занимательного собеседника, любезным в общении, но – как поется в студенческой песне: «Парень во всем хорош беспримерно, одна лишь беда, что пьет безмерно». Пил Шифферс циклами и время от времени попадал в клинику. Понятно – рано или поздно по выходу из больницы у него происходил рецидив. Тарраш объявляет диагноз: алкогольный психоз. Несмотря на свою болезнь, Шифферс добивался отличных успехов.

Будучи врачом, Тарраш пытается поставить диагноз болезни Стейница, Чигорина, Пильсбери и Шифферса. Вероятно, именно это, послужило Петербургскому собранию, материалом для обвинения Тарраша в нарушении этики.

На старости лет Тарраш «брюзжал» на качество партий матча Ботвинник – Флор, чего советский чемпион не мог ему простить. Статья Тарраша называлась «Шахматы как снотворное средство».

В советской прессе можно было прочитывать: «Вряд ли подобное злопыхательство можно объяснить только старческим маразмом. Тарраш всю жизнь боролся против всех течений, против всего того, что должно смести старые догмы. Он был консервативен до мозга костей и умер, не поняв нашей эпохи ни в шахматах, ни в жизни».²²⁹

Достойное опровержение этой несправедливой характеристики дал выдающийся шахматный теоретик Всеволод Альфредович Раузер (1908–1942), скончавшийся в осажденном Ленинграде: «... невольно вспоминаются слова из некролога Таррашу в № 3 «Шахматы в СССР» (1934 г.), о том, что Тарраш умер, не поняв нашей эпохи в шахматах. Напрашивается мысль о том, что, наоборот, **наша эпоха пока ещё не сумела понять и оценить Тарраша, так как отошла от классической школы, дающей полный простор комбинационной стихии тому, кто верит в незыблемость принципов этой школы и умеет вскрыть возможность позиции до конца**».²³⁰ Испуганная редакция снабдила статью сносками, отмежевываясь от мнения Раузера. Конечно, подобная дискуссия была возможна лишь до декабря 1934 года. Киров слыл покровителем шахмат и не случайно, что именно в Ленинграде удалось провести вторую половину матча Флор – Ботвинник и турнир с участием Эйве и Кмоха. С.М. Киров ценил шахматы, как показатель культуры, интересовался успехами ленинградской школы. (См.: *Некролог – «Шахматы в СССР», 1934, №12*. Некролог носит, наряду с формальными фразами-штампами, необыкновенно теплый, личностный характер. Не исключено, что к тексту приложил руку и Н.В. Крыленко.)

Эпитафией для Тарраша является знаменитая фраза из его книги «Das Schachspiel»: «Шахматы, как музыка, как любовь, могут сделать человека счастливым». Другой эпитафия, принадлежащий ему же: «В жизни есть три ценности: поэзия, горы и шахматы». И еще: «Я испытываю сожаление к людям не знающим шахмат, как бывает жаль человека, не изведовавшего чувства любви».

35. **Тартаковер Савелий Григорьевич** (Германович) (1887–1954),

Савелий Тартаковер

родился в Ростове-на-Дону, умер в Париже. Крестился, приняв римско-католическое вероисповедание и имя Ксаверий. После прихода нацистов к власти вернулся в иудаизм, подобно композитору Шенбергу. Выдающийся шахматист, теоретик, литератор. Получил начальное образование и затем закончил колледж в Швейцарии, в Женеве. В Вене же окончил, юридический факультет университета и получил степень доктора права в 1909 году. Как шахматист вырос в атмосфере Венской шахматной школы. Во имя шахмат отказался от карьеры. Начиная с 1905 года и по 1951-й год, он принял

участие, чуть ли не в сотне турниров, из которых шестнадцать раз выиграл победителем. В Вене в 1922 году был вторым, позади А. Рубинштейна, но опередив А. Алехина и Е. Боголюбова – пожалуй, это его крупнейший успех. В 1927 году поставил своеобразный рекорд – четырежды побеждал в международных турнирах: дважды в Гастингсе – в конце и в начале года, в Ниндорфе разделил первое место с А. Нимцовичем, и в Лондоне, тоже разделил первое-второе места с тем же неутомимым Нимцовичем. Впечатляющую победу одержал в Льеже (1930 г.): 8,5 очков из 11, без поражений, опередив на два очка легендарного индуса Султан-Хана; обогнав также Нимцовича, Рубинштейна, Маршалла и др. После этой победы был поднят вопрос о матче с Алехиным. «Этот трудный турнир ему удалось провести без единого проигрыша, и с огромным подъемом; он играл блестяще и в результате добился заслуженной победы, пожалуй, качеством самой блистательной во всей его блистательной карьере». (*В. Султанбеев «Шахматный листок», №15-16, с.258.*) В матчах Тартаковера побеждал Р. Шпильмана, Р. Рети, А. Либлиенталя. Необычайная популярность его была связана с пропагандой идей «гипермодернизма» (*А. Нимцович, Г. Брейер, Р. Рети*). Он является автором системы в ферзевом гамбите. Его книга «Ультрасовременная шахматная партия» представляет собой методологический шедевр. На русском языке в двадцатые годы вышли одиннадцать книг Тартаковера. Свои собственные партии он собрал в двух сборниках, к сожалению, не переведенных на русский язык: «My Best Games of Chess. 1905–1930» и «My Best Games of Chess. 1931–1952». По своему активному стилю, по классификации А. Алехина, должен относиться к «арийским» шахматистам. Одна из лучших партий – против Г. Мароци – из турнира в Теплиц-Шенау (1922 г.), проведенная в духе «творческих» шахмат. Другая грандиозная партия – против самого А. Алехина на «Турнире наций» в Фолькстоне (1933 г.), где чемпион мира был разбит в духе «Файно-Флоровской» школы!

Савелий Григорьевич был мужественным человеком. Война его застала в Буэнос-Айресе, где он играл за команду Польши. В годы II Мировой войны Тартаковера прибыл в Алжир и под именем лейтенанта Картье участвовал в движении «Свободная Франция», и за свою храбрость был награжден орденами французской республики.

Нелишне отметить, что в прискорбной статье Алехина имя Тартаковера отсутствует. Случайность? Забывчивость? Маловероятно. Почему? Никто никогда не даст точного ответа на поставленный вопрос.

К биографии Тартаковера следует добавить еще несколько непонятных фактов. Арнольд Денкер говорит об убийстве родителей Са-

веля Григорьевича во время погрома в 1911 году, но по некоторым сведениям они покинули Россию еще в 1899 году, поселившись в Вене.²³¹ И действительно, в Петербургском турнире 1909 года Тартаковер играл как гражданин Австрии и I Мировую войну он провёл на фронте на австрийской стороне.²³² С другой стороны обозреватель «Винер шахцейтунг» времен Гамбургского турнира 1910 года относил Тартаковера к плееде «новых русских»: Нимцовича, Алехина, Дуз-Хотимирского.²³³ Сам же в своих заграничных изданиях он неизменно давал свои инициалы: «С.Г.», подчеркивая тем самым свою русскость. Савелий Григорьевич переводил на немецкий и французский языки новейших советских поэтов – Блока, Маяковского и других. Был автором многих кинематографических сценариев, в 1929 году провел первый в мире сеанс одновременный игры с аэроплана, но, в общем, вся его энергия не обеспечивала материального благополучия. Человек богемы – деньги пропускал сквозь пальцы. Прямо скажем, не еврейского характера (*по Алехину*) был человек. О его трудоспособности говорит следующий факт: во время Московского турнира 1925 года, кроме изнуряющей игры в 20 туров, Тартаковер написал 50(!?) статей и прокомментировал 100 (!?) партий. Как он мог при этом занять призовое место – просто удивительно! Добавим, что Савелий Григорьевич в Москве решил, как и его друг Рети ...жениться. Старый холостяк выбрал старшую сестру Таисии Вязовской, будущей жены Ильина-Женевского. Та, корректно отказалась...

Вопрос о гибели родителей Тартаковера осветил Сергей Воронков. В статье «Загадка Ревокатрата» (*«Шахматы в России», М., 1998, №3, с.45-47. «Ревокатрат» – анаграмма фамилии Тартаковер. Распространенный прием перестановки букв в фамилии. Сошлюсь на писателя Ремарка, настоящая фамилия которого – Крамер.*) Воронков убедительно говорит о 1911 годе, правда, удивляясь, что «Еврейская энциклопедия», указывая на погром в Ростове-на-Дону в 1905 году, ни словом не упоминает 1911 год. Дело в том, что 16-ти томная «Еврейская энциклопедия» выходила в годы 1908–1912, а XIII том, по-видимому, вышел в 1910 году. (*К сожалению, на томах не указан год издания*). Я же со своей стороны нахожусь в недоумении. Убийство хронологически должно было происходить в промежутке между временем участия Тартаковера в Петербургском шахматном конгрессе памяти Чигорина, состоявшемся в феврале 1909 года и октябрем 1911 года. В моем архиве находится реклама магазина отца Тартаковера, опубликованная 9.X. 1911 года в газете «Приазовский край». Текст следующий:

«К осени!!

получены в большом выборе:

Теплая блузки, капоты, матинэ, юбки.

Дамское Белье, мужское.

Трикотажи шерстяные и
пуховые.

Магазинъ

Н-ки Г.Я. Тартаковер.

Ростов нД., Больш. Садовая, 59. Телеф.712.

Существ. с 1879 года.

Къ ЗИМЕ!!»

Сборник стихотворений Тартаковера вышел тоже в Ростове-на-Дону в 1911 году. Так, когда же произошло убийство? Неясно, но, конечно, до рекламной даты, т.к. «таинственное» **Н-ки**, расшифровывается как «наследники» Г.Я. Тартаковера, отца нашего героя, а книга, по-видимому, вышла в самом конце злополучного года. Ясно, что после гибели родителей Тартаковер должен был порвать отношения с родиной. Он это предвидит в самом последнем стихотворении сборника:

«Сирота.

В чуждом доме, в дальней стороне

Кончу жизнь постылую,

И могила станет мне,

Как был дом могилою...»

(С. Тартаковер «Несколько стихотворений», Ростов на Дону, Издание Т-ва Печ. и Изд. Дела «Наука и жизнь», 1911, с.28, с.52)
Страшные и провидческие строки...

В собрании сочинений Н.С. Гумилева я наткнулся на рецензию поэта, опубликованную в «Апполоне», № 10, за тот же 1911 год, данные которой не стыкуется с рекламой. А вот выдержка из рецензии на книгу стихов С. Тартаковера, который следует процитировать: «Кажется несомненный поэт и С. Тартаковер. У него сосредоточенность мысли и большой внутренний опыт. С материалами стиха, он обращается умело и осторожно. **Но он не только не чувствует, но и не знает русского языка. Его синтаксис невозможен, его словарь нелеп.** «Ослабши, отвергла, изможденны, издыхает надежда» – такие выражения попадают у него на каждой странице. Судя по этим выражениям и фамилии, С. Тартаковер, должно быть еврей. Он был бы не из последних, если бы писал на жаргоне, подобно Бялику, Шолом-Ашу и др. И тогда его стихи было бы много интереснее читать в пе-

реводе». (Цит. по книге: Н. Гумилев *Собр. соч., Вашингтон, 1968, т.4, с.275-276*) Суровая, несправедливая критика! Правда, в этой рецензии достается и такому мэтру, как Ю. Балтрушайтис. А в другой рецензии Гумилев судит о Мандельштаме, вдохновляемый русским языком, «сложнейшим оборотом которого ему приходилось учиться, и не всегда успешно...» (Н. Гумилев. *Собр. соч. Вашингтон, т.4, с.363*)

Но читателю на наш взгляд следует обратить внимание на стихотворение самого Тартаковера:

«Еще один последний диссонанс...

(На смерть родителей)

Целый век и лишений и слез и труда!

Для кого? для детей, проживавших беспечно

В чужеземных краях.

А спрошу иногда:

Вам легко ль, старикам? Отвечают: Конечно.

Воротился под утро домой. Взял-открыл

Телеграмму: *Родители ваши убиты.*

Прилетел. Схоронил.

Двух кровавых могил

Налегли мне на совесть железные плиты».

С. Тартаковер «Несколько стихотворений», Ростов на Дону, Издание Т-ва Печ. и Изд. дела «Наука и жизнь», 1911, с.28)

Савелий Тартаковер
доброволец
австрийской армии

А вот и сами погромщики:

«Шагающие

Сколько их, в потемках зла шагающих,

Бог их знает, кто они? зачем?

На погибших и на погибающих

Ночь спустилась. Мрак тяжел и нем.

Зависть, гнев, обман и лицемерие –

Проведенье совести больной –

Восстают и встали у преддверия

В рай непроницаемой стеной».

(С. Тартаковер «Несколько стихотворений»...с.10)

Отсюда понятно, почему Савелий Тартаковер и его родной брат ушли добровольцами в австрийскую армию. Брат Артур погиб 19 ноября 1914 года. Лейтенант запаса воевал в знаменитом четвертом полку «Hochund Deutschmeister» (Перевод С. Воронкова: «4-й полк Гроссмейстеров Тевтонского ордена»). Как пишет в своей статье С. Воронков, Тартаковер сражался в Галиции, где имеется местечко Тартаков.

И все-таки Гумилев не прав. Даже в частности. Шолом Аш писал на идиш, но Хаим Нахман Бялик классик не идиша, а иврита. И можно прямо сказать, что Тартаковер, сей Гомер шахматной доски, был **блестящим знатоком русского языка** и необыкновенно остроумным журналистом. Его «Дневник Ноттингема», печатавшийся в довоенном «64», был нарасхват. В качестве примера знания нюансов языка Даля и его остроумия, приведу краткий комментарий к нудно-тягучей ничьей между Видмаром и Маршаллом из Нью-Йоркского турнира 1927 года, где словенский профессор пытался выжить очко у старейшего участника турнира. После сорока хода партия была отложена, и Видмар отклонил предложенную ничью, «полагаясь на правило»: **«Не возьму напором, так возьму разбором, не возьму разбором, так возьму измором»**. Доигрывание продолжалось почти 100 ходов, и Савелий Григорьевич заметил: «Партия длилась 13 часов 49 минут. Человеческих жертв не было». Самохарактеристика же мастера полна сарказма и юмора: «Тартаковер – дрессировщик фигур». Не правда ли обаятельная метафора? Недаром же Нимцович говорил об **артистичности**, которая руководит общей постановкой его игры...

Добавлю от себя, что Тартаковер был первый знаток русской литературы, благодаря которому я познакомился со стихами запретного поэта – Осипа Мандельштама. И было это в 1951 году, когда с удивлением и восторгом прочел в предисловии к сборнику партий Нью-Йоркского международного турнира знаменитые ныне стихи, без упоминания автора и в немного измененной редакции: «Дано мне чудо. Что мне делать с ним, с таким далеким и таким моим?». Обратившись за разъяснением к своему шахматному ментору, получил чуть замедленный ответ: Осип Мандельштам. И я уже разыскал «Камень». Для меня чтение тезки всегда было откровением. Ну где, например, я бы мог найти дивные стихи Фридриха Ницше:

«Там я буду! Тверже стали

Закалится дух борьбой.

Мчится в голубые дали

Генуэзский парус мой.

Все мне ново. Мир сверкает

В необъятном блеске дня.

И чудовищно взирает

Бесконечность на меня!»²³⁴

Думаю, что перевод исполнен Савелием Григорьевичем. В моей коллекции есть сборник переводов Тартаковера, где стихотворение «К новым морям» переведено несколько иначе:

«Безрассудно правя судном,
не страшусь простора я:
словно птица в море мчится
генуэзская ладья!

Даль заискрится алмазом;
спит Пространство, Время спит,
на меня огромным глазом
сверхъестественность глядит».

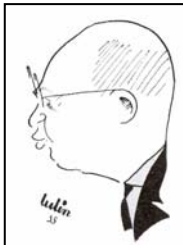
(Савелий Тартаковер «Антология современной немецкой поэзии»,
Издательство «Мысль», Берлин, 1922, с.39)

В этой же антологии меня привлек немецкий поэт **Иван Голл/л/ь**. Это псевдоним эльзасского поэта, который одинаково блестяще писал по-немецки и по-французски. По национальности еврей: настоящая фамилия и имя его – Исаак Ланг (Сен-Дье, Эльзас 29.3.1891 – Париж, 27.2.1950). Это заключительное стихотворение сборника приводится полностью. Оно итог послевоенного времени:

«Караван тоски

Нашей бледной тоски кочевой караван
Тщетно ищет оазисов нимфы и тени!
Нас сжигает любовь безнадежностью ран,
Наше сердце сожрут птицы скорбных видений.

Ни ключей, ни ветров не обрести нам вовек;
А ведь всюду могли бы воздвигнуть Элизий!
– Только прыгнет порой из окна человек,
Чтоб отшлипить звезду на небесном карнизе:

Разобьется, умрет, не постигнув никак,
Что он истину видел в луче запоздалом...
– Или ходит в паноптикум некий чудак,
Обольщенный навек восковым идеалом...

Сон горячих страстей, сон холодных могил,
Словно огненный диск, в дух вторгается каждый:
Пусть над нами текли б Ниагара и Нил –

Мы бы только кипели умноженной жаждой!»

(Савелий Тартаковер «Антология современной немецкой поэзии»,
Издательство «Мысль», Берлин, 1922, с.123)

Я не берусь судить, на каком языке написан оригинал, но это стихотворение – шедевр. Перевод выполнен Тартаковым мастерски.

Антисемитизм преследовал Тартакова всегда, порой принимая анекдотические формы. В его статье «Итоги Московского турнира», специально написанной для «Шахматного листка»²³⁵, упоминается русский, затем советский писатель и поэт Ивана Алексеевич Рукавишников. Было отмечено, что тот отозвался недоброжелательно и немно о Тартакове, вменив «четыре неправды в восемь слов: еврейский француз, игравший раньше от Германии, балагур Тартаковер».

36. **Тейхман Рихард** (1868–1925) – выдающийся германский шахматист. Окончив Берлинский университет, некоторое время проживал в Лондоне. Обладал невероятно флегматичным характером, а также страдал болезнью глаз. После операции потерял один глаз, и на фотографиях мы можем видеть плотную фигуру человека, с черной повязкой на правой глазнице. Как при этом он стал одним из сильнейших шахматистов мира, остаётся загадкой. Тейхман – мастер позиционной школы; сам же он не признавал никаких школ – ни новых, ни старых: «Существует лишь хорошая и плохая игра». К новым идеям Р. Рети отнёсся отрицательно. По поводу его дебюта, связанного с двойным fianchetto, (в старину называли по-итальянски – Fianchetto del re и Fianchetto di donna) называл это начало не иначе, как «двойной дырой». Выиграл несколько матчей, в том числе у Я. Мизеса и Р. Шпильмана. В 1922 году встретился в матче с А. Алехиным, который не сумел преодолеть сопротивления 54-летнего альтмейстера. Счёт: +2, –2, = 2! Выше мы писали о некрологе Алехина во французской шахматном журнале, где он весьма сдержанно отнесся к творчеству «Полифема», что находится в вопиющем противоречии с нацистской статьей, также опубликованной в Париже с разницей в 15 лет! Тейхман, по словам Шпильмана, был интеллектуалом. Атлетически сложенный, потерявший один глаз во время неудачной операции, гроссмейстер изумительно верно схватывал позицию на шахматной доске, и при этом «отличался беспримерной, граничащей с ленью, флегматичностью». Лишь единственный раз, раззадоренный городским советником Тицом, великан Тейхман продемонстрировал свою истинную силу, опередив в Карлсбадском турнире 1911 года двадцать пять сильнейших шахматистов своего времени: Шлехтера, Рубинштейна, Маршалла, Нимцовича, Алехина, Видмара, Тарраша и др.

Рихард Тейхман.

При обычных же обстоятельствах Тейхман рано предлагал ничью, и в этом отношении Чигорин был его антиподом. Тейхман также являлся видным шахматным композитором того времени.

37. Харузек Рудольф (1873–1900), родился в городке Клейн-Ланецц

Рудольф Харузек

неподалеку от Праги. Почти сразу после рождения сына семья переехала в Венгрию в Дебрецен. Там он стал «венгром», по языку, образованию и манере поведения. *(Заметим в скобках, что евреи Словакии и Венгрии быстро «обвенгеривались».* Пример с известным мастером Лео Форгачем в «девичестве» Флейшманом – типичен.)

Гимназию Рудольф окончил в Мишкольце. Получив диплом с отличием, поступил в колледж на юридический факультет в город Кашау. Там же пристрастился к волшебной игре. Бытует притча о том, что юный шахматист, одолжив у приятеля толстенный шахматный справочник «Хандбух», переписал его полностью от руки, от корки до корки – такова сила любви к царственной игре.

В первом же международном выступлении (Нюрнберг 1896 г.) Харузек нанёс поражение чемпиону мира Эм. Ласкеру, который заявил, что, вероятно, именно против этого соперника ему придется защищать свой титул. *(Точная цитата из Эм. Ласкера: «... Этот молодой человек заставит меня вторично бороться за мировое первенство». – Борис Костич «Шахматы в Венгрии» – Шахматы в СССР, 1934, №4, с.77).*

В Будапештском турнире (1896) Харузек разделил первое место с М. Чигориным, но проиграл дополнительный короткий матч. В 1898 году победил в матч-турнире венгерских мастеров опередив Мароци. Его стиль отличался энергией и комбинационной силой. Называли его не иначе как «Пантера Харузек». Чигорин считал его «самым способным из всех молодых игроков», а тот в свою очередь считал М. Чигорина своим учителем. Умер Рудольф Харузек от туберкулёза.

В романе Густава Мейринка «Голем» (1915 г.), действие которого происходит в Праге, выведен бедный и полусумасшедший студент по фамилии Харузек, говоривший шахматными категориями: случайное совпадение исключается. Это же подтверждает немецкий шахматный словарь, где утверждается, что в романе Мейринга – литературное воплощение Рудольфа Харузeka.²³⁶ Еврейское происхождение Харузeka несомненно: я ссылаюсь на The Jewish Encyclopaedia, New-York, v. VII, 1906(?) p.20.

38. Цукерторг Иоганн(Ян) – Герман (1842 –1888) немецкий еврей.

Отец – выкрест, ставший протестантским проповедником в 1833 году – настоящее имя отца Янкель Йехескель; мать по легенде – польская графиня или баронесса, правда, последнее мне всегда казалось мало убедительным. В только что вышедшей книге о Цукерторге опровергается этот миф: его матерью была Паулина Хейльборн, дочь Меира Каца и Леи «прямо-таки аристократка!».²³⁷ В одной немецкой книге, сказано, что Цукерторг, как и Винавер был русским

Иоган Цукерторг

евреем, ибо он родился в Люблине.²³⁸ Учился в Бреславле на медицинском факультете; был талантливым хирургом. Ещё в детстве овладел языками: русским, немецким, английским, французским, испанским, итальянским, польским, латинским, древнееврейским, древнегреческим, санскритом. В Бреславле прошёл шахматную выучку у Андерсена. При этом, занимаясь журналистикой, стал одним из деятелей официальной бисмарковской политики. В качестве врача участвовал в австро-прусской и франко-прусской войнах. За беспримерное мужество при спасении раненых на поле боя, был награжден девятью медалями и орденами.

В 1872 году Цукерторг переселяется в Англию и постепенно выдвигается в число сильнейших шахматистов мира. Крупнейшие его достижения: Париж (1878 г.) – первое место, опередив Ш. Винавера, Дж. Блэкберна, А. Андерсена, Дж. Мэзона и др.; Лондон (1883 г.) – первое место, впереди В. Стейница, Дж. Блэкберна, М. Чигорина и других. Цукерторг обогнал В. Стейница на три очка! Грандиозная победа! На этом турнире И. Цукерторг выиграл партию у Дж. Блэкберна, пожертвовав ферзя. В. Стейниц писал об этой комбинации: «Начало замечательной концепции грандиозного масштаба», «Преыдущие ходы и только что сделанный ход белых составляют одну из величайших комбинаций, может быть, даже самую красивую из всех, которые были созданы на шахматной доске. Не хватает слов, чтобы выразить наше восхищение...». Цукерторг выиграл не одну краси-

Карикатура на Цукерторга,
из лондонской газеты
«The Westminster Papers».

вую партию, в том числе и у своего учителя А. Андерсена, но навеки останется его волшебная комбинация против Дж. Блекберна из Лондонского турнира 1883 года. Прошло 125 лет, менялись критерии красоты в шахматах, менялась шахматная мода, но красота этой комбинации не меркнет.

Матч на первенство мира И. Цукерторт проиграл В. Стейницу со счётом +5, -10, =5. Это была победа «новой школы» над «романтикой старой», победа «еврейских» шахмат над «арийскими!». После проигрыша В. Стейницу И. Цукерторт быстро потерял силу и не смог оправиться от удара. Вскоре он умер, даже не поняв того, что произошло в Сан-Луисе и Новом Орлеане, где происходил матч. Сам же он утверждал, что тропический климат губительно отразился на качестве его игры. Вспомним жалобы Чигорина и Ласкера, которые тоже хуже переносили жару, чем Стейниц и, понятно, «туземец» Капабланка.

Племянники Цукерторта делали военную карьеру в рамках кайзеровской Германии, Веймарской республики и третьего рейха. Оба достигли генеральских чинов в гитлеровское время... Генеалогия – иногда страшная вещь.

39. Шварц Адольф (1836–1910). Банкир. Своей жизненной карьерой обязан барону Альберту Ротшильду. Крупнейшие успехи Шварца: в 1878 году второе место в турнире во Франкфурте на Майне, в котором

Венский турнир 1898 год. Слева направо.

Стоят: Шварц, Шлехтер, Фендрих, Каро, Мароци, Шовальтер, Марко, Алапин, Гальп-рин, Д. Бэрд и Берн

Сидят: Тарраш, Блекберн, Пильсбери, Стейниц, Чигорин, Яновский, Шифферс и Липке.

отстал от Л. Паульсена, но опередил А. Андерсена; в первом турнире Германского союза в 1879 г. в Лейпциге – третье место, в международном турнире в Висбадене дележ первого-третьего мест наравне с Дж. Блекберном и Б. Энглишем, а так же выигрыш матчей у И. Минквица (1878 г.), у Ш. Винавера (1880 г.) и у своего тезки А. Альбина (1897 г.).

40. **Шифферс Эмануил Степанович** (1850–1904) родился в Петербурге, родители из мещан города Великие Луки. Окончил гимназию и некоторое время учился в университете на физико-математическом отделении, но курса не окончил. Сдал успешно экзамены на звание домашнего учителя. Все время посвящал шахматам.

Быстро стал сильнейшим шахматистом Петербурга, но с появлением М. Чигорина был оттеснен на второе место, которое сохранял до своей смерти. Дуумвират сохранялся до смерти Шифферса. Известный автор «Будильника» во время первого Всероссийского турнира написал следующие вирши: «Участникам Всероссийского турнира».

Шифферс и Чигорин –
Больше нет «имен»
Шахматист задорен.
Лезет на рожон.
Будет на орешки
Вам от сих друзей
Все ж не лезьте, пешки,
Глупо на ферзей»

Эмануил Шифферс

(В. Голоушкин «60 лет назад» – «Шахматы в СССР», М., 1959, №12, с.374-375)

Шифферс был учителем Чигорина. И свое доброе отношение к нему он сохранил вопреки антисемитским выходкам последнего. Во время борьбы Чигорина со Стейницем в 1892 году писал: «Как соотечественнику и старому товарищу по искусству, нельзя не пожелать ему от души полного успеха». (И. Романов «Выдающийся русский мастер». К 50-летию со дня смерти Э.С. Шифферса – «Шахматы в СССР», М., 1954, №2, с.374)

Шифферс неоднократно участвовал в международных турнирах. Крупнейший успех – шестое место в Гастингском турнире (1895), позади титанов – Г. Пильсбери, М. Чигорина, Э. Ласкера, З. Тарраша, В. Стейница, но впереди Дж. Блэкберна, К. Шлехтера, И. Гунсберга и других. (Всего 22 участника). Из-за отсутствия З. Тарраша, отказавшегося играть в Петербургском турнире, планировалось пригласить

Э. Шифферса, но, как пишет один из шахматных историков, устроители не пожелали видеть ещё одного «инородца» на состязании. В виде «компенсации» в 1896 году обиженному шахматисту был устроен матч в Ростове-на-Дону с экс-чемпионом мира В. Стейницем. Матч Шифферс проиграл с почетным результатом: +4, –6, =1. Вот описание внешности Шифферса неизвестным ростовским журналистом: «...г. Шифферс обладает весьма представительной наружностью – высок, строен, красив, элегантен, голова львиная, движенья порывистые». (О. Соболев «Стейниц в Ростове» – Шахматы в СССР, 1987, №7, с.23). Е.А. Зноско-Боровский писал: «Результат матча как бы доказал право участие Шифферса в матч-турнире, право непризнанное в Петербурге». (О. Соболев «Стейниц в Ростове» – Шахматы в СССР, 1987, №7, с.23)

Шифферс обогатил шахматную теорию исследованиями во многих дебютах: гамбите Эванса, русской партии, венской партии, французской защите, в некоторых системах ферзевого гамбита.

Велика и пропагандистская роль Э. Шифферса в России. Он вел шахматный отдел в журнале «Нива» и в ряде других газет. Его самоучитель выдержал шесть изданий.

Стиль Шифферса отличался блеском комбинаций. За многие партии он получал призы за красоту. Наиболее часто цитируема комбинация против Макса Гармониста, сыгранная в международном турнире во Франкфурте-на-Майне. В конфликте М. Чигорина и С. Алапина в знак солидарности с евреями, покинул петербургское шахматное собрание. Напомним, что М. Чигорин возглавил «Новый клуб», в члены которого не допускались лица нехристианского вероисповедания.

Семья Шифферса была талантлива шахматистами. Особенно его старшие братья Рудольф и Артур были сильными игроками. Родной племянник Эдуард Иванович Тальвик (1881– после 1932) не без успеха играл в петербургских турнирах, давал сеансы одновременной игры вслепую (как тогда говорили а' l'aveugle). Во время болезни Шифферса вел его отделы, а после смерти привел в порядок и приготовил к печати неизданные работы и архив дяди. Участник IV Всероссийского турнира в 1905/1906 гг. и Всероссийского турнира любителей в Саратове в 1912 г. – пятое место.²³⁹ В чемпионате Тифлиса 1928 года занял первое место, обогнав известных в будущем шахматистов: Гоглидзе, Сорокина, Эбралидзе, Каспаряна и др. Активно участвовал в общественной жизни, читая лекции и воспоминания о Чигорине. (В «Спутнике Шахматиста» за 1932 год сохранен адрес, по которому проживал Тальвик – Тифлис, улица Советская, дом № 73).²⁴⁰

Смерть Шиффера была преждевременной: он пострадал от несчастного случая. Вместе с тем, следует добавить, что шахматист был алкоголиком, и время от времени попадал в психиатрическую больницу, о чем с прискорбием писал З. Тарраш. В последнее время появляются утверждения, что Шиффер немецкого происхождения. Отсылаю малозверов к книге, вышедшей еще в 1894 году на французском языке.²⁴¹ У современников национальность Шиффера не вызывала сомнений. Так и писалось, что включение Эмануила Степановича в Петербургский турнир, было нежелательно из-за его расовой принадлежности. И, наконец, скептики могут заглянуть в работу Б.О. Унбегауна «Русские фамилии» и убедиться, что корень фамилии – ивритский, образованный от слова «רשף» – «шифра» – красивая, приятная. Родственные фамилии: Шифрин, Шифринов, Шифрис и т.п.

41. **Шлехтер Карл** (1874–1918), выдающийся шахматист, претендент на мировое первенство. Представитель Венской школы шахмат. Его единственным шахматным учителем был проблемист С. Гольд. Образование получил в коммерческом училище, по окончании которого работал в торговой фирме.

Карл Шлехтер

Шлехтер был шахматистом универсального стиля, одинаково превосходно проводя все стадии партии. Сам Эм. Ласкер – «разоблачитель», прекрасно разбирающийся в психологии своих противников, вынужден был признать: «Я не нахожу слабого места у Шлехтера». Матч между ними на первенство мира окончился вничью (+1, – 1, = 8).

Крупнейший турнирный успех К. Шлехтера – первое место в грандиозном турнире в Остенде (1906 г.) – при 36 участниках. По сложной системе он сыграл 27 партий. В финале обогнал всех тогдашних корифеев, за исключением Ласкера и Тарраша, не принявших участия в турнире. Финал выглядел так: Шлехтер (6 из 8 или 75%, а всего набрал 21 очко из 27), Мароци, Рубинштейн, Берн, Бернштейн, Тейхман, Маршалл, Яновский, Перлис. Из девяти финалистов – семь евреев и два «арийца». Это был турнир «претендентов», за исключением Перлиса. **Аналогичных успехов Шлехтера в карьере Алехина не было.** Обратим внимание, что в чисто гроссмейстерских турнирах успеха добивались единицы – Ласкер (Петербург 1896 г., 1914 г., Берлин 1918 г.); Капабланка (Нью-Йорк, 1927 г.; Берлин 1928 г.); Боголюбов (Киссинген 1928 г.); Керес (Земмеринг 1937 г., Амстердам 1938 г.); Файн (Амстер-

дам, 1938 г.). Конечно, не все гроссмейстерские турниры равноценны, но Остенде 1906 года примыкает к Петербургу 1896 и Амстердаму 1938. Понятно, что все это по моему, весьма субъективному мнению. Хотя допускаю, что это можно доказать статистически. Всего же в своей карьере Шлехтер взял или разделил 16 первых призов.

Он также оставил большой след в истории дебютов – подготовив восьмое справочное издание Бильгера. С 1912 года и до конца своей жизни был главным редактором «Дойчер Шахцейтунг». Проявил себя как незаурядный шахматный композитор. Трудно себе представить больших творческих антагонистов, чем Шлехтер и Чигорин, но австрийский маэстро нашел способ сказать пару теплых слов в адрес «непримиримого»: «Выдающийся мастер эндшпиля!»! Еще бы: Шлехтер на «своей шкуре» испытал силу русского мастера в окончаниях. (В Гастингсе в 1895 году и в Монте-Карло в 1902 году).

Умер Карл Шлехтер преждевременно из-за тягот мировой войны и недостаточного питания. Целью его личной жизни было обеспечить достойную старость своей матери: увы, Мировой Ужас смыл эту надежду...

Современники писали о Карле Шлехтере с большим уважением, отмечая его высокую порядочность и деликатность. «Всеобщей симпатией пользовался Шлехтер. Небольшого роста, с какими-то уныло висящими усами, воплощенная скромность и деликатность, он как-то тушевался среди остальных участников. Его талант признавали, но никто не мог думать, что всего лишь через год Шлехтер будет играть матч с Ласкером на мировое первенство и сведет этот матч вничью».

Интересна эволюция игры Шлехтера. В начале своего пути – робкий шахматист, типичный представитель венской «ничейной» школы. Постепенно кривая его успехов идет вверх. Шлехтер начинает верить в свои силы, игра его становится смелой и яркой, выявляется недюжинное тактическое дарование.

В 16-м туре Петербургского турнира 1909 года Шлехтер в партии с Сальве провел интересную, хотя, как оказалось впоследствии, не вполне корректную комбинацию. «Я с интересом следил за этой партией, честно говоря, совершенно не понимая смысла жертвы, и стал свидетелем необычного явления. Сальве надолго задумался после двадцатого и особенно после 32-го хода Шлехтера d4:e5. Шлехтер, видя, что противнику начинает грозить цейтнот, встал и начал прохаживаться, не переводя своих часов. Кто-то указал ему на это. Шлехтер ответил: «Зачем? Позиция сложная, пусть подумает». (*К.Раух «Из прошлого» – «Шахматы в СССР», М., 1964, №12, с.13*) За партию против Сальве – Шлехтер получил первый приз за красоту. Аналогично о спортивной дели-

катности Шлехтера писал Г.Я. Левенфиш. А. Алехин говорил Романовскому, что он рад был бы увидеть матч Капабланка – Шлехтер. Сочувствие Алехина направлено было против Ласкера.

42. **Шпильман Рудольф** (1884–1942) выдающийся австрийский гроссмейстер. Один из претендентов на мировое первенство. Свою жизненную карьеру начал в качестве коммерсанта и работой в страховом агентстве. Но уже в самом начале XX века принимает решение стать шахматным профессионалом. Иногда даже указывают год его окончательного разрыва с миром бизнеса – 1906. Шахматист острого комбинационного дарования, чем резко отличался от других представителей Венской школы (М. Вейс, К. Шлехтер, Г. Марко).

Шпильман Рудольф

Эта позиция возникла в партии Алехин – Шпильман (Карсбад 1923) после 36 хода белых. Шпильман временно жертвует ферзя, переходя в лучший эндшпиль.

36. ... Фa3:b2

37. Фе2:b2 Лc3-c2

38. Лd1-d2 Лc2:b2

39. Лd2:b2 Лc8-c4 и после маневров

к 56-му ходу возникла следующая позиция.

У черных дилемма: выигрывать с шахом две пешки или избрать иной путь. Шпильман точно рассчитал, что взятие пешки с шахом, лишь облегчит защиту белых вводом в игру чернопольного слона. Шпильман был прав и через 6 ходов Алехин сдался.

56. ... Лg4: h4

57. Сc5-d6 Лh4-h1+

58. Крf1-f2 h5-h4

59. Ла4-a7 Лh1-h2+

60. Крf2-f1 h4-h3

61. Ла7-e7+ Крe8-d8

62. Ле7-h7 Лh2-a2

Белые сдались. На Кf1-g2 последовало бы Ла2-g2+ с последующим движением черной пешки h3-h2.

Рети писал о Шпильмане, что он «должен быть назван неоромантиком, ибо он ищет шахматной радости в возврате к стилю старых мастеров – понятно с учётом новой техники, выросшей на основе принципов Стейница». По своему яркому стилю он может считаться предшественником Михаила Таля. За свою шахматную карьеру он участвовал в 115 турнирах и 55 матчах! Крупнейшего успеха в своей

Земмеринг 8—30/III 1926	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Итог	Приз		
Шпильман	—	1/2	1	1	1	0	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	1/2	0	1	1/2	1/2	1	13	I
Алехин	1/2	—	0	0	1	1	1	1	1	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12	II
Видмар	0	1	—	1	1	1	1/2	0	1	1/2	1	1	1	1	1/2	1	1	1	1	1	12	III
Нимцович	0	1	0	—	1	1/2	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11	IV—V
Тартаковер	0	0	0	1	—	1/2	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11	VI—VII
Рубинштейн	1	0	1/2	0	1/2	—	1/2	1	0	1/2	0	0	1/2	1	1	1	1	1	1	1	10	VIII
Тарраш	1/2	0	1	1/2	0	1/2	—	1	0	0	0	0	1/2	1	1	1	1	1	1	1	10	IX
Рети	1/2	0	0	1	0	0	—	1	1	1	1	0	1/2	1	1	1	1	1	1	1	9	
Грюнфельд	0	0	1/2	1	0	0	1	—	0	1/2	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	9	
Яновский	0	1/2	0	0	0	1	1	0	—	1	1	1	0	1/2	1	1	1	1	1	1	8	
Трейбал	0	1/0	0	1/2	0	0	1	0	1	—	1/2	1/2	0	1	1	1	1	1	1	1	8	
Вайда	0	0	0	0	0	1	0	1	1/2	1	—	0	1	1	1	1	1	1	1	1	7	
Якс	0	0	1/2	0	1/2	0	1/2	0	1/2	0	1	—	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	7	
Гильг	1/2	1	0	0	0	1/2	1/2	0	0	0	0	1	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	6	
Кмох	0	0	1/2	1/2	0	0	0	0	0	0	0	1	1/2	—	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	6	
Давидсон	1/2	0	0	1/2	0	1/2	0	1/2	0	0	0	0	1/2	0	—	1	0	0	0	1	5	
Мишель	1/2	0	1/2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	1/2	0	—	1	1	1	1	4	
Росселли	0	0	1/2	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	0	0	0	0	0	0	0	0	1	

жизни Р. Шпильман добился на турнире в Земмеринге (1926 г.) – опередив А. Алехина, М. Видмара, А. Нимцовича. С. Тартаковера, А. Рубинштейна, Р. Рети, Э. Грюнфельда, Д. Яновского и других! В эти же годы он нанес два сенсационных поражения Х-Р. Капабланке. В турнирах мирового класса неоднократно добивался успеха. В Петербургском турнире 1909 года разделил третье-четвертое места с Дурасом, отстав от Ласкера и Рубинштейна, но впереди Бернштейна, Мизеса, Шлехтера, Бернштейна и др. В Сан-Себастьяне 1912 году разделил второе-третье места с Нимцовичем, отстав от Рубинштейна, но опять-таки впереди корифеев того времени – Тарраша, Шлехтера, Дураса, Маршалла, Тейхмана и других. В Карлсбаде в 1929 году он не смог удержаться на первом месте из-за усталости и поделил второе-третье места с Капабланкой позади Нимцовича из 22 участников. Среди послевоенных успехов – есть также дележ первого-второго мест в Теплиц-Шенау в 1922 году с Р. Рети – впереди Э. Грюнфельда, С. Тартаковера, А. Рубинштейна, Б. Костица, Р. Тейхмана, Г. Мароци, З. Тарраша и др. Из матчей, сыгранных им, следует отметить победы над А. Нимцовичем (1908 г.), Р. Рети (1910 г. и 1921 г.), С. Тартаковером (1910 г. и 1921 г.), Г. Штальбергом (1930 г.), Г. Штольцом (1932 г.), В. Микенасом (1934 г.), и особенно важный выиг-

рыш у Е. Боголюбова (1932 г.), который современниками оценивался ни чуть не меньше, чем Земмерингская победа. Особо подчеркивалось, что победа одержана над претендентом. В одном из тренировочных матчей Шпильман одержал победу над М. Эйве накануне завоевания последним звания чемпиона мира.

Шпильман был незаурядным шахматным писателем. До сих пор не устарела замечательная книга «Теория жертвы», где он, среди прочего, рассматривает нестандартное соотношение – две легкие фигуры и пешка против ферзя. После аннексии Австрии бежал в Чехословакию (*ещё в двадцатые годы Шпильман почему-то числился гражданином Чехословакии, и, что интересно, по этой причине, его не пустили в один из национальных немецких турниров*), а затем в Швецию, где через непродолжительное время умер, не дождавшись победы над нацизмом. И этого романтика и отважного человека, прозванного современниками «Дон-Кихотом», Алехин ошеломил в своей статье! Напомним, что общий личный счёт Р. Шпильмана и А. Алехина, весьма почётный для венского шахматиста: $-4, +2, =10$. После завоевания Алехиным звания чемпиона мира – все встречи между ними оканчивались вничью. А вот, что писал венский мастер о Чигорине: «Для Чигорина в принципе не существовало слово «ничья»... Что для него значили половинки, единицы, нули, когда он стремился к борьбе, к исканию, к истине?». Такие же слова можно без сомнения отнести и самому Рудольфу Шпильману. В былые времена чемпион мира Алехин писал о Шпильмане совсем иначе...

ALEKHINE EXTOLS SPIELMANN'S GAME

By DR. ALEXANDRE ALEKHINE,
World's Chess Champion.

Continued from Page Twenty-one.

ponents, he rather contented himself with tedious, symmetrical variations of his queen's gambit. In Carlsbad on the other hand he was determined to win against Rubinstein and Bogoljubow; he combined, even exposed himself to certain risks, and yet did not succeed. Against Thomas he even drifted into a very tight corner; Thomas might have won.

Bogoljubow's play up to now makes a rather weak impression, which might also be said of Euwe. Vidmar, who is rector of the University of Laibach, has of late years been heavily engaged professionally, but hopes to show better form in the coming rounds. Nimzowitsch also has been playing unevenly. Alongside of several colorless draws he succeeded in winning his game against Bogoljubow, which must be counted as one of the most significant incidents of the tournament thus far.

This particular game is indicative of the modern conception of the beautiful in chess. It is distinguished by logical purity of structure, apparent in the visibility of means applied, complete unity in the profundity of a winning combination—elements which in an aesthetic sense impress the connoisseur much more than the outward affects of some of his former pyrotechnic finales. It is not improbable that we shall witness further games of this calibre in the course of the tournament.

Отрывок из нью-йоркской статьи
А. Алехина, восхищающегося игрой
Р. Шпильмана.

43. **Энглиш Бертольд** (1851–1897) – видный представитель Венской школы. Не был профессионалом. Работал биржевым агентом и посему редко играл в турнирах и матчах. Благодаря покровительству А. Ротшильда стал состоятельным человеком. Крупную победу Б. Энглиш одержал в Лейпциге (1879) на первом турнире Германского союза: девять с половиной очков из одиннадцати, обойдя Л. Паульсена.

Лейпциг 14—20/VII 1879		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Итог	Приз
1	Энглиш	—	1	1	1/2	1	1	1	1	0	1	1	1	9 1/2	I
2	Паульсен Л.	0	—	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	9	II
3	Шварц	0	0	—	1	1	1	1	1/2	1/2	1	1	1	7	III
4	Бир	1/2	0	1	—	0	1	1	1	1	1	0	0	6 1/2	IV
5	Риман	0	0	0	1	—	0	1	1	1	0	1	1	6	
6	Пичель	0	0	0	0	1	—	1/2	1	1	1/2	1	1	5	
7	Шаллоп	0	0	0	0	0	1/2	—	1	1	1	1	1	5	
8	Флейсиг	0	1	1/2	0	0	0	0	—	1/2	1	1	1	4 1/2	
9	Шотландер	1	0	1/2	0	0	0	0	1/2	—	1/2	1	1	4 1/2	
10	Паульсен В.	0	0	0	0	1	1/2	1/2	0	1/2	—	0	1	3 1/2	
11	Миньвиц	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1/2	—	1	2 1/2	
12	Веммерс	0	0	0	1	0	1	0	0	1/2	0	0	—	2	

В международном турнире в Висбадене, разделил первое-третье места с Дж. Блэкберном и А. Шварцем, выше Дж. Мэзона, Ш. Винавера, Л. Паульсена и других. Сыграл небольшой матч с молодым Эм. Ласкером в 1890 году – это была серия из пяти партий: две партии Энглиш проиграл, а три свел вничью. После Гастингского международного турнира, в котором Б. Энглиш не участвовал, (получил приглашение, но не мог отлучиться с работы), сыграл матч с победителем – Г. Пильсбери: все пять партий завершились вничью. Осенью 1896 года в Вене был проведен турнир, где Энглиш занял первое место, опередив Шлехтера, Вейса, Марко. Вскоре после турнира Энглиш скончался.

44. **Яновский Давид Маркелович** (1868–1927) – родился в Гродненской губернии, в местечке Волковыск (Россия), умер на Ривьере (Франция). Один из претендентов на мировое первенство в борьбе с Эм. Ласкером. Неоднократно брал первые места на международных соревнованиях. Участвовал в турнире чемпионов в Остенде (1907 г.) – дележ третьего-четвертого мест с Ф. Маршаллом. Крупнейшие успехи: в Монте-Карло (1901 г.) – первое место, опередив К. Шлехтера, М. Чигорина, Ф. Маршалла, Дж. Мэзона; В Ганновере (1902 г.) – первое место, выше в таблице

Давид Яновский

Пильсбери и Маршалла. Выиграл матчи у Ш. Винавера, у Ф. Маршалла, свёл вничью матч с К. Шлехтером. Крупнейший успех – серию из четырёх партий с Эм. Ласкером в Париже свёл вничью: +2, –2. Оба матча на первенство мира проиграл Эм. Ласкеру с разгромным счётом. Славу Д. Яновскому создали не только спортивные результаты, но и стиль его игры – предприимчивый, смелый, изящный. Вот кто был действительным учеником М. Чигорина! Д. Яновскому принадлежит своеобразный рекорд: в его активе победы над всеми ему современными чемпионами мира: над В. Стейницем, Эм. Ласкером, Х-Р. Капабланкой, А. Алехиным.

Д. Яновский много писал как шахматный журналист, но книг после себя не оставил. Последние годы жизни великий шахматист провёл в бедности. Добавим, что матчи с Ласкером состоялись благодаря меценату и поклоннику Д. Яновского – банкиру и художнику Лео Нардусу. У Алехина Яновский выиграл две партии – отыгрывался претендент, уже тогда, когда Яновский был смертельно болен. Напомним, что родной брат Давида – Хаим Яновский был председателем Лодзинского шахматного собрания и способствовал созданию так называемой «лодзинской школы» (*Сальве, Рубинштейн, Ротлеви и др.*). И последнее: к «гипермодернизму» Яновский относился с пренебрежением: дебют Рети называл «Овечьим дебютом» и говорил, что если бы у него сохранилась его прежняя львиная сила, он бы на ключья разорвал противника, играющего подобное начало.²⁴²

По воспоминаниям современников Яновский был вечным азартным игроком, и спускал свои призы, почти «не отходя от кассы». Так как турниры проводились на крупных курортах, то поиск рулетки был несложен. Яновский часто выигрывал, но остановиться не мог – говорил о нем Р. Шпильман. Вместе с тем, будучи азартным человеком, Яновский не пил крепких напитков и терпеть не мог пьющих шахматистов, которым регулярно проигрывал, например, Мэзону, который каждый раз, играя с Яновским, давал волю своей привычке. Давид Маркелович соблюдал спортивный режим, купаясь рано утром в море, и затем после легкого завтрака, освеженный, приходил в курзал для игры. Так описывает режим Яновского актер и писатель Григорий Ге. Но от неизлечимой болезни это его не спасло...

Вышеприведенные имена относятся только к концу XVIII – первой трети XX веков. Количество евреев-шахматистов, начиная с 40-х годов, не поддаётся перечислению. Отметим только ближайших претендентов на мировое первенство в 40-х – 60-х годах XX века.

ШАХМАТИСТЫ, ПОГИБШИЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Участники международных турниров и знакомые А.Алехина.

1. **Менчик Вера Францевна** (1907–1944). В «Philo-Lexikon Handbuch des jüdischen wissens» (Berlin, 1935) – в очень осторожной форме

Вера Менчик

говорится о возможном еврейском происхождении чемпионессы. Напомним, что этот лексикон был издан уже в нацистской стране. Редакторы боялись в полный голос говорить, например, о национальной принадлежности Цукерторга. В других источниках ни за, ни против этого утверждения ничего не обнаружено. Официальная версия: полу-англичанка, полу-чешка. В одной из статей С. Флора ставится вопрос о происхождении В. Менчик, но ответа не дано. Сама Вера Менчик о своем происхождении в интервью советскому журналу сообщила следующее: «Родилась я в России, в Москве, 16 февраля 1906 года. По происхождению я чешка, хотя в английских газетах меня до сих пор назы-

вают русской. (А вот гениальная фраза эмигрантского писателя Вл. Крымова: «Когда иностранец ищет настоящую «ам слав», он всегда находит еврейку из Белостока или Гомеля». Bravo!) Отец мой чех, а **мать наполовину англичанка**. Так как по-чешски я не говорю: я была там проездом всего несколько недель и, приехав в Англию, знала только русский язык, то не удивительно, что меня принимали и принимают за русскую».²⁴⁴ **«Мать наполовину англичанка», а наполовину кто?** Кажется, что её родословная схожа с родословной Р. Харузека, Р. Рети и Г. Мейеринка...

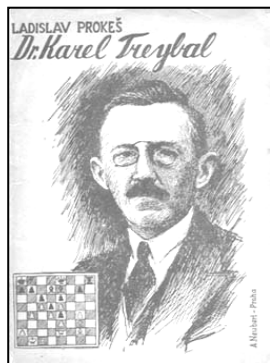
Вера Менчик первая среди женщин весьма успешно играла в мужских соревнованиях. Так, например, в 1929 году в Рамсгэте против семи английских мастеров набрала пять очков из семи, заняв второе-третье места с А. Рубинштейном, на пол-очка меньше, чем Капабланка. Из мужских «скальпов», добытых Верой Менчик отметим две победы над Максом Эйве, победы над С. Решевским и Султан-ханом.

Вера Менчик дважды играла матчи с Соней Граф-Стивенсон (1912–1965 гг.), второй матч на мировое первенство, после победы С. Граф на турнире в Земмеринге (1936 г.). Оба матча В. Менчик выиграла (1934 г. и 1937 г.). С. Граф была второй, после В. Менчик в женском чемпионате мира (1939 г.). Соня Граф уроженка России. Неко-

торое время в Берлине она брала уроки у З.Тарраша, а затем, в 1927 году, перешла в «Школу для умственных игр» к Эм. Ласкеру. Во время мировой войны жила в Аргентине и США, чемпионессой которой она стала дважды – в 1957 и 1964 г.г.

Жизнь чемпионессы трагически закончилась в годы II Мировой войны. После смерти мужа в феврале 1943 года, Вера Францевна жила в небольшом старинном доме, окруженном садом. Вера Менчик погибла в 1944 году во время бомбежки Лондона фау-снарядами. В ночь на 27 июня 1944 года прямым попаданием «самолета-снаряда» дом Веры Менчик был разрушен до основания. Вся семья, включая мать и младшую сестру, Ольгу, также известную шахматистку, погибла под развалинами дома. Не уцелели многочисленные документы и бумаги, принадлежавшие чемпионессе мира. Уцелело лишь бомбоубежище в саду. В послевоенные годы были организованы турниры в ее память в Англии. Первый состоялся в Соунси. С 1954 по 1969 годы в английском городе Богнор-Риджис проводились «мужские» мемориалы Веры Менчик. В 1956 году был проведен международный турнир шахматисток Венгрии в Будапеште, в честь Веры Менчик. В конце августа 1956 года 27-й конгресс ФИДЕ, состоящейся в Москве принял решение о женском командном первенстве мира. Для победителей был учрежден особый переходящий кубок имени Веры Менчик.

2. **Трейбал Карел** (1882–1941), по другим сведениям казнен 15 апреля 1942 года в Праге), по профессии доктор прав, чешский мастер, участник Олимпиад в 1930, 1933 и 1935 годов. Разделил первое место в первенстве Чехословакии в 1921 году. Участник международных турниров. Лучший успех – дележ шестого-седьмого мест вместе с А. Нимцовичем в сильном Карлсбадском турнире 1923 года. Там же одержал победу над А. Алехиным. Во время I Мировой войны был дважды ранен и попал в русский плен. Несколько лет провел в Сибири. Во время II Мировой войны участвовал в Сопротивлении. Погиб от рук нацистов (*расстрелян*). Находился под сильным влиянием творчества М.И. Чигорина. (*Н.И. Греков «М.И. Чигорин великий русский шахматист», М., 1947, с.484*). Его расстрел был замечен антифашистской прессой. В Советском Союзе в «Шахматном бюллетене»

Обложка книги
о Кареле Трейбале

чемпионата, посвященного 25-летию Великой Октябрьской революции, от 15.XI.1942 г. в статье А. Борисова «Фашисты – враги шахматного искусства» было сказано: «Чешский патриот и общественный деятель, известный мастер Карел Трейбал, участник многих международных турниров, казнен по приговору гейдриховского трибунала. Культурное человечество не забудет имени Трейбала, а виновники кровавых убийств в Чехословакии получают заслуженное возмездие, как получил его палач Гейдрих». В Чехословакии проводились турниры его памяти. Несколько раз во многих международных турнирах (Пестьян (1922 г.), Карлсбад (1923 г.), Баден-Баден (1925 г.), Земмеринг (1926 г.) доктор Трейбал играл с А. Алехиным. В Земмеринге сыграл вничью, дважды уступил. И единственную победу из четырех партий чех одержал в Карлсбаде. Это было прекрасная атака, что и было отмечено в турнирном сборнике. В данном тексте приводится изображение обложки книги о Кареле Трейбале, написанная Ладиславом Прокешом. В углу обложки изображена диаграмма победной партии над Алехиным.

3. **Вольф Генрих** (1875–1943). Австрийский мастер. Играл во многих международных турнирах еще в начале XX века. С 1912 года последовал длительный перерыв до 1922 года – турнира в Пестьяне, где он разделил шестое-седьмое места при 19-ти участниках. Получил первый приз за красоту за партию против Рети. Тартаковер сказал о победе Генриха, намекая на его фамилию, что он «не тот волк, который ходит в овечьей шкуре». Лучший успех – третье место в Венском международном турнире 1922 года, где пропустил вперед А. Рубинштейна и С. Тартаковера, но обойдя многих гроссмейстеров – Алехина, Боголюбова, Тарраша, Мароци, Грюнфельда.

Генрих Вольф, 1907 г.

В этом турнире одержал блестящие победы над Алехиным и над Боголюбовым. Вновь прекратил участие в соревнованиях, занимаясь главным образом организацией турниров. Особенно ему удался турнир в Земмеринге в 1926 году. Его жена, известная шахматистка Паулина Вольф-Кальмар (1881–1931), ученица Р. Рети. На чемпионатах мира среди женщин занимала высокие места: в Лондоне в 1927 года была третьей; дважды занимала вторые места позади Веры Менчик. (*Гамбург 1930, Прага 1931*). Вскоре после пражского турнира умерла после продолжительной болезни (*сахарный диабет*). В некрологе, говорилось о том, что она была второй шахматисткой

мира. (См.: «Шахматный листок», Л., 1931, №23–24, с.394). Генрих Вольф был убит в годы войны нацистами. Есть рассказ о неизвестном австрийском мастере, погибшем в Бухенвальде: «В 1944 году в лагерь вместе с австрийскими евреями прибыл один австрийский мастер по шахматам (*фамилии мне установить не удалось*), у которого даже сохранился учебник по шахматам... Австрийскому мастеру, измученному, немолодому человеку, который провел долгие годы в тюрьмах и лагерях, сейчас было явно не до шахмат. Он едва передвигал ноги от слабости и истощения и весь опух от голода и побоев. Подпольщики взяли над австрийским шахматистом шефство. Мы устроили его в детский блок и всячески подкармливали и подлечивали этого человека. Благодаря товарищеским заботам он почувствовал себя лучше. ...австриец стал учить игре в шахматы заключенных детей. ... австрийскому мастеру не суждено было остаться в живых. Прошло несколько дней и подпольной организации стало известно, что его, как активного антифашиста ээсовцы хотят уничтожить. Для спасения были приняты все меры. Больше месяца его прятали по другим блокам, но все было безуспешно. Фашисты все же нашли его, бросили в бункер, а потом сожгли в крематории» (И. Хейфец «Мужество побеждает». (Воспоминания бывшего узника Бухенвальда) – «Шахматы в СССР», М., 1958, №4, с.71). Хочется верить, что это рассказ о Генрихе Вольфе, правда дата смерти иная. Но если это не Вольф, то все равно рассказ страшный и даже **советизмы** не снимают ужаса.

4. **Ландау Сало** (1903–1943), родился в русской Польше, жил в Голландии. Вывезен нацистами в Польшу и погиб вместе с семьей. В энциклопедии Голембека приводится точная дата гибели – 12 октября 1943 года. Крупнейший успех в Роттердаме в 1931 году – первое место, опередив Колля, Тартаковера, Рубинштейна. Выиграл чемпионат Голландии в 1936 и **в том же 1936 году разделил с Алехиным первое место в небольшом турнире в Амстердаме**. Будучи секундантом Алехина, старался изо всех сил помочь своему бывшему соотечественнику, кстати, абсолютно безвозмездно, и не его вина, что первый матч Алехин проиграл Эйве. Между собой они говорили по-русски. Ошельмовать приятеля и тренера и палец о палец не ударить, чтобы спасти его от смерти – это так типично для Алехина.

Сало Ландау

5. **Ловцкий Моисей Леопольдович** (1881–1940?), русско-польский шахматист, маэстро. Жил в Киеве, потом переехал в Варшаву. Выдвинулся в варшавских, киевских и лодзинских соревнованиях. В III Всероссийском турнире в 1903 году разделил шестое-седьмое места, и участвовал в турнире «Hauptturnir» в Кобурге в 1904 г. – где получил третий приз. Главный успех: первое место и звание мастера в Кёльне (1911 г.), в этом же году завоевал второе место в Сан-Ремо выше Б. Костица, Форгача, Пшепюрки, Гунсберга и Рети; подтвердил звание мастера в международном турнире в Пьештяни в 1912 году – двенадцатое место, а также занял четвертое место в турнире мастеров 1913/1914 г. в Петербурге, где выиграл партию у одного из победителей А. Алехина, а с другим, А. Нимцовичем, сделал ничью. В 1913 году сыграл две партии с гроссмейстером О. Дурасом. Обе партии окончились вничью. Во время войны успешно играл в варшавских турнирах: 1916 г. – разделил первое-второе места с А. Рубинштейном; в 1917 г. – второе место, уступив А. Рубинштейну. После I Мировой войны участвовал в польских соревнованиях, иногда добываясь неплохих результатов. Погиб во время немецкой оккупации.

6. **Пшепюрка Давид** (1880–1942); по уточненным сведениям 27 августа 1942 г.), польский шахматный мастер и шахматный композитор, родился в Варшаве. По профессии математик, но занимался коммерческой деятельностью. Участник ряда международных соревнований, где достиг неплохих результатов: в Бреславле в 1912 году – разделил восьмое-одиннадцатое места; в Мерано в 1924 году – четвертое-пятое; в Гьёре в 1924 году занял второе место; в Дебрецене в 1925 году разделил шестое-десятое места. В 1926 году в Мюнхене занял первое место, обогнав Боголюбова, Шпильмана, Земиша и набрал четыре с половиной очка из пяти возможных. Этот 90% результат позволил Б. Кагану написать статью «Гроссмейстер Пшепюрка» и поздравить Польшу с третьим гроссмейстером (после А. Рубинштейна и С. Тартаковера).

Давид Пшепюрка

В том же году он в Мерано разделил второе-четвертое места, наравне со Шпильманом и опередив Костица, Тартаковера; в Гааге в 1928 году занял второе место, уступив М. Эйве. Его стиль Савелий Тартаковер назвал – «основательным». Сам же себя Давид Пшепюрка называл учеником М. Чигорина и очень тепло о нем вспоминал. (См.: Н.И. Чигорин «Великий русский шахма-

тист», М., 1949, с.488). Пшепюрка являлся вице-президентом Польского шахматного союза с 1926 года, был победителем I чемпионата Польши в 1927 году, представлял Польшу на III и IV Олимпиадах. Будучи инициатором проведения в Варшаве VI шестой олимпиады в 1935 году, Пшепюрка немало сделал для развития шахмат в Польше. В 1928-1933 годах был редактором журнала «Свят Шаховы». Польское правительство за неустанный труд во славу «ойчизны» в развитии шахмат наградило его «Золотым крестом за заслуги»!

Крупных успехов добился Пшепюрка в области композиции. Ласкер называл его великим шахматным композитором! С 1896 года он опубликовал 160 трех- и многоходовок логического стиля. Он ценил красоту чистых и экономичных матов, которыми оканчивались его задачи. По различным сведениям, был арестован гестапо в своем частном шахматном кафе. Погиб в Линце(?) от рук нацистов. В послевоенной Польше проводились мемориалы Пшепюрки – в 1950 г. – победил П. Керес (!?); в 1957 г. – Е. Геллер и в 1983 г. – И. Дорфман. В 1931 году в Гамбургской одимпиаде Польша заняла первое место, стараниями евреев – «гроссмейстеров» Рубинштейна, Тартаковера, Пшепюрки и мастера Фридмана. (В команде был единственный поляк – Казимеж Макарчик). Пшепюрка сыграл на третьей доске с неплохим результатом: +7, –2, =4, итого 9 из 13. Среди его побед есть и прекрасная партия против Гедсона Штольца. А.А. Алехин хорошо лично знал Пшепюрку: они играли в одних соревнованиях (Пестьян, 1922 г., Олимпиада). Самое же главное, Александр Александрович высоко ценил композиторское творчество польского чемпиона. В предисловии к книге Ф. Лазара «Mes problemes et etudes `echecs» (Paris, 1929 г.) чемпион мира отметил интерес шахматистов практиков к композиции, где лишь единицы преуспели на этом поприще. Кто эти счастливыцы? Все четыре приведенные примеры – евреи: Рети, Пшепюрка, Тейхман, Шлехтер! (Этюдист и проблемист Фредерик Лазар (Fred Lazard, 1883–1948), еврей по национальности) в 1910-е годы был одним из сильнейших парижских шахматистов; в 1926 году в чемпионате Франции разделил первое место с Шероном. В истории шахмат известен короткой партией против Жибо (Gibauro), игранной в Париже в 1924 году.) В итоговой статье А. Алехина, посвященной Рождественскому турниру в Гастингсе 1924-1925 года, мы можем прочитать следующее: «Если обратиться к качественной стороне турнира, то получается определенное впечатление, что солиднее всех играл Мароци, идейнее и интереснее – Пшепюрка, давший несколько примеров стройных, от начала до конца логически проведенных атак». (см.

Александр Алехин. «Рождественский турнир в Гастингсе» – «Шахматы», Л., 1925, №1, с.7). Мог ли спасти своего друга Давида Пшепюрку чемпион мира? Обращался ли он за помощью к своему «другу» генерал-губернатору Франку? Маловероятно... Не из того теста человек!

О гибели польских шахматистов мы имеем свидетельство варшавянина Ф. Даманьского: «В первые дни февраля 1940 года я направился, как обычно в кафе Кветиньского на Маршалковской, чтобы поиграть в шахматы и поговорить со знакомыми. Поднимаясь по лестнице (кафе находилось на 3-м этаже) я услышал немецкую речь. Открыв дверь, я услышал слова «noch einer» – еще один.

Меня провели в комнату, где у стены стояли завсегдатаи кафе с поднятыми руками... Затем нас разделили на группы и рассадили по машинам... Машина, в которой я находился, долго кружила по всей Варшаве от тюрьмы до тюрьмы – нигде не было свободных камер. В конце концов, нас доставили в следственную тюрьму на Даниловичовской, где к утру оказались все арестованные в кафе. Тюремные власти, тогда еще польские, дали нам понять, что нам предстоит длительное заключение...

Потянулись мрачные дни заключения. В тюрьме был один комплект шахмат; за наши деньги охранники купили еще пять комплектов. Мы решили провести турнир на звание чемпиона Даниловичовской тюрьмы...

Состав участников был очень сильным, достаточно назвать мастеров Ловцкого, Пшепюрку, Кона, Фридмана.

Вскоре немцы выпустили большую часть арестованных, оставив, однако, в заключении всех евреев, среди которых были названные мастера. Впоследствии я узнал, что турнир был продолжен, и первое место в нем занял мастер Ловцкий – это была его «лебединая песня». Насколько я знаю, из участников турнира осталось в живых трое, остальные погибли в тюрьме или во время варшавского восстания...» (Цит. по статье: Я. Рачинский и Э. Шехтман «Выдающийся мастер». (к 100-летию Д. Пшепюрки) – «Шахматы в СССР», М., 1981, №3, с.25). Гибель Пшепюрки была замечена советской прессой, еще в 1942 г. (Бюллетень Шахматного чемпионата, посвященного 25-летию Октябрьской революции, М., от 15.XI.1942 г.)

К месту рассказать и о том, что спасти Пшепюрку пытался польский аристократ и шахматный мастер Казимеж Макарчик (1901–1972). В 1941 году он обратился за помощью к своему другу Ефиму Дмитриевичу Боголюбову, который работал чиновником в генерал-

губернаторстве и был близким знакомым Ганса Франка. Боголюбов наотрез отказался... (*Marek Szapiro «Moje szachowe zycie», Warszawa, без года издания, с.52; Tadeus Wolsza «Arcymistrzowie, mistrzowie, amatorzy... Sownik biograficzny szachistów polskich», Warszawa, 1995, tom1, с.38*) Казимеж Макарчик был мужественным человеком, он был бойцом Армии Крайовы и лишь чудом уцелел во время Варшавского восстания 1944 года. Нелишне сказать, что в 1951 году в мемориале Давида Пшепенурки в Сопоте в 1951 году Макарчик занял пятое призовое место. Да будет благополучно его имя! (*Marek Szapiro Moje szachowe zycie, Warszawa, без года издания, с.52*).

Казимеж Макарчик

7. Штейнер, Эндре (Андреас) (1901– 29 декабря 1944), по профессии крупный изобретатель и инженер-механик. Одновременно с этим увлекался шахматами, став одним из сильнейших венгерских мастеров ярко выраженного комбинационного дарования. Хочется отметить наследственность Эндре: он был сыном шахматного мастера Бенгарда Штейнера (1874–?) и братом международного мастера Лайоша (Людвига) Штейнера (1903–1975); также двоюродным братом международного мастера Германа Штейнера (1905–1955), чемпиона США 1948 года и двух открытых первенств США в 1942 и 1946 годах. Эндре Штейнер играл за команду Венгрии в Олимпиадах 6 раз.

Эндре Штейнер

Благодаря его игре, Венгрия дважды была на первом месте и дважды на втором. Вот его результаты – I Олимпиада – золотая медаль (Лондон, 1927 г.): +6, –2, =5; II Олимпиада – золотая медаль (Гаага, 1928 г.): +10, –3, +3; III Олимпиада – серебряная медаль (Гамбург, 1930 г.): +7, –2, =5; Крупнейший успех Эндру Ш. – достижения 80% результата на второй доске команды Венгрии на Олимпиаде в Стокгольме в 1937 году: +12, –1, =5! Кстати, он одержал победу над Исааком Кэжденом (США). Венгры вновь получили серебряную медаль. Лучшие результаты в международных турнирах: третье место, после А. Алехина и А. Вайды в Портсмуте в 1923 году; дележ первого-третьего мест в Гастингсе в 1923/1924; второе место в Тренчин-Теплиц в 1928 году, уступив Костичу, но выше Шпильмана, Земиша, Грюнфельда, Рети.

Вот как оценивает игру шахматиста Ганс Кмох: «... неожиданно можно признать результат Андреаса Штейнера. Однако, кто знает его боевую натуру и темперамент, унаследованный им от отца, одного из сильнейших шахматистов среди любителей в Венгрии, и воспринятый также его знаменитым братом, тот уже не будет удивляться достигнутому им результату» – («Международный турнир в Тренчин Теплиц» – «Шахматный листок», Л., 1928, №11, с.185).

Эндре Штейнер погиб в концентрационном лагере.

После освобождения Венгрии от нацизма, еще летом 1945 года в Будапеште прошел турнир памяти Штейнера. Участвовали 18 человек, большинство – шахматные мастера. Победителем стал тогда еще совсем юный семнадцатилетний шахматист Пол Бенко. В самом конце 1945 года в Кечкемете прошел турнир памяти замученного нацистами престарелого мастера А. Берковича. Ему было 87 лет! Проводились ли позже в Венгрии турниры памяти Эндрю Штейнера и А. Берковича – неизвестно.

Warszawa 1939 г.	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	Pkt.
1. Najdorf	×	1	1	1	1/2	1	1	1	1/2	1	1	1	1	1	1	13
2. Przepiórka	0	×	0	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	11 1/2
3. Szapiro	0	1	×	0	1/2	1	0	1	1	1	1/2	1	1	1	1	10
4. Jagielski	0	1/2	1	×	0	1/2	0	1/2	1	1	1	1	1	1	1	9 1/2
5. Kierst	1/2	0	1/2	1	×	0	1	1	1	0	1/2	1/2	1	1	1	9
6. Inż. Piltz	0	0	0	1/2	1	×	1	1/2	0	1	1	1	1	1	1	9
7. Dr. Stückgold	0	0	1	1	0	0	×	1	0	1/2	1	1	1	1	1	8 1/2
8. Plater	0	0	0	1/2	0	1/2	0	×	1	0	1	1	1	1	1	7
9. Żupnicki	1/2	0	0	0	0	1	1	0	×	0	1/2	1	1/2	1	1	6 1/2
10. Pytlakowski	0	0	0	0	1	0	1/2	1	1	×	0	0	1	1	1	6 1/2
11. Danneman	0	0	1/2	0	1/2	0	0	0	1/2	1	×	1	1	1	1	6 1/2
12. Berłacki	0	0	0	0	1/2	0	0	0	0	1	0	×	1	1/2	1	4
13. Dr. Hermanowa	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	0	0	0	×	1/2	1	2
14. Siarkiewicz	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1/2	1/2	×	1	2
15. Sobolewski	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	0

*Таблица одного из предвоенных турниров в Польше.
Для многих из участников он стал последним в их жизни.*

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЧЕМПИОНАТ СССР 1925 г.

Сидят (слева направо): Вильнер, Левенфиш, Рохлин (член оргбюро), Готгильф, И. Рабинович, Боголюбов, Ильин-Женевский, Дуз-Хотимировский, Романовский, Сергеев, Ненароков, Верлинский, и А. Рабинович. Стоят: Фрейман, Созин, Еремеев (член оргбюро), Григорьев, Зубарев, Селезнев, Касперский, Кутузов и Ванштейн (член оргбюро).

СУПЕРГРОССМЕЙСТЕРЫ

40-60-х годов XX века.

1. Авербах Юрий Львович (1922 г.). Крупнейшие успехи: чемпион

Авербах Юрий

СССР в 21-м первенстве (1954 г.) – его результат был одним из самых выдающихся за всю историю первенств СССР: +10, =9! Итого: 76,35%. Большого результата достиг лишь Ботвинник – на 13-м первенстве СССР (1944 г.), где набрал 78,15 и на 15-м (1945 г.) – 88,2%! В 23-м на первенстве СССР в 1956 г. Авербах разделил первое-третье места; участник турнира претендентов в Швейцарии (1953 г.), победитель ряда международных соревнований. Авербах – крупнейший теоретик эндшпиля. Он автор уникальной энциклопедии окончаний, вышедшей двумя изданиями. Автор многочисленных статей, опубликованных в периодической шахматной печати. Был долгое время главным редактором бюллетеня «Шахматная Москва», журнала «Шаматы в СССР» и «Шахматного бюллетеня». Занимал ответственные посты в руководстве шахматной федерации СССР и ФИДЕ. Автор воспоминаний «Шаматы на сцене и за кулисами» (М. 2003 г.) Несколькоими партиями Авербаха я восхищаюсь: это партия против Е. Геллера из 21-го первенства СССР, где Юрий Львович почти повторил концовку партии Мак-Доннель – Лябурдоне, когда три пешки черных достигли предпоследней линии, а также две партии из Швейцарского турнира 1953 года, когда Авербах белыми красиво выиграл «сицилианку» у М. Тайманова и сделал с П. Кересом фантастический ход пешкой от позиции своего короля: g5. Сделав сей «антипозиционный» ход, он выиграл пешку, а затем и партию.

2. Болеславский Исаак Ефремович (1919–1977). Победитель ряда

Исаак Болеславский

международных турниров, участник матч-турнира на звание абсолютного чемпиона СССР (1941 г.) – четвертое место, где в частности нанес поражения в матчах П. Кересу и А. Лилиенталю. На 13-м первенстве СССР (1944 г.) был третьим, после М. Ботвинника и В.Смыслова; в 14-м (1945 г.) – вторым, после М. Ботвинника. На 15-м первенстве СССР (1947 г.) – вторым, позади Кереса без единого поражения. В 1947, на турнире памяти Чигорина разделил третье-четвертое места. Участник турнира

претендентов в Будапеште (1950 г.), где разделил первое-второе места с Д. Бронштейном, но уступил ему за право встретиться в матче на мировое первенство с Ботвинником. В конце 40-х годов Болеславский достиг высших успехов. Для дальнейшего продвижения ему не хватало жесткости характера. Участвовал в турнире претендентов в 1953 году. Болеславский – видный теоретик. Его именем названа система в сицилианской защите, им сделаны открытия в староиндийской защите, в испанской партии, в защите Каро-Канн. Болеславский – выдающийся шахматный тренер. Его тренерскими услугами пользовался Т. Петросян в матчах за мировое первенство. Среди обаятельных комбинаций Исаака Ефремовича мне чрезвычайно привлекательна жертва ферзя в партии против Алаторцева из XVIII-го первенства СССР. В одной из книг эта партия так и называется «любимое произведение автора». (А.С. Суэтин «Гроссмейстер Болеславский», М., 1981, с.128).

3. Бронштейн, Давид Ионович (1924–2007) – один из самых ярких шахматистов на всём протяжении истории. Родился в Белой Церкви, родителей репрессировали в конце 30-х годов. Учился в Киеве у мастера Ф.П. Богатырчука. Бронштейн дважды чемпион СССР (1948 г., 1949 г.), в 1970-м году завоевал кубок СССР. Победитель самого первого межзонального турнира в Сальтшёбадене (1948 г.), а также межзонального турнира в Гётеборге (1955 г.). Разделил победу в турнире претендентов с И. Болеславским (Будапешт, 1950 г.). Выиграл матч у И. Болеславского и получил право на матч с чемпионом мира М. Ботвинником. Матч закончился вничью: +5, –5, =14. Ботвинник сохранил свой титул (Москва, 1950 г.). Д. Бронштейн был в высшей степени творческим шахматистом. Своё кредо высказал в книге «Импровизация в шахматном искусстве» (1976 г.). Книга написана его другом Б.С. Вайнштейном, но главу о своём матче с М. Ботвинником написал сам гроссмейстер. Как теоретик Бронштейн прославился не только дебютными изысканиями (например, внедрением в практику староиндийской защиты – детища

Давид Бронштейн

своим титулом (Москва, 1950 г.). Д. Бронштейн был в высшей степени творческим шахматистом. Своё кредо высказал в книге «Импровизация в шахматном искусстве» (1976 г.). Книга написана его другом Б.С. Вайнштейном, но главу о своём матче с М. Ботвинником написал сам гроссмейстер. Как теоретик Бронштейн прославился не только дебютными изысканиями (например, внедрением в практику староиндийской защиты – детища

Д. Бронштейна и И. Болеславского), но и в создании своеобразного и до сих пор непревзойденного учебника по миттельшпилю. Речь идёт о неоднократно переиздававшейся книге «Международный турнир гроссмейстеров. Нейхаузен-Цюрих, 1953, 3-е издание – М., 1987). Книга переведена на ряд европейских языков.

Рассматривая творчество Бронштейна, и восхищаясь его уникальной игрой, приходишь к выводу, что, даже неудачный итог проведенной им партии, зрителя или читателя не обескураживают: **Бронштейн пытается разорвать земное притяжение.** В качестве примера приведем четыре партии Давида Ионовича: Смыслов – Бронштейн (Москва, 1951 г., XIX первенство СССР); Смыслов – Бронштейн (Швейцария, турнир претендентов, 1953 г.); Спасский – Бронштейн, (турнир претендентов, Амстердам, 1955 г.); Бронштейн – Ларсен (межзональный турнир, Амстердам, 1964 г.). По истине в падении Икара – не только трагизм, но и немеркнущий свет красоты ...

4. **Геллер Ефим Петрович** (1925–1998) – один из сильнейших

Ефим Геллер

шахматистов мира в 50-70-е годы XX века. Двукратный чемпион СССР: в 1955 г. разделил первое место с Василием Смысловым. Выиграл дополнительный матч с минимальным счётом 4:3. Второй раз стал чемпионом СССР в 1979 году в 54 года. Принимал участие в 23 первенствах СССР (1949–1985), неоднократный призер этих крупнейших соревнований. Несколько раз играл в турнирах претендентов (Швейцария, 1953 г.; Амстердам, 1956 г., Кюрасао, 1962 г.). Крупнейший успех в карьере Е. Геллера – делёж второго-третье места с Кересом на турнире претендентов в Кюрасао, где он опередил

В. Корчного и Б. Фишера. В этом матч-турнире Геллер выиграл личные матчи у пяти участников и два матча сыграл вничью. Участник претендентских матчей 1968 и 1971 годов, победитель ряда международных соревнований. Геллер – один из немногих, имевших положительный баланс встреч с чемпионами мира М. Ботвинником и Б. Фишером. Одержал красивую победу с жертвой ферзя над чемпионом мира А. Карповым (44-е первенство СССР, Москва 1976 г.). По своему стилю Е. Геллер – тонкий позиционный шахматист с ярким тактическим дарованием, неоднократно получавший призы за красоту. Велик вклад Е. Геллера и в теорию дебютов. Выступал в качестве тренеров чемпионов мира Б. Спасского и А. Карпова.

5. **Корчной Виктор Львович** (1931 г.) – один из величайших шахматистов в истории шахмат. Трижды оспаривал звание чемпиона мира у А. Карпова. Четырехкратный чемпион СССР (1960 г., 1962/1963 гг., 1964/1965 г., 1970 г.). Победитель множества международных соревнований. В его активе победы в матчах с М. Талем, Б. Спасским, Т. Петросьяном, Л. Полугаевским и др. Причины поражения Корчного в единоборстве с Карповым лежали не только в плоскости шахматной (*разница в возрасте у соперников составляла 20 лет*), но и в политическом давлении. Корчной покинул СССР, часто посещал Израиль. Корчной – эталон истинного шахматного бойца. Комбинационное дарование неоднократно приносило ему успех. Выбрать что-то одно из произведений Корчного – очень тяжело. Но я останавливаюсь на партии, сыгранной на XXIII первенство СССР в 1960 году в Ленинграде против Л. Полугаевского, когда Виктор Львович в разгар борьбы делает неожиданный отскок конем Каб-b8, запирая собственную ладью на a8. Я присутствовал в зале и не мог уразуметь смысла столь неожиданного хода. И не только я. Через некоторое время все стало ясно. Полугаевский тоже этого хода не видел.

Виктор Корчной

В. Корчной начинал свой путь в Ленинградском Дворце пионеров. Его тренером был замечательный человек Владимир Григорьевич Зак (1913–1994). Я приведу слова Виктора Львовича о своем учителе, сказанные еще в 1969 году: «Наконец-то, наконец-то решили написать о человеке, которому я обязан так многим, да разве только я?! Я стал гроссмейстером, а он остался кандидатом в мастера. Ведь он сильный, очень знающий шахматист. О мастере я уже не говорю, при благоприятных обстоятельствах, посвяти он себя практической игре, он тоже мог стать гроссмейстером. Но из-за одного только меня Владимир Григорьевич несколько раз отказывался от хороших турниров, считая, что в этот момент мне, тогда мальчишке-перворазряднику, он был нужнее, чем самому себе...» (*Н. Борисов «Гроссмейстером он не стал» – «64», 1969, №44, с.9*) Других поздних и позднейших слов Корчного в адрес «ангела-спасителя» я не хочу знать и приводить их...

6. **Лилиенталь Андрей Арнольдович**, иначе Лигети-Лилиенталь Андор (1911 г.). Родился в Москве. Его мать была оперной певицей, выступала на сцене Большого театра. Отец, обладал редчайшей в то время профессией – он был автомобильным гонщиком. В автопробеге Москва – Петербург занял второе место. В возрасте двух лет, мать

отвезла Андора (Андре) в Будапешт, к своему отцу. Между прочим, дед шахматиста по отцу – Давид, эмигрировал в США и стал одним из руководителей ученых, работавших над созданием атомной бомбы. Разразившееся I Мировая война разрушила благополучие семьи. Отца, как австрийского подданного, интернировали и отправили в Оренбург. Мать от огорчений потеряла голос. Жили они очень бедно. Мать добывала хлеб шитьем. Ее сын закончил всего пять классов и получал «еврейскую» специальность портного. Научился Андре играть в шахматы в шестнадцатилетнем возрасте. «Как

Андрей Лилиенталь

Чигорин», говорил юный Лилиенталь. В 1929 году с трудом добрался до Парижа, где его наставником стал Тартаковер, а русский художник

Виктор Сергеевич Барт, страстный любитель царской игры и организатор турниров помог войти в шахматную среду. До войны Лилиенталь был гражданином Венгрии. Трижды играл на Олимпиадах за команду Венгрии – в 1933, 1935 и 1937 годах. (За это ему выплачивают до сих пор пенсию!) Блестяще играл в блиц. В 1932 году в Париже Алехин предложил молодому таланту сыграть четыре партии и проиграл со счетом =1, –3. На предложение продолжить игру, юноша благоразумно отказался, сказав, что хочет сохранить в своей памяти победу над чемпионом мира. Алехин нахмурился и тут же расхохотался, что говорит о наличии чувства юмора у

Александра Александровича. Он внес денежный залог за участие Лилиенталья в блицтурнире, чем очень помог бедняку. Андре занял первое место, и когда победитель хотел вернуть долг: чемпион мира сказал: «Станете мастером – вернете»... Все это говорит о теплых отношениях между «арийцем» и «иудеем». В турнирных партиях Лилиенталь одну партию проиграл Алехину, а в другой – «с позицией силы» сделал ничью – в этот момент у венгерца были две ладьи и пешка за ферзя, и объективно выигранная позиция. Но, по собственному при-

знанию, Лилиенталь «боялся» своего противника. В Гастингсе 1933-1934 годах разделил второе-третье места с Алехиным, уступив первое место С. Флору. После второго Московского международного турнира остался в СССР. В 1939 году принял советское гражданство: выбора не было – Европа оккупирована наци, да и русскую жену из СССР не выпустят. Годы войны и последующие 25 лет жил в СССР. Во время войны в немецком лагере погибла его родная сестра. Андре давал сеансы одновременной игры в госпиталях и на фронте. Как ни странно по паспорту он считался венгром, из-за чего были неприятности, так как Венгрия воевала на стороне нацистской Германии. Помог... Лаврентий Павлович. Берия же, что уже выглядит совсем странно, после обращения к нему Саломона Флора и Андрэ Лилиенталья, позволил им приобрести трофейные машины...

В 1976 году вернулся в Венгрию с помощью своего школьного друга Яноша Кадара. Ещё до войны добился ряда крупных успехов: В 1930 году в Штубене (Чехословакия) занял первое место (9 из 12), опередив В. Пирца, Флора. В 1934 году в Уйпеште (Венгрия) занял первое место выше В. Пирца, С. Флора, Э. Грюнфельда, Г. Штальберга, Э. Элисказеса, М. Видмара, С. Тартаковера. Выступал за команду Венгрии в Олимпиадах: Фолкстон 1933 г. – 10 очков из 13 лучший результат среди запасных. В 1933/34 г. в Гастингсе разделил второе-третье места, уступив Флору. Чемпион СССР 1940 года наравне с И. Бондаревским, выше П. Кереса и М. Ботвинника, у которого выиграл партию; турнир провел без единого поражения – высшее достижение в его карьере. Участник турнира претендентов в Будапеште в 1950 году.

Лилиенталь – шахматный журналист. В СССР вышли две его книги: «Жизнь шахматам» (М., 1969) и «Андре Лилиенталь». (М., 1989) По своим творческим взглядам А. Лилиенталь – острый тактик, неоднократно побеждавший своих соперников каскадом жертв. Создатель красивой партии, в которой, пожертвовав ферзя, одержал блестящую победу над Капой в Гастингском турнире (1934/1935). Это партия кочует из книги в книгу. Интерес в том, что первый шах белые дают лишь на четвертом ходу комбинации!

7. **Найдорф Мендель** (Мечислав в польском «варианте», Мигель – в испанской «версии», в «русской партии» – Мендель Гедальевич (1910–1997). Считался претендентом на мировое первенство в первой половине 50-х годов. Родился в Варшаве в семье торговца мануфактурой. По другой версии, на мой взгляд, более точной, родился в местечке Гродзиск-Мазовецкий, где жила его мать, урожденная Бернштейн, и получил имя

Мойше Берек. Окончил знаменитую варшавскую гимназию им. Ста-

Мендель Найдорф

шица. Еще до 1939 года добился ряда шахматных успехов. В начале Второй Мировой войны застрял в Аргентине, где в тот момент проходила шахматная олимпиада. Семья Найдорфа: мать, жена, трехлетняя дочка и четверо братьев, погибла от рук нацистов. До конца своих дней он искал их следы, но безрезультатно. Трагедия его не подкосила. Он создал новую семью и вместе с будущим гроссмейстером Карлосом Гимаром основал страховую компанию. Не раз занимал первые места в польских турнирах и в международных турнирах в Мардель-Плата. Большого успеха достиг в Гаване в 1962 году. Свел вничью матч с Р. Файном (1949 г.). Дважды играл в турнире претендентов (Будапешт, 1950 г.; Швейцария, 1953 г.). М. Найдорф – выдающийся тактик, до войны создал шедевр – «польскую бессмертную партию», проведенную в гусарском стиле. Как шахматист сложился в довоенной Польше, не без влияния «чигоринской школы». Его учителями были Пшепюрка и Тартаковер. В 1932 году сыграл вничью две показательные партии с чемпионом мира АLEXИНЫМ, привлечшие внимание всей шахматной общественности. В 1935 году одержал победу в матче над С. Тартаковером. Имел «персональную» победу над Ботвинником, чуть не лишившую будущего чемпиона мира первого места в Гронингене (1946 г.). Найдорф вообще довольно успешно сражался с советскими гроссмейстерами. Так, на турнире претендентов в Швейцарии, он добился ничейного результата против первых четырех призеров: В. Смыслова, Д. Бронштейна, П. Кереса и С. Решевского, а против пятого призера Т. Петросяна набрал полтора очка из двух. Лучшая партия на мой эстетический вкус – это, несомненно, победа при игре черным цветом над М. Таймановым в том же тур-

нире претендентов, «когда подобно расписанию поездов» (Д. Бронштейн), все черные фигуры нависли над белым королем. Последний ход черных 33. ...Cd7-h3 с угрозой С:g2+, кроме того грозит Л:f3. Изящный мат получают белые после взятия слона 34. g2:h3. Следует жертва ферзя 34...Фg5-g1+ 35. Ch2:g1 Лg7:g1+ 36.Kph1-h2 Kh4:f3x. Белые предпочли менее красивую «смерть».

В 1948 году, когда планировался матч-турнир на первенство мира, выдвигалась фигура Найдорфа, на место отказавшегося от участия Файна. Понятно, что Советы не согласились... В Аргентине и Польше проводятся мемориалы М. Найдорфа. К этому следует добавить, что, будучи состоятельным и щедрым человеком, он пожертвовал 1 миллион долларов на проведение шахматных состязаний.

8. **Полугаевский Лев Абрамович** (1934–1995) – видный гроссмейстер. Чемпион СССР 1967 года (вместе с М. Талем) и 1968 года. В 1969 разделил первое место в турнире на первенство СССР с Т. Петросяном, и ему же проиграл матч. Трижды играл в претендентских матчах: выиграл у М. Талья (1980 г.) и у Э. Мекинга (1977 г.); проиграл А. Карпову (1974 г.) и В. Корчному (1977 и 1980 гг.). Л. Полугаевский был великолепным счётным шахматистом, вместе с тем превосходно вёл позиционную борьбу. Недостатки как турнирного бойца – лежали в области психологии. Давид Бронштейн в одной из статей высказался прямо. Речь шла о желательности предоставить возможность сыграть молодому волжанину матч на звание гроссмейстера. «Способности для этого у Полугаевского налицо, **достало бы храбрости**» (*«Гроссмейстер Полугаевский»*, Автор-сост. Я.В. Дамский, М., 1982, серия – выдающиеся шахматисты мира, с.44) Да, Полугаевский один из наиболее ярких представителей современного острого стиля, по своим данным не уступающий лидерам этого стиля Талю и Спасскому, но для суровой борьбы еще нужен характер. При этом любопытно, что против М. Талья он имел подавляющий перевес в личных встречах.

Полугаевский Лев

В 90-е годы прошлого века переехал во Францию. После тяжелой болезни безвременно ушёл из жизни. Мои любимые партии, выигранные Полугаевским: партия против М. Талья из 37-го первенства СССР, где была проведена одна из сложнейших комбинаций на знакомую тему: жертва слона на h7 с дополнительным тихим ходом h4. Вторая же партия уникальна. Она играна в Московском международном турнире против филиппинского гроссмейстера Е. Торре. Лев Абрамович пожертвовал целую ладью и отнюдь не с целью немедленного отыгрыша материала, а с постепенным медленным «удушением» противника. Такова была тайна позиции.

9. Решевский Самуэль (1911–1992). Один из претендентов на звание

Самуэль Решевский

чемпиона мира. Родился в русской Польше в местечке Озерково. Научился играть в пять лет и вскоре начал «карьеру» вундеркинда. На него обратили внимание в Лодзи – Г. Сальве, а в Варшаве – А. Рубинштейн. В восьмилетнем возрасте гастролировал по всей Европе с сеансами одновременной игры. В конце 1920 года семья переехала в США, где его гастроли продолжились. Мальчик выиграл в сенсационном стиле партию у гроссмейстера Д. Яновского. К счастью для его воспитания (*так считали довоенные психологи*), он был оторван от шахмат и получил образование. Решевский окончил колледж в

Детройте. Первые успехи пришли к середине 30-х годов. В Маргите в 1935 году он победил, опередив Х-Р. Капабланку, у которого выиграл личную встречу. В Ноттингеме в 1936 году делит третье-шестое места с чемпионом мира М. Эйве и Р. Файном, пропустив вперед М. Ботвинника и Х-Р. Капабланку, но опередив А. Алехина, проигравшего ему, а также Э. Ласкера, С. Флора, Е. Боголюбова. В 1937 году в Кемери разделил первое-третье места с В. Петровым и С. Флором, в 1939 году – в Тренировочном турнире Москва – Ленинград занял второе место, пропустив вперед С. Флора. В матч-турнире на первенство мира (Гаага – Москва, 1948) разделил третье-четвертое места с П. Кересом. На турнире претендентов в Швейцарии разделил второе-четвертое места с Д. Бронштейном и П. Кересом, уступив В. Смыслову. В матче СССР – США (1955) – одержал победу над чемпионом мира М. Ботвинником: +1, –0, =3. В 1960 году в Буэнос-Айресе разделил первое место с В. Корчным. Выиграл два матча у М. Найдорфа (1952 г.), один – у С. Глигорича (1952 г.). Его матч с Р. Фишером прерван в 1961 году при ничейном счёте: +2, –2, =7. Неоднократно выступал в Израиле: в Натани в 1969 году – первое место, в Беэр-Шеве разделил четвертое-шестое места. П.А. Романовский, оценивая стиль Решевского, сближает его с творчеством Арона Нимцовича. Высокая оценка! Одна из лучших партий С. Решевского сыграна против А. Алехина в Ноттингеме в 1936 году. «Работа» двух коней черных производит высокохудожественное впечатление. И это по признанию самого проигравшего. О другой партии Решевского против Капабланки, как мы помним, рассказал П. Романовский.

10. **Сабо Ласло** (1917–1998). Родился в Будапеште. В 18 лет стал чемпионом страны. Из довоенных успехов отметим победу в Гастингсе (1938–1939), впереди М. Эйве. В период с 1946 по 1979 год участвовал в 88 соревнованиях, в которых 21 раз побеждал и 30 раз занимал вторые и третьи места. Крупнейший успех – второе место в Межзональном турнире 1948 года в Сальтшёбадене, где из 20 участников, уступил лишь Д. Бронштейну, но опередил И. Болеславского, А. Котова, И. Бондаревского. Участник турнира претендентов в Швейцарии (1953 г.), где сыграл неудачно и в Амстердаме (1956 г.) – делёж третьего-шестого мест. Сабо принимал участие в качестве арбитра в матчах на мировое первенство. Был журналистом, редактором венгерского шахматного журнала. Как это ни парадоксально звучит, но Л. Сабо, будучи евреем, был призван в венгерскую армию. Венгрия во время II Мировой войны была союзницей нацистской Германии. В 1943 году он попал в плен под Воронежем и находился в лагере под Моршанском до 1945 года. Очень обижался на Флора и Лилиенталю, *не пожелавших* помочь ему. Судя по всему, письма до адресатов не доходили и чем они, бесправные, могли помочь своему товарищу? Наивность... Из его партий отмечу красивую победу над А. Котовым в матч-турнире на первенство мира в Будапеште в 1948 году.

Ласло Сабо

11. **Тайманов Марк Евгеньевич** (1926 г.) Крупный советский гроссмейстер. Один из претендентов на мировое первенство. Свое шахматное обучение прошел в Ленинградском Дворце пионеров. Впоследствии Тайманов с благодарностью вспоминал наставников: С.О. Вайнштейна, А.С. Будо, А.П. Сокольского, И.Л. Рабиновича, Г.Я. Левенфиша. Около двух лет он занимался в группе Ботвинника – далее помешала война. Но эти занятия с будущим чемпионом мира решили его участь. Тайманов участвовал в 23 первенствах СССР. Пятикратный чемпион Ленинграда (1948–1973). Чемпион СССР 1956 года. Тогда разделив первое-третье места с Б. Спасским и Ю. Авербахом, выиграл дополнительный матч-турнир. В 1952 году в XX первенстве СССР разделил первое-второе места с чемпионом мира М. Ботвинником. Проиграл матч на звание чемпиона страны с почетным сче-

Марк Тайманов

том +1, -2, =3. Кроме того, был и серебряным и бронзовым призером чемпионатов страны. Победитель и призер многих международных турниров. Крупнейшая шахматная катастрофа Марка Тайманова – проигрыш претендентского матча Р. Фишеру с катастрофическим результатом 0:6! Утешением ему послужил результат другого «оптимиста» – Бента Ларсена, также проигравшего Фишеру с тем же счетом 0:6...

М.Тайманов был профессиональный пианистом, окончившим Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано. В 50-60-е годы большой популярностью пользовался на сценах страны фортепианный дуэт: Любовь Брук – Марк Тайманов. В десятилетнем возрасте сыграл роль скрипача Юльки в фильме «Концерт Бетховена» (1937 г., режиссер Владимир Шмитдхоф, музыка Исаака Дунаевского).

Артистизм был свойственен и шахматной игре Тайманова. Одна из самых красочных партий была им сыграна против «непробываемого» Тиграна Петросяна в турнире претендентов в Швейцарии (1953), когда ему удалось прорвать оборону противника, не прибегая к помощи пешек. В 1977 году красивой комбинацией он одолел в то время непобедимого чемпиона мира А. Карпова. Дело было на Ленинградском международном турнире, посвященном 60-летию Октябрьской революции. Марк Евгеньевич талантливый шахматный журналист, издавший десятки книг. Крупный теоретик. Чемпион мира среди сеньоров.

В свое время (в 1979 году) Тайманов способствовал репринтному переизданию книги «Международный Шахматный Конгресс в память М.И. Чигорина», СПб, 1909 г. Его вступительная статья набрана на широких клапанах суперобложки. Он писал: «И все же чем особенно знаменателен выход в свет этого почтенного сборника?

Вспоминаю курьезный случай. Знакомый меломан как-то обратился ко мне с просьбой: «Научи меня играть «Лунную сонату». Больше ничего мне не нужно...» Ему и невдомек было, что для исполнения только одного сочинения Бетховена необходимо знать всю классику, начиная от Баха... Этот принцип касается не только музыки. Вот почему, встречаясь с шахматными произведениями далекого прошлого, мы с удовольствием ощупываем их, «как старое, но грозное оружие».

Маленькое послесловие. Этим «надоедливым» меломаном был гроссмейстер А. Котов, который к удивлению Марка Евгеньевича Тайманова и Якова Владимировича Флиера разучил «Лунную сонату» Бетховена!? Что скажешь! Талант, есть талант!

12. Файн Ройбн (1914–1993). Один из сильнейших шахматистов мира конца 30-х начала 40-х годов. Никогда, не был шахматным профессионалом. Профессор психологии. Крупнейшее достижение: делёж с Кересом первого-второго мест в Авро-турнире, где он опередил М. Ботвинника, М. Эйве, А. Алехина, Х-Р. Капабланку, С. Флора.

Ройбн Файн

Файн научился шахматной игре в восьмилетнем возрасте. Он бесперерывно читал шахматную литературу, черпая из неё необходимое для его развития, которое впоследствии через призму психоанализа, легло в его сознании следующим образом. У Стейница он заимствовал – последовательность и логичность, у Ласкера он почерпнул умение выжимать максимум из каждой партии, у Капабланки – силу простоты, у Алехина – умение реализовывать преимущество, у Рубинштейна – искусство игры в эндшпиле, у Нимцовича – избегания шаблона. Файн выучил специально немецкий язык для ознакомления с творчеством своих великих учителей и впервые очередь проштудировал Тарраша. Он даже перевел на английский язык труды Рети и Нимцовича. Результаты были впечатляющими. Файн выиграл несколько международных турниров: в Зандворте (1936 г.) – опередив М. Эйве, П. Кереса, Е. Боголюбова, Р. Шпильмана; в Амстердаме (1936 г.) – первое место, обойдя двух чемпионов мира – А. Алехина и М. Эйве; в 1936 г. в Осло – первое место, опередив С. Флора. В 1937 году выиграл турниры в Стокгольме, Маргите, Остенде и, будучи в СССР, победил в двух турнирах: в Москве – опередив шесть мастеров и гроссмейстера А. Лилиенталья, и в Ленинграде – обойдя Г. Левенфиша и И. Рабиновича. В 1948 году отказался участвовать в матч-турнире на первенство мира. Шахматист позиционного стиля, отличался отточенной техникой, искусственным маневрированием. Его имя легло в основу провозглашенной П.А. Романовским школы – «файно-флоровского стиля». Р. Файн – крупный шахматный теоретик, оставивший солидные труды по всем стадиям шахматной партии. В шахматной истории остался как один из немногих шахматистов, имевших положительный баланс встреч с А. Алехином: +3, –2, =4.

С Капабланкой он тоже удачно играл: все их встречи окончились вничью. Это были боевые и бескомпромиссные баталии. И против Ботвинника Файн добился перевеса в очко. К сожалению, Файн Ройбн рано ушел из больших шахмат.

Он автор множества книг и среди них имеющая большое значение для понимания психологии шахматистов и истории шахмат: «Psycho-analytical Observations on Chess and Chess masters» (New York, 1956).

Находясь на вершине шахматной карьеры, Файн уходит из больших шахмат. Объяснение данное им в его книге «Lessons from my games: a passion for chess» (New York, 1958 «Уроки моих игр: Страсть к шахматам») следующее: «К 1938 году моя прежняя страсть к шахматам улеглась. Хотя мне было всего 23 года, но я уже имел девятилетний стаж участия в соревнованиях. Я стремился вернуться к своей профессиональной деятельности, которую прервал ради шахмат».

Об Алехине писал несравненно более объективно, чем тот о нем: «Алехин был нашим героем в начале 30-х годов... Победа над Капабланкой впрыснула в шахматы жизненную силу, в которой они так остро нуждались... Шахматы были его страстью, они составляли для него дыхание жизни». (А.М. Константинопольский «Смелая и интересная позиционная жертва» – «Бюллетень Центрального шахматного клуба», М., 1989, №9, с.9.). Вместе с тем следует указать, что Файн не простил Алехину сотрудничества с наци и активно проводил в США кампанию по недопущению чемпиона мира на «Турнир победы», состоявшийся в Лондоне в 1946 году.

13. Флор Саломон Михайлович (1908–1983) – выдающийся гросс-

Сало Флор

мейстер. Родился в галицийском местечке Городенко, Станиславской губернии (ныне Ивано-Франковская область Украины) в многодетной семье. В детстве перенес ужасную семейную драму: в 1916 году отступающие русские войска устроили зверский погром, убив родителей и шесть его братьев и сестер. В живых остались – старший брат Мозис (Моисей) и Сало. Их переправили в Моравию, тогда входившую в состав Австро-Венгрии. Поначалу они проживали в городке Липник в детском еврейском приюте в Микулове. Затем в биографии имеются разночтения. По одной версии дети были отданы на воспитание в еврейскую семью города Литомирице, а по другим сведениям их приютила раввинская семья в Бенешове. Саломон был смышленным, но слишком озорным мальчиком, предпочитавшим игру в футбол изучению талмудических премудростей. Для его «успокоения» ему купили шахматы. Это был перст судьбы.

После окончания гимназии в 1924 году Флор переехал в Прагу и работал на фабрике по производству бумаги. Здесь юноша начал посещать шахматный клуб Прокеша в пражском районе Смихове. Стоит сказать несколько слов о самом профессоре Ладиславе Прокеше (1884–1956), который был мастером по шахматам и международным арбитром по композиции. С 1906 опубликовал около 1200 этюдов(!), в которых он превыше всего ставил комбинацию.

У Саломона был хороший учитель, хотя он впоследствии отрицал наличие у него «учителей». Флор участвовал в сеансах одновременной игры, проводимых Рихардом Рети, Рудольфом Шпильманом, у которого он выиграл партию. Но самое потрясающее для юноши было видеть сеанс одновременной игры вслепую, проводимый Яковым Мизесом. Это окончательно предопределило его судьбу. Флор стал участвовать в клубных соревнованиях и быстро завоевывал признание. В 1927 году он занял третье место на турнире памяти Вацлава Каутского, где участвовали все сильнейшие шахматисты Чехословакии: международные мастера Громадка, Опоченский и другие. Сразу же определилась профессия, всегда сопутствующая шахматистам – журналистика. Он работал репортером в нескольких чешских газетах. Почти сразу же его статьи нашли своего читателя и стали переводиться на другие языки.

Высшие достижения Флора выпали на вторую половину 30-х годов. Международная шахматная федерация (ФИДЕ) в 1938 году провозгласила С. Флора официальным претендентом на мировое первенство. В ФИДЕ рассматривались две кандидатуры – Х-Р. Капабланки и С. Флора. За С. Флора проголосовало восемь человек, за Капабланку – пять.

№ п/п	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Сред.	
1	Флор	×	1/2	1	1/2	1/2	1/2	0	1	1	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	1	1	+	12
2	Решевский	1/2	×	1/2	1/2	0	0	1	1/2	1/2	0	1/2	0	1/2	1	1	1	1	1	+	10 1/2
3	Левенриш	0	1/2	×	1/2	1/2	1	1/2	1	1/2	1/2	1	0	1/2	1/2	1	1/2	1	1/2	1	10
4	Лилленталь	1/2	1/2	1/2	×	1/2	1	1/2	1/2	1	1	1/2	0	1/2	0	1/2	1	1	1	1	10
5	Макгоменов	1/2	1	1/2	1/2	×	1	1/2	0	1/2	1/2	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	10
6	Рыгозин	1/2	1	0	0	0	×	1/2	0	1	0	1	1	1	1	1/2	1	1	1	1	10
7	Белавенев	1	0	1/2	1/2	1/2	1/2	×	1/2	1/2	0	1	1/2	0	1/2	1	1	1	1/2	1	9 1/2
8	Цабринович	0	1/2	0	1/2	1	1	1/2	×	1/2	1	0	1/2	1/2	1	0	1	0	1	1	9 1/2
9	Алаторцев	0	1/2	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	×	1/2	1/2	1	0	1	1	1	1	1/2	1/2	9
10	Жан	0	1/2	1/2	0	1/2	1	1	0	1/2	×	1/2	1/2	1/2	0	1	1	1	1	1	9
11	Константинопольский	1/2	1	0	0	1/2	0	0	1	1/2	1/2	×	1	0	1	1/2	1/2	1/2	1	1	8 1/2
12	Керес	1/2	1/2	1	1/2	0	0	1/2	1/2	0	1/2	0	×	1	1/2	1	1/2	1/2	1/2	1/2	8
13	Смиглов	1/2	0	1/2	1/2	0	1	1/2	0	1	1/2	1	0	×	1	0	1/2	0	1/2	0	8
14	Боглидзе	1/2	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	0	0	1	0	0	×	1/2	1	1/2	1	1/2	1	7 1/2
15	Толуш	0	0	0	1	1/2	0	0	1	0	1/2	0	1	1/2	×	0	1	1/2	0	1	7
16	Романовский	0	0	1/2	1/2	1/2	0	0	0	0	1/2	1/2	1/2	0	1	1	1	1	1	1	6
17	Бондаревский	0	0	0	1/2	1/2	0	1/2	0	1/2	0	1/2	1	1/2	0	0	0	0	1	1	5
18	Танов	—	—	1/2	1/2	0	1/2	0	1/2	1/2	—	0	1/2	1/2	—	—	—	0	×	1	3 1/2

Таблица «тренировочного турнира» Ленинград – Москва 1939 года, в котором Сало Флор одержал блестящую победу, полагаю, самую значимую в его карьере.

30 мая 1938 года в Праге был подписан официальный протокол: матч назначался на конец 1939 года. Началась II Мировая война. Родина Флора была попрана немецкими полчищами. Матч не состоялся, и вместе с тем произошло резкое падение шахматной силы гроссмейстера. После аннексии Чехии и начала войны Соломон метался по всей Европе и скорее вынуждено, чем добровольно, обосновался в СССР. Первый крупный международный успех С. Флора – второе место в Рогатской Слатине (1929 г.), отстав от А. Рубинштейна, но опередив Г. Мароци, Э. Грюнфельда, Ф. Земиша. В Гастингсе (1931/1932 гг.) – первое место, опередив И. Кэждена, М. Эйве, Г. Штольца. В Лондоне (1932 г.) – второе место, уступив А. Алехину, но опередив И. Кэждена, Г. Мароци, С. Тартаковера; в Слиаче – (1931/1932 гг.) – разделил первое-второе место с М. Видмаром, обойдя В. Пирца, Г. Мароци, Р. Шпильмана, Е. Боголюбова, у которого выиграл партию; в Берне (1932 г.) – второе-третье места наравне с М. Эйве, уступив А. Алехину, но обогнав Е. Боголюбова, М. Султан-хана, О. Бернштейна и других. В Гастингсе (1933/1934 гг.) первым нарушил гегемонию Алехина, заняв первое место; в Гастингсе (1934/1935 гг.) – первое-третье места наравне с М. Эйве и Дж. Томасом, опередив Х-Р. Капабланку, М. Ботвинника, А. Лилиенталья. Крупнейший успех сопутствовал С. Флору в Москве (1935 г.) – делёж первого-второго мест с М. Ботвинником, опередив Э. Ласкера, Х-Р. Капабланки, Р. Шпильмана, А. Лилиенталья. Также на Олимпиаде в Варшаве в 1935 году на первой доске Флор вновь занял первое место, опередив Алехина с результатом $+9, - 0, = 8$ или 76,4% набранных очков, который был вторым: $+ 7, - 0, = 10$ или 70,5% набранных очков.

Успехи следовали один за другим. В Маргите (1936) – первое место, опередив Х-Р. Капабланку. В Подебради (1936) – первое место, обойдя А. Алехина, В. Пирца, Г. Штальберга, К. Рихтера, В. Петрова; в Кемери (1937) – первое-третье места наравне с С. Решевским и В. Петровым, опередив А. Алехина и П. Кереса; в Кемери – Рига (1939) – чистое первое место namного обойдя Е. Боголюбова и В. Петрова; в тренировочном турнире Москва – Ленинград (1939) – чистое первое место, опередив С. Решевского, Г. Левенфиша, П. Кереса и всех советских шахматистов (кроме М. Ботвинника); в турнире в Маргите (1939) – второе-третье места с Х-Р. Капабланкой, уступив П. Кересу. Затем успехи С. Флора резко снижаются, хотя он не раз удачно играл в первенствах СССР (особенно в полуфиналах) и на первенствах Украины. Лучшие результаты в чемпионатах СССР – четвертые места в 1944 и 1948 г.г. Флор выиграл матчи у Г. Штольца (1931 г.), у Султан-хана

(1932 г.), у В. Микенаса (1938 г.), свёл два матча вничью с М. Эйве (1932 г.) и с М. Ботвинником (1933 г.). Матч с Микенасом (1938: +6, –0, =4) был сыгран в процессе подготовки к матчу на мировое первенство. Считалось, что стиль литовского мастера несколько напоминает стиль Алехина. Он и вправду играл удачно с А. Алехиным. Флор с чемпионом мира играл неудачно, но у него был свой рекорд: в турнирах он трижды обгонял Алехина: в Гастингсе 1934/35, в Подебради 1936, в Кемери 1937.

С. Флор до Второй Мировой войны побывал в Палестине, где выступал с сеансами одновременной игры.

Из характеристики Флора, данной Ботвинником, мы можем узнать, что в молодости С. Флор был комбинационным шахматистом, но потом перешёл на позиционные рельсы. По словам Михаила Моисеевича, «его боялись». Вероятно, за шахматную силу и малый рост его прозвали «Наполеоном». Ботвинник, подводя итоги одиннадцатого первенства СССР и отмечая недостатки советских шахматистов, лежащие в области позиционного маневрирования, советовал изучать партии С. Флора и предлагал издать сборник его партий. Не исключая, что это завуалированный ответ П.А. Романовскому на упомянутую выше статью. Во время войны С. Флор находился в СССР, где в 1942 году получил советское подданство. Есть забавные воспоминания певца Михаила Александровича об этом факте. После принятия советского гражданства гроссмейстера Флора и его жену немедленно выселили из гостиницы для иностранцев в Тбилиси, где они проживали. Заодно они лишились и «довольства»: голодные и испуганные Флоры просили помощи у знаменитого певца.

Флор оставил заметный след в шахматной журналистике. Уже после смерти в СССР вышел сборник шахматных очерков (*«Часы не установлены»*, М., 1984) и сборник партий (М., 1985 – в серии *«Выдающиеся шахматисты мира»*). Лучшей своей партией в долгой карьере считал виртуозную реализацию преимущества двух слонов в шестой партии матча против Ботвинника. В свое время Александр Алехин высоко оценил этот позиционный шедевр.

Необыкновенно теплые слова в адрес Саломона Михайловича Флора написал писатель Юрий Нагибин: «Мне кажется, что Флор писал с бодрой охотой, без той муки, страшнее которой нет, слова слетались к нему, как приученные птицы. Он писал о том, что любил больше всего на свете, о чем постоянно думал, чем жил и что знал до дна. Он был талантлив, умен, находчив, радостен сердцем. Его

щедро одаренной натуре все давалось легко... Конечно, немалую роль сыграли и тяжелые переживания войны и разочарование от несостоявшегося матча на первенство мира с Алехиным, но все же думается, что светлая и подвижная душа Флора справилась бы с этим, но шахматный поезд ушел... И вот какая возникает тема: Флор, светлый, легкий Флор – трагическая фигура. Трагична ли его личная судьба?

Что может быть трагичнее для человека, чем потеря родины. А Флору пришлось покинуть Чехословакию, ставшую очередной добычей нацизма. Он скитался по городам Европы. Пока его не пригрел Советский Союз, ставший для него второй родиной. Флор прожил в нашей стране долгую счастливую жизнь...» (*Юрий Нагибин «Гроссмейстер Флор и его книга», предисловие к книге С. Флора «Сквозь призму полувека», М., 1986, с. 4*). Задумаемся в этом месте. Судьба Флора была трагична изначально, и связано это было с именем «Россия». Знал ли Нагибин о погибших в погроме родителях, братьях и сестрах Саломона? Вряд ли. Флор никогда в СССР не писал об этом. Это был страх. В Израиле я познакомился с чешскими родственниками Саломона Михайловича, встречи с которыми панически боялся гроссмейстер, и, по словам которых, он был попросту напуган их появлением на его горизонте. И это – в «мягкие» 60-е годы. Я даже не знаю, чья судьба была более трагична – Флора или Найдорфа, у которого нацисты уничтожили всю семью. А в основном всё, что Нагибин написал о Соломоне Флоре, правда.

14. Штейн Леонид Захарович (1934–1973). Слишком рано оборва-

Леонид Штейн

лась жизнь этого замечательного шахматиста. За свою короткую шахматную карьеру он трижды(!) побывал чемпионом СССР, 12 раз представлял СССР в командных соревнованиях; участник зональных и межзональных соревнований, победитель многих международных турниров. Штейн был истинным бойцом, уникальным шахматистом комбинационного стиля, зачастую идущий на открытый риск. Одна из глав книги, посвященной ему (*Э. Гуфельд и Е. Лазарев «Леонид Штейн», М., 1980 г.*), называется «Стратегия риска». Кстати, предисловие к этой книге было написано тогдашним чемпионом мира А. Карповым, что делает ему честь, ибо по своему стилю Карпов – представитель противоположного «файно-флоровского» стиля.

А. Карпов писал: «...его вклад в сокровищницу древней игры весьма значителен, своеобразен, ярок и по-своему неповторим». Многие партии Л. Штейна отмечены призами за красоту. Моя любимое шахматное «полотно», как ни странно, ничейная партия против Б. Спасского, игранная в зональном турнире (Москва, 1964 г.). Испанская партия, атака Маршалла, приведшая к необыкновенно красивой позиции.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ...

XXXXI первенство СССР, 1973 год.

Участники в порядке занятых мест: Спасский, Карпов, Корчной, Кузьмин, Петросян, Полугаевский, Геллер, Григорян, Керес, Савон, Тайманов, Таль, Рашковский, Тукмаков, Аверкин, Смыслов, Свешников, Белявский.

МАСТЕРА ШАХМАТНОЙ КОМПОЗИЦИИ

Шахматная композиция – особая область шахматного творчества, сложившаяся из практической игры и заключающаяся в составлении искусственных позиций с определением заданий: дать мат в определенное количество ходов в задачах; найти выигрыш или ничью в этюдах. Путь к успеху решателя зависит от умения находить завуалированные и, зачастую, весьма эффектные серии ходов, приводящие к заданной цели.

Иосиф Клинг

приписывается Ас-Сули. Евреи-композиторы внесли весомый вклад в развитие композиции. Занимались составлением этюдов и чемпионы мира. Известны этюды В. Стейница, Э. Ласкера, М. Ботвинника, В. Смислова. Выше мы упомянули **И. Клинга** и **Б. Горвица**, прозванными «дедушками шахматного этюда». Ф. Бондаренко, историк этюдного творчества писал об этом содружестве: «Значение этого блестящего коллектива, заложившего краеугольный камень этюдного искусства, невозможно переоценить». Это был шахматный вариант Ильфа и Петрова.

В Германии жил известный проблемист и поэт **Оскар Блюменталь** (1852–1917). Автор двух сборников миниатюр (1902 и 1903 годов). В создании же советской школы композиции евреи были почти монополистами.

Симхович Фроим Маркович (1896–1945), как сказано в одной

Фроим Симхович

болгарской статье «великий русский этюдист». Жил в Ленинграде, по профессии инженер-химик. Первые публикации относятся к дореволюционному времени. Теоретик композиции, открыватель нового раздела в композиции: «Позиционная ничья». Пионер в этой области. Результаты своих исследований он обобщил в статье, опубликованной в сборнике «Задачи и этюды». (*Л.*, №3 за 1928 год.) Он был певцом создания «крепостей» слабейшей стороной. Многие его произведения получили отличия. В работе Г.М. Каспаряна «Позиционная ничья» (М, 1962) отмечается высокое качество работ Симховича и приводится семь его этюдов.

Кляцкин Михаил Герцович (1897–1926). Родился в Варшаве, скончался от туберкулеза легких в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета в 1920 году, работал в Наркомате юстиции, затем в Управлении делами Совнаркома. До революции и некоторое время после нее Кляцкин сотрудничал в сионистской прессе. Недаром он родился в год I Сионистского конгресса в Базеле и носил отчество, созвучное Герцлю! Его перу принадлежит опубликованная в № 31-32 за 1918 год статья, – в последнем номере закрытого советской властью журнала «Еврейский студент» в Петрограде под названием «О наших социалистах». Пафос статьи – поиск «молодого социализма» в изменившихся условиях, когда «При свете вдумчивой науки наш молодой социализм принимает совершенно другие размеры и очертания. И я надеюсь: в предстоящие дни реальной работы – всемирной и у нас евреев – палестинской, блуждающие умы найдут себе реальную, уже не разрушительную работу – одну для всех классов сильного своим единством народа». Кляцкин тонко замечает, что социалистические идеи в русском обществе обычно захватывают низшие слои общества. В студенческой среде – громадный перевес кадетов. У евреев же все социалисты – «дети самой доподлинной буржуазии». Как можно сочетать строительство нового государства с ненавистью к частной собственности? Как можно сочетать классовую ненависть с общенародным делом сионистского дома? Хотя Кляцкин добавляет, что среди еврейских студентов много социалистических фракций – менее всего представлены большевики. Редакция сочла нужным сопроводить статью примечанием, где она отмежевалась от «откровенного консерватизма» автора.

Михаил Кляцкин

Кляцкин – изобретатель дебюта, введенного в международную практику А. Алехиным, сильный практик: выиграл матчи у А. Ильина-Женевского, свел вничью матчи с Н. Григорьевым, с В. Ненароковым и Н. Зубаревым; в нескольких московских турнирах с сильным составом взял несколько призов. Так во Всероссийской Олимпиаде в турнире любителей разделил первый-второй призы с К. Выгодчиковым. В 1922 году занял первое место в большом московском турнире выше Ф. Дуз-Хотимирского, Н. Григорьева, Н. Павлова-Пьяного и др. Дважды завоевывал четвертый приз в первенстве Москвы 1920/1921 гг. и 1921/1922 гг. Опубликовал около 30 этюдов, в которых провел ряд оригинальных идей в области «позиционной ничьей». Обнародованные в советской печати,

они почти сразу были перепечатаны за рубежом с хвалебными отзывами. Преждевременная смерть не позволила полностью раскрыться дарованию Михаила Герцовича. С большой теплотой о нем писал в воспоминаниях советский мастер Н.М. Зубарев, отметив его высокие человеческие качества: «Обаяние личности М.Г. Кляцкина – и как шахматиста, и как крупного советского работника, и как товарища – навсегда останется в памяти людей, когда-либо с ним соприкасающихся».²⁴⁵

Каминер Сергей Михайлович (1908–1938, по другим версиям – 1943), по специальности инженер-химик. Один из лучших представителей «могучей кучки» (так прозвали этюдистов 20-х годов), друг М. Ботвинника. Незаконно репрессирован, погиб в лагере. Окончил химический факультет МВТУ имени Баумана в 1931 году. Инженер-технолог. На протяжении шести лет (1932–38) был редактором отдела этюдов в журнал-газете «64». Опубликовал свыше 65 этюдов, из которых 15 этюдов отмечены призами. К чести М.М. Ботвинника он

Сергей Каминер

сохранил тетрадь с работами своего друга и даже в 1948(!?) анонимно опубликовал совместный этюд, который в свое время обошел всю шахматную печать. Каминера очень высоко ценил В. Платов. Будучи судьей конкурса, он так, высказался об одном из произведений Сергея Михайловича: «Этюд редкой красоты!». Основное кредо Каминера – этюдиста: как можно ближе приблизить этюд к партии; посему в его произведениях имеются не только идеи, но и борьба двух сторон; кажется, что речь идет не о вымысле, а об окончании партий. Этот принцип стал ведущим в творчестве Каминера.

Герbstман Александр Исифович (1900–1982). Родился в Ростове-на-Дону, умер в Стокгольме. Международный мастер по композиции, и её популяризатор; участник финалов первенства СССР; д-р филологических наук, профессор. В 1937 был репрессирован. С 1924 года опубликовал свыше 300 этюдов, из которых половина отмечена на конкурсах, а 24 удостоились первых призов. С 1980 года жил в Швеции. Он автор чрезвычайно интересной книги «Психоанализ шахматной игры. (Опыт толкования)» (М., 1925), вызвавший в свое время оживленную и не совсем корректную полемику. Главная

Александр Герbstман

атака шла на пропагандируемые Гербстманом идеи Фрейда.²⁴⁶ Протицируем некоторые пассажи Александра Иосифовича из этой книги, вызвавшие неприятие: «Общая концепция шахматной игры является проекцией Эдипого комплекса, существующего в бессознательном человеческой психики» или «В самой структуре шахматной игры уже дано содержание легенд об Адаме и Еве», или «Чудесная шахматная доска... – символ красивой, завлекающей женщины» и т.д. Лично мне эта небольшая книжица, прочитанная в юном возрасте, дала очень много. Например, хоть таким путем ознакомилась с запретным именем З. Фрейда.

У Гербстмана вышло несколько сборников его этюдов, в том числе и за рубежом. Так еще в 1934 году вышла его книга «Шахматный этюд в СССР» с выписанным на переплете автографом М. Эйве: «Триумф славянского гения в шахматных этюдах!». Предисловие к сборнику было написано чемпионом мира А. Алехиным: «Дух Михаила Ивановича Чигорина продолжает жить в его молодых последователях, но и в области шахматной композиции молодые русские мастера продолжали дело своих предшественников с новым блеском». Далее Алехин говорит о том, что эта книга была в течение нескольких месяцев его настольной книгой. Он выражает уверенность, что все читатели будут восхищаться творчеством советских мастеров. (*А.С. Гурвич «Этюды», М., 1961, с. 79.*) Вместе с тем, невыразимо неприятно читать коллективное письмо, обличающее «меньшевика» Залкинда и подписанное Гербстманом.

Герланд Зигмунт (1865–1954), румынский шахматист, один из основоположников румынской композиции. Он родился в Вене, где и обучился шахматной игре. С 1887 года постоянно жил в Румынии. С 1903 года опубликовал 1500 этюдов и задач. Сильный практик. В 1891 году сыграл вничью короткий матч с Я. Мизесом. В 1906 году при проведении Национальной выставки в Бухаресте состоялся первый в Румынии турнир, где он победил. Принимал участие в побочных международных турнирах в Бреславле (1912 г.) и в Мангейме (1914 г.). Чемпион Бухареста 1925, 1930 и 1935 г.г.

Лоус Вениамин Г. (1861–1931), один из крупнейших английских проблемистов и теоретиков. Основатель «английской школы» шахматной композиции, принципы которой изложил в книге «Chess problem. Text-book with illustrations» (L., 1887), написанной совместно с Планком. Опубликовал свыше 1000 задач. С 1918 по 1931 год был президентом Британского общества любителей шахматных задач. С 1898 г. по год смерти редактировал отдел задач в «Бритиш чесс мэгазин».

Гиннингер Герман (1911–1934) – романтик, к сожалению рано ушедший из жизни. Жил в Румынии. Советский этюдист Ф. Бондаренко так писал об Гиннингере: «Это был смелый романтик, бравшийся за самое новое и интересное. В частности, в его этюдах нередко встречаются связки фигур в форме «эхо», замуравание и другие нестандартные идеи». (Ф.С. Бондаренко *«Галерея шахматных этюдистов»*, М., 1968, с.61–62.).

Гурвич Абрам Соломонович (1897–1962) – мастер спорта по шахматам, победитель шестого первенства СССР по композиции в 1962 году; один из старейших членов Союза писателей СССР, в 1949 году вместе с группой литературных и театральных критиков подвергся обвинениям в «космополитизме», что привело к раннему подрыву здоровья и преждевременной смерти. Константин Паустовский в «Литературной газете» оставил проникновенные слова о безвременно ушедшем друге: «... Есть люди, при которых увереннее и спокойнее жить на свете, даже если мы их никогда не видели. Таким человеком в последнее время был Хемингуэй. Довольно того, что он жил где-то. Это одно обстоятельство само по себе было умственной моральной поддержкой... Таким же редким свойством укреплять жизнь окружающим, сообщать ей повышенную интеллектуальность и ясность обладал и Абрам Гурвич – человек пленительный по своему уму, мягкости и какой-то душевной прозрачности.

Абрам Гурвич

Все запутанное, тревожащее, скомканное в жизни и работе, в том, что мы называем творчеством, как-то легко распутывалось и становилось ясным, светлым, когда к нему неторопливо и с добрым сердцем прикасался этот красивый, мужественный человек, обладавший широким умом и великодушным характером.

Статьи его о литературе и театре были отточены, остры и зачастую неожиданны. Железная точность его неожиданных выводов и была тем редким свойством, которое сделало из Гурвича, между прочим, одного из крупнейших в мире шахматных композиторов.

Без существования таких людей в искусстве оно становится несколько пресным, в него заползают добродетельная скука и тривиальность мысли...» (Константин Паустовский *«Памяти друга»*. (Некролог), «Литературная газета», 1962, 20 ноября, № 138)

Остановимся на композиторской деятельности. Абрам Соломонович был и художником и мыслителем, По его мнению, шахматы пе-

перосли все остальные игры, ибо они в известной степени отражают напряжение и красоту жизни. «Мы были бы несправедливы к этой древней и мудрой выдумке, если бы ограничились зачислением ее в область абсолютно отвлеченной, формально логической мысли и не увидели бы в ней никакого, хотя бы выраженного в условной, искусственной форме, живого человеческого опыта». («Поэт шахмат» – «Шахматы в СССР», М., 1963, №2, с.27).

Блестящий знаток драматического искусства, в том числе Comedia dell'Arte [Карло Гоцци, создавший новый жанр фьяб – сказок для театра (Fiaba teatrale)], Гурвич рассматривал шахматную композицию, как театр марионеток, представляющий различные драматические ситуации. Его композиции – столкновения замыслов, кульминация и театральный финал.

Интересно сравнить эти мысли о шахматной композиции с парадоксальными идеями Эм. Ласкера: «... для эстетического воздействия единственно решающим является язык хода. То, что говорит, выражает, обещает ход, действует на зрителя, возбуждает его. Слово при этом совершенно отходит на задний план. Зритель наслаждается не только внешней стороной шахматной партии, но также ее историей, ее драмой. Ничего не значит, что сценой является шахматная доска, а актерами – шахматные фигуры. Если бы драма шахматных игроков развертывалась на сцене театра, она не могла бы произвести более глубокого впечатления ...

Здесь нам могут возразить, что актеры изображают живых людей, а шахматные фигуры являются лишь выразителями условных понятий, что люди из плоти и крови нам в тысячу раз ближе, чем жалкие придуманные понятия. Это правильно, и по отношению к шахматисту это тоже верно. Но мы заняты исследованием ...эстетического чувства...

Лексикон шахматной фигуры не так беден, как это думают: **честолюбие** – при выполнении работы, **ярость** – если этому мешают, **отчаяние** – из-за незаслуженно горький участи, **ликование** – по поводу счастливого случая, **насмешка** – над противником, которому она загрозила путь, **ненависть** – ко всякому, кто угрожает королю, а в особенности к тому, кто ее связывает, **брань** – по адресу неприятельской фигуры, которая сколько-нибудь ее стесняет, **смех** – когда удастся избежать ловушки, и даже просто **острое слово...**» (Эм. Ласкер «Учебник шахматной игры», М., 1937, 4-е издание, с. 257. Глава «Эстетика шахматной игры»). Понятно, что для иллюстрации Ласкер использует задачи и этюды, которые в наиболее полном смысле подтверждают его нетривиальную

мысль. К месту добавить несколько фраз Эм. Ласкера из публичной лекции, прочитанной им в Ленинграде 18 февраля 1924 года. Изобретение шахматной игры, по одной из легенд, служило вспомогательным средством для обучения юного принца военному искусству. Шахматная доска – поле сражения, а шахматные фигурки и пешки имеют много общего сходства с командным составом и подчиненным ему войском. «Однако эта цель достигается здесь лишь косвенно. Дело в том, что война шахматных фигур – ведь это только театральная война. Зато эта театральная война служит символом и других видов борьбы, например, диспута, дипломатических переговоров, судебного процесса или, наконец, борьбы, сопровождающей всякую организационную работу. Жизнь полна борьбы: борьбы одного человека с другим, борьбы между индивидуумом и обстоятельствами; даже душевная жизнь каждого отдельного человека немыслима без борьбы. Более того: я полагаю, что шахматная игра подготавливает нас к более тонкому пониманию стратегических законов; стратегия же часто оказывается в жизни решающим фактором». (Эм. Ласкер *«О смысле шахматной игры» Лекция д-ра Эм. Ласкера – «Шахматный листок», Л., 1924, №4*) Эти слова Ласкера несколько увели нас от театрализованности шахмат.

Этому соответствует и ранее приведенная самохарактеристика С.Г. Тартаковера – «дрессировщик фигур». Конь – очень смышленное животное... пешка – шахматный муравей, часто выжимающий огромные тяжести. (С.Г. Тартаковер *«Ультра-современная шахматная партия», Л.-М., 1925, ч.2, Л.-М, с.155, 157*). Восхищение эстетикой шахмат – своеобразное проявление фетишизма, впрочем, известное всем областям человеческой деятельности. Уместно здесь заметить, что условность шахматного искусства перешагнула в беллетристику и зачастую ходы фигур используются, как семантика определенного направления. В этом отношении поразительна книга Виктора Шкловского «Ход коня». Мы читаем в предисловии следующее: «Книга называется ход коня. Конь ходит боком, вот так: *(дана соответствующая диаграмма витиеватых и, иногда неправильных, отскоков коня с поля а8 до поля h3. С.Д.)*. Много причин странности хода коня и главная из них – условность искусства... Я пишу об условности искусства. Вторая причина в том, что конь не свободен – он ходит в бок потому, что прямая дорога ему запрещена. ... Я пишу для русских за границей... Еще одно слово: не думайте, что ход коня – ход труса. Я не трус». (Виктор Шкловский *«Ход коня», Берлин, из-во Геликон, 1923, с.9-11*). Концовка книги необычна: « В 1917 году я хотел счастья для России, в 1918 году я хотел счастья

для всего мира, меньшего не брал. Сейчас я хочу одного: самому вернуться в Россию. Здесь конец хода коня.

Конь поворачивает голову и смеется. (Виктор Шкловский «Ход коня», Берлин, из-во Геликон, 1923, с. 203). Нигде в книге, кроме вступления и концовки «**коня**» нет...

А иногда, тот же самый «Ход конем» в одноименном романе (1927 г.) Леонида Борисова просто обозначает нелогичные действия сумасшедшего, сбежавшего из психиатрической больницы...

Гугель Лев Николаевич (1914–1941), шахматный композитор, председатель Центральной комиссии по композиции (1939-1941), пропагандист и организатор. Журналист, гл. редактор журнала «Физкультура и спорт». Свою первую двухходовку Лева в тринадцатилетнем возрасте принес в «Пионерскую правду». Всего опубликовано около 200 задач; многие получили отличия. Будучи «белобилетником», Гугель добровольцем ушел на фронт, в четвертую дивизию народного ополчения, где воевал пулеметчиком на Западном фронте с 13 июля 1941 года в 10-й стрелковой дивизии, державшей рубеж у озера Селигер. Боевое крещение получил под Москвой у Боровска и у реки Нары. За участие в освобождении Вязьмы дивизия была переименована в 84-ю гвардейскую. Подносчика патронов одного из расчетов первой пулеметной роты 1291 полка Льва Гугеля пуля сразила в первую фронтową зиму. Рассказ о талантливом шахматисте принадлежит его фронтovому другу. (*Б. Котельников «Память сердца» – «Шахматы в СССР», М., 1970, № 11, с. 29-30.* К сожалению, до сих пор нет мемориальной доски на здании Шахматного клуба, где были бы перечислены шахматисты, погибшие за родину. Думаю, что количество еврейских фамилий было таково, что пугало начальство. (*Хотя доски, установленные на Домах Журналиста и в Доме литераторов, также кишат именами «малого народа»...*)

Лев Гугель.

Залкинд Лазарь Борисович (1886–1945) родился в Харькове. В младенчестве семья переехала в Кострому. Член РСДРП с 1903 года. Большевик. В 1909 году он крестился по «романтическим причинам». Семья его невесты отказывалась дать согласие на брак с иудеем. Сам же Залкинд, понятно, был атеистом. В 1911 году закончил Московский университет юридический факультет, отделение экономики. Приват-доцент Московского университета на кафедре экономики торговли, где

Лазарь Залкинд

читал курс «Экономика и товарооборот». В 1917 году примкнул к меньшевикам, а затем полностью отошел от политики. В 1920-е годы – начальник статистического сектора Наркомторга. Был арестован в 1930 году и проходил по процессу «Союзного бюро РСДРП». Трагическая коллизия: его обвинителем был руководитель шахматного движения Н.В. Крыленко, который не только хорошо знал Залкинда, но уважал его, как выдающегося этюдиста мирового класса. Но к этому времени Крыленко уже был марионеткой в руках Кобы. Залкинд получил восемь лет заключения, которые отбывал в политизоляторе. По воспоминаниям внуки весь срок он провел в Верхнеуральском изоляторе. Как ни странно, но в тюрьме он имел возможность много читать и заниматься теорией шахмат и композицией. Срок окончился в 1938 году и там ему сразу же «добавили» ещё пять лет, которые он отбывал в БАМлаге. С 1943 года он жил на поселении. И тут новое горе: его сын Борис погиб в 18-летнем возрасте на фронте. Последние годы его жизни скрасила Эмилия Давыдовна Плинка, находившаяся также в ссылке. По воле случая она когда-то училась у младшего брата Лазаря – Арона Залкин-да, педагога и психолога. По утверждению Эмилии Давыдовны 34 (!) тетради Залкин-да, посвященные теории шахмат, должны находиться в архиве Верхне-Уральской тюрьмы. Умер Залкинд 24 июня 1945 года от инфаркта в Комсомольске-на-Амуре. Большинство сведений о жизни шахматиста я почерпнул из статей С. Гродзенского.

Залкинд являлся выдающимся этюдистом, одним из крупнейших проблемистов, получивших мировое признание еще в 20-е годы прошлого века, автором свыше 500 задач, многие из которых получили отличия на международных и советских конкурсах. Был председателем общества любителей шахматных задач и этюдов с 1926 по 1930 годов. В советской шахматной прессе в 1928 году отмечалось 25-летие начала шахматной деятельности Залкин-да. В журнале «Шахматы и шашки в рабочем клубе» («64») была опубликована резолюция по докладу Л.Б. Залкин-да о деятельности ЦБ объединения проблемистов СССР, где высоко оценивались достижения советской шахматной композиции, в т.ч. и на международных конкурсах. Но уже в 1931 году, на процессе меньшевиков, где его главным обвинителем был Н.В. Крыленко – нарком юстиции и шахматный «фюрер» СССР, Залкинд, был уже не вы-

дающимися проблемистом, а «национал-предателем», «меньшевицкой (таково правописание) лисой» и т.п. В его шахматной деятельности усмотрели враждебную деятельность идеологического порядка.²⁴⁷ С высоты нашего времени неприятно читать «обличительное письмо», направленное против бывшего товарища и, подписанное именами известных этюдистов Гербстмана и Умнова.²⁴⁸

Свою первую задачу он опубликовал в 1903 году в журнале «Нива», руководимом в то время Чигориным. Стиль проблемиста Залкинда сложился под перекрестным влиянием культа художественности, восходящий к творчеству А.В.Галицкого, а с другой стороны – влияния «венской» школы и ее лидера Максимилиана Фейгеля. В центре задач Лазаря Борисовича стоит комбинация с правильными матами. К сожалению жизненный и творческий путь Залкинда был трагически прерван.

Сомов-Насимович Евгений Николаевич (1910–1942), литератор. С 1932 по 1934 год редактировал отдел этюдов в журнале «64», вместе с Каминером. Первый этюд опубликовал в 1926 году. Одна из его идей получила название «Тема Сомова». В шахматной задаче это одна из наиболее распространенных тем в двухходовках. Ф. Бондаренко так писал об одном из его произведений: «**Высшее достижение Сомова-Насимовича, достойное золотыми буквами быть вписанным в анналы этюдной истории!**». Любопытно, что он дружил с сыном Марины Цветаевой – Георгием Эфроном. В кругу Цветаевой Сомов был известен, как Женька-шахматист. Предполагаю, что он, как и его товарищ, сложил голову при защите отчизны. . .

Вильнер Яков Семенович (1899–1931), шахматный мастер и композитор. Один из пионеров **стратегической школы** в трехходовой задаче. Сильный практик, участник первенств СССР, дважды чемпион Украины. Благодаря Вильнеру будущий чемпион мира, арестованный одесской ЧК, остался в живых. «Чекист» Вильнер способствовал освобождению Алехина. А нравы того времени блестяще описаны на страницах книги Валентина Катаева «Уже написан Вертер...». Ранняя смерть спасла Вильнера от пыток и лагерей. Он страдал тяжелой формой астмы, особенно при смене климата, после переезда в Ленинград. Как шахматный практик он выигрывал у Боголюбова, Абрама и Ильи Рабиновичей, Верлинского, Богатырчука, Дуз-Хотимирского, Ботвинника... Романовский писал о Вильнере, что он превосходный, изобретательный, интересный и подлинный мастер миттельшпиля. После смерти Якова Семеновича остались неопубликованные задачи и неокончен-

ная работа «Угроза и защита». Издательство «Шахматный листок» надеялось, что кто-нибудь из ленинградских мастеров (может быть, Чеховер) подготовят ее к печати, но наступали иные времена...

Свою первую задачу Вильнер опубликовал в 1913 году в «Одесских новостях», а также в «Шахматном вестнике», а в 1916 году принял участие в международном конкурсе памяти Исаака Райса в журнале «American Chess Bulletin». Его успех был впечатляющ: по отделу четырехходовок – первый приз; по отделу трехходовок первый и второй призы!

Левман Семен Семёнович (1896–1943). Ответственный секретарь журнала «64» (1924–1929). Член союза писателей.

Семен Левман

Автор нескольких книг, в том числе двухтомника «Современные шахматные задачи». На конкурсах завоевал свыше 85 призов, в том числе 32 – первых. Редактор шахматных отделов в газетах и журналах. В статье «Развитие шахматного этюда» (*Шахматы в СССР*, № 11-12, 1940) сформулировал свое эстетическое кредо: игра в одни ворота, без контригры черных снижает качество этюдов. В шахматной задаче существует *Тема Левмана*. Среди его

многочисленных общественных работ числилось членство в составе Исполкома Шахинтерна. Являлся казначеем Всесоюзного объединения проблемистов. В «Словаре шахматиста», изданном в 1929 году, указано, что Левман – один из главных пропагандистов «новоамериканской школы». 31 марта 1943 года погиб на фронте. Его имя занесено на доску памяти писателей, погибших в годы Мировой войны. Левман написал первый в советской литературе антифашистский роман «Черная пена», публиковавшийся в семи номерах журнала «Знамя» в 1934 году. Последние предвоенные годы Левман работал над повестью «Чигорин». Опубликовать её не успел, но с тех пор прошло более 60 лет, и лишь отрывки попали в печать. (см.: «Шахматы в СССР», М., 1974, № 7, с. 20-22).

Левман Борис Семенович (1900–1972). Ответственный секретарь журнала «64» в 20-е – начала 30-х годов. Автор книги «Шахматно-шашечный кружок в рабочем клубе» (М., 1926). Соавтор ряда задач и этюдов, разработанных совместно с братом.

Айзенштадт Марк Аронович (1914–1966), инженер-экономист, жил в Ленинграде. Первый этюд опубликовал в 1929 году. Всего же опубликовано около 70 произведений.

Либушкин Марк Савельевич (1910–1953). Родился в Витебске, умер в Москве в день смерти Сталина! Трагично. Мне казалось, что если бы Сергей Прокофьев пережил Сталина хотя бы на один день, то он прожил бы еще десятки лет. То же самое думаю о Либушкине, по профессии – крупном финансовом работнике. Многие годы редактировал отдел этюдов в журнале «Шахматы в СССР». С 1927 года опубликовал около 130 этюдов, из них 30 были отмечены, в том числе 12 – первых призов. Участвовал в трех первенствах СССР по композиции. Во втором – разделил первое-второе места, в третьем – был первым. Его называли «поэт шахмат». По выражению Ф. Бондаренко, у него был «крен в сторону романтики».

Марк Либушкин

Нейман Моисей Борисович (1898–1967) физик-химик, доктор химических наук, основатель и первый директор Научно-исследовательского института химии в г. Горьком с 1944 года. В 1977 году посмертно получил Ленинскую премию. Вероятно, Моисей Борисович работал в оборонной промышленности. Нам известна книга «Термоядерное оружие», вышедшая в Воениздате еще в 1958 году. Одним из её авторов был Нейман.

Вместе с тем Нейман выдающийся проблемист и этюдист. Свою первую задачу опубликовал в 1913 году. Он являлся одним из главных пропагандистов «сказочных шахмат» в СССР, обогативший игру новой формой кооперативного мата. Член редколлегии сборников «Задачи и этюды». Обратим внимание, что большинство этюдистов – люди незаурядные в своих профессиях. Среди них десятки докторов наук и научных работников. Мне кажется, что это неслучайно. Обремененные повседневной деятельностью они не могли участвовать в «нормальных» турнирных баталиях, посему создание задач и этюдов было выходом их любви к шахматной игре.

Шифман Израиль Абрамович (1903–1930), выдающийся проблемист. В одной из статей, посвященных ему, назван гением! **Автор сравнивает его яркую жизнь и раннюю смерть с жизнью и гибелью М. Лермонтова, Э. Галуга, П. Морфи!** (см.: *Р. Кофман «Шифман» – «Шахматы в СССР», М., 1977, № 3, с. 30-31*). Умер Шифман от страшной болезни того времени: инфлуэнции – так назывался грипп).

Шифман родился в Одессе, в 1918 году семья переехала в Кишинев, посему он считается румынским шахматистом. По профессии был техником-электриком. Конкурсы имени Шифмана проводились в Румы-

нии в 1930/31 годах и в Германии в 1980 году. На крупнейших международных конкурсах он неоднократно занимал призовые места. В 30-е годы публиковались таблицы конкурсных достижений: в 1928 году он был вторым в мире, в 1929 году – первым! В «Альбоме ФИДЕ» за годы с 1914 по 1944 гг. композиции Шифмана представлены 15 раз. Выше его стоят только этюдисты, работающие десятилетия в этой области, как, например Л. Лошинский, а Шифман работал всего три года. Среди «Задач века» есть только четыре проблемы, две из которых принадлежат Шифману. Безусловный гений! Его имя навсегда связано с созданием двухходовок; существует так называемая *Тема Шифмана*.

Бирбрагер Исаак Шулимович (1935 г.), мастер спорта по шахматам и шахматной композиции. Чемпион Узбекистана 1964 года. Опубликовал свыше 130 проблем, из коих 40 были отмечены, в том числе восемь раз награждался первыми призами.

Бирнов Зиновий Маркович (1911–1957); по специальности технолог-строитель. Участник Отечественной войны. С 1943 года участвовал в восстановлении Сталинграда, за что был награжден правительственными наградами, и где прожил всю оставшуюся жизнь. С 1925 года опубликовал около 150 этюдов, свыше 400 задач. Многие его произведения отмечены призами. Произведения Бирнова были изящны и лаконичны, а специалисты считали, что он более преуспел в этюде. Его излюбленной темой была тема мата и позиционной ничьи. Участник пяти личных чемпионатов СССР по композиции. Зиновий Маркович прожил короткую жизнь, последние годы он

Зиновий Бирнов

очень тяжело болел, надеюсь, что шахматы ему облегчали страдания.

Чеховер Виталий Александрович (1908–1965) – международный мастер по шахматам и по шахматной композиции; участник пяти первенств СССР и международного турнира в Москве (1935). Сильный практик. Успешно играл в первенствах Ленинграда. Был опасным соперником для любого шахматиста. Среди его «скальпов» – победы над В. Алаторцевым, Гр. Левенфишем. С 1936 года составил свыше 100 этюдов, из коих 45 отмечены премиями. Участник семи первенств СССР по шахматной композиции, автор множества книг и статей. Чеховер закончил в Ленинграде музыкальный техникум, учился по классу композиции в консерватории.

В последние годы работал концертмейстером и аккомпаниатором спортивной гимнастики. В воспоминаниях мастера А. Чистякова «Музыканты

и шахматный этюд» («Шахматы в СССР», 1989, № 2, с.21) рассказывается, как они встретились в нотном магазине на Невском. Чистяков искал ноты Чайковского, Чеховер – десятую сонату Скрябина. Для Чистякова стало ясно, что Чеховер сторонник особо сложной музыки...

По личным воспоминаниям – Чеховер был веселым, остроумным человеком, мастером анекдота. К сожалению, существуют сведения о его доносе на известного карикатуриста Ю.Ю. (Юзепчука), погибшего в лагере. Об этом свидетельствовал Петр Арсеньевич Романовский...

Виталий Чеховер

Кофман Рафаэль Моисеевич (1909–1988) родился в Одессе. После революции семья переехала в Измаил, захваченный Румынией. Волею обстоятельств в Бессарабии собралась сильная группа этюдистов, бывших россиян. В общении с ними вырос талант Кофмана. В 1929 году он уехал в Прагу учиться в Политехнический институт. Там процветала знаменитая чешская шахматная школа. Все эти перемещения оказали благодатное влияние на творчество композитора. С 1925 года он опубликовал около 400 задач, получив свыше 150 отличий, в том числе 42 первых места.

Рафаэль Кофман

Кофман – автор многочисленных статей и книг по шахматной композиции. После смерти И. Шифмана в 1931 году ему предложили редактировать отдел румынского шахматного журнала. В 1932 году Кофман перевелся из Праги (!?) в Москву, в МВТУ, который он закончил в 1935 году и стал инженером-конструктором в автомобильном институте. В 1937 году он принимает участие в составлении сборника «Советская шахматная школа», где помещает статью «Логическая школа в шахматной задаче». Вероятно в эти же годы были репрессированы его родные братья. В 1941 году Кофман на фронте становится командиром взвода 557-го противотанкового полка. Дальнейшее я знаю приблизительно. Кофман попал в окружение, затем в плен и лишь чудом остался в живых. По отрывочным сведениям в плену был в Германии, где **его жизнь спасли несколько немецких врачей!** После демобилизации пытался найти работу по специальности, но плен

и репрессированные родственники лишили его этой возможности. С 1954 года до выхода на пенсию в 1971 году работал редактором отдела композиции в журнале «Шахматы в СССР». Кофман был членом Союза журналистов СССР. За творческие успехи и общественную деятельность удостоен многих званий: мастер спорта СССР по композиции (1956 г.), международный арбитр (1958 г.), судья всесоюзной категории (1958 г.), заслуженный тренер РСФСР (1967 г.), международный мастер по композиции. Е. Умнов, за неустанный литературный труд Рафаэля Кофмана, называет его летописцем шахматной композиции. Сведения о шахматном художнике в большинстве своем почерпнуты из некролога, опубликованном в журнале «Шахматы в СССР», № 3 за 1989 год Евгением Ивановичем Умновым.

Рухлис Ефим (Хаим) Наумович (Нахманович) (1925–2006). По семейным сведениям родился в 1923 году в небольшом местечке Ананьеве, неподалеку от Киева. Семья была религиозной. Отец – Нахман был по профессии переплетчик, мать – Бася, была домохозяйкой. Каким-то путем в советское время ему удалось окончить хедер. Закончил он и еврейскую (*на идиш*) восьмилетку. В 1941 году семья сумела эвакуироваться в Узбекистан. Сам Ефим в это время находился под городом на окопных работах. С семьей он соединился только в 1944 году. Окончил железнодорожный институт и получил профессию

Ефим Рухлис

инженера-железнодорожника. Профессия мотала Рухлиса по городам и весям Русского Туркестана, где прокладывались железные дороги. Надолго он задержался в городе Чарджоу. Ефим Рухлис был мастером спорта по шахматам и автором двухходовой темы, названной «Тема Рухлиса». Она была составлена в 1946 году, когда автору было всего 23 года. С 1937 года, т.е. с 14 лет, опубликовал 170 задач, удостоенных 125-ти наград, из них 30 были отмечены первыми призами. Как художник, он находился в большой дружбе с известным писателем-фантастом и проблемистом А.В. Казанцевым. Е. Рухлис эмигрировал в Израиль в 1990 году и проживал с двумя дочерьми в Петах-Тикве, а затем в Беер-Шеве. Скончался после тяжелой болезни. Родственники и знакомые с любовью отзывались об умудренном жизнью человеке.

ГЕНИАЛЬНЫЕ ШАХМАТНЫЕ КОМПОЗИТОРЫ XX ВЕКА

В. БРОН и Л. ЛОШИНСКИЙ.

Брон Владимир Акимович (1909–1985) – международный гроссмейстер по шахматной композиции. Д-р технических наук, профессор. Родился в Николаеве, умер в Свердловске.

С первыми этюдами он выступил в 1924 году в Харькове, а уже в 1925 году добился большого успеха на I Всеукраинском конкурсе. Участник восьми первенств СССР, где удостоился 440 отличий, в том числе 80 первых призов. Всего за свою жизнь опубликовал свыше тысячи композиций!

Близкие люди отзываются о нем, как о высокоинтеллигентном человеке и выдающемся ученом, не потерявшем чувства иронии в то нелегкое время, которое пришлось пережить его современникам и соплеменникам. В 1943 году Брон защитил кандидатскую диссертацию, а с 1964 – один из ведущих специалистов страны в технологии огнеупорных материалов, доктор технических наук. Был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Брон – автор монографии и учебника, около 260 научных публикаций, получил 18 авторских свидетельств.

Свое кредо в создании композиций Брон высказал в сборнике «Мысли об этюде» (М., 1964), а путеводной нитью ему служило высказывание Эм. Ласкера «В шахматах воплощена огромная, прошедшая сквозь века человеческая идея. Это идея борьбы...». Посему в лучших произведениях Брона игра не идет в одни ворота. Игра и контригра, и этим достигается гармония, правда «жизни», воплощенная в деревянных фигурах шахматной игры.

Лошинский Лев Ильич (1913–1976) – международный гроссмейстер. Родился в Варшаве, в раннем детстве с семьей переехал в Ростов-на-Дону. Высшее учебное заведение окончил в Москве в 1934 году. Работал старшим преподавателем математики в Московском институте связи. По мнению специалистов, лишь всепоглощающая страсть к шахматам отняла у науки большого ученого. Он даже не защитил диссертации, хотя им были написаны несколько работ методического плана. Он не имел семьи, одинокий человек, поглощенный составлением задач.

Владимир Брон

Гигант отечественной шахматной композиции. Леониду Куббелю и Лошинскому принадлежит приоритет в этом виде творчества. Из его 400 композиций 166 отмечены – первыми призами. Победитель 14 первенств СССР (1948-1969 гг.), победитель конкурсов ФИДЕ (1958-1960 гг, 1960-1962 гг.) и Олимпийского конкурса (1960 г.). Он поднял искусство композиции на недостижимую высоту. Некооронированный чемпион мира. Теплейшие воспоминания о своем друге оставил композитор А. Грин (Гуляев А.П.) – *(А. Грин «художник-монументалист».*

Лев Лошинский

Памяти Л.И. Лошинского. – «Шахматы в СССР, 1976, № 6, с.30-31).

В заключение рассказа о шахматной композиции и композиторах, я добавлю одно стихотворение Владимира Набокова (1899–1977). Напомним, что великий писатель был шахматным композитором. Учитывая нашу тему, укажем, что его прадед Николай Илларионович Козлов генерал-лейтенант, действительный тайный советник и начальник Военно-медицинской Академии был по происхождению еврей, сын оренбургского купца. Я уже писал об этом. Вот этот сонет, который может оценить шахматный композитор:

«Движенья рифм и танцовщиц крылатых
есть в шахматной задаче. Посмотри:
тут белых семь, а черных только три
на световых и сумрачных квадратах.

Чернеет ферзь среди коней горбатых,
и пешки в ночь впились, как янтари.
Решенья ждут и слуги и цари
в резных венцах и высеченных латах.

Звездообразны каверзы ферзя.
Дразнящая узорная стезя
уводит мысль, и снова ум во мраке.

Но фея рифм – на шахматной доске
является, отблескивая в лаке,
И – легкая – взлетает на носке».

Впервые опубликовано в берлинской газете «Руль» в 1924 году. Сообщил мне мой покойный друг, шахматный мастер, писатель и издатель Эмануил (Эдуард) Штейн (1934–1999), да будет земля ему пухом.

ПОПУЛЯЛИЗАТОРЫ И ИСТОРИКИ ШАХМАТ

Фалькбеер Эрнст Карл (1819–1885) родился в Австрийской империи, в южной Моравии в г. Брюнне (ныне Брно). По профессии журналист, много содействовал развитию либеральных идей. После революции вынужденно покинул Австрию и с 1848 по 1852 г. жил в Германии, в разных городах, постоянно играя с А. Андерсеном, Ж. Дюфренем и другими ведущими мастерами. В 1852 году вернулся в Вену и в 1855 году основал первый австрийский шахматный журнал «Wiener Schachzeitung». В этом же году переехал в Лондон, где жил до 1862 года. По другим сведениям вернулся в Вену в 1864 году. Фалькбеер один из редакторов сотрудничал в «Chess Player's Magazine». Был сильным практиком, хотя мало играл в соревнованиях. На турнире в Бирменгаме в 1858 году он разделил первое-второе места с И. Левенталем, опередив Стаунтона, Сент-Амана и других английских мастеров. Проиграл дополнительный матч И. Левенталю со счетом +1, -3, = 3. Кроме того, в 1856 году сыграл вничью матч с Г. Бердом +7, -7, =3. Изобретатель контргамбита, носящего его имя. Одна из лучших защит против королевского гамбита. Фалькбеер оказал великую услугу шахматному движению, «открыв» и протезируя будущего чемпиона мира Вильгельма Стейница. О еврейском происхождении Фалькбеера указано в американской энциклопедии «Юдаика».

Дюфрень Е.С. (Фройнд Жан 1829–1893); «Дюфрень» – анаграмма его фамилии) – приобрел мировую известность, как автор учебников и шахматных антологий. Наибольшей популярностью пользовалось шахматное руководство, написанное совместно с И. Цукертортом, и выдержавшее несколько изданий, в том числе и в России. По профессии – юрист, но в связи с постепенной потерей слуха, занялся публицистикой и с 1874 года был редактором Берлинской газеты «Post». Но и эту работу пришлось оставить в следующем году. Вместе с А.

Е.С. Дюфрень

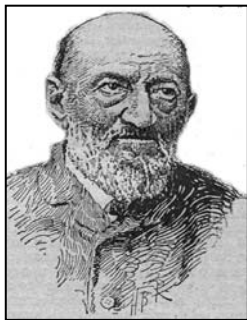
Андерсеном издавал несколько лет «Berliner Schachzeitung» и затем совместно с И. Цукертортом «Grosse Schach-Handbuch». Последние годы жизни Дюфрень провел в крайней бедности, добывая средства к существованию редактированием шахматных отделов и изданием учебников и турнирных сборников. Дюфрень был на десять лет моложе своего кумира Андерсена, которому проиграл «вечнозеленую» партию. К чести Андерсена следует сказать, что свой успех в Лондоне в 1851 году он связывал с тренировочными партиями, сыгранными с Дюфренем.

Гоффер Леопольд (1842–1913), родился в Германии. Затем переселился в Англию, редактор многих шахматных журналов. В сентябре 1879 года он основал «The Chess Monthly». Вел шахматные отделы в газетах и журналах, например с 1887 в «Field». Гоффер был главной движущей силой при основании Британского шахматного клуба в Лондоне в 1895, где был его первым секретарем. Известен своей полемикой со Стейнницем, где он был на стороне Цукерторта. К нему чрезвычайно предвзято отнесся З.Тарраш, иронизирующий над тем, что Гоффер стал бóльшим джингоистом, чем сами англичане. («Джингоизм» – форма английского шовинизма).

Мангельсдорф Рихард (1823–1894). Родился и умер в Лейпциге. В течение четверти века редактировал лучший шахматный отдел в Германии в «Leipziger Illustrirte Zeitung». Являлся составителем задач и этюдов, а так же «перворазрядным» шахматным меценатом.²⁵⁰

Майзелис Илья Львович (1894–1978). Теоретик и шахматный историк, автор превосходного «Учебника шахматной игры», выдержавшего три издания. Переводчик на русский язык трудов А. Нимцовича, Эм. Ласкера, И. Бергера.

Штейншнейдер Мориц (1816–1907) – известный ориенталист и

библиограф. В одной из энциклопедий он назван величайшим библиографом нашего времени. К его 80-летию вышел юбилейный сборник, в котором приняли участие виднейшие ученые. Этот факт говорит сам за себя. Знания его были энциклопедичны и относились к разным областям литературы, культуры и истории. Несколько его работ отмечены премией Парижской Академии наук. Среди них «Древнееврейские переводы в средние века и евреи, как переводчики». Им

составлены большие каталоги древнееврейских рукописей в библиотеках Лондона, Мюнхена, Гамбурга и Берлина – образцы точности и основательности. В области арабской литературы он исследовал философию, медицину, математику. Среди биографических трудов обращает на себя внимание работа об Аврааме Ибн Эзре. Вообще библиография этого юбилейного издания занимает 35 страниц in folio. Не проигнорировал Штейншнейдер и историю шахмат, написав книгу «Schach bei den Juden», (1873 г.), не потерявшую актуальности до наших дней и переизданную в Израиле.

Коган Михаил Саулович (1898–1942) – шахматный историк, автор книг по истории шахмат в России, восстановивший ранние этапы жизни М.И. Чигорина. Лектор Ленинградских шахматных курсов по истории игры. Автор книг «История шахматной игры в России» (Л., 1927), «Краткий очерк истории шахмат. Шахматы в России» (М-Л, 1931), «Шахматы в жизни русских писателей» (Л-М, 1933) и «Очерки по истории шахмат в СССР» (М-Л, 1938). Погиб в осажденном Ленинграде.

Левидов (Левит) Михаил Юльевич (1890 или 1892–1942). Русский писатель, автор первой книги о шахматистах, вышедшей в серии ЖЗЛ, основанной Горьким. Более подробно о нем можно прочитать в приложении.

Линдер Исаак Максович (1920 г.). Работает в области российской шахматной истории. («Шахматы на Руси», М., «Наука», 1964 г.). Прделал большую работу, издав книги о первых русских мастерах А.Д. Петрове и И.С. Шумове. К сожалению, в этих работах Линдер слишком много распространяется о преимуществе русских мастеров, что несколько наивно. Но год издания книги о Петрове – 1952 г., когда приоритет русских шахматистов поддерживался в значительной степени за счет преувеличений. С другой стороны антисемит Валерий Чашихин напал на Линдера, называя его фальсификатором. Это просто глупость. Как раз примеры, взятые из публикаций Линдера, свидетельствуют, что историк по цензурным соображениям многое опускал, как раз боясь быть обвиненным в апологии Запада. (*История публикации рассказа А.Д. Петрова «Странный случай с моим дедом»*). К чести И. Линдера, в книге «Шахматы на Руси» он доказывает, что шахматы в Восточной Европе появились лишь в эпоху Хазарского каганата. Первая по времени найденная шахматная фигура (слон) относится к началу XI века и была извлечена из кургана столицы каганата городе Саркел (*Белая Вежа*). Для большой убедительности И.М. Линдер воспроизводит карту проникновения шахмат из Средней Азии и Ирана, где в центре начертаны границы хазарского государства, не оставляющего сомнений. Этот путь шел из Хорезма и из Персии, через Хазарское море, иначе говоря, Каспийское море.

В соавторстве с сыном В.И. Линдером (1935 г. рождения) издал в Германии трилогию о жизни и творчестве Эм. Ласкера, Х-Р. Капабланки и А.А. Алехина. (1988-1992 гг.). В 2001 году была издана роскошное энциклопедическое издание «Короли шахматного мира» (М., «Большая российская энциклопедия»). К сожалению, качество самой

работы не соответствует поставленной высокой задаче. И.М. Линдер запятнал свое имя изданием книги об антисемите В.А. Алаторцеве. В этой книге наличествуют недопустимые и непроверяемые выпады против покойного М. Ботвинника, который де боялся его шахматной силы. (см.: *Вл. Линдер, И. Линдер «Две жизни гроссмейстера Алаторцева», М., 1994*). И это-то при счете +8, -0, =3 в пользу Титана!

Большой популяризации шахмат способствовали сеансы одновременной игры вслепую. До 1921 года – года своей смерти, первенство принадлежало Г. Брейеру. Затем долго конкурировали Рети (до своей преждевременной смерти в 1929 г.) и Алехин. Но, вероятно, одним из самых замечательных мастеров в этой труднейшей области был бельгийский мастер Джорж (Жорж) Колтановский (1903 – 2000 гг.). Он четырежды был чемпионом Бельгии (1924-1936 гг.). Сравнительно успешно выступал в международных соревнованиях. В Тенби (Англия) в 1928 году занял первое место, в Барселоне в 1934 году разделил первое-третье места с Лилиенталем и Тартаковым, а в следующем году в той же Барселоне де лил первое-второе места с Флором. В 1939 году, спасаясь от наци, бежал в США. Президент шахматной федерации США (1975-1978). В 1988 получил за прошлые заслуги звание международного гроссмейстера. Ставил несколько мировых рекордов в сеансах одновременной игры вслепую: 10 мая 1931 года, давая сеанс в Антверпене на 30 досках продолжительностью в 10,5 часов, добился выдающегося результата: +20, -0, =10. В Бирмингеме 20 сентября 1937 года на 34 досках добился результата +24, -0, =10 за 13,5 часов. Затем первенствовал Найдорф – давший сеанс на 45 досках. Этот рекорд был побит Яношом Ласло Флешем (1933–1983) – он дал в Будапеште в 1960 году сеанс на 52 досках квалифицированным шахматистам и закончил его со счетом +31, -3, =18. Сеанс продолжался 13,5 часов.

Мирлес Александр Акимович (1879–?), киевский шахматист, обладатель двух дипломов: юриста и математика. Страстный пропагандист шахматной культуры. Ему принадлежит честь одним из **первых на русском языке** издать небольшую книгу о творчестве Морфи – «Всемирный гений» о чемпионе мира Пауле Морфи» (*Киев, 1927 г.*) – это добротная монография на русском языке об американском шахматисте; (*первой книгой о Морфи было переводное издание Ж. Прети с многочисленными ошибками, вышедшая в СПб в 1884 г.*).

Другая книга Мирлеса о первом официальном чемпионе мира «Шахматный мыслитель» о В. Стейнице (Киев, 1927). Благодаря Мирлесу вышла практически первая книга о будущем чемпионе мира А.А. Алехине «Гений комбинаций» (Киев, 1926). Следы энтузиаста почти

сразу теряются. Одногодок Сталина и Троцкого – вряд ли он умер в своей постели...

Брошюра о Стейнице является первой, и долго являлась единственной книгой о чемпионе мира. Стейниц является родоначальником научного изучения шахмат. Он же установил неприложные законы, руководящие игрой, «а потому можно создать науку, которая положит предел полусознательной, беспорядочной игре». И далее Мирлес пишет: «...теория Стейница популяризировала шахматы, возвысила их от простой забавы до серьезного искусства, и шахматы стали привлекать к себе более и более охотников». (А.А. Мирлес «Шахматный мыслитель – В.Стейниц», Киев, 1927, с.14, 15). Мирлес отмечает высокое искусство комментирования Стейница. Его пропагандная деятельность вывела шахматы из детского состояния и создала возможности для интенсивной международной деятельности. Именно благодаря Стейницу выросли новые талантливые шахматисты, несравненно превосходящие достейнищевское поколение.

Брошюра об Алехине была долго единственной монографией о великом русском шахматисте вплоть до послевоенного времени, когда вышли книги Панова и Котова. Для Мирлеса характерно искреннее восхищение игрой «солнечного» Алехина. Он приклоняется перед его творчеством. Он выражает несомненную убежденность в победе русского чемпиона над Капабланкой. И это был первый голос в пользу Алехина. До матча была два года.

Обращает внимание элегантность оформления книжки: на обложке заглавными буквами дано название книги:

ГЕНИЙ КОМБИНАЦИЙ

гроссмейстер

А.А. АЛЕХИН.

И еще ниже знаменитая диаграмма из партии Боголюбова и Алехина из турнира в Гастингсе в 1922 году. Алехин подряд жертвует двух ферзей и выигрывает прозаичный пешечный эндшпиль. По бокам диаграммы надписи. Слева: Биографический очерк с портретом; справа – 33 избранные партии. Число «33» выбрано не случайно – в Баден-Баденском турнире претенденту исполнилось 33 года.

А.А. Мирлес собирался издать еще несколько книг: «Чудо техники. Х-Р. Капабланка»; «Русский самородок – М.И. Чигорин»; «Шахматный философ. Э. Ласкер»; «Шахматный кудесник. Р. Рети». Книги готовились к печати, и не вина автора, что они не вышли...

Нейштадт Владимир Ильич (1898–1959). Поэт, журналист и историк, опубликовавший свыше 70 работ по теории и истории шахмат, переводчик на русский язык работ Р. Рети, Х-Р. Капабланки, Эм. Ласкера. Составитель шахматных этюдов, из которых многие получили отличия. Крупный литературовед и переводчик западной литературы. Вот, что писал Нейштадт об истории шахмат как науке и эти высказывание не устарело под натиском времени: «История шахмат, как отдельная дисциплина, является необычайно сложным предметом в силу разнородности фактов, которые она должна охватить. Историк шахмат должен, прежде всего, решить вопрос о происхождении шахмат и выделить пути проникновения их в различные страны (историческая география шахмат). Попутно он должен проследить влияние местных условий на трансформацию игры (историческая этнография игры). На этой основе он может приступить к истории шахматных форм (внешняя структура игры, ее правила и т.д.) Наряду с этим он должен нарисовать картину шахматного быта, в которой, с одной стороны, должен показать историю проникновения шахмат в различные общественные слои, а с другой – дать историю шахматных организаций и шахматных состязаний. И только после всего этого начинается история шахмат как искусства, т.е. история шахматных идей на фоне общей истории человеческой мысли». (*В.И. Нейштадт «Новая книга по истории шахмат» – «Шахматы в СССР», 1939, с.219.*)

Владимир Нейштадт

Остановимся подробнее на биографии Владимира Ильича, которая, на мой взгляд, напоминает фантастическую историю из журнала «Мир

приключений». Нейштадт окончил институт коммерческих наук, затем историко-филологического факультет Московского университета, куда поступил в 1915 году. Прекрасно владел французским, английским, греческим, румынским, чешским и другими языками. После смерти отца в 1916 году работал проездным контролером на железной дороге, плавал матросом на рыбацьем бриге, приписанным в Ялтинском порту. Оказывается, таким образом, лечил туберкулез. После 1917 года – разъездной работник Библиотечного отдела Наркомата Просвещения, переводчик в штабе Красной Армии, преподаватель в Особой Военной школе Красных командиров в Петрограде, участник подавления Кронштадского восстания, член Московского Лингвистического кружка. В 1923 году издал переводы современной немецкой поэзии – сборник «Чужая лира». В 1931 году он отправился на Шпицберген и работал на угольном руднике. Вел дневники экспедиции – по-немецки. Чуть позже ездил на Урал. Но, вероятно, всей биографии нам не узнать, даже после издания его воспоминаний в 2008 году. Отметим издания переводов И. Бехера (1936 г.), Э. Вайнерта (1935 г.). В 1937-1941 годах опубликовал работы о мировом значении русской литературы, в том числе, оказавшись первопроходцем, работу о Пушкине в 1938 году, – «Пушкин в мировой литературе». Перевел на русский язык «Эгмонта» Гете, на немецкий язык Маяковского, Пушкина и других российских писателей. Во время войны работал в Политуправлении в отделе пропаганды, готовил листовки, руководил допросом военнопленных, для перевербовки и переброски их в немецкий тыл и т.д. Это был вечный труженик... В издательстве «Водолей Publishers» в 2008 году вышла книга стихов и воспоминаний В. Нейштадта «Пейзаж с человеком», откуда с разрешения издательства цитируем несколько шахматных эпиграмм, времен АВРО-турнира 1938 г.:

Алехину

Наследник русского гиганта,

Вы шахматная соль земли.

В вас блеск «французского» таланта –

А, сэ жоли! О, сэ жоли! (сэ жоли – по французски – прекрасно)

Решевскому

«Иному время нипочем,

Ему же – горькая забота.

Когда бы Грибоедов знал о нем,

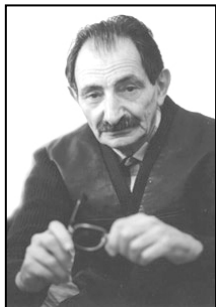
Он написал бы "Горе от цейтнота"».

Файну

«Гадательных смешав немало карт

Он показал "а файнер старт"». (файнер – на идиш – прекрасный)

Нейштадт Яков Исаевич родился в 1923 году. Крупнейший шах-

Яков Нейштадт

матный историк, литератор и теоретик, мастер по шахматам и международный мастер по ICCF. Его шахматным наставником был мастер М.М. Юдович, а свою шахматную карьеру он начинал одновременно с Авербахом. В разное время с юными шахматистами занимались Илья Львович Майзелс и Сергей Всеволодович Белавенец, погибший в 1942 году под Старой Руссой. Весной 1941 года Яков получил первый разряд и одновременно окончил школу. В начале войны призвался в ряды Красной Армии, окончил в Уральске эвакуированное туда Одесское пехотное училище имени

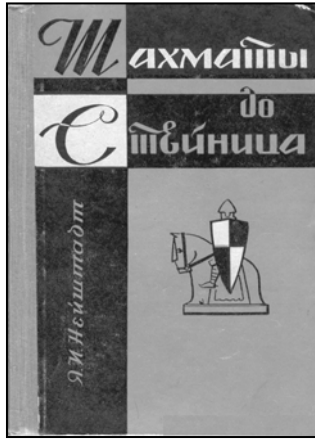
Ворошилова. В мае 1942 года, в чине лейтенанта, прибыл на Юго-Западный фронт, в район, получивший позже печальную известность, как Изюмо-Барвенковский котёл. Командовал стрелковым взводом и ротой. Воевал под Харьковом, Кривым Рогом, Кировоградом, в Молдавии. Был дважды ранен – в 1942 и 1944 гг. Награжден орденами и медалями. В годы войны он и не предполагал, что детская любовь к шахматам станет его профессией. После войны в 1951 году окончил юридический факультет Московского университета. С 1955 по 1973 годы – ответственный секретарь журнала «Шахматы в СССР», в 1974-1979 годах до конца издания – зам. главного редактора и главный редактор газеты «64».

Нейштадт – автор нескольких десятков книг, вышедших в двенадцати странах мира по истории и теории шахмат, многократно пере-

Яков Нейштадт
Карандашный рисунок сделан в 1943 г. фронтовым другом лейтенантом Грузинцевым.

водимых на иностранные языки. Автор книг: «Шахматы до Стейница» (М. 1961), «Первый чемпион мира» (М. 1971) – прекрасная книга о Вильгельме Стейнице; «Некоронованные чемпионы» (М., 1975), «Зигберт Тарраш» (М., 1983). Эти книги стали классикой. Ему принадлежит интересный учебник комбинаций «Шахматный практикум» (т. I – 1980; т. II – 1997), а также оригинальный учебник шахматной игры, созданный на базе творчества одного шахматиста – «Шахматный университет Пауля Кереса». (М., 1982).

*Первая из многочисленных книг Якова Нейштадта.
Её высоко оценил П.А. Романовский.*

Другие книги Нейштадта: «Принятый ферзевый гамбит» (1965 г.), «Отказанный ферзевый гамбит» (1967 г.), «Каталонское начало» (1969 и 1986 гг.), «250 ловушек и комбинаций» (1973 г.), «По следам дебютных катастроф» (1979 г.), «Жертва ферзя» (1989 г.).

После переезда в 1992 году в Израиль издал несколько книг: «Дебютные ошибки и поучительные комбинации» (2000 г.), в 2004 году под названием «Стейниц. Искатель истины». Самый подробный анализ творчества Стейница. «Когда не жалко ферзя» (2005 г.)

Романов Исаак Залманович (1920–1993). Историк и переводчик. Автор книги «Творческое наследие М.И. Чигорина» (М., 1960 г.), в которой он разместил 177 партий и впервые собрал воедино все публикации Чигорина из журналов. Перевел на русский язык книгу А.А. Алехина о Ноттингемском турнире 1936 года. Опубликовал многочисленные статьи об истории шахмат в России. Несомненной заслугой Романова, является инспирация и издание «Шахматного словаря» (М.,

Исаак Романов

1964 г.). Несмотря на большой состав редколлегии (*Л.Я. Абрамов, М.А. Константинопольский, Е.И. Умнов, И.М. Линдер, А. Ю. Наркевич*), Романов, по свидетельству современников, был главной движущей силой издания.

ОРГАНИЗАТОРЫ ШАХМАТНОЙ ЖИЗНИ

Проведение международных турниров требуют больших организаторских усилий и значительных финансовых затрат. Известный дореволюционный шахматист, петербургский адвокат А.В. Бобрищев-Пушкин, выступая в январе 1914 года на заседании Шахматного Собрания, заявил: «Шахматная игра развивается благодаря талантам и гениям, а также благодаря энергичным и опытным руководителям и организаторам». Собранием была выражена глубокая благодарность Юлию Осиповичу Сосницкому (1878–1918/19) «за его исключительные труды и энергию». (*Александр Лацис «Троекратное повторение» – Шахматы в СССР, М., 1977, №10, с.28*). Его пробивной натуре мы обязаны организацией Петербургских турниров 1909 и 1914 годах.

На этом поприще прославились евреи-меценаты:

Колиш Игнац (1837–1889), упомянутый ранее как один из сильнейших игроков XIX века и весьма состоятельный человек. Он пожертвовал значительные средства на организацию таких крупнейших соревнований, как Баден-Баден (1870) и Вена (1882).

Ротшильды. Семья банкиров. В особенности венская ветвь фамилии щедро жертвовала средства на организацию международных турниров. Любовь к шахматам у Ротшильдов была наследственная. Основатель рода франкфуртский банкир Майер-Амшель Ротшильд (1744–1812) разбогател, в том числе, благодаря тому, что неплохо играл в шахматы. История такова. Ротшильд был абсолютно честным человеком и с этой стороны был рекомендован банкиром Оппенгеймом генерал-лейтенанту барону Эсторфу. Тот в свою очередь рекомендовал «честного жида» своему другу ландграфу гессенскому Вильгельму IX (впоследствии курфюрст Гессен-Кассельский Вильгельм I) в качестве финансового агента. Ротшильд получил приглашение в дом ландграфа именно в тот момент, когда Вильгельм играл с Эсторфом. Положение владетельного князя было неважное. Ротшильд, не мешая играющим, следил за партией. Внезапно ландграф спросил Ротшильда: «Вы умеете играть в шахматы?» – «Не угодно ли Вашему высочеству передвинуть эту фигуру сюда», – отвечал банкир. ...Удача перешла к Вильгельму и он выиграл партию. После свидания Майер Ротшильд был назначен придворным банкиром ландграфа гессенского. (*Евгений Соловьев «Ротшильды их жизнь и капиталистическая деятельность» – Жизнь замечательных людей, биографическая библиотека Ф. Павленкова, Спб, 1894, с.22*).

Альберт Саломон Ансельм Фрайгер фон Ротшильд (1844–1911). Как уже упоминалось, он был личным другом Игнаца Колиша, которому протектировал, и тот стал миллионером. Альберт Ротшильд поспособствовал возможности стать состоятельными людьми шахматистам М. Вейсу, Б. Энглишу, Адольфу Шварцу. Ротшильд был президентом Венского шахматного общества с 1872 по 1910 год. Благодаря ему «Шахматное общество» занимало двухэтажный особняк, в центре столицы. Число членов клуба превышало 600 человек – рекордная цифра для того времени. Альберт Ротшильд, по словам И. Крейчика, играл в силу мастера. Утверждают, что первым его учителем был сам Вильгельм Стейниц. В течение 40 лет Ротшильд субсидировал венские турниры. Ему же приписывается фраза: «Дом Ротшильдов настолько богат, что вообще не сможет сделать ни одного плохого дела». К сожалению, Венская ветвь Ротшильдов, жестоко пострадавшая от гитлеровского «аншлюса» 1938 года, прекратила свое существование.

Альберт Ротшильд

Французская ветвь Ротшильдов помогала Самуилу Розенталю. Почти на каждое соревнование в конце XIX и в начале XX века Ротшильды утверждали призы за красоту. Жертвовали средства и на турниры в России. В списке «спонсеров» Петербургского турнира памяти Чигорина 1909 г. есть и имя Ротшильда. Он учредил один из призов за красоту. Жаклин Пятигорская, дочь французского барона Эдуарда де Ротшильда и жена гениального виолончелиста Григория Павловича Пятигорского (1903–1976), была сильной шахматисткой. *(В одном из первенств США она заняла четвертое место)*. Ею был основан призовой фонд в размере 10000 долларов для устройства международных турниров на кубок Пятигорского, что в 60-е годы прошлого века считалось крупной суммой. Было проведено два турнира – в 1963 году и в 1966 году с сильнейшим составом – Петросян, Спасский, Фишер, Керес, Ларсен, Решевский, Найдорф, Партиш, Ивков и др. Интересные воспоминания оставил о ней Борис Спасский. Его поразила госпожа Пятигорская: дочь миллиардера и пожилая женщина с энтузиазмом и без тени смущения не гнушалась делать черную работу на этом турнире как-то: убирать помещение, подметать и мыть полы, раставлять шахматы и часы. По словам Спасского, все это разительно отличалось от поведения советских чиновников от шахмат.

Райс Исаак-Леопольд (1850–1915), американский публицист,

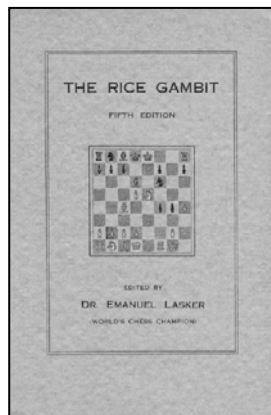

Исаак Райс

шахматист, музыкант, электротехник и адвокат.(!) Родился в Вагенхейме в рейнском Пфальце (в Германии). Переехал рано в США. С 1866 по 1869 год изучал литературу в Париже и одновременно Работал журналистом в американской прессе. Вернувшись в США, приобрел известность, как выдающийся музыкальный педагог, опубликовав ряд теоретических работ. В 1880 году окончил Колумбийский университет по юриспруденции. Получил звание доктора и профессорствовал с 1883 по 1886 годы, преподавая политэкономии. В 1885 году основал журнал «Форум», был президентом «Forum

Publisching Comрану», участвовал во многих коммерческих предприятиях – короче был богатым человеком. Он был юрист-консультантом, организатором и руководителем железнодорожных компаний. В шахматы начал играть с одиннадцатилетнего возраста. Занимался теорией королевского гамбита. Райс состоял почетным членом British Chess Clob'a в Лондоне и в 1891 году, будучи президентом Manhattan Chess Clob'a в Нью-Йорке, организовал матч на первенство мира между В. Стейницем и И. Гунсбергом. Кроме того, субсидировал ряд соревнований («с щедрами призами», – как писал современник), в том числе и тематический матч по гамбиту, носящему его имя. Участники матча: Эм. Ласкер и М.Чигорин.

История этого состязания вкратце такова: после скандального исключения М.И. Чигорина из турнира в Монте-Карло, по настоянию князя Дадяна Мингрельского и при попустительстве Арну де-Ривьера, «щедрый» Исаак Райс, сторицей и морально и материально вознаграждал пострадавшего русского чемпиона, предложив ему сыграть матч его гамбитом с чемпионом мира. В «Новом времени» за № 9791 Чигорин сообщил, что получил письмо от Ласкера следующего содержания: «Известный Вам проф. И. Райс очень желал бы, чтобы мы совместно исследовали практически одно положение, получающееся в гамбите Райса после 14-го

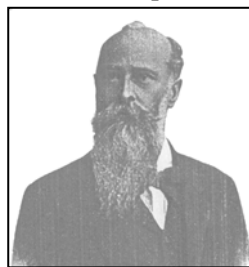

Одно из изданий гамбита Райса под редакцией чемпиона мира Эм. Ласкера.

хода белых. Мы сыграем 6 партий, играя их через день. Местом для нашего состязания, которое должно состояться между 16-м июля и 1-го августа (н.ст.) предлагается Остенде или другой европейский купальный курорт. На наши расходы г. Райс ассигнует по 300 долларов (около 600 р.) каждому». Подпись: Эм. Ласкер. Нью-Йорк. 4-го июля 1903 г.²⁵¹

Здесь уместно сказать пару слов в адрес «покровителя шахмат» князя Дадиани Мингрельского (1850–1910), который требовал публиковать свои «бессмертные партии». И представьте, находились знакомые Чигорина, печатающие эти «шедевры». Так в Киеве, в том же 1903 году, под редакцией Эмануила Шифферса (анонимно), понятно на средства владетельного лица, в количестве 50 экз. была издана книга на французском языке, где были помещены 100 окончаний из партий Дадиани с бароном И. Колишем (!?), Серафино Дюбуа (!?) и другими шахматистами. Там же помещены две задачи С. Алапина и К. Байера, посвященные сиятельному лицу, приведены высказывания В. Стейница (!?) о творческой фигуре князя и приложен портрет шахматного графомана. (*[Schiffers] «Fins de partie de S. A. S. le Prince Dadian de Mingrelie».*) А нуждающийся Шифферс в своем знаменитом «Самочителе» приводит также перлы Мингрельского с неким Попкиным. Это что – издевательство или вправду кто-то носил столь непотребную фамилию?... Князь, вероятно, заказывал платные сеансы, вроде игры по консультации в Варшаве вместе с великим мастером Шимоном Винавером против «всей Варшавы» (А. Флямберг и др.). Игра шла без ограничения времени, и посему «союзники» Винавер и Дадиан, попутно играли друг с другом легкие партии.²⁵²

Требич (Trebitch) Леопольд (1841–1906) – видный австрийский шахматный деятель и меценат. Крупный промышленник. В течение 30 лет был членом правления Венского шахматного клуба. В его память сын Оскар Требич учредил фонд и в Вене ежегодно устраивались международные съезды, так называемый «Требич-турниры». Всего состоялось 22 соревнования (1907-1938). Наиболее успешно в этих турнирах выступал К. Шлехтер, первенствовавший шесть раз. В первом Требич-турнире в 1907 году грандиозную победу одержал Я. Мизес. Интересно, что последнее соревнование состоялось накануне германского вторжения (1937-1938) – победите-

Леопольд Требич

лем стал Л. Штейнер, вторым – С. Рубинштейн (сын гроссмейстера). Естественно, с аншлюссом Австрии эти «неарийские» игры были запрещены и, увы, после войны не возобновлялись. Добавим, что Леопольд Требич принадлежал к семье выдающихся раввинов из Моравии, местечка – Требич. Известны в еврейской истории: Требич Авраам Бен-Реубен Хайят (1760– начало XIX в.), раввин, писатель, историк; Требич Нехемия (1779–1842), раввин, писатель, музыкант; Требич Зигфрид (1868– после 1935), романист и драматург; Требич Артур (1880–1927), писатель, брат Зигфрида. Кроме того, известен и венгерский Требич – Линкольн Игнац (1875– после 1935). Нет слов, талантливый род.

Каган Бернгард (1866–1932). Родился в пределах русской Польши,

Бернгард Каган

создал в Берлине шахматное издательство и журнал «Kagans neueste schachnachrichten» (1921-1932) и субсидировал многие турниры 20-х годов. Автор ряда популярных шахматных работ. В голодные годы I Мировой войны поддерживал русских интернированных шахматистов. Памяти Кагана вышла книга в Берлине. Чемпион мира Алехин охотно принял участие в сборнике, прокомментировав победную партию покойного приятеля, а спустя семь лет этого же человека он очернил в своей пресловутой статье. К месту будет указать, что первый крупный шахматный конгресс в послевоенной Европе был организован в 1920 году в Гётеборге (Швеция). Деньги на организацию турнира в размере 20 тысяч долларов(!) дали два мецената: Рудольф Герцог (еврей) и Людвиг Кольин. (см. С.Г. Тартаковер «У древа шахматного познания», М., 1926, с.23-24)

Крейчик Йозеф Эмиль (1885–1955), венский шахматный мастер, проблемист, шахматный деятель и писатель. Родился в пригороде Вены, но детство и раннюю юность, вплоть до окончания гимназии, провел в Моравии. Окончил философский факультет Венского университета со степенью доктора. По профессии ученый-историк, профессор. Был основателем и первым председателем Австрийского шахматного союза. Редактор шахматных отделов «Neues Wiener Tageblatt» и других газет. Участник многих местных турниров, где достигал хороших результатов. Практическую деятельность прекратил сравнительно быстро из-за «слабого здоровья» и занятости научной работой. Крейчик автор двух сборников юмористических рассказов, переведенных на русский язык:

«13 детей Каиссы» (М.1925) и «Примерные и шаловливые дети шахматной музы» (М., 1926). Блестящий язык, юмор мягкий, душевный и вместе с тем глубинная мысль. Безусловно, классик этого жанра. Профессор А.А. Смирнов сравнивает его рассказы с «чудесными» юмористическими статьями С. Алапина, «тоже человека широко просвещенного художественно и философски». Не настаиваю, но полагаю, что эти блестящие юморески, написанные в духе чешской школы (*Гашек, Чапек*), оказали несомненное влияние на творчество Ильфа и Петрова (*Например – вставная новелла о Вечном Жиде в «Золотом теленке»*.) Последняя книга Крейчика вышла в Берлине в 1955 году – «Mein Abschied vom Schach» (*«Моё прощание с шахматами»*).

Вайнштейн Самуил Осипович (1894–1942) – деятель русского и советского шахматного движения. С 1914 года – секретарь, а с 1924 г. – председатель Всероссийского шахматного союза. Организовал матч Ленинград – Европа по телеграфу (1931-1933 гг.). Один из создателей «Листка шахматного кружка Петргубкоммуны» (1921 г.), журнала «Шахматный листок» (1922 г.); зав. издательством «Шахматный листок» (с 1926 г.). Переводчик книг З. Тарраша, Эм. Ласкера, А. Алехина, М. Эйве. Умер во время ленинградской блокады. В статье Алехина о шахматной жизни в советской России говорится о «некоем Вайнштейне». Такой уничтожительности один из создателей и руководителей Всероссийского союза был недостоин.

Самуил
Вайнштейн

Ильин-Женевский Александр Федорович (1894–1941) мастер по шахматам, первый организатор шахматного движения в СССР. Активный участник Октябрьского переворота. Он вывел на «Штурм Зимнего» химический батальон. В 1920 году, будучи назначен комиссаром Центрального управления Всевобуча (Всеобщего военного обучения), переехал из Петрограда в Москву, где организовал первый шахматный отдел в советском журнале. Журнал назывался «К новой армии».

Александр Ильин-Женевский

По его инициативе осенью 1920 года состоялся первый чемпионат Советской России «Олимпиада». В заслугу Ильина-Женевского следует указать, что он разыскивал по градам и весям разбросанных по стране

известных дореволюционных шахматистов и помог им добраться в столицу. Делалось это методами того времени. Сам Ильин-Женевский иронически пишет, что была «произведена мобилизация шахматистов».

«Придавая чрезвычайно важное значение развитию шахматного искусства в России, как элемента допризывной подготовки трудящейся молодежи. Главное управление Всевобуч организует с 1 по 25 октября (1920 г.) в г. Москве **Всероссийскую шахматную олимпиаду как показательный праздник утонченного праздника мысли**. Для успеха Олимпиады необходимо участие в ней, всех сильнейших русских шахматистов, поэтому Главное управление Всевобуч просит Вас командировать *(здесь указывались фамилия шахматиста и занимаемая им должность)* в его распоряжение на время с 1 по 25 октября с.г.

Комиссар А. Ильин (Женевский)».

Публикаторы этого документа, например И. Романов, обращают внимание на возвышенный стиль письма: шахматная игра, как **«показательный праздник утонченного праздника мысли»**. В моих глазах и в глазах миллионов любителей эти слова не устарели.

Ильин-Женевский принял участие в «Олимпиаде» и разделил 9-10 места (16 участников), где ему удалось сделать ничью с Александром Алехиным. Алехин привел концовку партии в своей книге о шахматной жизни в большевистской России. Этюдный пешечный эндшпиль, где будущий чемпион мира спасся единственными ходами. Довольный своим трудом Алехин подарил тетрадку своих анализов этого эндшпиля знатоку пешечных окончаний мастеру Н.Д. Григорьеву. После окончания «Олимпиады» была написана поэма, воздавшая по заслугам всем участникам турнира, начиная с «гроссмейстера» Алехина. Как главный организатор этого соревнования Ильин-Женевский был чествован следующими строками:

« А это кто боец прекрасный?
Розовощекий, молодой,
Улыбкой девственницы ясной
И взор, как небо голубой.
Его игра оригинальна
Ему чужда избитость тем,
Его идеи и реальны,
И романтичны вместе с тем.
Хотя он пешкой королевской
Всецело занят в этот миг,
Не ошибись, Ильин-Женевский,
Серьезный видный большевик.

Его как главного героя
Хвалой и лавровым венцом
По пиндарическому строю
Почтим пред самым мы концом».

Участвуя в I Московском международном турнире в 1925 году, он разделил 9-10 призовые места с гроссмейстером Э. Грюнфельдом. В этом же соревновании Ильин-Женевский одерживает сенсационную победу над чемпионом мира Капабланкой, а также победы над гроссмейстерами Шпильманом и Маршаллом. К сожалению, занятый по службе он не мог полностью отдать себя шахматам, хотя неоднократно играл в финалах первенства СССР, был чемпионом Ленинграда. И имел неплохой счет с будущим чемпионом мира: +2, -4, =7. Принадлежа по воспитанию к «черноземной школе», Ильин все партии начинал только ходом «e2-e4». Ильин-Женевский автор нескольких книг, не потерявших исторического интереса: «Международный шахматный турнир в Москве. (Дневник участника)», М., 1926; «Матч Алехин-Капабланка», М., 1927; «Записки советского мастера», Л., 1929 и многих других. От организационных дел его быстро оттеснил Н.В. Крыленко. Но именно Ильину-Женевскому принадлежит честь устроить первый международный матч между чемпионом СССР Ботвинником и гроссмейстером С. Флором. Ильин-Женевский внес вклад и в теорию дебютов: в голландской защите известна система Ильина-Женевского. Имеются его исследования и в испанской партии. Жизнь трагически оборвалась во время эвакуации из осажденного Ленинграда, когда он погиб на Ладоге под немецкой бомбежкой. Похоронен в Новой Ладоге.

О еврейском происхождении Александра Федоровича известно следующее. Он, как и его родной брат, Федор Федорович Раскольников, были незаконными детьми еврея-выкреста протодиакона Сергеевского «всего петербургской артиллерии» собора Федора Александровича Петрова и дочери генерала Антонины Васильевны Ильиной. Семья Ильиных происходит из рода князей Галицких и многие из их предков в XV-XVI веках служили при дворе в качестве постельничих, стольников, чашников. Позже семья была тесно связана с флотом. Прапрадед – лейтенант Дмитрий Сергеевич отличился в Чесменском бою. Дослужился до чина капитана 1-го ранга. В русском флоте в память подвига Ильина в 1886 году было спущено на балтийском флоте минный крейсер «Лейтенант Ильин». Прадед – Михаил Васильевич подполковник морской артиллерии, написавший ряд специальных трудов. Его дед по матери генерал-майор В.М. Ильин артиллерийский генерал и преподаватель Михайловского артиллерийского училища. К месту сказать, что

все перечисленные члены флотской фамилии попали в энциклопедии: Российский Биографический словарь, Военную энциклопедию и т.д. Белогвардейские издания издевались над сухопутным гардемаринном Федором Федоровичем Раскольниковым, председателем Центробалта. Они не знали, что морская служба у Ильиных была наследственная.

Ильин-Женевский профессиональный революционер и большевик с

дореволюционным стажем никогда не был ни догматиком, ни доносчиком. Ф. Богатырчук – чемпион СССР и вла-совец писал в эмиграции об Ильине-Женевском, как об одном из немногих известных ему коммунистов, «искренне веривших в величие своего пророка Ленина. С ним можно было спорить на скользкие темы и высказывать мысли, не боясь, что он донесет... У этого

коммуниста было действительно человеческое лицо, но таких, как он – раз, два и обчелся». (Ф.Богатырчук *«Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту»*, Сан-Франциско, 1978, с.79). Стоит добавить, что Александр Федорович был родным братом Федора Федоровича Раскольникова, написавшего открытое письмо Сталину о его преступлении. В свое время, летом 1917 года у Ильина-Женевского было столкновение со Сталиным. Ильин редактировал «Солдатскую правду», где была помещена статья Сталина. Учительская невысокий образовательный уровень солдат-читателей, Женевский несколько отредактировал сталинский текст. Сталин был в гневе: «Вы не имели права этого делать, Вы испортили мою статью»... Зная злопамятность Кобы, удивительно, что он не свел счёты с братом своего недруга.

В биографии А.Ф. Ильина-Женевского имеется такой факт. В чине прапорщика он был в действующей армии. Средняя продолжительность жизни «прапора» на фронте исчислялась несколькими днями. 30 мая 1915 года под Варшавой он был отравлен немецкими газами, а после выздоровления и возвращения на фронт был вторично тяжело контужен. У него отнялись ноги, частично руки. Он потерял чувствительность, память и слух. Лечение потребовало почти года. Среди провалов памяти, обнаружилось, что Ильин разучился играть в шахматы. Его обучение шло вновь с азав: с расстановки фигур. Лечил его профессор В.В. Срезневский, который в своих лекциях приводил этот феноменальный пример последствий травматического психоневроза. Во время участия в Олимпиаде 1920 года, на почве старой кон-

тузии, произошел нервный паралич правой ноги. По словам Ботвинника, у Женевского остались следы травмы: у него появилось нервное подергивание: он быстро-быстро и с размаху потирал себе руки, сплевывая через левое плечо (на незнакомых людей это иногда неприятно действовало). Михаил Моисеевич добавляет, что Ильин-Женевский обладал «ангельским характером» и был удивительно порядочным человеком. /М.М.Ботвинник «К достижению цели», М., 1978, с.42-43/

В ужасной гибели Александра Федоровича от немецкой бомбы имеется еще одна трагедия. Его жена, довольно сильная шахматистка, Таисия Александровна Ильина-Женевская (Вязовская) покончила с собой через 4 дня после гибели мужа. Страшный гимн любви. Да будет благословенна их память!

Рохлин Яков Герасимович (1905–1997), один из пионеров советского шахматного движения, создатель шахматных клубов в Москве, Ленинграде и др. городах. Организатор первой кафедры по шахматам в Ленинградском институте им. П.Ф. Лесгафта. Кандидат педагогических наук, доцент. Автор нескольких шахматных пособий. Первым поддержал М. Ботвинника на его шахматном пути. Звание мастера спорта он получил в 1929 году и дважды играл в финале первенства СССР. Во время борьбы за русский приоритет в шахматах его негативно упомянули в пресловутом письме З. Ходжаева и Ф. Дюммеля «Еще о древности и самобытности отечественных шахмат», помещенном в № 5 «Шахматы в СССР» за 1951 год. Обладал громадной пробивной силой, что шло на пользу шахматному движению.

Надо отдать должное, что Яков Герасимович еще в 1926 году

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ на 1926 год.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Воскресенье	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Понедельн.	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Вторник	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Среда	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Четверг	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Пятница	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Суббота	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26

ИЮБАРЬ. 1. Новый год. 22. День 9 января 1905 года и день памяти вождя пролетариата Владимира Ильича ЛЕНИНА. МАРТ. 12. Низвержение самодержавия. 18. День Парижской Коммуны. МАЙ. 1. День Интернационала. Страстная суббота. 2-3. Пасха. ИЮНЬ. 10. Вознесение. 20. Троицын день. 21. Духов день.

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Воскресенье	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Понедельн.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Вторник	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Среда	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Четверг	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Пятница	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Суббота	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25

ИЮЛЬ. 4. День Конституции СССР. АВГУСТ. 15. Успенie. НОЯБРЬ. 7. День Пролетарской Революции. ДЕКАБРЬ. 25-26. Рождество.

написал статью о русской шахматной школе. С большой теплотой он писал о М. Чигорине, А. Алехине, Е. Боголюбове, П. Романовском и др. Для него русская школа шахмат не делилась по национальному признаку: к этой школе он относил и евреев: Г. Сальве, А. Рубинштейна, О. Бернштейна, А. Нимцовича, С. Тартаковера, Абрама и Илью Рабиновичей и др. Конечно, в упомянутой статье о превосходстве русской школы над западной не говорится ни слова. (Я.Г. Рохлин «Русская шахматная школа (*Исторический обзор и характеристика*) – «Календарь шахматиста на 1926 год». *Справочная и записная книжка, Физкультиздат, Л, 1925, с.34-41*). В дополнение к этому изданию, одобренному Всесоюзной Шахматно-Шашечной Секции ВСФСК и вышедший при составителе С.О. Вайнштейне и под редакцией Г.Я. Левенфиша приводится табель-календарь на 1926 год с праздниками, **как советскими, так и церковными**. Не откажем себе в удовольствии привести этот документ эпохи.

Вайнштейн Борис Самойлович (1907–1993). В шахматной журналистике часто использовал юмористический псевдоним «Ферзьбери». Один из организаторов советского шахматного движения. Родился в Одессе, в семье европейски образованного известного журналиста. С детства владел несколькими иностранными языками. Окончил мехмат Ташкентского университета. Председатель Президиума Всесоюзной шахматношашечной секции (1942-1945), в 20-е годы организатор шахматной жизни в Узбекистане; председатель Среднеазиатской шахматношашечной секции, по совместительству полковник Госбезопасности, лицо, приближенное к Берии. Последним обстоятельством он пользовался, помогая своему другу Давиду Бронштейну.

Борис Вайнштейн

Написал несколько шахматных книг, из которых наиболее интересны: «Импровизация в шахматном искусстве. О творчестве гроссмейстера Бронштейна» (М.,1976) и «Мыслитель» – об Эм. Ласкере (М.,1981). По профессии математик и доктор экономических наук, работал в окружении Л. Берии (1939-1953) и, благодаря этому, был «ангелом-хранителем» Д. Бронштейна. Был тренером Бронштейна на турнире претендентов в Будапеште в 1950 и, безусловно, способствовал успеху подопечного. Был секундантом своего друга в матчах с Болеславским и Ботвинником. Бронштейн свою относительную неудачу в Швейцарском

турнире претендентов в 1953 году; где разделил второе-четвертое места, приписывает тому, что он единственный из всех участников был лишен тренера. В это время друг-покровитель был арестован по делу Бери! Вот важнейший момент в отношениях между тренером и другом Давида Бронштейна: «... я оказался единственным, кому пришлось играть без секунданта. Мне объявили об этом за два дня до отъезда в Швейцарию, когда уже ничего нельзя было изменить. Поэтому я старался не откладывать партии, так как не имел помощника для анализа. Если же постоянно анализировать самому, то трудно выдержать 30 туров. Это одна сторона вопроса. Есть и другая, пожалуй, более важная. В таком турнире каждому участнику нужен не столько помощник при анализе отложенных партий и в подготовке к дебюту, как друг, с которым можно откровенно поговорить поздно вечером, поделиться мыслями и впечатлениями, а в свободный день вместе пойти в театр. Такого друга не было со мной в Швейцарии, и, будучи в состоянии победить любого соперника, я психологически оказался слабее многих в начале турнира и далеко не всегда реализовал свой творческий и спортивный потенциал». (Д.И. Бронштейн «Международный турнир гроссмейстеров» Нейгаузен-Цюрих, 29 августа/24 октября 1953г., 3-е изд., доп. М., 1983, с.174-175). Вместе с тем – это не только объяснение, но и гимн дружбе. В одной из последних книг Бронштейна «Давид и Голиаф», спустя полвека он привел разговор с Вайнштейном, после возвращения из Америки в 1954 году: «Давид? Почему вы не остались в Америке?»...

Борис Самойлович свою книгу о Ласкере назвал «Мыслитель», но и сам он был смелым и волевым мыслителем. Ему достало смелости отметить не только положительное воздействие шахмат на личность, но и развитие многих отрицательных черт, включая и эгоцентризм. Отсюда общее с Эйнштейном, не любившим шахматы за то, что они определяют насилие одного интеллекта над другим. (Замечено в статье Виктора Малкина и Сергея Воронкова «Три жизни Бориса Вайнштейна», «The Chess Herald» London, 1994, №2, с.67)

Левант, Лев (Илияху, 1928) – организатор шахматного движения в Израиле. Следует отметить энергичную деятельность Леонида Михайловича в Ленинграде. Он основатель (насколько это возможно в СССР) ленинградского Шахматного клуба ДСО «Спартак» в помещении напротив знаменитого ленинградского клуба им. М.И. Чигорина. Кстати, оба клуба располагались на улице Желябова.

Лев Левант

Функционирование клуба «Спартак» было значительно более интенсивное, нежели скучная и монотонная жизнь «чигоринского» клуба. Сравнительно за короткий срок из стен «Клуба Леванта» вышло немало мастеров. Кстати, именно в этом клубе начинали свою шахматную карьеру два вундеркинды: Гата Камский и Костя Сакаев, ставшие в дальнейшем элитарными гроссмейстерами. В 1972 году Левант с семьей репатрировался в Израиль. Еще находясь в СССР, Левант хотел поселиться в Негеве, чтобы с нуля начать строительство шахматной жизни на юге страны. Я, лично знавший Леонида Михайловича по ленинградской жизни, был глубоко убежден, что городу Беэр-Шева повезло. На скепсис общих знакомых я отвечал, что если бы Левант попал в Антарктиду, то у него бы и пингины заиграли в шахматы! Так оно и произошло. Без знания языка он объезжал все школы города и окрестностей, бесперерывно давая сеансы одновременной игры и привлекая все большее и большее количество учащихся к этой древней игре. И некоторое время он делал эту работу за символическую зарплату. Его воля и талант победили. Благодаря его усилиям, в южной столице Израиля – Беэр-Шева возник крупнейший в стране Шахматный клуб, бессменным директором которого Левант является до сих пор. В клубе выросло более десятка гроссмейстеров (М. Ройз, Д. Темкин, А. Финкель, Б. Аврух и другие). Команда клуба становилась чемпионом Израиля более двадцати раз. При клубе действует детская шахматная академия, в которой обучается более ста детей с четырехлетнего до семнадцатилетнего возраста. Под эгидой и при непосредственном судействе Леванта (он – международный арбитр) в Беэр-Шеве проведено более 30 международных соревнований и в, частности, командный чемпионат мира 2005 года. Благодарные горожане в честь его 75-летия присвоили шахматному клубу имя его основателя.

Особо я хочу остановиться на профессоре **Гольдберге** из Парижа, который в начале XX века изобрел шахматы и шахматную доску для незрячих людей. Доска, где шахматные поля поочередно гладкие и шероховатые, а также шахматные фигуры отличаются тем, что белые фигуры сглажены, а черные неровной поверхности. Таким путем, можно научиться играть путем осязания.²⁵³ Можно сказать, что этот человек, о судьбе которого мы мало что знаем, был отцом-благодетелем всех слепых. Шахматное движение среди незрячих чрезвычайно развито и проводятся даже чемпионаты мира. Следует вспомнить добрым словом этого человека.

НЕМНОГО О СТЕЙНИЦЕ И КАПАБЛАНКЕ

Внешность чемпионов мира доходит до нас в основном со старинных или старых фотографиях, а они, к сожалению, дают мало представление о действительной личности героев. Но иногда нам везет. Такое красочное описание старого Стейница оставил Маршалл. Это было в 1893 году, когда еще чемпион мира давал сеанс одновременной игры в Монреальском шахматном клубе. Фрэнку было шестнадцать лет, но память ясно сохранило Прощлое: «Мне нетрудно представить себе сейчас Стейница таким, каким я увидел его тогда – невысокий, грузный бородач с крупной головой. Когда он пошел вдоль столов, я заметил, что он прихрамывает. Будучи близоруким, он низко склонялся над каждой доской и пристально всматривался в фигуры. Каждый раз, останавливаясь напротив меня, он подбадривающе улыбался. Великий Стейниц всегда с такой яростью жаждал победы, что даже в сеансах не признавал ничьих». (*Фрэнк Маршалл «50 лет за шахматной доской», М., 1998, с. 9*). Юноша очень хотел выиграть, но, увы, опыт победил. Говорили, что Стейниц был брюзга, но оказалось, что это не так. По крайней мере, в глазах юноши. Он похвалил игру Фрэнка и предсказал ему большое шахматное будущее... Кажется это вариант легенды, созданной Я.Г. Рохлиным о Капабланке и Мише Ботвиннике.

Есть совершенно волшебное описание Стейница, сделанное рукой писателя и шахматного мастера. Он видел Стейница, будучи совсем мальчиком, но сила воображения в зрелые годы позволило создать уникальный образ железного гнома. Зноско-Боровский отметил матчевый характер шахматного дарования чемпиона мира: «В матчах... сходятся без турнирного ажиотажа, без помощи и соперничества заведомо слабейших (*наивно в наш век соглашаться с этим. – С.Д.*), два равносильных игрока, два человека, и между ними начинается бой, серьезно и начистоту. Без нервозности и азарта, изо дня в день, в течение многих недель надо извлекать из своего ума все новые и новые запасы изобретательности и выдумки, черпать из глубины своего существа все новые и новые духовные силы, выдержку, стойкость и бодрость.

Каждый день пунктуально появляясь в зале, Стейниц уютно располагался в кресле и целиком уходил в размышления, играл медленно и, тратя обыкновенно больше времени, чем его противники.

Больная нога не позволяла ему гулять, как делали другие. Изредка только подымался он и, заложив руки за спину, делал несколько шагов у своего стола. К старости у него образовалась привычка тихо повсвистывать во время обдумывания хода.

Таким, глубоко ушедшим в свои думы, с огромным выпуклым лбом, его изображают сохранившиеся портреты. Однако они дают лишь отдельное представление о том, каким был Стейниц в действительности. Это опять-таки канон, иконопись, перед нами философ, а не боец. Между тем достаточно было посмотреть в глаза Стейница, необычайно живые, острые, насмешливые, глядящие жадно, иногда вызывающе и задирающе, чтобы понять, что это не бесстрашный мыслитель, а пылкий и самолюбивый игрок. Это только снаружи он казался таким благовоспитанным старцем: внутри – клокотало пламя.

Сохранившееся портреты Стейница умалчивают и о другой особенности его: на них мы не видим окраски его длинной бороды и его волос. Между тем они были у него рыжие, пожалуй, даже красные, и вот сразу оживает облик: перед нами не просто карлик, это гном, нибелунг, хранивший, таивший в себе самом золото – огонь...

Этот внутренний огонь, который постепенно, по мере развития состязания, разгорался в целый костер, и который он не залить, не остудить не мог, и давал ему нужные силы и выносливость. Он же сообщал ему и боевой задор...» (*Евг. Ал. Зноско-Боровский «Стейниц» – «Последние новости», Париж, от 6 и 8 августа 1936 г. Публикация И.П. Хабарова – Шахматы в СССР, №2, 1991*).

Внешность Стейница во время матча с Шифферсом описана неизвестным ростовским шахматистом: «... маленький, скромно одетый старичок, хромой, с костылем под мышкой, со светло-рыжей бородой, прищуренными глазами, в высшей степени серьезный и задумчивый. «Королевского» в его фигуре было очень мало. Прежде, чем сделать ход г. Стейниц много думает, по-видимому, забыв обо всем на свете». (*О. Соболев «Стейниц в Ростове» – Шахматы в СССР, 1987, №7, с.23*)

Что же касается Капабланки, то ему повезло: его описал большой русский писатель. Образ получился не иконообразный и тем интереснее: «Я видел знаменитого шахматиста Капабланку. Тогда он был чемпионом мира после матча с Алехиным.

Мы вошли с Ильфом в помещение какого-то клуба на Большой Лубянке, где, как нам было известно, Капабланка должен был выступать в сеансе одновременной игры. Сеанс, когда мы вошли, был в

разгаре. Между двумя рядами столиков, за которыми сидели участники сеанса и на которых были установлены желто-черные доски с фигурами, уже в некоторых случаях сошедшимися в целые толпы, продвигался, останавливаясь перед каждым очередным столиком и делая свой ход, молодой, хоть и не маленького роста, но толстенький брюнет с бледным смуглым лицом – скорее некрасивым, несколько бабьим и с хоботообразно вытянутыми самолюбиво-чувственными губами. Сразу было видно, что это южанин, причем житель совсем незнакомого нам тропического юга с бананами и низкими звездами.

Он держал короткие руки в карманах под нерасстегнутым и поэтому чуть приподнявшимся на животе пиджаком. Подойдя к столику, он задержался на мгновение, и тут же воздушно взявшись за фигуру, представлял ее. Иногда на полпути к следующему столику оглядывался на предыдущий... Множество пар глаз смотрели на него снизу. Он был небрежен и свободен, даже казался сонным, только хоботок его губ пребывал в некотором шевелении: то сокращался, то вытягивался.

Он был в черном костюме, и галстук на белой сорочке тоже лежал черный, и было в его фигуре что-то старомодное, отдельное, просящееся скорее в иллюстрацию, чем в фотографию, – гениальное». (*Юрий Олеша «Ни дня без строчки», М., 1965, с.157*). Большой писатель и мастер метафор весьма недоброжелателен к своей «иллюстрации». Причины? Вероятно их несколько. О своих догадках я умолчу...

19-летний Василий Панов более объективен: «Капабланка был необыкновенно симпатичным, излучавшим обаяние человеком. Никогда – ни раньше, ни позже мне не приходилось встречать такой идеальной, причем одухотворенной, не «оперной» мужской красоты. Во время международного турнира в Москве 1925 г., хотя ему было уже 37 лет, женщины ходили за ним буквально табуном и не могли на него насмотреться». (*В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.18*). Служанка дома, где останавливался Капа во время матча с Алехиным, поведала, что за два с половиной месяца его посетило 60 (!) женщин. Вряд ли это «побочная работа» помогла кубинцу во время матча. (*Из статьи журналиста Д. Тараюю из книги об Алехине «На пути к высшим шахматным достижениям», Москва, 1991 год, стр.285*). Сравнивая словесные портреты Стейница и Капабланки, можно заметить, что они были антиподами.

ПОДРОБНЕЕ ОБ ЭМАНУИЛЕ ЛАСКЕРЕ

Я думаю, что одна из интереснейших биографий Ласкера, рассказана в книге Михаила Левидова. Но вышедшая до войны и в стране тоталитарной, где цензура и самоцензура лишала повесть свободного повествования, есть недоговоренности. И я хотел бы не только досказать биографию Великого Старца, но и заполнить некоторые лакуны, сознательно или бессознательно допущенные Левидовым.

Эмануил Ласкер, как сообщается в любом шахматном справочнике, родился 24 декабря 1868 года в городе Берлинхене (маленьком Берлине), в 80 километрах от большого Берлина. Ласкер считается немецким гроссмейстером, и это понятно, он принадлежит всецело германской культуре. Но ныне Берлинхен – городок Барлинек в Польше. И это символично, ибо фамилия Ласкер, производное от названия польского местечка Ласк. И все Ласкеры, а их было немало, евреи происходившие из одного корня. Самым знаменитым Ласкером XIX века был дядя Эмануила – Эдуард Ласкер (1829–1884), известный политический деятель и оратор, сумевший победить такую грозную силу, как прусское грюндерство, заставивший трепетать «железного» канцлера Бисмарка.

Тогда, в конце позапрошлого века, карьеры политика и шахматиста казались не равнозначными. (*Впрочем, как и сейчас.*) И писал корреспондент «Нивы», что племянник довольствуется менее громкой славой: «он предпочел, как выразился Цезарь, быть первым в деревне и отказался от первенства в политической жизни» (см.: «Нива», № 20, 1899, с. 554 «Лондонский международный турнир»). Время расставило акценты: «*Sic transit gloria mundi*» (*Так проходит земная слава*). В советских и постсоветских энциклопедиях уже не разыскать Эдуарда Ласкера, хотя на заре Октябрьской революции в России С.Г. Лозинский посвятил ему яркие страницы в увидевшей свет в 1919 году книге «Евреи Запада в борьбе за право и свободу». Много писала об Эдуарде Ласкере и еврейская пресса России (см., например: «Русский еврей», 1884, №3,4 и др.). Любимая тема её рассуждений – ортодоксальная еврейская семья, из среды которой вышел выдающийся деятель главнейших законодательных и административных реформ объединенной Германии.

Эмануил тоже родился в ортодоксальной семье, но путь, который он избрал, далеко увел его от религиозного дома.

Небезынтересно отметить, что в тени великого Ласкера-шахматиста жил бесконечно долго его однофамилец, талантливый шахматист, тоже Эдуард, как и дядя чемпиона мира, Ласкер (1885–1981). Он родился в Германии в городе Кемпене, превратившимся в польский городок Кемпно и умер в Нью-Йорке, как и Эмануил. По профессии был и крупным инженером, и международным мастером. Его знаменитая партия против Дж. Томаса, сыгранная в 1911 году с жертвой ферзя и с конвоированием черного короля через всю доску воспроизводится во всех учебниках и даже в энциклопедиях. Великий однофамилец Эм. Ласкер 1924 году именно против него сделал ничью, имея одного коня против ладьи и пешки, что до сих воспроизводится в пособиях по эндшпилю. Инженер и шахматист Эдуард Ласкер внес определенный «технический» вклад в создание электронного шахматиста.

Левидов почти ничего не говорит о личной жизни своего героя. А она в наш рациональный век порой бывает незаурядной.

Во-первых, о его старшем брате, научившем младшего играть в шахматы. Его звали Бертольд. Он тоже был мастером, и в одном из первых турниров братья разделили первое-второе места. Бертольд был для Эмануила ближайшим другом и советчиком. Женой Бертольда была великая немецкая поэтесса Эльза Ласкер-Шюллер (Else Lasker-Schüler – 1876–1945). Доставим себе удовольствие и приведем одно стихотворение поэтессы в переводе шахматиста и поэта:

Конец міра.

«Над вселенной рыданья неслись,
словно Бог – Жизнедавец почил;
и свинцовую тенью повис
призрак вечных могил.

Хочешь, вместе укроемся оба?...
Жизнь во всех затаилась сердцах,
как под крышкою гроба.

Но и там жаждой ласок палимы...
В мір стучится безумная страсть,
от которой погибнуть должны мы.»

*(Савелий Тартаковер «Антология современной немецкой поэзии»,
Берлин, из-во «Мысль», 1922, с.100)*

Страшное предвиденье будущего. Обнаженность стиха обжигающая.

Бертольд Ласкер был блестящим врачом, соединяющим практику с научным исследованием. Так он изобрел прием, препятствующий созданию тромбоза. Его метод вызвал резкие возражения, но ныне его метод стал общеупотребителен. Вместе с братом Эмануил написал драму. Смерть брата в 1928 году была тяжелым ударом. Кроме него у Эмануила было две сестры – Теофилия и Амалия. О судьбе их мы знаем очень мало. Амалия имела пять детей и умерла в возрасте свыше 80 лет в 1939 году. Теофилия, артистическая натура, спасаясь от нацистов, эмигрировала в Голландию и жила у личного друга своего брата д-ра Герарда Оскама, мастера по шахматам. *(Выше мы писали о его судьбе.)* По сведениям, доставленным после войны д-ром Оскамом, Амалию депортировали в один из концлагерей, где она погибла в газовой камере в 1943 году. У нее тоже было пятеро детей. Трое остались в живых, а что случилось с двумя племянниками или племянницами чемпиона мира нам неизвестно...

На заре своей юности, играя в шахматном кафе «Кайзерхоф» в Берлине, Ласкер приобрел некоего благотворителя в лице Бамбергера, главы банкирского дома. Он существовал уже 200 лет! Яков Бамбергер – директор этого банка в конце 80-х годов XIX века, выдавал Эмануилу ежемесячную стипендию в 10 марок... Необычайность случая заключалась в том, что пройдут долгие годы, и дочь банкира Марта, станет женой Эмануила. Ей было 20 лет, и она не знала о существовании студента Ласкера. Отец Бамбергер тогда почти спас жизнь молодому гению, но никто не предполагал, что его женой станет дочь. Кажется, это был для банкира один из лучших вкладов «капитала»... А трагизм и романтизм заключался в том, что Марта была замужем за Эмилем Коном, владельцем фабрики музыкальных инструментов, и от этого брака имела дочь. Эмиль Кон страдал неизлечимой болезнью, стойко переносил свои страдания, и Марта не хотела его покинуть. Брак Эмануила и Марты состоялся по прошествии многих лет, после смерти Кона в 1911 году. На протяжении почти полувека она была верной спутницей великого шахматиста. Нелишне здесь заметить, что Марта, урожденная Бамбергер, по материнской линии приходится внучкой знаменитому композитору Джакомо Мейерберу! На одной из фотографий в журнале, издаваемым Каганом имеется фотография жены экс-чемпиона, носившая фамилию Марко. Дело в том, что она имела литературный псевдоним Лия Марко и, оказалось, что спутница жизни Ласкера была талантливой журналисткой, писательницей и поэтессой: всем этим она пожертвовала, что бы быть всегда рядом с мужем. Безусловно, любовь Эмануила и Марты Ласкеров

ров достойна пера крупного романиста! *(Любопытная деталь: Эмануил и Бертольд – два брата были женаты на поэтессах! В немецкой литературе XIX века зачитывались произведениями Игнаца-Юлиуса Ласкера (1811–1876). Он родился в Бреславле и прославился драматическими произведениями, коих сочинил множество. Писал стихи, романы и был драматургом известного берлинского Victoria-театра. Кем он приходился братьям Ласкер я не могу сказать. Но тяга братьев к драматургии, мне кажется наследственным признаком).* Уместно здесь рассказать о замечательной еврейской фамилии Бамбергов. Прадед Марты Яков Бамбергер (1724–1802) был «старшиной края» всего еврейства Германии, был «наместником интересов» всех германских евреев и другом Лессинга и Мендельсона. Приведем небольшой шахматный экспромт, прочитанный Мартой в честь победы мужа на Петербургском турнире в 1914 году на церемонии закрытия:

Я обет добровольный нарушу друзья.
Пять недель лишь о шахматах слышала я –
Лишь о пешках отсталых, неважных слонах,
О лишенных поддержки конях – скакунах.
О ладьях, поспешавших туда и сюда,
И о мате случайном (вот это беда!).
О крушеньях защит, о провале атак,
О сомнениях: «Вы правда считаете так?...»
О маэстро, которые, вдруг осмелев
Не стеснялись менять своих дам-королев.
Тут я было подумала: эти таланты
Не всегда, к сожаленью, бывают галантны.
Но решила, что волю досаде не дам:
Мне милей деревянных, игрушечных дам,
Чудаки-игроки, «джентельмены удачи» –
Их надежды, мечты и азарт их горячий.
Нарушаю сегодня молчанья обет,
Чтоб им пожелать многих лет и побед!»

Поэтесса Марта Марко,
жена Эм. Ласкера.

(Перевод выполнен поэтом Евг. Ильиным. Публикация И.З. Романова. Бюллетень центрального шахматного клуба, 1985, №3, с.7).

(Несколько слов в адрес шахматного энтузиаста, мастера эпиграмм и миниатюры. Евгения Ильича Ильина (Ройтман, 1922–1987) Он также автор нескольких книг на шахматные темы.) Мне кажется, что канвой стихотворения служит победная партия Ласкера над Капабланкой: «О маэстро, которые... не стеснялись менять своих дам-королев» – разменный вариант испанской партии...

Когда Ласкер собирался сражаться со Стейницем в матче на мировое первенство, произошел любопытный инцидент, имеющий отношение даже не к Ласкеру, а к нашим рассуждениям о причинах вызова Стейницем Чигорина на матч. Дело в том, что Чигорин не имел никаких моральных прав участвовать в матче на мировое первенство. Совершенно иное положение было у Ласкера. К этому времени Ласкер в престижных шахматных соревнованиях победил Блекберна, дважды Берда, Мизеса и других блестящих шахматистов. Но турнирные его успехи были, по мнению Стейница, недостаточны, и он предложил Ласкеру до единоборства с ним за звание чемпиона мира принять участие в международном состязании. Требование Стейница было исполнено: в Нью-Йоркском турнире претендент набрал 13 очков из 13! Стопроцентный результат долго не был перекрыт. Во всяком случае, я не знаю ни одного международного турнира с аналогичным результатом. На четыре с половиной очка Ласкер обогнал второго призера Альбина. Этот успех совершенно покорила американцев. **Напоминаем, что аналогичных требований Стейниц к Чигорину не предъявлял.** Кстати, Ласкер в высшей степени предупредительно относился к Чигорину и оставил теплые воспоминания о нем. Он считал своим долгом принять участие в Петербургском турнире 1909 года, посвященном памяти русского шахматиста. Добавлю, что Чигорин поначалу «не принял» нового чемпиона мира. В одном приватном письме Михаил Иванович соскальзывает на юдофобское зубоскальство «Осколков», обыгрывая шепелявость, якобы присущую еврею Ласкеру: «... перевод «Здравого смысла» очень плох. Понять даже иных мест нельзя. В Ласкеровском «Здравом смысле» ровно на два шиллинга и шесть пенсов здравого смысла, то есть настолько, сколько стоит книга в оригинале. Одним словом шахматный **«филошов»**. Этим все сказано». О матче Стейниц – Ласкер, он писал тому же корреспонденту: «... “Старик” играет отвратительно, относительно конечно, Стейниц весь в своих «стратегических маневрах», – все собирает по всей доске ... пыль с клеток доски, – да и Ласкер отличается. Восьмая партия – какое-то бесформенное произведение». Далее он говорит об атаке Ласкера в четвертой партии, что она вся построена на «фуфу». И даже «старик» мудрит или «трусит», правда последнее с вопросительным знаком, но, безусловно, что «Стейница засосали принципы». В общем же, конечно, Ласкер играет сильнее: внимательнее, осторожнее, обдуманнее. (*«Неизвестные письма Чигорина» – «Шахматы в СССР», М., 1967, №1, с.16-18. Публикация осуществлена А. Ю. Наркевичем.*)

Параллельно с шахматной карьерой развивалась и научная. Закончив гимназию в Берлине, в 1888 году Ласкер поступил в Геттингенский университет изучать математику, а в 1897 году в Гейдельбергском университете защитил докторскую диссертацию по философии. Наука и писательство никогда не покидали Ласкера.

Чрезвычайно мало Левидов рассказал о кризисных годах жизни Ласкера во время Первой мировой войны, когда общие тяжелые условия в значительной мере подорвали нервную систему Ласкера. В военные годы он мало играл, и к началу матча с Капабланкой оказался не только растренированным, но и, несомненно, человеком, потерявшим веру в себя. Подробно о своем состоянии сам Ласкер рассказал в книге «Мой матч с Капабланкой» (*русское издание 1925 года*).

Тем поразительнее представляется нам, как экс-чемпиону удалось восстановить свои жизненные силы. Попутно заметим, что в течение 27 лет Ласкер носил звание чемпиона мира, что является абсолютным рекордом, а по возрасту, он был старейшим чемпионом мира, защищавшим свое высокое звание (53 года). Алехин, хотя и умер непобежденным, в возрасте 54 лет, но последний матч сыграл за девять лет до смерти.

Будучи шахматным джентльменом, Ласкер согласился на матч-реванш с престарелым Стейницем, а Капабланка отказался от аналогичного поединка. Кстати, и Алехин не удосужился дать возможность реванша Капабланке. И уже в наше время было «украдено» право на матч-реванш у экс-чемпиона Ботвинника. Похожая игра в кошки-мышки происходила также между Крамником и Каспаровым – натура человеческая не поддается изменению...

Ласкеру приходилось несколько раз начинать свою жизнь заново. Первая мировая война разрушила имущественное благополучие чемпиона мира. К середине 20-х годов он восстановил более или менее свое материальное положение, но на горизонте возникла нацистская угроза. В 1928 году ему исполнилось 60 лет. Это событие он отметил различными изобретениями. Он сконструировал шахматный автомат, который мог играть одновременно до 20 партий. Ходы передавались при помощи системы зеркал, таким образом, что человек внутри автомата, мог видеть все доски. Модель была собрана им лично, начиная от корпуса и кончая последним винтиком. (*В. Зак «Ласкер», М, 1963, с.141-142*). Как человек проницательный, он еще в 1928 году предвидел опасность коричневой чумы. В то время он издал брошюру под названием «Культура в опасности». В этом же году он понес личную потерю

– смерть брата Бертольда, и он начал думать о новой эмиграции. У него завязалась переписка с известным еврейским ученым профессором Тур-Синаем, проживавшим в Палестине. Еще в предыдущие годы Ласкер познакомился с ним в Германии. Тогда Тур-Синай носил прозаическую фамилию Турчинер. Переписка 1935 года относится к переговорам о предоставлении Ласкеру преподавания математики и философии в Палестине. К сожалению, эта переписка ни к чему не привела. Хотя вдова старшего брата Бертольда Ласкера, прославленная немецкая поэтесса Эльза Ласкер-Шюллер переселилась в подмандатную Палестину. «Ишув» был беден и не мог предоставить работы всем интеллектуалам, бежавшим из зачумленной Европы. Все же на Святой земле нашли убежище – философ Мартин Бубер, писатели Арнольд Цвейг и Лео Перуц – интеллектуальные Альпы прошлого...

Перед Ласкером возник вопрос: где искать спасения от Гитлера? Марта Ласкер в 1936 году высказалась мужественно и решительно: «Какие бы удары и превратности судьбы мне не пришлось испытать, я никогда не чувствовала себя несчастной, и никакому диктатору я не позволю отравить во мне радость жизни. К нам, Ласкеру и мне, пришли старость и недуги, но никому не удастся лишить нас веры в человечество и человечность». (*Цит. по статье И. Романова «Наша публикация», БЦШК, М., 1985, №3, с.4.*) Его возвращение в большие шахматы произошло спустя девять лет после турнира в 1925 году в Москве. На троне уже был Алехин, а Капабланка добавил к себе частицу «экс». Выросли новые таланты – Эйве, Флор, Ботвинник, Решевский. Постарели его «возрастные сыновья»: Видмар, Боголюбов, Тартаковер. Умер Рети. И вскоре скончался Нимцович.

Свое возвращение в шахматы Ласкер начал с гастролей в Венгрию. Там всегда были сильные любители. Однако сеанс в Будапеште окончился с результатом +28, –1, =7; в Солоноке +23, –4, =7; в Кечкемете +24, –3, +1. А консультационную партию с международными мастерами и победителями международных турниров А. Штейнером и Каналем – он легко выиграл в 32 хода.

Первый турнир с очень сильным составом состоялся в Цюрихе в 1934 году. Его результат – пятое место – весьма скромно. Но он создал шедевр в партии с претендентом М. Эйве.

По пути на Московский турнир 1935 года пара «беглецов» посетили Варшаву, где Ласкер и Шпильмана опекал «великий польский шахматный композитор Пшепорка». (*Фрау Ласкер, безусловно, ссылается на мнение своего мужа. – см. публикацию в БЦШК., № 3, 1985, с.5.*)

Его решение переехать в Москву, было подсказано сугубо шахматными причинами. Советский Союз в довоенные годы переживал невиданный размах всенародного интереса к шахматам. (См.: Приложение 16.).

I Московский международный турнир, состоявшийся в Москве в 1925 году, имел громадный успех. Ласкер принимал в нем участие. За год до него экс-чемпион гастролировал по России.

Как бы то ни было, но с 1935 года Ласкер с женой живут в Москве. Там на II Московском международном турнире 67-летний старик берет третий приз, без единого поражения, всего на пол-очка уступив «внукам» – С. Флору (26 лет) и Ботвиннику (24 года) и самое главное – опередив Капабланку, выиграв у того прекрасную партию.

В 1936 году Ласкер принимает советское гражданство. Ему обеспечены престижные условия: в кругу ученых – он сотрудник Института математики Академии Наук; в качестве экс-чемпиона мира он зачислен тренером сборной СССР. Ласкер принял участие в III московском международном турнире и в международном турнире в Ноттингеме, где представлял Советский Союз.

Историк шахмат Б.С. Вайнштейн считает его участие в последних турнирах ошибкой, чрезмерной нагрузкой на утомленного жизнью человека. Это справедливо. Но конец жизни «Мыслителя» сложился не по сценарию, который зависел от него... Понимал ли жизнь в Советском Союзе Ласкер? Разочаровался ли он в ней, подобно Андре Жиду или Панаиту Истрати? Был ли он обведен вокруг пальца как Лион Фейхтвангер? Стал ли апологетом советской власти вроде Анри Барбюса и Романа Роллана? Или сознательно закрывал глаза, предвидя в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять наци? Трудно ответить на эти вопросы. В Советском Союзе Эмануил Ласкер задумал написать книгу для юношества. Она сохранилась в рукописи и вышла на русском языке в Москве в 1973 году под названием «Как Виктор стал шахматным мастером». Книга написана блестяще методически, но жизни советского юноши в ней нет, да и не может быть – это слегка завуалированные собственные воспоминания.

Конечно, Ласкер не был слепым. Даже такой далекий от политики человек, псевдодипломат Капабланка, высмотрел многое. Об одном эпизоде с Капабланкой в Москве 36-го года рассказал Г.Я. Левенфиш. Накануне последнего тура положение было таково, что Ботвинник отставал всего на пол-очка от Капабланки. В последнем туре Левенфиш играл с Ботвинником, в то время как Капа должен был играть против

австрийского гроссмейстера Э. Элисказеса. Утром, до тура прогуливаясь около Кремлевской стены, Левенфиш встретил Капабланку, который, зная нравы советских шахматистов, указал на сложность ситуации и возможную опасность для чемпиона СССР: «Положение Ваше затруднительно... Все поклонники Ботвинника жаждут вашего поражения». Левенфиш стал уверять Капабланку, что ему чужды неспортивные соображения. Капабланка успокоил Левенфиша: «Не беспокойтесь, я Вас выручу и выиграю у Элисказеса». То есть вне зависимости от результата партии Левенфиш – Ботвинник, сохраняя интервал, по крайней мере, в те же пол-очка. И, действительно, Капабланка выиграл у Элисказеса. Этот эпизод показывает, что западные мастера не были слепыми котятками, а Капабланка не мог не поделиться своими наблюдениями с Ласкером. К этому времени их отношения восстановились. Да и все поведение Капабланки в этой необычной ситуации, когда псевдоинтересы государства ставятся выше спортивной этики, говорят о его порядочности... (См. подробнее об этом: Г.Я. Левенфиш *«Избранные партии и воспоминания»*, М., 1967, с.131).

Не мог не заметить Ласкер, несмотря на незнание языка, некий вакуум, образуемый вокруг него. Конечно, Ласкера в Москве боготворили. При его появлении раздавались аплодисменты, он проходил по коридору, образуемому восторженными поклонниками. Но в квартиру Ласкера люди приходили редко, а в 1937 году они стали постепенно исчезать. Не мог не заметить этого пронизательный человек, каким был Ласкер. Его последующий отъезд в США, изображается советскими историками как роковая ошибка или случайность. Дело в том, что у Марты Ласкер от первого брака с Эмилем Коном была дочь Лотта, жившая за океаном. К 70-летию своей жены, на год старшей его, они решили провести своих внуков. Знавший жизнь в Сталинской России понимает, что выехать из нее было не так просто. Может, это был прощальный подарок Крыленко, вскоре исчезнувшего в подвалах НКВД? Кто знает? Слух об отъезде Ласкера дошел до Ф.И. Дуз-Хотимирского, который заглянул проститься со старым знакомым. Очень осторожно в опубликованных воспоминаниях Федор Иванович рассказал о виденном. Он все сразу понял, они почти не разговаривали (*разумная предосторожность!*) и, крепко пожав друг другу руки, простились навеки... В октябре 1937 года, оставив свою квартиру в Москве на попечение домработницы, окружным путем через неоккупированные страны Европы, супруги прибыли в Амстердам, где их ждала дочь. Больше в Европу они не возвращались. Советские историки объясняют это бо-

лезню Марты, а затем Эмануила. Но есть другая версия. Ласкер сказал: «Я хочу умереть в своей постели». И слова эти были сказаны после соглашения Молотов-Риббентроп.

В США чета Ласкеров поселилась в Нью-Йорке, и альтмейстер даже принял участие в турнире, где первенствовал Файн. 70-летний старик с 10,5 очками из 16 поделил пятое-шестое места. Хотел Ласкер сыграть свой последний матч со старым противником Ф. Маршаллом. Состоялась лишь одна партия, которую выиграл американец – это была всего вторая победа Маршалла за время их сорокалетнего знакомства. Из остальных – двенадцать выиграл Ласкер, одиннадцать окончились вничью.

11 января 1941 года Ласкер ушел из жизни. Последние слова, которые разобрала Марта, были: «шахматный король».

«Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил..., зане совершил
В пределе земном все земное!

.....
Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век,
И нас за могильной доскою,
За миром явлений не ждет ничего, –
Творца оправдает могила его...»

(Е. Баратынский «На смерть Гете»)

Место, которое занимает Ласкер в шахматной истории, уникально. С наименьшим основанием чем Стейниц, альтмейстер мог утверждать, что он, «сама шахматная история». Ибо являлся связующим звеном между прошлым, настоящим и даже будущим.

И, действительно, на протяжении почти пятидесятилетней карьеры он встречался за шахматной доской с такими противниками, как, скажем, Генри Эдуард Берд (1830–1908), который начинал шахматную карьеру в шестнадцатилетнем возрасте в Лондонском кафе «Симпсонс диван» и играл в первом международном турнире в 1851 года вместе с Г. Стаунтоном и А. Андерсеном и который лично встречался и играл матч с Полом Морфи, как Михаил Моисеевич Ботвинник, учитель ныне здравствующих чемпионов мира А. Карпова и Г. Каспарова! Поражает не только шахматное долголетие Ласкера, но и феноменальные успехи его. Выше мы приводили статистические данные: победитель в девяти турнирах высшей категории, в оставшихся па-

ти – он один раз занял чистое второе место (Москва, 1925 г.), делил второе-третье места тоже один раз (Кембридж-Спрингс, 1904 г.), два раза был третьим (Гастингс, 1895 г. и Москва, 1935 г.), в Цюрихе, 1934 г. он был пятым, в Москве в 1936 г. взял шестое место и в Ноттингеме, 1936 г. – поделил седьмое-восьмое места. Первые места в супертурнирах он занимал 9 раз: Петербург, матч-турнир 1896 г., Нюрнберг 1896 г., Лондон 1899 г., Париж 1900 г., Петербург 1909 г. (наравне с А. Рубинштейном), Петербург 1914, Берлин (матч-турнир) 1918 г., Острава-Моравская 1923 г., Нью-Йорк 1924 г.. Матч-турнир в Берлине я включил в число высших достижений: в турнире, кроме Ласкера, играли Рубинштейн, Шлехтер, Тарраш. Турнир в годы войны организовал Б. Каган.

Турнир в Берлине в 1918 году организованный Б. Каганом.
Слева направо: Эм. Ласкер, А. Рубинштейн, Б. Каган, К. Шлехтер, З. Тарраш.

Для сравнения укажем на Капабланку и Алехина. Капабланка в супер-турнирах играл тринадцать раз – первенствовал только (!?) в шести: в пяти единолично и один раз делил первое-второе место с Ботвинником; Алехин играл пятнадцать раз, единолично лидировал четыре раза, а один – разделил первое-третье места с Боголюбовым и Мароци. Чтобы обогнать Ласкера в турнире – Алехину и Капабланке пришлось ждать его 65-летия, да и то у Капы была осечка в Москве в 1935 году. Еще разительнее матчи на первенство мира: Ласкер сыграл восемь матчей – шесть выиграл, один свел вничью (*со Шлехтером*) и один проиграл (*Капабланке*). Капабланка сыграл всего два матча (*выиграл и проиграл*). Алехин сыграл пять матчей – четыре выиграл и один проиграл. С чемпионами мира прошлого и настоящего Ласкер

сыграл так: против Стейница: +26, -8, =12. Против Капабланки: +2, -6, =16; против Алехина: +3, -1, =4; Эйве +3; против Ботвинника: -1, +0, =3. При этом надо учесть, что кроме Стейница другим чемпионом мира Ласкер давал большую возрастную фору: Капабланка был младше его на 20 лет, Алехин – на 24 года, Эйве – на 33 и Ботвинник – на 43! В последующее время шахматное долголетие демонстрируют Василий Васильевич Смыслов и Виктор Львович Корчной.

Приведем слова младшего современника Ласкера, югославского гроссмейстера Милана Видмара, сказанные о Ласкере в 1961 году: «Ласкер показал невероятные турнирные успехи. За шахматной доской он был страшным противником. С ним никогда нельзя было чувствовать себя уверенным. У его великого соперника, Тарраша, можно было многому научиться, так как, в конце концов, он создал целую систему разыгрывания миттельшпиля. У Ласкера же никогда нельзя было чему-нибудь выучиться. Причина проста: нельзя изучать внезапные идеи и научиться им. А игра Ласкера была настолько полна внезапных идей и головоломных осложнений, явно базирующихся на собственной шахматной мощи, что и по сей день, вряд ли кто-нибудь превзошел его «большие» партии... Ласкер был подлинным шахматным художником со всеми достоинствами, и, быть может, недостатками, присущими настоящему художнику. **По моему мнению, он был величайшим шахматистом из всех, когда-либо живших на земле.**»

Значение Эм. Ласкера, как великого шахматиста, не исчерпывается лишь феноменальными успехами. Он мог считаться, наряду с З. Таррашем, великим учителем нескольких шахматных поколений. И действительно, взглянем на его шахматное литературное творчество. Так в Лондоне в 1892 году у него вышло первое издание «Здравого смысла в шахматах». Он издавал неоднократно журналы. В Лондоне – «Chess Fortnightly» («Шахматный двухнедельник», 1892 г.); «Chess Magazin» («Шахматный журнал», Нью-Йорк, 1907 г.) и «Schachwart» («Шахматный страж», Берлин, с 1913 года). Издал несколько учебных книг, многократно переизданных и переведенных на другие языки, а также небольшую брошюру «Мой матч с Капабланкой», также переведенный на многие языки, в том числе и, на русский язык в 1925 году. Если к этому добавить его многочисленные статьи, разбросанные по газетам и журналам, то, безусловно, Эм. Ласкер был действительно «Учителем» с большой буквы.

Ласкер отличался в высшей степени высокой порядочностью. Он никогда не позволял ни одного неспортивного жеста. Г.Я. Левенфиш

с восхищением рассказывает о своей партии с великим шахматистом. Ласкер предложил ничью, считая позицию равной. Левенфиш отказался от ничьей и продолжал партию. Все же она окончилась в мировую. После партии Ласкер извинился за свое предложение, сказав, что оно было недостаточно обосновано, так как у противника были шансы на победу, которые он не учел. Левенфиш резюмирует: «Шахматы – благороднейшая из игр, и противники должны по-рыцарски относиться друг к другу». Но, увы, сетует Левенфиш, не все придерживаются этой точки зрения. Что бы сказали Ласкер и Левенфиш о нашем прискорбном времени?

Равно интересен и эпизод с предложением ничьей Ботвинником Ласкеру при условии, что экс-чемпион мира сделает такой-то ход. Ласкер записал другой ход, и таким образом была нарушена тайна записи. В такой форме позднее ничью не предлагают, опираясь на этот прецедент. Сам Ботвинник попал в аналогичную турнирную ситуацию, когда в Амстердаме Алехин предложил сдать партию, если Ботвинник записал, по его, алехинскому мнению, единственный, выигрывающий ход. Ботвинник записал другой ход, что нарушало тайну записи, но, к счастью, на конечном результате это не отразилось. К сожалению, это не стало эталоном для некоторых шахматистов...

Как личность, Ласкер резко выделялся среди всех чемпионов мира. Ласкер не только великий шахматист, но человек достигший успехов и в других областях деятельности: доктор философии, профессор математики, драматург, пьесы которого шли на лучших сценах Германии. Пожалуй, лишь Михаил Моисеевич Ботвинник достиг подобного синтеза.

Ласкер всегда отзывался об Алехине с восхищением. Печальное счастье, что альтмастер не дожил до пресловутой статьи в нацистской газете. Еще более печально, что доктор «Фауст» не дождался победы над гитлеризмом.

Ласкер был корректным человеком, настоящим *Arbiter elegantiae*, и потому его иногда привлекали к весьма деликатному судейству. Об одном факте рассказывает С. Флор. Во время матча Алехин-Эйве 1935 г., организаторы приняли на себя обязанности организовать быт и питание Алехина. К большому удивлению голландцев, после матча, организаторы получили сногшибательный счет. Флор пишет: «Что такое полное гостеприимство? Пить и есть. Пить можно простую воду, минеральную и ... что-нибудь подороже. Голландцы были неприятно удивлены, получив крупный счет за напитки и икру. «Хозяева считали, что они не обязаны оплачивать счет Алехина. Обратились к ар-

битражу находившегося в Нидерландах Ласкера. После недолгого раздумья альтмейстер принял сторону Александра Александровича, объяснив организаторам, что русский человек привык выпивать и закусывать икрой. Счет отеля «Шаратон» был безапелляционно оплачен. (*С. Флор «Сквозь призму полувека», М., 1986, с.22).*

Врожденное чувство справедливости, свойственное натуре Ласкера, иногда проявлялась в таких деликатных вопросах, как денежные. Если Ласкер требовал сверхгонорар, то не за счет других участников, а именно и для них – он «работал» и для средних мастеров, считая, что общество должно обеспечить жизнь маэстро и в первую очередь его старость. Именно ему принадлежит призыв к публике собрать средства для больного и нуждающегося Стейница. Справедливость Ласкера зафиксировал советский мастер Илья Абрамович Кан: «Четырежды он оказал мне честь, избрав меня своим «напарником» при проведении так называемых альтернативных сеансов, в которых два сеансера делают ходы по очереди, двигаясь друг за другом с интервалом в половину досок. Один из таких сеансов, проведенный в Пятигорске, позволил мне познакомиться с характерным для Ласкера товарищеским отношением к своим шахматным соратникам. По окончании сеанса в Пятигорске наступил прозаический момент, когда организаторы вручили гонорар за выступление... Ласкеру не понравилось, что полученная им сумма превышает мой гонорар (*обстоятельство, заранее обсужденное организаторами со мной*). «Мы работали вместе и должны быть вознаграждены одинаково», – сказал он. Далее он решительно протянул мне деньги и добавил, что когда-то так же завершались его совместные выступления с Мароци и Мизесом. После моего категорического отказа принять деньги Ласкер был явно огорчен». (*И. Кан, «Шахматные встречи», М., 1962, с.16-17.*) К месту будет сказать несколько слов о демократичности Ласкера. Он никогда не гнушался давать сеансы одновременной игры в рабочей среде – вряд ли ради барыша. Так в одной заметке я прочитал, что экс-чемпион давал сеанс одновременной игры в руднике Ильзе. Сеансу предшествовала лекция и разбор партий на демонстрационной доске. Благодарные слушатели в свою очередь продемонстрировали процесс изготовления отопительных брикетов из угольной пыли. На лекции присутствовало несколько сот зрителей! Результат сеанса вправду не имел значения: из 25 партий – гроссмейстер выиграл 23, одну свел вничью и одну проиграл. Я привожу счет, для того чтобы добавить – Ласкер был медлительным и добросовестным сеансером. Время сеанса 5 часов 50 минут! (*см. «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», М., 1925, №2, с.5.*)

26 ноября 1932 года в Ковно, тогда столицу Литвы, с гастролями прибыл Эм. Ласкер. «Несмотря на свои 64 года, Ласкер выглядел хорошо. Великий шахматист оказался скромным, даже слишком скромным, обаятельным, большой культуры человеком. Когда на устроенном в его честь ужине он услышал восторженные слова о нем, то спокойно и с достоинством ответил: «Я не великий Алехин, я только простой Ласкер!» Чувствовалось, что в эти минуты Ласкер вернулся в свое шахматное прошлое.

На следующий день состоялось его выступление. Ласкер не обошел вниманием ни одного корифея, особо остановился на Стейнице, но о себе не обмолвился ни словом. А ведь после Стейница началась его эра, его 27-летнее царствование на престоле. В заключение своего выступления Ласкер лестно отозвался о новом чемпионе мира Александре Алехине». *(Владас Микенас. Сборник партий и воспоминания Составил В.Я. Дворкович, М.1988, с.36-37)*

Мне кажется, что в словах Ласкера в адрес Алехина была завуалирована тонкая ирония, на что обратил внимание Микенас, но оставил это место без комментариев. Еще через день в Ковно состоялся сеанс одновременной игры экс-чемпиона мира против 22 сильнейших шахматистов Литвы, включая всю Олимпийскую сборную в составе: В. Микенас, А. Махтас, И. Вистанецкис, П. Вайтонис, Штейнберг, Абрамовичус, Колоднас, М. Луцкис, Гордон. Первые четверо уже к этому времени были известными шахматистами, игравшими в силу мастера. А. Махтас сыграл короткий матч с Р. Шпильманом вничью, а Владас Микенас еще в 1931 году на Олимпиаде одержал победы над М. Видмаром и Ф. Ейтсом, а также сделал ничьи с И. Кэжденом и чемпионом мира А. Алехиным! Впоследствии он одержал красивую победу и над Алехиным. **Так вот: ни один член сборной не мог выиграть у альтмейстера!** Сеанс начался в восемь часов вечера и был приостановлен в три часа утра. Семь часов тяжелейшей работы для пожилого человека. К этому времени старик выиграл одну партию, одну проиграл и двенадцать окончилось вничью. Остальные восемь были присуждены: Соломоново решение – они были признаны окончившимися вничью. Я не знаю, как сыграл Микенас, но Исаак Ильич Вистанецкис добился ничьей.

В далекой Москве, в 1896-97 годах происходил матч-реванш между Стейницей и Ласкером. Стейниц был стар и болен. Ему было тяжело играть с молодым и полным сил чемпионом. Но и Ласкеру морально было очень тяжело играть против своего старого больного учителя.

Допустимо, что он испытывал чувство неловкости. Свидетельством чего является шестая партия. Стейниц надолго задумывался и просрочил время. Ласкер, однако, отказался от приобретения, таким образом, очка, и партия продолжалась еще с десяток ходов, после которых Стейниц прекратил сопротивление. (См.: *«Эпизод из шахматной истории Матчевани Ласкер – Стейниц на первенство в мире в Москве»*. По материалам Л. Бахмана) – *«Шахматный листок»*, М., № 1, 1929, с.2.).

Наше предположение о «жалости», испытываемой Ласкером к своим партнерам подтверждает тонкое наблюдение Б.С. Вайнштейна, касающееся одной партии матча Ласкера с Яновским. Ласкер всухую выигрывает матч и неожиданно предлагает королевский гамбит, который он вообще не играл – в принципе, это стихия Яновского. Но чуда не произошло – получив выигранную позицию «вечный игрок», как называли Давида Маркеловича, допускает непостижимый просмотр. Вот что пишет Борис Самойлович Вайнштейн: «Мне думается, что Ласкер, испытывая симпатию к Яновскому, хотел дать ему возможность на финише матча выиграть королевский гамбит. Странная гипотеза, но это очень похоже на Ласкера». (Б.С. Вайнштейн *«Мыслитель»*, М., 1981, с.169). К этому я хочу добавить одну догадку, относящуюся к партии Торре – Ласкер из московского турнира 1925 года. Своей догадкой я поделился с Я.И. Нейштадтом, Б.М. Куперманом, И.Р. Масленковским, М.А. Фридманом – шахматистами старшего поколения. Каждый из них мог лишь констатировать невозможность установить истину. Вот если бы Ласкер вел откровенный дневник ...

Суть моего домысла такова. Ласкер в Московском международном турнире 1925 г. проиграл партию Карлосу Торре, попавшись на дивную комбинацию, именуемую мельницей. С этого момента ни один учебник не выходит без диаграммы этой красивой позиции. Дело происходило в 12 туре, где встретились самый молодой участник с самым старым; лидировал Боголюбов с 8,5 очками из 11, за ним – Ласкер с 8 из 10 и Торре с 7,5 из 10. Четвертое заинтересованное лицо – Капабланка имел всего-навсего 5,5 из 10 и был где-то в середине таблицы. Свидетели, отмечали, что «просмотр» Ласкера был вызван получением телеграммы о постановке на сцене Берлинского театра великим Максом Рейнхардтом его драмы в стихах с символическим названием «О человеке идет речь» (Vom Menschen die Geschichte). Ласкер был воодушевлен успехом и ослабил свое внимание. В.Г. Зак не настаивает на этой версии, но считает, что, начиная с этого тура, экс-чемпион проводил свои партии без прежнего напора и допускал даже ошибки в эндшпилях, что вообще ему было не свойственно. Я же думаю, что произошло следующее.

Мексиканский чемпион, тщедушный болезненный юноша был симпатичен Ласкеру. Предполагаю, что доктор предвидел, если уже не разглядел, симптомы будущего психического расстройства. Юноша играл замечательно и боролся с полной отдачей, сделав красивую ничью с самим Капой в предыдущем туре. С Ласкером было другое. Альтмейстер быстро черным цветом переиграл Карлоса и к 21 ходу получил явно выигранную позицию. В этот момент Ласкер заметил волшебную идею задачного характера, именуемую «мельница». Для этого нужна была кооперативная игра, игра на обратный мат. Doctor Favstvs думает: «Сколько юных гениев прошло передо мной, и все они слишком быстро разбивались... Генри Пильсбери, Рудольф Харузек, опять же Рудольф Свидерский, Гириш Ротлеви... Новый Эвфорин имеет фамилию **Торре (Torre)**, что по-испански значит «башня», тура, главная фигура «мельницы». *(По-немецки Turt, по-русски – ладья, но в старину произносимая турой. – С.Д.)* Это не случайность, а перст судьбы. Почему бы не сделать подарок мальчику? Ведь, в конце – концов, **речь идет о человеке!**» И для этого, кооперативно, волшебник и Дон-Кихот делает три ошибки (!?) подряд и жернова заработали, как писал Боголюбов – «наподобие циклона». Зал, по свидетельству современников, взорвался неистовыми аплодисментами. Торре растерянно поднялся со стула... Ласкер обнял за плечи обалдевшего от счастья юношу и вывел его за кулисы... Что же касается своего турнирного положения, Ласкер не беспокоился – на вопрос П.А. Романовского о предполагаемом месте в турнирной таблице, старый человек сказал просто, что он согласен на предпоследнее место, если последним будет Капабланка. Так оно и было: Ласкер был вторым, а Капа третьим... Не таким уж меркантильным человеком он был. Мне кажется, лишь один участник турнира, что-то понял. Ибо к чему в комментарий к партии Торре – Ласкер влетает латинская фраза: «*Eliquando dormitat et bonus Emmanuelus*» *(Иногда дремлет и наш добрый Эмануил! – Почти дословная фраза, сказанная Дюфренем в адрес Блекберна, грубым зевком, проигравшим партию: «Eliquando dormitat et bonus Homerus»)*. Этим прозорливцем, конечно, был Савелий Григорьевич Тартаковер. *(См.: «Шахматы и шашки в рабочем клубе». «64», 1925, №23, с.9.)*

Свой вариант предлагал Илья Львович Майзелис (1894–1978), известный теоретик, историк, переводчик и литератор в воспоминаниях, впервые опубликованных в журнале «Огонек» (№2, 1961.). Точка зрения Майзелиса опять таки связана с пресловутой телеграммой, но в анализе партии автор заметил, что Ласкера «как бы подменили». Находясь в своей стихии, он допускает ходы, вызывающие недоумение. Арон Нимцо-

вич приводя в своей книге «Моя система» на тему «мельницы» партию Торе – Ласкер, оговаривает, что дает её «скрепя сердце – настолько импонирует мне личность Ласкера». Столь необычна его игра!

Вспомним Алехина, не постеснявшегося назвать «вундеркинда» Решевского бездарностью. А в воспоминаниях П.А. Романовского вырастает обаятельный образ доброго и мудрого учителя – «ребё» Ласкера. Романовский выиграл в сеансе одновременной игры у чемпиона мира. На следующий день Ласкер попросил Осипа Самойловича Бернштейна познакомить его с шестнадцатилетним юношей. И что говорит победителю **Великий педагог?**: «Вы блестяще выиграли у меня партию, это поражение я буду помнить долго». Затем, расспросив Романовского о его шахматном прошлом, он пообещал прокомментировать его партию против Вяхирева. Что было и исполнено. Оценка игры юноши была зафиксирована четкой фразой: «Вся партия проведена черными столь же красиво, сколь и логично». Петр Арсеньевич замечает с высоты прошедших пятидесяти лет, что эта оценка была преувеличением: «Однако я принял похвалу чемпиона мира за чистую монету и гордился ею. Главное же – у меня окрепла вера в самого себя, я почувствовал, что передо мной открываются новые горизонты». Спустя 15 лет, в 1924 году, встретившись с экс-чемпионом мира, Романовский напомнил ему о его комментариях. Ласкер вспомнил: «Конечно! Это была превосходная партия...» – «Все же Вы меня перехвалили... Два-три хода я сделал плохих» – «Без сомнения, – ответил с улыбкой Ласкер. – Только не два-три, а значительно больше, может быть, даже большинство, но разве я имел право это сказать? Моя задача – открывать, а не закрывать дверь перед молодыми шахматистами. Вы считаете, что я был неправ? – смотря мне в глаза, спросил вдруг Ласкер». (П.А. Романовский «Памятные встречи», «Шахматы в СССР», М., 1956, №5, с.157) Ах, Алехин, ах, Александр Александрович: Вам бы каплю такта д-ра Фауста!

Петр Арсеньевич после Московского турнира 1925 года нашел необыкновенные, проникновенные строки в адрес старого человека: «Вторым призером оказался глубокочтимый русскими шахматистами Эм. Ласкер, творчество которого, как всегда, было большей частью глубоко, и по своей глубине восхитительно. Но моментами этот старый, но могучий лев испытывал приливы большой и понятной для всех усталости. И больно было иногда чувствовать печать этой усталости в работе титанической мысли. Ясно было, что эта была усталость ни момента, ни минуты, ни часа, а усталость неумолимого закона времени. И от этого в тех

случаях, когда творчество Ласкера вновь проявляется во всей своей красоте, когда оно вновь представляло из себя подлинные шедевры мысли..., это творчество, эти шедевры производили на всех совершенно исключительное впечатление какого-то неотразимого обаяния». (*П.А. Романовский «Московский листок», № 1 от 10 января 1926г., с.2*) Красиво писали когда-то. Недаром мой шахматный наставник Михаил Бенционович Ноах, хорошо знавший Романовского, говорил, что Петр Арсеньевич был незаурядным поэтом русского Серебряного века!

С этим перекликаются и воспоминания И.А. Кана о старом эксе, где он подчеркивает **человечность** Ласкера. «Ласкер был общительным и остроумным человеком. Он охотно выступал в печати, клубах, шахматных кружках. **Как бы не уступал Ласкеру его собеседник в шахматной квалификации – прославленный гроссмейстер никогда не давал это почувствовать. Скромность и деликатность были замечательными чертами характера Ласкера. Объективность же его в шахматном анализе была поистине удивительной**». (*И. Кан «Книга о Ласкере» – «Шахматы в СССР», М., 1964, №6, с.23.*) Кану же принадлежит и редкое описание внешности «старого человека»: «Ласкер запомнился мне весьма представительным человеком с крупной головой, покрытой густой седой шевелюрой. Встречающийся иногда в литературе эпитет «маленький» (в смысле роста), по-моему, никак не вяжется с импозантной фигурой экс-чемпиона мира. Движения Ласкера, так же как и его манера шахматного анализа, были неторопливыми. Он любил основательно подумать, и не прочь был защищать худшую или плохую позицию. Однажды автору этих строк, довелось с большим интересом наблюдать, как Капабланка, слегка горячась, доказывал выигрыш белых, а Ласкер упорно возражал: «Да, да, здесь нехорошо, но я хочу еще посмотреть». Возможно, именно неторопливая, вдумчивость Ласкера в разговоре, в анализе привела к тому, что иногда в литературе его неверно изображают таким «мэтром», глубокомысленно изрекающим непреложные истины. На самом же деле Ласкер был живым, остроумным человеком, умевшим вовремя расцветить беседу удачной шуткой, сердечным обращением». (*И.А. Кан «Штрихи к портрету чемпиона» – «Шахматы в СССР», М., 1971, №3, с.18*)

Будет справедливо зафиксировать портрет молодого Ласкера, увиденный глазами мальчика, несколько отличающийся от принятого канона. На восприятие ребенка вне сомнения оказало влияние мнение его отца – Павла Павловича Боброва, редактора и издателя журнала «Шахматное обозрение» и друга дома – М.И. Чигорина: «Налево, про-

тив матери сидит черномазый, презрительный Ласкер, шахматный король, вырвавший корону из рук дряхлеющего Стейница. Пенсне блистает на его горбатом носу; поворачиваясь к нам, он живо оборачивается всей фигурой, и темные глаза обдают зрителя резкой, задорной мыслью, формулятивной силой, сложностью холодных и отважно-цинических сопоставлений. Недаром ведь он такой мастер выигрывать заведомо проигранные партии. Ошарашит партнера неожиданно – дерзким выпадом, испугает и вдруг возьмет и выиграет. Чеши потом в затылке!» Далее – зарисовка Пильсбери, сравниваемого с профилем Кожаного Чулка – думаю, абберрация памяти – кто походил на индейца и имел примесь индейской крови – это Фрэнк Маршалл. О Яновском и о Чигорине: «Игрок гениальной выдумки, юркий Яновский, поляк-парижанин, французы зовут его «Жановски», играет с лохматым сибиряком Левитским... Грузный и ядовитый Чигорин, надменный и страстный художник шахмат...» (С.П. Бобров «Мальчик», М., 1976, с.35-36)

Еще менее традиционны воспоминания великого композитора Сергея Прокофьева. Будучи членом Петербургского собрания, Прокофьев был среди встречающих чемпиона мира на международный турнир. Прибывал он «заграничным» вечерним поездом. Юный музыкант помчался на встречу: еще бы, какая честь! Группа встречающих была полностью мужская и состояла из Е.А. Зноско-Боровского, Б.Е. Малютина, В.А. Чудовского и председателя – младшего графа П.П. Сабурова. После первых приветствий **Чемпион** в сопровождении эскорта двинулся в город: Ласкер впереди, все остальные, соблюдая этикет, чуть позади. «Тут Ласкер, видимо, взволнованный встречей, вдруг стал оглядываться вокруг и, увидя большую двухстворчатую дверь, выводящую на улицу и открытую внутрь, образуя по закуску с каждой стороны, быстро подошел к одному из них и, имея желание отправить свою надобность, произвел это за дверь в угол. Пять бывших лицестов и я, почтительно вытянувшись, стояли сзади, прикрывая **Его Величество** и следя, как струя сквозь дверную щель вырывалась на улицу. Затем Ласкер оправил свой туалет, вопросительно обернулся на нас и шагнул в город. Мы поспешили за ним». (Сергей Прокофьев «Автобиография», М., 1973, с.559.).

Я несколько колебался при публикации этого **натурного** эпизода, но, вспомнив аналогичный эпизод, случившийся с Ботвинником и повергнувший редактора книги Михаила Моисеевича в шок, счел привести этот случай. Кстати Ботвинник, настоял на публикации **некрасиво-сти**. У Сергея Сергеевича была «обида» на Эмануила Ласкера. В моло-

дости он сделал ничью с самим «д-ром Фаустом», чем очень гордился. В сеансах одновременной игры маэстро обычно играет белыми. Вопреки правилам Прокофьев попросил у сеансера право выступки. «Ласкер ответил небрежно, но любезно: «Ach, bitte».(Ах, пожалуйста.). Спустя 24 года (!?) в парижском Cafe de la Regence 18 марта 1933 года, кто-то напомнил Ласкеру об этой ничьей и он «отомстил». Партия была хорошая, и Прокофьев приводит ее в своих воспоминаниях. Правда, на сей раз, сеансер играл белым цветом... Незадолго до смерти Ласкера, после концерта в Нью-Йорке, на котором присутствовала чета изгнанников, к ним подошел Прокофьев и в последний раз пожал руки...

Василий Панов, которого мы неоднократно упоминали, видел чемпиона мира и экс-на Московском турнире 1925 года. Его впечатления были следующие: «Когда он (Капабланка) играл партию с Ласкером, мне приходило на ум огромная тропическая бабочка с разноцветными бархатными крыльями, которая, вместо того чтобы порхать от цветка к цветку, схватилась с коренастым, мрачным, отливающим стальной броней жуком». (В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.19) Мне кажется, что Василий Николаевич перепутал 1914 и 1925 годы. Борьба в 1914 году, может быть, именно этот матч тогда и напоминала. Победил «стальной жук» (как мы помним по Меньшикову – «удав»), а «тропическая бабочка» проиграла. Но прошло одиннадцать лет. Была страшная война, а затем борьба в Гаване, где одержала победу эта самая южная бабочка – тропики ее родина. Была игра в Нью-Йорке в 1924 году, где турнир выиграл «жук», но зато «бабочка» нанесла чувствительное поражение сопернику. В Москве Капабланка и Ласкер встречались в первом туре. Настроения играть не было. Ласкер играл черными: он потерял рокировку, но ферзи были разменены: небольшое преимущество белых. Но реализовать его было тяжело и «бабочка» отказалась от борьбы. Это факты, а не фантазии Панова. Но в другом месте той же книги мы можем прочитать и следующее:

«Передо мною был хорошо сохранившийся для своего уже почтенного возраста коренастый брюнет с сильной проседью в волосах и будто вылитым из бронзы, резко очерченным, волевым лицом. Встречался я с Ласкером и позже много раз. Яркая личность экс-чемпиона мира произвела на меня сильное впечатление. Своей устремленностью к одной – единственной цели – мировой шахматной короне, собранностью и, если можно так сказать, духовной экономичностью и практичностью мышления он выделялся среди своих коллег, и, может быть, только Ботвинника я могу поставить теперь наравне с Ласкером. Алехин тоже

был волевым, целеустремленным человеком, но у него были и срывы, и периоды нервного упадка, и слабости. Ласкер же мне всегда напоминал прекрасно сконструированную и тщательно смазанную, холодную и беспощадную шахматную машину, и все его побочные занятия: математикой, философией, драматургией и коммерческими операциями (какая смесь!) – не могли конкурировать с шахматами и даже сколько-нибудь замаскировать безграничное спортивное честолюбие и страстный фанатизм несравненного шахматного бойца. Отмечу кстати, что ни в математике, ни в философии, ни в драматургии, как я выяснил у знатоков, Ласкер не сделал заметного научного или творческого вклада. Насчет торговых сделок – не знаю». (*В.Н. Панов «Сорок лет за шахматной доской», М., 1966, с.16-17*) От всего текста, внешне корректного, несет недоброежелательность. Например, издевка насчет коммерческих операций. Вероятно, речь шла о том, что разоренный войной человек, зарабатывал насущной кусок хлеба обучением игры в карты или пытался издавать шахматный журнал. Заметим, что текст рикошетом бьет по нелюбимому Пановым Ботвиннику. Многогранность таланта, естественно не допускает равноценного развития всех сфер приложения сил. Например, Василий Панов был средним шахматным мастером и неплохим теоретиком, предложившим новую атаку в защите Каро-Канн, и оказавшимся, увы, бесцветным, но плодовитым журналистом. Я поостерегся употребить более сильное слово...

Существует мнение о некорректности Ласкера, вызвавшего на матч в 1893 году Зигберта Тарраша. По крайней мере, так воспринял этот вызов германский чемпион: «Молодой человек должен сперва доказать победами в крупных международных турнирах, что он имеет право играть с таким человеком, как я». На мой взгляд, Тарраш проявил здесь и близорукость, и высокомерие, и, конечно, некорректность. Спустя десятилетия Тарраш писал, что он не жалеет о своем отказе, добавляя к своей характеристике и упрямство в заблуждениях. Я предпочел бы взглянуть на этот случай со стороны. Когда в 1909 году незнакомый миру Капабланка вызвал одного из ближайших претендентов на мировое первенство Маршалла на матч, то последний безропотно принял предложение. Разгром был впечатляющим. Капа решительно шел на завоевание мирового первенства. Я думаю, что если бы (!?) матч Ласкер – Тарраш состоялся в 1893 году результат был бы не менее печальным для германского чемпиона, чем спустя пятнадцать лет. Ни Таррашу, ни кому-нибудь иному в 90-е годы нельзя бы-

ло остановить Эмануила Великого. Нечто подобное было с Михаилом Талем во второй половине 50-х годов – он шел напролом к короне.

К месту приведу одно интервью Ласкера, сделанное в самом начале XX века, когда спор между Таррашем и им еще не был разрешен. С удивлением я прочитал, что знакомство между ними состоялось в самом начале 80-х годов в одном Берлинском шахматном кафе. Обычно собирались шахматисты в «Кайзергоф», или в «Рояль», или в «Чайном зале». Завсегдатаями кафе были начинающие шахматисты – д-р Тарраш, Курт фон-Барделебен, родной брат будущего чемпиона д-р Бертольд Ласкер, Вильгельм Кон, известный танцор Макс Гармонист и другие. Там пробовал свои силы и младший брат Бертольда. Один из создателей известной защиты – Горацио Каро не снисходил до игры с Эмануилом, но Гармонист играл с любимым человеком: настолько он был доступен. Тарраш же сыграл с Эмануилом две партии, давая ему вперед коня. Одна закончилась вничью, вторую Ласкер благополучно проиграл, подставив ладью. Но две сыгранные партии на равных дали другой результат: каждый выиграл и проиграл.

В своем интервью Ласкер пишет о том, что после смерти Андерсена в международных турнирах в Германии побеждали иностранцы – англичане и американцы, что задевало честь объединенной Германии. Дело продолжалось до 1889 года, когда в Бреславле «... впервые выступил в своей непроницаемой броне юный шахматный Зигфрид, уничтоживший врагов своим добрым мечом. Зигфрид этот – д-р Зигберт Тарраш. Его непроницаемой броней была уверенность в победоносном могуществе абсолютно логической последовательности мысли и абсолютно определенной объективности действия. Броня оказалась действительно непроницаемой: он не проиграл ни одной партии» (*«Шахматное обозрение», № 62, 1903, с.297-298, а также «Шахматы в СССР» М., 1991, №7, с.38-41, «В гостях у Эмануила Ласкера». Публикация В. Мурахвери*). Так писал о своем главном противнике Ласкер, сравнив его с любимым героем германского эпоса. Правда, я ощущаю какую-то едва уловимую иронию в этой характеристике, но нацистов в будущем травля шахматного Зигфрида не смущала...

К месту указать, что создание всегерманского шахматного союза, после провозглашения империи в 1871 году, всецело принадлежало редкому энтузиасту Герману Цванцигу, еврею по происхождению. Выше написано об этом. В 1879 году, благодаря «организационному дарованию выдающегося германского шахматного деятеля, был создан Общегерманский шахматный союз». (*Н.И. Греков*). Каждые два

года, вплоть до Мировой войны проводились соревнования, преследовавшие единственную цель: завоевание звания маэстро. Со всего света приезжали сюда молодые таланты, чтобы в побочных турнирах получить заветное звание. Россия не исключение. Поэтому столько русских подданных было интернировано летом 1914 года – все это были шахматисты, приехавшие на очередной конгресс, где их застала начавшаяся война. Стараниями Цванцига был проведен первый чемпионат Германии в Лейпциге в 1879 год, победитель и первый чемпион Германии – еврей Бертольд Энглиш.

Популярность Эмануила Ласкера в России была огромна, еще на заре его чемпионства. В одном из гениальных рассказов Леонида Андреева душевнобольной доктор, от лица которого ведется повествование, говорит: «Между прочим, я решил в те дни две очень интересные шахматные задачи, над которыми трудился давно, но безуспешно. Вы знаете, конечно, что три года назад я участвовал в международном шахматном турнире и занял второе место после Ласкера. Если бы я не был врагом всякой публичности и продолжал бы участвовать в состязаниях, *Ласкеру пришлось бы уступить насиженное место.* (Леонид Андреев «Мысль», авторская дата апрель 1902 г. Курсив Л. Андреева. Мне кажется, что именно здесь лежат корни романа В. Набокова «Защита Лужина»). Затем в 1927, экс-чемпион появляется в поэме Ильи Сельвинского «Пушторг. Роман»:

«...Итак, начнем: Казаров Коринфий,
Внешне – конторщик, внутри – шахматист.
Плывя по течению рабочего дня,
Он ходит по комнате «ходом коня»
И, говоря о сибирской ласке,
Всенепременно обмолвится: «Ласкер».

В этой же поэме имеется неологизм – «Капаласкер».

А спустя еще семь лет в эмигрантской прессе появился остроумный и тонкий рассказ Владимира Азова (псевдоним В.А. Аикинази) «Формула победы», где повествуется анекдотичная история о хитром еврее Соломоне Бисквите, отце двенадцатилетнего вундеркинда, сумевшего выудить у Капабланки 2000 долларов, столкнув его с Ласкером в партии по переписке. Воплощение «Капаласкера»... (См. «Иллюстрированная Россия», Париж, 1934, №179367), с.1-4).

Еще в 1910 году Эм. Ласкер в статье «К психологии шахмат» писал:

«Невозможно пройти без некоторого удивления мимо того факта, что за последние десятилетия шахматы необычайно выиграли в смысле популярности, энтузиазма и глубины. Другие игры исчезают

потому, что стареют: одни лишь шахматы противостоят всяким новшествам и, несмотря на это, сохраняют юношескую свежесть...

Шахматы представляют прекрасный пример того, как нас очаровывает чисто целесообразное, без всякой личной заинтересованности, только в силу своей собственной целесообразности.

Возьмем, например, получивший 1-й приз этюд братьев Платовых. Этот этюд должен чрезвычайно понравиться каждому шахматисту. Почему? Потому, что соблюдена строжайшая экономия средств? Потому ли, что слабые белые фигуры как будто каким-то чудом побеждают подвижные и сильные фигуры черных? Или потому, что белые с крайним напряжением избегают ничьей? Может быть, но, собственно говоря, потому, что банальное обыкновенное побеждается мощью мысли.

Присмотримся к деятельности шахматистов... Они и сами играют, и разыгрывают партии маэстро, анализируют и пишут об этом в книгах и журналах. Обладающие необходимыми специфическими способностями составляют задачи, то есть сочиняют положения, в которых только единственный метод ведет к выигрышу...

Количество лиц, занимающихся всем этим, значительно увеличилось за последние двадцать лет. Постоянные состязания создали классификацию игры шахматистов. Во главе стоят маэстро. Партии маэстро составляют основу теории. Ходы, сила которых доказана в постоянном соревновании маэстро, составляют ее фундамент, их надо просто запомнить. **С постоянством прибоя мозг маэстро добывает тайны лучшего хода.**

Количество возможных способов игры выражается двадцатизначным числом; с точки зрения целесообразности количество это сокращается до каких-нибудь нескольких дюжин. Чего только не говорили и не думали во время процесса этого сокращения шахматные мыслители. К счастью, и тут сказалось действие неумолимого закона подбора, и изо всего осталось лишь здоровое и жизненное. Рассуждения о целесообразности составляют самое ценное и увлекательное в шахматах. Из-за них сотни тысяч игроков отдаются во власть шахмат, хотя сами они об этом смутно догадываются.

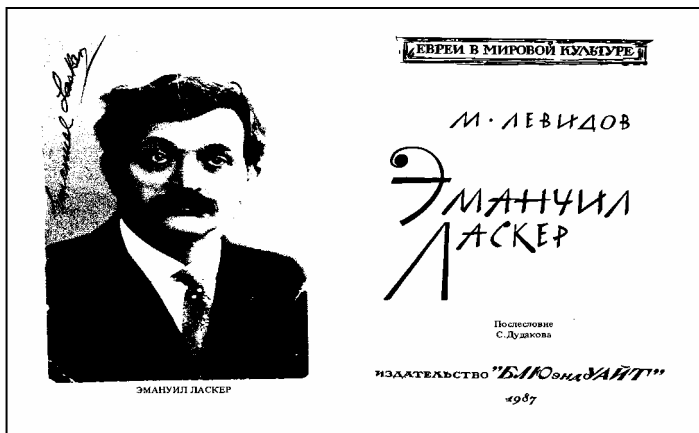
Если сравнить современного шахматиста с его предшественниками, то сразу бросается в глаза большая разница. Прежде любили неожиданное, вероятно, представляя себе при этом нападение врасплох на противника. Не было никакого понимания метода, не доставало понятия силы. Стратегия того времени состояла из ловушек и хитростей. Современный же шахматист, стремится к победе мощью мысли.

Ему недостаточно одного успеха – он хочет неизбежности его. Он хочет проникнуть в запутанную, часто с трудом понятную логику всего происходящего на шахматной доске. Вот триумф, которого добивается современный маэстро. Когда он в состязаниях высказывает эту логику, он доставляет наслаждение зрителям во всем мире.

Партия двух маэстро – драма без слов. Действующие лица – шахматные фигуры. Они играют без жестов. Их средства выражения – одни понятия. В этой драме применимы все правила искусства; единство, последовательность и справедливость должны царить, чтобы партия нравилась.

Те не понимают духа времени, кто упрекает нас, современных маэстро в сухости».

Большой комментарий. Жирным шрифтом выделены, на мой взгляд, важнейшие мысли этой необыкновенной статьи. Требование справедливости – главнейшая, генеральная линия идеи чемпиона мира. Мир несовершенен и несправедлив, но шахматная доска – место получения компенсации справедливости. Так мне кажется. Ласкер приводит высший пример эстетики – справедливости: знаменитый этюд братьев Платовых. Отдадим должное Ульянову-Ленину, его эстетическому вкусу, выделившему это произведение, случайно попавшее на глаза. Кажется, есть нечто общее между двумя гениями – шахмат и политики. Возражения принимаю с кротостью... Кстати, вот мнение специалистов – братьев К. и И. Бетинг, судей конкурса, присудивших первый приз этому шедевр: «Из чрезвычайно простого и незаметного начального положения в ряде тонких и неожиданных ходов развивается роскошная главная игра». (В. и М. Платовы. Сборник шахматных этюдов, М–Л, 1928, с.29.)

НЕМНОГО О ЛИЧНОСТИ М.М. БОТВИННИКА.

Ботвинник Михаил Моисеевич (17.VIII.1911, Куоккола (ныне Репино), неподалеку от СПб – 5.V.1995 г., Москва) – шестой чемпион мира по шахматам: 1948-1957 гг., 1958-1960 гг, 1961-1963 гг. Звание мастера получил в 1927 году, звание гроссмейстера – в 1935 г., семикратный чемпион СССР, включая единственное звание – абсолютный чемпион СССР (1941). Победитель многих международных соревнований. Самые значительные турниры: Москва 1935 г. первое-второе места наравне с С. Флором, выше Эм. Ласкера и Х-Р. Капабланки; Ноттингем 1936 г. первое-второе места наравне с Капабланкой, опередив трех чемпионов мира – Эйве, Алехина, Ласкера и ближайших претендентов: Решевского, Файна, Флора и Боголюбова. Гронингем 1946 г. – первое место, выше М. Эйве, В. Смыслова, И. Болеславского. Матч-турнир на первенство мира Гаага-Москва 1948 г. – первое место, впереди В. Смыслова, П. Кереса, С. Решевского и М. Эйве. Единственный шахматист в мире, имевший положительный результат с чемпионами мира – с Эм. Ласкером, А. Алехиным, равный счет с Х-Р Капабланкой и М. Эйве. Ботвинник – автор самой «лучшей» партии в истории шахмат, сыгранной в 1938 году в Голландии против экс-чемпиона мира Х-Р Капабланки. Эстетическое воздействие этой грандиозной победы не устарело до сих пор. По оценке некоторых исследователей шахматные успехи Ботвинника были выше всех чемпионов мира прошлого до него и выше его младших современников Смыслова, Таля, Петросяна, Спасского. Один из создателей Советской шахматной школы. Совершенствовал искусство подготовки к шахматным соревнованиям. Его учениками были будущие чемпионы мира В. Карпов, Г. Каспаров, Вл. Крамник. Шахматная мощь сочеталась с общей высокой культурой. В этой области Ботвинник сравним лишь с Эм. Ласкером. Доктор технических наук (1951), профессор, специалист в области элетротехники и программирования. Его мечтой было желание создать электронного шахматиста по «типу В. Корчного».

Родился Ботвинник в ассимилированной еврейской семье, под Петербургом. Отец – родом из Белоруссии, местечко Кудрищино под Минском, по профессии зубной техник. Мать – родом из Креславки Витебской губернии, родилась в небогатой еврейской семье, по про-

фессии – дантист. В молодости отец работал в подпольной типографии Бунда, мать состояла в РСДРП (*меньшевиков*). В послереволюционные годы взгляды отца изменились – он запрещал в доме говорить на идиш, чтобы сын чувствовал себя русским. Но жизнь оказалась намного сложнее. С проявлением бытового антисемитизма Ботвинник впервые столкнулся в советской школе. С государственным антисемитизмом – в 1952 году, когда чемпиона мира отстранили от участия в Олимпиаде в Хельсинки, заменив его П. Кересом. Ответом на этот беспрецедентный шаг явилось то, что, участвуя в XX первенстве СССР, Ботвинник не только стал чемпионом страны, но, встречаясь с членами сборной команды, нанес поражения П. Кересу, создав шахматный шедевр, а также Д. Бронштейну, Е. Геллеру. Партии с И. Болеславским и В. Смысловым окончились вничью, а А. Котов, к своему счастью, не участвовал в чемпионате. Впрочем, Михаил Моисеевич «разобрался с обидчиком» в XXII первенстве СССР, выиграв у Котова этюдный эндшпиль с разноцветными слонами и жертвой двух пешек! Окончание вошло во все учебники. Общий счет с Котовым: +5, –1, =5.

Ботвинник, безусловно, обладал гражданским мужеством: в отличие от многих «лиц еврейской национальности» его подписи нет ни под одним «Антиизраильским» или «Антисионистским» воззванием. Равно нет его подписи под осуждением «невозвращенца» В. Корчного. Еще более удивительно, что М. Ботвинник не подписал «печально-знаменитого» письма 1953 года во время «дела врачей» о высылке евреев для спасения от справедливого гнева советского народа. Тогда вывернули руки многим знаменитым евреям. Но имени Ботвинника там нет. По словам Каспарова, сам патриарх хранил загадочное молчание по этому поводу. (См.: *Гарри Каспаров в сотрудничестве с Дмитрием Плисецким «Мои великие предшественники» т. 2 «От Эйве до Таля», М., 2003, с.275-276.*) Мое мнение, что ему даже и не предлагали для подписи злополучное письмо. Возможно, его имя Сталин вообще не внес в «синодик». Ботвинник слишком ассоциировался с «великими» победами организованными т. Сталиным...

В составе советской сборной в 1964 году посетил Израиль. На вопрос о своей национальной принадлежности он ответил следующим образом с предельным откровением: «положение мое «сложное»: я еврей по крови, русский по культуре, советский по воспитанию». И это было писано и опубликовано «в застойные годы». Одновременно восхищался Израилем, кибуцами и мошавами: его поразила громадная производительность труда. Тепло отзывался о П. Рутенберге, соз-

дателе первой электростанции в Палестине и пионере поливного земледелия. На встрече с премьер-министром Бен-Гурионом, последний высказал пожелание, чтобы треть советских евреев эмигрировали в Израиль. Ботвинник на это мог только развести руками: сие зависело не от него... В дополнение к «советскому воспитанию» следует добавить, что М.М. за словом в карман не лез. И на вопрос английского журнала «Chess» «Вы коммунист?» ответил «Да, я коммунист в духе первого коммуниста на земле – Иисуса Христа». (*Игорь Ботвинник «Помыслы и домьслы заокеанского автора. Историку не хватало первоисточников» – «Шахматное обозрение», 2000 №2, 2000, с.31*).

Но был в биографии будущего чемпиона мира неприятный случай. 28 января 1936 года в газете «Правда» была опубликована редакционная статья «Сумбур вместо музыки». Удар наносился не только по гениальному композитору Дмитрию Шостаковичу, но и по Всеволоду Мейерхольду. Под предлогом того, что в оперу, в музыку переносятся наиболее отрицательные черты «мейерхольдовщины». Сразу же все газеты и журналы накинулись на несчастного композитора. У шахматистов потребовали также выступления против «антинародной» и «формалистической» игры в шахматы. Думаю, что сам Н.В. Крыленко «предложил» Ботвиннику написать соответствующую статью. Слава Богу, **композиторы**, правда, **шахматные**, были под боком. Мы не знаем, свободно ли на это пошел гроссмейстер, но следы насилия видны, хоть бы в том, что у него был соавтор, некий Л.Ф. Спокойный, одно время исполняющий работу ответственного редактора журнала «Шахматы в СССР». В марте того же 1936 года появляется статья-отклик под названием «Сумбур в композиции». Основная идея этой статьи состоит в том, что этюд играет подчиненную роль к практической игре. И этюды нужны «**лишь, поскольку они помогают развитию шахматной игре**». Что же касается задач, то требование «практической идеи» чрезвычайно затруднительны, в виду специфики этого вида шахматного творчества. Например, наличие, т.н. «сказочных задач». Удивительно, но удар наносится всему отряду композиторов: «Все современное течение в композиции, впервую очередь в двухходовке, которая с исключительным вниманием насаждается советскими композиторами, может быть, определено двумя словами – **«формалистическое трюкачество»**... **Весь этот багаж мы получили с Запада**. Спрос вызывает предложение, и ни для кого не секрет, что наши композиторы очень равнодушны к своим успехам в заграничных конкурсах... Во всяком случае наступил

момент, когда **формализму** в задачной композиции должна быть объявлена беспощадная война, как это уже сделано на фронте искусства». (М.М. Ботвинник, Л.Ф. Спокойный «Сумбур в композиции» – «Шахматы в СССР, М., 1936, №3, с.71-72). В статье предполагается будущее «низкопоклонство перед Западом». Но до этого еще добрых 12 лет. В статье упоминаются два имени: Л.И. Куббель в положительном контексте и М.М. Барулин – в отрицательном. В книге Сергея Гродзенского «Лубянский гамбит» рассказывается, что Барулин был арестован после начала войны 13 ноября 1941 года. Незадолго до этого были арестованы карикатурист Ю.Ю. (Ю.В. Юзепчук) и Д.Г. Гинзбург. Официальная дата смерти Барулина 23 мая 1943 года. Спустя два с половиной месяца после смерти дело было прекращено «за недоказанностью обвинения». Понятно, что статья Ботвинника не могла послужить предлогом для ареста.

Ботвинник – автор многочисленных книг, переведенных на большинство европейских и некоторые другие языки. Библиография работ, посвященных творчеству Ботвинника, насчитывает тысячи наименований. Безусловно – он самая значительная фигура в истории шахмат конца 30-х начала 60-х годов XX века.

Тартаковер писал о Ботвиннике, что он одновременно учёный, артист и спортсмен. Профессор В.А. Ковалев обратил внимание на интеллект Михаила Моисеевича, процитировавшего по памяти стихи Евгения Баратынского «Признание»: *«Как часто мы даем обеты,/Смешные, может быть, всевидящей судьбе»*. У Баратынского в тексте 1823 года:

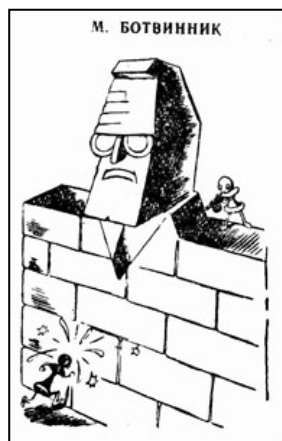
«И, в молодые наши леты

Даем поспешные обеты,

Смешные, может быть, всевидящей судьбе»

Д-р филологических наук проф. В.А. Ковалев опросил своих знакомых литераторов – почти никто не знал этих стихов.

Один из поклонников Ботвинника произвел статистический анализ кривой успехов Михаила Моисеевича. Упорный аналитик использовал итоги 3500 (!) соревнований. Ботвинник участвовал в 62. Удивительно, но первые в десятку сильнейших мира Ботвинник попал в 1930 году, когда занял третью строчку после Алехина и Нимцовича. Коэффициент

Эло Ботвинника – 2653 – гроссмейстерский итог. В 1931 году он вновь третий после Алехина и Капабланки. Статистическая сенсация 1932 года – Ботвинник на первом месте! У Ботвинника – 2724 очка, у Алехина – 2709. Было Ботвиннику всего 21 год! Последний раз в десятку сильнейших экс-чемпион мира попал в 1968 году заняв 6-7 места. Возглавлял же десятку еще в 1966 году. За 39 лет выступлений Ботвинник в десятке сильнейших был 33 раза (1930-1968). Керес был на втором месте – 27 раз. Первым же в десятке Ботвинник был 13 раз, уступая лишь Ласкеру, который был лидером 15 раз, Алехин и Капабланка возглавляли десятку 10 раз. Высший коэффициент Эло Ботвинника – 2765 относится к 1945 году, когда он на первенстве СССР набрал 15 очков из 17 возможных! (Анатолий Иванов, программист, кандидат в мастера «Ботвинник в зеркале статистики. Субъективные заметки» – «Шахматы в СССР», № 9, 1991, с.6-7).

Карикатура Ю.Ю. (Юзепчука) на участников АВРО-турнира в Голландии в 1938 году

МИХАИЛ ТАЛЬ

Таль, Михаил Нохемьевич (9.XI.1936, Рига – 28.VI.1992, Москва), восьмой чемпион мира.

Родился в г. Риге, в семье врача. По меркам того времени – в буржуазной семье. В годы войны семья была в эвакуации. В семилетнем возрасте научился игре в шахматы у своего отца. Решающую роль в его жизни сыграла встреча с маэстро А. Кобленцем (1916–1993). Карьера Таля была феерической. В 21 год он стал впервые чемпионом СССР; всего же выигрывал это состязание шесть раз! Многократный победитель международных соревнований. В 1958 году выиграл межзональный турнир в Портороже. В 1959 году одержал в турнире претендентов грандиозную победу в Югославии. В 1960 году выиграл матч на звание чемпиона мира у М. Ботвинника, став самым молодым чемпионом мира в истории шахмат. В следующем году проиграл матч-реванш Ботвиннику. В историю шахматных состязаний вошел как виртуоз комбинации, не имеющий равного себе в прошлом и, возможно, – в будущем. К сожалению, успехи Таля стали снижаться, в связи с тяжелой болезнью, а также с нарушением спортивного режима, который вел экс-чемпион. Отзыв чемпиона мира Т. Петросяна, говорившего, что он знал лишь одного живого гения – Михаила Таля...

Михаил Таль

Таль не проявлял большого интереса к проблемам еврейства. В конце 60-х годов ему было предложено рижскими сионистами подписать открытое письмо, с требованием свободной эмиграции евреев в Эрец Исраэль. Таль уклонился. Вместе с тем, он подчеркивал свое еврейское происхождение, любил идишские песни, дружил с великой актрисой Идой Каминьской, посещал еврейский театр в Варшаве и всегда возлагал цветы к памятнику участникам восстания в Варшаве и посещал место гибели Мордехая Анелевича. К сожалению, он не мог противостоять давлению властей и в 1976 году подписал коллективное письмо с осуждением «невозвращенца» В. Корчного. С другой стороны – во время матча Карпов – Корчной, связался по телефону со своим другом американским журналистом Эдуардом Штейном и пытался оправдаться в связи с тренерской помощью советскому чемпиону во время матча.

Прах Таля нашел успокоение на Рижском еврейском кладбище Шмерли, рядом со своими близкими. По совету друзей в гроб положили шахматную доску и фигуры...

Еще при жизни Михаила Таля его сын Георгий (Гера) с женой и тремя дочерьми репатриировался в Израиль.

ПИСАТЕЛЬ М.Ю. ЛЕВИДОВ

Десятилетним мальчиком я был вхож в дом давно уже покойного семитолога Андрея Яковлевича Борисова (1903–1942). Его дочь Леля и моя сестра учились в одном классе. Профессор переписывался с моим дедом на иврите, чтобы сохранить «форму». Письма передавались через девочек...

В то время я запоем играл в шахматы и запоем читал: в подарок от Борисовых я получил две книги – роман Р. Киплинга «Ким» и книгу Левидова «Стейниц – Ласкер», правда, с вырванным предисловием Крыленко, ведь шел 1950 год...

Спустя почти пятьдесят лет мне удалось ее переиздать в Иерусалиме, в серии «Евреи в мировой культуре». Впервые она вышла в 1936 году в издательстве «Жургазобъединение»(!?), в серии ЖЗЛ, основанной Максимом Горьким в 1933 году. Страшная орвелловская аббревиатура издательства, которая переводится на нормальный язык просто: Журнально-газетное объединение.

За всю многолетнюю историю этой серии – это единственная книга о «шахматистах». Лишь совсем недавно вышла книга Шабурова об Алехине. Но ни литературные достоинства (*их просто нет*), ни концепция не выдерживают критики. По мнению критиков книга Левидова – одна из лучших в серии. Судьба автора примечательна.

Михаил Юльевич Левидов родился, по некоторым сведениям 12-24 февраля 1890 года, по другим сведениям в 1892 году, в Баку. Настоящая его фамилия Левит. Юрист по образованию, в молодости сотрудничавший в сионистской прессе, автор сионистских статей в журнале «Еврейский студент». С 1914 года работал в журнале «Летопись» и газете «Новая жизнь», издаваемые Горьким. Сотрудник наркомата иностранных дел, заведующий отделом печати. Напомним, что наркомат в это время возглавлял Л.Д. Троцкий. Последовательно был корреспондентом советского телеграфного агентства в Ревеле, Лондоне, Берлине, Гааге, заведовал иностранным отделом (вначале РОСТА, потом ТАСС), публиковал свои статьи в «Правде» и других партийных изданиях. Вполне возможно, что он был троцкистом, ибо советская «Литературная энциклопедия» в статье о Левидове (*т. 6., М., 1932*) не упоминает о его партийности: вероятно, в это время он был исключен из партии. Сама же статья представляет собой форменный донос. Даже в этой заушнической энциклопедии статья о Левидове выделяется. Левидову вменяются в вину не только увлечение

парадоксами, блуждание по поверхности, литературная слабость и тому подобное, но и **реакционные взгляды**. Статья цитирует Левидова якобы утверждавшего, что «всякое искусство... никогда не предмет массового потребления» и что «пролетпоэзия – это многоголовая и многоголосая Вербицкая». Автор статьи-доноса писал: «Мещанская подоплека этих реакционных высказываний очевидна. Социальную сущность своих воззрений по вопросам искусства сам Левидов определяет достаточно четко, заявляя, что он говорит от имени читателя интеллигентного и мелкобуржуазного. Мелкобуржуазный либерализм находит у Левидова пестрое и часто весьма вульгарное выражение».

Неизвестно, как после такого доноса писатель мог пережить 37-й год, год размаха Большого террора. Во всяком случае, Михаила Юльевича арестовали сравнительно поздно – не то в конце сорокового года, не то в начале сорок первого, по доносу пресловутого Я.Е. Эльсберга.

По официальной дате умер Левидов 5 мая 1942 года в лагере. До этого он находился в саратовской тюрьме – в компании с Бела Куном, бывшим редактором газеты «Известия» Ю.М. Стекловым, академиком Н.И. Вавиловым, первым директором Института Маркса-Энгельса Д.Б. Рязановым, директором Института мировой литературы И.К. Лупполом и др.

Есть предположение, что 37-й год Левидову помог пережить Н.В. Крыленко, автор предисловия к его книге «Стейниц – Ласкер». Как известно, Крыленко был организатором советского шахматного движения и не давал свои «кадры» в обиду. Во всяком случае, является фактом то, что «шахматные» потери в результате сталинских репрессий были минимальны – даже после гибели заступника. (См. *подробнее о репрессиях шахматистов: С. Гродзенский «Лубянский гамбит», М., 2004*).

Книга «Стейниц – Ласкер» в Советском Союзе не переиздавалась, в то время как после реабилитации Левидова была переиздана крупнейшее и самое значительное произведение Левидова – поразительная книга о Джонатане Свифте. С длинным названием под старину «Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях» (1939). Книга была переиздана с предисловием крупного литературоведа А.А. Аникста. (М., 1964) По утверждению КЛЭ (М., 1967, т.4, с.84) аллюзии на современность спровоцировали арест писателя. Обратим внимание, что основные репрессии были уже позади, но Левидов потерял своего покровителя. Во всяком случае, «Краткая литературная Энциклопедия» (М., 1967) сообщает об этом так: «Книга отличается точным, острым языком, язвительной и страстной полемич-

ностью, психологической достоверностью, сочетанием строгой научности с беллетристичностью. Внутренняя тема книга – художник и время – придала ей современное звучание. Левидов был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован». Автор статьи Я.А. Березовский. При жизни таких хвалебных строк писатель не дождался.

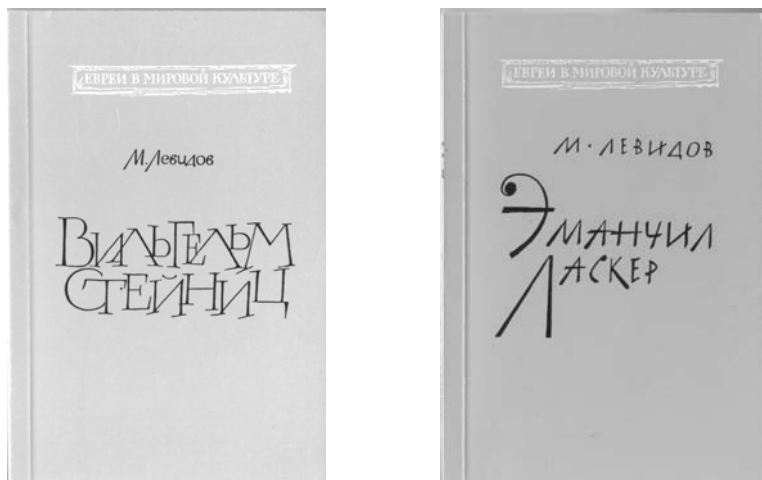
Левидов – автор единственной книги о шахматистах, изданных в серии «ЖЗЛ» – «Стейниц – Ласкер» (М.1936) с предисловием Н.В. Крыленко. В книге дан блестящий психологический портрет обоих чемпионов мира. Левидов никогда не чуждался еврейской темы. О том, что он работал в сионистской прессе, я писал выше. Одна из лучших работ о великом еврейском актере Михоэлсе написана им и была опубликована в № 4 журнала «Литературный критик» за 1935 год. Название статьи – «Мысль и страсть». Это произведение, состоящее из четырнадцати маленьких главок, повествует о величайшем триумфе актера – его игре в «Короле Лире». Исходной точкой для воплощения роли несчастного короля служит прочтение Библии – «Книга Иова». Левидов пишет: «Книгу Иова» Шекспир ведь знал. Путь Иова к страсти и мысли, конечно, творчески близок автору «Короля Лира». Своим художественным чутьем Михоэлс понял, отсюда – «библейские моменты» в трактовке роли». *(Во времена шельмования религии воинствующим безбожником Емельяном Ярославским Левидов мужественно писал о роде человеческом, который создал «старинные чудесные книги – Иова, Иеремии, Исаяи» – М. Левидов. Путешествие... Джонатана Свифта...)*, М., Московский писатель, 1964, с.70)

Левидов в надвигающейся сталинской ночи *(главка «Ночь и утро»)* пропел гимн Еврейскому театру. «Спектакль ГОСЕТа – это не только Лир и не только Михоэлс. Это вся линия режиссерской работы, изумительно целостная, чувствующая и мельчайшие детали спектакля, мобилизующая настороженно-взволнованное внимание зрителя на протяжении четырех с половиной часов. Это линия художника Тышлера, давшая спектаклю рамку, во многом – спорную, но насыщенную пафосом мрака, крови и боли... Это линия переводчика Галкина, сумевшего шекспиризировать еврейский язык. Мощь и страсть Шекспира не были утеряны Галкиным: это творческий перевод, это искусство. Это линия, наконец, всего актерского состава ГОСЕТа – Зускина, Гертнера, Ротбаум, Пустыльника...». *(Цит. по кн.: «Михоэлс Соломон Михайлович. Статьи, беседы, речи».* М., «Искусство», 1964, с.423)

Возвращаясь к книге о Свифте, процитируем автора предисловия А. Аникста: «Как написана эта книга! Каким языком! Как современна

она по своей литературной манере!». Такое количество восторженных предложений стоит сравнить с плоским доносом в советской «Литературной энциклопедии».

Всеми этими достоинствами обладали и книги «Вильгельм Штейниц» и «Эммануил Ласкер». Вообще, жанр биографии очень многим обязан Левидову. И у него, конечно, были учителя: в первую очередь, классик жанра Андре Моруа; особой популярностью пользовалась его книга «Карьера Дизраэли», ее перевод как раз вышел в Москве в 1934 году; Стефан Цвейг, автор популярной в то время книги о Жозефе Фучше. Были у Левидова и другие учителя; Густав Мейринг с его «Големом», где наличествует шахматный мотив. Макс Брод, автор известной книги «Реубени, князь иудейский». Труднее найти предшественников в русской литературе. Павленковская ЖЗЛ была тусклая и серая; правда ее отличала честность. Думается, все же неоспоримым источником литературной учебы Левидова послужила неувыдаемая книга воспоминаний Александра Герцена «Былое и думы».

Эти две книги Левидова вышли в Иерусалиме в 1987 году.

Печать времени лежит и на других книгах Левидова. В них ощущается дух школы Покровского, но с ними легко иметь дело, так как подобно неисправному компасу, ошибка которого известна заранее, и сделав небольшую корректировку, мы выйдем на столбовую дорогу школы «буржуазного объективизма». Левидов пишет о Штейнице как

основателе современного понимания шахматной игры в том смысле, как «Дарвин является отцом современного естествознания». Левидов прослеживает влияние на шахматную концепцию основных течений 60-х–70-х годов XIX века – позитивизма, рационализма, конкретизации мышления, отрицания интуиции как факторы познания, тяготения к объективным оценкам. Аналогию с учением Стейница Левидов находит и у Спенсера, и в государственной деятельности Биконсфильда (*Дизразли*), который, например, путем накопления минимальных преимуществ, провел, наконец, выигрышную комбинацию со скупкой акций Суэцкого канала. И, конечно, Левидов хотел сравнить учение Стейница с учением Карла Маркса. По понятным причинам он от этого воздержался. Но сделаем некоторые сравнения.

Стейниц, родившийся в Праге и обучавшийся в Вене, в первый период своей жизни находился под влиянием германской шахматной школы, школы романтических шахмат, типичным представителем которой был Андерсен. Переехав в Англию, он познакомился с позиционными шахматистами, во главе которых стоял Стаунтон. Именно из сочетания германского романтизма, французского (*филидоровского*) бережного движения пешек (*«пешки – душа шахмат»*, *кажется, первый радикальный пересмотр положения «третьего сословия» в еще дореволюционной Франции*) и английского медлительного практицизма создалось новое течение. Мы помним, марксизм родился от трех направлений европейской мысли – немецкой идеалистической философии, французского утопизма и английской политэкономии. Эти аналогии не могли не бросаться в глаза Левидову. Возможно, что Левидов хотел бы проанализировать шахматы с точки зрения психоанализа. Но Зигмунд Фрейд был у коммунистов не в чести, поэтому книга А. Гербстмана «Психоанализ шахматной игры» (*Опыт толкования М., 1925 г.*) была встречена в штыки.

В прекрасной книге Левидова имеется несколько исторических ошибок, второстепенных, по сути, и есть одна проблема существенная, которую автор касается вскользь. Речь идет о вызове Стейницем Чигорина на матч за мировое первенство. Но об этом мы писали выше.

Книгам Левидова суждена долгая жизнь. Пока жив последний шахматист, он будет припадать к чистому незамутненному источнику шахматной истины... Так я думаю!

Для полноты образа приведем отрывок из одной сионистской статьи Михаила Левидова: «Призыв к ассимиляции – alias безболезненной, честной смерти – всегда знаменует собой в истории народа

завершение идейного цикла, конец органической эпохи. Дальше за этим призывом – либо уничтожение, либо революционное возрождение, но предшествовавшей этому призыву, мертвой, безразличной полосе, во всяком случае, конец. История эллинизма являет классический образец первой возможности...

И точно, также, классическим образчиком второй возможности: ассимиляционная идеология, как провозвестник грядущих творческих бурь возрождения и созидания – классическим образцом этой возможности послужить для историка духовной культуры человечества – история еврейства на рубеже XIX и XX веков.

Был призыв к смерти безболезненной, честной, даже почетной (большая насыщенность маскилизма идеями мессианства обосновывает «почетность» смерти). Ответ народа на этот призыв, пронесшийся по поверхности национальной души, не заставил себя долго ждать: на призыв Лилиенблюма, народ ответил спустя 25-летие – Бундом и Сионизмом. ... И, однако, меняющееся еврейство в последнем 25-летию явило образец этого «немыслимого», и вошло в философию истории живым парадоксом.

Еврейство... не захотело умирать, пройдя мертвую полосу, тянущуюся около 3 веков, на протяжении которой оно представляло собою как-бы не меняющуюся, застывшую раз навсегда массу, являлось как бы народом в состоянии анабиоза, – оно стало вдруг **«меняющимся еврейством»**, проявило вдруг мощные тенденции к революционированию, коренному изменению своего духовного быта...

На этом парадоксе, т.е. на взаимоотношениях между социальным и национальным в еврействе, на тех изменениях в психике нации, к которым это парадоксальное взаимоотношение привело, и на той форме, в которую вылился национальный дух, пройдя через накопальню, на которую опускались в течение 25-ти лет два могучих молота – национальное и социальное...». (Мих. Левидов *«Меняющееся еврейство» – Еврейский студент, 1918, № 31-32, с.19-25*).

Кажется, некоторые мысли Левидова не устарели до нашего времени – времени кризиса идеологии сионизма.

ШАШЕЧНИЦА И ПИРАМИДА

Когда в середине XIX века в Петербурге образовался шахматный клуб, то был принят его устав. Клуб носил сравнительно закрытый характер, куда доступ был ограничен, скажем, количеством членов, не превышающим число клеток шашечницы – 64. Бдительное око полиции не оставляло своим вниманием этот союз, и осведомитель сообщал, что шахматный клуб основан для прикрытия политической пропаганды, проводимой её членами. Например, Николаем Гавриловичем Чернышевским. Речь идет о второй попытке основать в России официальное шахматное собрание. В январе 1862 года клуб был открыт в доме Елисеева у Полицейского моста. (*Символическое название. Этот дом Елисеева затем был воспет ученицей Рудольфа Штейнера*). Вот выписка из агентурного донесения в знаменитое III отделение, помеченное 12 января 1862 года: «Подозревая в учрежденном ныне вновь шахматном клубе какую-нибудь *тайную цель* (*курсив мой – С.Д.*) так как члены, записавшиеся до сих пор, принадлежат исключительно к сословию литераторов и ученых, приложено было старание узнать, на каком основании образовался этот клуб». (*цит. по кн.: М.С. Коган «Очерки по истории шахмат в СССР», М.–Л., 1938, с.90*). Агентурные источники утверждали, что клуб был открыт по идее А. Герцена, передавшему покойному Н. Добролюбову свой план. Ясно, что сей «шахматно-масонский» форум просуществовал недолго, всего пять месяцев: с 10 января по 9 июня 1862 года и был закрыт военным генерал-губернатором Петербурга на следующем основании: «...считая в настоящее время своею обязанностью принимать все меры к прекращению встревоженного состояния умов и к предупреждению между населением столицы, не имеющим никакого основания толков о современных событиях, признал необходимым закрыть, впредь до усмотрения, шахматный клуб, в котором происходит и из коего распространяются те неосновательные суждения». (*цит. по кн.: М.С. Коган «История шахматной игры в России», Л., 1927, с.97.*)

В развитии международных связей шахматистов, решающим было создание FIDE (Federation Internationale Des Echess) – Международной шахматной федерации. Основанная во Франции 20 июля 1924 года, она впитала в себя многое из французского масонства и идей всевропейского или мирового сообщества, вплоть до введения единой шахматной нотации – общего разговорного языка всех адептов древней игры. (Вспомним единый язык капитана Ильина и доктора Заменгофа) Ос-

новной целью организации – было объединение шахматистов всех стран, без какого-либо ограничения: расового, религиозного, классового. FIDE, имеет благородный масонский девиз, заставляющий нас вспомнить времена Новикова, Шварца и Лабзина: «Gens una sumus». («Мы – одна семья»)

Один из современников великого шахматиста Алехина писал о его парижской жизни 20-30-х годов: «По-настоящему Алехин царил в Париже лишь в белом, обвитом растениями павильоне, где в саду Пале-Рояль помещался шахматный центр французской столицы, там постоянно слышалась русская речь и тон задавали кроме Алехина – О. Бернштейн, С. Тартаковер, Е. Зноско-Боровский и еще другие эмигранты.

Встречал я Алехина и в парижской русской масонской ложе «Астрей», но скоро масонские «радения» надоели ему, и он нередко превращал и ложу в шахматный клуб, усаживаясь за шахматную доску с гроссмейстером Бернштейном.

И в домашней обстановке и в масонской ложе я наблюдал в Алехине надрыв, неудовлетворенность собой». (*Лев Любимов «На чужбине», М., 1963, с.179.*) Участие Алехина в масонской ложе несомненно. Осведомленная свидетельница пишет об Осипе Самойловиче Бернштейне (1882–1962), одном из основателей в Париже в 1922 году вышеупомянутой ложи «Астрей». (*См.: Нина Берберова. «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия», New-York, 1986, с.112.*)

Среди «других», задававших тон в парижской шахматной жизни были: поэт Петр Петрович Потемкин (1886 – 1926), автор шахматной басни «Пешка, король, ферзь» и мастер Виктор Канн (1889–1971), игравший за команду Франции – были инициаторами создания FIDE . Как раз Петр Петрович Потемкин предложил девиз ФИДЕ. (*См.: в кн.: Эм. Штейн «Литературно-шахматные коллизии», Antiquary, USA, 1993, с.97. С.Д.*) Кроме того, русский художник Виктор Сергеевич Барт (1887–1954), был меценатом и организатором турниров.

Возникает вполне законный вопрос: почему Алехин и ему подобные, спасшиеся с кораблекрушения, виной которого неоднократно называли пресловутых жидо-масонов, хлынули в эмиграции в масонские ложи? Современник задает вопрос и отвечает: «Теперь... в эмиграции братьев стало больше; и все прибавлялось. Мода. Короткая и тоже обманчиво иллюзорная. Но, – она была. Причем, – по самому составу зарубежья, – широкий офицерский наплыв в ложи. Особенно много, кажется, масонов было между кавалергардов...

Нет сомнения, что некоторые вступали в ложи по той причине, что были в глубине души родственны духовной сущности масонства. Но, большая часть новых братьев, военных, пришла не по этому, а по другому...

Потому что верно правильным казалось изъяснение высоких градусов масонских того, почему мы не победили, а вот сидим по заграммам; и что требуется, чтобы победить завтра.

Формулировка наивысшая.

Не победили, главным образом, потому что не поддержал нас должным образом: Запад, французы с англичанами. А не поддержал, как следует, – всего лишь, кое-как, – между прочим, оттого, что у них в Париже и Лондоне, на первейшем месте масоны; мы же «белые» масонам чужды и подчас враждебны.

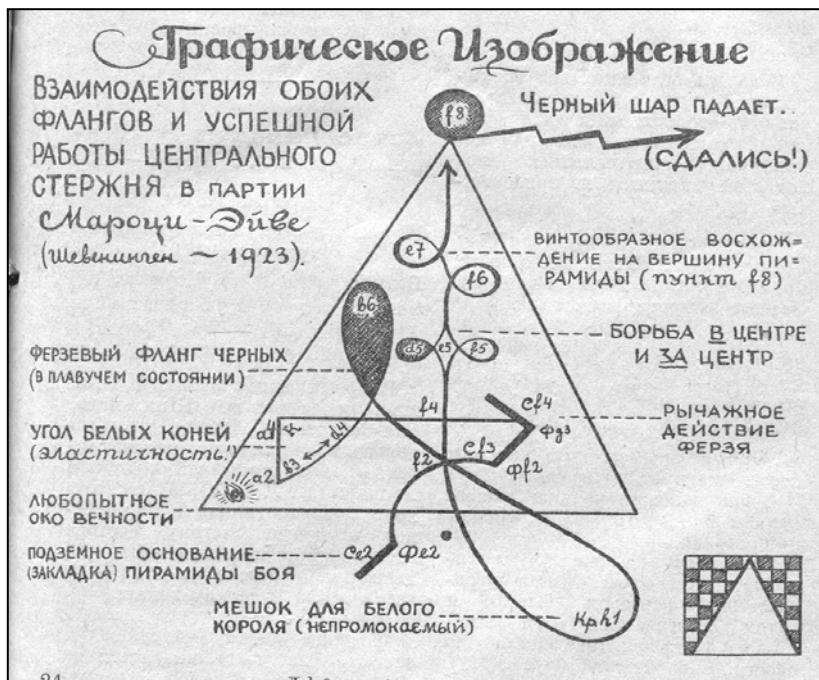
Так для того, чтобы победить завтра, надо сойтись – чтоб помогли.

И для сего русское масонство.

Для союза и будущей победы. В общем, хоть и каменщики, а в своем роде полувоенная проповедь». (Н. Белогорский. «Вчера», т. II, Мадрид, 1965, с.163.). Белогорский – белый генерал, человек неординарного мышления и решений, но это другой рассказ. Да, нет, не будет другого времени! Вот пример на нашу тему. Бывший генерал играет шахматную партию с банкиром-евреем Куффелером: «Ибо несправедливо мнение, будто евреи – это только ростовщическая проза с процентами. И Давид, и Соломон, кроме всего остального – великие поэты, – знаменитости, у которых самая длинная генеалогия в мире. Куда длинней, чем не только у Шекспира, но даже у воображаемого Гомера. И вчерашний сионизм, как и сегодняшняя израильская Палестина, – хоть она и не всем нравится, – опять в высшей степени поэзия. Подумайте: пронести это в душе своей народной две тысячи лет...». В игральной партии «Русский» победил «Еврея». Конец был красив и банкир произнес: «Благодарю вас... я восхищен. Романтическая партия. Впрочем, русские очень сильны в шахматном искусстве». Генерал в ответе был объективен: «Русские и евреи: Стейниц и д-р Ласкер». (там же... с.216).

Ну и помогли масоны эмигрантам? Некоторым – да! И именно с масонской помощью смог сыграть свой матч с Капабланкой Александр Алехин, а Иван Бунин получил Нобелевскую премию благодаря масону высокого посвящения и филосемиту высшей пробы – президенту Чехословакии Томашу Масарику.

Допустимо, что Савелий Григорьевич Тартаковер – «Гомер шахматной доски» был также членом масонской ложи. Доказательством его масонского подвижничества неожиданно служит анализ партии Мароци – Эйве из Шевенинггенского турнира 1923 года, приведенная в третьей части книги «Ультра-современная шахматная партия». При анализе, совершенно неожиданно появляется графическое изображение партии в виде масонского треугольника – пирамиды. Поле «a1» предоставлено неусыпному оку вечности (подобно антуражу масонской ложи), наблюдающему созидательную постройку пирамиды белыми фигурами: «Винтообразное восхождение на вершину пирамиды...». (С.Г. Тартаковер «Ультра – современная партия», ч. III, Л., –М., 1925, с.67). Процесс самосовершенствования...

Из книги С.Г. Тартаковера «Ультра-современная шахматная партия».

ШАХМАТЫ, КАК ВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА

В довоенные годы в СССР было невероятное увлечение шахматами. Это было проявлением одной из форм культурной революции, да еще в рамках, как казалось, абсолютной аполитичности. Конечно, можно было писать в советских шахматных журналах всевозможные передовицы, в т.ч. требующие расстрела «опричников троцкистов», ругать «ренегатов» Алехина и Боголюбова, опубликовывать «отреченные» письма брата чемпиона мира Алексея Алехина, так что наивный читатель требовал «поменьше крыленки» и побольше теоретических статей и партий. Но, в сущности, шахматы были единственной отдушиной, к которой было сложно притянуть классовость. Хотя Ильин-Женевский писал к десятилетию Октября, что «только при Советской Власти шахматы перестали быть забавой и прихотью богатых и сделались широко-массовым и подлинно народным искусством» и посему (!?) рабочие-шахматисты с особенной радостью должны праздновать юбилей Советской Власти. (*Передовица – «Шахматный листок», Л., №21, 1927, с.325.*) И еще. В свое время «пролетарский» поэт издевался над партийной глупостью в не менее глупых виршах:

«Этот Петя может вскач
критикнуть всемирный матч.
– «Я считаю: оба плохи –
Капабланка и Алехин,
Оба-два в игре юля,
охраняли короля.
Виден в ходе в этом вот
немарксисткий подход.
Я и часа не помешкаю –
монархизмы ешьте пешкою!»

(*Вл. Маяковский «Нагрузка на макушку», 1928 г. Вл. Маяковский П.С.С., М., 1958, т.9, с.75.*)

Шахматы, как высшее выражение интеллекта, было патронировано сверху и благодаря тому, что основатель советского государства В.И. Ленин был незаурядным шахматистом-любителем. Обычно ко дню рождения отца-основателя в советской шахматной и даже не шахматной прессе появлялись статьи, под названием «Ленин и шахматы». Это был постоянный перепев одних и тех же воспоминаний Н.К. Крупской, Г.М. Кржижановского, П.Н. Лепешинского, В.В. Старкова и брата вождя, д-ра Дмитрия Ульянова. Я бы не остановился на пристрастии вождя к шахматам, но все же оно сыграло свою роль в становлении советской шахматной школы,

что и было зафиксировано в литературе, и в воспоминаниях. Так, В. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин», в 1924 году писал:

«Знал он слабости, знакомые у нас,
Как и мы, перемогал болезни.
Скажем, мне бильярд, отращиваю глаз,
Шахматы ему – они вождам полезней».

Мой друг – мастер и журналист Эм. Штейн, увы, слишком рано ушедший из жизни, да будет земля ему пухом, с негодованием писал, что Ильич в шахматах был «слабак». Я написал ему письмо, вовсе не навязывая своей точки зрения, но к моему удивлению, «упрямый Штейн» согласился с моим мнением, что Ленин – **хорошо играл в шахматы**. В семье Ульяновых играли в шахматы: сохранился шахматный столик, весьма красивой работы. Играли отец и старший брат Александр. В доме была шахматная литература. Сам же Володя начал играть в возрасте восьми лет – по нынешним временам не так рано. Характерно для него то, что он, будучи человеком дисциплины, всегда придерживался и строго требовал от своих партнеров: обратно ходов ни в коем случае не брать, взялся за фигуру – ею и ходи: *pièce jouée, pièce jouée* (фр.). Играл серьезно и, потому, «легких» партий не любил. Играя со слабым, всегда давал фору, как это было принято в XIX веке. (По воспоминаниям младшего брата). Дома со старшим братом играл матч. (Несколько схоже с матчем братьев Романовских, но который состоялся спустя десятилетия).

Ленин прошел сравнительно неплохую шахматную школу в адвокатской конторе маэстро А.Н. Хардина (1842–1910) в Самаре. Кроме того, до личного знакомства, Ленин играл с Хардиным в 1888-1889 годах партию по переписке, организованную близким другом семьи и ставшим мужем сестры, Елизаровым. (Елизаров неплохо сражался в сеансах одновременной игры с Ласкером и Чигориным, выиграв у них партии. Учитывая то, что во время гастролей Ласкера по России в январе-феврале 1899 года, чемпион выиграл сто две партии, девятнадцать свел вничью и лишь девять проиграл – факт говорит сам за себя. На партию Ласкер – Елизаров ссылается в теоретической статье С.Н. Цемш «К защите двух коней» в «Шахматном обозрении» (1902, №1: *Елизаров–Ласкер 1.e4 e5 2.Kf3 Kc6 3.Cc4 Kf6 4.d4. ed 5.o-o Cc5 6.e5 d5 7.ef dc 8.Le1+ Ce6 9.Kg5 Фd5 10.Kc3 Фf5 11. Ke4 Cb6 12.Kg3*). Шурин играл значительно сильнее своего свояка. Мы имеем свидетельства о детстве и юности Владимира Ульянова «с другого берега». Надо же быть такому обстоятельству, что Володя сидел за одной партией с будущим последним министром земледелия царской России Алексан-

дром Николаевичем Наумовым (1868–1950). Оба учились прекрасно, но младший получил золотую медаль, а старший Наумов – серебряную. Наумов сдержан и корректен в характеристике своего однокашника. Для нас интересно то, что Наумов, говорит о том, что детских игр и шалостей Володя не признавал и любил как развлечение шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной **борьбе с несколькими противниками**. (см. *А.Н. Наумов «Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917»*, Нью-Йорк, 1953, т.1, с.43.). Наумов пишет о том, что Ленин не любил давать списывать однокашникам, но никогда не отказывал, делая это не охотно: он не желал поощрять лень. Нечто схожее об Алексине пишет современник: «Несмотря на отличное знание всех предметов, Алексин никогда никому не подсказывал». Понятно по той же причине: уважение к труду! (*Г. Корсаков «Мой сосед по парте» – «Шахматы в СССР», М., 1967, № 9, с.18*).

Можно предположить, что молодой Ульянов был знаком с новейшей шахматной литературой: Хардин много играл по переписке, занимался теорией, в том числе гамбитом Эванса. В 1895 году играл матч с Шифферсом. Он устраивал в Самаре домашние турниры, в которых принимал участие и его стажер. Здесь Владимир числился по второй категории; в первой был лишь Хардин. Затем, в ссылке Ленин постоянно играл со своими товарищами и **даже давал сеансы вслепую на трех досках**, выигрывая все партии, что само по себе говорит о его силе. (*М.А. Сильван «К биографии Ленина» – «Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта», 7(30), июль 1924, с.77-78*). В эмиграции Ленин также играл часто легкие партии. Сохранилась фотография, запечатлевшая его за игрой с Александром Александровичем Богдановым (Малиновским), оппонентом вождя в идеологии и создателем в советское время Института переливания крови (погиб, проводя на себе медицинский эксперимент) и Максимом Горьким, наблюдавшем за игрой. Без сомнения «Он» был сильным любителем. Играл также «Ильич» и с другим оппонентом – Львом Троцким. Возможно, играли в парижских кафе. Результаты, к сожалению, неизвестны. Один из политических противников вождя – Валентинов, вспоминает, что Ленин, играя с ним в шахматы, а играл он превосходно, добавляет Николай Владиславович, «мастерски» насвистывал различные мелодии – это смежная с шахматами область осталась не незамеченной, внимательным критиком. (Н.В. Валентинов (Вольский) «Неизвестный Ленин», Нью-Йорк, 1952, с.77) Это не значит, что **вождь и учитель** никогда не проигрывал. Пиэтет политический ничего не значил пе-

ред лицом друзей и приятелей. Так д-р Б.С. Вайсброд, хирург и старый член партии в 1921 году играл в Горках против «Ильича». Правда во время игры, «вождя» отвлекала музыка Восьмой сонаты Бетховена, исполняемой тоже старой большевичкой и пианисткой Е.М. Ямпольской. По ее воспоминаниям игра шла на балконе, и вскоре раздался торжествующий голос доктора, выигравшего партию, и шутки «болельщиков», подтрунивавших над поражением Ленина. «Он смущенно почесывал лысину и тихо оправдывался: “Виновата музыка”». Очевидно, он заслушался любимой сонатой и где-то «промазал». Сии воспоминания редко публикуются: как-то неудобно побеждать Бога... (см. «Шахматы в СССР», М., 1963, № 9, с.2). Ленин – человек своего времени и воспитанник «русской школы», посему он всегда играл белыми e4, уверенно разыгрывая королевский гамбит. По словам его партнера П.М. Лепешинского, Ульянов никогда не играл d4, с последующим c4, ибо эти ходы не сулили «таких острых ощущений», как королевский гамбит.

Все это говорит, что, вероятно, по тогдашним меркам, он играл в силу первой категории, по более поздним временам и по «нонешним» – в силу «девальвированного» среднего мастера, но с большим эстетическим кругозором. Постараюсь доказать это. В одном из писем Дм. Ульянова была прислана шахматная задача последнего, помещенная в литературном приложении к «Ниве», что тоже говорит о семейном интересе Ульяновых. Задача была несложная, и Ленин мгновенно ее решил – мат в два хода. Но он обратил внимание брата на помещенный в газете «Речь» от 17 февраля 1910 (№ 31 (1269), этюд № 195) перепечатку этюда братьев Платовых из «Ригер тагеблат», 1909 г., получивший первый приз... Этюд был решен не сразу. Он был в восхищении. Он писал брату: «Положение такое: белые: Крг3, Се7, Кг1 и пешки d3 и h5. Черные: Кре3 и пешки h7, d5 и a2 (т.е. последняя за ход до превращения в королеву) Белые начинают и выигрывают. Красивая штука!» (Д.И. Ульянов «Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи», М., 1974, с.154-155).

В чем дело? Ленин был политик и прекрасно знал закон: в политике важно уметь ждать, выжидать. Что же происходит на шахматной доске? Черные неизбежно ставят нового ферзя – преимущество материальное на стороне черных. Более того – им передается очередь хода и самая сильная шахматная фигура получает возможность передвигаться по доске, но нет: конечный результат предрешен – тихий ход Кс1 и все становится ясным... Красивая матовая идея, подкрепленная разнообразными вилками прыгучего коня... Победа духа над материей

и это, как ни странно, нравилось «марксисту-материалисту»! Прошли годы. Шел январь 1918 года. В Брест-Литовске переговоры были трудны, в том числе и из-за внутривнутрипартийной борьбы. Но Ленин твердо знал, что надо выждать: революция в Германии неизбежна. Он думал, что она произойдет через два-три месяца, но ошибся – она произошла через восемь. Не помогли ли ему при решении политической задачи воспоминания об этюде братьев Платовых?

Необходимое дополнение: Василий Николаевич Платов (1881–1952), врач-эпидемиолог, кандидат медицинских наук, заслуженный врач СССР – был выдающимся шахматным композитором. Его брат и соавтор по этюду (всего совместно составлено свыше 200 произведений), Михаил Николаевич (1883–1942), инженер по профессии, сгинул в сталинских лагерях. Памяти создателей замечательного этюда и его решателя Владимиру Ленину, автор сих строк соорудил памятник в Иерусалиме. На стене дома Дудаковых из красивого белого иерусалимского камня находится большая мраморная шахматная доска с упомянутым этюдом. Каждый может восхищаться творением мастеров. Милости просим... *Наиболее подробные данные об игре в шахматы Ленина подобраны в работе М.С. Когана «Очерки по истории шахмат в СССР» (М–Л, 1938).* Существует легенда о Ленине, приписываемая Я.Г. Рохлиным, что вождь, якобы, изрек фразу: «Шахматы – гимнастика ума». Мое мнение таково: он действительно говорил нечто подобное, увлекаясь одновременно и гимнастикой и шахматами, да и мысль вполне расхожая... П.Н. Лепешинский в 1905 году составил задачу: мат в три хода. Ленин решил ее, не передвигая фигур за пять минут. Понравилась Ленину и задача О. Вюрцбурга.

Но и преувеличивать шахматную силу вождя не следует. Искренне или неискренне «странный» поэт Николай Глазков в стихотворении «Шушенский шахматист» написал:

«Даже в ссылке некогда скучать:
Протекали дни в трудах-работах.
После важных дел у Ильича
Наступал закономерный отдых.
Мысль свою чеканя и граня,
Ленин в шахматах играл толково:
Кржижановскому давал коня,
Без ладьи обыгрывал Старкова!».

(Н. Глазков «Любимая игра» – «Шахматы в СССР», М., 1981, №4, с.42.).

Это бесспорно ненужная гипербола. (В защиту Николая Глазкова, неординарного человека и страстного «шахматомана», можно привести факт, что к 100-летию со дня рождения Ленина «случайно» или

«неслучайно» им было написано стихотворение: «Тутанхамона видел я в гробу». В это время в Москве проходила выставка из собрания Каирского музея и Глазков ловко воспользовался случаем... Сообщил поэт и переводчик Лев Фрухтман. – С.Д.)

В последний раз в своей жизни Ленин публично говорил о шахматном мотиве в речи, произнесенной на собрании ячеек московской организации. Здесь интерес представляет суждение Вождя о международных концессиях – вещь небесполезная и сейчас: «Рядом с концессионным куском, с консенсионным квадратом будет наш квадрат, потом их квадрат; мы будем учиться у них постановке образцовых предприятий... Учиться на практике, ибо никакими школами, университетами, курсами этого не достигнуть и поэтому мы даем концессии в шахматном порядке». *«В.И.Ленин, Соч. т.XXV, изд.3, с.511.»*. Понятно идея Ленина и Троцкого была поправа Сталиным, а ныне это бы пригодились...

Кажется единственный раз, когда Ленин имел отношение к «большим шахматам», имел место в 1921 году. Как уже писалось выше, чемпион России гроссмейстер А.А. Алехин застрял в годы Гражданской войны на родине. После всевозможных опасных приключений, связанных с обвинением в сотрудничестве с деникинской контрразведкой, он был чудом спасен. Алехин вступил в кандидаты в члены компартии и начал работать в Коминтерне. Он женится на представительнице Швейцарской Компартии Анне Луизе Рюэг, которая, будучи беременной, добилась встречи с Лениным и убедила его отпустить Алехина с ней в Швейцарию на роды. До встречи с вождем все инстанции отказывали Алехину в визе. Так рассказывает эту историю близкий знакомый будущего чемпиона мира. Конец быстротечной любви был обыкновенен: на Западе Алехин расстался с женой и партбилетом... (см.: *Ф.П. Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.65.»*)

В ближайшем окружении Ленина находились влиятельные функционеры и организаторы, сумевшие поднять шахматное движение на неданную высоту. В первую очередь это относится к старым большевикам: А.Ф. Ильину-Женевскому, шахматному мастеру и брату знаменитого революционера Раскольникова, и Н.В. Крыленко, наркому юстиции и покровителю шахматного движения. Последний видел в успехах советских шахматистов политические дивиденды.

БИБЛИОГРАФИЯ

¹ См.: Еврейская энциклопедия, СПб, 1908-1912, т.VIII, ст.169. «Enciclopedia Judaica Castellana» (Mexico, v.I, 1948 p.134.) прямо говорит о том, что шахматы попали в Западную Европу посредством одного еврея или сирийца. Не надо особенно напрягаться, предполагая, что это одно лицо – еврей из города Алеппо.

² Зомбарт, Вернер. «Евреи и их участие в образовании современного хозяйства», СПб, 1910, с.22.

³ И.И. Тхоржевский «Последний Петербург. Записки камергера», СПб, 2000 г., с.185. Профессор Александр Александрович Зимин (1920–1980), известный противоборством с официальной версией о времени создания «Слова о Полку Игореве», хладнокровно и просто называет исходную точку знакомства восточных славян с шахматами: понятно, что это Хазарский каганат. «Как известно, в Хазарии официальной религией было не мусульманство, а иудаизм. Термин «шахматы» встречается в поэме испанского раввина бен-Эзры (середина Х.в). Культурно – торговые связи Хазарии и средневековой Испании общеизвестны». (См.: А.Зимин «У истоков русского шахматного искусства» – «Шахматы в СССР», М., 1965, с.24.).

⁴ D-r Moritz Steinschneider «Schach bei den Juden. Ein Beitrag zur Kultur – und Literatur – Geschichte», Berlin, 1873. См. также: «Chess among the jews» в книге: Н. J. R. Murray «A History of chess» pp.446-447, а также pp. 428, 853, 889, 509-511, 526.

⁵ Л. Бахман «Шахматная игра в её историческом развитии», Л., 1925, с.10.

⁶ Ежи Гижицкий «С шахматами через века и страны», Варшава, 1959, с.2.

⁷ Я.И. Нейштадт «Шахматы до Стейница», М., 1961, с.225. При раскопках одной из столиц Хазарии Саркела (*Белая Вежа*) проф. М.И. Артамоновым обнаружены шахматные фигурки в хазарском слое – до 965 года. Вероятность знакомства среднеазиатских народов и хазар – иудеев с шахматной игрой возможно и в домусульманскую эпоху. (См.: М. Линдер «Шахматы древней Руси» – «Шахматы в СССР», М., 1963, №4, с.20-21).

⁸ См.: М.С. Коган «Очерки по истории шахмат в СССР», М.– Л, 1938, примечание 96, с.362. Историк Коган проделал громадную работу, в том числе, изыскав во французских источниках, упоминание о том, что в 1685 году русской посольство в Париже состязалось с французами в шахматы. Результат был потрясающий: «Эти русские превосходятно играют в шахматы; наши лучшие игроки против них – школьники». (*Тушар-Лафосс, «Летописи круглого окна. Хроника частных апартаментов двора и гостиных Парижа при Людовике XIII, Людовике XIV, Регентстве, Людовике XV и Людовике XVI», т. 2, Спб., 1873, с. 125*). Доктор исторических наук и шахматный мастер В.П. Загоровский представил списки состава русского посольства. (См.: В. Загоровский «Эти русские...» – «Шахматы в СССР, 1975, №2, с.24-25) Руководитель посольства – стольник Семен Алмазов. Человек богатый, вы-

соко образованный, игравший в шахматы. Он был сыном знаменитого думного дьяка и начальника Посольского приказа Алмаза Иванова. Иностранцы называли Алмаза канцлером и хранителем печати. О еврейском происхождении знаменитого дипломата я писал неоднократно, ссылаясь на солидный труд. (См.: Н.П. Загоскин «Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси», Казань, 1876, с.198).

⁹ См.: А.О. Гербстман «Рассказы о белом слоне», М., Физкультура и спорт, 1959, с.97-99

¹⁰ Е.А. Зноско-Боровский «IV Всероссийский шахматный турнир». Сборник партий, СПб, 1907, с.3.

¹¹ В. Нейштадт «Разговор об истории шахмат» – «Шахматы в СССР», М., 1952, № 12, с.375.

¹² См.: А. Галагай (А.И. Бобров) «Гакраб» – «Шахматные вечера», Альманах журнала «Шахматное обозрение», М., 1901, с.39-46.

¹³ Вернер Зомбарт. «Евреи и их участие в образовании современного хозяйства», СПб, 1910, с.13.

¹⁴ См.: Д.Н. Овсяннико-Куликовский «Психология национальности», Пг., 1922, с.67.

¹⁵ В.И. Биншток «К вопросу об одаренности евреев (некоторые статистические материалы)» в журнале «Вопросы биологии и патологии евреев», Л, 1926, № 4, с. 8.

¹⁶ См. таблицы турниров и матчей в кн. Н.И. Греков «История шахматных состязаний», М.,1937, а так же Dr. P. Feensta Kuiper «Hundert Jahre Schachturniere 1851–1950», Amsterdam, 1964 and Dr. P. Feensta Kuiper «Hundert Jahre Schachweikampfe 1851–1950», Amsterdam, 1967.

¹⁷ См. подробнее: «Шахматное обозрение» М., 1903, № 56-57, с.58-61.

¹⁸ Т.Тильтон «Le Café de La Regence» в журнале «The European Correspondent», 1886. цит. по кн.: Н.И. Греков, «История шахматных состязаний», М., 1935, с.49.

¹⁹ В. Панов. «Михаил Иванович Чигорин, его друзья, соперники, враги», М., 1963, с.59.

²⁰ В.Н. Панов. «Михаил Иванович Чигорин, его друзья, соперники, враги», М., 1963, с.70.

²¹ В.А. Нелидов «Театральная Москва (Сорок лет Московских театров)», Берлин – Рига, 1931, с.26-27.

²² См. подробно в книге: Я.И. Нейштадт «Первый чемпион мира», М., 1971, с.177-178.

²³ Цит. по кн.: Е. Васюков и др. «Михаил Чигорин», М.,1972, с. 203. Обычно на этом цитированье прерывается, вместе с тем любопытен постскриптум Стейница, говорящий о его больших и теплых связях с русскими шахматистами. Вот эта приписка: «P.S. Лучшие пожелания и приветы г-ну Сабурову, князю Кантакузену, д-ру Федорову, Шифферсу и всем любителям шахмат в Петербурге». Ничего «антисоветского» нет, но слишком много высокопоставленных лиц...

²⁴ См: С. Дудаков «Евреи в шахматах», предисловие к книге М. Левидова «Вильгельм Стейниц», серия «Евреи в мировой культуре», № 4, Иерусалим, 1987г., с.24-25. Я попытался заглянуть в происхождение Чигорина. Вот пересказ этого места. Шимон Авраамович Винавер в свое время убедил Стейница помочь Чигорину, вырваться из теней нищеты. Винавер убедил организаторов турниров пригласить неведомого им шахматиста. Винавер познакомил Чигорина со Стейницем (*он был земляком и переводчиком, т.к. русский мастер не знал немецкого языка, как, впрочем, ни одного иностранного языка*), и Чигорин очаровал чемпиона мира. Стейниц сделал все для того, чтобы Чигорин вошел в большой мир шахмат, – все! Я выскажу догадку, которую невозможно проверить, не находясь в России. Чигорин привлек внимание к себе необычностью своей судьбы. И, конечно, об этой необычности знал Винавер, а через него узнал Стейниц.

Что мы знаем о происхождении Чигорина, кроме необычной для русского фамилии? Панов первую главу своей книги так и назвал «Из гуши народной». Нам известно, что дед Чигорина, солдат эпохи Александра I, был определен на Охтенский пороховой завод. Его сын, Иван Иванович, отец шахматиста, поступил на тот же завод в качестве мастера. Не вдаваясь в спекуляцию, укажем, что громадное количество мастеровых на пороховых заводах были кантонисты, в том числе и на Охтенском заводе. Об этих людях написал в свое время интересную статью Аф. Петрищев «Кантонисты особого разряда» (*см. «Еврейская летопись», сб.2, Пг–М, 1923г. Афанасий Борисович Петрищев (1872–1938), публицист и писатель, выслан из СССР в 1922 году.*) Петрищев, кстати, обращает внимание на имена, отчества и фамилии новокрещеных. Он считал, что всегда оставалась «метинка», позволяющая отличить «казенную работу от самородного, коренного русского человечества». Кажется, эта «метинка» осталась не только в имени и отчестве отца (*«Иван Иванович» – удвоение, свойственное имени-отчеству выкрестов*), но и фамилии. К сожалению, в наших руках нет документов, подтверждающих догадку, но фамилия Чигорин – явно странного происхождения. Один из современников так описывает внешность Михаила Ивановича: брюнет, с черными густыми волосами и черной бородой – образ далекий от славянского канона. Кстати, все это видно на многих фотографиях русского чемпиона. См., например, воспоминания, относящиеся к концу 1900 года: «Он был невысокого роста. Знакомое по портретам лицо показалось мне приветливее и симпатичнее, чем на снимках. Черные с проседью волосы, небольшие усы, окладистая борода. Глаза темные, карие, большие, с несколько суровым и грустным выражением». (Ф.И. Дуз-Хотимирский, «Избранные партии», М., 1953, с.8.).

²⁵ См.: «Устав Санкт-Петербургского Шахматного общества», СПб, 1891, тип. А.С. Суворина.

²⁶ См.: Хроника – «Шахматный журнал», 1891, № 6, с.119-120. «Шашечница» сделала перепечатку из киевского журнала «По морю и по суше».

(№19, 1891 г.) «По морю и по суше» – научно-популярный иллюстрированный журнал путешествий, приключений и семейных романов, выходивший в Киеве. Среди издателей-редакторов я с удовольствием нашел имя родственницы великого русского философа Елены Григорьевны Бердяевой, жены старшего брата.

²⁷ Д. И. Саргин «Древность игр в шашки и шахматы», с. XII, прим. 379.

²⁸ М.С. Коган «Очерки по истории шахмат в СССР», М–Л, 1938, примеч. стр. 378.

²⁹ Б.О. Унбегаун «Русские фамилии», М., 1995г.

³⁰ См.: М.С. Коган «Чигоринский Петербург» – Шахматы в СССР, 1937, № 3, с. 91 и № 4, с. 121.

³¹ См.: «Шахматное обозрение», некролог, 1909, № 83-86, с. 271-273.

Там же Шабельский под псевдонимом М.Ш. опубликовал серию статей «О «новом» в шахматном искусстве. «Новая школа и её принципы», где с позиций Чигорина подверг критике воззрения Стейница и его учеников. (См.: «Шахматное обозрение», М., 1903, № 62, 63.). В заключительной части из № 66 за 1903 год /с. 423/ звучат вполне примиренческие ноты, обусловленные закатом творчества Чигорина, а в былые времена... писалось не так: «С нашей точки зрения нет ни старой, ни новой школы. Существует единая шахматная игра, развивающаяся непрерывно по одним и тем же принципам с самого начала теоретических исследований. Господство того стиля, который возведен новой школой в основной принцип игры, представляет явление временное, развившееся под влиянием манеры игры Стейница и некоторых других выдающихся шахматистов. Такое влияние стиля особенно крупных талантов на их современников замечалось и прежде, разница только в том, что Стейниц пытался возвести этот стиль в общий принцип игры, что ему, благодаря его авторитету, практическим успехам и выдающемуся таланту и удалось на время. Нельзя, впрочем, не заметить, что [существование] «нового» стиля никогда не было безусловным. Помимо того, что многие выдающиеся шахматисты не примкнули к новой школе, сами представители её, наиболее рьяные её приверженцы не всегда оставались последователями в проведении на практике всех её правил ведения партий. В самых знаменитых своих партиях и Стейниц, и Ласкер, и Тарраш нередко отступают от этих правил, предпринимают прямые атаки на королевский фланг, забывают о накоплении небольших преимуществ, пускаются в рискованные пожертвования, не боятся сложных комбинаций и т.д. При лучшем желании нельзя усмотреть, чем такие партии отличаются по стилю от партий Андерсена, Цукерторта и др». Довольно тепло о Михаиле Шабельском написано в книге А.Б. Подольского «В поисках шахматной истины» (Киев, 1993, с.8-11) . «Наивный» Аркадий Борисович Подольский выбрал эпиграфом к партии Шабельского цитату из Спинозы... Михаил Иванович Чигорин не знал иностранных языков и, это ограничивало его творчество. Один из благожелательных современников и шахмат-

ных партнеров писал о нем следующее: «Великий русский маэстро являл собой сгусток нервной энергии... Не зная никаких языков, кроме русского, Чигорин многое недобирал в общении с другими маэстро» – Фрэнк Маршалл «50 лет за шахматной доской». (М., 1998, с. 56.). Отметим, что герой-антисемит в пьесе Чехова «Иванов» носит фамилию Шабельский, возможно это неслучайное совпадение: не исключено и личное знакомство нововременца Шабельского с писателем Антоном Чеховым.

³² См.: В. Страхович. «Из воспоминаний о Чигорине (*К годовщине его смерти*)» – «Шахматный листок», Л., 1930, № 3, с.55-56.

³³ Эти слова приводит «Петербуржец», в статье «Маленькая хроника» – «Новое время», 1892, 12/24/ января, № 5701, с. 3. В «Новом времени» под псевдонимом «Петербуржец» мог писать и сам А.С. Суворин. См.: И.Ф. Мяснов «Словарь псевдонимов», М., 1960, т. IV.

³⁴ «Новое время», СПб, 1892, 12(24) янв. № 5701, с.3-4. подпись «Петербуржец».

³⁵ А.А. Смирнов «О шахматной этике» – «Шахматный листок», Л., 1925, № 16, с. 242.

³⁶ Гр. Ге. «Из воспоминаний о М.И. Чигорине» – цит. по кн.: Н.И. Греков «М.И. Чигорин великий русский шахматист», М., 1947, с. 522.

³⁷ В.А. Пяст «Чигорин в начале девятисотых годов» – цит. по кн.: Н.И. Греков «М.И. Чигорин великий русский шахматист», М., 1947, с. 524.

³⁸ Л.А. Велихов «Воспоминания о М.И. Чигорине» в кн.: Н.И. Греков «М.И. Чигорин...» с.511.

³⁹ Ф.Ф. Малкин. «Вся жизнь и семь дней Александра Котова, шахматиста» – в кн.: «Александр Котов», М., 1984, с. 57-58.

⁴⁰ См: Словарь Шахматиста, Л., 1929, с.61-62 и 460.

⁴¹ Harold U. Ribalov «The Jew in american sports», New York,1955, p. 28.

⁴² W. Steinitz «My advertisement to Antistmites in Vienna and Elsewhere», By «A Schacherjude» (Mercenary Jew) or Fn Essay on Capital, Labor, and Charity», New York, 1900. (*«Моя самореклама для антисемитов Вены и других мест, подписанная «Shacherjude» (корыстный еврей)»*), Нью-Йорк, 1900.) Перевод из личного архива автора выполнен Ириной Шварцман.

⁴³ См.: «Эпизод из шахматной истории» (Матч-реванш Ласкер – Стейниц на первенство в мире в Москве. По материалам Л. Бахмана) – «Шахматный листок», М., № 1, 1929, с. 2.

⁴⁴ W. Steinitz «My advertisement to Antistmites in Vienna and Elsewhere», By «A Schacherjude» (Mercenary Jew) or Fn Essay on Capital, Labor, and Charity , New-York, 1900.(*«Моя самореклама для антисемитов Вены и других мест, подписанная «Shacherjude» («корыстный еврей)»*), Нью-Йорк, 1900. Уместно здесь добавить, что высылка евреев из Москвы пришлась как раз на 400-летие изгнания евреев из Испании: 14 июля 1892 года, день в день! В 1894 году на международном конгрессе медиков в Риме, председатель русского комитета знаменитый профессор Н.В. Склифосовский, получив предвари-

тельно согласие русского правительства, пригласил иностранных ученых на следующий конгресс в Москву. Но не тут-то было: высочайший педераст Сергей Александрович – взбунтовался: жидов он не пустит в первопрестольную. Склифосовский впал в панику: конгресс без Чезаре Ломброзе, Иммануила Менделя, Оскара Минковского, Пауля Эрлиха и многих других был немислим. Кроме того, председатель Германского организационного совета великий ученый Рудольф Вирхов требовал полного равноправия пребывания ученых-евреев в Москве: великий князь торговался и согласен был лишь две недели терпеть «иудейское племя». Но как-бы не так: Вирхов и другие потенциальные участники съезда не уступали: высочайший идиот, наконец, сдался. И не постеснялся открыть конгресс, состоявшийся в августе 1897 года. Как он терпел несколько месяцев двух евреев – чемпионов мира по шахматам – подернуто мраком неизвестности. Но Стейниц метил не только в царское правительство, безжалостно изгонявших своих подданных, но и в австрийских антисемитов. В это время бургомистром Вены был воинствующий юдофоб Карл Люегер, оказавший сильное влияние на молодого Гитлера. О высылке евреев см.: С.С. Вермель «Евреи в Москве», М., Юнгвалд № 10, приложение к журналу «Советиш геймланд», № 10, 1991, с.57-90.

⁴⁵ М.О. Меньшиков «Игра царей» – в кн.: «Письма к ближним», СПб., 1910. с.139-144.

⁴⁶ См. подробнее о конфликте: П.А. Романовский «Всероссийские турниры» – «Шахматы в СССР», М., 1956, № 2, с.55-57.

⁴⁷ См.: А.П. Чехов ПСС. Письма. Т. 9, М., 1980, с.363.

⁴⁸ См.: Я.Л. Тейтель «Из моей жизни. За сорок лет», Париж, 1925, с.81-83.

⁴⁹ См.: А.Е.Кауфман «За много лет. Отрывки воспоминаний старого журналиста» – Еврейская Старина, т. VI СПб, 1913, с.334.

⁵⁰ По сведениям, сообщаемым Ф.И.Дуз-Хотимирским, талант Рубинштейна открыл инженер Борташевич. «Общество любителей шахматной игры» в Лодзи возглавлял брат известного гроссмейстера Хаим Яновский. См.: Ф.И.Дуз-Хотимирский «Избранные партии», М., 1953, с.16, с.29.

⁵¹ М.О. Меньшиков «Письма к ближним», СПб, 1910., с.139-145.

⁵² [Lasker Em.] цит. по «Wiener Schachzeitung» Nov.–Dez, 1911, №21–24, с.333-335, перевод с немецкого Ирины Шварцман из личного архива автора. С.Д.

⁵³ С.Г. Тартаковер «Встреча с гигантами» – «64», № 14, 1983, примечание с.14.

⁵⁴ Е.А. Зноско-Боровский «Евреи в шахматах» – Рассвет, Париж, №№ 40-41, 1930 г. Евгений Александрович давно интересовался проблемой национальностей в шахматах. Так, в 1923 году он опубликовал статью «Нация и шахматы», в которой с удивлением отмечал бесплодие английских шахматистов наравне с широким распространением шахмат в стране и организацией первых международных турниров и международных шахматных организаций. См.: «Нация и шахматы» – «Шахматный листок», Орган петроградского шахматного собрания, Пг., 1923, № 11-12, с. 43-44.

⁵⁵ См. в кн.: М.Юдович «История одного спора» – Бюллетень «На первенство мира», М., №4 и № 5 за 1957г.

⁵⁶ М. Левидов «Стейниц – Ласкер», М., 1936, с.223.

⁵⁷ М. Меньшиков «Бой титанов на клетчатом поле» – Новое время, СПб, № 13677, 11/24/ апреля 1914.

⁵⁸ М. Меньшиков «Письма к ближним» – Новое время, СПб, №13707, 1914. Михаил Осипович был не единственным в правом лагере, «переживавшим» поражение «арийца». Так в шахматном приложении к черносотенному изданию мы можем прочитать в статье А.Е.Прика по поводу «непристойных» аплодисментов в честь победителя, нарушивших «закон гостеприимства»: «Изявляя свой восторг и выражая свои симпатии Ласкеру, они, вероятно, не подумали, что этими знаками одобрения они выражают вместе с тем и радость по поводу поражения Капабланки». (См.: А.Е. Прик «Шахматы» – «Прямой путь», СПб, Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, №5, с.13) В следующем номере «Прямого пути» Прик ругает Эм. Ласкера за некорректность и считает, что, несмотря на проигрыш Ласкеру, Капабланка сильней чемпион мира. Снова «скрежет зубовный». Будет справедливо добавить, что шахматное приложение в этом «непристойном» журнале было одним из лучших в дореволюционной России. Два слова об Адольфе Еремеевиче Прике (1858 – после 1914). Не исключено, что он крещеный еврей. Родился в Одессе, в 1883 году окончил Военно-Медицинскую Академию. Активный сотрудник шахматных журналов. Организовал и был первым председателем Владивостокского общества шахматных любителей. Составил шахматное руководство, одобренное М.И. Чигориным. Вышло в 1910 году.

⁵⁹ Эм. Ласкер «Мой матч с Капабланкой», русский перевод, Л., 1925, с.13.

⁶⁰ А.Н. Кобленц «Воспоминания шахматиста», М., 1986, с.77.

⁶¹ Н.А. Луначарская-Розенель «Память сердца», М., 1975, с.170. Уместно здесь привести мысли А.В.Луначарского о шахматах в связи с карточной игрой: «Можно ли назвать искусством игру в карты и шахматы? Я думаю, что искусную игру в карты можно отнести только к самому низкому, маленькому, ничтожному роду искусства, потому что карты есть поверхностное отражение суррогат жизни, отражение того, как люди борются между собой, иногда имея союзников-партнеров; в картах важна fortuna, счастье; это имеет значение. Искусство игры сводится к тому, чтобы использовать как следует такого рода удачу, но как бы Вы искусно не играли, если Вам не будет везти, то Вы проиграете. Игрок находится в зависимости от случайных явлений... это [карты] развращающая игра. Она воспроизводит неорганизованную жизнь буржуазного общества, где постоянно происходит борьба между людьми и человек зависит от судьбы... Шахматы – это, так сказать, борьба на равных началах. Здесь везти или не везти не может. Вы имеете такие же шансы, как и ваш противник. Путем комбинаций, расположения фигур дается возможность бесконечно разнообразного маневрирования, и это причаает человека быть хозяином самому себе, относиться к другому как

серьезному и равному противнику. Эта игра развивает изобретательность, известную подчиненность определенным нормам, без которых нельзя выйти победителем. Это воспитательная игра, чрезвычайно полезная. Когда Вы в этой игре достигаете большого искусства, то это есть настоящее искусство. Так что шахматную игру надо отнести к известному рода искусству...»/ «Луначарский о шахматах» – Шахматы в СССР, М., 1963, №5, с.22./

Публикация осуществлена Е. Динерштейном, обнаружившим в архиве Луначарского письмо – запрос любителя к наркому просвещения по поводу шахмат. Письмо должно было войти в сборник «Современные писатели и поэты о шахматах». Идея не была осуществлена. Дело относилось к 1925 году. О шахматах Луначарский высказался в 1928 году в одном из своих выступлений.

⁶² См.: «Шахматный листок», Л., 1930, №7, с.124. Спустя более 40 лет за бестактность «извинился» мастер В. Панов: «Ласкер был игроком в лучшем смысле слова, человеком, который, может быть, впервые подошел к понятию «Игра» с научных, философских понятий...Для Ласкера игра в карты была прежде всего своеобразной тренировкой мозга». (В. Панов «Шахматист, борец, мыслитель» – «64», 1968, №21, с.4) Надо отдать должное Панову, написавшему интересное эссе об Эм. Ласкере.

⁶³ М. Меньшиков «Письма к ближним», – Новое время, СПб, №13707, 1914. Хьюстон Стюарт Чемберлен/1855–1927/ английский философ, автор книги «Основы XIX века», где отстаивал расистские идеи, в будущем взятые на вооружение нацистами. Женатый на дочери композитора Вагнера, он стал не только антисемитом, но и предателем своей родины, публикуя во время I Мировой войны антибританские статьи в германской прессе.

⁶⁴ Вольфганг Краус «В роли предтечи. Австрийская культура в силовом поле европейских культурных течений» – «Иностранная литература», М., №2, 1991, с.234.

⁶⁵ См. Н.Н. Ходотов «Близкое – далекое», М.–Л., 1962, с.219-220.

⁶⁶ См. Н.Н. Ходотов... с.28, 273, 312.

⁶⁷ Номункулус (Д.И. Заславский) «Равноправие на доске» – «День», СПб, от 14.IV.1914.

⁶⁸ См.: «Словарь шахматиста», М.,1929, с.382. Небезынтересно и то, что Сабуровы, потомки Евреиновых, крестившихся еще в XVII веке, были очень талантливы. Сабуров А.А. (1838–1916) либерал, министр народного просвещения при Лорисе-Меликове, сенатор, член Государственного совета. Исправлял глупости своего предшественника графа Д.А. Толстого. Его двоюродный брат Петр Александрович (1835–1917) также член Государственного совета, посол в Берлине, известный археолог и собиратель древностей. Благодаря связям устроил турнир в СПб в 1909 и 1914., с трудом получал разрешение на въезд евреев-шахматистов. Сын Петр Петрович Сабуров. Организатор и председатель СПб. шахматного собрания, а затем председатель Всероссийского шахматного общества, играл в международном турнире в Остенде с рекордным результатом 0 из 7!. Его с большой теплотой вспоминает

Ф. Богатырчук. Застигнутые I Мировой войной, русские шахматисты оказались в ужасном положении. И им помог «всезнающий, всемогущий и вседобрейший Сабуров». Унес ноги от лап «Чеки» и умер в Швейцарии. Но был у министра народного просвещения А.А. Сабурова неприятный инцидент с евреем в университете. Студент Коган-Бернштейн нанес оскорбление министру народного просвещения Сабурову во время университетского акта. Д.И. Менделеев разразился по этому поводу на своей лекции, следующей филиппикой: «Будучи студентом, я и мои товарищи посещали часто галерку Александринского театра, где занимали всегда одни и те же места. Но вот мы стали чувствовать около себя на галерке дурной запах. Оказалось, что к нам присоседился студент по фамилии Коган. Коганы всегда распространяют вокруг себя дурные запахи»... Какое впечатление должен был произвести этот монолог знаменитого ученого на студентов-евреев, нетрудно себе представить». (А.Е. Кауфман «За много лет» – Еврейская старина, т. VI, 1913, СПб, с.214) В редакции «Русского еврея», где был рассказан этот эпизод, больше всех возмущался профессор Николай Игнатьевич, он же Ноах Исаакович Бакст/1842–1904/: «И вот что возмутительно, – волновался по этому поводу Бакст: ведь сведущие люди уверяют, что Менделеев соплеменник Коганов, что его предок – быть может, Мендельсон – попал в Сибирь, а сам он родился, как известно, в Иркутске!...Отчего бы ...не попытаться.. запросить по этому поводу иркутского раввина? Пусть бы порылся в старых метрических книгах. Нелишне поскоблить наших жидоморов, в жилах которых течет еврейская кровь»... (А.Е. Кауфман «За много лет»... с.333.)

⁶⁹ П.А. Романовский «Некоторые творческие тенденции современности («Технический» уклон)» – газета "64", М., 1937, №№13,15 и 19.

⁷⁰ П.А. Романовский «Избранные партии», М., 1954, с.38.

⁷¹ П.А. Романовский «Избранные партии», М., 1954, с.38-39.

⁷² см.: А.Котов «Шахматное наследие А.А. Алехина», М., 1958, гл. III, с.131-215.

⁷³ Михаил Ботвинник «К достижению цели», М., 1978, с.49.

⁷⁴ Зигберт Тарраш «Шахматы как снотворное средство». – См.: «Шахматы в СССР», 1934, № 3, с.57. – С.В – «Д-р Зигберт Тарраш (1862–1934), некролог».

⁷⁵ М. Ботвинник «Одиннадцатое первенство СССР», М.–Л., 1939, с.21-22.

⁷⁶ С.М. Флор «Еще о творческих тенденциях современности. (Ответ на статью П.А. Романовского)» – цит. по кн.: «Гроссмейстер Флор» М., 1985, с.169-171.

⁷⁷ «Гроссмейстер Флор», М., 1985, с.97.

⁷⁸ «Первенство Ленинграда 1932 года», Л.–М., 1932, с. 9-10.

⁷⁹ П.А. Романовский «Избранные партии», М., 1954., с.31.

⁸⁰ «Шахматы в СССР», М., 1938, №1, с.7-8.

⁸¹ С.Г. Тартаковер «Русские диоскуры» – в кн.: С.Г. Тартаковер «Ультрасовременная партия», ч.1, М.–Л., 1926, с. 30.

⁸² См. о Боголюбове – А. Алехин «Капабланка и Киссингенский турнир 1928 г.» – «Шахматы», М., 1929, с12-13.

⁸³ М. Ботвинник «К достижению цели», М., 1978, с. 66.

⁸⁴ Я.Г. Рохлин «Михаил Ботвинник. Шахматист, общественник, ученый» – Шахматы в СССР, М., 1939, № 3, с. 85.

⁸⁵ Цит. по кн.: А. Алехин «Ноттингем. 1936», М., 1962. С. Флор. После-словие к русскому изданию, с. 232.

⁸⁶ «64» – «Ноттингемский международный шахматный турнир», М., 1936, № 4, с.6.

⁸⁷ Это было в турнире претендентов в Швейцарии в 1953 году, о чем рассказано в книге Д.И. Бронштейна «Международный турнир гроссмейстеров. Нейгаузен – Цюрих». (М., 1956, с.319–320). И еще. Ефим Дмитриевич Боголюбов родился в Киеве в семье священника и готовился к семейной профессии. Его отец был человек пишущий. Он сотрудничал в религиозных изданиях. В одном из них я обнаружил замечательную статью о жидовствующих или субботниках, т.е. тех, которые чтут день субботний. (См.: Д. Боголюбов «Тамбовские жидовствующие» – Миссионерское обозрение. Противосектантский журнал», май, 1898, Киев, с.797-801). «Не нравятся православным... богослужение жидовствующих. Оно отталкивает их гугнвостью своего пения и этими шапками, в коих сектанты читают Слово Божие... живут себе, как попало, – по влечению своего сердца».

И, что называется, свое мнение: мне Ефим Дмитриевич симпатичен. Вот характеристика, данная ему его младшим современником и «соотечественником»: «Боголюбов принадлежит к избранным представителям шахматного духа... Он находится в первом ряду звезд той выдающейся эпохи... Его имя будут помнить, а его партиями будут восхищаться, пока существует шахматная доска и фигуры... Подобно своим собратьям по духу, когда он был в «ударе», он был способен на многое... Боголюбов отличался безответственностью, беззаботностью, благосклонностью, наивно верил в свои возможности, при этом сравнивали его с Чигориным, всегда убежденного в своей победе. Такими были – Цукерторт, Яновский, Маршалл. Нехватало ему упорства и фанатизма, что имелось в достатке у Алехина и он часто проигрывал более слабым участникам. Из-за своего шаткого финансового положения, Боголюбов никогда не отказывался участвовать в турнирах. Делал это беспрерывно, что сказывалось на его форме. Боголюбов был объективен в анализе, в анализе своих партий – даже беспощаден к себе. Боголюбов не был деловым человеком (*Geschäftsmann – просто «гешефтёром»*). – С.Д.). В шахматах он был идеалистом, несмотря на свое честолюбие. Боголюбов был физически сильным человеком, но постоянная погоня за заработком подорвала его здоровье, и это стало трагедией его жизни – он не достиг вершины...». (*Alfred Brincmann «Grossmeister Bogoljbov», Berlin, 1953, p.1-2*). С этой характеристикой я вполне согласен, кроме одного: Боголюбов, в отличие от Рубинштейна и Нимцовича, был все-таки более «гешефтёром», сумев устро-

ить два матча с чемпионом мира, а так ... все правда. После войны Боголюбов должен был, как член нацистской партии пройти денацификацию – ему не давали играть в турнирах.

Рассказывают такой анекдот. Время действия 1947 год. В каком-то кафе сидит грустный гроссмейстер с друзьями и попивает пиво. Один из них спрашивает:

– Бого (*так его прозывали немцы – С.Д.*), ты прошел денацификацию?

– Что это такое?

– А это, когда два порядочных и незапятнаных человека подтвердят, что ты не был нацистом. У тебя есть такие знакомые

– Да, есть: д-р Франк и д-р Кох... Печальный анекдот.

Федор Богатырчук писал о своем друге: «Гитлера он не любил из-за преследований евреев, среди которых у него было много друзей по шахматам. Он открыто возмущался несправедливостью обвинений, брошенных огульно всем евреям в вышеуказанной статье Алёхина» (*Ф.П. Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с. 232*).

⁸⁸ См. подроб. в кн.: М.С. Коган «История шахматной игры в России», Л., 1927, с. 138.

⁸⁹ П. Романовский «Миттельшпиль. План.», М., 1959, с. 77. К месту сказать, что Романовский возненавидел нацизм еще в осажденном Ленинграде. Его полумертвого с трудом вывезли по Ладоге, но он потерял всю свою семью. 31 января 1942 года на первой странице чистой тетрадки запись: «**6 января 1942 г. умерла Ася – 56 лет, 10 января – Светлана – 17 лет, 14 января – Аня – золотко моё! – 6 лет, 22 января – Рогнеда – 15 лет, 26 января – Кира – 18 лет. Зачем мне жить ...** (*В.Романовский «Он был ленинградцем» - Шахматы в СССР, 1988, №3, с.14*) Мне, пережившему блокаду, страшно читать эти строки. Но он, подобно Иову воскрес и создал новую семью. Да будет благословенна память Петра Арсеньевича.

⁹⁰ П.А. Романовский «Первый чемпион мира», «Шахматы в СССР», М., №7, 1956, с. 216. см. также: Я.И. Нейштадт «Шахматы до Стейница», М., 1961.

⁹¹ Эдуард Уинтер «Александр Алехин» – Шахматный вестник, №9, 1992, с.36-38.

⁹² Von Weltmeister Dr. Aljechin «Arisches und judisches Schach» (*«Арийские и еврейские шахматы»*) – «Pariser Zeitung», 18, 19, 20, 21, 22, 23 Marz, 1941. Я пользовался этим изданием, хранящемся в музее «Яд-Вашем» в Иерусалиме. Для удобства читателей перевод дан по российской публикации. Парижская статья затем была перепечатана и другими нацистскими изданиями («*Deutsche Schachezeitung*» и «*Deutsche Zeitung in den Niederland.*») Русский перевод, опубликованный в журнале «64» Шахматное обозрение, М., №18/19, сентябрь, октябрь 1991 года, почему-то поменял в названии арийцев и евреев местами и назывался «Еврейские и арийские шахматы».

⁹³ См. подробнее: С.В. «Фашистский кулак и шахматная тренировка» – «Шахматы в СССР», Л., 1935, №11 с.213.

⁹⁴ См.: В.И. Нейштадт «Разговор об истории шахмат» – «Шахматы в СССР», М., 1952, № 12, примечание с. 375.

⁹⁵ Ludek Pachman «Decisive games in chess history», New-York, 1987, p.114.

⁹⁶ Лев Любимов. «На чужбине», М., 1963, с. 178. Воспоминания Любимова интересны тем, что он был личным другом чемпиона мира и был с ним «на ты». «Шахматный король» был постоянно неудовлетворен своей судьбой. Окажется, по словам Алехина, целью его жизни была не победа над Капабланкой. Он считал себя не только первым шахматистом мира, на что имел все права, «но и вообще человеком громадного всеобъемлющего ума, которому, естественно, подобает возвышаться над прочими смертными». Перебравшись во Францию, он считал для себя возможным сделать государственную карьеру, «стать каким-то дипломатическим «спецом», закулисно вершить международные дела». Эта была наивность – Франция, как и любая другая страна «чужаков» не любит. «Алехин томился, завидовал, вызывал у близких даже беспокойство частыми ссылками на ... Наполеона, которому, мол, не в пример «некоторым», сами события подготовили путь к славе». Некоторое время Алехин хотел переехать в Америку, но затем произошел срыв: он стал пить. Чем и объясняется проигрыш матча Эйве. Но и сила воли была огромная – сумел взять себя в руки, прекратил пить и отыграл чемпионский титул. Вот описание облика Александра Алехина: «Коренастый, с короткой шеей, Алехин производил впечатление сильного, волевого человека. Он умел говорить умно, с весом, но в речи его всегда проскальзывало невольное раздражение. Вдохновлялся по-настоящему, когда говорил о шахматах, причем, если собеседник был иностранец, всегда подчеркивал, что самая высокая шахматная культура в Советском Союзе». О годах войны Любимов умалчивает, лишь кратко сообщая, что Алехин обосновался в Португалии, где и окончил свои дни. Ясно, что это сделано в угоду советской цензуре. Любимов сравнивает образ героя романа В. Сирина (В. Набокова) «Защита Лужина» с жизнью Алехина. «... Шахматы были безжалостны, они держали и втягивали себя. В этом был ужас, но в этом была и единственная гармония, ибо что есть в мире, кроме шахмат? Туман, неизвестность, небытие...». Но в отличие от Лужина, Алехин кроме шахматной жизни знал и иную. Алехин более богатая личность, чем герой романа: он хотел взять от жизни как можно больше во всех областях. Лев Дмитриевич Любимов (1902–1976) интересный писатель. Ему принадлежит блестящий исторический труд о старце «Федоре Кузьмиче», предполагаемом перерождении императора Александра I.

⁹⁷ Из письма Алехина организатору лондонского международного турнира: «Я не удивился, узнав о протесте Эйве против моего приглашения в турнир. Меня удивило бы обратное. Среди многих чудовищных высказываний в приписываемых мне статьях... были особенно оскорбительные для членов организационного комитета матча Алехин – Эйве 1937 г... Эйве вообще был так убежден в моей «влиятельности» у нацистов, что написал мне два письма, в которых просил меня предпринять шаги, чтобы облегчить судьбу бед-

ного Ландау и моего друга Оскама...» (цит. по кн.: В.Панов «300 избранных партий Алехина», с.42-43). Небольшая справка, опубликованная в СССР в конце 1945 года:

«ГОЛЛАНДИЯ».

«Получены сведения о некоторых голландских шахматистах. Эйве и Кмох живы. Уцелели также Принс, Котливер, ван ден Бош.

Доктор Оскам (переводчик книги А.О. Гербстмана «Современный этюд») находился в течение двух лет в концентрационном лагере и был близок к гибели. Он, однако, выжил, и сейчас его разрушенное здоровье несколько восстановилось.

Немцы в период оккупации увезли из Голландии 100.000 евреев; из них вернулось обратно только 5.000. Известный голландский мастер Ландау был схвачен немцами в 1942 г. и увезен вместе с женой и четырехлетним ребенком. О нем были сведения в 1943 г., но в настоящее время выяснилось, что он погиб...»

Чуть ниже следующее сообщение:

«По сообщению «Чэс Ривью», Акиба Рубинштейн жив. Все годы германской оккупации он прожил в Брюсселе, болея и сильно нуждаясь. ... Ему в настоящее время 63 года. Рубинштейна и его жену приютил у себя его знакомый бельгийский художник». («Шахматы в СССР», № 8, декабрь 1945, с.255)

Убийство 95.000 тысяч голландских евреев – статистика. За каждым убитым или уцелевшим есть имя и фамилия. Трепетная жизнь индивидуума собирается институтом «Яд Вашем» в Иерусалиме.

Но вот две судьбы: «друг» Алехина мастер Gerard Оскам (1880–1952), как видите недолго переживший войну. И Salo Ландау(1903–1943?), близкий знакомый Алехина, сильный международный мастер, бескорыстный секундант Алехина в матче с Эйве, сгинул в немецком лагере вместе с семьей. Правда, бедный Ландау был обруган в его статье: оказывается его (*Алехина*) уговорили взять Ландау секундантом, а в решающий момент матча с Эйве Ландау сбежал... Но ведь Александр Алехин был не только другом Оскама и другом Давида Пшепорки (*как он утверждает в письме к редактору «Чесс» Вуду в декабре 1945 года*), но и другом страстного шахматного любителя генерал-губернатора Польши Ганса Франка. У бывшего юриста (*так сказать, «коллеги» Алехина по образованию*) был личный рекорд правосудия: к декабрю 1942 года он уничтожил 85% польских евреев. Мог бы обратиться к нему Александр Александрович с просьбой во время дружеской партии спасти несколько своих личных друзей и к тому же шахматистов. Это не фантазия Саввы Дудакова. Так, например, наци-2 – Герман Геринг спас летчиков-евреев Мильха и Лютера, а также еврейскую семью Баллен, давшую ему прикрытие в далеком 1923 году, и, по просьбе Ольги Чеховой, еврейского банкира Штейна! Ольга Чехова этот феномен, вспыхнувшей гуманности объясняет следующим образом: «Что стоит для людей, которые упрятывают в лагеря тысячи невинных, вдруг сжалиться над одним – единственным из них? Означает ли это, что в каком-то уголке их сознания все-таки живут ощущения вины, и они стараются отделаться одним доб-

ром делом. (См.: *Ольга Чехова «Мои часы идут иначе», М., 1998, с.169*). Алехин даже не думал об этом. А какой—то безымянный бельгийский художник спас жизнь личного врага Алехина (*по его же словам*) Акибу Рубинштейна. И не побоялся... Дважды в жизни Алехину пришлось оправдываться: после Гражданской войны и после II Мировой, и всё по-поводу убитых евреев... Но Алехин написал донос и на нееврея мастера Ганса Кмоха, правда «ожидовленного» — тот был женат на еврейке. (*Труда Кмох, журналистка, сотрудничала и в советской прессе.*) Видите ли, во время матча с Эйве он был техническим руководителем и, естественно, Кмох был необъективен. Небольшая справка — Ганс Кмох (1894—1973), международный мастер и арбитр. По профессии журналист, художник и «служащий одного из городских учреждений» (*С.Тартаковер*). Победитель международного Дебреченского турнира (1925). Играл за команду Австрии в трех олимпиадах. В 30-е годы переехал в Голландию. После войны жил в США. Кмох уцелел и уцелела его жена Труда: в 1952 году она была корреспонденткой д-ра Ханаака, автора книги о Ласкере.

Мы мало что знаем о голландском мастере Mr. Gerard C.A. Oskam. По профессии он был адвокатом. В голландском шахматном мире он был весьма популярен. У Ботвинника есть краткое упоминание Оскама, принесшего ему, голодному, несколько свежих, а главное, кошерных пирожков. Посоветовавшись с женой, Михаил Моисеевич отдал пирожки Самуилу Решевскому, вечно недоедавшему из-за отсутствия кошерной пищи. Дело было во времена АВРО-турнира 1938 года. (*М. Ботвинник. «Портреты», М., 2000 г., с.84.*)

⁹⁸ С.Г. Тартаковер «Встреча с гигантами. Из шахматных воспоминаний» — Новоселье, Нью-Йорк, № 42-44, 1950, с.181.

⁹⁹ Р. Рети «Современный учебник шахматной игры», 3-е издание, М., 1981, с.166. (*Разрядка самого Рети. — С.Д.*)

¹⁰⁰ см. И. Бунин «Письмо в редакцию газеты «Последние новости» — Собр. соч., т. 9., М., 1967, с. 332-334.

¹⁰¹ А. Алехин «На пути к высшим шахматным достижениям», М., 1991, с.87. В Дрездене произошел анекдотичный случай с Нимцовичем. Он получил не только первый приз за результат, но и приз за красивейшую партию (*П. Ионер — Нимцович, партия на блокаду*) — 5000 сигарет. Меценат был владельцем табачной фабрики. Нимцович был некурящий человек и не выносил табачного дыма. Вышел конфуз, но как он завершился мне неизвестно... Спустя короткое время после Дрездена в Берлине 23 апреля 1926 года была проведена аттракция: Алехин и Нимцович давали сеанс одновременной игры на 25 досках, при чем каждый участник играл две партии: против Алехина и Нимцовича. Сеанс окончился «победой» Нимцовича, который за четыре часа выиграл со счетом +18, = 7 против алехинского симультана: тот за пять часов добился «лишь» результата +17, - 4, = 4!. Но не за это публичное «посрамление» обиделся Алехин, а за то, что после дрезденской победы «Арнольд» Нимцович с полным основанием послал вызов Капабланке. Правда, увы, платонический вызов. Не было у «Еврея» Нимцовича жидовской жилки.

¹⁰² «Алехин о Карлсбадском турнире» – «Шахматы», М, 1929, № 9, с.163.

¹⁰³ См. подробнее: Ф.И. Дуз-Хотимирский «Избранные партии», М., 1953, с. 22, 40.

¹⁰⁴ А.А. Смирнов «О шахматной этике» – «Шахматный листок», Л., 1925, №16, с. 242.

¹⁰⁵ Пикантность данному обстоятельству придает следующий исторический экскурс. Еще до революции вышла небольшая брошюра по истории шахматной игры, которая, несомненно, была знакома Алехину. В этом научном издании, автор которой, кстати, русский, утверждал, что славяне ознакомились с игрой при помощи волжско-каспийского пути. Он делал упор, что работорговля славян способствовала этому. Читаем черным по белому: «Кроме торговли, в вопросе о непосредственности заимствования, (*в том числе и шахмат.* – С.Д.), следует принять во внимание и рабство... Есть очень давние и многочисленные сведения о рабах – славянах, славяне встречались везде – в Хорассане, в Византии, в Италии, видимо, издревле славилась, как хорошие рабы и были для торговцев желанным товаром. В Испании из них были образованы целые колонии, своего рода товарные склады. Ибн-Хаукал (IX в.), а также Мукаддаси (X в.) и Ар-Раккин свидетельствуют, что славяне-евнухи представляют собою испанский товар, торговлю им вели евреи. Но и сами славяне не пренебрегали торговлей...» Оборвем цитату – далее идет развернутое подтверждение массовости рабов-славян. Да, есть, что-то обидное в суждении этого историка. Кажется, Алехин запомнил, но к Нимцовичу это не имело никакого отношения... см. Савенков И.Т. (*Иван Тимофеевич*) «К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк», (М., 1905 г., с.109-111) Алехин был образованным человеком и, конечно, знал стихи Максимилиана Волошина, где разыграна словесная игра о славянах. Если бы Алехин вспомнил мощные пророческие строфы коктебельского отшельника, то он вряд ли бы участвовал в грязной нацисткой пропаганде, ибо в этих строфах – всё было; футурология в данном случае проста: счетный шахматист, которым был чемпион мира, легко нашел бы ответ:

*«Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его – всемирное служенье.
Двойным путем ведет его судьба –
Она и в имени его двуглава:
Пусть *sclavus* – раб, но Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Всё, что живет, и всё, что будет жить:*

*России нет – она себя сожгла,
Но Славия воссветится из непла!»* (20 мая 1918 г. Коктебель)

И ещё:

*«Помню квадратные спины и плечи
Грузных немецких солдат.
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят».* (28 мая 1919 г. Коктебель)

Видел ли Александр Александрович кинохронику, запечатлевшую водружение красного флага над рейхстагом? Видел, конечно...

¹⁰⁶ А. Нимцович «К истории шахматной революции. 1911-1914 годов» – цит. по А. Нимцович «Моя система», М., 1984, с.538.

¹⁰⁷ Н.И. Греков «М.И. Чигорин. Его жизнь и творчество», М., 1939, с.214, 357.

¹⁰⁸ М.С. Эвенсон «Чигорин на Киевском турнире 1903 г.» – в кн.: Н.Н. Греков «М.И. Чигорин великий русский шахматист», М., 1949, с.530-531. М.С. Эвенсон – отец расстрелянного белогвардейцами мастера А.М. Эвенсона, о котором речь ниже. Так высоко А. Андерсен высказался о Стейнице, после блестящей победы венца над А. Монгрעדеном, где идет каскад красивых жертв. см.: «A memogial to Wiiliam Steinitz», New-York, 1900, p.4.

¹⁰⁹ Цит. по кн.: А.А.Алехин. «Ноттингем», 1936., М., 1962. с.236-237.

¹¹⁰ А.А. Алехин «Международные шахматные турниры в Нью-Йорке 1924-1927», М., 1989, с.102.

¹¹¹ См.: Анатолий Иванов, программист, кандидат в мастера «Михаил Ботвинник в зеркале статистики. Субъективные заметки» – Шахматный вестник, М., 1991, № 9, с. 6-7.

¹¹² «Шахматное обозрение», М., 1903, № 66, с.458-459.

¹¹³ «Die Kultur in Gefahr», Berlin.,1928.p.55. («Культура в опасности»)

¹¹⁴ См. подробно блестящую статью С.А. Рейсера «Русский Бог» – Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка, 1961, том XX, вып.1, январь-февраль, с.64-69.

¹¹⁵ См.: И.С. Тургенев ПСС. т.XIV и т. VIII.(Письма, С. 537)

¹¹⁶ В.Я. Пяст «Чигорин в начале девятисотых годов» – цит. по кн.: Н.Н. Греков «М.И. Чигорин. Великий русский шахматист», М., 1949, с. 523.

¹¹⁷ А.А. Алехин «На путях к высшим шахматным достижениям» Статьи, партии, комментарии, М., 1989, с. 281.

¹¹⁸ Цит. по кн.: С.Б. Воронков, Д.Г. Плисецкий «Давид Яновский», М., 1987, с. 402. Сам рассказ заимствован из книги воспоминаний чешского мастера Карела Опоченского.

¹¹⁹ См.: Фрэнк Маршалл «50 лет за шахматной доской», М., 1998, с.11.

¹²⁰ См.: заметка в «Шахматный Листок», М–Л., 1927, №23, с.375.

¹²¹ См.: Еврейская энциклопедия, Спб., 1908-1912, т.XV, стлб. 922; см. также «The Jewish Encyclopedia», London, 1909-1912, v.IV, p.19; О еврейском происхождении Шлехтера: см. также: «Chess» – «Encyclopedia Judaica», Jerusalem, 1973, v.5, p.405.

¹²² См.: П.А. Романовский «Из встреч с Алехиным. (К десятилетию со дня смерти)» – «Шахматы в СССР», М., 1956, № 3, с. 88.

¹²³ Имена последних не канули в Лету. Д-р Артур Кауфманн (1872–?) родился в Яссах, но жил в Вене. Мастер средней руки (хотя в одной из книг его называют «сильным венским мастером»), не профессионал. Играл редко, но имел определенный успех. В венском рождественском турнире 1897-1898 г.г. занял второе место после Г. Марко, но впереди К. Шлехтера и своего «диоскура» Фендриха, который был на последнем десятом месте. В Шестом Требич-турнире в январе-феврале 1915 году был вторым после Шлехтера, но впереди Рети, Шпильмана, Альбина, Крейчика. В VII Требич-турнире в том же 1915 году, в декабре месяце, он был третьим, позади Шлехтера и Рети, но впереди Марко. В Вене 1917 года он был третьим – позади Шлехтера и Видмара. От первого призера отстал на очко, от второго на пол-очка. Еще более удивительные результаты д-р Кауфманн показал в матчах. Так, на заре туманной юности, в 1893 году он сыграл вничью с Г. Марко – 5:5, без ничьих, а в 1915 году выиграл у глашатаю новых идей Р. Рети со счетом +4, –1, =1; а в 1916 у гипермодерниста С. Тартаковера со счетом +2, –0, =2! Других матчей он не играл. Гуго Фендрих (Fendrich, 1851–1930), был любителем средней руки, хотя некролог в «Шахматном вестнике» (1930, №17-18, с.275), говорит о престарелом венском мастере, скончавшимся на 79 году своей жизни. И.Э. Крейчик пишет о нем, что в венском шахматном клубе Фендрих находился в окружении старых игроков – Альберта Ротшильда, И. Мейтнера и Б. Флейсига. (И. Крейчик «Примерные и шаловливые дети шахматной музыки», М., 1926, с.35-35). В свою очередь Фендрих дружественно относился к русским шахматистам. Будучи распределителем Венского гамбитного турнира 1903 года, после блестящей победы Чигорина над Г. Мароци, Фендрих подошел к М.И. Чигорину, крепко пожал руку и поздравил с победой: «Поздравляю, г. Чигорин. Ваша сегодняшняя партия самая красивая из всех до сих пор сыгранных!». (Н.Н. Греков «М.И.Чигорин. Великий русский шахматист», М., 1949, с.365-366) Оба венских шахматиста получили мировую известность отнюдь не из-за пресловутой статьи Алехина, а тем, что сыграли в 1914 году консультационную партию с Капабланкой и Рети. И сия, проигранная ими партия, помещается до сих пор в книгах Ласкера, Капабланки, Рети и в других учебниках! Надо знать, кому и как проигрывать... С другой стороны – Я.И. Нейштадт приводит красивую миниатюру, выигранную Фендрихом у Стейница.

¹²⁴ «Шахматное обозрение», М., 1902, № 55, с.20. К.М. Манакин, уже с генеральскими погонами фигурирует на фотографиях Петербургского турнира памяти М.И. Чигорина. Он внимательно следит за игрой Рубинштейна и Ласкера.

¹²⁵ Ф.И. Дуз-Хотимирский «Избранные партии», М., 1953, с.29.

¹²⁶ См. «Шахматное обозрение», М., 1903, № 64-65, с. 367 и «Шахматное обозрение», М., 1904, № 67, с.16-17.

¹²⁷ «Ха-Шахмат», осень, 1923 г., Иерусалим, издание клуба им. Эмануила Ласкера. редактор Лев Осипович Могилевер.

¹²⁸ См.: А. Алехин «Нью-йоркский турнир 1927 года, как пролог к борьбе в Буэнос-Айресе за мировое первенство» – в кн.: А. Алехин «Международные турниры в Нью-Йорке 1924-1927 гг.», М., 1989, с. 310.

¹²⁹ См. «Алехин о Карлсбадском турнире» – «Шахматы», Л., 1929, № 9, с.165.

¹³⁰ Е.А. Зноско-Боровский «Шахматы и их чемпионы. (Мысли и характеристики)», Л., 1925, с.115.

¹³¹ Е.А. Зноско-Боровский «Шахматы и их чемпионы...» с.116-117.

¹³² Ю.С. Разуваев, В.И. Мурахвери «Акиба Рубинштейн», М., 1980, с.18.

¹³³ Dr.J. Hannak «Akiba Rubinstein Ein Leben voll Erfolg – ein Leben voll Tragik» – Hans Kmoch «Rubinstein gewinnt!», Wien,1933, l.4-7; J. Hannak «Der Michel Angelo des Schachspiels», Wien, 1936, L.94.

¹³⁴ Е.А. Зноско-Боровский – «Речь», СПб, 6.09, 1912.

¹³⁵ Е.А. Зноско-Боровский – «Речь», СПб, 6.09, 1912.

¹³⁶ Цит. по кн.: Б.И. Туров «Жемчужины шахматного творчества», М., 1982, с.183. Текст жирным шрифтом, выделен мной. – С.Д. см. также: Р. Рети «Современный учебник шахматной игры», М., 1981,с.104.

¹³⁷ А.А. Алехин «На пути к высшим шахматным достижениям», М., 1991, с.9.

¹³⁸ С. Тартаковер. «Ультрасовременная партия», Л–М., 1925, ч. 2, с.61; И. Романов. «Рети» – Шахматный словарь, М., 1964, с. 318.

¹³⁹ С.Б. Воронков, Д.С. Плисецкий «Давид Яновский», М., 1987, с.405.

¹⁴⁰ О еврейском происхождении Рихарда Тейхмана см.: «Еврейская энциклопедия», т.XV, 1908-1912, стлб. 923, см. также В.И. Биншток «К вопросу об одаренности евреев (некоторые статистические материалы)» в журнале «Вопросы биологии и патологии евреев», Л, 1926, № 4, с. 29.

¹⁴¹ А.А. Алехин «На пути к высшим шахматным достижениям», М., 1991, с. 341.

¹⁴² Цит. по кн.: Jack Spence «The chess career of Richard Teichmann», Nottingham,1995, p.8.

¹⁴³ А. Алехин «Наша смена» – «Шахматы в России» М, 1996, № 3.

¹⁴⁴ А. Алехин «Наша смена» – «Шахматы в России», М, 1996, № 3.

¹⁴⁵ Цит. по кн.: Б.И. Туров «Жемчужины шахматного творчества», М., 1982, с.223, эпиграф.

¹⁴⁶ «Шахматы в СССР», Л., 1935, № 6, с.111. Текст выделен мной. – С.Д.

¹⁴⁷ См.: В.В. Смыслов. «Самый молодой шахматный мастер. Автобиография» – «Шахматы в СССР», № 3, 1939, с.94.

¹⁴⁸ В.В. Смыслов «В поисках гармонии», М., 1979, с.9.

¹⁴⁹ «Новое время», 29 янв., 1907г.

¹⁵⁰ Н.И. Греков «М.И. Чигорин великий русский шахматист», М.,1947, с. 541.

¹⁵¹ П.А. Романовский «Пути шахматного творчества», Л., 1932, с.17-26. Во время Петербургского турнира 1909 года Романовский, тогда шестнадцатилетний юноша, попросил члена Петербургского шахматного собрания Валерьяна Адольфовича Чудовского, который работал хранителем Публичной библиотеки и был сотрудником журнала «Аполлон», познакомить с Мизе-

сом, идолом молодого шахматиста. Почитатель спросил Я. Мизеса: «Какую партию Вы считаете лучшей в окончившемся турнире?». «Спросите это у Карла», ответил Мизес, показывая глазами на Шлехтера. Тот, улыбаясь, закивал головой. Мизес имел в виду свою партию со Шлехтером, которую Мизес выиграл блестящей комбинацией с жертвой. Партия была показана юноше, и Шлехтер прокомментировал, что ему не надо было играть на 21-ходу е5. «Это вам не надо, – ответил Мизес, – а мне как раз было очень кстати. В шахматах всегда так: то, что надо одному, не надо другому. Не правда ли?» – и он окинул нас живым смеющимся взглядом. (П.А.Романовский «Памятные встречи», «Шахматы в СССР», М., 1959, № 5, с.157). Поражает вся атмосфера дружеского разговора, так далекого от нашего жестокого мира.

¹⁵² См., например Dr. P. Feenstra Kuiper «Hundert Jahre Schachturnire», Amsterdam, 1964 г..

¹⁵³ С.Г. Тартаковер «Ультрасовременная шахматная партия», Л–М, 1925, ч. 2., с.85.

¹⁵⁴ С.Г. Тартаковер «Ультра современная шахматная партия», ч.1, Л–М, 1924, с.67.

¹⁵⁵ Р. Шпильман «Теория жертвы», М–Л, 1936, с.123.

¹⁵⁶ Цит. по кн.: А.А. Алехин «На пути к высшим шахматным достижениям», М., 1991, с.275.

¹⁵⁷ «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», №17-18, 1929, с.9

¹⁵⁸ Р.А. Гольц «Итоги Карлсбадского турнира» – «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», № 16, 1929, с.3.

¹⁵⁹ «Макс Эйве», М., 1979, с.81.

¹⁶⁰ С.Г. Тартаковер «Нью-Йоркский матч-турнир 1927 г.», Л., 1927, с.8.

¹⁶¹ Р. Шпильман «Комбинации и ловушки», Л., 1930 г., с.50.

¹⁶² Р. Рети «Современная шахматная партия», М., 1981г., с.113.

¹⁶³ «Алехин о Карлсбадском турнире» – «Шахматы», М., 1929 г., № 9, с.164.

¹⁶⁴ О еврейском происхождении Г. Мароци – см.: И.В.И.Биншток «К вопросу об одаренности евреев (некоторые статистические материалы)» в журнале «Вопросы биологии и патологии евреев», Л, 1926 г., № 4, с.29.

¹⁶⁵ Тибор Флориан «Первый гроссмейстер Венгрии» – «64», М., 1982 г., № 9.

¹⁶⁶ См: «Chess» –«Encyclopedia Judaica», Jerusalem, 1973 г., v.5, p.405, 408. Густав Мейринг (*Gustav Meyrink, 1868–1933*), великий писатель, уроженец Праги, естественно, еврейского происхождения. (По матери – он Майер, по начальной профессии – банкир). Вся его жизнь прошла в исканиях, но жила она на трех китах. Один из этих китов – шахматы. Два других – любовь и гробля. Он часто сживал в пражском шахматном кафе «Континенталь». После переезда в Мюнхен он обрелся в шахматной комнате кафе «Стефани». Его друзья – Райнер Мария Рильке, Оскар Винер, Пауль Леппин, Гуго Штайнер, Александр Моисси, Эмиль Орлик, а также Макс Брод. Ду-

маю, что с Харузеком он был знаком лично. Сам же Мейринг был также **гроссмейстером**, но масонской ложи. В шахматах писателя привлекала тайна – недаром они пришли из страны воспетой его первой учительницей Еленой Блаватской... Хотелось бы написать о шахматисте Мейринге, но... Писатель, соавтор и друг Мейринга, так же страстный шахматист, Рода Рода (Александр Розенфельд 1872–1945) ввел Густава в свой рассказ «Das Pensionistengambit».

¹⁶⁷ Э. Ш. (*Эмануил Шифферс*) «Шахматный матч-турнир в Петербурге» – «Нива» № 50, 1895, с.1204.

¹⁶⁸ Alfred Binet «Psychologie des grand calculateurs et joueurs d`echecs», Paris-Geneve, 1981, p.223. Алехин пользовался парижским издательством, 1894 года. В сводной таблице знаменитых шахматистов о Кизерицком в колонке Religens написано Israilite, а в колонке Races – Juif.

¹⁶⁹ См. таблицу Второго зимнего турнира С-Петербургского шахматного клуба 1912 г. в кн.: Jan Kalendovsky, Vlastimil Fiala «Complete games of Alekhine», v.1, 1892-1921., Olomouc, 1992, p.92.

¹⁷⁰ Вл. Пяст «Поэма в нонах» (1908 г.) – цит. по кн.: Вл. Пяст «Встречи», М., 1997, с. 200. Интерес писателя Пяста к шахматам имеет прямое отношение к его происхождению. В гербе рода Силезских Пястов входила составной частью шахматная доска. (См. в кн.: *Ежи Гижницкий «С шахматами через века и страны», Варшава, 1959, с.29).* (*Курсив в тексте мой. – С.Д.*)

¹⁷¹ Дневник А.В. Богдановича «Три самодержца», М.–Л., 1924, с.122.

¹⁷² Г. Коган «Игра в шахматы и игра на фортепиано», «Советская музыка», М., № 13, 1940 г. Автор этой изумительной статьи Григорий Михайлович Коган (1901–1979), д-р искусствоведческих наук, профессор, пианист, крупнейший историк и теоретик фортепианного искусства. Впервые разработал курс и теорию пианизма. Разработал проблему психологии исполнительства. И он подвергся антисемитским гонениям – в 1946 году был смещен с должности заведующего кафедрой Московской консерватории и стал скитаться по российской глубинке... В статье Григория Михайловича меня поразила некоторая «назойливость» в утверждении параллелизма Ласкер – Бузони. Я этого несколько недопонимал, пока не обнаружил пикантную деталь. Ферруччо Бенвенуто Бузони (1866–1924) – итальянский пианист, композитор, дирижер, музыкальный писатель, педагог. В одной, весьма редкой книге, я прочитал о его происхождении. Отцом Бузони был итальянец-христианин, а мать – немецкая еврейка, урожденная Вайсс. (см.: Gdal Saleski «Famus Musicians of a Wandering Race», New York, 1927, p. 299)

¹⁷³ Не будет другого времени и места, как рассказать об одной давней блестящей статье о шахматах, как искусстве: «Шахматное творчество выражается в действии, **материалом** для которого служат шахматная доска и фигуры, **средством** – композиция движений фигур и **целью** – создание художественного произведения. Оно нарождается постепенно, мысль за мыслью, в результате согласованных сочетаний ходов на доске, где каждая фигура жи-

вет, ведет борьбу, выполняет известные функции и создает положительные и отрицательные образы. Внешняя форма шахмат – условна, как условны клавиши рояля и декорации на сцене. Будут ли на шахматной доске 64 или 144 клетки, 16 или 30 фигур также безразлично, как участие в «Войне и мире» 200 или 1000 действующих лиц. Это изменяет количественный материал, расширяет его пространство, но не влияет на его идейное содержание. Но шахматные идеи более глубоко скрыты за их оболочкой, чем идеи искусства вообще. Поэтому понимание грандиозности шахматных произведений и самосовершенствование возможно только при наличии у человека особого воображения и **активного** восприятия творчества. Последнее обстоятельство и делает шахматы отвлеченным понятием для человека, **незнакомомого** с ними. Музыку многие слушают, совсем не понимая ее тонкостей, но шахматы никак не звучат, если не знаешь **детально**, на каком языке они говорят. В связи с этим ... существуют взгляды, что шахматы – головоломный умственный спорт. Этот исторический пережиток сохранился с того времени, когда шахматы ещё находились в своем эмбриональном состоянии, были окутаны тьмой легенд и не имели своей науки. В настоящее время между шахматами и спортом столько же общего, сколько между музыкой, живописью и ... тем же спортом. Виртуозность композиции пианиста Рубинштейна... может быть аналогична виртуозности его шахматного однофамильца, но совершенно несравнима с достижениями бегуна... или теннисиста... **Шахматы – это искусство.** Они имеют свою тематику и теорию, свою технику и стиль. В этом их колоссальность и жизненность. Конечно, на шахматном материале образы получают своеобразную окраску, в зависимости от творческих средств художника. Но и симфонические произведения создаются из фантастики звуков, которых в таком стройном сочетании вовсе и нет в природе, но которые волнуют и привлекают нас своей мощностью, своим величием. Самое замечательное в шахматах – это то, что их действие протекает в чрезвычайно напряженных условиях, ибо **мастер** одновременно – **композитор и дирижер**. Его творчество должно сочетаться с виртуозностью воли, с полным подчинением фигур дирижерской воле – только тогда шахматное произведение будет суммой средств для внушения, а шахматы – искусством, пробуждающим, действующим и волнующим. Неправильная тема комбинации, неэкономичность средств, беспомощность техники сводят их взаимоотношения к нагромождению шаблонных приемов, к примитивной игре ребенка. Вот где отличие между искусством и игрой, между настоящим творчеством и той «деревянной» игрой, о которой мы говорили вначале статьи. Поэтому на выдающихся шахматных концертах (*турнирах*) произведения никогда не повторяются, а рождаются вновь. Победители международных турниров – это творцы новых шахматных идей...» (Я.Г. Рохлин «К вопросу о сущности шахматного творчества. (В порядке обсуждения)» – *Шахматный листок*, № 5, 1930, с.73). Не правда ли потрясающий текст, так мало похожий на сотни статей и десяток брошюр, написанных Яковом Герасимовичем? Рохлин

был выдающимся шахматным организатором, но – никогда мыслителем. Я предполагаю, что в этой статье суммированы мысли Эм. Ласкера и известного этюдиста, литературного и театрального критика Абрама Соломоновича Гурвича (1897–1962), автора, в т.ч. и статей по эстетике этюдов. Он также подвергался преследованиям во времена «борьбы с космополитизмом». Другой пример «музыкальной критики» еще более весом, ибо статья написана великим композитором Сергеем Прокофьевым и относится ко времени петербургского турнира 1914 года. Ожесточенная борьба Ласкера с молодым претендентом выглядит под пером Прокофьева так: «С чувством исключительного интереса следил я за замечательным состязанием, разыгравшимся в стенах Шахматного Собрания. Блестящий стиль игры Капабланки, непринужденность и остроумие, с которыми он громил своих противников, с первых же дней привлекли к нему все симпатии на его сторону. Но Ласкер, в конце концов, был так последователен, так безапелляционен, так умен в своей игре, что нельзя было не склониться перед шахматным Королем. Мне хотелось бы сравнить этих двух столпов шахматного мира с двумя гениями мира музыкального: Моцартом и Бахом. И если сложный, глубокий Ласкер мне представляется величественным Бахом, то живой, стремительный Капабланка – вечно юным Моцартом, творившим с такой же легкостью, а порой и милой небрежностью, как и Капабланка.

В заключение – маленький комплимент доктору Таррашу за его музыкальные таланты. Совершенно случайно я имел удовольствие слышать его играющим на фортепьяно. (На закрытии турнира. – С.Д.) Четкий ритм, ясная фразировка и общая выразительность свидетельствует о большой музыкальности знаменитого шахматиста». (Цит. по кн.: Н.П. Савкина «Сергей Сергеевич Прокофьев» М., 1982, с.46-47) Гроссмейстер Леонид Александрович Шамкович писал в своих воспоминаниях о М. Тале: «В заключении я хотел бы подчеркнуть, что если и есть в шахматах Паганини – по характеру, по внешности, по дарованию, то это только Таль. Если продолжить эту параллель между шахматами и музыкой, то можно сказать, что Ботвинник – Бах, а Смыслов – это Шопен. Кстати, построил эту параллель сам Таль. Но поскольку он был человеком очень скромным, то отнюдь не считал, что он Паганини. Один раз я его спросил: «Ну, а кто Вы, Миша?» – «Я» – задумался он. «Я – Гершвин». (Л. Шамкович «Эссе о шахматной элите», – «Время и мы», № 77, 1984, с.198.)

Сравнение с музыкой и музыкантами шахмат и шахматистов – вполне легитимно. Что же касается пластического искусства, то оно менее употребительно. Но назвал же *Dr. J. Hannak* Стейница – Микель-Анджело. И это справедливо: архитектор, скульптор и живописец в одном лице. Разве это не Стейниц?! Что же касается Ласкера, то я его хочу сравнить с Рембрандтом. Глубина психологического проникновения в личность «портретируемого» соперника – это ли не сближения. И гамма красок: жертва двух слонов на полях h7 и g7 в

партии Ласкера с Бауэром (Амстердам, 1889 г.), двойная жертва ладьи на поле а3 (фрагменты партии приводятся ниже), жертвы ферзя за ладью, коня и пешку в партии Эйве с Ласкером (Цюрих, 1934 г.), где результат виден через полтора десятка ходов! Ласкер – Рембрандт – принято! А Капабланку я сравнил бы с Рафаэлем Санти. Божественная легкость кисти, молодость, увы, правда, преходящая... Далее у меня не хватает духа сравнивать шахматистов с художниками...

Пильсбери – Ласкер, Петербург, 1896.

Красота позиции в том, что в одной и той же партии, на одном и том же поле а3 жертвуются обе черные ладьи. Ласкер считал эту партию важнейшей в своей карьере.

Позиция после 18 хода черных

Уместно здесь привести отрывок из одного шахматного рассказа 1922 года, где рассматривается партия Г. Стаунтона, соединяющая в себе по мысли автора математическую точность и мощь музыки Вагнера: «Эта партия, игранная в Авиньоне лет семьдесят тому назад, была, пожалуй, самой изящной у Стаунтона. Атака белых коней после внезапного нападения черного ферзя была размеренной, четкой и строгой, как математическая формула, где знаки так хорошо и магически вплетаются друг в друга... А самая середина партии, когда черные выправляют свои смятые пешки и черная ладья, пользуясь замешательством неприятельского фланга, выплывает с b8 на b4 и уводят белого коня, – это ли не вагнеровский лейтмотив, гневная медь которого расцветает над головой нечаянным звенящим цветком?».

Позиция после 26 хода черных

(Леонид Леонов «Шахматная королева» – Л. Леонов, Собр. соч., Худож. Л-ра, М., 1969, т.1, с.102) Обнаружить эту партию не удалось (если это, понятно, не авторский вымысел). Рисунок игры напоминает несколько партию Андерсен–Стейница из Лондонского турнира 1862 года, где действительно ладья черных произвела близкий рассказу маневр Лb8–b5, оставляя лишнего коня белых на поле е7. Имена Стейница, Андерсена и Кизерицкого упоминаются в тексте. В рассказе есть еще несколько сравнений необыкновенных и показывающих неиссякаемую красоту шахмат: «Это был неожиданней, чем самый искрящийся, внезапный, как водопад, гамбит Эванса». И один из героев фантастического рассказа Борис Викторович Колонницкий был по профессии музыкантом и страстным любителем шахматных «несообразностей»...

¹⁷⁴ См.: «Эпизод из шахматной истории» (Матч-реванш Ласкер – Стейниц на первенство в мире в Москве. По материалам Л. Бахмана) – «Шахматный листок», М–Л., № 1, 1929, с.2.

- ¹⁷⁵ Предисловие к публикации Александр фон Алехин «Шахматная жизнь в Советской России», Берлин, 1921. цит.: по «Шахматный вестник» № 1, 1992, с.36.
- ¹⁷⁶ См.: Bernhard Kagan. «Sein Lebensbild nebst einigen bestgespielen Partien». Unter Mitwirkung von Dr. Aliyechin, Dr. Euwe, A. Nimzowich, Rubinstein, Dr Seitz, Spielmann, Dr. Tartakower, Berlin, 1933.
- ¹⁷⁷ О. Грузенберг. «Страницы воспоминаний» – «Вестник Еврейского университета», № 3(7), М.–Иерусалим, 1994, с.234. Публикация В.Е. Кельнера.
- ¹⁷⁸ Предисловие С.О. Вайнштейна к книге Алехина «На путях к высшим шахматным достижениям», Л., 1932, с.6.
- ¹⁷⁹ Киевлянин «Страничка прошлого (*Старый Киев*)» – «Шахматы», Л., 1926, № 1, с.21. Под псевдонимом «Киевлянин», вероятно, скрывается Ф.И. Богатырчук. Не могу не удержаться от цитирования стихов, посвященных Боголюбову, тогда студента политехнического института:
«Анализируя дебют
Взамен тетраэдров и кубов,
Жду славы шахматных минут, –
Злой теоретик Боголюбов». Трои м на карточке повезло...
- ¹⁸⁰ «Шахматный Вестник», СПб., № 1, 1914, с.12.
- ¹⁸¹ См.: «А.М. Эвенсон /1892–1919/ Галерея выдающихся шахматистов» – Шахматы в СССР, 1938, №10, с.480–481.
- ¹⁸² Александр фон Алехин «Шахматная жизнь в Советской России», Берлин, 1921.цит.: по «Шахматный вестник», №1, 1992, с.36–37.
- ¹⁸³ А.А. Котов «Шахматное наследие Алехина», т.1, М., 1982, с.37. Впервые опубликовано И. Линдером по документам, предоставленным дочерью Р.А. Гольца, крупного деятеля шахматного движения в довоенное время. (см. И.Линдер «Алехин: жалею об этих ошибках...» – «Шахматы в СССР», М., 1967, с.17). Будет справедливо сослаться на воспоминания югославского мастера Озрена Недельковича, встречавшегося с Алехиным в 30-е годы. Алехин, по словам югослава, избегал любых политических разговоров, избегал встреч с крайне-правыми, которых в Белграде было предостаточно. О себе Алехин с гордостью говорил, что он не эмигрант. Быть может, поэтому некоторые подозревали в нем «советского агента». (См.: О. Неделькович «О нем слагали легенды» – «Шахматы в СССР», М., 1967, № 9, с.19).
- ¹⁸⁴ См.: С.В. «Турнир наций в Варшаве» – Шахматы в СССР, Л., № 10, 1936, с.188.
- ¹⁸⁵ Ф.П. Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978. В «Пражском манифесте», написанном в самом конце 1944 года, на краю гибели нацистов, повторяются антисемитские высказывания – напоминание тем, кто возлюбил генерала Власова и ему подобных.
- ¹⁸⁶ Ф.П.Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.163.
- ¹⁸⁷ Перевод и публикация В. Мурахверы – «Шахматы в СССР», № 3, 1991, с.37.

¹⁸⁸ «Шахматы в СССР», № 8, 1991, с.37. Марахвери узнал от чемпиона Ирландии Брайана Рейли, что имеется немало письменных свидетельств о близости Алехина с нацистским режимом. «Едва ли их публикация на русском языке пошла бы на пользу шахматам, но правду, пусть и печальную, следует знать». В публикации Юрия Авербаха «Из архива Брайана Рейли» двух писем Макса Эйве («Шахматный вестник», №, 10, 1992) указано, что активно воспротивились участию Алехина в послевоенном турнире в Лондоне д-р О. Бернштейн, Денкер и д-р. Лист. Денкер Арнольд (1914–2005) чемпион США 1944 и 1946 гг., участник радиоматча с СССР на первой доске с Ботвинником. Лист П.М. (1887–1964). Настоящая фамилия Одес. Из-за того, что он жил в Одессе возникали почтовые неприятности. Посему он решил избрать псевдоним, правда, странный – Лист. Но, по-видимому, так как он занимался журналистикой, это выглядит почти «нормально». Выдвинулся в Южно-русских турнирах, способствовал расцвету шахматной жизни в родном городе. Был редактором шахматного отдела в газете «Южная мысль». В 1912 году на турнире любителей получил четвертый приз. В Вильно, куда он перебрался на некоторое время, в 1910 году сыграл матч вничью с Г. Левенфишем. После революции он перебрался в Германию, затем в Англию. Иногда принимал участия в соревнованиях, но со средним успехом. Можно предположить, что часть его семьи в Одессе и Вильно была уничтожена нацистами. В 1945-1946 году активно противился участию Алехина в послевоенном Лондонском турнире.

¹⁸⁹ Арнольд Денкер «Человек, победивший Алехина» – Шахматы в России, № 12, 1996.

¹⁹⁰ Я.И. Нейштадт «Первый чемпион мира», М., 1971.

¹⁹¹ В.Н. Панов «Сомнения мастера» – «Шахматы в СССР», 1940, № 9, с.282.

¹⁹² С. Дудаков «Об "арийских" и "неарийских" шахматах» в сборнике «Евреи в культуре русского зарубежья», № 1, Иерусалим, 1992 и полемика в сборнике № 2, Иерусалим, 1993.

¹⁹³ Ю.Н. Шабуров «Александр Алехин – непобежденный чемпион», М., 1992; Ю.Н. Шабуров «Алехин», М., «Молодая гвардия», 2001, серия ЖЗЛ; В.А. Чарушин «226 коротких партий Александра Алехина», Нижний Новгород, 1992. Испытываешь чувство неловкости, делая ссылки, например, на Юрия Николаевича Шабурова, заслуженного работника физической культуры РСФСР, вполне партийного человека и вместе с тем двурушника. Ибо, как понять, скажем, такую фразу: «**В этот период Алехин активно сотрудничал в самой патриотической русской газете тех лет "Новое время"**». /С.58. цит. труд Шабурова «Александр Алехин – непобежденный чемпион»/ Мне почему-то всегда казалось, что «самой патриотической газетой» того времени и последующего была газета «Правда», издаваемая партией, членом которой десятилетиями был тов. Шабуров, а не какое-то черносотенное издание... Во время войны Алехин сотрудничал в русской газете «Новое слово», издававшееся в Берлине. Как мог согласиться Алехин писать статьи в столь омерзительном издании – остается на

совести чемпиона мира. Немецкие холоуи надеялись в обкорнанной России занять теплые местечки. Слепцы: они что не читали «Майн Кампф?» Им не было место в нацистском рейхе и рае. В моем архиве имеются несколько номеров этой газеты. Беру наугад несколько статей: «Евреи в Румынии» и «Еврейский вопрос в польском сейме», где говорится о еврейском засилье. (См.: «Новое слово», Берлин, 6.II.1938 г.). Через неделю – «Торжество Израиля». Статья «Иудокрасная опасность в Америке». (12.V.1940 г.), «Талмуд и Евреи» (23.VI.1940 г.), «Паника еврейства» (19.V.1940 г.), «История одной книги по еврейскому вопросу» (Я. Брафман «Книга Кагала») (7.VII.1940 г.), «Кагал на Дальнем Востоке» (10.XI.1940 г.), «Масонство – враг всех народов» (22. III.1942 г.), «Ликвидация еврейского засилья» (26. IV. 1942 г.), «Закулисное жидовство» (3.V.1942 г.), «Вечный Жид» (26.IV.1942 г.), «Зрелище величайших злодейств иудаизма» (22.III.1942 г.) и т.д. до бесконечности. Пусть читатель самостоятельно оценит мораль автора книги и ее героя...

¹⁹⁴ В.А. Чарушин «226 коротких партий Александра Алехина», Нижний Новгород, 1992.

¹⁹⁵ В.Д. Чашихин «Алехин. Моя борьба», М.,1992.

¹⁹⁶ В.Д. Чашихин «Алехин. Моя борьба», М.,1992, с.44.

¹⁹⁷ «Golombek`s encyclopedia of chess», New York, 1977, p.10.

¹⁹⁸ Валерий Мурахвери послесловие к статье Евг.А. Зноско-Боровского «Игра в ничью» – «Шахматный вестник» № 8, 1991, с.37.

¹⁹⁹ См.: Л. Шамкович «Эссе о шахматной элите», – «Время и мы», № 78, 1984, с.234; см. также Виктор Васильев «Синдром "эксво"» – «Время», 8.2.1993; о еврейском происхождении Спасского См: «Chess» –«Encyclopedia Judaica», Jerusalem, 1973, v.5, p.409, а также: Ribalow H.U. «The Great Jewish Chess Champions», New York, 1986, pp. 28, 35. В интернете мы можем найти различные юдофобские высказывания бывших противников по матчу. Кстати, Фишер также считал Спасского евреем. Рациональные объяснения их антисемитизма, на мой взгляд, поверхностны. Например, один гроссмейстер считал, что Спасский, находясь в эмигрантской среде, всегда поддерживал беловардейские мифы ...

²⁰⁰ Вероятно, у В. Смылова мать еврейка, хотя сам Василий Васильевич корректно это опровергает. О еврейском происхождении Смылова: см: «Chess» – «Encyclopaedia Judaica», Jerusalem, 1973,v.5, p.407; Л. Шамкович «Эссе о шахматной элите», – «Время и мы», № 77, 1984, с.198. Л. Шамкович пишет о Смылове: «За глаза его ласково называли Васей, и как бы молчаливо подразумевалось, что в отличие от всяких еврейских дарований он был нашим, русским гением Васей Смыловым. Вслух, разумеется, никогда не упоминалось, что по матери он был еврей, хотя внешне он был похож на еврея...» и далее: «Я уже не говорю о талантливости, вобравшей в себя, по-видимому, и еврейский, и русский гений, и потому такой самобытный».

²⁰¹ О еврейском происхождении Элиаса Стейна см.: «Encyclopedia of jewes in sports», New York, 1965, p.186.

²⁰² Л.Толстой, Полн. собр. соч., М., 1956., т.81, с.276.

- ²⁰³ С.Г. Тартаковер «Ультрасовременная шахматная партия», Л–М., 1925, ч.3., с.111-112.
- ²⁰⁴ См.: «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», М., 1927, № 22, с.2.
- ²⁰⁵ Цит. по статье: «М.И. Чигорин», опубликованной в «Шахматы в СССР», 1948, №1, с.5.
- ²⁰⁶ Herman Marian, 1984, «The Winaver Saga».
- ²⁰⁷ С.Г. Тартаковер. «К психологии шахмат» – «Шахматы», Л., 1925, №7, с.97.
- ²⁰⁸ См.: «Шахматный листок», Л., 1927, № 10, с.149.
- ²⁰⁹ О его еврейском происхождении См: Alfred Binet «Psychologie des grand calculateurs et joueurs d'echecs», Paris–Geneve, 1981, p. 224. Первое издание 1894 года.
- ²¹⁰ «Шахматный листок», М–Л.,1930, № 10,с. 175.
- ²¹¹ О его еврейском происхождении см.: Alfred Binet «Psychologie des grand calculateurs et joueurs d'echecs», Paris–Geneve,1981, p. 223. Первое издание 1894 года.
- ²¹² Ганс Кмох «Международный турнир в Тренчин – Теплиц» – «Шахматный листок», Л., 1928, № 11, с.185.
- ²¹³ О еврейском происхождении Костица и Вуковича см.: «Chess» – «Encyclopedia Judaica», Jerusalem, 1973, v.5, p. 406.
- ²¹⁴ «Шахматный словарь», М., 1964, с. 263.
- ²¹⁵ О еврейском происхождении Г. Мароци см: И.В. Биншток «К вопросу об одаренности евреев (некоторые статистические материалы)» в журнале «Вопросы биологии и патологии евреев», Л, 1926, № 4, с. 29.
- ²¹⁶ А. Нимцович «Как я стал гроссмейстером» – цит. по изд.: А. Нимцович «Моя система», М., 1984, с. 493.
- ²¹⁷ Ф. Палич «Арон Нимцович» – перепечатка из «Deutsche Schachzeitung» в журнале «Шахматы и шашки в рабочем клубе» («64»), М., №7-8, 1927, с.2.
- ²¹⁸ «Шахматный бюллетень», 1962, № 5 и № 6
- ²¹⁹ «Шахматное обозрение», М., 1902, №50-51, с.331-332, а также № 55, с.29-31.
- ²²⁰ «Шахматный словарь», М.,1964, с. 318.
- ²²¹ «Шахматный словарь», М.,1964, с. 326.
- ²²² С.Г. Тартаковер «Нью-Йоркский матч-турнир 1927 г», М., [1927], с.9.
- ²²³ Шолом-Алейхем «От Пасхи до кушей. Удивительная история, рассказанная страстным шахматистом в теплой компании в холодную зимнюю ночь после веселой игры в картишки и хорошего ужина» – Шолом-Алейхем Собр. соч., т. 4, М., 1960, с.646. Рассказ написан в 1915 году.
- ²²⁴ «Шахматы», Л., 1926, № 9, с.150.
- ²²⁵ «64», М., 1979, № 14. Перепечатка из журнала «Нива».
- ²²⁶ «Шахматное обозрение», М., 1903, № 64-65, с. 367.
- ²²⁷ «Шашечница», СПб, июль 1891, № 1, с.33-34.
- ²²⁸ Цит. по шахматному отделу (редактор Ф.И. Дуз-Хотимирский), газеты «День» от 4.III. 1913.

²²⁹ С.В. «Д-р Зигберт Тарраш (1862–1934), некролог – «Шахматы в СССР», 1934, № 3, с.57. Вероятно, под буквами С.В. скрывается Самуил Осипович Вайнштейн, о котором у нас отдельный рассказ.

²³⁰ В. Раузер «В защиту шахматного классицизма» – «Шахматы в СССР», Л., 1934, № 8. Текст выделен мной. – С.Д.

²³¹ Я. Рачинский «Гроссмейстер-журналист» – «64», М., 1982, с.21

²³² «Golombek's Encyclopedia of Chess», New York, 1977, pp.319-321.

²³³ «Wiener Schachzeitung» № 19-22, 1910, p.344.

²³⁴ С.Г. Тартаковер «Ультра-современная шахматная партия», Л–М, 1924, ч.1, с.6

²³⁵ «Шахматный Листок», Л., № 24, 1925, с.362, примечание.

²³⁶ Klaus Lindorfer «Croses Schach Lexicon», Cutersloh, 1977, p. 239; О еврейском происхождении Харузека см: «Chess» – «Encyclopaedia Judaica», Jerusalem, 1973, v.5, p.405.

²³⁷ Cezary W. Domanski, Tomasz Lissowski «Arcymistrz z Lublina», Warszawa, 2002, p. 249. Далее, говоря о племянниках Цукерторга, детях младшего брата Адольфа, я ссылаюсь дополнительно на книгу Brian Mark Rigg «Hitler's Jewish Soldiers. The Untold Story of Nazi Racial Laws and Men of Jewish Descent in the German Military», University Press of Kansas, 2002(?).

²³⁸ Д-р Адольф Когут «Знаменитые евреи – мужчины и женщины в истории культуры человечества», Одесса, [1903г], т. II, с.230, перевод с немецкого А.А. Френа.

²³⁹ А.Е. Прик. Шахматное приложение к журналу «Прямой путь» за 1911 год и «Словарь шахматиста», Л., 1929.

²⁴⁰ «Шахматный листок», Л., 1928, № 4, с.76.

²⁴¹ Цитирую по второму изданию новейшего времени: см.:Alfred Binet «Psychologie des grand calculateurs et joueurs d'echecs», Paris-Geneve, 1981, p.223.

²⁴² «Шахматы», М., №12, 1926, с.216.

²⁴³ «Шахматный листок», Л., 1930, № 1, с.2-4.

²⁴⁴ Чемпионесса мира Вера Менчик – «Мои успехи на шахматном поприще» – «Шахматы», Л., 1928, № 8, с.160.

²⁴⁵ Н.М. Зубарев «Шахматы в массы. (Воспоминания о первых днях советской шахматной организации)» – «Шахматы в СССР», 1937, № 12, с.346-347. Позднее о Кляцкине чрезвычайно тепло написал известный этюдист В. Корольков. Говоря о его идеях в этюдах, Корольков считает, что они питали воображение многих и многих композиторов. В некрологе, опубликованном в 1926 году за подписью А. Ильина-Женевского, мы можем прочесть следующее: «Характерной особенностью Михаила Герцовича являлась удивительная изобретательность, которая в равной степени проявлялась как в его игре, так и в этюдном творчестве. Эта изобретательность до некоторой степени роднила его творчество с творчеством величайшего шахматиста нашего времени А. Алехина. Недаром Алехин, в бытность свою в Москве, так высоко ценил и любил талант Кляцкина. В свою очередь и Алехин почерпнул кое-что из кладезя фан-

тазии богатого на все выдумки Кляцкина. Так, например, защита, называемая теперь именем Алехина, в действительности изобретена и первоначально разработана ни кем иным, как Кляцкиным». (Цит. по ст. В. Корольков «Самобытный талант» – «Шахматы в СССР», М., 1973, № 4, с.30). Другой современник – д-р технических наук В.К. Лезерсон, вспоминая послереволюционную Москву, писал, что общее внимание привлекала игра талантливого Кляцкина. Алехин играл в нескольких турнирах, давая временную фору: у гроссмейстера было 30 ходов на час, у Кляцкина, например, было два часа на те же 30 ходов. Большинство соревнований выиграл Алехин, но в некоторых на первом месте был Михаил Герцович. (В.К.Лезерсон «Московский кружок», М., 1972, № 4, с.26).

²⁴⁶ См., например, заметку Н. Грекова в «Шахматы», Л., 1926, № 1, с.23; А.А.Смирнов «Шахматная беллетристика и психология шахмат» – «Шахматный листок», 1926, №6, с.95-96. Н.Н. Греков «Мы не думаем, что такое «притягивание за волосы» эдипого комплекса к шахматам может хоть сколько нибудь пролить свет на «загадку шахматной игры».

²⁴⁷ «После суда» – «Шахматный листок», Л., 1931, № 5, с.65-66.

²⁴⁸ «Шахматы и шашки в рабочем клубе», «64№», Л., 1931, №5-6, с.92: «Предателя Залкинда – вон из рядов советских проблемистов».

²⁴⁹ О его еврейском происхождении см.: «Chess» – «Encyclopedia Judaica», Jerusalem, 1973, v.5, p.408.

²⁵⁰ Д-р Адольфа Когута «Знаменитые евреи мужчины и женщины», Одесса, 1902, т.2, с.226.

²⁵¹ «Шахматное обозрение», М., 1903, № 60-61, с. 229.

²⁵² «Шахматное обозрение», М., 1902, № 55, с.20.

²⁵³ «Шахматное обозрение», М., 1903, № 62, с.294.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. АЛЕХИНУ

В 1932 году в Берне состоялся международный турнир, на который не были приглашены ни Капабланка, ни Ласкер, ни Шпильман. Неприглашенный Шпильман счел своим долгом опубликовать открытое письмо чемпиону мира Александру Алехину в журнале «Wiener Schachzeitung» (*Винер Шахzeitung*), № 10, 1932 г.

«От редакции:

Мы не вправе скрыть от наших читателей ниже следующее открытое письмо к чемпиону мира. Тем не менее, ответственность за эту публикацию несет не редакция, но целиком и полностью ценимый нами сотрудник, инициировавший публикацию письма г-на Шпильмана»

Шпильман Рудольф

«J'accuse!» (Я обвиняю!)

Автор – не Золя, а также не д-р Тартаковер,

но: Рудольф Шпильман.

Глубокоуважаемый господин чемпион мира д-р Алехин!

Вы будете, вероятно, удивлены, господин чемпион мира, моей наглости, которая не останавливается даже перед ступеньками возвышенного престола чемпиона мира. Но я обвиняю! Конечно, не Ваше гениальную игру, к которой я, как энтузиаст шахмат, отношусь с глубоким уважением и полным восхищением. Нет. Моя жалоба направлена не против чемпиона мира доктора Алехина, а против коллеги д-ра Алехина. Потому что, несмотря на общеизвестное Ваше превосходство в шахматах, мы есть и остаемся Вашими коллегами по призванию, в которых Вы, в конце концов, нуждаетесь для создания Ваших бессмертных творений. В пословице говорится: «Богатство – это драгоценный нож, но надо им пользоваться для резки хлеба, а не для нанесения ран».

Ваши предшественники Стейниц, Ласкер и Капабланка всегда этому следовали и приводили к лучшим общим условиям участников мастерских турниров. Вы не должны меня винить, если я теперь исслеую, для каких целей Вы использовали до сих пор Ваше острое оружие чемпиона мира. Поймите меня правильно, не зависть к Вашим заработкам двигает мною. Я был бы последним, который оспаривал бы Ваше добро, довольно тяжело завоеванное право.

Ведь во всех отраслях рекордные достижения особенно награждаются. Почему же этого не должно быть в шахматах? Но Вы в Сан-Ремо в 1930 г. и в Бледе в 1931 г., кроме экстренного гонорара, поставили еще особенные условия и вследствие этого практически исключили Капабланку из этих турниров. Конечно, Вы не отказали Капабланке прямо, а прибегли к более скрытому способу, но это ни в чем не меняет сути дела, и, потому я, как знаток этого дела, сумел всё узреть. Должен ли Капабланка за свою уверенную победу в Нью-Йорке в 1927 году так сурово искупать свою вину?

Но давайте похороним прошлое, оставим его в покое и займемся лучше Вашим коллегой Нимцовичем, который после Вас и Капабланки может считаться самым выдающимся шахматистом нашего времени. Не поразительно ли то, что он не получил приглашение ни в Лондон в 1932 г., ни теперь в Берн? По крайней мере, Вы легко могли бы добиться приглашения для Нимцовича. Как доктору юридических наук Вам знаком термин «*dolus eventualis*» (на латыни «возможный злой умысел», но переводится и как «возможный обман» или даже «возможное коварство». ? – С.Д.).

Но это не всё. Стал ли я, бедный скрипач, который только и может дышать горным воздухом, настолько неприятным конкурентом? Чем еще можно объяснить мое внезапное выселение из бернского высокогорья: после того, как я более чем за два месяца тому назад получил приглашение, правда, весьма боязливо составленное, на вселение в квартиру. Бернский комитет ссылается на то, что из-за Вашего дополнительного обещания был приглашен сверх комплекта ещё один международный мастер. Шапки долой перед Вашей безупречной репутацией! Но какая сила мира, кроме воли чемпиона мира, могла бы помешать швейцарской шахматной организации допустить семерых международных мастеров вместо 6? Тогда бы швейцарская армия была бы в количестве только 9 человек, что вполне бы хватило для результатов турнира.

Итак, мой милый чемпион мира, именно таким путем Вы «колотите» своих соперников, чтобы и в дальнейшем Вам удались ещё большие достижения, которым бы восхищался весь шахматный мир. Но отучитесь командовать: иначе я буду вынужден процитировать Вам библейские слова пророка Осии в свободном пересказе Марка: «Кто сеет ветер – пожнет бурю».

Чаша переполнилась, по эту и по ту сторону океана умножаются голоса, которые восстают против диктатуры чемпиона мира.

Рудольф Шпильман.

«Rudolf Spielman «J'accuse!» – Wiener Schachzeitung, № 10, 1932, L, 155-156)

РЕАКЦИЯ НА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Р. ШПИЛЬМАНА

Первый пересказ письма на русском языке был сделан в журнале «Шахматы и шашки в массы» «64», № 7, с.145, за 1932 год.

На русском языке полностью открытое письмо Рудольфа Шпильмана к чемпиону мира была опубликована в журнале «64» «Шахматное обозрение», № 4 за 1991 год. Оно было включено в книгу Пабло Помара «Агония одного гения». Перевод письма Шпильмана сделан с испанского текста, и потому имеются небольшие разночтения при сравнении с немецким канонем. Мы приводим перевод с немецкого языка. Отметим одну неточность Шпильмана: «швейцарская армия», хотя не все аутсайдеры, являлись гражданами Швейцарии и в Берне были представлены не девятью, а аж десятью (!) второстепенными игроками (*из шестнадцати*). Шесть гроссмейстеров разместились в в 2,5 очковом интервале друг от друга. Отрыв от остальных составлял 3 очка. Никто из «гвардии» не мог осилить пятидесятипроцентный рубеж, а трое вообще не добрали мейстердритель, т.е. в переводе с немецкого мастерская норма, состоявшая в трети набранных очков.

Там же в Берне, в начале 1932 году, Алехин сыграл в турнире с четырьмя участниками, где разделил первое-третье места с двумя очками из трех, наравне с Вельми и профессором, д-ром медицины Оскаром Нагели, которому проиграл партию. На последнем месте с нулевым результатом был Гильи. Так что ирония Шпильмана по поводу швейцарской гвардии еще более рельефна. Кстати, в большом турнире и Гильи, и Нагели сыграли с Алехиным вничью, а должны были выиграть – иммунитет чемпиона мира спас его на этот раз. (*Был еще один швейцарский мастер д-р В. Мишель или Михель, как писалось тогда: Michel*), с успехом выступающий в местных турнирах, участник нескольких международных турниров: он единственный имел против Алехина три (!) выигранные партии, но по каким-то соображениям, мне непонятным, не играл ни в Берне, ни в Цюрихе. Одна из выигранных им партий опубликована в «64», № 1, 1929 году. Алехин играл в Берне в 1925 году вместе с французским шахматистом А. Ауэрбахом. Мишель набрал всего-навсего два очка, одно из них против Алехина. Что же касается «француза» Арнольда Ауэрбаха (1884–?), то он был бывший русский подданный, уроженец Варшавы, который до революции неоднократно играл в парижских кафе на Mount-Parnasse с Львом Давидовичем Троцким. (*«Шахматный листок», М., 1925, № 8, примечание на с.124*).

И, самое удивительное, Ауэрбах довольно неплохо играл против Алехина. В феврале 1922 года он выиграл одну партию, в октябре того же года свел партию вничью, а в январе 1923 года сыграл маленький матч с претендентом вничью: +1, -1, =1. А в Бернском международном матч-турнире в марте 1925 года обе партии окончились вничью. Материалы, касающиеся матча с Арнольдом Ауэрбахом, были изъяты из основных результатов Алехина. Скажем, короткий матч с Мюффаном, выигранный А.А. со счетом 2:0 приводится, но с Ауэрбахом сложнее. (См.: *Jan Kalendovsky «Complete games of Alekhine», Olomouc, 1996, v.2 and v.3, Olomouc, 1998).*

Публикация в «Шахматном обозрении» сопровождается несколькими примечаниями автора Пабло Помара, из которых интересно примечание: «Стейниц и Ласкер были по происхождению евреями. Что же касается Капабланки, кубинца испанского происхождения, возможно, и в нем была капля еврейской крови, которая течет в жилах каждого испанца, так как, когда в XV веке евреи были изгнаны из нашей страны, некоторые из них остались, смешавшись с коренным населением». Другие примечания имеют технический характер и касаются в основном успехов Алехина в Сан-Ремо и в Блде.

12 Kagan's Neueste Schachnachrichten

J'accuse!

Nicht von Zola, sondern von Dr. S. G. Tartakower.

Sehr geehrter Herr Chefredakteur!

Von wohlmeinender (oder vielleicht übelwollender!) Seite wurde ich kürzlich aufmerksam gemacht, daß mich zwar keine „Mano nero“ (☹) am Leben bedroht, dafür aber eine unsichtbare Hand meine Erörterungen im letzten Heft Ihrer geehrten Schachzeitschrift mit allerlei geheimnisvollen Fragezeichen (?) und sonstigen Kritiken begleitet. Da sohin mein (von mir übrigens nie beanspruchtes) Renommee als hellsehender Glossator gefährdet erscheint, beehre ich mich, im Nachstehenden mit einigen für die Allgemeinheit nicht uninteressanten Eröffnungs- sowie Stellungsanalysen hervortreten.

Необходимо объяснить заголовок письма Шпильмана «Я обвиняю! Не по Золя и не по Тартаковуру». Посвящение требует разъяснения. Если с Эмилем Золя ясно, что это письмо писателя, опубликованное 13 января 1898 года в газете Клемансо «Аугога», адресованное президенту республики, в котором утверждалась невиновность Альфреда Дрейфуса,

и обвинялся Генеральный штаб и военное министерство в подтасовке фактов. Ясно, что пассаж Шпильмана имел в виду и антисемитизм Алехина. Что же касается «не по Тартакову», то это касается бурной теоретической полемики между Савелием Тартаковым и Семеном Алапиным. Статья Тартакова, опубликованная в журнале «Kagan's Neuste Schachnachrichten» за 1922, называлась «L'accuse!» не по Золя, а только по д-ру С. Тартакову, с ироническим введением в духе Алапина и латинской вставкой. С.З. Алапин отвечал не менее темпераментно в статье «Mene Tekel Upharsin!» (*Исчислено, взвешено, разделено*), используя

Mene tekkel upharsin!

Von

Es sagte Faust zum Gretchen einst:
„Es muß auch solche Käütze geben!“
Wen, frägt-sie, du darunter meinst?
Nun, wen denn sonst? Alapinleben!

библейское выражение из книги Даниила и за подписью Великого Инквизитора. Б. Каган весьма корректно прекратил дискуссию в редакторском обращении к авторам обеих статей также латинским изречением: «Viribus unitis!» (*Общими силами*). (См. «Kagan's Neuste Schachnachrichten» № II. Jahrgang, 1922, L.12–15, 175-180,181)

И, наконец, Шпильман имел полное моральное право написать это письмо. Накануне Бернского турнира (*июль-август*) в январе 1932 года австрийский чемпион одержал сенсационную победу над претендентом Е. Боголюбовым. Этот успех расценивался наравне с его победой в Земмерингском турнире, и считалось, что Боголюбов понес серьезный моральный урон. (См., например, «64». «Шахматы и шашки в массы», Л., 1932, с.27)

В 20-е годы Алехин семимильными шагами шел к матчу с Капабланкой. Но в его успешной карьере имелось несколько прорех, часть из которых он, строго говоря, по «гамбургскому счету», не смог ликвидировать даже в годы чемпионства.

1. Алехин **никогда** не выигрывал ни у чемпиона мира Капабланки (до матча), ни у экс-чемпиона Ласкера (до 1934 г.).

2. Он **никогда** не мог обогнать в турнирах вышеозначенных чемпионов. Ни в Петербурге в 1914 г., ни в Лондоне 1922 г., ни в Нью-Йорке 1924 и 1927 гг. А затем тщательно избегал встреч с кубинцем; как тогда

писали, «интриговал» против участия Ласкера и Капы в Сан-Ремо, Лондоне, Бледи, Берне. В Цюрих не были приглашены Капа и Шпильман. Ввиду преклонного возраста, милостиво разрешили играть Ласкеру...

3. У его конкурентов, в первую очередь у Боголюбова и Нимцовича, были частично эти достижения – Боголюбов дважды обгонял экс-а и действующего чемпионов: в Москве 1925 г. – обоих и в 1928 г. в Киссингене – Капабланку. В громадном турнире 1929 года в Карлсбаде Нимцович завоевал первый приз, обогнав Капу. Даже у Ф. Маршалла были успехи – он еще в далеком 1904 году в Кембридж-Спрингсе обогнал молодого Ласкера на целых два очка, а в Нью-Йорке в 1910 году и в Гаване в 1913 году обогнал Капу, выиграв у кронпринца красивую партию.

4. И Боголюбов, и Нимцович, и Рубинштейн обгоняли или становились вровень в турнирах при участии Алехина: Карлсбад 1911 г., Вильно 1912 г., Петербург 1913 г., Вена 1922 г., Пестьян 1922 г., Карлсбад 1923 г., Дрезден 1926 г.. Даже Грюнфельд в 1923 году в Маргите обогнал его, а Видмар разделил с ним первое место в очень слабом по составу участников турнире в Гастингсе в 1925/26 годах.

5. Отставание Алехина в Петербурге в 1914 году было на 3 и 3,5 очка соответственно от Капабланки и Ласкера, что можно объяснить молодостью русского чемпиона, но отставание в Нью-Йорке 1924 года от первых двух призеров было **унизительно – 4 очка (!)** от первого места и **2,5** от второго, равно и поражение от Ласкера в 1924 году, и поражение от Капабланки в 1927 году, и отставание на те же **2,5** очка от первого места. В Лондоне в 1922 году Алехин отстал **на полтора очка** – никакой борьбы за первое место не было.

6. В карьере и Капабланки и Ласкера до завоевания, и долгое время после потери титула, не было никогда дележа 4-6 мест, как у Алехина в Вене в 1922 г.. *(Мы уже не говорим о юношеских «успехах» Алехина: 7-8 в Гамбурге в 1910 г., 8-11 в Карлсбаде в 1911 г. и 6-7 в Вильно в 1912 г.)*

7. Впервые Алехин обогнал Ласкера в 1934 году в Цюрихе, выиграв у него красивую партию. Экс-чемпиону было тогда 65 лет. Алехину в это время было 42 года – цветущий возраст! **Но это был и его последний успех в супер-турнирах.** Через два года в Ноттингеме Капабланка делил с Ботвинником первое место, а у престарелого экс-а А.А. не смог выиграть, а очень хотел. Алехин был в этом супер-турнире лишь шестым. Капабланке он в этом турнире проиграл.

8. Обогнать Капабланку и выиграть у него единственную турнирную партию Алехину удалось лишь в 1938 году в АВРО-турнире. Но он опять делил 4-6 места, а Капа был на седьмом месте при восьми участниках. Слабое утешение, хотя и утешение.

9. Матчевые успехи Алехина были более скромны, особенно при сравнении с Ласкером. Не говоря уже о юношеском матче с Ненароковым, когда он его прекратил после трех рядовых поражений, он проиграл также Капабланке две гастрольные партии в Петербурге в 1913 году. Кроме того, Алехин свел несколько коротких матчей вничью: с Фарни в 1908 г., с Нимцовичем в 1913 г., с Эвенсоном в 1916 г., с Тейхманом в 1922 г., с Ауэрбахом в 1923 г. и с Бернштейном в 1933 г. и даже с Боголюбовым в 1942 году.

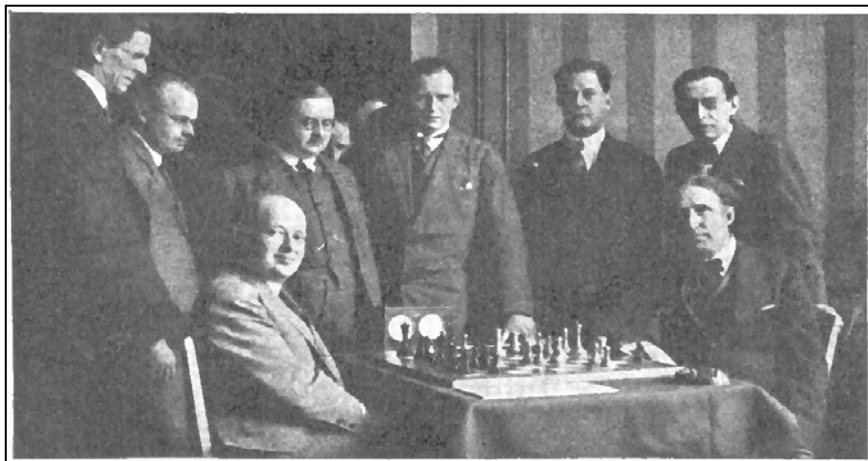
10. Алехин «ответил» Шпильману, сыграв в 1934 году новый матч с Боголюбовым. Боголюбов к этому времени явный аутсайдер. Уже выросли новые соперники – Эйве и Флор, которые имели все права на борьбу за титул. Напомним, что в январе 1932 году Рудольф Шпильман выиграл матч у Боголюбова – основание быть приглашенным в Берн и написать открытое письмо чемпиону мира.

11. Еще в 1929 году Савелий Тартаковер (до Карлсбадского турнира, которое лишь подкрепило его мнение) указал на Шпильмана, как главного конкурента Алехина. Ни Боголюбову, ни Нимцовичу, ни даже Капабланке не удастся сокрушить нового чемпиона: «Главная опасность для Алехина таится, по моему мнению, в Шпильмане, этом безудержном рыцаре шахматного натиска, главным представителе честной и открытой (но при этом *обогащенной новейшими методами*) шахматной борьбы. Подъем Шпильмана замечается за последние время и по его шахматно-литературной очень разнообразной и вдумчивой деятельности (подготовка даже целых книг!) и по значительно улучшенной технике его эндшпиля, этого ключа к высшим успехам». Мнимый оппонент возражает Тартаковеру, говоря о парадоксальности этого суждения, и неожиданно получает следующий ответ: «Вот упрек, который мне делают все время, несмотря на то, что я всегда строго придерживаюсь в своих утверждениях реальных фактов. Не моя же вина, если жизненное почти всегда кажется таким парадоксальным... В данном случае, например, сошлюсь на авторитеты: сам Капабланка говорил в Нью-Йорке в 1927 году, что Шпильман огромный знаток и, проведя он все партии с таким же искусством, как в первом туре (*против Капабланки*), то еще было бы очень сомнительно, кто взял бы первый приз... Можно было подумать, что это только обычные утешения со стороны победителя, но разбор шпильмановских партий в Нью-Йорке 1927 г., легко заставит убедиться в правильности вышеприведенного мнения чемпиона: гибкие дебюты (*белыми и черными!*), страстный миттельшпиль и только какая-то слишком благородная небрежность в деле использования достигнутых преимуществ. Недостаток этот, однако, преходящего свойства, т.е. легко

устраняем...»). (Т. Л-ри «Фортпостный турнир «В кулуарах Парижского турнира» – «Шахматный листок, Л., 1929 г., № 13, с.198. Под псевдонимом, вероятно, скрывается сам Тартаковер). Напомним, что С.Г. Тартаковер, тщательно изучал партии Нью-Йорка, издав турнирный сборник. Мое мнение, что «Гомер шахматной доски» был прав. Начиная с 1930 года, Шпильман сыграл с Алехиным четыре партии – все они окончились вничью, против Капы, как мы знаем, он выиграл две партии, матч у Боголюбова он тоже выиграл. Даже Нимцович, в характеристике участников Карлсбадского турнира, выделил Шпильмана, овладевшего современной техникой. Но, надо заметить, что Шпильман быстро старел. Хотя пятое место во II Московском международном турнире, вне всякого сомнения – крупный успех, равно и второе место в Маргите, вслед за Алехиным в 1938 году, но лучшие годы его были позади.

Мнение Нимцовича о Шпильмане после Карлсбадского турнира сводилось к тому, что Шпильман – вечный труженик после фиаско в Нью-Йорке овладел эндшпильной техникой и «системой Нимцовича», что позволило австрийскому мастеру подняться на такую высоту. «Турнир сразу повел Шпильман, обнаруживший непривычные для его стиля игры позиционную тонкость и знание дебютов».

(А.И. Нимцович «Избранные партии Международного турнира в Карлсбаде 1929», Л., 1930, с.5, с.59-61)

Нью-Йоркский турнир, 1927 год.

На фотографии много героев «моего романа».

Слева направо: сидят Шпильман и Маршалл;

стоят Мароци, Нимцович, Видмар, Алехин, Капабланка, Ледерер.

ЯКОБ МИЗЕС

«ШАХМАТЫ»

*опубликовано в сборнике «Евреи в сфере немецкой культуры»,
Берлин, Еврейское из-во, 1959.*

Происхождение шахматной игры.

В Талмуде упоминается, что характер человека лучше всего узнается при трех обстоятельствах: при употреблении вина, в гневе и также при игре. Игрок находится более или менее в состоянии душевного волнения, потому что очень часто удачи и промахи чередуются с молниеносной быстротой. Поведение [человека] в счастье или несчастье показывает каков его характер. Интеллигентность и степень образования кроме того проявляются при выборе той или иной игры, которую кто-то предпочитает. Всё, что говорится об индивидууме, можно также отнести к целым народам. Отсюда следует, что игра исполняет роль этнографического *культурлизмерителя*. Не случайно, что шахматы – глубочайшая из комбинационных игр происходит из Индии, родины древнего философского абстрактного мышления.

Собственно говоря, шахматы только по названию игра, потому что по умственному значению они поднимается к вершине художественного занятия. Но это воинственная игра. В ней требуется победить противника. Поэтому турниры и состязания отдельных современных шахматных мастеров носят исключительно спортивный оттенок. Итак, шахматная игра в современных состязаниях представляет собой редкое в своем виде сочетание искусства и спорта.

Время создания шахматной игры, как показывают современные исследования, оказалось завышенным. То, что в Одиссее, следовательно, около 900 лет до н.э., говорилось об игре на доске и далее то, что обнаружено на старинном египетском папирусе – изображение лиц играющих на доске – может служить лишь доказательством древности дощатых игр вообще, но не дает основания, что эти игры идентичны шахматам.

Кажется, что теперь можно быть уверенным, что шахматную игру изобрели в Индии во второй половине VI столетия н.э., но её первоначальный вид и правила отличались от сегодняшних. Изобрета-

тель, несомненно, имел в виду представить войну в рамках игры. Это вытекает уже из индусского названия шахматной игры – «Чатуранга», что в дословном переводе означает «четыре части» (*четыре отряда*). Но в то же время было это название индийской армии, которая состояла из четырех главных частей: слоны, туры, конница, и пехотинцы. Из Индии шахматная игра перешла в Персию, а там познакомились с ней арабы. С этого начался первый расцвет шахматной игры, потому что арабы, кажется, с настоящим пристрастием набросились на эту остроумную, непостижимую игру. Каким массовым стало у них занятие шахматным искусством, можно узнать из удивительного рассказа, что около 700 года, игрок по имени Саид ибн Джубаир играл несколько партий вслепую одновременно. Необходимой предпосылкой обладания таким мастерством должно было быть широкое распространение этой игры. Время, когда шахматы появились в Европе, не поддается точному установлению. От прежнего мнения, что уже во дворце Карла Великого играли в шахматы, уже отказались. Но, несомненно, шахматная игра была уже какое-то время до Крестовых походов широко распространена в Центральной Европе. По моему мнению, это произошло благодаря помощи евреев, которые ввезли её в христианскую часть Европы из Испании. Это гипотеза, которую, кстати, до сего времени не предлагали, но для её обоснования может служить следующие предпосылки. Во второй половине VII и в начале VIII-го веков арабы завоевали вначале Северную Африку, а потом большую часть Испании. Они [арабы] были на высоком культурном уровне и как энтузиасты шахматной игры, наверное, принесли её с собой в Испанию.

Ввиду того, что они были в тесных отношениях с испанскими евреями, то, естественно, познакомили их тоже с шахматами. Уже в ранней ивритско-испанской литературе славится шахматная игра. В 1167 году появилось длинное стихотворение, в котором описываются правила и прелести шахматной игры. Предполагается, что автором этого произведения был известный испано-еврейский поэт Абрагам ибн Эзра. Возможно, что это первое литературное произведение на шахматную тему на европейском материке. Вряд ли сами арабы принесли шахматную игру во Францию. При близких связях между еврейскими общинами Испании и Франции, через путешествующих еврейских купцов, шахматы могли проникнуть во Францию, а далее в Германию и в Италию.

Шахматы среди евреев немецкого языкового круга.

Уже с XI-го столетия шахматная игра была распространена среди еврейских общин Германии, свидетельством чего является упоминание её известным ученым Раши (Рабби Шломо бен Исаак), который скончался в 1104 году в Вормсе. Позже началось победное шествие шахмат через всю Европу. Особенной популярностью они пользовались в Германии в XIV – XVI столетиях, популярность их была такова, что едва можем себе это представить. К добродетелям, которые требовались от рыцаря, принадлежало и умение играть в шахматы. Хроники этого времени упоминают, что шахматы были чем-то совсем обыденным не только во дворцах и в среде высшего сословия, но и в буржуазном обществе и даже среди челяди и слуг. Также среди женщин некоторые познания в шахматной игре считалось хорошим тоном, и приметой высшего образования. Итак, сцена шахматной игры в пьесе Гёте «Гец фон Берлихенген», полностью соответствует исторической среде этого времени. *(Епископ Бамбергской играет в шахматы с дамой фон Адельгейд во втором действии драмы. Время – начало XVI века. – С.Д.)*

Каким успехом позже шахматы пользовались среди евреев, свидетельствует решение раввинского собрания, состоявшегося приблизительно в 1700 году: разрешалось играть в шахматы по субботам, так как это игра обостряет мысленные способности и этим приготавливает к лучшему изучению религиозных наук. После большого пожара франкфуртского гетто в 1711 году, на протяжении 14 лет были запрещены все игры для евреев, за исключением шахмат. Как интересный факт можно здесь привести, что Ансельм Меер Ротшильд, родившейся в 1743 году, основатель известного в мире банка, считался лучшим игроком во Франкфурте. На этой почве он познакомился с курфюрстом Вильгельмом I, который позже, во время войны с Наполеоном, доверил Ротшильду все свое состояние. Две ведущие личности в духовной жизни Германии Лессинг и Мендельсон поначалу познакомились за шахматной доской. Общий друг, зажиточный еврейский купец Исаак Гесс, привел в 1755 году Мендельсона, в дом Лессинга, жившего тогда в Берлине, и представил его как сильного игрока. В то время, еврейские игроки лишь в исключительных случаях имели возможность состязаться с нееврейскими противниками. Но после провозглашения равноправия в начале XIX века, сразу оказалось, что евреи находятся среди самых сильных игроков.

Юлиус Мендгейм.

В первой трети XIX века Юлиус Мендгейм был самым выдающимся в мире шахматистом-евреем, и одновременно сильнейшим игроком в Германии. Энциклопедии называют его основателем немецкой школы шахматной игры. Год рождения его неизвестен, неизвестен и день смерти. Умер же он в 1836 году. (*Этот же год указывает и Я.И. Нейштадт в книге «Шахматы до Стейнница», М., 1961, с.117; см. так же: Pilo-lexikon Handbuch des judeschen wissens, Berlin, 1935 г. указывает дату смерти 1835 г. – С.Д)*

Он был ведущей личностью в шахматной жизни в Германии и, особенно, в шахматных кругах Берлина. В 1829-1833 и в 1833-1836 годах под его руководством было разыграно несколько интересных матчей по переписке между старейшим берлинским клубом и шахматными объединениями Бреславля и Гамбурга. У него обучались такие потом известные берлинские шахматные мастера как Бледов, Маст, Ганштейн. Также в отраслях шахматной литературы Мендгейм был очень активен. Он издал в 1814 году вместе с известным шахматным учителем А. Мозаром «Записную книжку для любителей шахмат», а в 1832 году выпустил сборник под названием «Задачи для шахматных игроков», где приведены сочиненные им концовки игр. В этой отрасли (*эндшпиля*) Мендгейм намного опередил уровень своего времени и можно его по праву считать предшественником современного искусства задачной проблематики. К сожалению, Мендгейм никогда не имел возможности помериться силой с известными английскими мастерами, которые в это время были ведущими в международной шахматной жизни.

В лондонском турнире в 1851 году, первом международном шахматном соревновании, участвовало только два еврейских шахматиста: Левенталь и Горвиц. Из них только второму удалось занять призовое место. Бернгард Горвиц, как предполагают, родился в 1809 г. в Великом Герцогстве Мекленбург; умер он в 1885 году в Лондоне. Иоганн Якоб Левенталь (1810–1876) родился в Венгрии, но позже действовал тоже в Англии. Первый приз в турнире 1851 г. получил представитель Германии, немец Адольф Андерсен, который принадлежал к ведущим мастерам того времени. Только полтора десятка лет после лондонского турнира началась эра, которая отличалась деятельностью еврейских игроков в международном шахматном движении. Настоящее изложение относится только к этим мастерам еврейского происхождения, которые родились и действовали в Германии, или по своему воспитанию и образованию принадлежали к германской культуре.

Игнац Колиш.

В международном турнире в 1867 году в Париже первый приз получил впервые еврей, шахматный мастер Игнац Колиш. Также последующие места получили игроки еврейского происхождения: Шимон Винавер из Варшавы и Вильгельм Стейниц.

Колиш родился в 1837 году в Пресбурге (*Братислава*), в детстве прибыл в Вену, где в 1889 году скончался после бурно проведенной жизни в качестве журналиста и финансиста. Из Вены Колиш выезжал в Лондон и в Париж и там одно время занимался только шахматами. Его шахматная карьера была коротка. Он дважды состязался с Андерсеном: раз выиграл 5:4, второй раз проиграл 3:4. Таким образом, он оказался равным этому самому знаменитому немецкому шахматисту. Игра против Луи Паульсена была прервана, после 31 партии, и матч был признан, закончившемся вничью. (*Энциклопедический шахматный словарь сообщает о серии «легких» партий между Колишем и Андерсеном в 1860 году, окончившемся вничью. В 1861 году проиграл с минимальным счетом Андерсену: +3, -4, =2. Матч с Луи Паульсеном был прерван при счете +6, -7, =18 и действительно признан ничейным в виду затянувшегося времени. – С.Д.*)

Восхищение в шахматном мире завоевал Колиш не только своими спортивными успехами, но блестящем стилем игры. Он был мастером самых остроумных шахматных комбинаций всех времен. Одновременно преуспел как основатель «*Messenger de Paris*» и владелец «*Wiener Allgemeine Zeitung*» (1884/1888). Колиш также был успешным журналистом и выдающимся финансистом. Был возведен герцогом Саксен-Майнингенским в дворянское достоинство.

Состязание на мировое первенство.

Из пяти чемпионов мира до настоящего времени двое были еврейского происхождения: Вильгельм Стейниц и Эмануил Ласкер. В матчах на мировое первенство до сих пор (1948 год) участвовало тринадцать претендентов, из них пять гроссмейстеров-евреев.

Несмотря на победу в 1851 году в Лондоне, Андерсен ни в коем случае не считался самым сильным шахматистом мира. И его побеждали при индивидуальных состязаниях. Так, в 1859 году его победил Морфи, а затем в 1866 году Стейниц. Так вопрос о том, кто является первым шахматистом мира, оставался десятки лет открытым. Он стал актуальным только в начале восьмидесятых годов прошлого века. Потому, что тогда две выдающиеся личности в шахматах еврей Стейниц и

происходящий из Польши (*Люблина*) нееврей Иоган Герман Цукерторт (*Мизес ошибался: Цукерторт был евреем, о чем мы писали выше. – С.Д.*) во всех турнирах и отдельных состязаниях показали свое превосходство над другими претендентами. Когда в 1886 г. была организована встреча между ними, то Стейниц мог по праву и без возражений с какой-либо стороны объявить: мы сейчас боремся за мировое первенство по шахматам. Выиграл Стейниц: +10, –5, =5. Но нельзя считать побежденного И. Цукерторта игроком «послабее». Он был шахматным гением первого ранга, и как художник этой игры был равен Стейницу. Но Стейниц был более агрессивен, и это в спортивном отношении дало ему превосходство.

Вильгельм Стейниц и современная теория игры.

Первый чемпион мира по шахматам Вильгельм Стейниц (*родился в 1836 г. в Праге и умер в 1900 г. в Нью-Йорке*), победил во второй половине XIX века не только Андерсена и Цукерторта, но выиграл и у Блекбэрна, Чигорина, Гунсберга (родился в 1857 г. в Венгрии, умер в 1932 в Лондоне) и у Э. Шифферса (родился в 1850 г. и умер в 1904 году в Петербурге). Только почти шестидесятилетним стариком вынужден был уступить свой скипетр по шахматам на тридцать лет моложе себя Эм. Ласкеру, тоже еврей из немецкого языкового круга. Стейниц преуспел также как победитель ряда международных турниров: в Вене в 1873 году и в 1882 году вышел на первое место, а в Лондоне в 1883 г. был вторым. Стейниц в своей игре соединял теорию с практикой. Только немногие обладают этим мастерством. Так, например, Морфи, Ласкер и Капабланка были исключительно гениальными практиками. Они не внесли ничего нового, но укрепили и двинули вперед шахматное искусство. Как француз Филидор в XVIII столетии, так и Стейниц был пионером новых идей. Под его влиянием в шахматном искусстве около 1880 года начинается новое направление в древней игре, заменяющее «романтизм» на «позиционную игру». Подчеркиваем, что после Стейница, Тарраш и совсем недавно Нимцович были единственными, кто проложили новые пути шахматному искусству. Со смертью Андерсена в 1879 году, немецкий шахматный престол, так сказать, пустовал, и не было игроков, которые могли бы достойно противостоять в международных турнирах. Вскоре появилась новая смена, где рядом с Куртом фон Барделебеном, обратили на себя внимание шахматного мира еврейские мастера Тарраш, Мизес, Ласкер. (*Мизес несколько преувеличивает шахматную силу Барделебена – это был средней силы мастер. С.Д.*)

Зигберт Тарраш.

Д-р Зигберт Тарраш (*родился в 1862 г. в Бреславле, умер в 1934 г. в Мюнхене*) по профессии был врачом, практиковал в Нюрнберге и Мюнхене. Его слава началась с сильного турнира в Бреславле в 1889 г., где он, не проиграв ни одной партии, получил первый приз впереди Берна, Мизеса и Блекбэрна. Вслед за тем последовал целый ряд побед в турнирах. Тарраш занял первое место в Манчестере в 1890 г., в Дрездене в 1892 г., в Лейпциге в 1894 г., в Вене в 1898 г., в Монте-Карло в 1903 г., в Остенде в 1907 г. Также побеждал он в матчах – в 1907 году Вальбродта, в 1905 году победил Маршалла. В 1908 году проиграл матч Эм. Ласкеру, а в 1911 закончил вничью матч с К. Шлехтером. Шлехтер в это время был на вершине славы, потому что несколькими месяцами раньше закончил матч с Ласкером вничью (+1, –1, =8). Влияние Тарраша на стиль современных ему мастеров и на развитие шахматной игры на протяжении с 1890 по 1905 гг. было решающим. Помогли ему в этом его блестящие педагогические способности, ясный стиль и захватывающая форма содержания.

Эмануил Ласкер.

Доктор Эмануил Ласкер родился в 1868 году в Берлихенгене, провинции Бранденбург, умер в 1941 году в Нью-Йорке. Изучал математику и философию, некоторое время преподавал в манчестерском политехническом институте. Большую часть жизни он провел в Берлине, с 1930 г. в России и в Нью-Йорке. (*Мизес ошибался: Германию Ласкер покинул после прихода наци к власти. В СССР с 1935 г., в США с 1937 г.. – С. Д.*) На протяжении 27 лет был чемпионом мира. Звание он завоевал после победы над Стейницем в 1894 году. Пожалуй, никакой шахматный матч не произвел большей сенсации, как этот. Чемпион мира Стейниц, хотя и находился в преклонном возрасте, считался именно тогда непобедимым. Ласкер же, несмотря на молодость, хотя и достиг блестящих успехов ранее, тем не менее, никто не ожидал подобной победы +10, –5, при четырех ничейных партиях – таков результат этого поединка. После этого Ласкер доказал непрерывным рядом выдающихся успехов, что он заслужил звание чемпиона мира. А опасных соперников было много. Гроссмейстеры Яновский и Маршалл потерпели полное поражение, и даже сам Тарраш сумел в 1908 году добиться лишь почетного результата. В первоклассных международных турнирах Ласкер побеждал чаще всего со значительным преимуществом. Итак, вот эти победы: Лондон, 1899 г., Санкт-Петербург, 1896 г., Острава-Моравская, 1923 г., Нью-Йорк, 1924 г. В целом достойная восхитения шахматная карьера. Хотя в 1921 году Ласкер потерял звание чемпиона мира, проиграв Капабланке,

но этому способствовали исключительные обстоятельства. Матч состоялся в Гаване в особенно жаркую раннюю весну 1921 г. Игра не была доведена до конца: после 14 партий Ласкер из-за болезни сдал матч. Положение Капабланки было более выгодное. Для знатоков не было сомнений, что на игру Ласкера повлиял неблагоприятный для него климат.

Ласкер также занимался профессиональной литературной деятельностью, вел шахматную рубрику в ежедневной прессе и был автором замечательных учебников. Стоит отметить его небольшую брошюру «Здравый смысл в шахматной игре». В ней автор, в отличие от других учебников, не представляет данные обо всех дебютах и эндшпилях, а только дает общие правила для оценки партий. Для Ласкера характерно его изречение: «Надо остерегаться догматов. Догма – враг художника. Но все-таки есть истина и в шахматной борьбе, только не в таком виде, когда неопытный игрок ищет лучший ход. Увы. В то мгновение, когда этот лучший ход будет открыт, о чем он страстно мечтает, в этот же момент шахматная игра станет мертвой, потому что жизнь требует сомнений».

Арон Нимцович.

После Стейница и Тарраша, Нимцович – единственный шахматный гроссмейстер, который привнес новые идеи в научную трактовку шахматной партии. Он является главным представителем, если не прямым создателем, так называемого «гипермодернизма». Свои шахматно-стратегические правила, которые, разумеется, встретили, как всякое новшество, недоверие, он изложил в двух объемных трудах: «Моя система» и «Блокада».

Нимцович родился в 1886 году в Риге и юношей прибыл в Германию. После I Мировой войны осел в Копенгагене. Уже в юности Нимцович обратил на себя внимание на международной арене; но большая слава началась только с его победы в Мариенбаде в 1925 году. Спустя год в Дрездене, он завоевал первое место, на 1,5 очка опередив Алехина. Но самым блестящим достижением жизни считается его победа в Карлсбаде (1929 г.), при участии 21 сильнейших игроков того времени. Второй и третий приз разделили Капабланка и Рудольф Шпильман, четвертым был Акиба Рубинштейн. Ранняя смерть в расцвете творчества, в 1935 году на 50-м году жизни была тяжелой потерей для шахматного мира.

Рудольф Шпильман.

Этот выдающийся шахматист родился в 1884 г. в Вене, жил долгое время в Мюнхене, умер в 1942 г. в Стокгольме. Шпильман имел исключительные достижения в шахматных соревнованиях первого ранга: в один год – 1912 он завоевал второе место в турнирах в Сан-Себа-

тыяне и в Пестьяне, а в 1929 году разделил второе-третье места в Карлсбаде. Крупнейшего успеха в своей карьере он добился в 1926 году в Земмеринге, заняв первое место и опередив Алехина. В Теплиц-Шенау в 1922 году он разделил первые два приза с Р. Рети. Шпильман обогатил немецкую шахматную литературу новыми идеями.

Рихард Рети.

Р. Рети родился в 1889 в Пешинок, Словакия, а умер в 1929 г. в Праге. *(Иногда место рождения Рети пишется Печинок, иногда Пезинок. В любом случае – это крохотный городок неподалеку от Прессбурга – Братиславы – СД)*

Свой шахматный путь в международных турнирах начинал в 1918 году победой в Кошау. На протяжении 12 лет входил в число ведущих шахматистов своего времени. Его самые большие успехи: в 1920 – первое место в Гетеборге и дележ первого-второго приза со Шпильманом в Теплиц-Шенау в 1922 году. Рети написал сочинение под названием «Современные шахматные мастера». Его заслуга с точки зрения шахматного искусства в глубокое исследование эндшпиля. Как композитор Рети отличался глубиной замысла и парадоксальностью решения.

Четыре русско-еврейские мастера.

Осип Бернштейн, Сало Флор, Акиба Рубинштейн и Савелий Тартаковер – собраны в одной главе, поскольку ими написаны труды о шахматах на немецком языке. Труды, которые существовали в немецком языковом кругу.

Осип Бернштейн, в прошлом московский адвокат (родился в 1882 г. в Житомире), покинул Россию в 1917 г., жил некоторое время в Берлине. Он завоевал вместе с Шлехтером первый и второй призы в Стокгольме в 1906 г., и разделил первый и второй приз в Остенде в 1907 г. с Рубинштейном.

Сало Флор родился в 1908 г. (с. Городенка, Станиславской губернии) стал известен в международных шахматных кругах как один из выдающихся представителей молодого поколения, благодаря своим победам в Слияч (Югославия, 1932 г.), где разделил первый и второй приз с М.Видмаром; затем в 1934 г. в Цюрихе разделил второе-третье места с Максом Эйве, будущим чемпионом мира. Первые места он завоевал в Гастингсе (1931/1932 гг., 1932/1933 гг., 1933/1934) гг., в Маргите в 1936 г. впереди Капабланки и в 1939 году в Москве.

Акиба Рубинштейн родился в 1882 г. в Стависке (*русская Польша*), его постоянным местом жительства до прихода Гитлера был Берлин. (*Это не точно, до 1932 г. жил в Польше, с 1932 г. до смерти в 1961г. в Брюсселе*) Первые призы получил в Карлсбаде в 1907 г., в Сан-Себастьяне в 1912 г., в Пестьяне в 1912 г., в Бреславле в 1912 г., в 1909 году в Петербурге разделил первый-второй призы с чемпионом мира Эм. Ласкером.

Доктор Савелий Тартаковер родился в 1887 году в Ростове-на-Дону и упоминается здесь, как выдающийся автор ряда остроумных работ на шахматные темы на немецком языке. К их числу входят следующие: «Ультрасовременная шахматная партия» (Вена, 1924 г.), «Неоромантические шахматы» (Берлин, 1928 г.), «Шахматная методика» (Берлин, 1929 г.) и др.

Якоб Мизес.

Автор этой работы родился в 1865 году в Лейпциге, изучал естествознание, с 1893 года занимался профессиональной шахматной деятельностью. До 1938 года проживал частично в Берлине, частично в Лейпциге; затем переехал в Лондон. Участвовал во многих международных турнирах, отчасти с хорошими результатами. Вершиной шахматной карьеры можно считать участие в венском турнире 1907 года, где добился 80% очков, опередив Дураса, Мароци, Шлехтера, Видмара и Тартаковера. Кроме того, Мизес занял первое место в Ливерпуле в 1923 году: здесь ему удалось выиграть все партии, за исключением одной, окончившейся вничью. (*Неточность: Мизес сделал две ничьи и набрал 8 очков из 9, что составляло почти 90%! Напомним, что ему было тогда 58 лет. – С.Д.*) Как шахматный журналист Мизес был самым активным из всей пишущей братии. В течение более 40 лет предоставлял материалы для газет и журналов в Германии и в других странах. Он вел шахматные разделы; кроме того, издал сборники партий и несколько учебников. Наиболее популярным в шахматном мире считался учебник «Дюфрень – Мизес». Первые шесть изданий принадлежали Дюфрени, умершему в 1893 году. У учебников, начиная с седьмого издания по четырнадцатое, вышедшее в 1937 году, издателем был Мизес. Потом издательство Philipp Reclamjun. в Лейпциге было вынуждено выпустить издание, где все еврейские имена были вычеркнуты.

После окончания войны Мизесу была поручена «денацификация» книги. Несмотря на преклонный возраст, 82 года, автор этой главы продолжал свою деятельность как международный шахматист и как журналист».

СТАТЬЯ А. РУБИНШТЕЙНА

опубликована в журнале «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», М., 1925, №2, с.4.

«ШАХМАТНЫЙ РЕГРЕСС»

От редакции.

Помещая статью А. Рубинштейна, одного из завершателей классической школы, мы не солидаризируемся с ней, а просто даем место полемике как голосам «за», так и «против» возникшего «нового течения».

Написанная год тому назад, статья не лишена актуального интереса. Она не охватывает вопроса широко, но содержит несколько интересных мыслей. Основной вывод её: «отказ от научных методов исследования является концом шахмат».

«В последнее время много говорят о так называемом «сверхсовременном» стиле игры. Да будет мне позволено, – сказать по этому поводу несколько слов.

Прежде всего, хотелось бы заметить, что мои выводы не касаются личностей: критика относится всецело к методу (системе).

Под сверхсовременным стилем, или иначе – под новыми идеями в шахматах, я понимаю такие принципы, максимы или правила, которые базируются на научной основе – подобно тем, что оставила старая школа. Для характеристики шахматных принципов наших классиков я приведу некоторые из них в виде примера:

1. Использование открытых линий (Морфи).
2. Перевес в пешках на ферзевом фланге (Стейниц).
3. Вначале развивают коней, а затем лишь слонов (Ласкер).
4. Конь на b6 стоит почти всегда плохо (Тарраш) и т.д.

Такие же мысли, имеющие характер научности, искал я и в современной манере игры, но до сих пор тщетно. И у меня возникает сомнение, – располагает ли модернизм вообще подобным материалом.

Все модернизирование, как будто, ограничивается дебютом, – в первую голову защитой ферзевого гамбита, а также некоторыми открытыми началами, как, например, гамбит Брейера и защита Алехина. Современное «улучшение» защиты в дебюте ферзевых пешек будто бы заключается в том, чтобы на 1.d2–d4 отвергнуть обычный ответ 1... d7–d5 и вместо этого играть 1...Kf6 с немедленным fianкетированием слона на g7; этому должно, при случае, следовать фланговое развитие и второго слона. Основанием для подобного развития должно служить то соображение, что после хода 1. ...d7–d5 пешка на d5 подвержена различным атакам, вроде c2–c4.

Здесь возникает вопрос, – действительно ли fianкетирование представляет собой улучшение по сравнению с испытанным уже ходом d7–d5? Является ли оно более обоснованным с научной стороны? Я поверю этому с трудом, – скорее обратное имеет место. Всякое фланговое развитие само по себе подозрительно, во-первых – из-за потери времени, во-вторых, – так как влечет за собой слабости в позиции. В приведенном случае у черных поля f6–h6 или c6–a6, кроме того, продвинутые пешки g6 или b6 создают стимул к атаке. Белыми можно уже скорее позволить себе фланговое развитие слонов. Все попытки защищать fianкетированием испанскую партию или игру четырех коней до сих пор не удавались и, именно, из-за названных слабостей! Гениальный Морфи, который благодаря своей исключительной интуиции, всегда избирал правильные продолжения в дебюте. За все время своей шахматной деятельности применил fianкетирование только два раза. Это уже, наверное, не случай, а расчет.

Во всяком случае, следует признать, что слабости флангового развития слонов не так быстро и не так ясно сказываются в закрытых партиях, как это имеет место в открытых. Использование этих слабостей – труднее и продвигаются более медленным темпом. Однако и здесь должно быть, возможно, – достижение ряда маленьких позиционных преимуществ, которые затем без особого труда можно уплотнить, суммировать.

В новейшей турнирной практике мне не встречалась еще ни одна партия, где черные, защищаясь сверхсовременно, стояли бы лучше, чем в обычной старой защите.

Единственное преимущество новой защиты покоится исключительно на её *новизне*. Относительно она еще мало исследована, менее знакома противнику, и он может легче в ней ошибиться, что часто и случается.

Но следует, ведь, различать чисто практический шанс и научное построение дебюта, – ценность мгновенную и ценность постоянную.

Что же касается названных выше новооткрытых дебютов, то нужно констатировать, что гамбит Брейера давно уже опровергнут и отставлен.

О защите Алехина должен сказать, что, при всем моем уважении к гению русского гроссмейстера, мой шахматный инстинкт с первого же момента восстал против нее. Если бы эта, пожирающая время, экскурсия коня через f6 и d5 на невыгодное поле b6 было бы на самом деле корректна, и если бы белые при этом не

были в состоянии извлечь для себя какое-нибудь преимущество, то следовало бы вообще усомниться в существовании научной теории дебютов. Но вся эта система игры в действительности некорректна, что можно доказать аналитически (вариантами).

Что меня особенно удивляет, так это то обстоятельство, что д-р Тарраш, этот классик доброй старой школы, исключительно тонко воспринимающий эстетику построения дебюта и как-то метко сказавший: «шахматы – ведь не задача «ход коня», избирает в серьезных турнирных партиях защиту Алехина и что-то много «ходит» конем.

Итак, сверхсовременный стиль базируется, к сожалению, не на научной основе, поэтому его дни сочтены; его исчезновение есть вопрос ближайшего времени».

Примечание: Гамбит Брейера, разновидность королевского гамбита: 1. e4 e5 2. f4 ef 3. Фf3.

В Москве, 2 января 1910 года, за несколько месяцев до первого участия Алехина в большом международном турнире в Гамбурге, было сыграно две партии: одна консультационная Алехин и Бернштейн против Рубинштейна и Гончарова; вторая партия один на один Алехина против Рубинштейна. Союзники победили Рубинштейна и Гончарова, а Алехин свою партию проиграл.

Два слова в адрес Бернштейна: он не боялся могучего Акибу и довольно часто выигрывал у него. Так в 1912 году во Всероссийском первенстве одержал две победы. Алехин же проиграл свою первую партию против гроссмейстера, но опыт общения с сильными игроками ему пригодился в будущем. Мы приводим эту партию ниже, так как она малоизвестна. Даже в книге Яна Календовского об Алехине она приведена с ошибками. Дебютную часть Алехин провел очень слабо.

Эта позиция возникла после 27 хода черных b7-b5. Бить ферзем на a6 плохо из-за 28-го хода черных C:e4, 29. Л :d7 Ф:d7, 30. Л:e4 Фh5+

1. e2-e4	e7-e5
2. Kg1-f3	Kb8-c6
3. C f1-b5	a7-a6
4. Cb5:c6	d7:c6
5. d2-d3	f7-f6
6. Cc1-e3	Cc8-g4
7. Kb1-d2	c6-c5
8. Kd2-c4	Cf8-d6
9. Фd1-d2	Kg8-e7
10. Фd2-c3	Ke7-c6
11. Kc4:d6	c7:d6
12. K f3-d2	Cg4-e6
13. f2-f4	0-0
14. Kd2-f3	Kc6-d4
15. Фc3-d2	d6-d5
16. c2-c3	Kd4:f3
17. g2:f3	c5-c4
18. f4-f5	Ce6-f7
19. Лh1-g1	Kpg8-h8
20. d3: c4	d5:e4
21. f3: e4	Cf7:c4
22. Фd2-g2	Лf8-f7
23. Лa1-d1	Фd8-c7
24. Фg2-c2	Ла8-d8
25. Kpe1-f2	Лf7-d7
26. Фc2-a4	Cc4-d3
27. Лg1-g4	b7-b5

Далее партия идет следующим образом

Позиция после 27 хода черных

28.Фa4-b4 Cd3-e2!
29.Лd1:d7 Фc7:d7
30.Лg4-g1 Ce2-h5
31.Лg1-e1 Фd7-d3
32.Фb4-e7 h7-h6
33.Кpf2-g1 Кph8-h7
34.Се3-f2

Данная позиция возникла после 34.Се3-f2. На это последовал сильный ход Рубинштейна Фd3-h3! И Алехин вынужден был отдать фигуру. Вот концовка партии.

Позиция после 34 хода белых

34... Фd3-h3!
35.Сf2-d4 Ch5-f3
36.Кpg1-f2 Фh3-g2+
37.Кр f2-e3 Cf3:e4
38. Л e1-e2 e5:d4+
39. c3: d4 Фg2-f3+
Белые сдались.

Но уже через год в Карлсбадском турнире 1911 года Рубинштейн с большим напряжением выиграл длинный ладейный эндшпиль у того же Алехина, хотя молодой мастер оказал отчаянное сопротивление. Возможность «рассчитаться» с Акивой Рубинштейном удалась Алехину, уже гроссмейстеру, только после Первой Мировой войны.

**ПРОЛОГ И ЭПИЛОГ
К НЬЮ-ЙОРКСКОМУ ТУРНИРУ 1927 года.**

Бернгард Каган в своем журнале «Kagan's Neuste Schachnachrichten» опубликовал следующие сведения о закулисной стороне подготовки Нью-Йоркского турнира 1927 года.

«Мы перепечатаваем из «Эссенской газеты» от 21 декабря 1926 года следующее заявление:

«В марте будущего года должен состояться решающий небольшой турнир между первыми гроссмейстерами. Среди фамилий, названных до сих пор, мы не обнаружили имя бывшего чемпиона мира д-р. Ласкера. Очевидно, немецкий мастер, который до сих пор считается в широчайших кругах самым сильным шахматистом мира, и его участию в Нью-Йорке шахматный мир придает большое значение – до сих пор не получил приглашения. Мы обратились к доктору Ласкеру, который, как знают читатели, является постоянным сотрудником нашего журнала, с просьбой дать объяснение. Мы получили следующее интересное объяснение.

Д-р Ласкер, среди прочего, пишет следующее: «Мотивы, по которым «Комитет» высылаал приглашения на турнир, я могу себе представить, так как среди главных членов «Комитета» находятся те же лица, которые организовывали турнир в Нью-Йорке в 1924 году. Кажется правильным предать публичной гласности те отношения, которые сложились между мной и указанным «Комитетом».

В 1923 г. и в начале 1924 я проживал в Голландии. Германия страдала тяжелыми последствиями инфляции. Инфляция уничтожила все мои сбережения. В Голландии меня принимали радушно. Друзья предоставили мне возможность работы вне шахматного поприща. Тогда я вдруг получил письмо от г. Кагана, в котором было приглашение на турнир в Нью-Йорк. Приглашение явно было рассчитано на то, чтобы оскорбить и унижить меня.

Ибо одновременно я был уведомлен, что в случае моего отказа, уже назначен запасной – д-р Тарраш. Приглашение содержала просьбу дать ответ об участии в течение 24 часов. Явное пренебрежение «Комитета» дало мне понять, что у него нет желания вести со мной переговоры. Совершенно ясно, что те, которые прислали мне вышеупомянутое приглашение через г. Кагана – лично оставались анонимными: они рассчитывали на мой отказ.

По двум причинам я склонялся принять приглашение: во время проведения Лондонского турнира 1922 года, я заметил, что в шахматном мире господствует дух интриги. Туда меня не пригласили, турнир прошел без напряжения, т.к. у Капабланки не было конкурентов. Английская публика жаловалась по этому поводу. На следующий турнир в Гастингсе я был приглашен. Я требовал скромный гонорар в размере 100 фунтов: мне было отказано. Через господина Кагана мне предложили сумму значительно меньшую: тогда я не принял участия в турнире. Вместо меня пригласили д-ра Тарраша. (*Гастингский турнир, проходивший с 9 по 21 сентября 1922 года по двухкруговой системе, окончился победой Алехина. 2-м был Рубинштейн, 3-м Боголюбов. Тарраш был на предпоследнем месте. Капабланка не играл. – С.Д.*) После этого на меня напал Капабланка в пятистраничной {резкой} оскорбляющей статье, опубликованной в «British Magazin». Я послал в «British» ответ, в котором опроверг существенными доказательствами ложные высказывания Капабланки, и «Magazin», после 4-х недельного размышления вернул мне рукопись и отказался от её публикации. Это предшествовало способу моего приглашения в Нью-Йорк и доказывало всем этим, что против меня действовала объединенная, но скрытая сила, сознательно действующая против меня, а центр её надо было искать среди приверженцев Капабланки. Эта интрига была направлена не только против меня. Я был только её первой мишенью атаки, но не последней. В плане на прицел был взят и Боголюбов; также и Рубинштейн, который всегда противопоставлялся Капабланке. Я чувствовал, что я обязан выступить лично против этого. Но не это было главной причиной, побуждающей меня к действию. Конфликты, в которых только моя персона находится в центре внимания, мной не выносятся на общее обозрение. Я поклонник поговорки: «Божьи жернова молотят медленно, но зато очень, очень тонко».

Каждый любит землю, по которой ходил ребенком; материнскую речь, которая передала ему человеческую культуру. Где-то там внутри меня, во мне живет немецкий лес, немецкая речь. В Лондоне не было представителя немецких шахматистов; в Гастингсе и др. турнирах поменьше, играл д-р Тарраш. Что касается Моравы Островской, то я был убежден, что я могу лучше сражаться против молодых мастеров, чем это делал до сих пор д-р Тарраш. Немецкие шахматисты призывали меня в Нью-Йорк.

На открытии турнира в Нью-Йорке меня встретили сотни присутствующих горячими аплодисментами. Тогда же председатель «Комитета» выразил мнение, что мое участие подняло напряжение турнира. Очевидно публика не имела ни малейшего представления (разрядка Эм. Ласкера. – С.Д.) об оскорбительной форме приглашения; возможно и председатель этого не знал. Я сразу понял, что «Комитетом» управляет маленькая группка, которая сумела остальных оставить в незнании. Ведущий этой маленькой группы опять был господин Ледерер. Я узнал у членов «Комитета», что переписка с мастерами была поручена Ледереру, и был предусмотрен для меня гонорар, равный тому, который получил Капабланка. Я спросил господина Ледерера: ответственен ли он за способ приглашения меня, которым рассчитывали сорвать мое участие? На этот вопрос, несмотря на все мои усилия, я так и никогда не получил объяснения.

В турнире я сразу стал лидировать. Это не был спокойный темп Лондонского турнира, и Капабланка должен был выкладываться, чтобы поспешать за мной. С большим напряжением следила публика за нами во время второй нашей встречи, в которой у моего противника был первый ход. Мы все были взволнованы; это было возбуждение, которое требовало у творцов огромной отдачи. Игра велась с большой страстью... Вдруг, я заметил, что шахматные часы идут неправильно. Регулировал их г. Ледерер. и они находились под его непосредственным контролем и ответственностью. После проверки выяснилось, что из-за технической неисправности, я поплатился 15-ю минутами времени для размышлений. Дело ухудшалось тем, что я посвятив время на проверку, потерял ещё 20 минут из времени, предвиденного для отдыха во время перерыва. Выяснилось, что несколько любителей заметили осечку часов и стали искать г. Ледерера, чтоб он исправил их, но его не могли найти. Спрашивается, не знал ли г. Ледерер часов, за которые был ответственен? Его обязанностью было хорошо знать часы, особенно те, которыми пользовались при такой важной партии. Он должен был присутствовать [в зале], чтобы в случае нужды отрегулировать часы. Вследствие случившегося: потеря времени на обдумывание и переутомление – я сделал очень грубую ошибку в хорошей простой позиции и из-за этого проиграл. Это единственная партия, которую я проиграл в Нью-Йорке...

Тот же самый г. Ледерер был назначен ведущим членом турнирного комитета в 1927 году. Этого было уже достаточно, чтобы моё участие в этом турнире сделать невозможным. Но, кроме того, есть еще два других обстоятельства, которые доказывают, что организаторы турнира пытаются препятствовать моему участию, хотя многие любители вне США страстно этого желают».

(Конец цитаты из Эм. Ласкера)

Далее Б. Каган публикует ответ Норберта Л. Ледерера

на обвинения Эм. Ласкера.

В New-Yorker «Times» от 26 января (1927 г.) Ледерер оправдывается следующим образом:

«Д-р Ласкер не был приглашен на Нью-Йоркский турнир в этом году. Причина в том, что он в письме в «Manhattan Chess Club» жаловался, что еще не получил принадлежащую ему часть «Surplus» вступительных взносов за 1924 год. А ведь по официальным данным остался дефицит в размере 400 долларов. Доктору Ласкеру сообщили, что он будет допущен к будущему турниру, если пришлет телеграмму о своем согласии одному из местных членов [«Комитета»]. От этого бывший чемпион мира отказался, и потому турнир состоялся без его участия. Причина, по которой формальное приглашение не было послано немецкому мастеру, состояла в том, что, по мнению «Комитета», это вызвало бы со стороны Ласкера опять оскорбительное письмо с новыми жалобами на то, что «Комитет», как будто его обманул».

Отдельно Ледерер отвечает на упрек др. Ласкера, что в 1924 году ему дали лишь один день для принятия решения об участии в турнире: «У нас имеется [копия] телеграммы, посланной по [трансатлантическому] кабелю, как доказательство того, что у него было 12 дней для размышления по поводу участия в турнире, и это проверяли близкие друзья Ласкера в этой стране. [США.] Мы не получали от него никакого ответа. Мы ждали, насколько было возможно, с последними распоряжениями. Наша последняя телеграмма по кабелю, в самом деле, оставляла ему только один день». [Для принятия решения].

«Ласкер жалуется, что обыкновенные командировочные в размере 500 долларов ему не оплатили. Эта сумма выплачивается только чемпиону мира, и, очевидно, об этом др. Ласкер забыл. Что касается «Surplus» а – то это требование несерьезное, т.к. дефицит в сумме 400 долларов «комитет» вынужден был покрыть из собственного кармана».

«Жалоба, что манипулировали с турнирными часами, для того, чтобы повредить Ласкеру, абсолютно неверна. Что случилось во второй партии Капабланка – Ласкер? Было то, что Ласкер забыл после своего хода перевести часы. Из-за этого произошла потеря времени, что принесло ему ущерб, а он этого не заметил. Я поспешил туда и остановил его часы, что, конечно, ему не повредило, а пошло на пользу. Он утверждал, что часы были исправлены только потом, и он потерял ещё 15 минут. Это неверно. Он утверждал, что это приключение с часами повлияло на него, и из-за этого он совершил ужасную ошибку, которая привела к проигрышу партии. Но это не тот случай! Ошибку совершил Ласкер вечером три или четыре часа спустя».

Во второй части своего ответного письма, Ледерер переходит в атаку. Он упрекает Ласкера в «unfair tactics» и приводит такие примеры: [Ласкер] мешает противнику неподходящим предложением ничьи: он раскрывает окна, что мешает противнику и т. н. «выкуриванием» противника. Об этом он пишет: «Во время игры немецкий мастер курил длинные, черные пятицентовые сигары, которые обыкновенным людям причиняют раздражение носоглотки. Когда Ласкер не сидел за шахматным столом, он курит превосходные гаванские сигары. Когда только бывший чемпион мира закуривал свою пятицентовую сигару, стоящие кругом спешили предложить ему дорогие сигары. Но эти он откладывал для другого часа, и в это же время продолжал «дальше курить свои ужасные черные сигары».

Против этого [выпада] д-р. Ласкер не остался должником. В ответ он обвиняет «Комитет» в том, что тот не представил ясного отчета о расходах. Ему кажется, что «Комитет» [справедливо] утверждая некоторым шахматным мастерам субсидии (Яновский, Эймс и др.), все же располагал какими-то излишками. И эти [излишки] были присуждены некоторым мастерам. Из-за последующего соглашения и выплаты, в конце концов, от них ничего не осталось. Это называется быть великодушным за счет других. Дальше, он считает некорректным, что в книге о турнире 1924 года об обещании данным мастерам, ничего не упоминается. Далее, в связи с этим, д-р Ласкер затрагивает взгляд на долг и честь:

«По обязанности надо защищать честь шахматных мастеров, а не принижать её. Есть разница в том, интересуют ли шахматные партии малую или большую шахматные аудитории. В последнем случае правильным и справедливым будет отразить это в гонораре; зато неправильно и несправедливо, когда это недооценивают.

Честь призывает встать на защиту доброго дела, как это я делаю, но не ставить высшие оценки более талантливым: это противоречит фундаментальным нормам общества, это необоснованно... Было бы ошибочно думать, что здесь обсуждают только единичный случай. Это борьба принципиального смысла и касается каждого творческого шахматного мастера, как сейчас, так и в будущем».

Я не мог до сих пор решиться опубликовать заявление др. Ласкера и возражение г. Ледерера, т.к. нахожусь в дружеских отношениях с лицами, участвующими в этом деле. Теперь я делаю это по желанию многих читателей».

/Подписано: «Б. Каган»./

НЕОБХОДИМЫЕ КОММЕНТАРИИ

Изумительная полемика! Кажется, если откинуть имена и частности, все может быть написано в наше весьма нелегкое шахматное время. Хотя гонорары выросли в сотни или даже тысячи раз, но человеческая натура не поддается изменению.

Не все в объяснении д-ра Ласкера логично. Партию против Капабланки, игранную черным цветом, он играл так, как никогда, с высшим напряжением воли. Думаю, он хотел выиграть её. Тем паче у него была лишняя фигура за три пешки. Объективный анализ показывает, что ничья была закономерным результатом. Но... хотел выиграть, и тут произошел инцидент с часами. Время от времени такое происходит и на турнирах сегодняшнего дня и не обязательно виноват судья или организатор. Внимание Ласкера было отвлечено. Ибо он принадлежал к шахматистам, высочайшей концентрации. Ему подобно Стейницу, можно было во время игры пилить ногу, и он ничего бы не заметил. *(Р. Шпильман)* Этот игровой сбой привел к катастрофе. Так было, скажем, с Талем, когда из-за шума публики Ботвинник потребовал перенести игру со сцены в отдельное помещение. Таль временно потерял нить игры. К счастью для него все обошлось благополучно. У Ботвинника был неприятный инцидент с часами во время матч-реванша с В. Смысловым: он просто забыл об их существовании и в простой и выигранной позиции просрочил время. А современник и соперник Ласкера Акиба Рубинштейн в 1928 году в Берлине, имея против Ф. Маршалла выигранную позицию и полчаса на один ход, умудрился просрочить время: не то забыл, не то выпал из времени – неясно. Но, возвращаясь к Ласкеру, обратим внимание, на аналогич-

ные проигрыши им Капабланке в пятой партии матча, когда в ничейной простой позиции он грубо ошибся – это было после гениальной защиты с пожертвованием качества. Тоже было и в одиннадцатой партии – выигрыша у Капы не было. *(Тонкий знаток шахмат Борис Самойлович Вайнштейн, заметил по поводу этой партии, что удивительная жизнеспособность, казалось бы, безнадежной позиции, внушает надежду на то, что и человеческий организм может совладать с неизлечимым недугом. «Было бы поистине несправедливо, если бы человек как система был менее устойчив, нежели шахматная позиция...»). Такое сильное впечатление производит игра Эм. Ласкера! – см подробнее: Б.С. Вайнштейн «Мыслитель», М., 1981, с. 204.)* Спустя четыре года в Москве, Эм. Ласкер получил тяжелый эндшпиль против Левенфиша. Он увидел спасающую комбинацию с промедлением в один ход и проиграл советскому мастеру. Наконец, опять в Москве, в 1936 году играя вторую партию против Капабланки, «старик», аккуратно мог сделать ничью на 38-ом ходу, а в ферзевом эндшпилье на 54-ом ходу мог поставить своему противнику тяжелейшую задачу реализации преимущества. Анализ простирался минимум на 12 ходов. Сразу после партии Ласкер указал на все эти варианты. Можно допустить, что в возрасте свыше 50 лет эти сбои учащаются... Рассуждение о сигаретном дыме действительно следует передать Остапу Бендеру... и Арону Нимцовичу, как известно, не выносившему табачного дыма.

В предисловии к книге А. Алехина о Нью-Йоркском турнире д-р Ледерер описывает радужную картину приглашения и пребывания мастеров в США. Также он говорит о щедрых жертвователях *(по «нонешним» временам – спонсорах)*, а также об обильной выручке от проданных билетов. Ни слова о проблемах, возникших с Эм. Ласкером. Наоборот, о Ласкере с почтением. Сор из избы не выносится. Из текста явствует, что именно Ледерер был движущей силой этого турнира: без его энергичной работы соревнование бы не состоялось. Приблизительно так говорит о его деятельности и С. Тартаковер: «...Норберт Ледерер, самоотверженный секретарь турнира, благодаря инициативности которого, спавшая до тех пор Америка провела за четыре года два мировых и два панамериканских турнира!» *(С.Г. Тартаковер «Нью-Йоркский матч-турнир 1927 г.», Л., 1927, с.11)*. Все это отнюдь не снимает вопроса об интриге.

А теперь частности. Александр Александрович Алехин говорил в своей пресловутой статье о «еврейской столице мира» – Нью-Йорке. Увы, «еврейская столица» была против своего сына. Все это не вписыв-

ваются в теорию логичного антисемитизма. Учтем и то, что д-р Норберт Л. Ледерер (*d-r N.L. Lederer*) был ласкеровским соплеменником. Ясно, что Нью-Йорк стоял на стороне Капабланки и тем оказал ему медвежью услугу. Но вместе с тем следует повториться, что организаторы турнира 1927 года «облагодетельствовали» Алехина. Сравнив таблицы турниров в Нью-Йорке 1924 и 1927 годов, мы совершенно ясно увидим, что первые два места были «забронированы» за старым и новым чемпионами мира. При участии Ласкера в турнире 1927 года вполне допустимо, что он занял бы минимум второе место. В этом случае Алехину матча с Капой пришлось бы еще долго дожидаться. А в варианте: Ласкер – первый, Капабланка – второй, то кубинцу бы не отвертеться от матча с альтмейстером! Так что повторимся – неприглашение Ласкера было выгодно «молодым».

Боголюбов затребовал заведомо преувеличенный экстра-гонорар, а в ответ на посредничество Капабланки, предложил чемпиону мира сыграть с ним матч, вместо участия в «посредственном турнире». Как ни странно, «Комитет» «обидевшийся» на Боголюбова и изгнавший его из списка приглашенных, в итоге помог Ефиму Дмитриевичу сыграть матч на мировое первенство с Алехиным! Легко предсказать результат многокругового турнира с участием Капабланки, Ласкера и Алехина для Боголюбова. Даже в свои звездные часы (*Москва 1925, Киссинген 1928*) он проигрывал Капе, да и результаты против Ласкера и Алехина были тоже не утешающими: проще сказать – они были удручающими. Так, к этому времени он проиграл Капе в турнирах три безответные партии. И плюс еще одну гастрольную партию, играную 15 февраля 1914 года. Черным цветом в «испанке» Капа красиво разнес «Бого». Такого же мнение был и Тартаковер, считавший, что Боголюбов сознательно не хотел ехать в Нью-Йорк, пасуя перед негативными результатами прошлого. (*С.Г. Тартаковер «Нью-Йоркский матч-турнир 1927 г.», Л., 1927, с.5. Так к этому времени он имел против Алехина счет +1, -5, =6, по подсчету Зноско-Боровского*). Так что из всего дела пострадал лишь ветеран: время работало против него. Заметим также, что Алехин в письме к Левенфишу утверждает, что в Нью-Йорке у Капабланки лишь несколько личных друзей; большинство его недолюбливает. (*См. Г. Левенфиш «Избранные партии и воспоминания», М., 1967, с.85*). Выскажем догадку, что американцам, вероятно, не нравился постоянный погром, который учинял кубинец Маршаллу. Национализм, что поделаешь... Когда глядишь на таблицу Нью-Йоркского турнира 1927 года и смотришь на результаты Маршалла, можно только пожа-

леть старого (но не такого старого как Ласкера – разница в девять лет) альтмейстера: из четырех партий с Капой – одна ничья и три проигрыша. Итог: шесть очков из двадцати. Последнее место. Турнир состоялся в начале года: с 19 февраля по 25 марта. А год был интересный. Как сыграли ведущие шахматисты тогда?

Для начала стоит определить, кто являлся действительным претендентом в то время. За неимением коэффициентов Эло, современникам приходилось сравнивать. И делали они это довольно точно. Ясно, что первым был Капабланка, а вторым Ласкер. Думаю, что Эло Ласкера могло быть не ниже, чем у чемпиона мира. Он его опережал дважды. В том числе 80% набранных очков в Нью-Йорке, почти 81% в Острове Моравской и даже второе место в Москве –70% , но опять выше Капы.

У Капы в Нью-Йорке – 72,5%, в Москве – 67,5% . Вообще, если даже Капа занимал первые места в супертурнирах, то процент набранных очков был недостаточно высок: Сан-Себастьян 1911 г. – около 68%; Москва 1936 г. – 72%; Ноттингем 1936 г. – около 71%. Рекордов Ласкера в супер-турнирах он не достигал. Даже в Лондонском турнире 1922 года он среди гроссмейстеров набрал пять очков из семи, т.е. чуть больше 70%. Кстати, второй результат среди гроссмейстеров в Лондоне был не у Алехина, как можно предполагать (четыре из семи), а у Рубинштейна – четыре с половиной из семи

Затем безоговорочно, но с серьезным отставанием, шел Алехин, со многими победами, включая 80% результат в Баден-Бадене.

Далее, с большим отставанием от Алехина, расценивались шансы Боголюбова. Победа в Пестьяне в 1922 году – свыше 83% и звездный час в Москве в 1925 году дал ему 77,5%.

Чуть ниже расценивались шансы Нимцовича. Почти 100% результаты в Дрездене (*выше Алехина*) и Ганновере и другие победы обеспечили ему место в списке приглашенных. Грандиозная **виктория** в Карлсбаде – еще была в будущем.

Затем у организаторов возникла проблема. Нужно было пригласить представителя США. Это был стареющий Маршалл. Было проведено два турнира в 1926 году. Первый, т.н. «всеамериканский турнир», в Лек-Хопатконге, где первое место легко взял Капабланка. Но Маршалл провалился. Второе место неожиданно взял молодой мастер Арон Купчик (1892 – 1970), уроженец Брест-Литовска в России, Мароци был третьим, а Маршалл четвертым. Это был не первый успех Купчика. Так в 1923 году на американском турнире в том же Лек-Хопатконге он разделил первое-второе места наравне с Маршаллом.

Ледерер срочно организовал второе соревнование в Чикаго, т.н. «турнир американских мастеров» без Капы, где Маршалл спас «честь», заняв первое место. Разделившего второе-третье места с Мароци Карлоса Торре хотели тоже пригласить играть, но, к сожалению, к этому времени он неожиданно заболел психическим расстройством. Но и в этом турнире не все было гладко: до последнего тура на первом месте шел Торре, опережавший на пол-очка Маршалла, Мароци и Яффе.

Чарльз Яффе (1874–1941) уроженец м. Дубровно в России. В Нью-Йоркском турнире 1913 года получил третий приз, выиграв у Капы и сведя вничью партию с Маршаллом. Единственный мастер, кроме, Эм. Ласкера, одержавший две победы над Капабланкой в турнирах. В своих воспоминаниях Яффе жаловался на Капабланку, обвинявшего его, что в Гаванском турнире 1913 года «сплавил» партии Маршаллу с целью, чтобы тот обогнал кубинца. Не эту ли историю вспомнил Хозе-Рауль и-Граупера в 1936 году в Москве в разговоре с Левенфишем? Добавим, что Яффе в 1907 году редактировал недолговечный журнал «Jewish chess magazine», а в 1913 году проиграл короткий матч Капабланке $-2, =1$. Уже не будет времени сказать несколько слов в адрес американских шахматистов – большинство из них евреи. Один из современников и соплеменников Яффе – Оскар Чайес (Chaies) (1873–1928), уроженец Галиции, эмигрировал в США в 1904 году. Он неплохо играл в американских турнирах, но в европейских не особенно удачно. Дважды командированный в Карлсбад в 1911 и в 1923 году, он не вполне оправдал надежд. В обоих турнирах он одержал победы над Шпильманом, а в 1923 году над Нимцовичем и Рети. Удачно играл против русских мастеров в 1911 году, выиграв у Дуз-Хотимирского, А. Рабиновича и Левенфиша. В 1918 году выиграл матч у Яновского: $+7, -5, =10$. С Капабланкой он играл не совсем удачно: в финале Нью-Йоркского турнира 1916 года из одиннадцати партий сделал три ничьи и одну выиграл. После этого поражения Капа оставался непобедимым до Нью-Йоркского турнира 1924 года, где проиграл Рети. Но вернемся к последнему туру турнира в Чикаго. Торре неожиданно проигрывает Эдуарду Ласкеру, Яффе – Купчику, Мароци делает ничью с занявшим последнее место Изааксом, а Маршалл в ничейном положении выжал очко у Шовальтера. Кстати, Торре выиграл у обоих гроссмейстеров – Маршалла и Мароци: жаль юношу.

Любые выкладки не давали возможности Маршаллу войти даже в десятку сильнейших игроков того времени. Его крупнейшие успехи были в прошлом. Первых призов в международных турнирах он не брал с 1912 года. А в турнирах экстра-класса, с 1904 года (*Кембридж* –

Спрингс; это и был его единственный успех в турнирах такого рода). Матчевые результаты против Ласкера, Тарраша и Капабланки катастрофичны. В трех матчах он выиграл две партии, а проиграл двадцать четыре! У Ласкера он вообще в матче не выиграл ни одной партии. За ним числился еще один проигранный матч неприглашенному Рубинштейну. Но страна-организатор должна иметь своего представителя...

Затем в списках разночтения. В одном из них впереди идет Видмар, а за ним Шпильман. В другом списке они помещены наоборот. Милан Видмар, человек солидный, профессор электротехники Люблянского университета. Первые мест он в крупных международных турнирах не брал. Думаю, что крупнейший успех Милана Видмара был в довоенную пору: дележ второго-третьего мест с Рубинштейном в Сан-Себастьяне в 1911 г., позади Капы. Это был «чистый» гроссмейстерский турнир, мы бы сказали сейчас – высшей категории. Послевоенных успехов такого масштаба у профессора не было: третье место в Лондоне 1922 года, дележ первого-второго мест с Алехиным в слабом Гастингском турнире 1922 года и третье место в Земмеринге в 1926 году. Провалов тоже у него не было. В Нью-Йорке он набрал 50% очков, что позволило говорить о его успехе: даже при сильнейшем составе он находился в «секте пятидесятников»! Профессор Видмар был объективным человеком – будучи непрофессионалом, он высказывался прямолинейно, ибо он не зависел от прихоти сильных мира сего. В интервью одной венской газете, накануне турнира 27 года он оценил дело следующим образом: «Весьма прискорбно неучастие Ласкера. **Экс-чемпион мира, по моему мнению, имел бы лучшие шансы в Нью-Йорке. Я все еще считаю его с и л ь н е е К а п а б л а н к и.** (разрядка М. Видмара). Глубина комбинаций и несравненная мощь его стратегии еще не превзойдены. Но, кроме того, великий Ласкер – великий тактик. Он опасен даже тогда, когда его положение оставляет желать много лучшего; играя же с Капабланкой, нужно следить за самим собою, чтобы не сделать промахов. Его сила заключается в безошибочной технике...». (*«Видмар о Нью-Йоркском турнире» – «Шахматный Листок», Л., 1927, № 4, с.60*).

Следующая фигура – Рудольф Шпильман. В довоенное время он имел впечатляющие успехи: дележ третьего-четвертого мест с О. Дураком в Санкт-Петербурге в 1909 году ниже Ласкера и Рубинштейна, а также второго-третьего мест в турнире Сан-Себастьяне в 1912 году наравне с А. Нимцовичем, ниже великого Акибы. Это был гроссмейстерский турнир. Его крупнейший послевоенный успех – Земмеринг 1926 года. Он обогнал и Алехина и Нимцовича и Видмара. А также Гартаковера, Рети, Грюнфельда, Яновского и др. Всего 18 участников, из них

10 гроссмейстеров. Он набрал: 13 очков из 17 или почти 76,5%. Неплохой результат. Да и другие успехи Шпильмана впечатляющи. Но никакой стабильности. В Теплиц-Шенау в 1922 году разделил первый приз с Р. Рети, а в Карлсбаде 1923 году он был последним при 18 участниках! Единственная удача в этом турнире – одержал победу над Алехиным. Предвидеть его результат в Нью-Йорке – нетрудно. Он был предпоследним. Но и у него был успех. По словам Алехина, Шпильман единственный шахматист, игравший без страха с Капабланкой и добиравшийся преимуществ против него в нескольких партиях, но не реализовавший перевес. Таким образом, Алехин предвидел будущие победы Шпильмана в борьбе с кубинцем. С 1911 по 1935 год они сыграли 11 партий: +2, -2, = 7! Совсем неплохо.

Далее, в качестве запасных – «эвентуальных заместителей» числились Р. Рети и С. Тартаковер. Первый нанес сенсационное поражение Капабланке в Нью-Йорке, был победителем первого послевоенного турнира в Гетеборге. Его называли – человеком-генератором идей. Тартаковер – также победитель многих турниров и «глашатель Гипермодернизма». Кандидатура Рубинштейна, даже не рассматривалась. Вместе с тем, в период 1920/1927 г.г. Рубинштейн в таблице результатов стоял на третьем месте! Вот этот объективный список: Капабланка – 69,4 % выигранных партий, Алехин – 62,4 %, Рубинштейн – 54,3%, Нимцович – 52,9%, Видмар – 52,8%, Боголюбов – 52,4%, Тартаковер – 45,7%, Шпильман – 39,6%. Понятно, что выше всех невключенный Ласкер. Но, даже начиная с Лондонского турнира в октябре 1927 года по Гастингский турнир 1935 года, Рубинштейн занимал шестое место, после Алехина, Капабланки, Флора, Кэждена, Эйве и впереди Нимцовича, Видмара, Боголюбова, Тартаковера, Шпильмана и др. Он имел 53% выигранных партий. Матчевые результаты не учитывались. Фактически же Рубинштейн прекратил играть в 1932 году. (*«Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», 1935, № 2, с. 22*).

Как известно год кончается и начинается с традиционного рождественского турнира в Гастингсе. Оба турнира 1926/1927 г.г. и 1927/1928 г.г. закончились победой С. Тартаковера. В VII Гастингском турнире он опередил бельгийского чемпиона Эдгара Колле и Р. Рети. В VIII – опять Э. Колле и Л. Штейнера. Вообще 1927 год принес С. Тартакову ряд успехов, за исключением осечки в Кечкемете.

В самом конце 1926 – начале 1927 года Алехин с трудом выиграл матч у М. Эйве: +3, -2, =5. Затем с 19 февраля по 25 марта состоялся супер-турнир в Нью-Йорке, результаты которого нам известны.

Чемпионат Польши 1927 года, проходивший с 20 апреля по 8 мая в Лодзи, собрал очень сильный состав. В нем играли два гроссмейстера Рубинштейн и Тартаковер, а так же ряд мастеров. Среди них участники российских дореволюционных и послереволюционных турниров Данюшевский, Ловцкий, Казимир Макарич, взявший в 1918 году первое место в чемпионате средних учебных заведений Петрограда (ему было тогда 17 лет). Организатор турнира Давид Пшепюрка, вложивший столько труда в этот турнир, из-за болезни дочери отказался от участия. Первое место блестяще выиграл Акиба Рубинштейн – 11,5 из 14 (*свыше 82%*), на втором месте был Тартаковер, тоже с неплохим результатом – 10,5/75% , что, пожалуй, в другом турнире было достаточно для первого места. Это был единственный турнир в 1927 году, в котором участвовал Рубинштейн. Первый приз составлял всего 1000 злотых, в то время как маршал Пилсудский пожертвовал приз в 2000 злотых за красивейшую партию – её, вероятно, получил Рубинштейн за победу над Моисеем Хвойником. С грустью я смотрю на турнирную таблицу польского чемпионата. Куда делись польские мастера еврейского происхождения – Павел (Паулино) Фридман (1905– после 1970), остался, как и Найдорф в Аргентине в 1939 году. Что стало с его семьей – это понятно. Краковский студент Моисей Хвойник, чемпион Варшавы и главный редактор «*Swiat Szachowy*» д-р медицины Кон и др., числом не менее 11 из 15 участников? Да еще были организаторы турнира – Давид Пшепюрка, председатель организационного комитета д-р Самуил Розенблат, члены комитета Вайнрейх и инженер Абрамсон. И, конечно, зрители и болельщики... Среди них будущий участник 12 первенства СССР 1940 года Эдуард Герстенфельд (1915–1943), убитый немцами или украинцами в львовском гетто. Известно мне и о судьбе Пшепюрки и Ловцкого – их убили наци, а Фридман, как я писал выше, остался в Южной Америке. Другой – мастер Генрих Фридман (1903–1942), львовянин, многократный чемпион Львова, сыгравший вничью матч с С. Тартаковером, погиб в гетто. Были ли они однофамильцами или родственниками – мне неизвестно. Зато четвертый призер – Теодор Регедзинский подвизался на нацистских турнирах и даже поменял фамилию на Регер – «демонстрируя свое расовое вращение». (Ян Календовский). Грустно... (См. *подробнее о чемпионате: С.Г. Тартаковер «Чемпионат Польши 1927 г.» – «Шахматный листок, Л., 1927, № 10, с.149-151*)

В Берлине с 14 по 25 мая 1927 года проходил турнир, в котором первенствовал малоизвестный немецкий мастер Альфред Бринкман, второе-четвертое места разделили претенденты – Боголюбов и Нимцович, а

также Земиш. Неприглашенный в Нью-Йорк Боголюбов с «удовольствием» выиграл у третьего призера заокеанского турнира – Нимцовича. Затем с 5 по 11 июня 1927 года состоялся весьма слабый турнир в Скарборо, где победил бельгийский чемпион Э. Колле. Боголюбов был на седьмом месте среди десяти участников. Вот состав турнира в порядке занятых мест, чтобы судить о действительном провале будущего матчевого соперника Алехина: Колле, Ейтс, Файерхёрст, Виктор Биргер (1903–?), еврей, уроженец российской империи из Латвии. В Скарборо он выиграл у Боголюбова, а спустя 10 лет в 1937 году на турнире в Маргэте одержал победу над Алехиным), Томас, Виктор Вальтух (1875–1960), так же еврейского происхождения), Боголюбов, Барлоу, Саундрес, Уэллс. Как видите имена совсем неизвестные. Для сравнения укажем, что год назад в том же Скарборо в аналогичном турнире Алехин и Видмар набрали почти 100%: 7,5 из 8. Далее Боголюбов выиграл турнир в Гомбурге (*с 12 по 23 июня 1927 г. Гомбург – пригород Гамбурга*). Ниже его были тоже неприглашенные – Рети и Тартаковер. Зато Ефим Дмитриевич опять «благоразумно» не поехал в Кечкемет. (*Турнир состоялся с 25 июня по 14 июля.*) К месту сказать, что после Баден-Бадена 1925 года, Боголюбов «скрывался» от Алехина вплоть до матча 29 года – разумная мера осторожности... После первого матча с Алехиным Боголюбов редко играл успешно, и его второй матч с Алехиным – это просто насмешка над другими претендентами, например, Капабланкой. Любопытна катастрофа Боголюбова в 1932 году, когда он в турнире в Слиаче проиграл шести первым призерам: Флору, Видмару, Пирцу, Шпильману, Каналю и Мароци. Ужасный разгром. В Кечкемете играли Алехин и Нимцович. Алехин был первым без единого поражения. Последняя подготовка к матчу с Капабланкой прошла успешно. Нимцович разделил второе-третье места с Л. Штейнером. Людвиг-Лайош Штейнер чуть не разделил первое место с Алехиным. Его прозвали в отличие от братьев: Штейнер Кечкеметский.

Очень сильный турнир состоялся в Лондоне (с 10 по 26 октября). В нем играло трое «ньюйоркцев» плюс Боголюбов, Тартаковер, Рети и др. мастера. Нимцович и Тартаковер разделили первое-второе места. Маршалл был третьим. Это был его последний успех в международных турнирах. Кривая резко понизилась. На четвертое место вышел Видмар, пятым был Боголюбов. На сей раз, Боголюбов проиграл Нимцовичу, а «заодно» и Тартаковеру. Вообще, начиная с этого времени, Нимцович чаще побеждает Боголюбова и опережает его в Берлине в 1928 году и в Карлсбаде в 1929 г. и в Сан-Ремо в 1930 г. ... (*Опять герой*

Берлинского турнира 1928 года был венгерский шахматист еврейского происхождения Лайош (Людвиг) Штейнер (1903–1975) – он нанес поражения всем четырем гроссмейстерам – Нимцовичу, Тартакову, Боголюбову и Рети и получил прозвище «потрошитель гроссмейстеров». До войны его за успехи титуловали гроссмейстером. Спасаясь от наци, Штейнер в конце 30-х годов уехал в Австралию и ушел из больших шахмат. Его брат Эндре Штейнер, также международный мастер, погиб от рук нацистов в 1944 году. Кузен Герман Штейнер уехал в Америку). Да, еще в Магдебурге в июле – августе 27 года состоялся юбилейный 25-й конгресс Германского шахматного союза. Турнир был международный. Первым был австриец Шпильман, вторым – русский эмигрант Боголюбов. Шпильман выиграл «принципиальную» партию у «исторического» соперника и набрал 11 очков из 13. Почти 85%. Неплохой результат. В августе в Ниендорфе происходил небольшой международный турнир, при весьма сильном составе. Первое-второе место поделили вновь Нимцович и Тартаков, набравшие без поражений по 5,5 из 7. (В турнире играли еще «полугроссмейстеры» Колль и Костич и международные мастера – Ахуес, Бринкман, Кмох, Л. Штейнер.)

Подтверждением слов Ласкера об интриге, направленной против него служит маленькая заметка в шахматном журнале. Из неё явствует, что Ледерер, воодушевленный **блестящим материальным успехом** закончившегося шестерного турнира в Нью-Йорке, решил устроить в начале 1928 года грандиозное соревнование. Были намечены призы – 1000, 800, 600, 400, 200 долларов плюс 50 долларов за каждое очко. Намечалось пригласить следующих лиц, и это был, как бы современный рейтинг лучших шахматистов того времени: Капабланку, Алехина, Нимцовича, Видмара, Шпильмана, Маршалла, Тарраша (?), Рети, Колле, Грюнфельда, Тартаковера, Пшеспюрку, Каналя (перуанского чемпиона), Ейтса, Рубинштейна, Боголюбова, Монтичелли, Мароци, Эдурда Ласкера, Купчика, Эйве и Кэждена. В заметке недоумение: «...про доктора Ласкера опять "забыли?"». (См. «Шахматы и шашки в рабочем клубе» «64», М., 1927, № 5-6, с.21). Понятно, проект турнира исходил из уверенности в матчевой победе Капабланки. Увы, Алехин перечеркнул надежды провести этот супер-турнир. Вообще табель о рангах был проведен четко после матча Алехин – Капабланка: «Три игрока **умеют** играть в шахматы: Ласкер, Капабланка, Алехин. Три игрока хотят **уметь** играть в шахматы: Боголюбов, Нимцович, Видмар. Три игрока **будут уметь** играть в шахматы: Торре, Колле, Монтичелли. Три игрока стараются **познать** шахматы: Рубинштейн, Грюнфельд, Рети. Три игрока **стараятся опровергнуть** идею шахмат: Маршалл, Шпильман, Тарта-

ковер. Все остальные – ... шахматисты, ...с недостаточно ярко выраженной **индивидуальностью игры...**». (С.Г. Тартаковер «Бардиовский турнир» – «Шахматный листок» 1927, № 15, с. 241)

В рассказе Эм. Ласкера нас неожиданно останавливает пассаж о его преданности Германии, германскому языку, германской природе. Это любовь к «фатерланду» у немецких евреев была в крови, и не только у немецких: «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме, и Гёте, свищущий на выющейся тропе...» или стихотворение «К немецкой речи» (О. Мандельштам) (*Не могу удержаться, чтобы не показать свою «ерундицию»*). Одна из самых националистических народных песен Германии «Песнь немецкого солдата в Эльзасе» была написана выдающимся немецким писателем и некрещеным евреем Бертольдом Ауэрбахом:

<i>«В Эльзасе, там за Рейном,</i>	<i>Мой бедный, добрый братец,</i>
<i>Живет мой брат родной...</i>	<i>Иль ты французом стал?</i>
<i>И страх мне грудь сжимает:</i>	<i>Ты им был завоеван,</i>
<i>Мой брат меня не знает,</i>	<i>В его мундир закован...</i>
<i>Он стал уже мне чужой.</i>	<i>А сердце сам отдал?»</i>

Удивительно другое. Французы, потеряв Эльзас-Лотарингию, создали песню абсолютно-зеркального содержания. И Ленин, будущий «немецкий шпион из пломбированного вагона» с наслаждением пел песню-ревани:

*«Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine,
Mais malgre vous nous resterons francais;
Vous avez pu germaniser nos plaines,
Mais notre coeur-vous ne l'aurez jamais!»*.

Перевод: «Вы взяли Эльзас и Лотарингию, но вопреки вам мы останемся французами; вы могли онемечить наши поля, но наше сердце – вы никогда не будете его иметь!».

Комментарий Н.К. Крупской: «Надо было слушать, как победно звучали в его [Ленина] устах слова песни: «*Mais notre coeur-vous ne l'aurez jamais!*». (цит. по Н.К. Крупская «Что нравилось Ильичу из художественной литературы» – См.: «О Ленине. Воспоминания. Рассказы. Очерки.», М., 1956, с.115). А моя реплика: *Ай-да пораженец! Ай-да германофил!*).

Но в данном контексте все ясно. Лондонский турнир 1922 года: турнир победителей. Продолжение Версаля. Ни один из шахматистов побежденных стран с умыслом не был приглашен на турнир. Негодование Ласкера справедливое. Для него было высокой задачей отстоять честь германского маэстро, что он и сделал с огромной силой в Нью-Йорке. Но наступали иные времена и заслуги немецких евреев были забыты...

Но «германский патриот» был человеком объективным. История такая. Игрался матч Германия – Голландия. Арбитрами были: со стороны голландцев – О. Бернштейн, со стороны немцев – Эм. Ласкер. Осталась незаконченная партия Оскам – Блюмих. Партия присуждалась. Официальный представитель Германии в одиночестве много часов анализировал позицию и пришел к несомненному выводу: голландец должен победить! Присутствующие поблагодарили Ласкера и поздравили Оскама с победой. *(С. Флор Предисловие к книге «Макс Эйве», М., 1979, с. 19).*

После прихода нацистов к власти Ласкер возобновил участие в турнирах. Первое такое участие было в Цюрихе в 1934 году. Оно было неудачным, главным образом из-за растренированности и возраста. Тогда-то Алехин выиграл у него свою единственную партию. Также нанес ему поражение и Боголюбов, к этому времени тоже имевший счет против доктора $-4, +0, =1$. У Ласкера выиграла и А. Нимцович и Г. Штальберг. *(С Нимцовичем в Петербургском турнире в 1914 году Ласкер сыграл вничью. В Карлсбаде в 1925 году, и это мало известно, д-р сыграл матч из 10 партий с балтийским гроссмейстером. Это была серия из легких партий. Счет 7:3 в пользу экса. Нас не должно смущать понятие «легкие партии» – это был не блиц, а именно тренировочные партии, и это была серьезная работа, подобно тому старому матчу с Чигориным, с игравшимся гамбитом Райса. Каждый участник получал соответствующий гонорар. Что же касается Штальберга, то улучшить счет со шведом ему не удалось. В Москве 1935 года партия окончилась вничью. Впрочем, Штальберг занял тогда безнадежное 16-17 место среди 20 участников).* Кстати, не все было так плохо в Цюрихе. Так альтмейстер «поквитался» за старый долг с Осипом Бернштейном – проигрыш в СПб в 1914 году, ну, а самое главное создал шедевр с Максом Эйве. Черным цветом, с жертвой ферзя – изумительная гармоничная работа ладьи и коня против сильнейшей фигуры. Шедевр.

Затем было участие в двух московских турнирах. В 1935 году престарелый экс-чемпион финишировал третьим, без единого поражения, нанеся Капе сенсационное поражение. Отстал он от «внуков» Флора и Ботвинника всего на пол-очка. Ясно, что если скинуть годков пять, кто был бы первым – совершенно понятно. В 1936 году в III Московском международном турнире он сыграл неудачно. Ему просто не хватило сил. В первой половине он набрал 5 очков *(+1; ровно столько же в первом круге набрал М. Ботвинник!)*. Увы, во второй половине он проиграл пять партий. Если бы результаты второго круга были бы равны результатам первого, то д-р Фауст выходил бы также на третье место.

Но это неуместное сетование на возраст. В Ноттингеме, последнем международном турнире, в котором участвовал Эмануил Ласкер, играли и его «обидчики»: Капабланка, Алехин, Боголюбов, Ботвинник, а так же новый чемпион мира Макс Эйве. Так вот против них шестидесятилетний (!) старик набрал +2. Каким образом? Ничьи с Капой, Алехиным и Ботвинником. При этом его конкурентам очки нужны были как воздух. Боголюбова, представителя той страны, которая его изгнала, он победил в суровой борьбе, а Макс Эйве попался на швиндель. С двумя «ветеранами» – Видмаром и Тартаковым свел партии вничью. «Ветераны» были младше его – Видмар на 17 лет, а Тартаков на 19. Заметим к месту, что в этом, 1936 году, «ветеран» профессор Милан Видмар выиграл у бывшего вундеркинда С. Решевского матч! А Тартаков в 1935 году имел два впечатляющих успеха. На VII Олимпиаде, состоявшейся в Варшаве, играя на первой доске, мой тезка добился великолепного результата: +6, –0, =11. При этом на первой доске играл чемпион мира А. Алехин, П. Керес, В. Петров, В. Микенас, Э. Грюнфельд, Г. Штальберг, С. Флор, Л. Штейнер, Р. Файн! В Лодзи в международном турнире занял первое место, опередив Р. Файна. Так что пришлось альт-мастеру работать тяжело. *(Мало известно и то, что в 1925 году намечался матч Ласкер – Видмар в трех городах – Белграде, Загребе и Лайбихе (Люблянах). Были собраны средства в размере 1500 долларов, а словенский профессор отказался от гонорара в пользу экс-чемпиона, но матч почему-то не состоялся. По воспоминаниям Г.Я. Левенфиша в кулуарах Петербургского турнира 1909 года Ласкер играл блиц партии с Видмаром, давая ему вперед... ладью (!?), и, к удовольствию зрителей, бил его смертным боем!)* Всех четырех английских мастеров, участвовавших в турнире, Ласкер просто высек. Проиграл же три партии. И надо же всем трем Евреям с большой буквы – Файну, Флору и Решевскому, суммарный возраст которых, едва перекрывал его возраст! **Неувядаемый** отстал от первого места на полтора очка, от Алехина на пол-очка. Немного, если учесть возрастную фору. Вообще все четыре чемпиона: действующий, два бывших и будущий плюс Файн, Решевский и Флор – расположились на мизерном пяточке от 8,5 до 10 набранных очков! Общий счет с Боголюбовым в пользу Ласкера +5, –1, =2. Недурно!

Считается, что Боголюбов боялся «сильных мира сего» – Капабланку, Алехина. Это не так. Стоит посмотреть партии Ефима Дмитриевича, скажем против Капы из Нью-Йорского турнира 1924 года – вместо полутора очков, как минимум, он получил два нуля. Причина в слабой технике. Так в Киссингене, лидируя в турнире с солидным

запасом, он, играя белым цветом против экс-чемпиона на ничью, умудрился запатовать себя в середине доски – нукудышняя техника! Дебютная подготовка его была высока. Здесь он мало, чем уступал, если вообще уступал, Алехину. Но реализация преимущества у него хворала. Так половина проигранных им партий в матче 1929 года с Алехиным у другого «технаря» автоматом превращались бы в единицы и половинки. Избавиться от недостатка этого он не мог. О себе же самом он был самого высокого мнения и даже в третьем лице утверждал, что его техника не уступает Ласкеровской (!?). По крайней мере, он так пишет в предисловии к Московскому турнирному сборнику 1925 года. И сравните это утверждение с качеством партий иггранных, скажем в Блэде в 1931 году или, еще хуже, в Карлсбаде 1929 году.

Проиграв безропотно партию против Капы в Киссингене в 1928 году, Боголюбов поклялся публично, что больше не проиграет ему ни одной партии. К сожалению, проверка была лишь на двух партиях, иггранных Боголюбовым черными – в Карлсбаде в 1929 году и в Ноттингеме в 1936 году. Обе эти партии могут свободно войти в сокровищницу боевых ничьих. Ефим Дмитриевич боролся с полной выкладкой. Представитель нацистской Германии фактически помог советскому представителю разделить первое-второе места с Капабланкой, ибо, почему Винтер согласился на ничью с Ботвинником в последнем туре Ноттингема – дело темное. Положение белых (*Ботвинника*) перед откладыванием было безнадежно. Алехин в турнирном сборнике иронизирует: «Черные согласились признать партию ничьей – мягко выражаясь, преждевременное решение... Нельзя не пожалеть, что партии, имеющей такое значение, суждено было остаться фактически незавершенной». (А. Алехин. «*Ноттингем 1936*», М., 1962, с.214.). Секрет полишенеля: известно было, что Вильям Винтер (William Winter) или Уильям Уинтер (1899–1955), был членом английской компартии и вел шахматный отдел в ее органе «Дейли уоркер», как нам любезно сообщает Шахматный словарь. В Энциклопедии, изданной Гарри Голомбеком, Винтер назван «пламенным коммунистом» («*fervent Communist*»). Будет справедливо привести обратный пример высокого спортивного поведения британца. В Гастингском международном турнире 1935 года назревала сенсация: впервые за 30 лет английский мастер мог стать единоличным победителем. Сэру Джоржу Алану Томасу, выигравшему партии против Капабланки, Лилиенталья и Ботвинника, в последнем туре надо было сделать ничью со своим соотечественником. Но сей старый мастер Р.П. Митчель в 69 лет (!) провел, по словам Ботвинника,

партию «с юношеским темпераментом», выиграл и лишил британца «Великой чести». Нравы не у всех одинаковы... (См.: заметку «Международный турнир в Гастингсе» – «Шахматы и шашки в массы» «64», № 1, 1935, с.19./ А спортивная принципиальность Боголюбова была выше всякой похвалы. Ботвинник подошел к столу, за которым анализировали Капа и Бого, только что окончившуюся партию: поздравил первого и начал благодарить второго. Ефим Дмитриевич замахал руками: «Что Вы... хотел выиграть, но не мог». (М.М. Ботвинник «У цели», М., 1997, с.70). Так что этически Ботвинник поступил некрасиво, наделив Ефима Дмитриевича сочувствием к фашизму.

В антисемитской статье Алехина отсутствуют упоминания о двух гроссмейстерах: Савелие Григорьевиче Тартаковере и Осипе Самойловиче Бернштейне. Допускаю, что не случайно. Он в действительности был с ними дружен, и обливать грязью счел делом неразумным, тем паче, что не они были его основными конкурентами. Но хотя, ведь он не пожалел Мизеса. Возможно, оба эмигранта были братьями по масонской ложе? Как бы то ни было, Бернштейн и Тартаковер остались за пределами этой гнусной статьи.

Одна из первых книг Савелия Тартаковера на русском языке.

СТАТЬЯ С.Г. ТАРТАКОВЕРА

впервые была опубликована в 1939 году в английском журнале «Chess». На русском языке статья напечатана в журнале «Шахматы в СССР», № 8 за 1963 год в переводе мастера Ханаана Львовича Мучника (1922–?).

«Самая волнующая...»

Просьба Вашего редактора написать о самой волнующей партии вызвала в моей памяти рой воспоминаний. Перед мысленным взором, сменяя одна другую, пронеслись партии: одни смеялись надо мной, другие гримасничали или саркастически улыбались; некоторые – смотрели с печалью и сожалением. Нелегко было решить, какое из многих напряженных сражений в моей долголетней шахматной карьере было самым волнующим.

Должен ли я рассказать о партии с Мароци, игранный в Теплиц-Шенау в 1922 году?

Я играл черными. Выиграв до этого три первые партии, я с чудесными, но хрупкими 100 процентами возглавлял турнир. Я играл на выигрыш, но внезапно ко мне пришла охладившая пыл мысль, что моя атака преждевременная, что я переоценил свои шансы и что только сверхчеловеческие усилия, может быть, позволят избежать катастрофы. Через ход или два стало ясным, что я обязан жертвовать ладью, иначе атака совершенно погаснет. Целую ладью! Короче говоря, я ее пожертвовал. Играя отчаянно, я находил в позиции такие возможности, о которых вряд ли мог подозревать и, в конечном счете, после многих осложнений, победил. Волнующей была эта партия, но не менее волнующими были ее последствия: армия критиков рьяно атаковала меня, требуя объяснить, что бы стал делать в том или ином случае. При этом «анатомическом вскрытии» я сделал еще ряд непредвиденных открытий и сумел доказать, что каждый вариант был рассчитан мною более, чем на двадцать ходов, удовлетворив всех критиков, за исключением одного, который пробормотал: «Жертва была слишком глубокой, чтобы быть корректной!».

«После этого опыта, – сказал Мароци, – вы больше никогда у меня не выиграете». Это предсказание осуществилось лишь частично, так как еще дважды мне удавалось найти трещины в замечательной броне венгерского чемпиона – в Ницце в 1930 году и в Фолкстоне в 1933 году.

Или, может быть, я должен рассказать о партии с Боголюбовым в Карлсбаде в 1929 году?

Играя белыми вариант, осуждаемый моим противником, я после нескольких первых ходов пожертвовал ни за что пешку и затем всячески отказывался отыграть ее, чтобы сделать игру более запутанной, не поддающейся расчету. Поскольку Боголюбов выступал в этом турнире окруженный ореолом соперника чемпиона мира (*матч его с Алехиным начался два месяца спустя*), все играли против него с полным напряжением, доставляя много неприятных минут.

Это было во всех отношениях фантастическая партия. Когда, наконец, после сложных и запутанных маневров в этой, продолжавшейся пять с четвертью часов партии, я на 45 ходу принудил своего противника к сдаче, меня чуть было не хватил удар: я был награжден специальным призом за самую короткую партию тура! Этот приз был экспромтом учрежден одним богатым посетителем турнира, и новость держали втайне от участников, чтобы в игре ничего не довлекло над ними. (*Этим «богатым» гостем был сам чемпион мира А. Алехин. – С.Д.*)

В предыдущем туре была сыграна прекрасная 15-ходовая миниатюра, но в этом туре случилось так, что все одиннадцать партий протекали так напряженно и таким образом моя «45-ходовая коротышка сорвала куш». (*Аберрация памяти: партия из 14 тура Тартаковер – Боголюбов завершилась самой короткой победой в 43 хода. На два хода больше потребовалось Мароци одолеть Каналя, а проф. М. Видмару целых 88(!) ходов, чтобы одолеть «слабую женщину» Веру Менчик. Все остальные партии тура окончились вничью. В сборнике, изданном по горячим следам в 1929 г., ничего не сказано о специальном призе. Что же касается предыдущего, 13 тура, то Капабланка одержал красивую победу над Г. Маттисоном в 20 ходов. – С.Д.*)

А может быть, рассказать о победе над Алехиным черными, в Фолкстоне в 1933 году? Я, усердно стараясь, получил небольшое преимущество на ферзевом фланге, но чувствовал, что в упорной схватке оно постепенно исчезает. Тогда начал подготавливать игру на другом фланге, и к моменту, когда преимущество на ферзевом фланге полностью исчезло, у меня уже была в зародыше атака на королевском фланге. Эта атака ни к чему не привела, но позволила, почти случайно, приобрести маленькую пешечку, которая прилипла во время многочисленных осложнений, и присутствие которой с приближением эндшпиля становилось все более ощутимым. Когда партия была отложена, я получил много поздравлений от болельщиков, считавших, что должен быстро выиграть, но не обольщался ими, понимая, что

борьба еще далеко не окончена. Во-первых, Алехин всегда стремился в командных соревнованиях добиться лучшего результата на первой доске. Во-вторых, двумя месяцами раньше, в Париже, в консультационной партии против меня он сумел добиться успеха. Поэтому сейчас Алехин был настроен играть упорно и настойчиво.

В командных соревнованиях я играю лучше, и также приготовился к трудному и долгому эндшпилю, который предстоял в этой партии.

Когда приближалось время второго откладывания, стало очевидно, что чемпион мира неизбежно проиграет: он отдал вторую пешку, но все же не сдавался. Его последний шанс (*может быть, более подходящее для данного случая слово: надежда*) заключался в том, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство может помешать мне явиться на доигрывание.

Кто знает, что может случиться? Меня может поразить сердечный удар, могла обрушиться крыша гостиницы, похоронив меня под обломками. Однако ничего не произошло, и, когда Алехин увидел меня в полном здравии, то сразу же сдался, не возобновляя игры.

Следует отметить, что в Ноттингеме в 1936 году чемпион взял великолепный реванш. В целом встреча в Фолкстоне взволновала меня меньше, чем Алехина, и меньше, чем зрителей, которые всегда любят присутствовать при поражении чемпиона.

Нет, я думаю, что наиболее ожесточенной и волнующей за всю мою шахматную карьеру была следующая схватка, состоящаяся в 1922 году в Лондоне.

Ферзевый гамбит.

Х.-Р. Капабланка – С. Тартаковер.

Встреча с чемпионом мира, считавшимся в то время непобедимым, была для меня особенно «лакомым куском». Одной из особенностей турнира было то, что никто заранее не знал, кто будет его противником, так как жеребьевка проводилась в день игры. Однажды я выяснил, что жеребьевка проводится утром, и участники регулярно узнают о ее результатах. После завтрака я отправился в турнирное помещение и где узнал, что в этот день, незабываемый из всех дней, судьба столкнула меня с бессмертным кубинцем, чемпионом мира.

Второй особенностью турнира был сравнительно жесткий регламент времени (*40 ходов на два часа*), ввиду чего я решил разыграть дебют быстро и вообще играть быстро. Этим объясняется мой инстинктивный, преждевременный шах на 21-м ходу. Однако это не спасло меня от цейтнота, которым только и могу объяснить неудачное

отступление ладьей на 32-м ходу. С другой стороны, Капабланка был, очевидно, обеспокоен не только парадоксальными маневрами в этом хорошо известном дебютном варианте (7-й и 9-й ход черных), но и моим стремлением отвечать ударом на удар (например, 11-ход черных). В конечном счете, партия чуть не стала сенсационной.

1. d4 Kf6 2. Kf3 d5 3. c4 e6 4. Kc3 Ce7 5. Cg5 0–0 6. e3 h6.

Первая небольшая неожиданность для Капабланки, привыкшего к классическим построениям. Считалось, что этот ход ослабляет королевский фланг, но он вполне приемлем в связи с развитием слона на b7.

7. Ch4 b6.

Заметьте, что развивая слона этим старинным способом, я делаю это движение до ферзевого коня, чтобы сохранить контроль над полями a6 и c6, которые были бы ослаблены в случае 7... Kbd7.

8. cd ed (если 8...K:d5, то 9.Cg3)

9. Фb3.

Этот псевдо-позиционный выпад показывает, что мой великий противник несколько выбит из колеи дебютом. Более солидным и соответствующим стилю Капабланки продолжением было 9.Cd3 с последующей рокировкой. Относительно более решительного продолжения Маршала 9.C:f6 C:f6 10. Cd3 Kd7 11.h4. и т. д. можно сказать, что оно совершенно чуждо манере игры Капабланки и, кроме того, оно значительно потеряло в остроте после «ослабляющего» хода 6... h6.

Психология играет большую роль в шахматах, особенно при выборе дебютных вариантов. С этой точки зрения особенно важен следующий ход.

9...Ce6

Новая неожиданность. Все педанты в один голос будут утверждать, что правильно 9...Cb7, так как это поле приготовлено для слона. Да, все это так. Но эффект от этого развития был бы по крайней мере вдвое меньшим! Я никогда не следовал слепо книжке!

10... Ld1 c6 (хорошо было и сразу 10...Ke4)**11. Фc2.**

Думая воспрепятствовать ходу конем, но я решил лучше создать дикую позицию, чем допустить спокойное маневрирование, которое желал противник.

11... Ke4 12. C:e7 Ф:e7 13. K:e4

Принимая вызов. Если 13. Cd3, тогда не f5 (из-за 14. Ke5), а просто 13... K:c3 14. bc Лс8, и черные начинают оказывать давление на ферзевом фланге.

13... de 14. Ф:e4 (слишком пассивно было бы 14. Kd2) **14. .. Ф b4+ 15. Kd2** (или 15. Ld2 C:a2 16. C g6).

15. ... Ф: b2 Здесь 15... C:a2 было бы ошибкой из-за 16. b3.

16. Cd3 g6 17. Фf4 Kpg7 (Это точнее, чем 17. ...Kp h7) **18. h4 Kd7 19. Ke4 Ф:a2.**

Хотя у белых и есть некоторые шансы на атаку на королевском фланге, их позиция проиграна ввиду большого преимущества черных на другом фланге. Известие о том, что чемпион мира проигрывает, с быстротой молнии распространилось по турнирному залу, и все участники собрались вокруг, чтобы увидеть это редкое зрелище!

20. h5 g5.

Хорошо рассчитанная контрмера. Белые не могут играть 21. К :g5 из-за промежуточного шаха Фa5+ и затем Ф: g5.

21. Фg3 Фa5+.

Увы, это уже игра «пижона»: увидел шах – дай его! Более убедительно было бы сразу 21...f5, так как ничего не давала жертва коня 22.К:g5 из-за 22. ...hg 23.Ф:g5+ Kpf7 24. h6 Лg8 25.Фh5+ Лg6 26.h7 Лh8 и затем 27. ... Kf6. В то же время отход коня – 22. Kd2 приводил после 22. ... f4 23.ef Л:f4 к очень трудной позиции.

22. Kpe2

Отличное место для короля. Теперь благодаря моей любезности белые ладьи могут действовать совместно.

22. ...f5.

Считая себя вполне подготовленным к жертве. Приятно быть подготовленным к жертве – особенно чужих фигур!

23. К: g5 hg 24.Ф:g5+ Kpf7 25. h6 Лg8 26. Ф h5+ Kpe7.

Рискованно было бы сейчас 26. ... Лg6 из-за 27.h7 Л h8 28. Ла1 с последующим Л:a7.

27. h7 Л: g2

Все мои надежды были связаны с встречной жертвой, так как робкое 27. ...Лh8 после 28 Фg5+ Kpd6 29.Фg3+ давало белым по меньшей мере ничью.

28. Kpf1.

Если сразу 28.h8Ф, то после 28...Л:h8 29. Ф:h8 Фa2+ 30.Л d2 Л:f2+ 31.Кр:f2 Ф:d2+ черные имеют коня и две пешки за ладью и атаку в придачу.

28. ... Фd5 29. h8Ф Л:h8 30. Ф:h8 Фf3.

Атака черных все еще выглядит опасной, но Капабланка защищается с большим искусством.

31. Лd2 Cd5 (угрожая 32. ... Л:f2+ 33.Л:f2 Фd1x) **32.Кре1 Лg8.**

Вместо этого отступления с «темпом» следовало предпочесть более сильное 32. ...Л g5, создавая избыточную защиту слабой пешки f5.

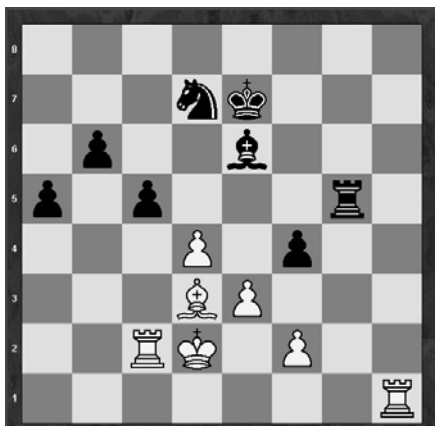
33. Фh4+ Крd6 34.Лf1.

Единственный ход. Если 34.Лh3, то 34. ...Лg1+ 35.Сf1 Сс4 36.Лd3 Л:f1+ 37.Кр:f1 С:d3 с выигрышем.

34. ... Се6 35. Лс2 а5 36.Фh2+ Кре7 37. Се2 Фе4 38. Крd2 с5 (проще было 38. ..а4) **39.Сd3 Фg2 40.Ф h4+ Фg5 41.Ф: g5+ Л:g5 42. Лb1.**

Записанный ход. Грозит 43. dc «Ваше преимущество на ферзевом фланге, кажется, превратилось в недостаток позиции», – заметил один из моих друзей. «Потерпите до доигрывания. У меня кое-что припасено!», – ответил я. Я все еще видел возможности игры на выигрыш, особенно если бы противник переоценил свои шансы.

42. ... f4

Капабланка – Тартаковер, Лондон, 1922 г.

Сокрушительный ход. Меня направление удара, черные вновь перехватывают инициативу. Капабланка сумел найти единственный правильный ответ – он предложил ничью! Он, конечно, понимал, что 43. ef будет гибельным из-за новой атаки после 43. ...Лd5, и что единственное спасение в возвращении качества после 43. dc К:c5 44.Л:b6 fe+ Лd5 46.Л:c5 Л:c5 47.Лb5 с немедленной ничьей. Зрители хотели бы все это увидеть на доске, но я их очень разочаровал, тотчас же согласившись на ничью. С меня довольно переживаний!».

P.S. Комментарии С.Г. действительно великолепны, но, к сожалению, несколько поверхностны. Современный читатель легко найдет «дыры» в его анализе. Но, при жизни Тартаковера остроумно защищался от нападок. Приведем небольшой отрывок из его ответа критикам.

«Моим оппонентам»

(По поводу «Ультра-современной шахматной партии»).

«... куда более, чем восторженные похвалы, интересовали меня заметки оппонентов, которые шумной толпой сбежались на шахматный зов и которым я, впрочем, вовсе не так дешево решил продать жизнь моих парадоксальных вариантов. Борьба завязалась...

Травил моего скандинава стремительный **Травин**; думал, что **разнес** мою «защиту Алехинской защиты» маэстро **Зноско**; **шпильками** прокалывал мой гамбит слона гроссмейстер **Шпильман**; с кошачьей **лаской** попробовал в Нью-Йорке Эдуард **Ласкер** прищемить мою шотландскую новинку, в особенности на меня набросились знатоки на мою испанскую болонку, которую вразумительный **Целиков** никак не хотел оставить **целиком**; в то время как венский любитель **Гербец** пытался сорвать **гербы** с её (*чигоринской*) накидки. Последние **рубины** защиты 11. ...Cc5–f8 в атаке Макса Ланге закладывает **Рубинштейн**; не остается **немым** в общем хоре даже скромный **Нимцович...**». (*«Шахматный листок, Л, № 5-6, 25 марта 1925 г.*)
Статья имеет два примечания.

Первое от редакции: «Прислана уважаемым гроссмейстером из Парижа на русском языке и печатается нами без каких-либо изменений». Смелое заявление: **«без каких-либо изменений»!** В стране с тотальной цензурой, но все-таки это 20-е годы...

Второе – от самого Тартаковера, который приводит похвальные отзывы и среди них и Александра Алехина – **«монументальный труд»**.

Здесь уместно рассказать о шахматистах, упоминаемых в статье Тартаковера. Лев Яковлевич Травин – старый петербургский шахматист, знакомый Тартаковера, писавший о «Неудачной операции омоложения Скандинавской защиты» (*«Шахматный листок», № 1, 1925 г.*): «Интересный замысел д-ра Тартаковера опровергнут. Нож смелого оператора лишь скользнул по старому телу, но не вдохнул в него новой жизни» – хорошо и образно писали в то время! Зноско – понятно Евгений Александрович Зноско-Боровский. Николай Петрович Целиков – московский шахматист, преподававший в Московском университете на историческом факультете иностранные языки: латынь и немецкий, читал лекции

по русской литературе. Начал играть в шахматы в 90-е годы позапрошлого века. Участвовал в сеансах, проводимых М.И. Чигориным. В 1907 году познакомился с А. Алехиным и сохранил с ним добрые отношения вплоть до отъезда последнего за границу. В 1922 году был председателем Московского шахматного общества. Именно за его подписью билет № 1 члена общества было выдан В.И. Ленину и преподнесены «вождю» шахматные часы. Теперь это все хранится в музее поверженного кумира. В чемпионате Москвы 1922/23 г. Целиков занял второе место. В журнале «Шахматы» вел теоретический отдел. Публиковался и в других изданиях. Лучшая партия была им выиграна на первой шахматной Олимпиаде в 1920 году у мастера Абрама Рабиновича. Умер в 1966 году на 86-м году жизни! Дожив до глубокой старости, Николай Петрович сохранил живость восприятия, с восторгом переживал в Колонном зале жертву коня на f4 в шестой партии первого матча Ботвинник – Таль. Тартаковер сразу ухватил идею и начал жестикулировать руками и что-то восторженно лепетать. Шахматы – омолаживают... Что же касается «немного Нимцовича», то в дореволюционных изданиях я читал и правописание **Немцович**...

Небезынтересно вспомнить, что в шахматных кругах Тартаковера прозвали «доктором «Хвастоковером» – может быть, он сам это кличку придумал. Это время мистификаций. При этом Савелий Григорьевич никогда не терял самообладания и чувства юмора. Свидетель партии Тартаковера с Эм. Ласкером в Петербурге в 1909 году рассказывал, что при анализе проигранной партии, острослов утверждал, что в известный момент у него было лучше. Ласкер словесно не возражал, и каждый раз опровергал скороспелые варианты Тартаковера на доске. Пришлось молодому Савелию Григорьевичу признать правоту Фауста. «Тартаковер затих, задумчиво гладит подбородок и бормочет: "Да..., кажется, Вы правы"». Тогда Ласкер молча поворачивает доску и жестом предлагает Тартаковеру продолжить «анализ», защищая теперь уже позицию Тартаковера. И к общему удовольствию зрителей выигрышной становится уже позиция Тартаковера. Он вскочил, отчаянно взъерошил волосы и воскликнул: «Это какое-то колдовство!» Ласкер буркнул по-немецки: «Надо иметь голову на плечах». Мгновенно переводит, добавив от себя одно словечко: «Надо иметь **его** голову на плечах». И добавляет, постучав пальцем по своей: «Моя не годится».

Взрыв хохота. Ласкер, улыбаясь, дымит сигарой».

У знакомого нам по фотографиям пожилого Тартаковера была лысина, но в молодости – роскошная шевелюра.

Профессор Альберт Беккер, сильный международный мастер и теоретик был хорошо знаком с Тартаковером и в своих воспоминаниях касается его личности. Это тонкое наблюдение: «Шахматный мир знает Савелия Тартаковера, как человека, который так и сыпал остротами и афоризмами о суете сует. И у читателей невольно создавался образ этого скептика. А на самом деле, в глубине души Тартаковер был идеалистом, готовый рисковать жизнью за свои убеждения». (*А. Беккер «Страницы прошлого» – «Шахматы в СССР», М., 1972, № 9, с.13.*) Австрийскому гражданину, ставшему членом команды нацистской Великогермании и после Олимпиады 1939 года, оставшемуся в Аргентине, неудобно было писать о подпольной деятельности Тартаковера во время войны. Редакция журнала корректно в сноске указало на лейтенанта Картье, участвовавшего в движении «Свободная Франция»...

Льеж 19–30/VIII 1930		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Итог
1	Тартаковер	—	1 1/2	1 1/2	1 1/2	1 1/2	1 1/2	1 1/2	1 1/2	1	1	1	1	8 1/2
2	Султан-Хан	0	—	1	1	0	0	0	1 1/2	1	1	1	1	6 1/2
3	Ауэс	1/2	0	—	1/2	1/2	1/2	1 1/2	1	0	0	1 1/2	1	6
4	Колле	1/2	0 1/2	—	0	1	1	1	0	1/2	1 1/2	1 1/2	1	6
5	Нимцович	1/2	1 1/2	1	—	1/2	1/2	1/2	1/2	0	0	0	1	6
6	Пшепюрка	0	1 1/2	0 1/2	—	1	1	1	0 1/2	1/2	1/2	1/2	1	5 1/2
7	Томас	1/2	1	0	0 1/2	0	—	1/2	1	1	1/2	1/2	1	5 1/2
8	Вэнинк	0	0 1/2	0 1/2	0 1/2	0 1/2	—	1	1 1/2	1	1	1	1	5
9	Рубинштейн	1/2	1/2	0	1 1/2	1	0	—	0	0	0	1/2	1	5
10	Маршалль	0	0	1 1/2	1 1/2	1 1/2	0	0	1	—	0	1/2	1	4 1/2
11	Султанбеев	0	0	0	0	1 1/2	1/2	1/2	1/2	1	—	0	1	4
12	Плеси	0	0 1/2	1 1/2	0	1/2	1/2	0	0 1/2	1	—	1	—	3 1/2

Таблица турнира в Льеже (1930 г.), в котором Тартаковер добился одного из крупнейших успехов в своей шахматной карьере.

«ТАЙНА ЛАСКЕРА»

Шахматы и шашки 1929, № 2, с.4

К 60-летию великого шахматиста в журнале «Wiener Schachzeitung» (№ 1, 1929 г.) был опубликован ряд высказываний современников о Ласкере. Наиболее интересные, и это заведомо было известно, написаны Тартаковым.

«Обладая большим запасом знаний, люди, тем не менее, часто не умеют сделать соответствующих практических выводов, и даже больше того – бояться эти выводы в полной мере применить на практике. Так, например, всем известно выражение «шахматы – борьба». А, между тем, только великий Ласкер сумел найти для этой мысли надлежащее применение и, таким образом, придать всякой шахматной партии характер действительной борьбы (*вполне, конечно, лояльной*). Весьма возможно, что именно такая трактовка шахмат и явилась основой его длительных успехов.

В настоящее время много говорится о «психологии в шахматах», причем во всех случаях откровенно ссылаются на примеры, почерпнутые из практики Ласкера. Эта «психология», конечно, не делает особенной чести тысячелетнему искусству шахматной игры, но тем более она показательна для глубины жизненной философии Ласкера, который ясно показал, что весьма важным фактором для достижения победы в шахматах является не только блестящая комбинация в духе Морфи, или методическое развертывание партии в стиле Стейница, но (*и это, прежде всего!*) также и знакомство с индивидуальностью противника, – учет его достоинств и недостатков».

Характерны для Тартакова несколько оговорок – обязательно указать на «лояльность борьбы» и «психология, не делающая чести тысячелетней истории шахмат». Ясно, что первая оговорка имеет отношение к современности – революция и контрреволюция, фашизм и нацизм использовали слово «**Борьба**» для подавления свободы личности. (*«И вся-то наша жизнь – есть борьба», «В борьбе обретем...» или «Mein Kampf»*). Яснее выразиться Тартаков не мог.

Посему, легко нам понятны противоречия в суждениях Нимцовича. В статье 1929 года он просто восхищается Фаустом, называя его предшественником новых идей, в заключение пишет: «Часто слышишь в отношении мастеров такие эпитеты, как «фантастика» (*за которую Тартаков восхваляет Боголюбова*) и «точность» (*которая в*

высокой степени присуща Алехину... как кажется лично ему). Но что касается Ласкера, то в нем еще сегодня больше «фантастики», чем у многих выдающихся мастеров, взятых вместе, а его «точность» – просто поразительна. Поистине, на стиле Ласкера лежит отпечаток замечательной, **гениальной** многогранности!».

Но уже, в 1934 году, т.е. после прихода наци к власти, Арон Нимцович, рассуждая по поводу матч-реванша Алехин – Боголюбов, весьма недоброжелательно отозвался о стиле игры Алехина и Ласкера, сближая характер их игры. Нимцович пишет: «Я думаю, что матч выиграет Алехин, если не случится что-нибудь особенное. Но «особенное» произойти может. Я считаю, что как раз Боголюбов мог бы сменить Алехина с его **психологическим стилем**. Алехин обычно **борется с волей противника, он старается психологически подавить**, Боголюбов же при его завидном здоровье, едва ли поддается какому-нибудь психологическому воздействию.

«**Психологическая**» манера игры в шахматах достойна удивления и вместе с тем она **мерзка**. Ласкерова идея психологически побороть противника, играть всё, что он не выносит и т.д., выдвигается Алехиным на первый план. Трудно предположить, чтобы Алехин матч проиграл, но до известной степени это было бы желательно.

Еще в Баден-Баденском турнире 1925 году Алехин играл в прекрасном стиле. Его партия против Томаса является выдающимся образцом шахматного творчества, без примеси какой-либо «психологии», и в Сан-Ремо, он дает ряд прекрасных, ценных партий. Но уже в Блэде доминирует «психологический» момент и как раз таким способом Алехин выиграл обе партии у автора этих строк». «*Эйве и Нимцович о матче Алехин – Боголюбов*» – «*Шахматы и шашки в рабочем клубе «64», М., 1934, № 6, с.62*). Наивный, наивный Арон Исаевич...

Рудольф Шпильман в юбилейной статье восхищается Ласкером, его громадной разносторонностью, бескомпромиссностью и отмечает такое понятие, как наслаждение, приносимое его творчеством зрителю:

«Партии Ласкера обычно доставляют огромное наслаждение. Они не только оканчиваются победой, но и на редкость содержательны. Позиционная игра и комбинация, фантазия и техника сплетаются в них в единое, гармоничное целое. Подобные достижения возможны лишь для выдающейся натуры, умеющей так владеть собою... Многие мастера, чтобы не подвергнуть себя опасности, стремятся поскорее закончить партию вничью. Ласкер – никогда. Он всегда неустрасим, всегда готов к борьбе. Ласкер видит все, и всюду проникает его мысль. Я говорю это на основании опыта, ибо неоднократно я пы-

тался анализировать с ним различные положения. Результат получался самый обескураживающий: не успевал я, как мне казалось, найти какое-нибудь хорошее продолжение, как Ласкер начинал отрицательно качать головой – он давным-давно его видел и мыслями ушел уже далеко вперед. Правда, бывают в отдельных партиях случаи, когда Ласкер оказывается в затруднительном положении, **но причина этого чаще кроется в его сознательном желании обострить игру, чем в бессознательно допущенных им ошибках. Он – идеальный боец**.

Вот притча Тартаковера: «Разговаривали на одном из последних турниров о наиболее ценном качестве в шахматисте.

«Спокойствие», – сказал Рубинштейн.

«Подъём», воскликнул Алехин.

«Самоуверенность», – процедил Нимцович.

«Хитрость», – прошептал Рети.

«**Объективность**», – подумал Ласкер. (С.Г. Тартаковер «К психологии шахмат» – «Шахматы», Л., 1925, № 7, с.97. В афоризмах тезки чувствуется влияние Ницше. Недаром же Тартаковер, пародируя безапелляционность Тарраша, писал: «Так сказал Таррашустра»).

Есть у Савелия Григорьевича миниатюра, относящаяся к середине 20-х годов. Отдадим честь его предвидению: среди четырех мировых шахматистов нового времени, нашлось место и Александру Алехину. До завоевания титула оставалось два года...:

Четыре мировых маэстро новейшего времени.

(Наброски)

I.

Стейниц, гражданин вселенной, вечный скиталец, всегда в борьбе. (*Этапы жизни: Гетто в Праге, изучение техники в Вене, журналистика в Лондоне, писательство в Нью-Йорке, триумфы в Гаване, госпиталь в Москве*).

II.

Ласкер, мировой ум, желанный повсюду гость, пытливым исследователем. (*Талантливый ученик в Берлинхене, лектор университета в Лондоне, издатель журнала в Нью-Йорке, на покое в Берлине – Вильмерсдорфе*).

III.

Капабланка, блестящий светский человек, неутомимый путешественник, повсеместный покоритель сердец. (*Гаванское солнце, колледж Колумбия, дипломатическая карьера в Петербурге, национальная политика в Нью-Йорке*.)

IV.

Алехин, мировая буря, смерч, несущийся из страны в страну, провозвестник новых истин. *(В вихре жизни в Петербурге, в лагере для гражданских пленных в Раштаде, годы гражданской войны в Одессе, период просветленного творчества в Париже.)*

(С.Г. Тартаковер «Ультрасовременная шахм. партия», ч.4, Л-М, 1926, с.76).

Слава Богу, что будущее от нас незримо. Трое Великих – после этой фиксации факта, прожили трагические 15-20 лет. Для двоих их последней остановкой оказался Нью-Йорк, для Алехина захудалая гостиница в Португалии...

Редко, очень редко – один гений пишет о другом. Нам шахматистам повезло. Альберт Эйнштейн написал предисловие к книге д-ра Й. Ханнака «Эмануил Ласкер. Биография чемпиона мира» (*Dr. J. Hannak «Emanuel Lasker Biographie eines Schachweltmeisters», Mit einem Geleitwort von Prof. Albert EINSTEIN, Berlin – Frohnau, 1984. Статья написана в Принстоне, в октябре 1952 г.*).

«Эмануил Ласкер без сомнения был одним из наиболее интересных людей, с которыми мне довелось познакомиться в последние годы... Немногие соединяют в себе такую исключительную независимость личности со столь живым интересом ко всем проблемам, волнующим человечество. Не будучи шахматистом, я не в состоянии должным образом оценить могущество его ума в сфере, где он добился величайших интеллектуальных успехов – в шахматной игре. **Я должен даже признаться, что меня самого всегда отталкивали проявляющиеся в этой остроумной игре борьба за владычество и дух соперничества.** Я встретился с Ласкером в доме моего старого друга Александра Московски (*Alexander Moszkowski (1851–1934), писатель-фантаст, автор книги «Диалоги с Эйнштейном». Наиболее известен роман «Острова мудрости» (1922), переведенный на все мыслимые языки: от английского до монгольского. – С.Д.*) и близко узнал его во время наших совместных прогулок, когда мы обменивались мнениями по самым различным вопросам. Это был несколько односторонний обмен, при котором я больше получал, чем давал, потому что этому исключительно активному в духовном отношении человеку было более свойственно выдвигать собственные мысли, чем приспособляться к чужим.

Для меня личность Ласкера, несмотря на его жизнеутверждающее в своей основе мировоззрение, была окрашена трагически. Чудовищное умственное напряжение, без которого никто не может стать большим шахматистом, было так слито с шахматной игрой, что он никогда не мог полностью освободиться от духа этой игры, даже если за-

занимался другими проблемами. Все же мне казалось, они были для него скорее профессией, чем истинной целью жизни. Его подлинные стремления, по-видимому, были направлены к познанию науки. Ласкера влекла к себе такая красота, которая присуща творениям логики, красота, из волшебного круга которой не может выскользнуть тот, кому она однажды открылась. Материальное обеспечение и независимость Спинозы зиждились на шлифовке линз; аналогична роль шахмат в жизни Ласкера. Но Спинозе досталась лучшая участь, ибо его ремесло оставляло ум свободным и неотягощенным, в то время как шахматная игра держит мастера в своих тисках, сковывает и известным образом формирует его ум, так, что от этого не может не страдать внутренняя свобода и непосредственность даже самых сильных личностей. Это я ощущал в наших беседах и при чтении его книг по философии. Из этих книг больше всего заинтересовала меня «Философия незавершаемого» (1919 г.); эта книга очень оригинальна, она дает глубокое представление о личности Ласкера.

Теперь я должен еще привести оправдание тому, что ни письменно, ни в беседах не останавливался на его критической статье о специальной теории относительности. Острый аналитический ум Ласкера сразу ясно показал ему, что краеугольный камень всей проблемы – это вопрос о постоянстве скорости света в пустом пространстве. Он ясно видел, что если признать постоянство, то невозможно не согласиться с идеей относительности времени, которая не вызывало у него больших симпатий. Что же делать? Он попытался так же, как Александр, прозванный историками «Великий», когда тот разрубил Гордиев узел [*решить проблему*]. Предпринятую Ласкером попытку решить проблему можно выразить следующим образом. Никто не обладает непосредственным знанием того, с какой скоростью распространяется свет в абсолютно пустом пространстве. Ибо даже в межзвездном пространстве имеется всегда и повсюду некоторое, пусть минимальное количество материи, и уж подавно в пространстве, где человек плохо ли, хорошо ли создал искусственный вакуум. Кто же имеет основание оспаривать утверждение, что скорость распространения света в абсолютно пустом пространстве бесконечно велика? Ответить на это можно было бы так: действительно никто не установил прямым опытом, как распространяется свет в абсолютно пустом пространстве. Но, значит, практически невозможно создать разумную теорию света, согласно которой минимальные следы материи могли бы иметь, несомненно, значительное, но почти не зависящее от плотности этой материи влияние на скорость распространения света. До тех пор пока

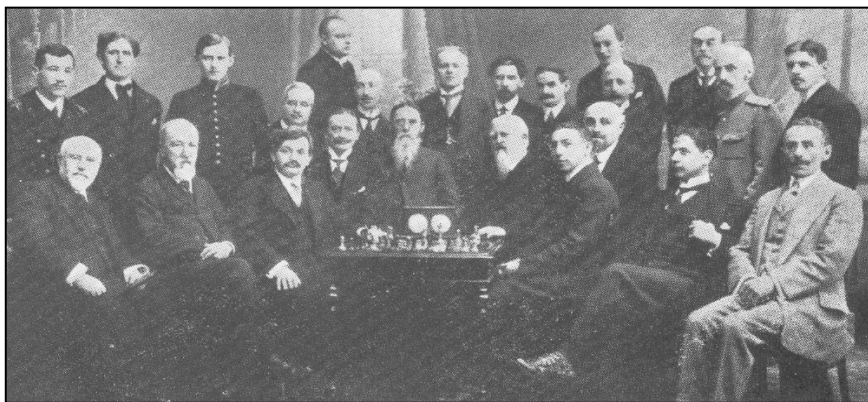
не будет создана подобная теория, которая должна согласоваться с известными оптическими явлениями в почти пустом пространстве, упомянутый гордиев узел, по-видимому, будет оставаться нераспутанным для любого физика, если он не удовлетворится уже имеющим решением. Мораль: сильный ум не может не заменить чутких пальцев. Но мне, тем не менее, нравилась несокрушимая самостоятельность Ласкера – качество столь редкое для человечества, почти все представители которого, не исключая самых высоких интеллектуальных, принадлежит к классу попутчиков. И я оставил дело таким, каким оно есть». (*Публикация в «Шахматы в СССР», М., 1967, № 7, 27. – «Эйнштейн о Ласкере». Первая публикация на русском языке в несколько ином переводе в книге: Альберт Эйнштейн Собрание научных трудов в четырех томах. Т. IV. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики, М, Наука, 1967, с. 331-333*).

Чрезвычайно интересный комментарий сделан умницей Б.С. Вайнштейном: «Эйнштейн – великий прозорливец – сумел разглядеть никем не замеченные трагические черты в душевном облике Ласкера, увидел он и стремление Ласкера моделировать шахматным кодом конфликтные жизненные ситуации – психологические и общественные. Если бы Ласкер раньше вступил на эту дорогу и двигался по ней с присущей ему активностью, он, возможно, пришел бы к крупным открытиям... Что же касается «полемики» Ласкера и Эйнштейна, то эта поистине необычайная дуэль напоминает своим рисунком известную библейскую тему, неясно лишь, кто здесь Давид и кто Голиаф... Шахматист подверг сомнению основной постулат специальной теории относительности, выдвинутый величайшим физиком всех времен! Более того, он защищал свой тезис в Математическом обществе против четырнадцати оппонентов. Правда, Эйнштейн не был в их числе (*он при жизни Ласкера не вступал с ним в открытые дискуссии, так как ему были чужды любые формы подавления интеллекта*)). Далее Вайнштейн объясняет доводы Эйнштейна и добавляет блистательное замечание: «Эйнштейн, как бы, между прочим (в скобках), высказывает тончайшее психологическое замечание. Оказывается, Ласкеру совсем не нравилось постоянство скорости света! И поскольку это было ему не по душе, следовательно, он считал себя вправе бороться и опровергать. Мятежный дух Ласкера не хотел смириться с априорной невозможностью полного познания вселенной». (*Б.С. Вайнштейн «Мыслитель», М., 1981, с.26, 27*).

И последнее. Д-р Эм. Ласкер был евреем, никогда не скрывал этого, свидетельством чего является не только вышеприведенные мысли

из его книги, но и бытовое отношение к своему еврейству и антисемитизму. В 1926 году, выступая в Нью-Йорке на приеме еврейской общественности в честь знаменитой венской футбольной команды «Ха-коах», Ласкер рассказал, что в ходе поездки по Австрии антисемитски настроенный Венский шахматный союз приглашал его на сеанс одновременной игры. Указав на значок «Ха-Коах» на своем пиджаке, он отвечал: «Вы должны понять, что являюсь старым членом «Ха-Коах», я уделяю все время своего визита только этому клубу...» Бурей оваций евреев Нью-Йорка было встречено это заявление. (Юрий Миллер «Евреи в спорте», Ростов-на-Дону, 2000, с.51).

Стоит заметить, что и другой несомненный гений Лев Николаевич Толстой заметил негативную сторону шахматной игры: «Как я ни люблю шахматную игру, я должен признать, что в ней есть дурная сторона: выигрывая, мы огорчаем своего партнера. Поэтому нужно дорожить не выигрышем, а интересными комбинациями». (С.Л. Толстой «Лев Толстой – шахматист» – «Шахматы в СССР», 1940, №12, с.364).

Петербургский турнир 1914 года – триумф Эм. Ласкера.

1-й ряд справа налево: Гунсберг, Блекберн, Эм. Ласкер, Тарраш, Берн, д-р Гехардт (*Президент Германского шахматного союза*), Рубинштейн, Бернштейн, Капабланка, Яновский.

2-й ряд. С.О.Вайнштейн, Маршалл, Алехин, Максимов (*член турнирного комитета*), Малютин (*президент Санкт-Петербургского шахматного собрания*), Сабуров (*член турнирного комитета*), Тальвик, Сосницкий (*вице-президент Санкт-Петербургского шахматного собрания*), Робинов (*вице-президент Германского шахматного союза*), генерал Лохвицкий и Е.А.Зноско-Боровский.

3-й ряд: Нимцович, Н.А.Зноско-Боровский (*член турнирного комитета*) и Королев (*президент финансовой и коммерческой ассоциации и почетный член Конгресса*).

НЕКРОЛОГ на смерть Александра Давыдовича Флямберга (1880–1926).

«Пришедшее из Варшавы известие о смерти А.Д. Флямберга не должно пройти незамеченным для каждого подлинного шахматиста.

В его лице шахматное искусство потеряло большого художника, со своеобразными чертами творчества. Базой шахматного творчества Флямберга была принципиальность и твердость убеждения во всех стадиях процесса шахматной борьбы.

Он не был искателем нового или романтическим мечтателем в области шахматных построений. Он, что называется, твердо знал свое дело, знал его хорошо, умело и тщательно пополнял эти знания трезвым анализом, верил в непоколебимость его понимания шахматной позиции и, как добросовестный мастер, удачно и четко, большей частью демонстрировал свои знания в целом ряде ответственных состязаний.

Александр Флямберг

Расцвет его успехов надо отнести к 1910-1914 годам, когда достигнутые им результаты – второй приз на Всероссийском турнире в 1911 г. после Левитского и третий приз в 1914 г. после Алехина и Нимцовича, определенно выдвинули его в ряды первоклассных мастеров. Особенно крупным успехом надо считать второй из упомянутых турниров, где случайный проигрыш Зноско-Боровскому в последнем туре – в положении, где ничья была ему обеспечена, лишила его заслуженного первого места. Творчество А.Д. отличалось точностью и дальностью расчета, глубокой и правильной оценкой позиции, умелой тактикой и силой уверенности в сложных позициях. А.Д. всегда убежденный в своей шахматной правоте, не всегда дооценивал, главным образом, комбинационных замыслов противников и это было, пожалуй, единственным крупным минусом в его творчестве, мешавшем ему двигаться более быстрым темпом к прочному завоеванию мирового имени...

Мне довелось ближе познакомиться с А.Д. в Германии, в Триберге, где мы оба были интернированы во время Европейской войны. Он скептически относился к моим, совсем еще незрелым, тогда размышлениям о силе комбинации и говорил мне, что настоящий шахматист всегда может играть таким образом, чтобы не допускать со стороны противника комбинационных возможностей.

Вместе с тем, А.Д. сам недурно комбинировал, но к комбинации не стремился, а лишь пользовался умело ею тогда, когда само положение ее навязывало.

Сильное творчество А.Д. заняло свое место в шахматном искусстве и, в истории последнего, имя его останется незабвенным».

Петр Романовский. («Шахматный листок», Л., 1926, № 5, с. 72)

Хотелось добавить, что организаторы Петербургского турнира 1914 года, были формалистами и невеждами. Они пригласили двух старцев – Дж. Блекберна и И. Гунсберга, но не решились ввести в главный турнир сразу А. Нимцовича, который уже имел гроссмейстерские успехи, равно не послушались совета Ласкера пригласить Рудольфа Шпильмана. Интересы российских шахматистов вообще не учитывались – формально Рубинштейн и Бернштейн попали в гроссмейстерский турнир, но из-за короткой дистанции, не вошли в финал. Из некролога явствует, что только случай помог Алехину и Нимцовичу выйти на первое место. Шансы к последнему туру у Флямберга были значительно выше. Как бы выглядели организаторы супер-турнира, если бы на первом месте оказался Флямберг?

К успехам Флямберга можно отнести чемпионат Варшавы 1910 года, когда он опередил Рубинштейна, однако которому проиграл матч. Тогда же он выиграл с разгромным счетом у Е.Д. Боголюбова +4, =1. В турнире в Баден-Бадене в 1914 году занял первое место, опередив Боголюбова: 9 очков из 12, Боголюбов 8, И. Рабинович 6, Романовский и Селезнев 5,5. Далее Милютин – 5, С. Вайнштейн – 3. В 1913 году сыграл вничью 1:1 короткий матч с О. Дурасом.

Петербург 1913–1914 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого
1. Алехин	×	1	1	0	1	1	½	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	13½
2. Нимцович	0	×	½	½	1	1	0	1	1	1	½	1	1	1	1	1	1	1	13½
3. Флямберг	0	½	×	1	½	0	1	1	1	½	1	1	1	½	1	1	1	1	13
4. Ловцкий	1	½	0	×	½	0	0	1	1	1	½	½	1	1	1	½	1	½	11
5. Левенфиш	0	0	½	½	×	1	0	0	1	0	1	1	1	1	1	½	1	½	10½
6. Зноско-Боровский	0	0	1	1	0	×	½	1	0	½	½	1	0	½	1	1	1	1	10
7. Смородский	½	1	0	1	1	½	×	½	0	½	0	1	1	0	½	1	1	½	10
8. Боголюбов	1	0	0	0	1	0	½	×	½	½	1	0	1	1	½	½	1	1	9½
9. Эвенсон	0	0	0	0	0	1	1	½	×	0	½	1	1	1	0	1	1	1	9
10. Алапин	0	0	½	0	1	½	½	½	1	×	0	0	½	½	½	1	1	1	8½
11. Сальве	0	½	0	½	0	½	1	0	½	1	×	0	1	1	1	0	1	1	8½
12. Фрейман	0	0	0	½	0	0	0	1	0	1	1	×	0	½	1	1	0	1	7
13. Левитский	0	0	0	0	0	1	0	0	0	½	0	1	×	0	1	1	1	1	6½
14. Таубенгаус	0	0	½	0	0	½	1	0	0	½	0	½	0	×	0	1	1	1	6
15. Лебедев	0	0	0	0	0	0	½	½	1	½	½	0	0	1	×	0	1	0	5
16. Ектифеев	0	0	0	½	0	0	0	½	0	0	0	1	0	1	1	×	1	½	4½
7. Григори	1	0	0	0	½	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	×	0	3½
Эльашев	0	0	0	½	0	0	½	0	0	0	0	0	0	0	1	½	1	×	3½

Таблица Всероссийского турнира мастеров 1913-1914 годов в Петербурге, в котором блестяще сыграл Александр Флямберг.

ВОСПОМИНАНИЯ БОГАТЫРЧУКА

Следующая выписка сделана из воспоминаний Фёдора Парфёновича Богатырчука (1894–1984), бывшего чемпиона СССР 1927 года (*наравне с П. Романовским*), крупного медика и человека сотрудничавшего с немецкими оккупантами. Она интересна декларацией моральной значимости шахмат в воспитании веротерпимости, в том числе и по отношению к евреям. **Шахматист – не может быть антисемитом в силу интернациональности игры.** Спорное утверждение в наш век – век Алёхина, Фишера и Спасского. Да и сам Богатырчук в этом не безгрешен. Но вот вопрос, на который мне никто не мог ответить: почему два чемпиона СССР, находившиеся в оккупации не были допущены к участию в нацистских турнирах? Гроссмейстер Игорь Захарович Бондаревский чемпион СССР 1940 г. и международный мастер Федор Парфёнович Богатырчук, наверняка, были сильнее большинства немецких мастеров. И получается, что кроме П. Кереса и самого Алехина – ни одного сильного мастера. Оба сыграли во время оккупации мало партий. По слухам Бондаревский выиграл матч у румынского мастера Октава Троянеску в Ростове-на-Дону. Это-то за короткое время, всего за неделю перед первой оккупацией города!

Федор Богатырчук

К чести И.З. Бондаревского следует сказать, что и недели ему хватило разобраться в сути немецкой оккупационной политики, и после освобождения города он эвакуируется на Восток, отнюдь не в лагерь, как побывавший на территории врага. И даже это не помешало ему играть в первенстве Москвы 1942 года. Объяснений этому несколько... (*Л. Шамкович «Эссе о шахматной элите» – «Время и мы», Иерусалим-Нью-Йорк, № 78, с.214*).

Ф. Богатырчук сыграл в Радоме на первенство Польского Генерал-Губернаторства в феврале 1944 года. Крах немцев был не за горами, но **ни один поляк в турнир не был допущен**, несмотря на хлопоты Боголюбова. Он же и победил в этом слабом и куцем турнире; естественно, вторым был Богатырчук, который затем сыграл серию партий в Праге. Не играл в немецких турнирах и словенский гроссмейстер Милан Видмар. И дело тут не в возрасте. Он еще выступал после войны в международном турнире в Гронингене в 1946 году.

Итак, слово Ф.П. Богатырчуку.

«Начало формирования морально-этического кредо».

«...Шахматы принимали значительное участие в формировании моего морально-этического кредо. Читателю уже известно, что я никогда не смотрел на шахматы, как на набор простых деревяшек, поиграв которыми их можно поставить на полку и забыть до следующего раза. Я всегда был, есть и буду одним из тех энтузиастов, которые влюблены в фантастический мир шахматного измерения и пытаются очеловечить или перенести в жизнь многие из тех чувств и эмоций, которые они переживают при игре. Многим может показаться странным, что такая сугубо индивидуалистическая игра как шахматы способствует развитию свойств демократической личности, но это несомненный факт. Прежде всего, шахматист научается уважать чужое мнение, познавая на своем опыте, что существуют люди, которые лучше его понимают игру. Отсюда недалеко до признания превосходства других и в иных областях. На шахматах он убеждается в том, что к конечной цели – победе или к торжеству своей идеи имеется много путей разной эффективности, часто скрытых от него, но доступных другим, более компетентным людям. «Много дорог ведет в Рим» – любимое выражение шахматистов. Они учатся не забывать свои ошибки и стараются учиться на них в игре и в жизни. Шахматист учится тому, что достижение успеха в игре и в жизни обусловлено не только личным талантом, но есть результат большего знания, достигаемого изучением теории всех стадий игры. Я видел как большие шахматисты – Алехин, Боголюбов, Капабланка и другие корифеи работали над повышением своей квалификации, и, признаюсь, сам не был безгрешен в этом отношении. Шахматы учат своих адептов никогда не падать духом при неудачах. Особенно разительным примером этой непоколебимой веры в свои силы был Алёхин, который после поражения играл с удвоенной силой. Хныкающий после поражения игрок никогда не достигнет успеха ни в шахматах, ни в жизни. **Укажу еще на одно демократическое свойство шахмат: они способствуют избавлению от всякого рода расовых, религиозных, сословных и прочих предрассудков, столь распространенных даже в интеллигентной среде. Шахматиста ценят не по цвету кожи или по принадлежности к высокому роду, а по его искусству в игре. Я никогда не встречал знаменитых шахматистов, высказывающих антисемитские взгляды. Почитатели гения Ласкера и Тарраша не стали их ценить меньше из-за того, что они евреи»**

(Ф.П. Богатырчук *«Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту»*, Сан-Франциско, 1978, с.7-8).

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ МАЭСТРО А.М. ЭВЕНСОНА.

В мемуарах Богатырчука имеется загадочная история гибели его друга Александра Моисеевича Эвенсона, находящаяся в противоречии со статьей, опубликованной тем же Богатырчуком в советской прессе. Вот это эссе о семье, жизни и гибели его друга:

Семья Э. и «Еврейский вопрос».

Семья Э. была типичной среди интеллигенции еврейского происхождения. Несмотря на многочисленные трудности, имевшиеся при получении евреями высшего образования, оба сына окончили университет – один юридический, другой филологический факультеты. Хотя мать высшего образования не получила, она была высокообразованной женщиной и сотрудничала в каких-то газетах. В той среде, где я вращался, никакой дискриминации евреев не наблюдалось. Они бывали у нас в доме, и мы ходили к ним в гости. У меня было несколько друзей евреев, с которыми нас связывали общие взгляды. Знал я и был в близких отношениях с семьями смешанных браков. **В особенности отсутствовала всякая дискриминация у шахматистов. Все шахматисты были равны перед лицом богини Каиссы.** Еврейская интеллигенция, с которой я общался, была почти поголовно либеральной, исповедовавшей в большинстве те же демократические взгляды, как и добрые три четверти российских интеллигентов. Я знал много евреев, сотрудничавших в местной прессе. В дореволюционное время я несколько не удивлялся либеральным тенденциям евреев, ибо я вместе с ними возмущался «чертой оседлости», процентной нормой для вступления в университеты и прочими художествами, сразу отмененными после революции.

Среди тех интеллигентов, которых я знал, правовая дискриминация несколько не ослабила их любви к России и всему русскому. В особенности они почитали и любили русский язык, который был более родным, чем язык еврейский (многие интеллигенты совсем не знали последнего). Попытки некоторых правых кругов огульно дискриминировать евреев не встречали никакого отклика среди тех, кого я знал. Помню как все, в том числе и моя мать с отчимом, возмущались процессом Бейлиса,

построенным на показаниях некоей Веры Чеберяк, состоявшей в прошлом в дружбе с уголовным розыском. Действительно трудно поверить, чтобы в двадцатом веке евреи подмешивали в мацу кровь замученных христианских мальчиков. Не получилось ничего и из желания ультрареакционных элементов доказать, что в Талмуде имеются прямые указания на ритуальные убийства – суд отказался это подтвердить.

Однако, необходимо указать, что царское правительство в самые реакционные времена, проводившее этническую и религиозную дискриминацию евреев не додумалось до дискриминации по крови, которую стал проводить Гитлер. До революции еврею было достаточно было креститься в православную веру, чтобы приобрести все гражданские права, при Гитлере же даже капли еврейской крови в далеком поколении было достаточно, чтобы превратить каждого в человека, зараженного еврейским микробом.

Еще, будучи у Э., я узнал, что Александр хочет поступить в Добрармию, чтобы сражаться против большевизма. **Мне приходилось неоднократно слышать, что в Добрармии имеется немало евреев.** Я знал нескольких евреев, товарищей по гимназии, поступивших добровольцами. В условиях гражданской войны это мне все-таки казалось рискованным, ибо всегда могла найтись кучка негодяев и погубить их, сыграв на их еврейском происхождении. По-видимому, это и случилось. Александр поступил в армию и больше оттуда не вернулся. Мать его говорила, что есть основания думать, что его убили собственные однополчане. **Хороший и честный был он человек и, несомненно, выдающийся шахматист.** После октябрьского переворота большевики издали несколько декретов, сурово карающих за антисемитизм. Может показаться странным, но именно в большевистское время антисемитизм ожил. Случилось это потому, что в органах Госбезопасности было на службе немало евреев; конечно, они составляли каплю в море других национальностей; *[оказалось]*, что много евреев было на руководящих постах в кремлевском правительстве, и антисемитизм снова выплыл на сцену. Есть много варварских и нелепых предрассудков, от которых человечеству необходимо освободиться и антисемитизм один из них.

(Ф.П. Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.56-58).

ЖУРНАЛ «БУДИЛЬНИК»

Влас Дорошевич о Чигорине, Алатине и Фердинанде VIII.

<p>Подается №1 в год. Подается год—2 р., 1/2 года—4 р., от доставки в р. и 4 р., 3/4 в. от по- сыл. в р. и 3 р. За доставку, за отпра- вку (Почт. европ.—12 р., инд. европ.—по обычу тарифу). Тираж, отпечатки, до- бавление к делу, право, исключитель- ные: «Безъ права въ рукахъ». До- ступное по почте, даже по почте. №17 у развозчиков—30 к. Объявлен—30 к. отъема денег. На- же 1 руб.—уточнее по объявлению.</p>	<h1>БУДИЛЬНИКЪ</h1>	<p>Адрес: «Будильникъ» Москва, Троиц- кая, дельфинбургъ. Присылаю для отправки—подписавши и чистить въ 2 до 3 ч. На статью требуются деньги, адрес и у меня автора, чтобы быть объявленъ редакціи статьи бездарица. Тиражированіи рукописи небыло. Присылаю для отправки—мать былъ выключенъ и отпра- влено, но уточнить редакціи. Передать адрес—30 к., отъема по почте—40 к., отъема 1 руб.—40 к.</p>
<p>Г О Д Ъ ХХVIII.</p>	<p>— 1892 г., — 2 февраля, № 5. —</p>	<p>Г О Д Ъ ХХVIII.</p>

Объявленія для журнала „Будильникъ“ принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій, бывшей А. Метцла, въ Москвѣ,
на Мясницкой, в. Спирidonова.

Из статьи «О том и о Сёмъ» стр. 3 и 4 журнала «Будильникъ» № 5 от 2 февраля 1892 г.

У французского насмешника Вольтера был специальный патер Адам для игры в шахматы. Каждому вновь прибывшему он представлял его обыкновенно: «Адам, далеко не первый человек, но в шахматы хорошо играет».

У нас есть портрет знаменитости — Чигорина, которого мы с удовольствием представляем «любопытным» читателям; имени его не знаем, несомненно, он не «первый человек», но, несомненно, хорошо играет в шахматы.

Чигорин сидит в Гаване и орудует пешками в пику Стейницу, телеграфисты сидят по обе стороны Океана и выстукивают в такт каждый ход пешки, а журналисты сидят в Петербурге, грызут перья, ругаются и, в перемежку с шахматистами, уличают друг друга в отступничестве, интриге, вероломстве, подвохе, бездарности, неблагодарности. En passant перебирают гардероб Чигорина и перемывают его бедные косточки вплоть до четвёртого колена. Таким образом, делается «история». Какой-то шахматист в Петербурге, обуреваемый профессиональной завистью, забежал к фельдмаршалу Стейницу по телеграфу, с заднего хода, и передал ему все стратегические планы полководца Чигорина. Чигорин чуть не проиграл сражение... Неизвестно, какой оборот приняла бы «новейшая история», если б его гений дремал. Но, к счастью, случилось наоборот: «шпиона» накрыли репортёры и хро-

никёры, растерзали его «на строчки» и и сделали из оногo яичницу с ветчиной. А закусивши в ресторане на счёт «шахматного короля», они с новыми силами принялись за «гаванское свинство», с позволения сказать. Последняя статья – чисто домашнего приготовления, хотя и носит этикет Гаваны. Такие вещи у нас делаются часто, ещё чаще, чем в Гаване сигары, и нечего удивляться, что чуткая пресса отнеслась ко «всему этому» с полным рвением, не хуже «Телеграфного агенства»...

В результате, однако, репортёры-хроникёры спасли отечество и своим «криком» предупредили катастрофу, ибо враг в образе критика, понимающего толк в апельсинах, был очень близок и уже подбирался к зелёным листьям, украшающим голову нашей знаменитости.

Здесь-то именно и следовало воскликнуть – «какое вам дело, сударыня, до зелёных листьев?»

Сударыня Хавронья посрамлена, лавры уцелели, и наши пешки торжествуют!

Теперь из статьи «В 8 дней вокруг света» (также стр. 3 и 4)

... и улетел в ГАВАНУ.

Страна населена шахматистами и телеграфистами. Отправился в клуб.

Г. Чигорин сидит в костюме петербургского «доминиканца», правой рукой в шахматы играет, левой телеграммы пишет.

-Честь имею представиться, корреспондент «Будильника».

- Очень рад. Шахматный король Фердинанд VIII. Не требую никаких знаков подданничества. Доктор говорит, будто у меня mania grandiose. Но я отлично знаю, что доктора – «пешки». А кстати, знаете ли вы, что у всякого шахматного короля под самым носом телеграфный аппарат?

И в доказательство, г. Чигорин тут же, при мне, написал телеграмму во все русские газеты:

«Партию выиграл Чигорин. Партия была без числа. Сегодня должно случиться необыкновенное происшествие слон должен сесть на коня и передавить всех пешек!»

И тут же на самом видном месте подписал: «Фердинанд VIII».

Прощаюсь с «королём», еду в Берлин...

Подпись под статьёй: **WLAS**. Первая статья не подписана. Вероятно, редакционная...

Русская шахматная журналистика в начале 90-х годов XIX века находилась в зачаточном состоянии. Журналисты, писавшие о шахматах, не имели о них никакого представления. Но матч в Гаване был первым случаем «шахматной горячки», переживаемый русским обществом. И действительно, на далеком острове Куба, Михаил Иванович Чигорин имел шанс стать чемпионом мира. В этом номере «Будильника» опубликована злосчастная карикатура с «доморощенным подвохом». В обеих статьях, вероятно принадлежащих великому Власу Дорошевичу (1865–1922), из которых одна подписана его псевдонимом «Wlas», а вторая вообще не имеет авторской подписи, практически дезавуируется антисемитский душок карикатуры. Хлесткое остроумие, афористичность, простые предложения, «короткая строка» – всё присутствует в этом фельетоне, но «чисто» шахматного мало. Для Wlas'a и шахматисты, и журналисты, и телеграфисты, одержимые шпиноманией – постояльцы сумасшедшего дома, кандидаты на роль испанского короля Фердинанда, сошедшие со страниц «Записок сумасшедшего» Гоголя. Я счел необходимым ознакомить современного читателя с этим фельетоном, тем паче, что карикатура в советской прессе приводилась с искажениями.

ПЕРВЫЕ ШАХМАТНЫЕ ФЕЛЬЕТОНИСТЫ

Влас Дорошевич
(WLAS)

Михаил Меньшиков

Осип Оршер
(О.Л. ДОРЬ)

Первые шахматные журналисты.

Об антисемите Михаиле Осиповиче Меньшикове (1859–1918), авторе множества погромных статей, направленных против еврейства и, одновременно талантливых публикаций по шахматам, написано в начале первой главы этой книги.

ФЕЛЬЕТОН ПОД ПСЕВДОНИМОМ

Во время Петербургского турнира 1914 года страсти разгорались с необыкновенной силой. Шахматные «фанаты», как мы писали выше, разделились на две партии, где большинство составляли «капабланкисты». Тем красочнее описание знаменитого решающего боя между Ласкером и Капабланкой, состоящейся на финише утомительного турнира 18 мая. Этот фельетон иногда перепечатывается с сокращениями. Я привожу его полностью и восхищаюсь мастерством автора, сумевшего донести до нас напряжение момента. Автор скрывается под псевдонимом – О.Л. Д'ОРЬ .

РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

Грозная ночь опустилась на землю и окутала Петербург.

Из лагеря Капабланки доносились веселые звуки. Слышались музыка и смех.

Гениальный кубинец, как и его предшественник, гениальный корсиканец не любит уныния перед битвой.

Но тихо было в ставке Ласкера.

Огни были потушены. Кони были стреножены. Офицеры (они же слоны) дремали каждый у своей лады.

Пешки сбились в кучу и шепотом говорили о завтрашней битве.

Сам Ласкер отсутствовал.

Еще с вечера он никем не замеченный взобрался на высокое дерево, откуда обзирал лагерь Капабланки.

Все он замечал, все изучал. Слабые места врага у него были на ладони.

Но, когда под утро Ласкер слез с дерева, он улыбнулся и сказал:

– Молодой Жубер пришел к нам учиться, дадим ему урок...

Наступил час битвы.

Как опытный полководец Ласкер расставил свою армию спиной к ветру.

Ветер дул в лицо Капабланковской армии и мешал ей сражаться.

Это был первый шанс победы Ласкера.

Когда вожди сели друг против друга, солнце прорвало тучи и заглянуло в окно шахматного собрания.

– Солдаты! – сказал своим пешкам Ласкер: – Это солнце Аустерлица светит нам.

И он решительно двинул пешку e2 – g8. (Так в тексте. – С.Д.)

Пешка шла на верную смерть, но ни один мускул у неё не дрогнул...

Король приказал ей: – Иди!

И она пошла, понимая, что своей смертью она спасет от гибели семь своих товарищей, офицеров, может быть, самого короля.

Так умеет сражаться и умирать только солдат грамотный, сознательный, знающий за что он дерется и за кого он дерется...

Выпустил вперед Капабланка офицера, сделав f8–d1. (Так в тексте. – С.Д.)

– А заманите-ка мне поближе этого молодца! – сказал Ласкер.

Вылетел вперед ласкеровский конь, и прямо к офицеру.

Как вскинется Капабланка! Как пустится в погоню за Ласкеровским конем.

Двинул на него сразу обе ладьи a8–e5 и h8–b3. (Так в тексте. – С.Д.)
В одну минуту не стало коня...

– Эй, казак, не зарься на добычу! Не к добру это ведет.

Но не стерпел Капабланка. Понравилось ему седло на Ласкеровском коне, и он подумал: – Трофей у меня будет. Сниму.

Стал он снимать седло, а сзади уже налетели на него ферзь и ладья.

Повернул к ним Капабланка коня своего, но уже окружили его пять Ласкеровских пешек.

Только и успел крикнуть Капабланка:

– Прохожий! Скажи острову Кубе, что я пал верный долгу!...

Прохожий оказался Рубинштейн. Он согласился передать слова Капабланки.

– Хорошо! – сказал он: – По дороге в Лодзь заеду на остров Кубу и передам все, что вы сказали. Даже с удовольствием передам...

В шахматном собрании есть комната с надписью на дверях: «Вход разрешается только членам шахматного и финансового собрания».

Ласкер не состоит членом этих собраний, но разве для королей имеют значения надписи?

Короли выше надписей!

И в этой комнате король шахматистов принимает поздравления.

Рядом с королем – стояла королева. Не ферзь, не шахматная королева, а королева живая, супруга шахматного короля.

К ним подходили чемпионы всех стран, шахматные послы от великих и малых держав и приносили свои поздравления королю

Кто-то даже приподнес ему цветы.

Может быть, даже, в конце концов, поднесут и первый приз...

А последнее весьма немаловажно для короля. Ведь цивилизный лист шахматных королей не очень велик. (*О.Л. Д'ОРЬ. Маленький фельетон «Решительный бой» – День, 1914, № 121/*

Неувядаемый шедевр, в котором использованы исторические и литературные реминисценции: Суворов, Наполеон, Гоголь... Жаль, что автор плохо знал шахматную нотацию, а так – шедевр. Кто же скрывался под странным псевдонимом О.Л. Д'ОРЬ? Им оказался Иосиф Лейбович (*Осип Львович*) Оршер (1879–1942). Еврейский мальчик, родившийся в Полтавской губернии, из семьи ремесленника. Ешивебохер (*т.е. ученик еврейского духовного училища*). В Екатеринославе экстерном сдал экзамены за гимназический курс. Сотрудничал в провинциальной прессе, затем работал в газете «Одесский листок», где сблизился с Сашей Черным. После погромов и поправления газеты переехал в Петербург, где публиковал сатирические фельетоны, пользующиеся большой популярностью. Критики отмечали, что на становление таланта писателя оказал влияние молодой Чехов. С 1908 по 1918 год судьба О.Л. Д'ОРЬ связана с «Сатириконом», естественно, до закрытия его большевиками. Затем идет сотрудничество с новой властью в качестве редактора журнала «Гильотина»(!?), что вызвало ярость антисемитской прессы – она еще существовала (*газеты «Современное слово», «Петроградское эхо»*). Сотрудничал в «Правде», выезжая по заданию газеты на фронты Гражданской войны, в т.н. «агитвагонах». После закрытия сатирических журналов, опубликовал книгу воспоминаний (1930 г.). Как пережил тридцать седьмой год – неясно. Умер во время блокады. Такова судьба этого неординарного человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к книге Савелия Дудакова «Каисса и Вотан»

Много лет, весьма заинтересованно, слежу за творчеством историка д-ра Саввы Дудакова. О чем и о ком, и с какой целью он написал этот объемный труд? Начнем с того, что автор – историк шахматной игры и шахматного движения по тематическому охвату международного масштаба. Сюжет его произведения – история шахмат, главным образом, рассматриваемая сквозь призму роли мирового еврейства в развитии теории и практики шахматной игры и шахматного движения в различных его аспектах. В том числе политическом, культурно-просветительском, спортивном, этическом, финансовом и др.

Очевидно, читатель знаком с историческими трудами С. Дудакова. К теме новой книги автор шел постепенно. При издании серии «Евреи в мировой культуре», одним из редакторов которой он был, при публикации книги Михаила Левидова «Вильгельм Стейниц» (Иерусалим, 1987 г.) им было написано обширное предисловие под названием «Евреи в шахматах», неоднократно перепечатанное в израильских журналах и газетах. К книге Михаила Левидова «Эмануил Ласкер» (Иерусалим, 1987 г.) Дудаковым было написано послесловие. Кроме того, в книге «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России» (М., РГГУ, 2000 г.) имеется очерк под одноименным названием издаваемой книги – «Каисса и Вотан».

Видимо, прежде всего, следует дать определение шахмат как общественного явления. Полагаем, в настоящее время можно говорить о таком определении как о более или менее устоявшемся, общепризнанном. Шахматы выполняют триединую функцию: как игра они осуществляют спортивную задачу, как искусство – стремятся к решению эстетических задач, как наука – содержат ряд положений, требующих серьезных теоретических разработок. Пожалуй, нет необходимости определять иерархию роли и значимости каждой из указанных трех ипостасей шахмат: как игры, как искусства, как науки. Обобщая, необходимо признать, что шахматы представляют собой явление, прежде всего, интеллектуального характера. И значение этого обстоятельства возрастает со временем – по мере развития и накопления мыслительного материала, теоретической базы, уровня мастерства шахматистов, а также уровня развития шахмат в целом, их общественной роли. По мере развития шахмат как явления общественной жизни создавались и развивались философия,

развивались философия, психология, этика, стратегия и тактика шахмат – как их необходимые совершенствующиеся и важные аксессуары.

Бесспорно, серьезная, во многом пионерская монография по истории шахмат требуют от автора обращения к философии шахмат как логическому обеспечению их основ. К сожалению, этот вопрос изучен явно недостаточно и, кажется, не пользуется необходимой степенью внимания для изучения и популяризации философской проблематики шахмат и к ее научным и практическим выводам. Поэтому в настоящем послесловии к книге С. Дудакова считаю полезным поподробней остановиться на элементарном изложении философских аспектов развития шахматной мысли в современный период. Конечно, я далек от мысли представить готовую концепцию указанных проблемных решений. Речь может идти лишь о подступах к теме, нередко – о мыслях вслух. Шахматы – это искусственная модель особого идеального мира, уникального по своей природе. Мир этот основан на системном подходе. При этом мы опирались на труды одного из основоположников общей теории систем Людвига фон Бергланфи (1901–1972). Кроме того, большое значение имеют мысли, высказанные Альбертом Эйнштейном в его предисловии к книге д-ра Ханнака «Эмануил Ласкер. Биография чемпиона мира», написанной в октябре 1952 года в г. Принстоне, США.

К этому сюжету мы еще вернемся. Рассмотрим сущность шахмат с позиций более широких, чем это обычно принято в специальной литературе, хотя это весьма непросто. Какими бы комплиментами не снабжали шахматы, все же это – **ИГРА**, т.е. вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результате, а в самом процессе. Шахматам, как игре, присущ **СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС**. Участникам его свойственна жесткая схема поведения на основе четких законов и правил, связанных с иерархией фигур, определенной шкалой ценностей. Мир шахмат представляет собой абсолютную самодержавную монархию, глава которой обладает неограниченной властью: гибель монарха означает конец шахматной партии. Важная особенность шахмат – отсутствие реверсивного движения пешек (*в отличие от других фигур*) – время здесь необратимо. Эти особенности шахмат, жесткость схемы возможностей и поведения, создают широкие возможности для установления общих частных закономерностей, разработки стратегии и тактики поведения в различных ситуациях путем решения задач. Установленные в шахматах различные ограничения сковывают возможности и создают трудности. Разрешение тех или иных возникающих трудностей на поле шахматной игры способствуют повышению интел-

лектуального уровня шахмат, дальнейшему их развитию. Начавшись, как борьба шахматных фигур, равных по материальным силам, т.е. по числу и по качеству вооружений, нередко это первоначальное равенство перерастает в неравенство. Так рождается неравенство противников – по интеллекту, по волевым качествам, по страстности и накалу поведения, степени стремления к победе или к преимуществу и т.п. Так борьба фигур преобразуется в борьбу людей, так сказать, в чистом виде, в борьбе способностей, о которых говорилось выше. В результате в шахматах зарождаются идеи, замыслы, планы, программы, подчас далеко идущие, оригинальные решения и т.п. Шахматы создают свой, особый внутренний мир, мир замкнутый по своей сущности. Однако эта замкнутость не может быть абсолютной, непроницаемой. Как известно, существует раздел математики, именуемый теорией игр. Здесь изучаются математические модели принятия оптимальных решений в условиях конфликта. В частности, теория игр (шахматы, домино) охватывает не только сами игры, но и ситуации, которые возникают в экономических, военных и других вопросах.

Шахматная стратегия, оперативное искусство, тактика являются специфическими моделями – аналогами более широких представлений. Весьма интересен здесь вопрос, связанный с военным делом. С. Переслегин, российский военный мыслитель и историк, в комментариях к знаменитой книге Барбары Такман «Первый блицкриг. Август 1914» широко использовал эту несколько неожиданную связь. «Именно на рубеже веков, – писал он, – создавалась классическая стратегия. В шахматах, которые на мой взгляд, представляют собой более точную модель войны или механизма принятия решений на войне, чем предполагается, – это еще было замечено Стейницем и Таррашем». (*Б. Такман Указ. Соч., М.–СПб, 1999, с.538*). Далее в своем интересном экскурсе С. Переслегин отмечает: «...Тарраш был убежденным сторонником активной стратегии, методичного стеснения противника, использования пространства для удобной перегруппировки сил и подготовки решительного наступления. С неумолимой последовательностью, проводя свои замыслы, он выиграл подобным образом десятки поучительных партий – цельных от начала и до конца. Способность Тарраша создавать далекие планы, предусматривающие кардинальную перегруппировку сил, отмечал Ласкер...». (*Я. Нейштадт «Зигберт Тарраш», М., 1983*).

Как военный мыслитель С. Переслегин чрезвычайно высоко оценивает работы гроссмейстера Д. Бронштейна в качестве выдающегося шахматного философа, психолога, стратега. В частности, речь идет о книге Д.

Бронштейна «Международный турнир гроссмейстеров» (М., 1983) «Искусство шахматиста, – подчеркивает Бронштейн, – не только в том, чтобы наметить правильный план, но главным образом в том, чтобы провести его точными, порой единственными ходами». В целом, исходя из приведенных С.Переслегиным материалов, можно сделать вывод: в определенной мере современная классическая военная стратегия (в основных своих чертах) зарождалась за ...шахматной доской, в бескровных сражениях на полях наиболее интеллектуальной игры, когда-либо созданной человечеством. Во всяком случае, существует своеобразная переключка между некоторыми аспектами военной и шахматной литературы.

Интересно сопоставить шахматного стратега и стратега военного, который представляет не игру, а жизнь. Конечно, подобное сравнение может показаться условным и даже странным. Но оно вполне допустимо, имеет свои основания.

Значительный интерес, и не только теоретический, представляет собой сравнение (*может быть, противопоставление*) виртуального шахматного стратега с реальным военным стратегом. Здесь мы находим определенные отличия. Шахматный стратег находится в замкнутом пространстве, ограниченный жесткими, абсолютно непроницаемыми условиями. Реальный военный не стеснен этим обстоятельством, он свободен (*или в значительной мере свободен*) от подобной несвободы – и это раскрывает перед ним широкие возможности. Для шахматного стратега совершенно невозможен приток «людских» резервов, вооружений и пр. Шахматный стратег не вправе отменять генеральный замысел сражения под воздействием внешних сил. Поэтому реальный военный стратег обладает несравненно более широкими возможностями и кругозором. Его стратегические ситуации развиваются в значительно более обширном пространстве. Стратегия свободного пространства опирается на самые различные по характеру факторы, поддающиеся всяческому изменению, она обеспечивает обширный спектр использования привходящих обстоятельств. Сохраняя в той или иной степени глубину стратегических замыслов и решений, реальный военный стратег всегда связан с необходимостью дальнейшего развития **ВШИРЬ**. Стратегия замкнутого пространства скована, лишена этого. Ставка на максимальное углубление интеллектуального воздействия, на изобретательность шахматного стратега – вот его неизбежный идеал. Военный стратег развивается преимущественно вширь, шахматный стратег – вглубь. Это, конечно, схема – вынужденное, закономерное обстоятельство. Хотя все это может показаться недостаточно серьез-

ным, странным, но таким образом шахматы укрепляют реальную военную стратегию, в какой-то мере, выполняя роль полигона. Таковы отличия виртуального шахматного стратега от реального военного. Отметим, что в высказываниях С. Переслегина, который сближает виртуальную шахматную стратегию с реальной военной, все ссылки автор дает лишь на работы еврейских авторов: В. Стейница, З. Тарраша, Э. Ласкера, Д. Бронштейна – безусловно, имена выдающиеся.

Для очерка особое значение имеет краткий текст о шахматном таланте и о проявлении этих талантов в еврействе. Существует ли некий особенный шахматный талант? На наш взгляд, такое понятие следует принять общепризнанным. Талант, видимо, присущ практически любому роду деятельности человека. Неожиданно это показал Владимир Короленко в рассказе «Таланты», опубликованном в 1927 году. «Может ли глупец быть талантливым человеком?» – вопрошает автор, – несомненно может. Талант... часто похож на драгоценный груз, который судьба возложила на спину осла». Это, конечно, крайняя точка зрения. Но Короленко приводит примеры несомненных глупцов: исправник, писатель, актер и пр. Но как они преображаются в своем деле: талантливый писатель, умный актер и т.д. Эти мысли поддержал М. Горький. Он написал об этом рассказе: «Меня особенно удивила и заинтересовала тема «таланта» – глубокая и трудная тема, ее у нас в литературе никто не касался». А вот разящая стрела Ф. Искандера: «Смеясь над глупостью, никогда не забывай, что в шашки он играет лучше меня». Тем более – в шахматы... В современном шахматном движении насчитываются много больших и малых талантов, среди них высшие представители – мировая элита, которых венчают гении шахмат, чемпионы мира, претенденты на это звание, знаменитые шахматисты, известные всему интеллектуальному миру. Как возникли эти высокоодаренные представители древней и славной игры, вобравшие в себе вершины особой науки, особого искусства? – На базе глубоких интеллектуальных, психологических, волевых и прочих особенностей, отчетливого видения связей и перспектив дальновидности и предвидения, а также внезапных озарений и пр. Но, кроме того, существует **НЕЧТО**, которое не поддается предварительному осмыслению и подвержено неожиданностям, нечто невыразимое. Гениальность следует отделять от мастерства, искусства, даже обычного вдохновения, от всего непредвиденного и необъяснимого. Вряд ли можно все это формализовать, представить в образе неких формул и рецептов.

Никто не может оспаривать выдающееся место евреев в развитии шахмат начиная, примерно, с середины XIX века до наших дней, имея в виду, прежде всего достижения на высшем уровне шахматного движения в мире. Эта ситуация напоминает положение, которое характеризует место и роль евреев в науке, в первую очередь – на уровне лауреатов Нобелевской премии и других крупных ученых. Известно, что в течение довольно длительного времени пятую часть лауреатов составляют евреи. Сравнение достижений евреев в шахматах – это в значительной мере фрагмент картины о достижениях евреев в науке: примерно, те же общие показатели, те же блестящие имена, те же возгласы удивления и признания. Настоящая книга С. Дудакова «Каисса и Вотан» – новое и вполне ожидаемое доказательство. Автор краткого предисловия к этой книге – шахматный мастер и историк шахмат, И.Л. Коган прав в своей лапидарности: «Взгляд на шахматную историю в ракурсе влияния на нее евреев» – именно это провозгласил Савелий Дудаков выходом в свет своей новой книги.

Без сомнения, массив еврейства на шахматном Олимпе поражает своей многочисленностью, обилием ярких имен, их ролью в истории мировых шахмат. Эта элита шахматного еврейства отличается также разнообразием «профессий». Помимо описания турнирных и матчевых бойцов, а их – большинство, автор уделил немалое внимание шахматным композиторам (*творцам шахматных задач и этюдов*), популяризаторам и историкам шахмат, организаторам шахматной жизни – всем нашлось достойное место в хоре во славу развития шахмат. В целом мировая шахматная элита играла и играет выдающуюся роль в истории и современном состоянии шахмат. Здесь встает несколько необычный вопрос – о еврействе как о «шахматной нации». Является ли интерес и способности евреев к шахматам характерной чертой еврейского народа в целом? Можно ли говорить о еврействе как некой «шахматной нации»? Отличаются ли евреи в этом отношении от других наций? О том, что евреи в массе своей лучше играют в шахматы, нежели, скажем немцы, французы, англичане, русские и др.? Существует ли некая генетическая предрасположенность евреев к шахматам? Можно ли говорить об огромном интересе к шахматам в широких массах населения СССР в 30-40-е годы. Но очевидно здесь ощущается влияние политики, огромный культурный всплеск – это уже несколько иная ситуация. Сомнительны прямые ответы на поставленные выше

вопросы. Может быть, здесь играют роль ситуации хронологические? А может быть, имеет место соображение скорее фантастического характера? Допустим, проявляется своеобразная скрытая дифференциация в среде еврейского народа – выделение значительной элитной части населения, обладающей способностью и интересом к шахматам. Может существовать подобная фактография и чем его можно объяснить? Ведь что-то похожее имеет место на примере необъяснимой ситуации в области фантастического удельного веса числа евреев-лауреатов Нобелевской премии или числа других выдающихся ученых-евреев. Остается предположить, что проведенные выше мысли и факты еще не созрели для оформления той или иной концепции, правила, точного наблюдения. Значит, мы имеем дело с ситуацией, которая еще не устоялась и не готова к научному объяснению.

И все же в заключение этого раздела: Откуда взялись **ВЕЛИКИЕ МУЖИ ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ**? Какой ветер их принес? Они есть плоть от плоти и кровь от крови народа, который их породил. Он – их могучая питательная среда.

В завершение несколько слов о некоторых особенностях книги Дудакова. Итак, история шахмат в значительной мере в еврейском аспекте завершена, поговорим об источниковой базе новой книги, об ее информационном состоянии. В какой мере оно оказалось адекватным задачам, вставшим перед автором? Важность этого вопроса очевидна. Ни одно сколько-нибудь серьезное событие, ни один существенный факт, служащий для раскрытия темы, не прошел мимо пристального внимания автора. Проблема недостатка материала не стояла перед ним, скорее, в некоторых случаях можно говорить об избыточности приведенного материала, хотя это субъективно. Можно сказать: автор провел **ВСЕОБЩУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ** необходимого массива фактов. Эта черта характерна для С. Дудакова, его монографий, это его неотъемлемый стиль. Местами отдельные тексты напоминают некую цепную реакцию фактического материала и выводов из него – это все от информационной жадности.

В разделе «Библиография» собраны 253 записи, кажется, не так уж много. Но это необычный библиографический перечень – он занимает 20 страниц, в сущности, это примечания – часть структуры книги, своеобразный дополнительный текст, как-бы второй, параллельный текст. Из него мы узнаем интереснейшие подробно-

сти, порой неожиданные. Например, кто знал, что крупнейший русский историк А.А. Зимин – автор статьи «У истоков русского шахматного искусства» (1965 г.)? Ряд замечаний представляют собой небольшие, но важные исследования, в которых приведены редкие ссылки на труднодоступные источники. Например, в статье Я. Рохлина освещена глубокая связь шахмат с искусством и т.п. Нередко тексты из раздела «Библиография» читаются словно тексты основного содержания книги. Это тоже стиль С. Дудакова.

Чрезвычайно интересны сведения об А. Эйнштейне в шахматном ракурсе. С. Дудаков перепечатал предисловие Эйнштейна к книге д-ра Ханнака «Эмануил Ласкер». Биография чемпиона мира». Оно было написано в октябре 1952 года; на русском языке опубликовано в 1967 г. в издании «Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах», т. 4. Затем эта работа стала достоянием шахматной общественности страны. Ученый был другом Э. Ласкера, он дал ему высочайшую оценку как шахматисту, как человеку и как ученому. Вместе с тем Эйнштейн и Ласкер, в известном смысле, выступали как антиподы: Ласкер как профессор математики вступил в полемику с Эйнштейном по вопросам теории относительности. Эйнштейн видел в шахматах дух острой борьбы, который Ласкер развивал в своих философских книгах о борьбе. Эйнштейн узрел в Ласкере сквозь ореол шахматного гения и кумира, прежде всего, стремление к науке. В нашей статье «Гений физики приветствует гения шахмат» (*«Еврейский камертон»*, 2008, 10, 07) есть утверждение: «Шахматы помешали великому шахматисту Ласкеру стать великим ученым – может быть и так» Конечно, работа Эйнштейна о Ласкере, по сути дела, по философии шахмат и комментарии к ней, является украшением книги С. Дудакова. К этому примыкают тексты, в которых он более или менее подробно рассматривает достижения евреев – выдающихся шахматистов в области науки о шахматах. Ограничимся беглыми примерами. Стейниц является родоначальником научного изучения шахмат. Он установил непреложные законы, руководящие игрой, «а потому можно создать науку, которая положит предел полусознательной, беспорядочной игре». Чрезвычайно велик вклад в философию и психологию шахмат, который раскрывается в ряде работ Э. Ласкера, в таких, как «Здравый смысл в шахматной игре», «К психологии шахмат» и др. Автор воспекает мощь мысли, целесообразности, глубины понимания и пр. Акиба Ру-

бинштейн прямо подчеркивал: «Отказ от научных методов исследования явится концом шахмат». Под новыми идеями А. Рубинштейн понимал также «принципы, максимы или правила, которые базируются на научной основе». Очень высоко оценивает С. Дудаков вклад А. Нимцовича в теорию шахмат. «После Стейница и Тарраша, подчеркивает автор, Нимцович – единственный шахматный гроссмейстер, который привнес новые идеи в научную трактовку шахматной партии». Современные обобщения по данной проблеме содержатся в монографии Б.С. Вайнштейна «Импровизация в шахматном искусстве. О творчестве гроссмейстера Бронштейна» (М., 1976 г.). Подобный перечень можно с успехом продолжать. И не плохо было бы С. Дудакову создать обобщающую работу о вкладе ученых-евреев в философию и психологию шахматной игры.

Одно из заметных достижений стиля С. Дудакова – присущее ему яркое описание выдающихся деятелей своих героев шахматной игры. Описание эти – разные по размерам и характеру. Некоторые из них – эскизы, другие – распространенные характеристики и оценки, третьи – обширные портреты. Однако во всех случаях автор находит наиболее существенное и интересное в изображении крупнейших шахматистов, сопоставляет их с другими, стремится к живым, красочным образам и т.д. Наибольшее впечатление оставляет портрет Эмануэла Ласкера – по своей полноте (20 стр.), глубине оценок, прекрасной форме изображения, страстности изложения и пр. Великий шахматист и шахматный мыслитель, доктор философии, профессор математики, драматург, чьи пьесы шли на подмостках Германии и, особо, порядочнейший и достойнейший человек – фигура, поистине, уникальная, непревзойденная. Даже в устах прожженного антисемита прозвучала восторженная оценка Э. Ласкера: «Это поэт шахматного поля». «Место, которое занимает Ласкер в шахматной истории, – подводит итог, – С. Дудаков, – уникально. С не меньшим основанием, чем Стейниц, Ласкер мог утверждать, что он сам – «сама шахматная история». Ибо является связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим». И далее: «Ласкер был подлинным шахматным художником со всеми достоинствами, и, быть может, недостатками, присущими настоящему художнику. ПО МОЕМУ МНЕНИЮ, ОН БЫЛ ВЕЛИЧАЙШИМ ШАХМАТИСТОМ ИЗ ВСЕХ, КОГДА-ЛИБО ЖИВУЩИХ НА ЗЕМЛЕ» (выделено С. Дудаковым). На этом мы завершаем портрет Э. Ласкера. Но, кажет-

ся, есть еще одно обстоятельство, мимо которого мы не решились пройти. Это нечто не декларированное, не профилированное, а глубинное, подпочвенное и символическое. Ведь в книге С. Дудакова «Каисса и Вотан», где – явно, где – приглушенно мы ощущаем борьбу между Добром и Злом на поле шахмат. Символами служат Каисса (Добро) и Вотан (Зло).

И еще об одном портрете, быть может, с некоторым субъективизмом. Михаил Моисеевич Ботвинник был шестым чемпионом мира, семикратным чемпионом СССР, победителем многих международных состязаний. Ботвинник был непререкаемым КУМИРОМ с детства и в последующие годы, как и у десятков миллионов любителей шахмат того времени. Единственный шахматист в мире, имевший положительный результат с Ласкером, Алехиным, равный счет с Капабланкой и Эйве. Автор самой «лучшей» партии в истории шахмат, выигранной у Капабланки: «Эстетическое воздействие этой грандиозной победы не устарело до сих пор» (С. Дудаков). По оценке некоторых исследователей успехи Ботвинника были выше всех чемпионов мира прошлого до него и выше его младших современников В. Смыслова, М. Таля, Б. Спасского. Доктор технических наук, профессор М. Ботвинник отличался выдающимися научными способностями. В 1952 году его вывели из состава сборной команды СССР, участвовавшей в Олимпиаде в Хельсинки из-за государственного антисемитизма. М. Ботвинник обладал гражданским мужеством, не подписав письма по «делу врачей». В 1964 году посетил Израиль в составе советской команды. «Я еврей по крови, – заявил Ботвинник, – русский по культуре, советский по воспитанию». Он восхищался Израилем, кибуцами и мошавами, высокой производительностью труда, высоко отзывался о П. Рутенберге, талантливом инженерере. «Безусловно, – пишет С. Дудаков, – он самая значительная фигура в истории шахмат конца 30-х – начала 60-х годов XX века».

В завершение несколько слов в развитие темы: шахматы и евреи. Вопрос, конечно, непростой. В свое время А. Алехин утверждал: «Эм. Ласкер – последний еврейский чемпион мира по шахматам». Антисемитская подоплека Алехина ясна – жизнь опрокинула его позицию. Автор новейшей статьи И. Каган «Еврейский акцент мудрой игры» (*«Вести» – «Окна», 20008, 26.06*) задает вопрос: «Неужели из шахмат постепенно исчезнет еврейский колорит?» и отвечает на него отрицательно. Неясно, что имеется в виду под «еврейским

колоритом»? Думаю, что в подобных выступлениях следует избегать решительных утверждений. Видимо, в настоящее время мы в данном вопросе вступаем в область относительного знания, где возникают сложные перспективы. **Возможно, что «золотой век» еврейства в шахматах проходит. Но ведь может последовать и «серебряный век» и, вообще, какой-либо новый всплеск еврейского авангардизма, которым так богат век XX. Кто знает? Новые времена – новые песни, а может лишь их новая интерпретация. Но ясно одно: еврейский задел в шахматах никогда не исчезнет. На этом можно поставить точку с запятой...**

Арон Черняк,

кандидат исторических наук.

*Доктор филологических наук, профессор, действительный член
Международной Академии информатизации.*

28 июля 2008 года.

Библиография Савелия Дудакова

1. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989, 117 с.
Серия «Евреи в мировой культуре».
2. История одного мифа.
Очерки русской литературы XIX-XX вв. – М., Наука, 1993, 282 с.
3. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2000, 640 с.
4. Этюды любви и ненависти.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2003, 542 с.
5. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2007, 164 с.
6. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2008, 164 с. 2-е изд.
7. Каисса и Вотан. Иерусалим-Москва, 2009, 420 с.

В 2004 году был выпущен Festschrift Dr. Saveliy Dudakov
The Hebrew University of Jerusalem
Center for Slavic languages and Literatures
Edited by W. Moskovich and S. Schwazband
посвященный 65-летию автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Каисса и Вотан.....	7
Чемпионы мира – евреи.....	114
Шахматисты-евреи.....	115
Шахматисты, погибшие в годы войны.....	190
Всесоюзный чемпионат 1925 года.....	199
Супергроссмейстеры.....	200
Мастера шахматной композиции.....	218
Гениальные шахматные композиторы XX века.....	233
Популяризаторы и историки шахмат.....	235
Организаторы шахматной жизни.....	244
Немного о Стейнице и Капабланке.....	257
Подробнее об Эмануиле Ласкере.....	260
Немного о личности М. М Ботвинника.....	286
Михаил Таль.....	291
Писатель М.Ю. Левидов.....	292
Шашечница и пирамида.....	298
Шахматы, как высшее выражение интеллекта.....	302
Библиография.....	308

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Открытое письмо Алехину.....	337
2. Реакция на открытое письмо.....	339
3. Якоб Мизес «Шахматы».....	345
4. Статья А. Рубинштейна.....	355
5. Пролог и эпилог к Нью-Йоркскому турниру.....	359
6. Статья С.Г. Тартаковера.....	379
7. Тайна Ласкера.....	388
8. Некролог на смерть А.Д. Флямберга.....	395
9. Воспоминания Богатырчука.....	397
10. Загадочная история маэстро Эвенсона.....	399
11. Журнал «Будильник».....	401
12. Фельетон под псевдонимом.....	404
Послесловие.....	407
Библиография С. Дудакова.....	416

Савелий Дудаков

Каисса и Вотан

ISBN 978-5-98575-356-1

Во время работы над книгой «Каисса и Вотан» были использованы документы и фотоматериалы из архивов Баруха Шимоновича Купермана, д-ра Льва Осиповича Могилевера, Национальной библиотеки Израиля, Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и личного архива автора.

Автор признателен Анатолию Исааковичу Рубашеву за неизменную поддержку и помощь в создании этой книги и переводчику Дворе Цайхнер за оказанную помощь.

Компьютерная верстка Евгений Минин

Evgarin

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 70х100/32.

12 усл. печ. л.

Подписано в печать 20.03.2009

Издатель Богатых А. Д.

Свидетельство о государственной регистрации

№ 304770000035725 от 13. 02. 2004,

г. Москва, ул. Бахрушина 28.

В ряде случаев сохранена авторская редакция

Отпечатано в типографии «Теза», г. Шуя ул. Касаткиной д.3

Заказ № 383.

Тираж 500 экз.